

ИНСТИТУТ
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

The Journal is published
by Institute for Slavic Studies
of the Russian Academy of Sciences

Журнал издается
Институтом славяноведения
Российской академии наук

Slověne = Словѣне

International Journal
of Slavic Studies

Международный
славистический журнал

Editor-in-Chief
F. B. Uspenskij

Главный редактор
Ф. Б. Успенский

The Editorial Board

I. Hristova-Shomova, A. Nikolov
(*Bulgaria*); M. Mihaljević, M. Kapović
(*Croatia*); V. Čermák (*Czech Republic*); R. Marti, B. Wiemer
(*Germany*); A. Zoltán (*Hungary*);
M. Garzani (Italy); J. Schaeken
(*Netherlands*); E. I. Kislova,
R. N. Krivko, S. L. Nikolaev,
M. M. Makartsev, P. R. Minlos,
A. M. Moldovan, D. G. Polonski,
T. V. Rozhdestvenskaia,
A. D. Shmelev, A. A. Turilov,
B. A. Uspenskij, Rev. Michael
Zheltov (*Russia*); J. Grković-Major,
T. Subotin-Golubović (*Serbia*);
R. Romanchuk, A. Timberlake,
W. Veder, A. Zholkovsky (*USA*)

Редакционная коллегия

А. Николов, И. Христова-Шомова
(Болгария); А. Золтан (Венгрия);
Б. Вимер, Р. Марти (Германия);
М. Гардзанити (Италия); Й. Сахакен
(Нидерланды); свящ. Михаил
Желтов, Е. И. Кислова,
Р. Н. Кривко, М. М. Макарцев,
Ф. Р. Минлос, А. М. Молдован,
С. Л. Николаев, Д. Г. Полонский,
Т. Вс. Рождественская, А. А. Турилов,
Б. А. Успенский, А. Д. Шмелев
(Россия); Я. Грекович-Мейджор,
Т. Суботин-Голубович (Сербия);
А. Жолковский, Р. Романчук,
А. Тимберлейк, У. Федер (США);
М. Михалевич, М. Капович
(Хорватия); В. Чермак (Чехия)

Institute for Slavic Studies
of the Russian Academy
of Sciences

Институт славяноведения
Российской академии
наук

Slověne

International Journal
of Slavic Studies

Международный
славистический журнал

Vol. 7

Nº 2

Moscow

2018

Москва

Сайт / Website: <http://slovene.ru/>
E-mail: editorial@slovene.ru

Журнал включен в перечень
рецензируемых научных изданий ВАК
Минобрнауки РФ

Included in / Журнал включен в:

Scopus
Web of Science. Emerging Sources Citation Index
Российский индекс научного цитирования
Russian Science Citation Index

<https://www.scopus.com/>
<http://wokinfo.com/>
<http://elibrary.ru>

Academic Editors

F. B. Uspenskij (Editor-in-Chief),
Institute for Slavic Studies, Moscow
E. I. Kislova, Lomonosov Moscow State University

Научная редакция

Ф. Б. Успенский (главный редактор),
Институт славяноведения РАН, Москва
Е. И. Кислова, Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова
Р. Н. Кривко, Венский университет
Р. Марти, Университет земли Саар, Саарбрюкен
Д. Г. Полонский, Институт славяноведения РАН,
Москва

R. N. Krivko, University of Vienna
R. Marti, Saarland University, Saarbrücken
D. G. Polonski, Institute for Slavic Studies, Moscow

Managing Editors

A. O. Burtseva, E. I. Kislova, M. M. Makartsev,
R. Marti, A. K. Polivanova, D. G. Polonski, M. N.
Saenko, A. E. Soboleva

Редакторы выпуска

А. О. Бурцева, Е. И. Кислова, М. М. Макарцев,
Р. Марти, А. К. Поливанова, Д. Г. Полонский,
М. Н. Саенко, А. Е. Соболева

Technical Copy Editors

A. O. Burtseva, E. A. Pasternak,
A. A. Preobrazhenskaya, K. V. Sarycheva,
M. S. Yakovleva

Технические редакторы

А. О. Бурцева, Е. А. Пастернак,
А. А. Преображенская, К. В. Сарычева,
М. С. Яковлева

Russian Language Copy Editors, Proofreaders

A. O. Burtseva, E. I. Kislova, K. V. Sarycheva,
M. S. Yakovleva

Литературные редакторы, корректоры
(русский язык) А. О. Бурцева, Е. И. Кислова,
К. В. Сарычева, М. С. Яковлева

English Language Copy Editors, Proofreaders

M. A. Borun, K. Sykes

Литературные редакторы, корректоры
(английский язык) М. А. Борун, К. Сайкс

Layout Editor

M. N. Tolstaya

Верстка М. Н. Толстая

Design (2012)

I. N. Ermolaev

Дизайн (2012)

И. Н. Ермолов

Slověne = Словъне. International Journal of Slavic Studies. Vol. 7. № 2. — Москва: Институт
славяноведения Российской академии наук, 2018. — 538 с.

Номер издан при поддержке Фонда инновационных научно-образовательных программ
“Современное Естествознание”.

Все материалы журнала доступны по лицензии
Creative Commons “Attribution-NoDerivatives”
4.0 Всемирная / Journal content is licensed under a
Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International License
<http://creativecommons.org/licenses/by-nd/4.0/>

© Institute for Slavic Studies of the Russian
Academy of Sciences, 2018

© Authors, 2018

© Igor' N. Ermolaev (design), 2012

Contents / Содержание

Articles / Статьи

- 8 Д. Г. Полонский (Москва). Феодосий «Грек», Климент Смолятич и безымянный патриарх
D. G. Polonski (Moscow). *Theodosius "the Greek", Kliment Smoliatich, and the Unnamed Patriarch*
- 47 А. К. Поливанова (Москва). Акцентуация i-глаголов в хронографе XVI в. из собрания Е. В. Барсова
A. K. Polivanova (Moscow). *Accentuation of i-verbs in the Sixteenth-century Chronograph from the E. V. Barsov Collection*
- 62 Е. Остапчук (Варшава). Текстология кириллических старопечатных богослужебных Четвероевангелий среднеболгарского и сербского изводов и их отношение к рукописной традиции (*Евангелие от Марка*, зачала 1–9)
J. Ostapczuk (Warsaw). *Textology of Early Printed Cyrillic Tetraevangelions in Middle Bulgarian and Serbian Recensions and their Relation to the Manuscript Tradition (Gospel of Mark, Pericopes 1–9)*
- 74 О. Янссон (Уппсала). Польская пародия на «Отче наш» середины XVII века и ее русский перевод: в поисках неизвестного польского источника
O. Jansson (Uppsala). *A Polish Parody of "Our Father" from the Middle of the 17th Century and its Russian Translation: in Search of an Unknown Polish Source*
- 105 Н. В. Николенкова (Москва). «Диатриба о языках европейцев» Иосифа Юста Скалигера в церковнославянском переводе XVII века
N. V. Nikolenkova (Moscow). *"Diatriba de Europaeorum linguis" by Joseph Justus Scaliger and the Church Slavonic Translation of the 17th century*
- 134 Д. Н. Рамазанова (Москва). Греческий историко-догматический трактат Илии Миниатиса и его сербские переводчики XVIII века
D. N. Ramazanova (Moscow). *Historicodogmatic Treatise by Elias Meniates and its 18th-century Serbian Translators from Greek*
- 179 Й. Бартонь (Прага). Церковнославянское языковое наследие как источник чешского библейского стиля в эпоху национального возрождения (Уникальный опыт Франтишека Новотного из Лужи)
Josef Bartoň (Praha). *Church Slavonic Elements as a Source of the Czech Biblical Style in the Period of the Czech National Revival (Unique Attempt of František Novotný from Luže)*
- 199 P. Kuligowski (Poznań). *The Utopian Impulse and Prospecting for the Kingdom of God: Ludwik Królikowski's (1799–1879) Romantic Utopianism in a Transnational Perspective*
П. Кулиговский (Познань). Утопический импульс и поиски Царства Божьего: романтический утопизм Людвика Круликовского (1799–1879) в транснациональной перспективе
- 227 Б. А. Успенский (Москва). К поэтике позднего Мандельштама («Мастерица виноватых взоров...»: анализ текста)
B. A. Uspenskij (Moscow). *Towards the Poetics of the Late Mandel'shtam ("Masteritsa vinovatykh vzorov...": an Analysis)*

- 258 М. С. Морозова, А. Ю. Русаков (С.-Петербург). Черногорско-албанское языковое пограничье: в поисках «сбалансированного языкового контакта»
M. S. Morozova, A. Yu. Rusakov (St. Petersburg). Montenegrin-Albanian Linguistic Border: In Search of "Balanced Language Contact"
- 303 А. И. Рыко (С.-Петербург). Между русским и белорусским: говоры Невельского района Псковской области
A. I. Ryko (St. Petersburg). Between Russian and Belarusian: Dialects of Nevel District, Pskov Oblast
- 321 Д. Ю. Ващенко (Москва). Словацкие субстантивы со значением кратковременности в составе генитивной конструкции: к специфике сочетаемости
D. Yu. Vashchenko (Moscow). Slovak Nouns with the Meaning of Short Duration in Genitive Constructions: on the Specifics of their Compatibility

Памяти Арсения Николаевича Насонова (1898–1965)

- 342 В. А. Кучкин (Москва). Вспоминая Арсения Николаевича Насонова
V. A. Kuchkin (Moscow). Remembering Arseny Nikolaevich Nasonov
- 356 П. С. Стефанович (Москва). К вопросу о понятии русь в древнейшем летописании
P. S. Stefanovich (Moscow). On the Problem of the Name rus' in the Earliest Rus'ian Chronicles
- 383 П. В. Лукин (Москва). «Великий Новгород»
P. V. Lukin (Moscow). "Novgorod the Great"
- 414 С. В. Городилин (Москва). Между «немецкою землею» и Ростовом: исторические реалии в Житии Исидора Твердислова
S. V. Gorodilin (Moscow). Between "German land" and Rostov: Historical Realia in the Life of Isidore of Rostov
- 451 С. В. Полехов (Москва). Загадка грамоты Витовта (*Vitoldiana*, № 11): XIV или XIX век?
S. V. Polekhov (Moscow). The Puzzle of Vytautas' Charter (*Vitoldiana*, No. 11): the 14th or the 19th century?

Notes / Заметки

- 477 Я. А. Пенькова (Москва). "Незаконный" Ъ после шипящего в суффиксе глаголов в старорусских памятниках
Ya. A. Pen'kova (Moscow). Irregular -ě- after Hushing Sibilants in Verbal Suffixes in Middle Russian Writing
- 487 Б. Н. Флоря (Москва). Княгиня Ольга и византийский император (эволюция сюжета в русской исторической традиции XVI века)
B. N. Florya (Moscow). Princess Olga and the Byzantine Emperor: Evolution of the Storyline in Russian Historical Tradition of the Sixteenth Century

Overviews / Обзоры

- 494** А. В. Уржа (Москва). *Первый план и фон нарратива: направления зарубежных исследований в сфере лингвистики и переводоведения*

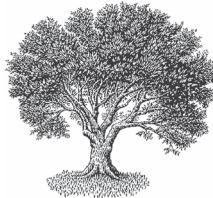
A. V. Urzha (Moscow). *Foreground and Background in a Narrative: Trends in Foreign Linguistic and Translation Studies*

Reviews / Рецензии

- 527** И. Ю. Ващева, Д. А. Коряков (Нижний Новгород). *Средневековая Болгария в контексте политической имагологии*

[Рец.: Ангелов Петър, *Средновековна България и нейните съседи (Дипломация и взаимни представи)*, София, 2017, 488 с.]

I. Yu. Vashcheva, D. A. Koryakov (Nizhni Novgorod). *Medieval Bulgaria in the Context of Political Imagology*
[Rev. of: Angelov Petar, *Medieval Bulgaria and its Neighbours*, Sofia, 2017, 488 pp.]

Феодосий «Грек», Климент Смолятич и безымянный патриарх*

**Дмитрий Георгиевич
Полонский**

Институт славяноведения РАН
Москва, Россия

Theodosius “the Greek”, Kliment Smoliatich, and the Unnamed Patriarch

Dmitri G. Polonski

Institute for Slavic Studies of the Russian
Academy of Sciences
Moscow, Russia

Резюме

В статье рассматривается проблема датировки выполненного в Киевской Руси XII в. монахом Феодосием перевода с греческого на славянский язык важнейшего документа христианского догматического богословия — утвержденного в этом качестве IV Вселенским собором (451) Томоса римского папы Льва Великого (449). Славянский перевод Томоса до сих пор не имел обоснованной датировки в пределах XII столетия. Гипотеза об образовании, полученном Феодосием в Византии в сиротской школе св. Павла, позволяет объяснить темное место в его предисловии к славянскому переводу Томоса, где упомянут некий безымянный патриарх. Дополняющая эту гипотезу версия о Феодосии как о клирике, состоявшем при киевском митрополите, принадлежащая Е. Е. Голубинскому, дает возможность связать деятельность

* Выражаю сердечную признательность Р. Н. Кривко и Ф. Б. Успенскому,
прочитавшим эту статью в рукописи и высказавшим ряд ценных замечаний.

Цитирование: Полонский Д. Г. Феодосий «Грек», Климент Смолятич и безымянный патриарх // *Slověne*. 2018. Vol. 7, № 2. С. 8–46.

Citation: Polonski D. G. (2018) Theodosius “the Greek”, Kliment Smoliatich, and the Unnamed Patriarch. *Slověne*, Vol. 7, № 2, p. 8–46.

DOI: 10.31168/2305-6754.2018.7.2.1

переводчика с периодом, когда митрополио номинально возглавлял Климент Смолятич, и датировать создание славянского перевода Томоса временем между сентябрем 1149 и апрелем 1151 г. Однако более обоснованной в источниковедческом отношении оказывается иная интерпретация слов Феодосия о патриархе, опирающаяся на славянский текст посвященной папе Льву службы, исполнявшейся при монастырском богослужении. Эта интерпретация приводит к другой, точной датировке начала работы книжника над переводом Томоса — 18 февраля 1151 г.

Ключевые слова

славянские письменные источники, переводы с греческого на славянский, папа римский Лев I Великий, Феодосий «Грек», Никола Святоша, митрополит Климент Смолятич, византийское образование, сиротская школа св. Павла, славянская гимнография, служебная Минея на февраль

Abstract

The article addresses the issue of dating a Church Slavonic translation from Greek of Pope Leo the Great's Tome to Archbishop Flavian of Constantinople (449), confirmed by the Fourth Ecumenical Council as an essential document of dogma (451). So far the translation has been dated as widely as the 12th century. The existing interpretations were mainly concerned with the biography of the translator, a monk Theodosius, who lived in the Kievan Rus' in the 12th century and is thought to have been an abbot of the Kievan Caves monastery (A. Shakhmatov's version) or a cleric under the metropolitan (E. Golubinski's version). Dwelling on the second of these suggestions, and adding his own hypothesis that Theodosius was educated in Byzantium, at the Orphanotropheion of St. Paul, the author of the article goes on to elucidate an obscure passage in Theodosius's introduction to the Slavic translation of the Tome with a mention of an unnamed patriarch and to further hypothesize about the date of the translation: supposedly the translation activities took place at the time when Kliment Smoliatich was the nominal head of the Kievan metropoly and thus can be dated between September 1149 and April 1151. The final part of the article addresses the issue from a different perspective, discussing Theodosius's introduction in the context of Old Slavonic hymnography. It interprets the phrase about the unnamed 'Patriarch' in the view of the Slavonic text of a church service devoted to Pope Leo and held in monasteries, thus producing a more exact date for the translation, February 18, 1151.

Keywords

Church Slavonic written sources, translation from Greek into Church Slavonic, Pope Leo the Great, Theodosius "the Greek", Nikola Sviatosha, Metropolitan Kliment Smoliatich, Byzantine education, the Orphanotropheion of St. Paul, Slavonic hymnography, office Menaion for Februar

1. Феодосий «Грек» vs игумен Феодосий II

Монах, живший в XII в. в Киевской Руси и получивший в историографии именование Феодосия Грека, вследствие скудости и неясности сведений о его жизни и трудах может быть отнесен к числу наиболее загадочных древнерусских духовных писателей [Подскальски 1996: 294–300; Thomson 1999: III 80, V 304, VII 338¹; Буланина 1987; Буланин 2014]. Единственное с определенностью атрибутируемое иноку Феодосию произведение – комментированный перевод с греческого языка на славянский главного богословского сочинения римского папы Льва Великого († 461 г.), догматического послания (Томоса) к константинопольскому архиепископу Флавиану. Томос, в котором понтифик обосновал учение о двух природах Иисуса Христа и их соединении в одном Лице, был принят в 451 г. в качестве важнейшего вероучительного документа на IV Вселенском соборе в Халкидоне, участники которого заявили, что через папу Льва эту христологическую доктрину провозгласил апостол Петр [Sellers 1961: 110–123]. Славянский памятник впервые был открыт в 1843 г. О. М. Бодянским и спустя пять лет им опубликован [Бодянский 1848: 4–20] по одному списку первой четверти XV в. (современный шифр – [Увар509: л. 299 об.–301]). К настоящему времени известно 45 кодексов XV–XVII вв., полностью (41 список) либо частично (4 списка) сохранивших выполненный монахом Феодосием перевод и его комментарии, состоящие из предисловия и послесловия к переводу (подробнее об этом: [Полонский 2014; Idem 2016])². Как установил первый исследователь труда Феодосия [Бодянский 1848: XV–XX], переложение Томоса Льва Великого с греческого на славянский язык (или «Епистолии», как его называл Феодосий) было поручено переводчику знаменитым постриженником Киевского Печерского монастыря, в миру князем Святошей Давыдовичем (ок. 1080 – после 1142/1143 г.), известным по сказанию Киево-Печерского патерика под именем Николы Святоши [Пат.Печ.: 185], ср. [Карпов 2017: 329–332].

После открытия О. М. Бодянского в историографии утвердились две основные версии о происхождении и статусе Феодосия, важные не только для трактовки биографии книжника, но и для объяснения

¹ Здесь и далее при ссылках на книгу [Thomson 1999], представляющую собой переиздание сборника статей Ф. Томсона с разной пагинацией, римская цифра означает номер статьи, арабская – страницу. Такой способ ссылок использован и в указателе в самом издании.

² Упоминаю о широкой рукописной традиции распространения памятника, поскольку неверные сведения об уникальности списка, сохранившего перевод Феодосия, не раз отмечены в справочной литературе: [Буланина 1987: 460; Карпов 2017: 429]. Содержащиеся в списках разнотечения не релевантны задачам настоящей статьи, поэтому текст далее цитируется по указанному изданию О. М. Бодянского.

обстоятельств создания других древнерусских догматических сочинений, а также для истолкования отношений между светской и церковной властью в Киевской Руси середины XII в. В настоящей статье предпринимается опыт пересмотра обеих этих версий, поэтому для дальнейшего изложения необходим краткий историографический экскурс.

Если О. М. Бодянский считал, что создатель славянского перевода Томоса происходил из Киевской Руси и был «одним из орудий книголюбивого князя, может быть, даже из среды прежних его дружиинников» [1848: XIX], то уже вскоре после выхода его публикации в историографии распространилась версия о византийском происхождении Феодосия. Об этом писали, например, П. Г. Бутков [1852: 89] и архиеп. Филарет (Гумилевский) [1859: 46]; впоследствии того же мнения придерживался Е. Е. Голубинский [1901: 859–860], а также А. А. Шахматов [1897: 828–833], с работы которого фактически началось закрепившееся в историографии именование переводчика «Феодосием Греком»³. Утверждавшееся в историографии мнение о греческом происхождении инока Феодосия было основано главным образом на двух фактах: во-первых, на упоминании Гомера и греческих риторов в самоуничтожительной фразе переводчика в предисловии к «Епистолии» о том, что перевод такого важного богословского произведения, как Томос папы Льва, было бы правильнее выполнить не ему самому, а другим книжникам, «оучившимся ѿ младъ ноготъ ѿмирскими и риторскими книгами»; и, во-вторых, на упоминании Феодосием некоего патриарха в обращении к Николе Святоше: «призываю же рабъ твои инооки фεωσον. моего патриарχа мλтвы» [Бодянский 1848: 4–5]. Заключение исследователей, сделанное на основании этих фраз Феодосия, состояло в том, что упоминания Гомера и риторов не типичны для книжников Киевской Руси, а молитвенный призыв к помощи византийского патриарха не характерен для древнерусского монаха и должен, казалось бы, исходить только от того, кто воспринимает патриарха как знакомого и потому естественного для адресации духовного авторитета⁴. Именно поэтому Томос («Епистолия»), переведенный и прокомментированный Феодосием, в историографии был признан единственным достоверно авторизованным произведением, созданным в Киевской Руси выходцем из Византии [Thomson 1999: V 304]. Вероятно, в рамках такого толкования слов Феодосия можно также считать, что переводчик апеллировал не к реальному лицу,

³ В дальнейшем изложении я буду использовать именование Феодосия «Греком», подразумевая стоящую за этим историографическую традицию, а не византийское происхождение переводчика Томоса Льва Великого.

⁴ М. Д. Присёлков полагал даже, что Феодосий «не входил в состав иерархии русской церкви, сохраняя непосредственную подчиненность патриарху» [Присёлков 2003: 198].

занимавшему в его время Константинопольскую кафедру (которую, впрочем, Феодосий вовсе не упоминал, как и имени предстоятеля), а к фигуре патриарха как главы Церкви, у которого книжник просил духовной поддержки в работе над переложением Томоса.

Вторая версия, касающаяся статуса Феодосия «Грека» в церковно-административной иерархии Киевской Руси, принадлежала А. А. Шахматову и непосредственно связывала происхождение инока с атрибуцией его авторству других, помимо «Епистолии», памятников славянской письменности, — полемического антилатинского сочинения «Слово о вере христианской и о латинской», а также «Послания о неделе»⁵. По мнению А. А. Шахматова, «Слово о вере...» было написано не прп. Феодосием Печерским († 1074), а Феодосием II, печерским игуменом середины XII в. Последнего историк отождествлял с Феодосием «Греком» [Шахматов 1897: 827–833]. Версия А. А. Шахматова вскоре была поддержанна [Лященко 1900: 5] и даже легла в основу изложения вех писательской биографии «игумена» Феодосия «Грека» в популярной энциклопедии [Яцимицкий 1904], а также радикальной, но малоубедительной гипотезы о поре «греческого управления» в Киево-Печерском монастыре в середине — второй половине XII в., охарактеризованной последователем Шахматова как «самый тягостный случай греческого засилья» [Присёлков 2003: 198]. После работы А. А. Шахматова вопрос о подлинном авторстве «Слова о вере...» вызвал растянувшуюся на десятилетия научную полемику, важным этапом которой стала работа К. К. Висковатого [1939], вслед за Шахматовым отвергавшего атрибуцию сочинения прп. Феодосию Печерскому. Однако анализ этой полемики не входит в задачи настоящей статьи (подробнее об истории дискуссии и аргументах сторон: [Костромин 2011; Добровольский 2018: 88–90]). Следует заметить, что одна из основных причин, по которой переатрибуция «Слова о вере...» Феодосию «Греку» вместо прп. Феодосия Печерского представлялась малоубедительной сторонникам противоположной версии [Буланина 1987: 460; Понырко 1992: 10–12; Буланин 2014: 560–562], по-видимому, состояла в том, что труднообъяснимыми оказывались прступающие в свете гипотезы А. А. Шахматова черты исторического портрета соединенных в одном лице духовного писателя и монастырского администратора⁶. Тем не менее на основе гипотезы А. А. Шахматова

⁵ Оба памятника неоднократно публиковались, см. об этом: [Понырко 1992: 12–13]; публикация, комментарии и русский перевод: [Ibid.: 14–122]. Последнее известное мне научное издание «Слова о вере...» по двум редакциям: [Бармин 2006: 507–517], ср. источниковедческие замечания: [Добровольский 2018: 88–89].

⁶ В обращении к князю в «Слове о вере...» необычен, как справедливо заметил Г. Подсальски, «неофициальный, доверительный тон», схожий с манерой предисловия Феодосия «Грека» к «Епистолии» [Подсальски 1996: 300].

оказывается возможным непротиворечиво объяснить и резкий обличительный пафос игумена, и характер сложных отношений Феодосия с князем Изяславом Мстиславичем и с новгородским архепископом Нифонтом, а также заключить, что «Слово о вере...», вероятно, было написано после августа 1149 г., но до июня 1151 г., тогда как создание переводной «Епистолии» папы Льва предшествовало сочинению этого обличения (подробнее об этом см. [Полонский 2018], ср. также аргументы о другой, но близкой датировке «Слова о вере...» на основе гипотезы Шахматова: [Добровольский 2018: 90–91]).

Стоит отметить, что в лексике «Слова о вере...» не удается усмотреть явных признаков греческого происхождения автора славянского памятника, и опровержение авторства Феодосия Печерского в основном строится на исторических аргументах [Висковатый 1939: 545–549, 556–562], тогда как в «Епистолии» грецизмы сводятся к калькам, что также не позволяет уверенно судить об этнической принадлежности их создателя (или создателей), ср.: [Лященко 1900: 5; Успенский 2017: 188 (прим. 29)]. Еще более существенно, что расширение круга письменных памятников, которые историки пытались и пытаются связать с именем Феодосия «Грека», происходило без внимания к лингвистическим особенностям славянского перевода Томоса папы Льва I. Филологи, впрочем, тоже не посвятили «Епистолии» специального исследования, ограничившись отдельными, но важными для нашей темы замечаниями. Так, еще А. И. Соболевский, обративший внимание на то, что словарь Феодосия «свободен от ярких русизмов», допускал, что книжник прибыл на Русь со знанием славянского языка [Соболевский 1910: 162]. В современной работе А. А. Пичхадзе также отмечено, что «перевод Феодосия практически не содержит русизмов», зато в его предисловии употребляются «бесспорные южнославянизмы», а сам перевод выполнен в «буквалистической манере», отличающей «Епистолию» от других переводов того времени, поскольку в них встречаются многочисленные ошибки в понимании греческих текстов [Пичхадзе 2011: 353]⁷. Эти наблюдения, на мой взгляд, заставляют вернуться к давней и не получившей признания в историографии гипотезе М. П. Погодина [1871: 625] о том, что трудившийся на Руси Феодосий был выходцем из болгарских земель. В согласии с ней А. А. Пичхадзе также полагает, что, «вероятно,

Однако прочие стилистические особенности в комментариях Феодосия «Грека» к переведенному им Томосу папы Льва по сравнению со «Словом о вере...» отличаются настолько разительно, что порождают сомнения в том, что они могли быть написаны одним лицом. Ср.: [Бармин 2006: 235; Idem 2010: 126].

⁷ Ср. замечания о еще одной черте переводной «Епистолии», вероятно, указывающей на южнославянское происхождение Феодосия, — смешение им родительного и дательного падежей [Пичхадзе 2016: 88–89].

родным для переводчика был южнославянский язык» [Пичхадзе 2016: 89]. Однако удовлетворительно ответить на вопрос о справедливости этой гипотезы на данном этапе исследования без детального лингвотекстологического анализа «Епистолии» и сопроводительных текстов к ней невозможно. Пока такое исследование отсутствует, допустимо полагать, что либо Феодосий был, действительно, болгарином, хорошо выучившим греческий язык, либо греком, до появления в Киеве длительное время жившим в южнославянских землях⁸. Как указывает А. А. Турилов, «в принципе нельзя исключить и возможности приезда на Русь на протяжении XI–XII вв. болгарских книжников (и в том числе из Охрида) в свите греческих иерархов Киевской митрополии», при том, что такие «славянские спутники греческих иерархов» осуществляли культурные контакты с собратьями на Руси преимущественно «на неофициальном уровне» [Турилов 2012: 140]. Под эту характеристику отношений вполне подходит факт осуществления Феодосием перевода Томоса папы Льва по инициативе Николы Святоши.

Вместе с тем, отклоняя вслед за А. А. Шахматовым, А. И. Лященко и К. К. Висковатым малоубедительную атрибуцию «Слова о вере...» прп. Феодосию Печерскому, следует допускать и возможность того, что Феодосий «Грек» и игумен Феодосий II могли быть двумя разными знавшими греческий язык людьми, из которых первый перевел Томос папы Льва и прокомментировал «Епистолию», а второй написал «Слово о вере...». При этом, несмотря на знание обоими греческого языка (в отношении Феодосия «Грека» – несомненное; в отношении Феодосия II – гипотетическое), происхождение каждого из них остается не вполне ясным. Такую возможность, фактически означающую отказ от гипотезы А. А. Шахматова об отождествлении двух Феодосиев, также следует подвергнуть анализу. Ключевыми в таком случае оказываются вопросы об образовании, полученном Феодосием «Греком» и позволившем ему перевести Томос, месте его иноческого служения в Киевской Руси и вероятных взаимоотношениях с современниками.

2. Образование и статус Феодосия «Грека». Феодосий и Клим Смолятич

Мнение историков о греческом происхождении переводчика Томоса папы Льва имело некоторое основание, поскольку слова Феодосия «Грека» («*оучившимся ја је младъ ноготъ ѿмиръскимъ и риторъскимъ*

⁸ Допускал болгарское происхождение Феодосия «Грека» и Ф. Томсон [Thomson 1999: VII 338], а также С. Франклин, допускавший, впрочем, что Феодосий мог происходить из Киева, выучить книжный язык в южнославянских землях, а затем вернуться на Русь [Franklin 1992: 72]. Вероятно, благодаря наблюдениям А. А. Пичхадзе во втором из этих предположений нет необходимости.

книгамъ, таково есть дѣло [Бодянский 1848: 4]) показывают его явно уважительное отношение к тем современникам, кому с малых лет довелось постичь классическую византийскую образованность, составной частью которой было изучение поэм Гомера и риторических произведений⁹. Сочинения Гомера, главным образом «Илиада» (правда, преимущественно в извлечениях), изучались в Византии поколениями несовершеннолетних школьников, причем известны относящиеся к XI в. свидетельства о том, что даже от рядовых учеников требовалось ежедневно заучивать на слух по 30 строк поэмы, так что 10–12-летние дети могли читать наизусть обширные фрагменты античной классики [Browning 1975: 16], ср.: [Valiavitcharska 2013: 91].

Хотя Феодосий «Грек» не называл имен риторов, упоминание их книг в одном ряду с сочинениями Гомера позволяет полагать, что переводчик сожалел о своей неискушенности в освоении наследия эллинской риторической традиции, а не христианской гомилетики. Ясно, что способность к такой оценке культурной дистанции между собой и более эрудированными книжниками требовала представления об иерархии уровней византийской гуманитарной культуры и о том, что составляло ее базис, — то есть знания, которое тожедается определенным образованием¹⁰. Примечательно также, что Феодосий, чьих познаний в греческом языке оказалось достаточно для перевода Томоса папы Льва, в своем самоуничижительном признании вовсе не находил оснований жаловаться на отсутствие знакомства с грамматикой, составлявшей первый этап в изучении дисциплин гуманитарного цикла¹¹. Таким образом, фраза об «омирьских и риторьских книгах» не оставляет сомнений, что Феодосий преодолел некоторую (возможно, только начальную) ступень обучения в какой-то из систем принятого в Византии образования¹².

⁹ Следует заметить, что А. И. Лященко и вслед за ним Г. Подскальски неверно истолковывали слова Феодосия, поняв их как признание в постижении творений Гомера и риторов [Лященко 1900: 4; Подскальски 1996: 297]; ср. уточняющее примечание А. В. Назаренко [Подскальски 1996: 518 (прим. 51)]. Не вполне удается согласиться с исследователями, полагающими, что слова Феодосия следует трактовать как заурядный топос, восходящий к византийской литературе [Буланина 1987: 459] и рассматривать эти слова как «традиционную декларацию авторского самоуничижения» [Успенский 2017: 191 (прим. 35)]. Подробнее об этом ниже.

¹⁰ О системе византийского образования того времени, например: [Browning 1962: 167–178]; там же перечень известных преподавателей и их трудов [Ibid.: 178–202]; [Idem 1963] (продолжение предыдущей статьи). См. также: [Kazhdan & Epstein 1985: 121–126; Wilson 1996: 148–150].

¹¹ Кратко об изучении грамматики и риторики в Византии [Valiavitcharska 2013: 90–101]. В целом об истории риторики, ее теории и применении в Византии: [Hunger 1978: 65–196].

¹² Повторюсь: при этом слова Феодосия не позволяют преувеличивать высоту этой ступени и считать, что в лице переводчика Томоса папы Льва, как

Однако этот вывод еще не дает оснований утверждать, что он был по происхождению греком.

В апелляции создателя славянской «Епистолии» к авторитету современников, освоивших сочинения Гомера и античные трактаты по риторике, можно видеть признание, не вполне типичное для византийского монаха и совершенно необычное для инока, жившего на Руси в XII в¹³. По справедливому замечанию А. Ф. Литвиной и Ф. Б. Успенского, в византийской школьной системе «контроверсия между борьбой с языческими воззрениями и необходимостью использования в грамматическом и риторическом курсах наследия классических авторов была в известном смысле заложена изначально» [Литвина, Успенский 2010: 68 (прим. 119)]. В самом деле, враждебные инвективы в адрес античной культуры как чуждой и устаревшей нередко встречаются еще в писаниях отцов Церкви [Wilson 1996: 8], ср. [Буланин 1991: 27–29]. При этом, насколько можно судить, в Византии XI–XII в. отношение к языческой эллинистической культуре было конкретическим только в малочисленной среде светских интеллектуалов и ученых иноков, в отличие от широких кругов христианских пурристов и ригористов, представленных прежде всего ординарными насельниками многочисленных монастырей, которых М. Энгольд описывает как «both the focus and the mirror of Byzantine society» [Angold 1995: 265]. Вместе с тем В. Е. Вальденберг указывал на «целое направление» (курсив автора) византийских писателей и комментаторов XI–XII вв., сделавших труды Аристотеля «центром своих философских занятий» [Вальденберг 2008: 264]¹⁴. Значим и тот факт, что «Риторика» Аристотеля активно читалась и комментировалась в Византии [Conley 1990; Trizio 2017], послужив основой, в частности, труда по этой дисциплине знаменитого ученика Михаила Пселла Иоанна Итала [Conley 2004], прославившегося толкованиями Аристотеля, Платона, неоплатоников и обвиненного в том, что он ценил философию выше учения Церкви¹⁵. Все это создавало если не обширное культурное пространство, то особую культурную среду думающих и любознательных людей, их круга чтения и образовательных традиций,

---

писал В. А. Чаговец, «мы имеем дело с писателем-ритором, воспитанным на греческих образцах и усвоившим приемы высокопарных духовных писателей Византийского периода» [Чаговец 1901: 199].

¹³ Ср. замечания В. М. Живова в статье «Особенности рецепции византийской культуры в древней Руси» об «аскетической» и «гуманистической» традициях византийской культуры в связи с влиянием лишь первой из них на древнерусское духовное развитие [Живов 2002: 74–82].

¹⁴ См. также раздел «Platonismus und Aristotelismus in Byzanz» в работе [Hunger 1978: 11–41].

¹⁵ О нем вкратце: [Wilson 1996: 153–156; Вальденберг 2008: 258–264]; подробно: [Clucas 1981].

где античное наследие относительно бесконфликтно сочеталось с христианским учением¹⁶.

Разумеется, лаконичное упоминание Феодосием «риторских книг» не дает возможности точно определить, какие и чьи сочинения по риторике он подразумевал. Однако за его словами читается не только явная, пусть и скромная, осведомленность о культуре эллинизма, но и, пожалуй, существенно более значимая своей неординарностью для монаха из Киевской Руси черта: отсутствие враждебного отношения к «идолопоклонству» древних греков, то есть способность отделять достижения античной литературы и гуманитарной науки от античной религии с ее многобожием. Как замечал И. Мейендорф, «Hellenism was never bequeathed to Russia in its intellectual and creative dimension» [Meyendorff 1989: 22]¹⁷. Поэтому особенного внимания заслуживает то обстоятельство, что в освоении творений античных авторов создатель славянской «Епистолии» видел необходимую и отсутствующую у него самого предпосылку для квалифицированного перевода с греческого языка христологического сочинения папы Льва.

Из живших на Руси современников Феодосия известен только один монах и книжник, вынужденный признать свое знакомство с античными авторами и демонстрировавший, что это знание не препятствует мироцелому православного христианина. Это Клим (Климент) Смолятич († после 1163/64), по воле великого князя Киевского Изяслава Мстиславича избранный 27 июля 1147 г. главой Киевской митрополии без санкции Константинопольской патриархии и не утвержденный ею в митрополичьем сане, который Клим, однако, носил до 1155 г.¹⁸. В послании пресвитеру Фоме, обоснованно датированном Н. К. Никольским [1892: 138] 1147–1154 гг., Клим писал: «А речеши ми: “Философею пишиши”, а то велми криво пишиши, а да оставль аз почитаема Писания,

¹⁶ Примечателен в связи с этим относящийся к середине XII в. случай игумена одного из солунских монастырей Василия Охридского, который возражал некоему епископу из Италии, сомневавшемуся в пользу античного образования для постижения Евангелия. В ответ Василий «указывает на сочетавшего философию с богословием Филона Александрийского и приводит в качестве аналогии пример Авраама, зачавшего сначала одного сына от служанки Агари, а потом другого – от жены Сарры»: [Бармин 2006: 382–383].

¹⁷ Ср. у Д. М. Буланина об античной мифологии: «Едва народившиеся славянские литературы восприняли мифологию только в одной функции, увидев в ней силу, противную христианству» [Буланин 1991: 28]; у В. М. Живова: «...классические авторы превращаются для славянского книжника в неведомых идолов чужой культуры. В этом контексте античное наследие отождествляется с нечестивым язычеством, и какая-либо его ценность отрицается» [Живов 2002: 82].

¹⁸ О нем, с указанием литературы: [Понырко 2014; Карпов 2017: 226–231]. О процедуре и возможных причинах поставления Клиmenta Смолятича: [Успенский 1998: 260–278; Назаренко 2013: 97–113].

аз писах от Омира, и от Аристо[те]ля, и от Платона, иже во елинъских нырѣх славнѣ бѣша»¹⁹. Таким образом, в отличие от переводчика Томоса папы Льва, Клим Смолятич был вынужден оправдываться за чтение Гомера, Аристотеля и Платона, негативно их характеризуя и отводя обвинения оппонента в предпочтении сочинений древнегреческих писателей-язычников книгам св. Писания. Хотя предисловие Феодосия и полемическое послание Клима принадлежат к сочинениям разной pragmatischen направленности, однако различие в выражении отношения к античности у двух книжников весьма показательно.

Искущенность Клима в античной литературе и философии позволяет думать, что книжник, в Сузdalской летописи описанный как «русин» [ПСРЛ 1/2 (1927): 315], мог пройти какие-то ступени обучения непосредственно в Византии. Не приходится сомневаться, что Клим Смолятич мог читать античных классиков по-гречески, но не в славянских переводах, в его время отсутствовавших [Никольский 1892: 88–89]. Кроме того, в окружении Клима были люди, явно сведущие в схедографии — включенной в начале XII в. в систему византийского образования грамматической дисциплине, предмет которой составляло выписывание и заучивание многих лексических примеров, а также выполнение хитроумных грамматических упражнений на каждую букву алфавита, — и об этих освоивших греческую науку «мужах» в том же послании пресвитеру Фоме сам Клим отзывался с гордостью и похвалой [Понырко 1992: 133]. Вопрос о том, в каких школах Византии в первой половине XII в. славянин мог приобрести такие познания, подробно рассмотрен А. Ф. Литвиной и Ф. Б. Успенским [2010: 58–68], указывающими по крайней мере одно из таких заведений — константинопольскую школу при сиротском доме св. Павла (Орфанотрофеон), где, вероятно, преподавал знаменитый поэт Феодор Продром²⁰, а образование получали сироты, дети из бедных семей, а также дети-иностранны из присоединенных к Византии территорий, в том числе болгарских земель²¹. Исследователи не видят в источниках явных оснований для уверенных суждений о национальной принадлежности «климовых мужей», однако отмечают, что вне зависимости от того, были ли эти лица «русскими или греками, они получили добротное грамматико-риторическое образование, и, что еще более существенно, при Климе имели возможность

¹⁹ [Понырко 1992: 124]. Перевод: [Ibid.: 140]. Ср. по другой публикации: [Никольский 1892: 104]. Подробный разбор этого фрагмента: [Успенский 2017: 190–192].

²⁰ О Феодоре Продроме [Kazhdan & Franklin 1984: 87–114]; о его схедографических занятиях [Vassis 1993/94; Курбанов, Спиридовонова 2018: 216].

²¹ Подробно о школе св. Павла, ее учителях, учениках и образовательных практиках: [Miller 2003a: 221–246].

публично демонстрировать его на Руси» [Литвина, Успенский 2010: 67–68]. У нас нет видимых причин причислять к этим «мужам» инока Феодосия, однако значимым представляется факт, указанный еще А. И. Лященко и Н. К. Никольским: зачин послания Клима Фоме содержит явную цитату из начальных слов переводной «Епистолии» папы Льва [Лященко 1900: 10–11; Никольский 1907: 100–101 (прим. 1)], ср. [Успенский 2017: 188]. Таким образом, Клим Смолятич, видимо, и читал, и использовал в полемических целях переведенный Феодосием «Греком» Томос папы Льва, — правда, не в его непосредственном богословско-догматическом предназначении, а только в части заимствования формулярного образца²².

Итак, слова Феодосия об «омирских и риторских» книгах сами по себе не дают возможности судить о греческом происхождении переводчика Томоса, но свидетельствуют о вполне определенном восприятии им античной культуры, нетипичном для древнерусского монаха. Это позволяет допустить, что Феодосий, будучи выходцем из южнославянских земель, на что указывают особенности его лексики и грамматики [Пичхадзе 2011: 353; Eadem 2016: 88–89], мог пройти какую-то ступень обучения в одной из византийских школ. На роль такого заведения вполне подходит носившая имя св. Павла «грамматическая школа для сирот, собранных из разных стран», как ее описывала Анна Комнина [Алексиада: 418]²³.

Для последующих рассуждений важен другой традиционный аргумент сторонников греческого происхождения Феодосия: призыв переводчика Томоса папы Льва к молитвам некоего «своего» патриарха («*призываю же рабъ твои инокын феѡсси. моего патриарха мѧтвы*» [Бодянский 1848: 5]).

Как писал Е. Е. Голубинский, считавший, как и другие современные ему исследователи, создателя славянской версии Томоса «писателем из греков», Феодосий «по всей вероятности» состоял «при кафедре мит-

²² Конечно, зачины посланий не эквиваленты по содержанию: в Томосе папа Лев с неудовольствием выражает удивление тем, что архиеп. Флавиан (которого понтифик явно воспринимал как нижестоящего по иерархическому статусу) опасно запустил распространение ереси лидера монофиситов Евтихия, не подавив ее; Клим Смолятич же только сообщает, что прочитал послание пресвитера Фомы с промедлением, и, наоборот, саркастически удивляется и восхищается его «благоразумием». Упоминание промедления в том и другом послании («закоснение» у папы Льва в переводе Феодосия, «медлено» (т.е. «медленно») у Клима) имеет разный смысл: в одном случае мешкал адресат, в другом — в неспешности своей ответной реакции сознается адресант. Тем не менее сходство использованных в зинах посланий Клима Фоме и «Епистолии» этикетных выражений налицо.

²³ Ср. более пространную цитату и анализ содержащихся в ней сведений, характеризующих обучение в школе св. Павла: [Литвина, Успенский 2010: 60–66].

рополичьей в качестве клирика или чиновника» [Голубинский 1901: 859]²⁴. Во взаимосвязи двух этих суждений нет необходимости: знаяший греческий язык и имевший представление об «омирских и риторских книгах» инок Феодосий мог состоять при киевском митрополите, будучи и славянином по происхождению. Если также допустить, что образование переводчик получил в константинопольской школе св. Павла, то это отчасти объяснило бы и обращение к патриарху: Орфанотрофейон находился под личным патриаршим контролем [Miller 2003a: 188, 233], а в те годы, когда гипотетически в этой школе мог учиться Феодосий, константинопольскую кафедру возглавлял Лев Стиппис (1134–1143)²⁵. Такая версия позволила бы полагать, что Феодосий записал просьбу к патриарху о духовной поддержке в работе над переложением Томоса, мысленно обращаясь к образу главы Вселенской Церкви, который покровительствовал школе, где будущий переводчик постигал греческую грамоту. Однако все же остается неясным: почему в молитвенном призыве Феодосия патриарх не назван по имени?

Ответ на этот вопрос можно найти в источнике, непосредственно относящемся к истории Орфанотрофейона в XII в. Для интерпретации фразы Феодосия представляется значимой ее возможная связь с выражением из сочинения, написанного еще одним носителем имени Лев, на протяжении многих лет связанным со школой св. Павла. При Комнинах одним из учителей этой школы был Лев Родосский, более 20 лет преподававший схедографию и, возможно, также богословие, а после прохождения нескольких должностных ступеней занявший там административный пост смотрителя (или инспектора, ἐφορέαν) [Miller 2003a: 177, 188, 223, 226, 232–233, 235; Miller 2003b: 18–20]. Также Лев Родосский занимался сочинительством: его авторству принадлежит, в частности, недатированное поэтическое произведение, предназначавшееся для прочтения перед учениками школы и сохранившееся в рукописном греческом сборнике *Vaticanus Palatinus gr. 92* (список послед. четв. XIII в.), содержащем стихотворные примеры для упражнений в схедографии и изучения метрики²⁶. В этом стихотворении Лев Родосский

²⁴ Видимо, вслед за Е. Е. Голубинским Г. С. Баранкова допускает, что Феодосий мог принадлежать к «кругу переводчиков при митрополичьей кафедре» [Баранкова 2003: 319].

²⁵ Сведения о нем довольно скучны [Wirth 1968; Angold 1995: 76–77, 282; Thomas et al. 2000: 620]. У нас нет данных о том, что святым патроном патриарха Льва Стипписа был папа римский Лев (а не, например, также канонизированный Церковью Лев, еп. Катанский, ранние свидетельства почитания которого в Византии относятся к X–XI в.).

²⁶ Подробно о содержании сборника: [Βάσσης 2002]. Недавно обширные фрагменты из него (но не стихотворение Льва Родосского) опубликованы в дипломной работе, выполненной на факультете филологии Университета Аристотеля в

призывал покровительствующего школе апостола заступиться за него, уставшего от педагогических трудов автора, перед «Вселенским патриархом»²⁷, чтобы тот избавил его от тягот – и так же, как и в предисловии к «Епистолии» у Феодосия, у Льва Родосского патриарх не назван по имени. Мы не располагаем ни достоверными данными о том, что Лев Родосский был одним из наставников Феодосия, ни безусловными доказательствами того, что Феодосий вообще проходил обучение в школе св. Павла. Тем не менее педагог школы св. Павла в своем стихотворении демонстрировал риторический прием, который вполне мог быть усвоен и позднее использован предположительно обучавшимся в Орфанотрофеоне будущим создателем славянской «Епистолии». Существенно, что без упоминания имени главы Константинопольской Церкви обошлись как просьба об апостольском заступничестве перед патриархом в сочинении Льва-учителя, так и прямой призыв к патриарху его возможного ученика в предисловии к переводу сочинения Льва-святителя. Своеобразная антропонимическая «перекличка» оказывается дополнительным штрихом, усиливающим впечатление о возможности такой трактовки.

Хотя предположение о том, что Феодосий учился в константинопольской школе св. Павла, позволяет в какой-то мере объяснить, почему переводчик обращался к патриарху как к реальному лицу и главе церковного священноначалия, не упоминая его имени, но все же, если следовать приведенной выше версии Е. Е. Голубинского о статусе Феодосия в качестве клирика при киевской кафедре, априори не ясно, почему в предисловии и послесловии к «Епистолии» никак не упомянут митрополит. Причины, вызвавшие выполнение перевода Томоса подчиненным митрополиту лицом без явного разрешения и благословения киевского владыки, требуют особого объяснения в рамках этой биографической версии, тем более что Феодосий, повторивший в своем предисловии формулу IV Вселенского собора, определившего Томос как «столп правоверия», вполне осознавал статус этого послания папы Льва как ключевого для становления православной христологической доктрины произведения.

Развитие гипотезы Е. Е. Голубинского о характере деятельности Феодосия и месте его служения позволяет по-новому интерпретировать исторические обстоятельства появления «Епистолии». В качестве объяснения допустимо применить *argumentum ex silentio*: перевод Томоса

Салониках [Sánchez 2015]. См. также в новейшей обзорной работе об отражении схедографического творчества Феодора Продрома в этой рукописи: [Курбанов, Спиридона 2018: 217].

²⁷ Публикация греческого текста, английский перевод и комментарий [Miller 2003b: 9–13, 17–20].

папы Льва на славянский язык выполнялся без благословения митрополита, поскольку глава митрополии в ту пору в Киеве по тем или иным причинам отсутствовал. Видимых причин могло быть две: вакантность киевской кафедры и физическое отсутствие в Киеве избранного митрополита. Следовательно, это должен быть период между августом 1146 г. (когда в Киеве уже не было митрополита Михаила I, возглавлявшего киевскую кафедру с 1130 г.) и летом 1156 г. (когда в Киев из Константинополя прибыл рукоположенный осенью предшествующего года митрополит Константин I) [Поппэ 1996: 454, 456; Карпов 2017: 235, 297]. Этую гипотетическую датировку «Епистолии», охватывающую целое десятилетие, можно попытаться сузить.

Известно, что митрополичья кафедра в Киеве в интересующий нас период пустовала трижды: с августа 1146 и до 27 июля 1147 г., когда был хиротонисан Клим Смолятич; с 26 августа 1149 г., когда Клим покидал Киев с князем Изяславом Мстиславичем, бежавшим во Владимир-Волынский после поражения от Юрия Долгорукого у Переяславля, и до апреля 1151 г.; наконец, после смерти Изяслава, когда в ноябре 1154 – январе 1155 г. Клим вновь оставил столицу [Поппэ 1996: 455; Карпов 2017: 229]. Выбор между этими хронологическими интервалами может быть определен благодаря привлечению фактов и соображений, рассмотренных выше. Конечно, мы не располагаем сведениями, позволяющими с полной уверенностью судить о том, как предполагаемый клирик Феодосий «Грек» расценивал отвергнутое Константинополем избрание Клима Смолятича на Киевскую митрополию: призыв Феодосия к патриарху вкупе с умолчанием переводчика «Епистолии» о митрополите можно трактовать и как признак отсутствия последнего в Киеве, и как свидетельство отказа со стороны монаха-переводчика фактически действовавшему в то время митрополиту в канонически подтвержденном статусе. Однако несомненное знакомство Клима Смолятича с сочинениями античных классиков, а «мужей» из его окружения – с образовательными практиками, применявшимися в константинопольской школе св. Павла, позволяет полагать, что инок Феодосий, с явным пиететом относившийся к знатокам «омирских и риторских книг» и, возможно, прошедший выучку в Орфанотрофеоне, был человеком одного с ними круга. Еще один аргумент в пользу принадлежности Феодосия к кругу Клима Смолятича может основываться на предложении А. В. Назаренко о том, что переводчик Томоса папы Льва мог быть также и автором «Слова на обновление Десятинной церкви». Создание этого произведения, как доказывает историк, связано «с пиком активности в церковном почитании свт. Климента Римского на Руси» при князе Изяславе Мстиславиче, и обусловлено тем, что в Десятинной

церкви, бывшей дворцовым собором киевских князей, покоились мощи священномученика — вероятного патрона Клима Смолятича, — послужившие главным атрибутом при рукоположении Клима в митрополиты [Назаренко 2013: 131–132, 141, 176–177]. Однако предполагаемое авторство Феодосия в отношении «Слова на обновление...» А. В. Назаренко основывает на отождествлении переводчика «Епистолии» с одноименным пещерским игуменом, поэтому, развивая версию о Феодосии как клирике при киевском митрополите, от этого аргумента здесь предпочтительнее воздержаться²⁸.

С другой стороны, в послании пресвитеру Фоме Клим обнаруживал знакомство с «Епистолией» уже после того, как был избран митрополитом. Вследствие этого датировка послания Клима Фоме, обоснованная Н. К. Никольским, — в пределах 1147–1154 годов — в пересечении с теми периодами, когда второй после Илариона киевский митрополит из славян отсутствовал в столице, позволяет, во-первых, датировать создание «Епистолии» временем с сентября²⁹ 1149 до апреля 1151 г.; во-вторых, заодно сузить датировку послания Климента Фоме временем с апреля 1151 до 1154 г.³⁰

Как можно полагать, во время отсутствия Клима Смолятича в Киеве Феодосий в силу каких-то обстоятельств не сопровождал его, а оставался в городе, где после бегства Клима Смолятича и Изяслава Мстиславича воцарился Юрий Долгорукий, не признававший поставления Клима. В этом, по-видимому, и состояла одна из главных причин, по

²⁸ Замечу, что некоторая содержательная связь между комментариями Феодосия к «Епистолии» и «Словом на обновление...» все же есть, поскольку в них используются два общих топоса: во-первых, в этом «Слове...» Климент Римский уподобляется «церковному солнцу» — так же, как и вероучительная деятельность папы Льва в послесловии Феодосия представлена как «праведное солнце»; во-вторых, в «Слове...» использована притча о талантах, как и в завершающей послесловие к «Епистолии» посмертной благодарности Святоше. Ср.: [Бодянский 1848: 18, 20; Назаренко 2013: 182–185]. Дополнительный лингвистический аргумент в поддержку атрибуции «Слова на обновление...» Феодосию «Греку» был недавно выдвинут А. А. Гиппиусом, обоснованно предложившим к испорченному позднейшими переписчиками тексту «Слова...» конъектуру «непотребный языковрат», представляющую самообозначение автора (противостоящее обозначению князя-заказчика), что весьма схоже с фразеологией Феодосия [Гиппиус 2018: 99–101].

²⁹ Кажется крайне сомнительным, чтобы Феодосий мог приступить к созданию «Епистолии» в последние дни августа 1149 г., т. е. немедленно после того, как оставленный отрядами Изяслава Мстиславича Киев был захвачен войсками Юрия Долгорукого.

³⁰ Этую же датировку выводит Б. А. Успенский [2017: 188–189] на основании предложенной ранее датировки начала работы Феодосия «Грека» над «Епистолией» — 1151 г. [Полонский 2013]. Однако построения при этом выводе отличаются от излагаемых здесь, поскольку расчет датировки «Епистолии» опирается на принципиально иную смысловую интерпретацию предисловия Феодосия (об этом ниже).

которой переводчик с греческого языка, чье положение в ходе междуусобной войны князей³¹ при вынужденно оставленной Клином киевской кафедре вряд ли могло быть прочным, не стал упоминать о беглом митрополите, не говоря о том, чтобы испросить его благословение на свой труд. Как бы то ни было, вероятно, Феодосий использовал время в оставленном митрополитом Киеве для работы над переложением Томоса папы Льва. Можно думать, что, обнаружив в одном из греческих сборников митрополичьей библиотеки богословское сочинение папы Льва³², Феодосий решил исполнить пожелание почитаемого им Николы Святоши о переводе. При этом причастность к выполнению «заказа» князя-инока, заслужившего уважение и у представителей правящей династии, и у пещерской братии, и у киевлян, могла служить для Феодосия своего рода гарантией безопасности, коль скоро последний был, как мы предполагаем в рамках этой версии, связан с беглым митрополитом Клином. Неформальный характер выполнения Феодосием пожелания Николы Святоши о переводе Томоса папы Льва позволяет заодно понять, почему сведения об этом отсутствуют в Киево-Печерском патерике.

Учитывая интерпретацию, принятую здесь при датировке создания «Епистолии», следует заново рассмотреть и вопрос о предназначении и времени составления предисловия Феодосия «Грека», которое содержит обращение к Николе Святоше. Предположение Е. Е. Голубинского о Феодосии как о клирике при митрополичьей кафедре позволяет объяснить и причины письменного обращения к Николе Святоше в предисловии к «Епистолии»: поскольку инок Феодосий не принадлежал к братии Киево-Печерского монастыря, он писал из митрополии, адресуясь к пещерянину Николе Святоше, заставшему начало работы над славянским переводом Томоса. Это позволяет весомее, чем в рамках версии о Феодосии-игумене, объяснить, почему переводчик обращался к Николе Святоше письменно: иначе, если считать переводчика пещерянином, получается, что его послание князю-иноку курсировало внутри монастыря. Иными словами, здесь оказывается правомерной трактовка, предложенная О. М. Бодянским [1848: XXI]: перевод Томоса был начат еще при жизни Николы Святоши³³,

³¹ Об этом, например: [Грушевский 1891: 178–186; Котляр 2013: 153–160].

³² Томос папы Льва активно распространялся в греческих сборниках, включая итальянские территории, Константинополь и Афон [Полонский 2014: 132 (прим. 1), 153].

³³ А. И. Лященко считал, что «перевод был исполнен в один из первых годов после пострижения князя», при этом из предисловия Феодосия «видно, что перевод Епистолии есть первая его работа, совершенная по поручению князя», а помещенная в начале предисловия похвала переводчика Николе Святоше «за отказ от мирской власти особенно уместна была во время ближайшее к пострижению князя» [Лященко 1900: 9]. С этими аргументами не удается согласиться: из того, что переводческий труд Феодосия, претворенный благодаря

а завершен уже после его смерти³⁴. В таком случае, исходя из полученной датировки осуществления перевода, дату кончины князя-инока также приходится отнести к периоду между сентябрем 1149 и апрелем 1151 г.³⁵

Таким образом, развитие мысли Е. Е. Голубинского о Феодосии «Греке» как о клирике при митрополичьей кафедре, так же как и версия А. А. Шахматова, позволяет прийти к содержательным историческим выводам. Особенностью построений на этом пути является отказ от отождествления Феодосия «Грека» и игумена Феодосия II (вне зависимости от того, был ли последний автором «Слова о вере христианской и о латинской» и «Послания о неделе»). Версия основных вех биографии Феодосия «Грека», основанная на гипотезе Е. Е. Голубинского о переводчике Томоса папы Льва как о клирике при митрополичьей кафедре, по возможностям непротиворечивой интерпретации исторических фактов не уступает версии, основанной на гипотезе А. А. Шахматова об отождествлении создателя славянской «Епистолии» с пещерским игуменом Феодосием II. Обе гипотезы оказываются плодотворными: разрабатывая каждую из них, удается и объяснить обстоятельства создания «Епистолии», и предложить датировку памятника, и связать его появление с историей возникновения других современных славянскому переводу Томоса богословско-полемических произведений.

князю-иноку, был первым (и, настолько мы знаем, единственным, связанным с Николай Святошой), никак не следует, что он был выполнен в те годы, когда новопостриженник занимался духовным самосовершенствованием в качестве дровосека и водоноса; а похвалы Николе Святоше за его уникальный в истории рода Рюриковичей жизненный выбор расточались пещерской братией и после кончины подвижника, который и у мирян заслужил такую популярность, что на его похороны вышел едва ли не весь Киев [Пат.Печ.: 85–86].

³⁴ Упоминание в Ипатьевской летописи под 1142/43 г. о Николе Святоше как посреднике в переговорах о разрешении усобиц между Ольговичами и Мономаховичами [ПСРЛ 2 (1908): 312] – последнее известное летописное свидетельство, где фигурирует имя князя-инока. Опираясь на данные летописей о постриге Николы Святоши в 1106 г. [ПСРЛ 2 (1908): 258 (прим. 30); ПСРЛ 1/1 (1926): 281] и поперепутные из Киево-Печерского патерика сведения о том, что князь-инок провел в монастыре 36 лет, И. И. Срезневский заключал, что 1142 г. и есть год его кончины [Срезневский 1882: стб. 56–57]. Того же мнения придерживался ряд других исследователей (например, [Лященко 1900: 6; Присёлков 2003: 198; Dimnik 2003: 61, 78]). Однако точность хронологического указания патерика [Пат.Печ.: 85] заставляет усомниться в схеме расчета, ср. [Карпов 2017: 331].

³⁵ А. Ю. Карпов допускает, что Святоша скончался «не ранее лета 1151 г.», так как в рассказе Киево-Печерского патерика о его кончине упомянут только один его брат – Изяслав Давыдович († 1162), но не упомянут Владимир Давыдович, павший в битве в конце мая – июне 1151 г. [Карпов 2017: 331]. Это мнение и, соответственно, оценка даты не кажутся убедительными: Владимир, вероятно, и не мог быть упомянут рядом с Изяславом, поскольку братья Давыдовичи к 1151 г. приняли разные стороны в противостоянии князей Изяслава Мстиславича и Юрия Долгорукого [Грушевский 1891: 185–189; Dimnik 2003: 63–65; Котляр 2013: 98–100].

Тем не менее обе альтернативные версии, будь то версия о Феодосии-игумене или о Феодосии-клирике, и, соответственно, полученные на основе каждой из них разные схемы вывода интервальных оценок датировки «Епистолии», имеют общий методический изъян. Каждая из этих трактовок и соответствующих им оценок периода выполнения перевода Томоса основана на длинной цепочке предположений, исторических трактовок и домыслов, а правдоподобие каждой из версий никак не означает достоверности хотя бы одной из них. Более того, на основе рассмотренных построений возможна и своеобразная «сводная» версия биографии инока Феодосия, соединяющая два фрагмента его предполагаемого жизненного пути: начальное образование в константинопольском Орфанотрофеоне и затем, спустя годы, — игуменство в Киево-Печерском монастыре. При этом несколько в стороне остается главный источник, сообщающий об обстоятельствах появления славянского перевода Томоса папы Льва, и соответственно, о самом Феодосии «Греке», — его предисловие и послесловие к «Епистолии». Для того чтобы приблизиться к такой датировке «Епистолии», которая не была бы обременена балластом дополнительных предположений и вместе с тем прочнее опиралась на исторические факты, нужна иная интерпретация источников. Принципиальной здесь оказывается другая трактовка слов Феодосия «Грека» о патриархе, обусловленная особенностями почитания папы Льва Великого на Руси.

3. Безымянный патриарх и сыропустный кондак

В краткой статье [Полонский 2013] предложено объяснение причин внимания киевских книжников к Томосу папы Льва на основе как обстоятельств жизни Николы Святоши, так и истории почитания римского понтифика в Древней Руси, а также датировка начала работы Феодосия «Грека» над переводной «Епистолией» — 18 февраля 1151 г. Вместе с тем обоснование даты изложено бездоказательно и фактически осталось за пределами статьи. Эта трактовка была отвергнута Д. М. Буланиным [2014: 562], но поддержана Б. А. Успенским [2017: 188–189 (прим. 32)], который, однако, приводя свое пояснение указанной датировки, с одной стороны, полагает, что Феодосий «Грек» призывал «на князя Николу Святошу патриаршии молитвы» и поэтому, вероятно, «был приближен к константинопольскому патриарху или как-то с ним связан» [Ibid.: 188 (прим. 29)], а с другой — что «[с]удя по всему, Феодосий начал работу над переводом в год, когда день поминовения Льва Великого (18 февраля) приходилось на Неделю сыропустную» [Ibid.: 189 (прим. 32)]. Первое из процитированных суждений, как будет показано ниже, оказывается противоречащим основаниям указанной

датировки, а второе, как и в статье [Полонский 2013], остается неподкрепленным аргументацией: без ответа оказываются закономерные вопросы о том, какие причины побудили Феодосия взяться за перевод именно в день памяти папы Льва, а не иной, и каким образом это обстоятельство следует из комментариев переводчика.

Рассмотрим эти комментарии. В соответствующем фрагменте предисловия Феодосия «Грека», где переводчик пишет о себе в третьем лице [Бодянский 1848: 5], упомянут сыропустный кондак, но ничего не говорится о дне 18 февраля:

вѣдѣ же ги мон киръ николае. яко никакоже достоинъ твоего чагания прѣложение. моєа же силы не хуже. ова^и ни суть моєа мысли дѣянія нъ твоєа. очистии теплыга вѣры плодове. призываю же рабъ твой иноски феѡснини. моего патриарха мѣтвы. и на симъ суропустнаго кондака разѹмъ. и ваше болюбие на помоци. всѣх же прощенїя просмъ моен гроѹбости. иден везъмъльвига неимыи на гасность. прѣодобреному сему коварьству. молю же бо да не зазоро^и будетъ неоѹмѣнне наше нъ прощениемъ написаное.

Даже если признать сообразной труду Феодосия просьбу о помощи, обращенную по-славянски из Киева к находящемуся в Константинополе греческому патриарху для вдохновения в работе над переводом послания римского папы, с такой интерпретацией плохо согласуется контекст. Ни до, ни после приведенного выше фрагмента патриарх никак не упомянут в комментариях Феодосия к «Епистолии», а призыв переводчика вкупе с его самоописанием как «раба» Николы Святоши не предполагает апелляции к церковному священноначалию. Напротив, весь процитированный фрагмент тематически и логически связан с выраженным несколько выше в предисловии сомнениями Феодосия в том, что он сможет качественно перевести «богомудрую и догматскую епистолию» папы Льва, утвержденную IV Вселенским собором как «столп правоверия» [Бодянский 1848: 5].

Многое встает на свои места, если обратиться к синхронным источникам, характеризующим почитание папы Льва в славянской традиции. Это почитание широко представлено в месяцесловах восточнославянских рукописей: в составленном О. В. Лосевой перечне месяцесловов из древнерусских кодексов XI–XIV вв. (Евангелий, Апостолов, Часословов, Обиходников) насчитывается почти 60 рукописей, в которых под 18 февраля фигурирует память о папе Льве [Лосева 2001: 272]. Еще более существенно, что в славянских служебных Минеях на февраль под 18 числом присутствует особая посвященная папе Льву служба, переведенная с греческого языка, и основу этой службы, в соответствии с указанием византийских уставов, составил канон, сочиненный знаменитым византийским

гимнографом Феофаном Начертанным (Граптом, ок. 778–845)³⁶. Старшие восточнославянские списки службы представлены рукописями *Cin164* (л. 130–135об.), *Tun103* (л. 8об.–12), *Tun104* (л. 110–115), вторая из которых датируется рубежом XI/XII в., две другие – XII столетием [СК XI–XIII. № 85: 123; Ibid. № 40: 80–81; Ibid. № 86: 123–124]. Славянский текст службы с разночтениями по всем трем спискам с параллельным греческим текстом, приводимым по старшим византийским рукописям X–XII вв., опубликован [MF II: 536–579]. При этом в славянском тексте, в отличие от греческого, в заголовках служб по всем трем старшим славянским спискам Лев Великий назван не «папой», а «патриархом римским» [MF II: 536]³⁷. Таким же образом понтифик упоминается и в finale службы (в 9-й песни канона), где он назван «истинным патриархом» [MF II: 578].

Поэтому можно думать, что не кого иного, как автора Томоса – римского папу Льва – разумел под «патриархом» Феодосий «Грек». Именно поэтому в предисловии переводчик просил о духовной поддержке не для Николы Святоши у своего высокостатусного современника в Константинополе, а обращался с этой просьбой к пребывающему на том свете святителю с тем, чтобы папа Лев помог ему, Феодосию, точнее перевести свой Томос на славянский язык. Это объясняет, почему имя собственное рядом со словом «патриарх» у Феодосия не упомянуто: pragматический контекст молитвенного призыва, тесно связанный с содержанием февральской службы понтифику, предполагал понимание у потенциального читателя «Епистолии», принадлежащего к монашеской среде, кем является адресат этого призыва. Также здесь уместно вспомнить легендарное сказание о самом папе Льве, обращавшемся со схожей просьбой к св. Петру и молившем апостола об исправлении написанного им Томоса³⁸.

³⁶ Так, соответствующее указание присутствует под 18 февраля в Евергетидском синаксаре, происходившем из монастыря Пресв. Богородицы Евергетиды (Благодетельницы) около Константинополя и составленном во второй половине XI в., см. описание по списку библиотеки Афинского национального университета (№ 788, нач. XII в.): [Дмитриевский 1895: 417–418]. В числе старших греческих списков служб папе Льву авторство Феофана отмечено, например, в синайской Мине *Sn602* (XI в., f. 92r), где напротив выполненного минускулом зачала первой песни канона понтифику помещена запись «ΘΕΟΦΑΝΟΥ», напоминающая граффито, причем имя написано в форме креста.

³⁷ Такое описание статуса папы Льва нехарактерно для более поздних текстов службы. В десятках славянских списков службы понтифику XV–XVII вв. в составе февральских Миней, он, как правило, в заголовках служб упоминается как «папа». Два известных мне исключения (где Лев называет патриархом в заголовках служб): восточнославянский список *B-10* (л. 44), относящийся к первой четверти XV в. (датировка А. А. Турилова, уточняющая описание [Бубнов, Лихачева, Покровская 1976: 104]) и южнославянский (сербского правописания) список *NБКМ895* (л. 86об.), датируемый началом XIV в.

³⁸ Сказание читается в Синайском патерике в Слове 200 по полному древнеславянскому списку рубежа XI–XII вв. (ГИМ, Син. 551. Л. 102об.–103),

Аллюзии на пассажи из службы папе Льву, передаваемые старшими восточнославянскими списками февральских Миней, можно усмотреть и в послесловии Феодосия «Грека» к «Епистолии». Здесь присутствует топос, фигурирующий и в каноне: «праведное солнце», воссиявшее вследствие деятельности папы Льва и озарившее христианский мир «благочиние правды в Еры» [Бодянский 1848: 18], ср. [MF II: 555, 568]. Понтифик описан как непосредственный наследник св. Петра как в тексте службы папе Льву, так и в послесловии Феодосия: в первой песни канона сказано, что римский первоиерарх «Петровоу апостолоу престолоу наследникъ бысть того волю имѣвъ и ръвеникъ вѣрты» [MF II: 546] (ср. [Ibid.: 562]), а в послесловии — что он направил из Рима на Халкидонский собор «сию епистолию како самого врѣха апѣка съпрѣтолника» [Бодянский 1848: 19]³⁹. Как особо отмечено там же в послесловии, верующим подобает знать (должственно есть вѣдѣти), что папа Лев лично не присутствовал на IV Вселенском соборе (*иѣвъ самъ папа Леонтий ѿ Рима на сборъ приходилъ*): в этом уточнении, согласующемся с историческими событиями, можно видеть комментарий Феодосия к гимнографическому сочинению Феофана Начертанного, который в восьмой песни канона описывал, как образ понтифика проявился перед участниками собора в Халкидоне (*«ако монси въторыи іавль сѧ божиикъ людьмъ и събороу чистыи оучитель...»* [MF II: 570]⁴⁰).

Таким образом, аргументы о связи Феодосия «Грека» с современным ему константинопольским патриархом, как и версию о византийском происхождении создателя славянской «Епистолии», правомерно подвергнуть существенному сомнению благодаря интерпретации, позволяющей иначе объяснить мотивацию переводчика. Поэтому рассмотренная выше аналогия между обращениями к патриарху Льву Родосского и Феодосия «Грека» теперь может быть отведена как нерелевантная: если

текст опубликован: [Пат. Син.: 240–241]. Нельзя исключать, что это сказание могло быть известно Феодосию.

³⁹ Эти топосы нередко встречаются и в канонах другим святителям [Кристианс 2018: 45, 48], однако параллели между текстом службы римскому первоиерарху и комментариями Феодосия «Грека» определяют сам образ папы Льва как автора комментируемого переводчиком произведения.

⁴⁰ Замечу, что в Повести временных лет (ПВЛ) в изложении деяний Вселенских соборов (в составе знаменитой «Корсунской легенды») папа Лев фигурирует как иерарх, лично присутствовавший на IV Вселенском соборе [ПСРЛ 1/1 (1926): 115], что не соответствовало действительности. Поэтому альтернативная трактовка точного в историческом отношении замечания Феодосия «Грека» может состоять в том, что переводчик прокомментировал не сочинение византийского гимнографа, а русского летописца (игумена киевского Выдубицкого монастыря Сильвестра либо редактора последующей редакции ПВЛ 1117 г.). Однако другие следы возможного знакомства Феодосия с ПВЛ в его комментариях не обнаруживаются.

преподаватель Орфанотрофейона в своем стихотворном упражнении обращался к константинопольскому патриарху-современнику, то инок из Киевской митрополии под «своим» патриархом явно понимал автора переводимого им Томоса — «патриарха римского», как он назван в предначертанных для монастырского богослужения славянских рукописях XII в.

Можно также полагать, что мотивация Феодосия была тесно связана с причиной, по которой Никола Святоша побудил Феодосия взяться за перевод Томоса папы Льва. Как известно из летописей, князь Святоша принял постриг в Печерской обители 17 февраля⁴¹. Следовательно, прославление папы Льва звучало на службе первого же дня, который князь пережил в новом для него статусе инока. Первое присутствие на службе в Киево-Печерской обители новопостриженника, только что покинувшего «жену, и дъти, домъ и власть, и братію, другы и рабы, и села, и того ради жизни вѣчныя наслѣдник быти»⁴², должно было оставить сильное впечатление у князя, первым в роду Рюриковичей сделавшего осознанный жизненный выбор в пользу монашества. Но не только участие в службе папе Льву 18 февраля должно было особо запомниться Николе Святоше: вероятно, ценителя книги (как его описывает Киево-Печерский патерик [Пат.Печ.: 183]) заинтересовало богословское наследие римского понтифика, чье имя звучало в столь значимый для него день. Этому могло способствовать содержание песнопений, в которых папа Лев прославлялся как «глава правоверия Церкви Христовой», «уставитель истине» и «второй Моисей», принесший своему народу скрижали Завета, которым уподоблен Томос, в свою очередь воспетый как «свиток благочестивых повелений», «богодвижимый свиток» и «столп правоверия»⁴³ [MF II: 538, 540, 549, 555, 562, 570]. Существенно, что всех этих восхвалений князь Святоша, по-видимому, не мог слышать до пострижения, даже если был ревностным прихожанином, так как служба папе Льву, включенная в повседневные служебные Минеи, предназначалась для исполнения при монастырском, а не соборно-приходском богослужении⁴⁴.

⁴¹ В Ипатьевской летописи сведения о постриге князя-инока приводятся под 6614 г. [ПСРЛ 2 (1908): 258 (прим. 30)]. Ср. в Лаврентьевской, Новгородской первой и четвертой летописях (также под 6614 г.): [ПСРЛ 1/1 (1926): 281], [НПЛ: 19] (без указания дня). [ПСРЛ 4/1 (1915): 140]. В Софийской 1-й Летописи старшего извода эти сведения содержатся под 6615 г. [ПСРЛ 6/1 (2000): 218], а в Ермолинской летописи под 6613 г. [ПСРЛ 23 (1910): 29] (указаны год и месяц февраль, без дня).

⁴² Эти слова в Киево-Печерском патерике приводятся как сказанные самим Николой Святошей [Пат.Печ.: 84].

⁴³ Использую здесь гражданский шрифт, так как списки *Cin164*, *Tun103* и *Tun104* содержат орфографические разнотечения, а часть вышеприведенных выражений в славянском тексте службы употребляется в разных падежах.

⁴⁴ Об участии в монастырском богослужении князя Святоши до его посвящения в монашество исторических свидетельств нет. Замечу, что термин «соборно-приходское богослужение» (без подразделения на «соборное» и «приходское»)

С другой стороны, прославление Льва Великого как «патриарха» в службе святителю, входившей в состав древнерусских служебных Миней, позволяет понять, что такое упоминание является датирующим признаком: описание сана римского первоиерарха как «патриарха» имеет жесткую хронологическую привязку — 18 февраля, день его памяти и день прославлявшей папу Льва службы, тогда как в других известных источниках того времени в качестве «патриарха» он не фигурирует. Иными словами, так обращаться к памяти папы Льва, как это делал Феодосий, было возможно только в конкретный день, когда понтифика при монастырском богослужении традиционно называли «патриархом», то есть 18 февраля.

Рассмотрим теперь второй из интересующих нас аспектов фрагмента послесловия. Следующие сразу за упоминанием патриарха слова Феодосия о вразумлении над сыропустным кондаком (*«и на^д симъ сыропустнаго кондака разоумъ»*), по-видимому, являются аллюзией на кондак 6-го гласа утрени сыропустной недели, который в славянском переводе содержал следующие слова⁴⁵:

**Прѣмоудрости наставниче. моудрости подателю. везоумныимъ каӡателю.
и инцимъ ҳащитителю оутвърди въраzoуми ср҃дце моє влдко. ты даia ми
слово. оче слово.**

Упоминание Феодосием именно этого, а не иного из множества молитвенных обращений к Господу, известных в богослужении на Руси XII в., требует объяснения⁴⁶. Как можно полагать, причина такого обращения переводчика была обусловлена календарной приуроченностью исполнения песнопения. В Неделю сыропустную папа Лев неоднократно

принят в исследованиях по истории лингвистики, например: [Пентковский 2001: 205, 207, 213]; о разновидностях славянских литургических книг, предназначавшихся для монастырского, соборно-приходского, а также миссионерского (нехарактерного для Руси) типов богослужений: [Темчин 2009: 191–192, 210–211].

⁴⁵ Привожу фрагмент кондака без разбивки на строфы по публикации: [Momina, Trunfe I 2004: 537]. В этой работе также подведены разнотечения текста кондака по древним спискам Триоди и Кондакаря, которые здесь опущены.

⁴⁶ Как известно, сыропустный кондак включен в Печенье Владимира Мономаха [ПСРЛ 1/1 (1926): 255] и представляет собой, согласно убедительному анализу А. А. Гиппиуса, зачин «отней молитвы», написанной князем для его сына Андрея Доброго, а позднее, по мнению исследователя, дополненной внуком Мономаха Андреем Юрьевичем Боголюбским [Гиппиус 2003: 13–14; Idem 2006: 186–203]. «Отня молитва», т.е. молитва, специально составлявшаяся князьями-отцами для своих сыновей путем компиляции песнопений из Триоди, Октоиха и Кондакаря, была, по-видимому, своеобразной семейной традицией Мономашичей [Литвина, Успенский 2006: 126–127; Гиппиус 2006: 194–195]. Однако никакой связи с обычаями рода Мономашичей в мотивации инока Феодосия при его обращении к кондаку усмотреть не удается.

поминался в славянских триодных синаксарях⁴⁷: старший памятник, содержащий такую память понтифика, датируется XI в. — это болгарский Энинский Апостол *НБКМ1144* (л. 4об.) [Ен.Апост.: 23]; старшая рукопись древнерусского происхождения, содержащая аналогичную память, — синаксарь Типографского устава XI–XII в. [Тип.Уст. 1: л. 1об.] (по А. М. Пентковскому [2001: 185–186], — 4-й редакции Студийско-Алексиевского устава)⁴⁸. Таким образом, Феодосий, видимо, повторял сыропустный кондак потому, что, во-первых, моление о вразумлении перед началом важного труда с просьбой к Богу одарить переводчика «словом» подходило по смыслу, и, во-вторых, хронологически также было связано с памятью папы Льва.

Исходя из этих фактов и обстоятельств можно полагать, что упоминания Феодосием как патриарха, так и сыропустного кондака, следующие непосредственно друг за другом в предисловии к «Епистолии» папы Льва и обусловленные днями его памяти, являются связанными датирующими признаками, и Феодосий должен был начать перевод в том году, когда 18 февраля приходилось на Прощеное воскресенье (Неделю сыропустную): в предисловии просьбы книжника о прощении, как можно заметить в вышеприведенном фрагменте, встречаются дважды. Прием, позволяющий определить этот год, основывается на методе исторической хронологии и состоит в следующем:

1. По календарю подвижных церковных дат⁴⁹ вычисляется дата празднования Пасхи, соответствующая году, когда сыропустное воскресенье выпадает на 18 февраля. Так как априори мы не знаем, високосный или простой год пытаемся установить, теоретически возможными на этом этапе вычислений оказываются две даты Пасхи: 7 апреля для високосного года и 8 апреля для простого.

2. Зная два варианта дня Пасхи, определяем два параметрических значения вруцелето ($W_{1,2}$) и два набора числовых значений круга Луны ($L_{1,2}$, т. е. порядкового номера года в пределах 19-летнего лунного цикла

⁴⁷ В определении структуры календарных рубрик этих памятников как «триодных синаксарей» я следую терминологии, предложенной И. Христовой-Шомовой [2012a: 42; 2012b: 53].

⁴⁸ Ср. в наборном издании: [Тип.Уст. 2: 28]. Содержащееся в этой рукописи описание сана Льва Великого как Константинопольского архиепископа — результат ошибки, вызванной, вероятно, некритическим перенесением рубрики из византийского синаксаря: в греческом оригинале Устава Великой Церкви под 12 ноября (по старшему списку библиотеки монастыря св. Иоанна Богослова на о. Патмос, № 266, IX/X в.) помещены памяти «архиепископов Константинопольских Флавиана и Леонтия» (букв. «ἀρχιεπισκόπων Κωνσταντίνουπόλεως Φλαβιανῷ καὶ Λεοντίῳ») [Дмитриевский 1895: 23]. В византийских триодных синаксарях память папы Льва также помещалась на сыропустное воскресенье: [Ibid.: 112; Mateos 1963: 8–9].

⁴⁹ [Каменцева 2003: [128] (прилож., табл. I)] (пагинация не указана).

повторения фаз)⁵⁰. Для 7 апреля получаем $W_1=A$, $L_1=\{17, 12, 9, 1\}$, для 8 апреля — $W_2=3$, $L_2=\{17, 12, 9, 6, 1\}$.

3. По таблице определения вруцелето⁵¹ проделываем обратную операцию: так как значения вариантов вруцелето уже известны, определяем соответствующие им годы. При этом выбираем годы, включая крайние даты в промежутке между годом пострига Николы Святоши (6614) и первым годом, о котором нам из летописи известно, что тогда Николы Святоши уже не было в живых (год упоминания «Святошиного места» в Печерской церкви архиеп. Нионтом Новгородским, т. е. 6664: [ПСРЛ 2 (1908): 483]). При этом нет убедительных оснований считать последний год упоминания Николы Святоши в летописи (6650) годом его кончины и использовать для ограничения интервала вычислений.

Так получаем два набора теоретически возможных лет ($T_{1,2}$) выполнения Феодосием перевода Томоса папы Льва: $T_1=\{6615, 6620, 6626, 6637, 6643, 6648, 6654\}$ и $T_2=\{6614, 6625, 6631, 6636, 6642, 6653, 6659, 6664\}$. Поскольку каждое значение года из набора T_1 должно соответствовать високосному году, из множества полученных значений сразу нужно исключить числа, не кратные четырем; в результате первый набор сужается до двухэлементного множества $T_1=\{6620, 6648\}$.

4. Используя таблицу соответствия кругов Луны годам⁵² и зная определенные выше в п. 2 значения этих кругов $L_{1,2}$, проверяем их на совпадения с табличными данными для каждого значения года из наборов $T_{1,2}$ и исключаем несовпадающие значения. В результате исключается большинство значений лет, и наборы сужаются до двух значений $T_1=6648$ и $T_2=6659$, где числа соответствуют годам по ультрамартовскому стилю.

Таким образом, в интересующий нас период сыропустное воскресенье приходилось на 18 февраля в високосном 1140 и простом 1151 годах.

Дальнейшие соображения о выборе между полученными двумя потенциально возможными датами осуществления перевода Томоса папы Льва должны основываться на обращении Феодосия «Грека» к Николе Святоше в предисловии и словах послесловия, которое завершается желанием «вечной памяти» Святоше [Бодянский 1848: 20; Полонский 2014: 150].

Существуют три основные возможности появления такого финала послесловия:

α. Феодосий начал работу над переводом еще при живом Николе Святоше, а окончил уже при покойном (так полагали О. М. Бодянский [1848: XXI] и Е. Е. Голубинский [1901: 859 (прим. 2)]).

⁵⁰ [Ibid.: 89 (табл. 14)].

⁵¹ [Ibid.: 80 (табл. 11)].

⁵² [Ibid.: 88 (табл. 13)].

β. Феодосий выполнил перевод за какое-то время (возможно, даже за несколько лет) до кончины Николы Святоши, а пожелание «вечной памяти» — это позднейшая приписка к послесловию, сделанная переводчиком или иным лицом (так, по-видимому, считал И. И. Срезневский [1882: 56–57], и такой же вывод вытекает из соображений А. И. Лященко [1900: 9]).

γ. Вскоре после кончины Николы Святоши Феодосий написал свое предисловие к переводу Томоса и переложил весь текст на славянский язык, затем написал послесловие, которое сразу завершил пожеланием «вечной памяти» инициатору перевода.

Для оценки более вероятной версии вновь обратимся к предисловию Феодосия. Если Никола Святоша был жив на момент написания предисловия, то закономерен вопрос о том, почему инок Феодосий, которого ввиду знакомства с князем-иноком исследователи практически безоговорочно считают насельником (или даже игуменом, как в гипотезе А. А. Шахматова) Киево-Печерского монастыря, обращался к князю-иноку с посланием из одной кельи в другую. В таком случае логично допустить, что либо один из монахов пребывал в затворе и принял обет безмолвия, либо Феодосий, составляя перевод, находился вне Печерской обители и, соответственно, писал к Николе Святоше откуда-то из другого места: ведь факт знакомства Феодосия с князем-иноком, о котором мы узнаём из предисловия (*въдѣ же ги мои киръ николае. гако никакоже достоинъ твоего чагания прѣложеніе* [Бодянский 1848: 5]), не обязательно означает, что первый из них был пещерянином. Однако ясно, что без опоры на источники следование любому из этих допущений, во-первых, не имеет под собой оснований; во-вторых, если принять предположение о том, что Феодосий работал над переводом где-то вне Печерской обители или даже вне Киева, то это оставляет необъяснимой его благодарность Николе Святоше за инициирование работы над греческой рукописью, находившейся в руках переводчика. Напротив, версия о том, что Никола Святоша ко времени начала работы Феодосия над переводом уже скончался, объясняет характер письменного обращения к князю-иноку вне связи с тем, где именно трудился переводчик (это мог быть Печерский монастырь, митрополичья библиотека или иное место). Тогда предисловие к «Епистолии» само нельзя рассматривать в качестве послания, как можно было бы подумать благодаря наличию в нем прямого обращения. Фактически в предисловии содержится не ориентированное на коммуникацию обращение к «кир Николаю», а посвящение ему (ср.: *оба ни суть моєа мысли дѣбания, нъ твоєа* [Бодянский 1848: 5]). Характер обращения Феодосия «Грека» к Николе Святоше имеет известный аналог, происходящий из того же Киево-

Печерского монастыря, — молитвенное обращение к прп. Феодосию Печерскому его «ученика» Нестора [Пат.Печ.: 62], с фразеологией которого усматриваются совпадения у Феодосия «Грека»: каждый из них называл себя «рабом» по отношению к усопшему праведнику, с которым считал себя связанным духовно-нравственными обязательствами⁵³. Таким образом, можно думать, что адресация Феодосия «Грека» к Николе Святоше в предисловии к «Епистолии» — такой же, как и у Нестора, риторический прием, то есть обращение к старшему монаху-подвижнику, наблюдающему за младшим монахом-книжником с того света⁵⁴. Кроме того, трудно допустить, что работа над относительно небольшим греческим текстом Томоса⁵⁵ могла занять у переводчика годы.

Эти соображения заставляют исключить датировку 1140 г., поскольку в тот год Никола Святоша, как мы знаем из летописей, был жив. Поэтому достоверной в отношении создания славянского перевода Томоса папы Льва Великого представляется вторая из вычисленных дат — 1151 г., причем к 18 февраля этого года, когда Феодосий «Грек» приступил к своему труду и стал писать предисловие, инициатора перевода Николы Святоши, по-видимому, уже не было в живых. Конечно, нет оснований думать, что Феодосий, готовясь выполнить перевод Томоса, проделывал хронологические расчеты и специально выбирал совпадение дней памяти папы Льва по подвижному и неподвижному календарным циклам. Скорее всего, предстоявшее выпадение сыропустного воскресенья на 18 февраля было им замечено за небольшой срок до этого и истолковано как знаменательный повод для начала труда.

⁵³ А. А. Шахматов полагал, что имя Нестора в похвале Феодосию Печерскому (под заголовком «О проречении святого»), завершающей рассказ о перенесении мощей игумена, появилось вследствие позднейшей вставки, однако, по мнениюченого, сама похвала Феодосию Печерскому вместе с самоописанием ее автора как «раба» почившего игумена фигурировала еще в древнейшей летописи Печерского монастыря [Шахматов 1897: 819–820]. В этом смысле именование «Нестором» обращавшегося к памяти Феодосия Печерского «ученика» здесь условно.

⁵⁴ Ср. также аналогичный прием в более позднем памятнике: «Плаче и похвале инока спасающа», завершающем Житие Стефана Пермского (после 1396 г. – нач. XV в.), где агиограф, обращаясь к покойному уже еп. Стефану, восклицает: «... прибните, помолися и за ма, азъ бо есмь рабъ твой, поминю лишишоу, юже имъ ко мигъ, любешъ, ею* ма возлюби, еюже ш мигъ яко мингажды са и прослези. Аще и оумршоу ти, аки к живу к тегъ гло ...» [Жит.Ст.Перм.: 102].

⁵⁵ В хронологически близких к переводу Феодосия греческих списках из афонских монастырей, например, ватопедском *Vatop594* (f. 170v–176v, XI в.) и великолаврском *LavrB43* (f. 144г–152г, XII в.), Томос папы Льва занимает по 12 листов, писанных минускулом, при размещении текста по 27–30 строк на листе.

4. Заключение

Итак, можно полагать, что Никола Святоша выступил инициатором создания славянского перевода Томоса потому, что он был надолго впечатлен службой папе Льву I, звучавшей в первый день его монашества в Киево-Печерском монастыре. По-видимому, прославление в этой службе главного богословского сочинения римского первоиерарха особенно заинтересовало Николу Святошу, так как содержание «свитка благочестивых повелений» не было ему известно. Судя по предисловию и послесловию к «Епистолии», Феодосий «Грек» хорошо знал и о значении февральской службы понтифику для князя-инока, и о причинах интереса знаменитого пещерского подвижника к Томосу папы Льва. Вероятно, Никола Святоша на протяжении более чем трех десятилетий своей иноческой жизни ждал возможности знакомства со славянской версией Томоса, но так и не успел дождаться. Предисловие Феодосия, его славянский перевод Томоса и послесловие вместе с финальной фразой представляют собой, насколько можно судить, целостно организованный текст, единовременно подготовленный переводчиком после кончины Николы Святоши, причем начало этого труда, по нашему предположению, можно отнести к 18 февраля 1151 г. Принципиально, однако, что вывод этой датировки основывается на источниках, позволяющих заключить, что под безымянным патриархом, упомянутым книжником в предисловии к «Епистолии», подразумевался не кто иной, как автор Томоса — папа римский Лев. Этот тезис оказывается ключевым звеном для обоснования точной даты начала переводческой работы Феодосия «Грека». Поэтому не удается согласиться с соответствующим историографической традиции замечанием Б. А. Успенского [2017: 188 (прим. 29)] о том, что Феодосий мог быть лично знаком или как-то связан с современным ему константинопольским патриархом. В таком случае у переводчика не было видимых причин браться за свой труд в день памяти понтифика 18 февраля, что, в свою очередь, не давало бы оснований для точной датировки «Епистолии»: таким днем могло быть любое Прощеное воскресенье неизвестного года. Напротив, если понимать под упомянутым Феодосием «патриархом» папу Льва, то тогда корректный вывод даты начала работы книжника над «Епистолией» обеспечивает и правомерность уточненной датировки послания Клима Смолятича пресвитеру Фоме весной 1151–1154 г., которую выводит Б. А. Успенский [2017: 189].

Вместе с тем вопросы о связи Феодосия «Грека» с Климентом Смолятичем, как и вопросы о полученном Феодосием образовании и его статусе в Киевской Руси, не имеют пока удовлетворительного разрешения, хотя при приближении к ответам удается сделать несколько

содержательных догадок. При этом все следствия из гипотез Е. Е. Голубинского и А. А. Шахматова, изложенные выше, способны привести лишь к интервальным, то есть приблизительным оценкам датировки создания «Епистолии». Напротив, предложенная точная датировка «Епистолии» 18 февраля 1151 г., основанная не на умозрительных схемах исторических событий, а на интерпретации содержания памятника на основе данных синхронных гимнографических источников и использовании метода исторической хронологии, фактически не требует привлечения дополнительных, внешних по отношению к источникам предположений о том, в каком статусе находился Феодосий и где именно он трудился над переводом Томоса римского папы Льва Великого.

Сокращения

БАН – Библиотека Российской академии наук (С.-Петербург), Научно-исследовательский отдел рукописей

ГИМ – Государственный исторический музей (Москва), Отдел рукописей и старопечатных книг

НБКМ – Народна библиотека «Св. св. Кирил и Методий» (София)

РГАДА – Российский государственный архив древних актов, Москва

Син. – Синодальное собрание ГИМ

Тип. – Рукописный отдел библиотеки Московской Синодальной типографии, РГАДА, ф. 381

МЛ – Библиотека монастыря Великая Лавра (Ιερά μονή τῆς Μεγίστης Λαύρας), Афон

МВ – Библиотека монастыря Ватопед (Ιερά Μεγιστη μονή Βατοπαιδίου), Афон

Синай – Библиотека монастыря св. Екатерины на горе Синай (Ιερά μονή και αρχιεπισκοπή Σινά)

служ. – служебная

Библиография

Источники

Славянские рукописи

Б-10

БАН, № 16.14.10. Минея служ., февраль, перв. четверть XV в., описание: [Бубнов, Лихачева, Покровская 1976: 104].

НБКМ895

НБКМ, № 895. Минея служ., декабрь–февраль, нач. XIV в. Описание: [Стоянов, Кодов 1964: 65–66].

НБКМ1144

НБКМ, № 1144. Энинский Апостол, XI в. Описание: [Стоянов, Кодов 1971: 10–11].

Син164

ГИМ, Син., №164. Минея служ., февраль, XII в. Описание: [СК XI–XIII. № 85: 123].

Тип103

РГАДА, ф. 381, оп. 1, № 103. Минея служ., февраль, XI/XII в. Описание: [СК XI–XIII. № 40: 80–81].

Tun104

РГАДА, ф. 381, оп. 1, № 104. Минея служ., февраль, XII в. Описание: [СК XI–XIII. № 86: 123–124].

Уевр509

ТИМ, собр. А. С. Уварова, № 509. Торжественник общий, перв. четв. XV в. Описания: [Строев 1848: № 362, 345–352], [Леонид 1894: № 1772, 13–18], [Čertorickaja 1994: 595 (№ 9.051)].

*Греческие рукописи**LavrB43*

МЛ, В 43. Сборник, XII в. Описание: [Ευστρατιάδης 1925: 17–18 (Nr. 163)].

Sln602

Sinai, Sin. gr. 602. Минея служ., февраль, XI в. Характеристика состава: [Никифорова 2012: 150–151, 163].

Vatop594

МВ, gr. 594. Сборник, XI в. Описание: [Ευστρατιάδης, Αρκάδιος 1924: 116–117 (Nr. 594)].

*Издания**Алексиада*

Любарский Я. Н., перев. и comment., *Анна Комнина. Алексиада*, Москва, 1965.

Ен.Апост.

Мирчев К., Кодов Х., *Енински апостол. Старобългарски паметник от XI в.*, София, 1965.

Жит.Ст.Перм.

Житие святого Стефана епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым, изд. Археографической комиссии, [подг. В. Г. Дружинин], С.-Петербург, 1897.

НПЛ

Насонов А. Н., ред. и предисл., *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*, Москва, Ленинград, 1950.

Пат.Печ.

Абрамович Д. И., ред., *Патерикъ Киевскаго Печерскаго монастыря*, С.-Петербург, 1911.

Пат.Син.

Голышенко В. С., Дубровина В. Ф., подгот. изд., Котков С. И., ред., *Синайский патерик*, Москва, 1967.

ПСРЛ, 1–43

Полное собрание русских летописей, 1–43, С.-Петербург, Петроград, Ленинград, Москва, 1841–2004.

Тип.Уст., 1–3

Успенский Б. А., ред., *Типографский Устав: Устав с кондакарем конца XI – начала XII века*, 1–3, Москва, 2006.

MF II

Rothe H. (Hrsg.), *Gottesdienstmenäum für den Monat Februar: auf der Grundlage der Handschrift Sin. 164 des Staatlichen Historischen Museums Moskau (GIM). Historisch-kritische Edition*, besorgt und kommentiert von D. Christians et al.; Teil 2: 10. bis 19. Februar (=Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften, 113. Patristica Slavica, 13), Paderborn, München, Wien, Zürich, 2006.

Momina, Trunte I 2004

Momina M. A., Trunte N. (Hrsg.), *Triodion und Pentekostarion nach slavischen Handschriften des 11.–14. Jahrhunderts*, I (= Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften, 110. Patristica Slavica, 11), Paderborn, München, Wien, Zürich, 2004.

Литература

Баранкова 2003

Баранкова Г. С., «Антилатинские послания митрополита Никифора», in: *Лингвистическое источниковедение и история русского языка 2002–2003*, Москва, 2003, 317–359.

Бармин 2006

Бармин А. В., *Полемика и схизма. История греко-латинских споров IX–XII веков*, Москва, 2006.

— 2010

Бармин А. В., «Противолатинская полемика в Древней Руси: византийские параллели», *Византийский временник*, 69/94, 2010, 120–131.

Бодянский 1848

Бодянский О., *Славяно-русские сочинения в пергаменном сборнике И. Н. Царского (= Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете, 1848, 7, Отд. II.)*, Москва, 1848, XV–XXII, 1–20.

Бубнов, Лихачева, Покровская 1976

Бубнов Н. Ю., Лихачева О. П., Покровская В. Ф., сост., *Пергаменные рукописи Библиотеки Академии наук СССР. Описание русских и славянских рукописей XI–XVI веков*, Ленинград, 1976.

Буланин 1991

Буланин Д. М., *Античные традиции в древнерусской литературе XI–XVI вв.*, München, 1991.

— 2014

Буланин Д. М., «Римская епистолия», in: *Каталог памятников древнерусской письменности XI–XIV вв. (Рукописные книги)*, отв. ред. Д. М. Буланин [сост. Д. М. Буланин, А. А. Романова, О. В. Творогов, Ф. Томсон, А. А. Турилов], С.-Петербург, 2014, 560–572.

Буланина 1987

Буланина Т. В., «Феодосий Грек», in: *Словарь книжников и книжности Древней Руси, 1: XI – первая половина XIV в.*, Ленинград, 1987, 459–461.

Бутков 1852

Б[утков] П. [Г.], «Разбор трех древних памятников русской духовной литературы», *Современник*, 1852, 32, Отд. 2, 85–106.

Вальденберг 2008

Вальденберг В. Е., *История византийской политической литературы в связи с историей философских течений и законодательства*, подг. издания В. И. Земковой, С.-Петербург, 2008.

Висковатый 1939

Висковатый К., «К вопросу об авторе и времени написания “Слова к Изяславу о латинех”, *Slavia*, 1939, 4, 535–567.

Гиппиус 2003

Гиппиус А. А., «К атрибуции молитвенного текста в “Поучении” Владимира Мономаха», *Древняя Русь. Вопросы медевистики*, 4 (14), 2003, 13–14.

— 2006

Гиппиус А. А., «Сочинения Владимира Мономаха: Опыт текстологической реконструкции. III», *Русский язык в научном освещении*, 2 (12), 2006, 186–203.

— 2018

Гиппиус А. А., «Несколько конъектур к «Слову на обновление Десятинной церкви» (к реконструкции древнейшей русской гомилии)», in: *У истоков и источников: на международных и междисциплинарных путях. Юбилейный сборник в честь Александра Васильевича Назаренко*, Москва, 2018, 90–102.

Голубинский 1901

Голубинский Е. [Е.], *История русской церкви*, 1/1, изд. 2-е, испр. и доп., Москва, 1901.

Грушевский 1891

Грушевский М., *Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия*, Киев, 1891.

Дмитриевский 1895

Дмитриевский А. [А.], *Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках Православного Востока*, 1/1, Киев, 1895.

Добровольский 2018

Добровольский Д. А., «“Слово о вере христианской и о латинской” в историческом контексте середины XII в.», in: *Восточная Европа в древности и средневековье. XXX Юбилейные Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто: Москва, 17–20 апреля 2018 г. Материалы конференции*, Москва, 2018, 88–92.

Живов 2002

Живов В. М., *Разыскания в области истории и предыстории русской культуры*, Москва, 2002.

Каменцева 2003

Каменцева Е. И., *Хронология*, 2-е изд., исправ. и дополн., Москва, 2003.

Карпов 2017

Карпов А. Ю., *Русская Церковь X–XIII вв.: Биографический словарь*, 2-е изд., Москва, 2017.

Костромин 2011

Костромин К. , свящ., «Проблема атрибуции “Слова Феодосия, игумена Печерского, о вере крестьянской и о латынью”», *Христианское чтение*, 1 (36), 2011, 6–97.

Котляр 2013

Котляр Н. Ф., *Удельная раздробленность Руси*, Киев, 2013.

Кристианс 2018

Кристианс Д., *Топосы в писнопениях византийской служебной минеи и проблемы их переноса на славянскую почву*, Москва, 2018.

Курбанов, Спиридонова 2018

Курбанов А. В., Спиридонова Л. В., «Школьные учебники, составленные Феодором Продромом, и креативные подходы к обучению в Византии XII века», *Вестник Русской Христианской Гуманитарной Академии*, 2018, 19/2, 213–221.

Леонид 1894

Леонид [Кавелин], архим., *Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания Графа А. С. Уварова в четырех частях с 13-ю снимками*, 4, Москва, 1894.

Литвина, Успенский 2006

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., *Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики*, Москва, 2006.

— 2010

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., *Траектории традиции: Главы из истории династии и церкви на Руси конца XI – начала XIII века*, Москва, 2010.

Лосева 2001

Лосева О. В., *Русские месяцесловы XI–XIV веков*, Москва, 2001.

Лященко 1900

Лященко А. И., *Заметка о сочинениях Феодосия, писателя XII века [оттиск из: Jahresbericht der Reformierten Kirchenschule für 1899–1900]*, С.-Петербург, 1900.

Назаренко 2013

Назаренко А. В., «Слово на обновление Десятинной церкви», или к истории почитания святителя Клиmenta Римского в Древней Руси, Москва, Брюссель, 2013.

Никифорова 2012

Никифорова А. Ю., *Из истории Минеи в Византии: Гимнографические памятники VIII–XII вв. из собрания монастыря святой Екатерины на Синае*, Москва, 2012.

Никольский 1892

Никольский Н. [К.], *О литературных трудах митрополита Клиmenta Smoljatiča, писателя XII века*, С.-Петербург, 1892.

— 1907

Никольский Н. К., Материалы для истории древнерусской духовной письменности, *Сборник Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук*, 1907, 82/6, 1–168.

Пентковский 2001

Пентковский А. М., *Типикон патриарха Алексея Студита в Византии и на Руси*, Москва, 2001.

Пичхадзе 2011

Пичхадзе А. А., *Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект*, Москва, 2011.

— 2016

Пичхадзе А. А., «Славянский перевод Эклоги», in: *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*, 9: *История русского языка и культуры. Памяти В. М. Живова*, Москва, 2016, 86–97.

Погодин 1871

Погодин М. П., *Древняя русская история до монгольского ига*, 2, Москва, 1871.

Подсальски 1996

Подсальски Г., *Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.)*, перев. А. В. Назаренко под ред. К. К. Акентьева, 2-е изд., исправ. и доп. для русского перевода, С.-Петербург, 1996.

Полонский 2013

Полонский Д. Г., «Почему киевский монах Феодосий Грек перевел послание римского папы Льва Великого? (К проблемам мотивации книжника и датировки восточнославянского памятника XII в.)», *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 3 (53), 2013, 108–109.

— 2014

Полонский Д. Г., «Историческая эрудиция составителя “Слова о Халкидонском соборе”», *Slověne*, 3/2, 2014, 130–174.

— 2016

Полонский Д. Г., «Перевод Томоса римского папы Льва I Великого и его историко-литературный конвой в восточнославянских четырех сборниках XV–XVII вв.», in: *Археографический ежегодник за 2012 год*, Москва, 2016, 48–63.

— 2018

Полонский Д. Г., «Антилатинская полемика в Киеве XII в. и деятельность Феодосия “Грека” в контексте политики князя Изяслава Мстиславича», in: *Восточная Европа в древности и средневековье. XXX Юбилейные Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто: Москва, 17–20 апреля 2018 г. Материалы конференции*, Москва, 2018, 247–251.

Понырко 1992

Понырко Н. В., *Эпистолярное наследие Древней Руси XI–XIII [вв.]*: Исследования, тексты, переводы, С.-Петербург, 1992.

— 2014

Понырко Н. В., «Клим (Климент Смолятич)», in: *Православная энциклопедия*, 35, Москва, 2014, 486–488.

Поппэ 1996

Поппэ А., «Митрополиты и князья Киевской Руси. Приложение», in: Подсальски Г., *Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.)*, перев.

А. В. Назаренко под ред. К. К. Акентьева, 2-е изд., исправ. и доп. для русского перевода, С.-Петербург, 1996, 443–497.

Присёлков 2003

Присёлков М. Д., *Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв.*, С.-Петербург, 2003.

СК XI–XIII

Жуковская Л. П., отв. ред., *Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв.*, Москва, 1984.

Соболевский 1910

Соболевский А. И., *Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии* (= Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук, 88), С.-Петербург, 1910.

Срезневский 1882

Срезневский И. И., *Древние памятники русского языка и письма (Х–XIV веков). Общее повременное обозрение*, 2-е изд., С.-Петербург, 1882.

Стоянов, Кодов 1964/1971

Стоянов М., Кодов Х., *Опис на славянските ръкописи в Софийската Народна библиотека, 3–4*, София, 1964–71.

Строев 1848

Строев П., *Рукописи славянские и российские, принадлежащие почетному гражданину и Археографической Комиссии корреспонденту Ивану Никитичу Царскому*, Москва, 1848.

Темчин 2009

Темчин С. Ю., «Типы православного славянского богослужения в XI–XIII веках в связи со структурными разновидностями служебного Евангелия и иных литургических книг», *Slavia*, 68, 1999, 191–211.

Турилов 2012

Турилов А. А., *Межславянские культурные связи эпохи средневековья и источниковедение истории и культуры славян*, Москва, 2012.

Успенский 1998

Успенский Б. А., *Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление)*, Москва, 1998.

— 2017

Успенский Б. А., «Митрополит Климент Смолятич и его послания», *Slověne*, 6/1, 2017, 188–189.

Филарет 1859

Филарет, архиепископ Харьковский, *Обзор русской духовной литературы, 862–1720*, Харьков, 1859.

Христова-Шомова 2012a

Христова-Шомова И., *Служебният Апостол в славянската ръкописна традиция, 2: Изследване на синаксарите*, София, 2012.

Христова-Шомова 2012b

Христова-Шомова И., «Календартъ на Остромировото евангелие като свидетелство за историята на славянските богослужебни книги», *Slověne*, 1/2, 2012, 39–65.

Чаговец 1901

Чаговец В. А., *Преподобный Феодосий Печерский, его жизнь и сочинения (с приложением текстов поучений по новым данным)*, Киев, 1901.

Шахматов 1897

Шахматов А. А., «Киевопечерский патерик и Печерская летопись», *Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук*, 2/3, 1897, 795–844.

Яцимирский 1904

Яцимирский А. И., «Феодосий Грек», in: *Энциклопедический словарь. Издатели Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон*, 41а, С.-Петербург, 1904, 911–912.

Angold 1995

Angold M., *Church and Society in Byzantium under the Comneni, 1081–1261*, Cambridge (UK), 1995.

Browning 1962/63

Browning R., “The Patriarchal School at Constantinople in the Twelfth Century”, *Byzantion*, 32, 1962, 167–202; *Ibid.*, 33, 1963, 11–40.

——— 1975

Browning R., “Homer in Byzantium”, *Viator*, 6, 1975, 15–33.

Čertorickaja 1994

Čertorickaja T. V., *Vorläufiger Katalog kirchenlavischer Homilien des beweglichen Jahreszyklus aus Handschriften des 11.–16. Jahrhunderts vorwiegend ostslavischer Provenienz*, H. Miklas, Red., Opladen, 1994.

Clucas 1981

Clucas L., *The Trial of John Italos and the Crisis of Intellectual Values in Byzantium in the Eleventh Century*, Munich, 1981.

Conley 1990

Conley T. M., “Aristotle’s Rhetoric in Byzantium”, *Rhetorica: A Journal of the History of Rhetoric*, 8/1, 1990, 29–44.

——— 2004

Conley T. M., “John Italos’ Methodos Rhetorikē: Text and Commentary”, *Greek Roman and Byzantine Studies*, 44, 2004, 411–437.

Dimnik 2003

Dimnik M., *The Dynasty of Chernigov, 1146–1246*, Cambridge (UK), New York, 2003.

Franklin 1992

Franklin S., “Greek in Kievan Rus”, *Dumbarton Oaks Papers*, 46 (= Homo Byzantinus: Papers in Honor of Alexander Kazhdan), 1992, 69–81.

Hunger 1978

Hunger H., *Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner*, 1, München, 1978.

Kazhdan & Franklin 1984

Kazhdan A., Franklin S., *Studies on Byzantine Literature of the Eleventh and Twelfth Centuries*, Cambridge (UK), New York, 1984.

Kazhdan & Epstein 1985

Kazhdan A.P., Epstein A.W., *Change in Byzantine Culture in the Eleventh and Twelfth Centuries*, Berkeley, 1985.

Mateos 1963

Mateos J., *Le Typicon de la Grande Église. Ms. Sainte-Croix no 40, Xe siècle*, II, Roma, 1963.

Meyendorff 1989

Meyendorff J., *Byzantium and the Rise of Russia*, Crestwood (N.Y.), 1989.

Miller 2003a

Miller T.S., *The Orphans of Byzantium: Child Welfare in the Christian Empire*, Washington, 2003.

——— 2003b

Miller T.S., “Two Teaching Texts from the Twelfth-Century Orphanotropheion”, in: Nesbitt J.W. (ed.), *Byzantine Authors: Literary Activities and Preoccupations*, Leiden, Boston, 2003, 9–20.

Sánchez 2015

Sánchez G.J., ‘Η σχεδογραφία τοῦ 12ου αἰώνα. Ανέκδοτα κείμενα ἀπὸ τὸν κώδικα Vaticanus Palatinus gr. 92 (διπλωματική ἐργασία, Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης, Τμῆμα Φιλολογίας, Θεσσαλονίκη, 2015).

Sellers 1961

Sellers R. V., *The Council of Chalcedon: A Historical and Doctrinal Survey*, London, 1961.

Thomas et al. 2000

Thomas J. et al. (eds.), *Byzantine Monastic Foundation Documents: A Complete Translation of the Surviving Founders' Typika and Testaments*, 2, Washington, 2000.

Thomson 1999

Thomson F.J., *The Reception of Byzantine Culture in Mediaeval Russia*, Aldershot, 1999.

Trizio 2017

Trizio M., "Reading and Commenting on Aristotle", in: Kaldellis A., Siniossoglou N. (eds.), *The Cambridge Intellectual History of Byzantium*, Cambridge (UK), 2017, 397–412.

Valiavitcharska 2013

Valiavitcharska V., *Rhetoric and rhythm in Byzantium : the sound of persuasion*, New York, 2013.

Vassil 1993/94

Vassil I., "Graeca sunt, non leguntur. Zu den schedographischen Spielereien des Theodoros Prodromos", *Byzantinische Zeitschrift*, 86–87, 1993/94, 1–19.

Wilson 1996

Wilson N.G., *Scholars of Byzantium*, London, 1996.

Wirth 1968

Wirth P., "Leon Styppes oder Styppeiotes?", *Byzantinische Forschungen*, 3, 1968, 254–255.

Βάσσης 2002

Βάσσης Ι., "Τῶν νέων φιλολόγων παλαιίσματα. Ἡ συλλογὴ σχεδῶν τοῦ κώδικα Vaticanus Palatinus gr. 92", *Ἑλληνικά*, 52, 2002, 37–68.

υστρατιάδης, Αρκάδιος 1924

Κατάλογος των εν τη Ιερά Μονή Βατοπεδίου αποκειμένων κωδίκων, υπό Μητροπολίτου Πρ. Λεοντοπόλεως Σωφρονίου Ευστρατιάδου και Γέροντος Αρκαδίου ιεροδιακόνου Βατοπεδίου, Paris, 1924.

Ευστρατιάδης 1925

Κατάλογος των κωδίκων της Μεγίστης Λαύρας (της εν Αγίῳ Ορει) : επλοντισθη και δια των εν τέλει δυο παραρτημάτων και των αναγκαιούντων ενδετηρίων πινάκων, συνταχθείς υπό Σπυρίδωνος μοναχού Λαυριώτου..., επεξεργασθείς δε και διασκευασθείς υπό Σωφρονίου Ευστρατιάδου, Μητροπολίτου Λεοντοπόλεως, Paris, 1925.

References

Angold M., *Church and Society in Byzantium under the Comneni, 1081–1261*, Cambridge (UK), 1995.

Barankova G. S., "Antilatinskie poslaniia mitropolita Nikifora, in: *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istorii russkogo iazyka 2002–2003*, Moscow, 2003, 317–359.

Barmin A. V., *Polemika i skhizma. Istorija greko-latinskikh sporov IX–XII vekov*, Moscow, 2006.

Barmin A. V., "Protivolatinskaia polemika v Drevnej Rusi: vizantiiskie parallel'i, *Vizantiiskii vremennik*, 69/94, 2010, 120–131.

Browning R., "The Patriarchal School at Constantinople in the Twelfth Century," *Byzantion*, 32, 1962, 167–202.

Browning R., "The Patriarchal School at Constantinople in the Twelfth Century," *Byzantion*, 33, 1963, 11–40.

Browning R., "Homer in Byzantium," *Viator*, 6, 1975, 15–33.

Bubnov N. Yu., Likhacheva O. P., Pokrovskaja V. F., eds., *Pergamennye rukopisi Biblioteki Akademii nauk SSSR. Opisanie russkikh i slavianskikh rukopisej XI–XVI vekov*, Leningrad, 1976.

Bulanin D. M., *Antichnye traditsii v drevnerusskoj literature XI–XVI vv.*, München, 1991.

Bulanin D. M., "Rimskaja epistolija," in: Bulanin D. M., Romanova A. A., Tvorogov O. V., Tomson F., Turilov A. A., eds., *Katalog pamiatnikov drevnerusskoj pis'mennosti XI–XIV vv. (Rukopisnye knigi)*, St. Petersburg, 2014, 560–572.

Bulanina T. V., "Feodosii Grek," in: *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, 1: XI – pervaia polovina XIV v., Leningrad, 1987, 459–461.

Certerickaja T. V., *Vorläufiger Katalog kirchen-slavischer Homilien des beweglichen Jahreszyklus aus Handschriften des 11.–16. Jahrhunderts vorwiegend ostslavischer Provenienz*, Miklas H., Red., Opladen, 1994.

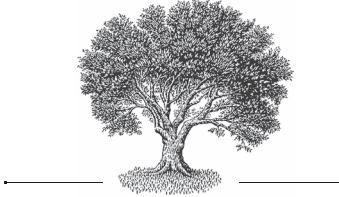
- Clucas L., Clucas L., *The Trial of John Italos and the Crisis of Intellectual Values in Byzantium in the Eleventh Century*, Munich, 1981.
- Conley T. M., "Aristotle's Rhetoric in Byzantium," *Rhetorica: A Journal of the History of Rhetoric*, 8/1, 1990, 29–44.
- Conley T. M., "John Italos' Methodos Rhetorikē: Text and Commentary," *Greek Roman and Byzantine Studies*, 44, 2004, 411–437.
- Dimmik M., *The Dynasty of Chernigov, 1146–1246*, Cambridge (UK), New York, 2003.
- Dobrowski D. A., "Slovo o vere khristianskoi i o latinskoi" v istoricheskem kontekste serediny XII v., in: *Vostochnaia Evropa v drevnosti i srednevekov'ye. XXX Iubileinyye Chteniia pamiati chlena-korrespondenta AN SSSR V. T. Pashuto: Moskva, 17–20 aprelia 2018 g. Materialy konferentsii*, Moscow, 2018, 88–92.
- Franklin S., "Greek in Kievan Rus," *Dumbarton Oaks Papers*, 46 (= Homo Byzantinus: Papers in Honor of Alexander Kazhdan), 1992, 69–81.
- Gippius A. A., "K atributbsii molitvennogo teksta v 'Pouchenii' Vladimira Monomakha," *Old Russia. The Questions of Middle Ages*, 4 (14), 2003, 13–14.
- Gippius A. A., "Sochineniya Vladimira Monomakha: Opyt tekstologicheskoi rekonstruktsii. III," *Russian Language and Linguistic Theory*, 2 (12), 2006, 186–203.
- Gippius A. A., "Neskol'ko kon'iektur k 'Slovu na obnovlenie Desiatinnoi tserkvi' (k rekonstruktsii drevneishei russkoi gomilii)," in: *U istokov i istochnikov: na mezhdunarodnykh i mezhdisciplinarnykh putiakh. Iubileinyy sbornik v ches' Aleksandra Vasil'evicha Nazarenko*, Moscow, 2018, 90–102.
- Golyshenko V. S., Dubrovina V. F., Kotkov S. I., eds., *Sinaiskii paterik*, Moscow, 1967.
- Hunger H., *Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner*, 1, München, 1978.
- Kamentseva E. I., *Khronologiya*, Moscow, 2003.
- Karpov A. Yu., *Russkaia Tserkov' X–XIII vv.: Biograficheskii slovar'*, Moscow, 2017.
- Kazhdan A. P., Epstein A. W., *Change in Byzantine Culture in the Eleventh and Twelfth Centuries*, Berkeley, 1985.
- Kazhdan A., Franklin S., *Studies on Byzantine Literature of the Eleventh and Twelfth Centuries*, Cambridge (UK), New York, 1984.
- Khristova-Shomova I., "The Calendar of the Ostromir Gospel as Evidence of the History of the Slavonic Liturgical Books," *Slověne*, 1/2, 2012, 39–65.
- Khristova-Shomova I., *Sluzhebniat Apostol v slavianskata rukopisna traditsiya*, 2: Izsledvane na sinaksarite, Sofia, 2012.
- Kostromin K., "The Attribution Problem of 'The Word of Theodosius, Hegumen of the Cave, on the Christian and Latin Faith,'" *Christian Reading*, 2011, 36, 1, 6–97.
- Kotliar N. F., *Udel'naya razdroblennost' Rusi*, Kyiv, 2013.
- Kristians D., *Topozy v pesnopeniiaakh vizantiiskoi sluzhebnoi minei i problemy ikh perenosa na slavianskuiu pochvu*, Moscow, 2018.
- Kurbanov A. V., Spiridonova L. V., "The Textbooks by Theodore Prodromos and Some Creative Approaches to Learning in the Byzantine School System of the 12th Century," *Review the Russian Christian Academy for the Humanities*, 19/2, 2018, 213–221.
- Litvina A. F., Uspenskij F. B., *Vybor imeni u russkikh kniazei v X–XVI vv.: Dinasticheskaiia istoriia skvoz' prizmou antroponomikui*, Moscow, 2006.
- Litvina A. F., Uspenskij F. B., *The trajectory of tradition. Chapters from the history of the dynasty and the Church in Russia, the end of XI – the beginning of the XIII century*, Moscow, 2010.
- Loseva O. V., *Russkie mesiatseslovy XI–XIV vekov*, Moscow, 2001.
- Mateos J., *Le Typicon de la Grande Église. Ms. Sainte-Croix no 40, Xe siècle*, 2, Roma, 1963.
- Meyendorff J., *Byzantium and the Rise of Russia*, Crestwood (N.Y.), 1989.
- Miller T. S., *The Orphans of Byzantium: Child Welfare in the Christian Empire*, Washington, 2003.
- Miller T. S., "Two Teaching Texts from the Twelfth-Century Orphanotropheion," in: *Byzantine Authors: Literary Activities and Preoccupations*, Nesbitt J. W., ed., Leiden, Boston, 2003, 9–20.
- Mirchev K., Kodov Ch., *Eninski apostol. Starobulgarski pametnik ot XI v.*, Sofia, 1965.
- Momina M. A., Trunte N., ed., *Triodion und Pentekostarion nach slavischen Handschriften des 11. – 14. Jahrhunderts*, I (= Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften, 110. Patristica Slavica, 11), Paderborn, München, Wien, Zürich, 2004.
- Nasonov A. N., ed., *Novgorodskaiia pervaia letopis' starshego i mladshego izvodov*, Moscow, Lenigrad, 1950.
- Nazarenko A. V., 'Slovo na obnovlenie Desiatinnoi tserkvi', ili k istorii pochitaniia sviatitelja Klimenta Rimskogo v Drevnei Rusi, Moscow, Brussels, 2013.
- Nikiforova A. Yu., *Iz istorii Minei v Vizantii: Gimnograficheskie pamyatniki VIII–XII vv. iz sobranii monastyr'i svatoi Ekateriny na Sinae*, Moscow, 2012.
- Pentkovsky A. M., *Tipikon patriarkha Alekseia Studita v Vizantii i na Rusi*, Moscow, 2001.
- Pichkhadze A. A., *Perevodcheskaia deiatel'nost' v domongošskoi Rusi: lingvisticheskii aspekt*, Moscow, 2011.
- Pichkhadze A. A., "Slavianskii perevod Eklogi," in: *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, 9, Moscow, 2016., 86–97.
- Podskalsky G., *Khrustianstvo i bogoslovskaiia literatura v Kievskei Rusi (988–1237 gg.)*, Nazarenko A. V., trans., Akent'ev K. K., ed., St. Petersburg, 1996.
- Polonski D. G., "Pochemu kievskii monakh Feodosii Grek perevel poslanie rimskogo papy L'va Velikogo? (K problemam motivatsii knizhnika i datirovki vostochnoslavianskogo pamyatnika XII v.)," *Old Russia. The Questions of Middle Ages*, 3 (53), 2013, 108–109.
- Polonski D. G., "The Historical Erudition of the Compiler of 'The Word on the Council of Chalcedon,'" *Slověne*, 3/2, 2014, 130–174.

- Polonski D. G., "Perevod Tomosa rimskogo papy L'va I Velikogo i ego istoriko-literaturnyi konvoi v vostochnoslavianskikh chet'ikh sbornikakh XV–XVII vv.," in: *Arkeograficheskii ezhegodnik za 2012 god*, Moscow, 2016, 48–63.
- Polonski D. G., "Antilatinskaia polemika v Kievie XII v. i deiatel'nost' Feodosiia "Greka" v kontekste politiki kniazia Iziaslava Mstislavicha," in: *Vostochnaia Evropa v drevnosti i srednevekov'ie. XXX Iubileinyye Chtenia pamiatni chlena-korrespondenta AN SSSR V. T. Pashuto: Moskva, 17–20 aprelia 2018 g. Materialy konferentsii*, Moscow, 2018, 247–251.
- Ponyrko N. V., *Epistoliarnoe nasledie Drevnei Rusi XI–XIII [v.]: Issledovaniia, teksty, perevody*, St. Petersburg, 1992.
- Ponyrko N. V., "Klim (Kliment Smoliatiich)," in: *Pra-voslavnaia entsiklopediia*, 35, Moscow, 2014, 486–488.
- Poppe A., "Mitropoliy i kniaz'ia Kievskoi Rusi. Prilozhenie," in: Podskalsky G., *Khristianstvo i bogoslovskaiia literatura v Kievskoi Rusi (988–1237 gg.)*, Nazarenko A. V., trans., Akent'ev K. K. ed., St. Petersburg, 1996., 443–497.
- Priselkov M. D., *Ocherki po tserkovno-politicheskoi istorii Kievskoi Rusi X–XII vv.*, St. Petersburg, 2003.
- Rothe H., Hrsg., *Gottesdienstmenäum für den Monat Februar: auf der Grundlage der Handschrift Sin. 164 des Staatlichen Historischen Museums Moskau (GIM). Historisch-kritische Edition*, besorgt und kommentiert von D. Christians et al.; Teil 2: 10. bis 19. Februar (=Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften, 113. Patriistica Slavica, 13), Paderborn, München, Wien, Zürich, 2006.
- Sellers R. V., *The Council of Chalcedon: A Historical and Doctrinal Survey*, London, 1961.
- Stoyanov M., Kodov Ch., *Opis na slavianskite rukopisi v Sofiiskata Narodna biblioteka, 3–4*, Sofia, 1964–1971.
- Temchin S. Yu., "Tipy pravoslavnogo slavianskogo bogosluzheniia v XI–XIII vekakh v sviazi so strukturnymi raznovidnostiami sluzhebnogo Evangelia i inykh liturgicheskikh knig," *Slavia*, 68, 1999, 191–211.
- Thomas J. et al., eds., *Byzantine Monastic Foundation Documents: A Complete Translation of the Surviving Founders' Typika and Testaments*, 2, Washington, 2000.
- Thomson F. J., *The Reception of Byzantine Culture in Mediaeval Russia*, Aldershot, 1999.
- Trizio M., "Reading and Commenting on Aristotle," in: Kaldellis A., Siniossoglou N., eds., *The Cambridge Intellectual History of Byzantium*, Cambridge (UK), 2017, 397–412.
- Turilov A. A., *Mezhslavianskie kul'turnye sviazi epokhi srednevekov'ia i istochnikovedenie istorii i kul'tury slavian*, Moscow, 2012.
- Uspenskij B. A., *Tsar'i patriarkh: kharizma vlasti v Rossii (Vizantiiskaia model' i ee russkoe pereosmyshlenie)*, Moscow, 1998.
- Uspenskij B. A., ed., *Tipografskii Ustav: Ustav s kondakarem kontsa XI – nachala XII veka*, 1–3, Moscow, 2006.
- Uspenskij B. A., "Metropolitan Kliment Smoliatiich and His Epistles," *Slovène*, 6/1, 2017, 188–189.
- Valdenberg V. E., *Istoria vizantiiskoi politicheskoi literatury v sviazi s istoriei filosofskikh techenii i zakonodatel'stva*, Zemskova V. I., ed., St. Petersburg, 2008.
- Valiavitcharska V., *Rhetoric and rhythm in Byzantium: the sound of persuasion*, New York, 2013.
- Vassis I., "Graeca sunt, non leguntur. Zu den schediographischen Spielereien des Theodoros Prodromos," *Byzantinische Zeitschrift*, 86–87, 1993/94, 1–19.
- Vassis I., "Tōn neōn filologōn palaismata. Ē syllögē schedōn tou kōdika Vaticanus Palatinus gr. 92," *Ellēnika*, 52, 2002, 37–68.
- Viskovaty K., "K voprosu ob avtore i vremeni napisaniia 'Slova k Iziaslavu o latinekh,'" *Slavia*, 4, 1939, 535–567.
- Wilson N. G., *Scholars of Byzantium*, London, 1996.
- Wirth P., "Leon Styppes oder Styppeiotes?," *Byzantinische Forschungen*, 3, 1968, 254–255.
- Zhivotov V. M., *Razyskaniia v oblasti istorii i predytorii russkoi kul'tury*, Moscow, 2002.
- Zhukovskaya L. P., ed., *Svodnyi katalog slaviano-russkikh rukopisnykh knig, khroniashchikhsia v SSSR. XI–XIII vv.*, Moscow, 1984.

Дмитрий Георгиевич Полонский,
научный сотрудник отдела средних веков
Института славяноведения РАН
119991, Москва, Ленинский проспект, д. 32А
Россия/Russia
dpolon@gmail.com

Received July 26, 2018

Акцентуация *i*-глаголов в хронографе XVI в. из собрания Е. В. Барсова

Accentuation of *i*-verbs in the Sixteenth-century Chronograph from the E. V. Barsov Collection

**Анастасия Константиновна
Поливанова**

Институт славяноведения РАН
Москва, Россия

Anastasia K. Polivanova

Institute for Slavic Studies of the
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Резюме

В данной статье описывается акцентная система глаголов с тематической гласной *-и*- хронографа конца XVI в. из собрания Е. В. Барсова, хранящегося в Государственном историческом музее в Москве под номером 1695. Одна из задач статьи состоит в том, чтобы показать, как распределяются все *i*- глаголы Барсовского хронографа на три акцентные парадигмы. В статье дана таблица, из которой понятно, в каких субпарадигмах различается ударение глаголов, относящихся к разным акцентным парадигмам. Особое внимание уделено акцентуированным словоформам *н*-причастий.

Проведенное исследование показало, что *i*-глаголы Барсовского хронографа демонстрируют ударение, типичное для конца XVI в., за исключением

Цитирование: Поливанова А. К. Акцентуация *i*-глаголов в хронографе XVI в. из собрания Е. В. Барсова // Slověne. 2018. Vol. 7, № 2. С. 47–61.

Citation: Polivanova A. K. (2018) Accentuation of *i*-verbs in the Sixteenth-Century Chronograph from the E. V. Barsov Collection. *Slověne*, Vol. 7, № 2, p. 47–61.

DOI: 10.31168/2305-6754.2018.7.2.2

трех важных особенностей, две из которых являются инновациями, а третья — архаизмом. Во-первых, первое лицо презенса акцентной парадигмы с в Барсовском хронографе имеет ударение на окончании, как и прочие словоформы презенса (в раннедревнерусском формы первого лица были энклиноменами, а их переход в самоударные словоформы происходил в разных диалектах в различное время). Во-вторых, *l*-причастия акцентной парадигмы с в Барсовском хронографе имеют ударение на суффиксе (при еще распространенном в других памятниках XVI в. подвижном ударении). В-третьих, ударение *n*-причастий акцентной парадигмы *b* имеет то же распределение, которое реконструировано А. А. Зализняком для раннедревнерусского, но фактически еще не было отмечено ни в одной русской рукописи.

Ключевые слова

славянское языкознание, древнерусский язык, акцентология, *i*-глаголы, Барсовский хронограф, акцентные парадигмы, *n*-причастия

Abstract

The present article describes the accentual system of the verbs featuring the thematic vowel *-i* in the late 16th-century Chronograph from the E. V. Barsov collection, held in the State Historical Museum in Moscow, catalogue number 1695. One of the tasks of this article is to show the distribution of the *i*-verbs in the Barsov Chronograph into three accentual paradigms. A table is presented that renders evident the differentiation in particular sub-paradigms of stress in verbs relating to various accentual paradigms. Particular attention is given to accented word forms of the *n*-participle.

This research project has shown that the *i*-verbs of the Barsov Chronograph exhibit stress patterns typical for the late sixteenth century, with the exception of three important features, two of which constitute innovations, while the third is an archaism. Firstly, the first-person Present for the accentual paradigm *c* in the Barsov Chronograph has stress on the ending, like other word forms of the Present tense (in early Old Russian, first person forms are defined as enclitomena, and their transformation into stress-bearing word forms happened in various dialects at various times). Secondly, the *l*-participle for the accentual paradigm *c* in the Barsov Chronograph has stress on the suffix (in contrast to the mobile stress that was still broadly present in other texts at that time). Thirdly, the stress in *n* participles of the accentual paradigm *b* has the same distribution that was reconstructed by A. A. Zaliznyak for early Old Russian, although it has not been observed in a single Russian manuscript before.

Keywords

Slavic linguistics, Old Russian, accentology, *i*-verbs, Barsov Chronograph, accentual paradigms, *n*-participles

В настоящей работе предлагается описание акцентной системы *i*-глаголов не изученной ранее рукописи хронографа конца XVI века, хранящейся под номером 1695 в собрании Е. В. Барсова в Государственном историческом музее. Далее я буду называть эту рукопись Барсовским хронографом¹.

Исследуемая рукопись содержит вторую половину Русского хронографа первой редакции 1512 года и является второй частью лицевого Хронографа № 202 из собрания Е. Е. Егорова (РГБ, ф. 98) [Щепкина, Протасьева 1958: 54-55], которая послужила одним из источников реконструкции праславянской акцентуации в книге А. А. Зализняка «От праславянской акцентуации к русской» [Зализняк 1985: 220, § 3.26]. Рукопись большого формата, 1°, написана полууставом, одним почерком. Она содержит 1368 листов, и почти на каждом листе оставлены места для миниатюр и инициалов².

Барсовский хронограф хорошо акцентирован, примерно на 70 процентов. В рукописи представлена широколитерная система различения графем «класса О» по классификации А. А. Зализняка [Зализняк 1985: 208, § 3.19].

Предлагаемое здесь описание сделано по составленной мной полной выборке акцентированных глагольных форм Барсовского хронографа. В выборку включены также словоформы, не отмеченные в рукописи акцентными знаками, но содержащие акцентно-значимые вхождения графемы «о широкое».

Класс глаголов с тематической гласной *-i-* (далее — *i*-глаголы) представляет особый интерес с акцентологической точки зрения, так как значительную часть парадигмы составляют в нем формы без тематической гласной, благодаря чему наблюдается разнообразие акцентов внутри парадигмы — в отличие от ряда других классов, где ударение в значительной степени унифицировано суффиксами (ср. словоформы *ai-* или *ova*-глаголов). Изначально тематическая гласная *-i-* была безударной (т. е. имела минусовую маркировку)³, но довольно рано в формах инфинитива и аориста стала самоударной. Позже это явление стало распространяться и на другие субпарадигмы, в первую очередь на *ii-*⁴ и

¹ Я признательна В. А. Дыбо, И. С. Пекуновой, Анне К. Поливановой, А. В. Тер-Аванесовой, а также С. М. Михееву и К. М. Поливанову за помощь в работе над данной статьей.

² Подробное описание Барсовского хронографа будет дано в другой работе.

³ О технике маркировок подробно см. [Зализняк 2014: 27–30, § 1.10–12].

⁴ Причастия для краткости обозначаются по суффиксальной согласной, как в работе [Поливанова Анна К. 2013: 249, § 407], а именно: *im*-причастие — действительное причастие настоящего времени, *ii*-причастие — действительное причастие прошедшего времени, *m*-причастие — страдательное причастие

л-причастия (например, раннедр.-рус. *лиши́ти* (< *lišítí), *лиши́ша* (< *lišé), *лишили*, *лишила*, *лишивъ* к XVI в. почти повсеместно перешли в *лиши́ти*, *лиши́ша*, *лиши́ли*, *лиши́ла*, *лиши́въ*).

Все лексемы *i*-глаголов Барсовского хронографа⁵ распределяются по трем акцентным парадигмам: 1) акцентная парадигма *a* — неподвижное ударение на корне; 2) акцентная парадигма *b* — ударение на слоге справа от корня, за исключением некоторых субпарадигм, о которых пойдет речь ниже; 3) акцентная парадигма *c* — ударение, зависящее от маркировки суффиксов или окончаний. Впрочем, противопоставление *трех* акцентных парадигм наблюдается только в презенсе, где лексемы, относящиеся к разным акцентным парадигмам, ведут себя тремя различными способами (см. табл. 1).

В субпарадигме *н*-причастия словоформы распределяются на две группы: 1) словоформы с ударением на корень (сюда попадают все глаголы акцентной парадигмы *a* и некоторое количество глаголов акцентной парадигмы *b*); 2) словоформы с ударением на суффикс (все глаголы акцентной парадигмы *c* и небольшое количество глаголов акцентной парадигмы *b*). Подробное описание этого распределения будет дано ниже.

В остальных субпарадигмах отсутствует противопоставление акцентных парадигм *b* и *c*, а именно: все словоформы распределяются всего на две группы: 1) с ударением на корень — глаголы акцентной парадигмы *a*; 2) с ударением на слог справа от корня — глаголы акцентных парадигм *b* и *c*.

Ниже в табл. 2–4 для наглядного понимания устройства ударения глаголов трех акцентных парадигм в Барсовском хронографе представлены примеры акцентуированных словоформ всех субпарадигм, то есть глагольные анкеты⁶.

Акцентные кривые *i*-глаголов в рукописях конца XVI — начала XVII в. примерно так и должны были выглядеть. К этому времени почти всюду в акцентной парадигме *c* в субпарадигмах с тематической гласной ударение переместилось на *-и-*, однако *л*-причастие лексем акцентной парадигмы *c* еще в XVII в. сохраняло подвижное ударение в отдельных диалектных зонах, что наблюдается в некоторых рукописях [Зализняк 1985: 328, § 3.63]. Для тех же диалектных зон было характерно ударение в первом лице презенса на основу, а не на окончание.

настоящего времени, *н*-причастие и *т*-причастие — страдательное причастие прошедшего времени, *л*-причастие — перфективное.

⁵ Полный список *i*-глаголов Барсовского хронографа с их акцентными характеристиками представлен в Приложении 1 на стр. 57.

⁶ Анкета лексемы — часть ее парадигмы, содержащая некоторые показательные словоформы [Поливанова Анна К. 2013: 143, § 256].

Табл. 1. Акцентные кривые *i*-глаголов Барсовского хронографа

Барсовский хр.	<i>a</i>				<i>b</i>				<i>c</i>			
	p	R	s	f	p	R	s	f	p	R	s	f
Презенс 1sg		•					•				•	
Презенс	•				•						•	
Императив	•						•				•	
Имперфект	•						•				•	
Аорист 2-3sg	•						•				•	
Аорист	•						•				•	
ШТ-причастие Nsgm	•						•				•	
ШТ-причастие	•						•				•	
M-причастие	•						•				•	
Ш-причастие Nsgm	•						•				•	
Ш-причастие	•						•				•	
H-причастие	•				•	•					•	
L-причастие m Sg	•						•				•	
L-причастие	•						•				•	
Инфинитив		•					•				•	

Примечания:

- Во входах таблицы буквы *a*, *b*, *c* соответствуют акцентным парадигмам; буквы *p*, *R*, *s*, *f* – обозначают префикс, корень, суффикс и флексию соответственно.
- Объединенные клетки **s+f**: ударение на 1-ый (ближайший к корню) гласный.

Табл. 2. Глагольная анкета акцентной парадигмы *a*

Prae	їзбáвлю та, мы́слить, поставите, стáва тса	Aor	помы́слиша
Impv	помы́сли	Impf	мы́слаше, мы́шлахоу
шт-part	мы́слща, мы́слаше	ш-part	мы́слившоу
m-part	недомы́слимыá	н-part	недомы́слена
Inf	мы́слити; л-part стáвиль		

Табл. 3. Глагольная анкета акцентной парадигмы *b*

Prae	прóситъ, прóсите, хóдите	Aor	просиша, ходиша
Impv	просíте, ходí	Impf	проша́ше, хождáхоу
шт-part	просà, просáще	ш-part	вопросíв же, вопросíвшi, приходíвшоу
m-part	входíмо	н-part	прошéни, о́хващéнъ
Inf	просíти, ходíти; л-part ходíли		

Табл. 4. Глагольная анкета акцентной парадигмы с

Prae	поклоню́са, твори́ши, суклонитса	Aor	воз'врати́са, сотвори́ша
Impv	—	Impf	твора́ше, твора́хоу
<i>шт</i> -part	твора́л, твора́ща	<i>шт</i> -part	сотвори́въ
<i>н</i> -part	творимое	<i>н</i> -part	сотвореное
Inf твори́ти; <i>л</i> -part сотвори́ль			

В Барсовском хронографе, как видно из табл. 1, в лексемах акцентной парадигмы *c* в этих субпарадигмах подвижного ударения уже нет. Все *л*-причастия лексем акцентной парадигмы *c* имеют ударение на тематической гласной *-и*. Глаголы акцентной парадигмы *c* как в первом лице презенса, так и во всех других формах презенса имеют ударение на окончании⁷. Соответственно, и в субпарадигме *л*-причастия, и в презенсе представлено колонное ударение, а не подвижное, как это было в раннедревнерусском.

Отдельного внимания заслуживают *н*-причастия акцентной парадигмы *b*.

В раннедревнерусском в *н*-причастиях противопоставлялись три акцентных типа (ударение на корень, суффикс, подвижное). При этом глаголы акцентной парадигмы *b* распределялись на две группы: 1) глаголы, у которых в *н*-причастиях ударение падает на корень; 2) глаголы, у которых в *н*-причастиях ударение падает на суффикс. Это распределение зависело от этимологической долготы или краткости гласной в корне [Зализняк 1985: 145, § 2.21]. При этимологически долгой гласной в корне суффикс *-ен-* приобретал дополнительную маркировку *Re*, и ударение падало на корень, а если в корне была этимологически краткая гласная, то ударение падало на суффикс (ср. глагол *судити*: в корне этимологически долгая, *н*-причастие — *сúжено*; глагол *просити*: в корне этимологически краткая, *н*-причастие — *прошéно*).

Однако к XVI–XVII вв. ударение в *н*-причастиях выровнялось по одному из двух путей. В первом случае глаголы акцентной парадигмы *c* в неченных формах *н*-причастий имеют ударение на окончании, и все формы *н*-причастий распределяются на две группы: 1) с ударением на

⁷ Точнее, на соединительный морф *-и-*, который дальше в условном порядке относится к окончанию. Ударение на второй гласный окончания можно было бы ожидать только во 2Pl Prae, но таких словоформ в Барсовском хронографе всего две: *сóхрапитé* (1316a_{14–15}), *сотвори́те* (1316a₈) и из них одна с ударением на первую гласную, а во второй на вторую гласную окончания, что не дает возможности выявить закономерность ударения в 2Pl Prae у глаголов а. п. с Барсовского хронографа. (См. [Зализняк 2014: 21, § 1.9; 32, § 1.14]. [Зализняк 1985: 143–144, § 2.21; 316–322, § 3.60].)

корень (словоформы лексем акцентных парадигм *a* и *b*); 2) с ударением на окончание (словоформы лексем акцентной парадигмы *c*). Во втором случае глаголы акцентной парадигмы *c* в формах *н*-причастий имеют ударение на суффикс, и все словоформы *н*-причастий распределяются иначе: 1) с ударением на корень (словоформы лексем акцентной парадигмы *a*); 2) с ударением на суффикс (словоформы лексем акцентной парадигмы *b* и акцентной парадигмы *c*)⁸.

В Барсовском хронографе все акцентуированные *н*-причастия *i*-глаголов (177 словоформ) распределяются на две группы: 1) словоформы с ударением на корень – словоформы лексем акцентной парадигмы *a* и словоформы некоторых лексем акцентной парадигмы *b*; 2) словоформы с ударением на суффикс – словоформы лексем акцентной парадигмы *c* и словоформы некоторых лексем акцентной парадигмы *b*.

Рассмотрим словоформы *н*-причастий лексем акцентной парадигмы *b* (устанавливаемой для Барсовского хронографа синхронно по формам презенса или хотя бы только этимологически, то есть по раннедревнерусским данным). Ударение на корень имеют словоформы: *размѣшены* (501b₁₃), *оудѣвлѣнъ* (309a₇), *оудѣвлѣ* (309b₃), *оуѣвашенъ* (1000b₃, 1008b₁₁, 1012a₁₀), *оуївашенъ* (1087a₇₋₈), *оуївашенъ* (1009a₁₋₂), *оуївашенъ* (1000a₁₄₋₁₅, 1233b₁₅₋₁₆), *ѡсоуїждѣнъ* (851a₃). Ударение на суффикс падает в следующих словоформах: *вопрошѣни* (941a₅), *вопрошѣнъ* (950b₂₋₃), *поглощѣна* (1101b₁)⁹.

На этих примерах видно, что в Барсовском хронографе глаголы акцентной парадигмы *b*, по-видимому, показывают следы раннедревнерусского распределения, а именно: в случае корневой этимологически долгой гласной ударение падает на корень, а если корневая гласная этимологически краткая, то на суффикс¹⁰.

⁸ Подробно об этом см. [Зализняк 1985: 340, § 3.67].

⁹ Полный список словоформ данных глаголов см. в Приложении 2 на стр. 59.

Суффиксальное ударение наблюдается также в *н*-причастиях глаголов, для которых определение акцентной парадигмы в Барсовском хронографе неоднозначно: *воѣбрашены* (701b₃), *воѣзбранены* (451b₉₋₁₀), *заточены* (380b₃, 1051'b₁₆), *заточены* (309b₁), *расточены*_{н-PartBrevAPlin} (708b₆), *ѡблюденъ* (1312b₁₀), *ѡграждѣнъ* (92b₁). В раннедревнерусском все они имели акцентную парадигму *c*.

¹⁰ По такому распределению глаголов акцентной парадигмы *b* можно сделать предположение о территориальном происхождении рассматриваемой рукописи. Согласно В. А. Дыбо, *i*-глаголы праславянской акцентной парадигмы *b* в разных регионах развивались по-разному. Всего выделяется 4 группы диалектов. К первой группе относятся диалекты, в которых *i*-глаголы праславянской а. п. в презенсе имеют накоренное ударение, ко второй группе – диалекты, в которых те же *i*-глаголы при этимологически краткой гласной в корне ударяются на корень, а при этимологически долгой гласной в корне имеют ударение на окончании. К третьей группе относятся диалекты, в которых *i*-глаголы с долгой гласной в корне ударяются на корень, а с краткой гласной в корне ударяются на окончание. В четвертую группу попадают диалекты, в которых все соответствующие *i*-глаголы в презенсе ударяются на окончания [Булатова, Дыбо, Николаев 1988]. Если

Это распределение касается только кратких (нечленных) форм *n*-причастий. Полные *n*-причастия распределялись, судя по всему, как-то иначе, однако за недостатком материала увидеть системность их удаления не получается. Перечислю все встретившиеся в Барсовском хронографе словоформы полных *n*-причастий *i*-глаголов: а. п. *b*: **возлюбле|нна́го** (666b₁₂₋₁₃); а. п. *c*: **побѣждённы́м** же (233b₆); колеблются между акцентной парадигмой *b* и акцентной парадигмой *c*: **преоу́кращеноу́ю** (926b₈), **оу́кращеноу́ю** (634b₁₀).

Ниже даны полные перечни акцентуированных словоформ нескольких глагольных групп Барсовского хронографа, которые заслуживают специального внимания и требуют комментария.

1. Глагол **любити** (**лъбітъ**_{Prae3Sg} (219a₁₃), **лъбі́тъ**_{Prae3Pl} (239b₄₋₅), **лъблá-шє**_{Impf3Sg} (386a₅, 386a₉, 427b₅, 824b₁₆, 1117a₄), **лъблá-шє**_{Impf3Sg} (827a₁₋₂, 1056'b₁₂₋₁₃), **лъблá-шє**_{шт-PartBrevNPlm} (968b₆), **лъблá-шє**_{шт-PartBrevNPlm} (513b₁₋₂), **лъбівъ**_{ш-PartBrevNSgm} (514b₁), **лъбі**_{ш-PartBrevNSgm} (1002'b₁₄), **лъбіма**_{m-PartBrevNSgf} (778b₁₁, 1045'a₁₀), **лъбі́мъ**_{m-PartBrevNSgf} (866b₁₅₋₁₆), **лъбімла**_{м-PartPlenAPln} (824b₁₀)) — акцентной парадигмы *b* как в древнерусском, так и в современном русском языке. Так же и в Барсовском хронографе. Однако накоренное ударение, своеобразное в этой акцентной парадигме только словоформам презенса и *n*-причастий, здесь наблюдается и в словоформах *sh*-причастий. Причины такого распределения не вполне ясны. Возможно, ударение в *sh*-причастии **лъбівъ** падает на корень по аналогии с презенсом **лъбітъ**, однако нельзя исключать и возможного воздействия накоренного ударения старой формы *sh*-причастия **лъблá**¹¹.

2. Глагол **восхитити** (**восхитити**_{Inf} (976а₈, 1010а₂), **восхитити**_{Inf} (500б₅₋₆), **восхитити**_{Inf} (1233а₁₀), **восхити**_{Aor3Sg} (468б₆, 705б₂, 894б₆, 981б₈), **восхити**_{Aor3Sg} (438б₅, 468а₉, 484б₇, 486б₆), **восхити**_{Aor3Sg} же **МА** (556а₁₁), **восхитися**_{Aor3Sg} (1002'б₂), **восхитиша**_{Aor3Pl} (1263а₂), **восхитиша**_{Aor3Pl} (709а₅, 1263а₁₀), **восхитиша**_{Aor3Pl} (1211а₁₀₋₁₁), **восхитиъш**-PartBrevNSgm (634б₁₃), **восхитиъш**-PartBrevNSgm (622а₁₄), **восхитиъши**-PartPlenNSgm (385б₁₄₋₁₅), **восхитиъшаго** _ш-PartPlenGsgm (721б₅₋₆),

проводить параллель распределения ударений *n*-причастий *i*-глаголов акцентной парадигмы *b* в Барсовском хронографе с распределением ударения в презенсе, которое описывает В. А. Дыбо, то рассматриваемая рукопись попадает в третью группу. К этой группе относятся: старохорватский диалект Ю. Крижанича, северо-восточные великорусские говоры и соответствующие им старорусские памятники, юго-западный диалект, представленный в Чудовском Новом Завете XIV в.

О возможностях параллелизма в акцентуации *n*-причастий и форм презенса см.: [Зализняк 1985: 345, § 3.68].

¹¹ В Барсовском хронографе встречаются как новые, так и старые формы *иу-причастий*. Ср. **погоубль**_{ш-partBrevNSgm} (905b₁₁), по**г8бивш**_{ш-partBrevNplm} (1060'b₁₃₋₁₄), **погоубывш**_{ш-partBrevDsgn} (91a₄, 772a₁₄), **погоубывши**_{ш-partPlenNSgm} (328a₃), **поставивь**_{ш-partBrevNSgm} (257a₅, 2074a₂, 2075b₁, 2075b₈), **поставив**_{ш-partBrevNSgm} (836a₃), **поставыше**_{ш-partBrevNplm} (1061'a₆₋₇), **пристуопивь**_{ш-partBrevNSgm} (632a₄), **пристуопивш**_{ш-partBrevNSgm} (744b₆₋₇), **прістуопивъ**_{ш-partBrevNSgm} (720b₃₋₄), **пристуопивши**_{ш-partBrevNplm} (709a₆).

восхити́ш^{нъ}е_{н-parBrevNSgm} (734b₂), **восхитенъ_{н-PartBrevNSgm}** (644b₁₀), **восхитенъ_{н-PartBrevNSgm}** (486b₁), **восхитено_{н-PartBrevNSgm}** (396a₃)) первоначально акцентной парадигмы *a*, в современном русском языке – акцентной парадигмы *c* (*восхититься*). В Барсовском хронографе ударение бывает как на корне, что свойственно акцентной парадигме *a*, так и на суффиксе, что показывает или акцентную парадигму *c*, или *b*. При этом в Барсовском хронографе данный глагол встретился в двух значениях: 1) «похитить»; 2) «восхититься». Словоформы и с одним, и с другим значением встретились с ударением как на корне, так и на суффиксе. Соответственно, акцентная парадигма глагола *восхитити* в Барсовском хронографе колеблется между акцентными парадигмами *a* и *b/c*.

3. Глагол *покорити* (*покорити_{Inf}* (1058'b₃, 1226b₈), *по|корити_{Inf}* (1077b₂₋₃), *покоритиса_{Inf}* (1123b₈), *покорити|са_{Inf}* (1276a₁₅), *покориса_{Aor3Sg}* (1113a₆, 1124b₃), *покориша_{Aor3Pl}* (1223a₇, 1311b₁₂, 1318b₇), *покоришаса_{Aor3Pl}* (508b₅), *покоривъ_{ш-PartBrevNSgm}* (1084a₇), *покоривжеса_{ш-PartBrevNSgm}* (623b₅₋₆)) раннедревнерусской акцентной парадигмы *c*. В Барсовском хронографе не удается определить акцентную парадигму этого глагола. Формы с таким ударением могут быть и у глаголов акцентной парадигмы *c*, и у глаголов акцентной парадигмы *b*. Ударение формы *ш-причастия* – *покоривъ* – остается необъяснимым, как при акцентной парадигме *b*, так и при акцентной парадигме *c*.

4. Ударение глагола *оскорбити* (*ѡскорбите_{Inf}* (634b₄), *ѡскорбіши_{Prae2Sg}* (298b₃), *ѡскорблаше_{Impf3Sg}* (778b₆, 1067a₁), *ѡско|рблаше_{Impf3Sg}* (1066'a₃₋₄), *ѡскорблáшеса_{Impf3Sg}* (405a₁₋₂), *ѡскорбиса_{Aor3Sg}* (1036a₆), *ѡскорбіса_{Aor3Sg}* (1079a₇), *ѡскорбившаса_{ш-PartBrevGsgm}* (687a₁), *ѡскорбивши|хъ_{ш-PartPlenGPlm}* (605a₁₅)) в современном русском следует акцентной парадигме *c*, а в древнерусском колебалось между акцентными парадигмами *a* и *c*. В Барсовском хронографе представлено то же колебание: большинство форм показывают акцентную парадигму *c*, однако есть и две формы акцентной парадигмы *a*. Таким образом, наблюдается переходное состояние, промежуточное между древним и новым ударением.

5. Глагол *хулити* (*խոύлитε_{Prae2Pl}* (1028a₁₀), *խօլաшε_{Impf3Sg}* (361a₈), *խօլа-щε_{шт-PartBrevNPIm}* (366a₁₅), *խօլаփα_{шт-PartBrevGsgm}* (272a₆), *խօլаփի|хъ_{шт-PartPlenGPlm}* (361a₁₂)). По перечисленным формам можно без труда определить акцентную парадигму этого глагола как акцентную парадигму *a*. Что небезынтересно, так как раннедревнерусская акцентная парадигма для него четко не определялась, а колебалась между *a* и *b*, при этом в современном литературном русском языке глагол *хулить* имеет акцентную парадигму *c*¹².

¹² По сообщению А. В. Тер-Аванесовой, в русских диалектах глагол *хулить* часто относится к а. п. *a*.

6. Глагол *изволити* (*и́зво́лю*_{Prae1Sg} (214b₁₅₋₁₆), *и́зво́литъ*_{Prae3Sg} (442b₈), *и́зво́ли*_{Impv2Sg} (705a₁₁), *и́зво́лиша*_{Aor3Pl} (675b₄), *и́зво́лившоу*_{ш-PartBrevDSgm} (750a₁₀₋₁₁)) в древнерусском колебался между акцентной парадигмой *a* и акцентной парадигмой *b*. По формам, перечисленным выше, можно видеть, что в Барсовском хронографе *изволити* выровнялся по акцентной парадигме *a* (исключение в моем материале — одна словоформа *и-прич.*), которая закрепилась у глагола *изволить* и в современном русском языке.

7. Глагол *чудитися* (*чу́дáтса*_{Prae3Pl} (442b₇), *чу́дýса*_{Aor3Sg} (566a₈), *чу́дá-щеса*_{шт-PartBrevNPlm} *чу́дáчи́мса*_{шт-PartPlenDPlm} (811a₁)) раннедревнерусской акцентной парадигмы *a*, позже — акцентной парадигмы *c*. Как видно по представленным формам, и в Барсовском хронографе этот глагол относится к акцентной парадигме *c*. В современном русском языке акцентная парадигма глагола *чудиться* — *a*. Что интересно, невозвратный глагол *чудить* в современном русском языке — акцентной парадигмы *c*.

8. Недомыслити (*недомы́слимы́а*_{м-PartPlenGSgf} (1034b₉), *недомы́слáим'*_{шт-PartPlenDPl} *жє са* (288b₅), *недомы́слена*_{н-PartBrevNSgf} (450b₈), *недомы́слено*_{н-PartBrevNSgn} (451a₃₋₄)). И в раннедревнерусском, и в Барсовском хронографе данный глагол относится к акцентной парадигме *a*. Остается необъяснимым ударение формы *шт-причастия* *недомы́слáим'* *жє са* (288b₂₀).

Кроме вышеперечисленных глаголов, отдельного внимания заслуживают глаголы с корнем *-лож-*.

Ниже перечислены все словоформы *i*-глаголов с корнем *-лож-* Барсовского хронографа: *возложивъ*_{ш-PartBrevNSgm} (975a₇), *возложити*_{Inf} (474a₄, 807b₆), *возложи́ти*_{Inf} (221b₅₋₆), *возложатъ*_{Prae3Pl} (1316b₁₂), *во́зложи*_{Aor3Sg} (223a₅₋₆), *возложи*_{Aor3Sg} (520a₇, 911a₁₀) *вложити*_{Inf} (848a₇), *вложи́ша*_{Aor3Pl} (550a₃, 639b₈), *вложи́вши*_{ш-PartBrevNSgf} (1063''b₁₄), *и́зложити*_{Inf} (589a₉), *и́зложи́сте*_{Aor2Pl} (1276b₁₁), *и́зложи́ша*_{Aor3Pl} (399b₄), *и́зложи́ша*_{Aor3Pl} (589b₁₄₋₁₅), *на́ложи́въ*_{ш-PartBrevNSgm} (974b₇₋₈), *ни́зложи́ша*_{Aor3Pl} (409b₁₂), *ѡ́ложи́ша*_{Aor3Pl} (472b₁₁, 782b₁₀), *ѡ́ложити*_{Inf} (911b₉, 969a₈), *ѡ́ложи́ша*_{Aor3Pl} (702a₁₁), *ѡ́ложи́въ*_{ш-PartBrevNSgm} (543a₈, 749a₅), *ѡ́ложено*_{н-PartBrevNSgn} (702a₇), *положити*_{Inf} (846b₁, 898b₁₂, 950b₉), *поло-жити*_{Inf} (846a₄), *поло́житъ*_{Prae3Sg} (1224a₇₋₈), *поло́жи*_{Aor3Sg} (241a₇), *поло́жи*_{Aor3Sg} (264b₆, 704a₈), *положи́са*_{Aor3Sg} (1264b₄), *положи́ша*_{Aor3Pl} (277b₁₁), *положи́ша*_{Aor3Pl} (278a₅, 411b₁₀, 412a₁, 538a₁₃, 660b₅, 814'b₆, 966a₈, 1038a₁₂, 1093a₃, 1114b₄, 1117b₃, 1258b₈, 1296b₃, 1318b₇), *положи́шаса*_{Aor3Pl} (625a₃), *по́ложи́ша*_{Aor3Pl} (539a₁₋₂), *по-ло́жи́ша*_{Aor3Pl} (640a₁), *положи́въ*_{ш-PartBrevNSgm} (1078a₈), *положи́вши*_{ш-PartBrevNSgf} (1001a₄), *по́ложи́в’шє*_{ш-PartBrevNPIm} (1275a₅₋₆), *положи́вшимъ*_{ш-PartPlenDPl} (892a₄₋₅), *положено*_{н-PartBrevNSgm} (990b₇, 1043'b₃, 1065'a₃, 1070'a₆, 1076'b₃, 1099b₆, 1189a₄), *по́ложено*_{н-PartBrevNSgm} (1077'a₅₋₆, 1134b₈₋₉), *по́жéнъ*_{н-PartBrevNSgm} (1183a₂), *положé-на*_{н-PartBrevNSgf} (294b₃), *положéна*_{н-PartBrevNSgf} (294a₆₋₇), *по́ложено*_{н-PartBrevNSgf} (293b₁₁₋₁₂), *положéни*_{н-PartBrevNPIm} (1039b₉₋₁₀), *положенои*_{н-PartPlenNSgm} (583b₉), *приложи́*_{3SgPrae} (426a₂), *приложи́са*_{Aor3Sg} (469a₆, 533b₈, 624b₅, 643a₁₅), *приложи́*_{Aor3Sg} *же* (954a₄),

приложи́ша_{Aor3Pl} (516a₅, 516b₁), приложи́ша_{Aor3Pl} (955b₈₋₉), приложи́ша_{Aor3Pl} (955b₁₁₋₁₂), приложи́шаса_{Aor3Pl} (586a₅), приложи́шаса_{Aor3Pl} (586a₅, 903a₇₋₈), приложи́вса_{ш-PartBrevNSgm} (1007a₆), приложи́вса_{ш-PartBrevNSgm} (501b₇₋₈), приложи́в-ше_{ш-PartBrevNPlm} (1019a₃), пре́ложено_{н-PartBrevNSgn} (905a₄), пре́ложи́ти_{Inf} (1070'a₂₋₃), пре́ложитса_{Prae3Sg} (1235b₁₀), пре́ложи́ Aor3Sg (1247a₈), пре́ложи́са_{Aor3Sg} (244b₆), пре́ложи́са_{Aor3Sg} (710b₁₋₁₁, 1315a₃₋₄), пре́ложи́шаса_{Aor3Pl} (1081'a₁₄), пре́ложи́ша-са_{Aor3Pl} (754b₄₋₅), пре́ложи́шаса_{Aor3Pl} (912b₁₋₂), пре́ложи́ша_{Aor3Pl} (955b₄₋₅), пре́ложи́ша_{Aor3Pl} (852a₆₋₇), пре́ложи́ши_{ш-PartBrevNSgf} (393a₃), сложи́са_{Aor3Sg} (1268b₁₃). Все эти глаголы — раннедревнерусской акцентной парадигмы *c*. Как можно заметить, среди форм Барсовского хронографа представлены как две словоформы презенса с ударением на корень: в о з л ё ж а т ъ_{Prae3Pl} (1316b₁₂), и приложи́[†]_{Prae3Sg} (426a₂), так и словоформа презенса с ударением на окончание: пре́ложитса_{Prae3Sg} (1235b₁₀). Возможно, корневое ударение — это следы праславянской акцентной парадигмы *b*. В праславянском глаголы с корнем -лож- акцентуировались по акцентной парадигме *b*, см.: [Булатова, Дыбо, Николаев 1988: 37].

Итак, если исключить из рассмотрения девять перечисленных нестандартных глагольных групп, *i*-глаголы Барсовского хронографа демонстрируют ударение, типичное для конца XVI в., за исключением трех важных особенностей:

1. Первое лицо презенса акцентной парадигмы *c* в Барсовском хронографе имеет ударение на окончании, как и прочие словоформы презенса (в раннедревнерусском формы первого лица были энклиноменами). К концу XVI в. во многих диалектных зонах произошло выравнивание ударения в презенсе акцентной парадигмы *c*. При этом оставались и такие диалектные зоны, в которых этого не произошло.

2. *L*-причастия акцентной парадигмы *c* уже имеют фиксированное ударение на суффиксе (при еще распространенном в других памятниках раннедревнерусском подвижном ударении).

3. Ударение *н*-причастий акцентной парадигмы *b* имеет, по-видимому, то же распределение, которое реконструируется для раннедревнерусского, но фактически еще не было отмечено ни в одной русской рукописи.

Приложение 1

Перечень *i*-глаголов Барсовского хронографа

Ниже перечислены по акцентным парадигмам представители семейств¹³ лексем *i*-глаголов из Барсовского хронографа. Глаголы каждой акцентной парадигмы приводятся в алфавитном порядке корней. Лексемы, которые

¹³ Семейство глаголов — множество глаголов, представителем которого является бесприставочный глагол, а членами множества — все глаголы, отличающиеся от представителя наличием приставки или постфикса *ся* [Поливанова Анна К. 2013: 258, § 421].

в Барсовском хронографе отличаются своей акцентной парадигмой от раннедревнерусского, сопровождаются кратким комментарием¹⁴.

Глаголы акцентной парадигмы *a*:

-бавити, -богатити, -волити (совр. *a*, раннедр.-рус. *b//a*, одна форма не соответствующая *a*: *и́зволи́вшоу*_{ш-PartBrevDSgm} (750a₁₀₋₁₁)), *-върти, -въсити, -готовити, -грабити, у.дарити, -жалити, -мучити, -мыслити, -нудити, -печалити, по.добити.ся, -полнити, -правдити.ся, -правити, -празднити, -противити.ся, -рабо́тити, -своити* (раннедр.-рус. *b*, совр. *a*), *-славити, -ставити, -строити, -сытити, -твъшити, -хулити* (раннедр.-рус. *a//b*), *о.бес.честити* (раннедр.-рус. *c*).

Глаголы акцентной парадигмы *b*:

-водити, -глотити, -гонити (встретилась одна словоформа, отклоняющаяся от акцентной парадигмы *b*, — *го́йтъ*_{Prae3Sg} (1063b₃)), *-давити, -купити, -кусити, -любити, -молити, -мъсити, -носити, -просити, -служити, -ступити, -судити, -хвалити, -хватити, -ходити*.

Глаголы акцентной парадигмы *c*:

-борити, -бранити, -бъдити, -вершити, -веселити, -влачити, -вратити, -връдити, -гасити, -градити, -гръшити, -губити, -дивити, женити (раннедр.-рус. *b*, совр. *c*), *-живити, -клонити, -кровавити, -лишити, -ложити, -лучити, -льстити, -лънити, -мертвити, -мнити, -морити, -пълнити, -палити, -постити, -пустити, -радити, -разити, -орити, -родити, -ручити, -ръшити, -садити, -селити, *благ.о.словити, -слъптити, -страшити* (раннедр.-рус. *a//c*), *-стремити, -студити, -твердити, -творити, -требити, -учити, -хранити, -цълити, -чудити* (раннедр.-рус. *a*, совр. *c*).*

Глаголы, которые колеблются между акцентными парадигмами *b* и *c*:

— *украсити* (в раннедревнерусском а. п. *b*): *о́у́кра́си*_{Prae3Sg} (576a₆₋₇), *о́у́кра́си́ш*_{Aor3Pl} (1066b₁₁), *о́у́кра́си́въ*_{ш-PartBrevNSgm} (1263b₄, 1264a₁₁), *о́у́кра́си́въ*_{ш-PartBrevNSgm} (265b₂), *о́у́кра́шёнъ*_{н-PartBrevNSgm} (1067b₆₋₇), *о́у́крашёнъ*_{н-PartBrevNSgm} же (1048b₇), *о́у́крашёноу*_{н-PartBrevASgf} (390a₁₁₋₁₂), *о́у́крашёны*_{н-PartBrevNPlm} (876b₈), *о́у́кра́шённоу*_{н-PartPlenASgf} (634b₁₀);

— *преукрасити* (в раннедревнерусском а. п. *b*): (*прео́у́крашёнъ*_{н-PartBrevNSgm} (837b₃), *прео́у́крашёноу*_{н-PartPlenASgf} (926b₈)) — презенс по а. п. *b*, *н*-причастия по а. п. *c*. Остальные формы непоказательны;

— *сюда же* относится глагол *ложити* (список его словоформ, представленных в Барсовском хронографе, см. выше).

Глаголы, которые колеблются между акцентными парадигмами *a* и *c*:

— *уязвити* (в раннедревнерусском также колебляется между *a* и *c*): *о́у́и́з’вить*_{Prae3Sg} (869a₉), *о́у́и́зви*_{Aor3Sg} (738a₉₋₁₀), *о́у́и́звиса*_{Aor3Sg} (483a₂, 609b₄),

¹⁴ При составлении комментариев использован словарь древнерусского ударения [Зализняк 2014], систему помет см. там же [Зализняк 2014:126–129, § 2.8].

- оу́жзи́са_{Aor3Sg} (473a₃₋₄), оу́жзи́са_{Aor3Sg} (467b₂), оу́жзи́са_{Aor3Sg} (420a₉),
 оу́жзи́са_{Aor3Sg} (898b₅, 906a₅), оу́жзи́са_{Aor3Sg} (738b₆), оу́жзи́ши_{Aor3Pl} (1002'b₁₀),
 оу́жзи́ши_{ш-PartBrevNSgm} (664a₅₋₆), оу́жзи́ши_{н-PartBrevNSgm} (861b₇), оу́жзи́ши_{н-PartBrevNSgm}
 (572b₃₋₄), оу́жзи́ши_{н-PartBrevNSgm} (1062b[”]₃₋₄), оу́жзи́ши_{н-PartBrevISgm} (906b₉),
 оу́жзи́ши_{ш-PartBrevNSgf} (981b₁₀), оу́жзи́ши_{н-PartBrevNSgm} (1062”b₃₋₄);
 – *оскорбити* (в раннедр.-рус. также колеблется между *a* и *c*);
 – *восхытити* (раннедр.-рус. *a*, совр. *c*);
 перечни форм для двух последних лексем см. выше.

Глаголы, которые нельзя уверенно распределить между акцентными парадигмами *b* и *c* (условное обозначение *b/c*), так как они представлены в Барсовском хронографе всего несколькими словоформами:
 -блажити, -будити, -бъсити, -варити, -влачити, -въстити, -гласити,
 -годити, -дарити, -дворити, -дождити, раз.дражити, -дробити, -джужити,
 -казнити, -корити, -кормити, -кроити, -кропити, -кружити, -крушити,
 -кръпити, обличити, -милити, -мирити, из.мождити, -мстити, -мутити,
 -мънити, -нажити, -новити, пре.пл.ов.и.ти (вместо пре.пол.ов.и.ти),
 -плотити, -поити, о.полчити.ся, -растити, во.о.ружити, -рушити,
 -свободити, -свътити, -сквернити, -скочити, -слъпти, -странити,
 -таити, -топити, -точити, -тужити, -частити, -червити, -чтити,
 -пъздити, -ярити.

Приложение 2

Словоформы *i*-глаголов, имеющих *н*-причастия в Барсовском хронографе
 Ниже представлен перечень акцентуированных словоформ *i*-глаголов, имеющих *н*-причастия в Барсовском хронографе (за исключением глаголов акцентной парадигмы *a*).

- бранити: бранити_{Inf} (1293a₄), воз'бранити_{Inf} (701b₈), воз'бронаше_{Impf3Sg} (652a₈),
 воз'броненъ_{н-PartBrevNSgm} (701b₃), воз'броненъ_{н-PartBrevNSgm} (451b₉₋₁₀).
 -бъдити: побѣдити_{Inf} (530b₄, 708a₁₃, 1129a₃), побѣдатъ_{Prae3Pl} (1229b₁₋₂), побѣждад-
 ше_{Impf3Sg} (292a₄₋₅), побѣдадъ_{Aor3Sg} (1235a₁), побѣдаша_{Aor3Pl} (202a₁, 430a₃, 709a₁, 958a₃),
 побѣдиша_{Aor3Pl} (261a₈₋₉, 429b₄₋₅, 1063'b₄₋₅), побѣдимъ_{ш-PartBrevNSgm} (248a₈, 375a₅,
 1231b₁₅, 1233a₁₆), побѣдив'ш_{ш-PartBrevNPlm} (266b₁₃, 1229b₇), побѣдивше_{ш-PartBrevNPlm}
 (1229b₄₋₅), побѣдиль_{л-PartBrevNSgm} (328a₇₋₈, 328a₈₋₉), побѣдиль_{л-PartBrevNSgm} (691a₂,
 694a₇, 708a₅), побѣжд_{н-PartBrevNSgm} (250a₅), побѣжд_{н-PartBrevNSgm} (934b₇₋₈),
 побѣжд_{н-PartBrevNSgm} (210b₁₁, 251a₃, 255b₁, 571b₂, 1056'a₂, 1060'b₆, 1270b₁₅),
 побѣжд_{н-PartBrevNSgm} (565a₇), побѣжд_{н-PartBrevNPlm} (585b₅), побѣжд_{н-PartBrevNPlm}'
 же_{н-PartBrevDPlm} (233b₆) побѣдимъ_{н-PartBrevNSgm} (903a₉).
 -глотити: поглотити_{Inf} (531a₇), поглотити_{Inf} (713a₆₋₇), погло|тити_{Inf} (999b₁₃₋₁₄), пог-
 лотитъ_{Prae3Sg} (776b₁₂), поглощено_{н-PartBrevNSgf} (1101b₁).

- гра́дити:** загра́дити_{Inf}(323a₈), загра́ди́ша_{Aor3Pl}(394a₁₂₋₁₃), ѿ́гра́жде́нъ_{H-PartBrevNSgm}(92b₁).
- да́вити:** да́ва́ш_{Impf3Sg}(536b₁₅₋₁₆), да́ва́ш_{шт-PartBrevNSgm}(537b₅), по́да́вiti_{Inf}(713a₁₋₂), о́уда́вiti_{Inf}(1269b₇), о́уда́ви́ша_{Aor3Pl}(1065'a₂), о́уда́ви́ша_{Aor3Pl}(971a₅₋₆), о́уда́в-ле́нъ_{H-PartBrevNSgm}(309a₇), о́уда́вле́нъ_{H-PartBrevNSgm}(309b₃).
- красити:** прео́украше́нъ_{H-PartBrevNSgm}(837b₃), прео́украшеноу́ю_{H-PartPlenASgf}(926b₈), о́укра́ди_{Prae3Sg}(576a₆₋₇), о́укра́сиша_{Aor3Pl}(1066b₁₁), о́укра́си́въ_{ш-PartBrevNSgm}(1263b₄, 1264a₁₁), о́укра́си́въ_{ш-PartBrevNSgm}(265b₂), о́укра́ши́нъ_{H-PartBrevNSgm}(1067b₆₋₇), о́укра-ше́нже_{H-PartBrevNSgm}(1048b₇), о́укра́ше́ноу_{H-PartBrevASgf}(390a₁₁₋₁₂), о́украшеноу_{H-PartBrevNPIm}(876b₈), о́украшеноу́ю_{H-PartPlenASgf}(634b₁₀).
- мъ́сити:** примъ́сиса_{Aor3Sg}(1001a₉), примъ́сиси_{CA}_{Aor3Sg}(902a₁₋₂, 976a₁₀₋₁₁), при́мъ-сивъ_{ш-PartBrevNSgm}(673a₃₋₄), ра́змъ́шены_{H-PartBrevNPi}(501b₁₃), смъ́сити_{Inf}(639a₄), смъ́-систаса_{Aor2-3Du}(210b₁₀), смъ́сисиша_{CA}_{Aor3Pl}(450b₄₋₅), смъ́сивъ_{ш-PartBrevNSgm}(640a₄).
- новити:** ѿ́бнови́ти_{Inf}(282a₅, 821b₂), ѿ́бнови́шаса_{Aor3Pl}(1070b₅), ѿ́бновле́нъ_{H-PartBrevNSgm}(1312b₁₀).
- просити:** вопро́сийже_{Aor3Sg}(401b₈), вопро́сисиша_{Aor3Pl}(357b₉, 377b₂, 653b₁₀, 716b₈), во-проси́ша_{Aor3Pl}(431b₇₋₈), вопро́сивже_{ш-PartBrevNSgm}(214b₁₀), въпро́сивже_{ш-PartBrevNSgm}(1222a₁₋₂), вопро́сивши_{ш-PartBrevNSgf}(388a₁₃), вопро́сив'шоу_{ш-PartBrevDSgm}(480a₁), вопро́шеноу_{H-PartBrevNPIm}(950b₂₋₃), вопро́шеноу_{H-PartBrevNPIm}(941a₅), ѹспро́шаше_{Impf3Sg}(1082'a₅₋₆), ѹспроси́вса_{ш-PartBrevNSgm}(1065a₁₄), проси́ти_{Inf}(526a₃, 1078a₂, 1204b₇), про́сити_{Inf}(332a₂₋₃), про́сити_{Prae3Sg}(388a₇, 1053'a₂), про́сити[†]_{Prae3Sg}(1227a₁₆), про́-симъ_{Prae2Pl}(1046a₄), про́сите_{Prae2Pl}(833a₆₋₇), про́сите_{Prae2Pl}(882a₂₋₃), про́сас_{Prae3Pl}(616b₈), про́сас[†]_{Prae3Pl}(619b₁₆, 833a₈), проси́те_{Impv2Pl}(832b₉), про́шаше_{Impf3Sg}(982a₄), про́шашоу_{Impf3Pl}(616b₇, 1047a₆), проси́ша_{Aor3Pl}(800a₃, 832a₅, 873a₁), про́сишо_{Aor3Pl}(799b₁₀₋₁₁), проса́ш_{шт-PartBrevNSgm}(540b₈, 1075'a₃), проса́ш_{шт-PartBrevNPIm}(202b₉, 238b₄, 359b₄, 585a₄, 922b₂, 1101a₄, 1217a₅), проса́ш_{шт-PartBrevNPIm}(986b₄₋₅), проса́ш-моу_{шт-PartPlenDSgm}(600a₆), проса́ш_{шт-PartPlenDSgm}(599b₈₋₉).
- соудити:** ѿ́соуди́ша_{Aor3Pl}(398b₈, 587b₁₄), ѿ́соуди́въ_{ш-PartBrevNSgm}(525a₅), ѿ́су́ди́в-ша_{ш-PartBrevGsgm}(455b₇₋₈), ѿ́соужде́нъ_{H-PartBrevNSgm}(851a₃), соуди́ти_{Inf}(276a₇, 482a₁₄, 1213b₉), соуди́тиса_{Inf}(765a₁₆), соуди́тиса_{Prae3Sg}(1048'b₈), соуди́мса_{Prae1Pl}(437b₉), соуди́въ_{H-PartBrevNSgm}(994a₄).
- точити:** зато́ченоу_{H-PartBrevNSgm}(380b₃, 1051'b₁₆), зато́ченоу_{H-PartBrevNPIm}(309b₁), ѹсто-чи́ти_{Inf}(213b₈, 1033b₄), ѹсто́чи́въ_{ш-PartBrevNSgm}(977b₆), ѹсто́чи́вши_{ш-PartBrevNSgf}(1317a₁₇), то́чаше_{Impf3Sg}(563a₃, 563b₁), то́чаш_{шт-PartBrevNSgm}(568a₁), ра́сточенъ_{H-PartBrevAPIm}(708b₆).
- хватити:** похва́ти́ша_{Aor3Pl}(502a₂), о́ухвати́ти_{Inf}(1012a₈), о́ухвати́ша_{Aor3Pl}(869a₁, 1012b₁), о́ухвати́въ_{ш-PartPlenNSgm}(1009a₃), о́ухвати́ль_{ш-PartBrevNSgm}(386a₈), о́ухва-чи́енъ_{H-PartBrevNSgm}(1000b₃, 1008b₁₁, 1012a₁₀), оу́хва́чи́енъ_{H-PartBrevNSgm}(1087a₇₋₈), о́ухва-чи́енъ_{H-PartBrevNSgm}(1009a₁₋₂), оу́хва́чи́енъ_{H-PartBrevNSgm}(1000a₁₄₋₁₅, 1233b₁₅₋₁₆).

Библиография

Сокращенные названия библиотек и древлехранилищ
РГБ — Российская государственная библиотека.

Источники

Барсовский хронограф

Государственный исторический музей (Москва), собрание Е. В. Барсова, № 1695,
Хронограф, конец XVI в., бумага, 1°, 1368 л.

Литература

Булатова, Дыбо, Николаев 1988

Булатова Р. В., Дыбо В. А., Николаев С. Л., «Проблемы акцентологических диалектизмов в праславянском», in: *Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. София, сентябрь 1988 г.: Доклады советской делегации*, отв. ред. Толстой Н. И., Москва, 1988, 31–66.

Зализняк 1985

Зализняк А. А., *От праславянской акцентуации к русской*, Москва, 1985.

— 2014

Зализняк А. А., *Древнерусское ударение: Общие сведения и словарь*, Москва, 2014.

Поливанова Анна К. 2013

Поливанова Анна К., *Старославянский язык: Грамматика. Словари*, Москва, 2013.

Щепкина, Протасьева 1958

Щепкина М. В., Протасьева Т. Н., *Сокровища древней письменности и старой печати*, Москва, 1958.

References

Bulatova R. V., Dybo V. A., Nikolaev S. L., “Problemy aktsentologicheskikh dialektizmov v praslavianskom”, in: *Slavianskoe iazykoznanie. X Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov. Sofiya, sentyabr' 1988 g.: Doklady sovetskoi delegatsii*, Tolstoi N. I., ed., Moscow, 1988, 31–66.

Polivanova Anna K., *Staroslavianskii iazyk: Grammatika. Slovari*, Moscow, 2013.

Zaliznyak A. A., *Ot praslavianskoi aktsentuatsii k russkoj*, Moscow, 1985.

Zaliznyak A. A., *Drevnerusskoe udarenie: Obshchie svedeniia i slovar'*, Moscow, 2014.

Shchepkina M. V., Protas'eva T. N., *Sokroviща drevnei pis'mennosti i staroi pechati*, Moscow, 1958.

Анастасия Константиновна Поливанова

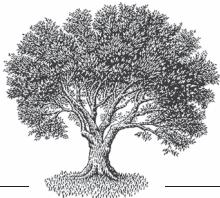
младший научный сотрудник

отдела славянского языкоznания

Института славяноведения РАН

Россия, 119334, Москва, Ленинский проспект, 32а,
nastiapo@yandex.ru

Recieved July 14, 2018

Текстология
кириллических
старопечатных
богослужебных
Четвероевангелий
среднеболгарского
и сербского изводов
и их отношение к
рукописной традиции
(Евангелие от Марка,
зачала 1–9)

Ежи Остапчук

Христианская Богословская академия
в Варшаве
Варшава, Польша

Textology of Early
Printed
Tetraevangelions
in Middle
Bulgarian and
Serbian Recensions
and their Relation
to the Manuscript
Tradition
(Gospel of Mark,
pericopes 1–9)

Jerzy Ostapczuk

Christian Academy of Theology
in Warsaw
Warsaw, Poland

Резюме

Среди всех старопечатных кириллических богослужебных четвероевангелий (около 120) находятся только девять тетров, напечатанных в среднеболгарском изводе церковнославянского языка, и только три — в сербском изводе. Все они были выпущены в свет в течение XVI в.

Цитирование: Остапчук Е. Текстология кириллических старопечатных богослужебных Четвероевангелий среднеболгарского и сербского изводов и их отношение к рукописной традиции // Slověne. 2018. Vol. 7, № 2. С. 62–73.

Citation: Ostapczuk J. (2018) Textology of Early Printed Cyrillic Tetraevangelions in Middle Bulgarian and Serbian Recensions and their Relation to the Manuscript Tradition (Gospel of Mark, pericopes 1–9). *Slověne*, Vol. 7, № 2, p. 62–73.

DOI: 10.31168/2305-6754.2018.7.2.3

Исследование текста Евангелия от Марка (зачала 1–9) показало существование текстологических разнотечений, отличающих тетры восточнославянского извода от двух других, т. е. среднеболгарского и сербского. Сравнение результатов этого текстологического исследования с рукописными источниками обнаружило, что все 11 четвероевангелий среднеболгарского и сербского извода с текстологической точки зрения близки к первой древнейшей редакции церковнославянского перевода евангельского текста. Это ярко выражено в более поздних среднеболгарских тетрах, напечатанных с 1560 по 1582 г. Ранние среднеболгарские (выпущенные с 1512 по 1553 г.) и все сербские четвероевангелия разделяют текстологические разнотечения, характерные для Толкового Евангелия Феофилакта Болгарского.

Ключевые слова

старопечатные богослужебные четвероевангелия, среднеболгарская редакция, сербская редакция, рукописная традиция

Abstract

Of about 120 early printed liturgical Tetraevangelions only nine Church Slavonic tetras of the Middle Bulgarian recension, and three of the Serbian recensions, have survived. All of them were printed in the 16th century.

Textual analysis of the Gospel of Mark (*zachalas 1–9*) demonstrates differences between the text of East Slavonic Tetraevangelions and others, i.e. Middle Bulgarian and Serbian ones. Comparing them with the manuscript material proves that, from the textual point of view, eleven Tetraevangelions of Middle Bulgarian and Serbian recensions are in a close relation to the first edition of the Church Slavonic translation of the Gospel text. This is particularly noticeable in the later Middle Bulgarian tetras printed from 1560 to 1582. The early Middle Bulgarian (issued from 1512 to 1553) and all Serbian Tetraevangelions share textual variants that can be attributed to the Commentary on the Gospels by Theophylact of Ohrid.

Keywords

early printed liturgical Tetraevangelion, middle-Bulgarian edition, Serbian edition, manuscript tradition

Текстологические исследования церковнославянских переводов евангельских текстов уже долгое время вызывают интерес ученых. Их внимание в основном было сосредоточено на древнейших памятниках, т. е. рукописях. Младшим источникам, т. е. старопечатным книгам, в которых частично отразилась древнейшая рукописная традиция, посвящено намного меньше работ, особенно текстологических.

С 1500 по 1800 г. богослужебные Четвероевангелия издавались около 120 раз. В первой половине XVI в. они печатались только на территории современной Румынии (т. е. Валахии и Трансильвании), Сербии и Черногории. Во второй половине XVI в. этот тип евангельской книги печатался, кроме вышеуказанных территорий, еще в Москве и

Вильнюсе. В течение следующих двух столетий богослужебные Четвероевангелия издавались уже только на восточнославянских землях (т. е. на территории современных России, Украины, Литвы и Беларуси).

Эти факты находят отражение в изводах церковнославянского языка старопечатных Четвероевангелий. Первые богослужебные тетры печатались в среднеболгарском и сербском изводах. Только с середины XVI в. (начиная с узкошрифтного Евангелия 1553–54 гг., Москва) начали печататься Евангелия в восточнославянском изводе церковнославянского языка. В течение очень непродолжительного времени, около 30 лет, параллельно в свет выходили тетры разных (двух или трех) изводов. Последнее сербское Евангелие было выпущено в 1562 г., а среднеболгарское – в 1583 г. В период с 1585 по 1800 г. не было издано ни одного тетра в среднеболгарском и сербском изводе церковнославянского языка. Эти факты объясняют небольшое количество богослужебных среднеболгарских и сербских тетров. Подавляющее большинство старопечатных Четвероевангелий (более 100) было напечатано в восточнославянском изводе церковнославянского языка.

На сегодняшний день в качестве материала для исследований могут использоваться девять следующих¹ богослужебных тетров среднеболгарского извода, напечатанных в:

- 1) Тырговиште в 1512 г.;
- 2–3) Сибиу в 1546 и 1551–1553 гг.;
- 4) Брашове в 1561–62 гг.;
- 5) Себеше в 1579 г.;
- 6) Белграде, т. е. Алба-Юлии, в 1579 г.;
- 7–8) монастыре св. Иоанна Крестителя близ Бухареста в 1582 г. и после 1582 г.;
- 9) Себеше или Брашове в 1583 г.

Одно из перечисленных Четвероевангелий 1551–1553 гг., церковнославянско-румынское издание из города Сибиу (№ 3), сохранилось не полностью. Исследовать можно только часть Евангелия от Матфея, зачала 7–112.

Богослужебные Четвероевангелия сербского извода печатались только три раза в:

- 1) Руяне в 1537 г.;
- 2) Белграде в 1552 г.;
- 3) Мркишиной Цркви в 1562 г.

Первое старопечатное церковнославянское кириллическое Четвероевангелие 1512 г., по словам специалистов-книговедов, занимает

¹ Тетры печатались еще в 1565 и 1577 гг. (в Брашове), но они не сохранились [Атанасов 1972: 418; Сазонова 2003: 1205 (№ 5–6); Petrov 2015: 131].

особое место в истории славянского книгопечатания [Petrov 2015: 102]. Оно является «подлинником» для позднейших изданий — Евангелий среднеболгарского и сербского изводов, в которых воспроизводились не только оформление этой древнейшей евангельской книги, но и ее текст [Атанасов 1972: 418; Мано-Зиси 1988: 244; Немировский 2008: 433; Полимирова 2011: 218; Иванова 2013: 28]. Тем не менее старопечатные тетры всех трех изводов в нескольких местах различаются между собой [см.: Вознесенский 2016], т. е. можно указать на существование в них небольшого (в сравнении с рукописными источниками) количества текстовых разнотений. Этот факт был подтвержден немногочисленными текстологическими работами таких выдающихся ученых, как, например, Е. Л. Немировский, который сравнил первые три главы Евангелия от Марка (зачала 1–14) первого печатного тетра 1512 г. с работами Г. А. Воскресенского [Немировский 2008: 520–524]²; П. Атанасов, который исследовал бухарестское Евангелие 1582 г. вместе с изданием 1512 г. [Атанасов 1972: 419–420]; Д. Иванова, которая два бухарестских Евангелия (1582 г. и более позднее) сравнила с изданием 1512 г. [Дунков, Иванова 1993: 307–311; Иванова 2013, 29], а в дальнейшем — с двумя печатными Библиями (1581 и 1751 гг.) и еще несколькими рукописями [Иванова 2013: 29], и другие (в частности, Х. Миклас — соавтор издания текста первого старопечатного Четвероевангелия 1512 г. [Miklas, Godorogeа, Hannick 1999: XXXV–XLI]).

Результаты исследования шести литургических чтений Евангелия от Матфея [Ostapczuk 2016] и первых девяти зачал Евангелия от Марка [Ostapczuk 2017] показали, что старопечатные богослужебные Четвероевангелия среднеболгарского и сербского изводов в текстологическом отношении отличаются не только от всех тетров восточнославянского извода, но и друг от друга.

На различия между восточнославянскими Четвероевангелиями, с одной стороны, и среднеболгарскими и сербскими, с другой, указывают, в частности, следующие, характерные только для южнославянских³ тетров, разнотения:

- отсутствие текста *въдъмъ одръ* свои в Мф 9:7 {29}⁴;
- пропуск указательного местоимения *тои* после существительного *рабъ* в Мф 18:26 {74};

² Е. Л. Немировский указал на существование в них 32 узлов разнотений. В семнадцати случаях чтение первого печатного тетра совпадало с четвертой (совпадавшей иногда с 1-й, 2-й или 3-й) редакцией, в двух случаях — со второй, в трех — с третьей. См.: [Немировский 2008: 524].

³ В этом исследовании использованы три Четвероевангелия: 1512, 1537 и 1552 гг. [Ostapczuk 2016: 280–281]. См. также: [Ostapczuk 2017: 359–360].

⁴ После евангельской главы и стиха в скобках указан номер евангельского зачала.

– употребление существительных цѣсарство вместо цѣсарствиѥ (Мф 18: 23 {77}), господиъ вместо господь (Мф 18:27 {77}), должноѥ вместо дѣлгъ (Мф 18: 34 {77});

– употребление глаголов поусти вместо прости (Мф 18:27 {77}), остави вместо отъпouсти (Мф 18:27 {77}), поустити вместо отъпouстити (Мф 19:7 {78}), дажь вместо отъдажь (Мф 18:28 {77}), искона вместо въкопа (Мф 25:18 {105}), видахъ вместо вѣдахъ (Мф 25:24 {105}), избѣждетъ вместо преизбѣждетъ (Мф 25:29 {105}).

На факт текстологического различия между некоторыми Четвероевангелиями среднеболгарского и сербского изводов указывают, среди прочего, следующие характерные только для шести (из девяти⁵ исследованных) южнославянских тетров (1512, 1537, 1546, 1552, 1562 и 1583 гг.) разнотчения [Ostapczuk 2017]:

– отсутствие существительного жилами после прилагательного раславлены (Мк 2:3 {7});

– употребление существительных кончиноу вместо конецъ (Мк 2:21 {9}), оставленїе вместо отъпouщениѥ (Мк 1:14 {2}), азами вместо недоумы (Мк 1:34 {5});

– употребление глаголов послѣдствоуи (ми) вместо гради (по мнѣ) (Мк 2:14 {2}), рѣша вместо глаголаша (Мк 2:18 {9}).

На основе этих последних разнотчений все старопечатные Четвероевангелия среднеболгарского и сербского изводов были разделены на две группы:

– семья Евангелия 1512 г. (Тырговиште, иеромонах Макарий), к которой принадлежат все три сербских тетра (1537 – Руян {монах Феодосий}, 1552 – Белград и 1562 – Мркшина Црква {иеромонах Мардариј}) и два среднеболгарских Евангелия из Сибиу, 1546 и 1551–1553 гг. (Филипп Молдаванин);

– семья Евангелий диакона Кореси 1561–62 и 1579 гг. (выпущенных в Брашове и Себеше), к которой принадлежат еще три позднейших тетра (1579 г. – Белград, т. е. Алба-Юлия {диакон Лоринц}; 1582 г. и после 1582 г. – монастырь св. Иоанна Крестителя около Бухареста {иеромонах Лаврентий}).

Последнее среднеболгарское старопечатное Четвероевангелие 1583 г. (напечатанное в городе Себеше или Брашове) может быть выделено в отдельную группу, так как содержит небольшую часть текстовых разнотчений, характерных только для него [Ostapczuk 2017: 362].

Результаты текстологических исследований, проведенных в рамках петербургского издания «Евангелий в славянской традиции», показали,

⁵ В противоположность трем другим южнославянским (1561/62, 1579 и 1582 гг.) и восточнославянским.

что в основу старопечатных церковнославянских Четвероевангелий был положен выработанный на Афоне, отличающийся очень высокой стабильностью текст второй редакции (B) [Евангелие от Иоанна: 14–17 (I пагинации); Евангелие от Матфея: 10]. Надо подчеркнуть, что к этим исследованиям было привлечено только одно печатное издание, содержащее евангельский текст восточнославянской редакции, — Острожская Библия 1581 г. Таким образом, полученные в рамках этого проекта результаты не обязательно должны применяться во всей своей полноте к среднеболгарским и сербским изданиям старопечатных богослужебных Четвероевангелий, которые текстологически, как было указано, отличаются от восточнославянских тетров.

Из девяти разночтений первых девяти зачат Евангелия от Марка [Ostapczuk 2017: 359–360], характерных только для среднеболгарских и сербских тетров, в глаголическом Мариинском Четвероевангелии {далее *Марн⁶*}, т. е. главном представителе так называемого Древнего текста, было подтверждено пять⁷ следующих текстовых вариантов:

	Четвероевангелия	
	все восточнославянские	все среднеболгарские, сербские и Мариинское
1:6 {1}	о ~~бл~~ о ~~л~~ у ~~ч~~ енъ власы велбоужды и поасъ <u>оусмѣнъ</u> о чреслѣхъ его (чтение подтверждено и в: Зогр, Лонд, В, ОВ)	<u>Оусніанъ</u>
1:7 {1}	емоуже нѣсмъ достоинъ <u>преклонъ са</u> раздѣшити ремень сапогъ его (чтение подтверждено и в: Лонд, ЧудНЗ, Погод-21, ТолФ, В, ОВ)	<u>поклонъ са</u>
1:27 {4}	яко по области и <u>доу^хомъ</u> нечистымъ велигъ (чтение подтверждено и в: ОВ)	<u>доу^хомъ</u> (чтение подтверждено и в: Лонд)
2:9 {7}	что есть оудобѣе реци <u>раслабленому</u> (чтение подтверждено и в: Погод-21, В, ОВ)	<u>ослабленому</u> (чтение подтверждено и в: Лонд)
2:22 {9}	просадить вино новое мѣхы и вино пролиетъ <u>са</u> (чтение подтверждено и в: ЧудНЗ, ТолФ, ОВ)	<u>пролѣтъ са</u> (чтение подтверждено и в: Лонд)

Тот факт, что все среднеболгарские и сербские старопечатные Четвероевангелия, в противоположность восточнославянским, разделяют указанные чтения Древнего текста и в трех местах (из пяти приведенных) не согласуются с чтениями, характерными для второй афонской редакции B

⁶ Список сокращений всех рукописных источников указан в конце статьи.

⁷ Другие разночтения этой группы касались написания имени Иисус (Мк 1:1: *іс*, *іса*, *ійса* или *ії*), местоимения (Мк 1:17: *васъ* или *ва*) или глагольной формы (Мк 2:12: *въставъ* или *въста*).

(1:6 {1}: *ѹсмѣнъ*; 1:7 {1}: *преклонъ са*; 2:9 {7}: *раславленомоу*), дает возможность предполагать, что в основу этих старопечатных тетров, возможно, был положен не текст второй Афонской редакции (*B*), а какой-то его вариант или даже разновидность Древнего текста (возможно, поздняя [см.: *Евангелие от Иоанна*: 12 {I пагинации}]).

Только в одном месте во всех среднеболгарских и сербских печатных тетрах, в Мк 1:36 {6} (и *гнаша єго симонъ*), вместо местоимения (*его*)⁸ стоит выражение *по немъ*. Это разночтение подтверждено в Толковом Евангелии Феофилакта Болгарского и Чудовском Новом Завете, который, как считается, «обычно разделяет чтения Толкового Евангелия» [*Евангелие от Иоанна*: 16 {I пагинации}].

Влияние Толкового Евангелия в большей степени обнаруживается в евангельском тексте семьи Евангелия 1512 г. (в состав которой входят еще три сербских и два болгарских тетра 1546 и 1551–1553 гг.). Из немногих (шести) разночтений первых девяти зачал Евангелия от Марка, характерных для этой группы южнославянских тетров [Ostapczuk 2017: 360], четыре⁹ текстовых варианта (из шести) находят подтверждение в Толковом Евангелии Феофилакта Болгарского и иногда в Чудовском Новом Завете.

	Четвероевангелия	
	все восточнославянские и пять среднеболгарского извода следующих годов: 1561–62, два 1579, 1582 и после 1582	1512, 1537, 1546 ¹⁰ , 1552, 1562 гг. (включая 1583 г.) и Толковое Евангелие (и/или Чудовский Новый Завет)
1:36 {6}	<i>симонъ и иже съ нимъ</i> (в <i>Марн</i> и <i>Лонд</i> иже въхъж)	соуции (чтение подтверждено и в: <i>ТолФ</i>)
1:42 {6}	<i>ѧвие отъиде отъ него прооказание и чистъ быстъ</i> (<i>Марн</i> , <i>Лонд</i>) ¹¹	ѹчисти са (чтение подтверждено и в: <i>ЧудНЗ</i> , <i>ТолФ</i>)
2:14 {8}	<i>и глагола ємоу, по мнѣ гради</i> (<i>Марн</i> , <i>Лонд</i>)	послѣдствоу ми (в <i>ЧудНЗ</i> , <i>Погод-21</i> и <i>ТолФ</i> стоит <i>послѣдоу ми</i>)
2:21 {9}	<i>возметъ конецъ его новое отъ ветхаго</i> (<i>Марн</i>) ¹²	кончиноу (чтение подтверждено и в: <i>Лонд</i> , <i>ЧудНЗ</i>)

Толковое Евангелие Феофилакта Болгарского, архиепископа Охридского, составленное на греческом языке в XI в., на церковнославянский

⁸ В Мариинском Четвероевангелии (*Марн*) стоит и, т. е. и *гнаша исимонъ*. О написании местоимения и - *его* в винительном падеже см.: [Вайан 1952: 174–175].

⁹ Другие разночтения этой группы касались написания глагольной формы (Мк 1:26: *въздили* или *въздынивъ*) и пропуска имени существительного (Мк 2:3: *жилами*).

¹⁰ К этой группе принадлежит и тетр 1551–53 гг.

¹¹ В *Марн* и *Лонд* стоит *отъиде прооказа отъ него*.

¹² В *Марн* вместо *его* есть *отъ нея*.

язык было переведено в XII в. Считается, что базой для перевода послужила поздняя разновидность Древнего текста [*Евангелие от Иоанна*: 12 (I пагинации)]. Текстология Толкового Евангелия Феофилакта нашла отражение в Афонском тексте и оказала влияние на Чудовский Новый Завет [*Евангелие от Иоанна*: 13 (I пагинации)], поэтому понятно присутствие разнотечений Толкового Евангелия также в Чудовском списке и других рукописях этой группы, к которым принадлежит тетр из Российской национальной библиотеки, собр. Погодина № 21 [*Евангелие от Матфея*: 10].

Среди текстологических разнотечений, характерных для второй группы позднейших среднеболгарских печатных Четвероевангелий диакона Кореси (состоящей из пяти изданий, выпущенных с 1561–62 по 1583 г.), не встречаются уже чтения, типические для Толкового Евангелия Феофилакта. Так же нет среди них чтений, характерных для второй Афонской редакции (B). В этих пяти позднейших среднеболгарских печатных Четвероевангелиях семи диакона Кореси наблюдаются следующие разнотечения, характерные для Древнего текста:

Четвероевангелия		
	все восточнославянские, а также шесть среднеболгарского и сербского изводов следующих годов: 1512, 1537, 1546, 1552, 1562 и 1583	1561–62, два 1579, 1582 и после 1582 гг., а также Мариинское
1:2 {1}	сε αγъ посылаю αγγελα моего предъ лицемъ (Лонд, A ¹³ , B, OB)	послю
1:5 {1}	и κρ̄ψαχοу са въси въ иордани ρ̄ψцѣ (B, OB)	въ юрданстѣи ρ̄ψцѣ (Лонд) ¹⁴
1:26 {4}	и сътрасе его доуχъ нечистыи (A, B, OB) ¹⁵	Сътрась
1:34 {5}	ищѣли многи злѣ страждоуща радиуными недоуги (B, OB)	азами (и в A) ¹⁶
2:1 {7}	и слышано бысть яко въ дому есть (B, OB) ¹⁷	слоухъ бысть
2:3 {7}	и придоша къ немоу носаице <u>раславлена</u> (B, OB)	ославлена (в <i>Марн ослабленъ</i> жилами; в <i>Лонд ослаблена жилами</i>)
2:4 {7}	свѣшиша одръ на немже <u>раславленыи лежаше</u> (B, OB и еще ЧудНЗ, Погод-21, ТолФ)	ославленыи (Лонд)

¹³ А — первая редакция Афонского текста, приводится по рукописи Российской национальной библиотеки в Санкт Петербурге, Ф.п.1.109.

¹⁴ В *Марн* есть въ юръданциби ρ̄ψ(цѣ).

¹⁵ В *Лонд* стоит скроушивъ.

¹⁶ В *Марн* и *Лонд* стоит и ищѣли многи неджжныж имаицихъ радиуныж азда.

¹⁷ В *Лонд* стоит и слыша са яко въ дому есть.

2:10 {7}	глагола <u>раслабленому</u> (B, OB и еще Погод-21, ТолФ)	ослабленому (Лонд)
2:17 {8}	не приидохъ призвати праведники но грышники <u>на покаяние</u> (Лонд, B, OB и еще Погод-21, ТолФ)	въ покаяние
2:18 {9}	и приидоша и <u>глаголаша</u> ємоу (B, OB и еще Погод-21)	гъша (в Лонд рѣкошъ)

Исследование первых девяти зачал Евангелия от Марка (1:1–2:22) всех¹⁸ старопечатных Четвероевангелий среднеболгарского и сербского изводов церковнославянского языка (к которым было добавлено еще более 60 восточнославянских тетров) и сопоставление его предварительных¹⁹ результатов с рукописным наследием²⁰ указало на интересные факты.

Во всех среднеболгарских и сербских Четвероевангелиях более явственно, чем в восточнославянских тетрах, отражается текстологическая традиция Древнего евангельского текста (главным представителем которого считается Мариинское глаголическое Четвероевангелие).

В церковнославянском евангельском тексте семьи Четвероевангелия 1512 г. (и в других пяти тетрах, входящих в эту группу) заметно явное влияние Толкового Евангелия Феофилакта Болгарского, нашедшее отражение в текстах Афонской редакции.

Во второй семье Четвероевангелий, т. е. диакона Кореси, состоящей из пяти позднейших тетров, еще ярче, чем в первой, отражается текстологическая традиция Древнего текста (или какой-то его поздней разновидности) и противостояние со второй Афонской редакцией евангельского текста (B), которая, как считается, была положена в основу старопечатных текстов Священного Писания.

Для подтверждения этих результатов необходимы дальнейшие расширенные исследования и обязательный анализ более объемной части текста, не только одной, но и других евангельских книг.

¹⁸ Издание тетра 1551–53 гг. из Сибиу, в котором сохранилась только часть первого Евангелия от Матфея, не могло быть привлечено к текстологическим исследованиям Евангелия от Марка. На основе зачал 101–103 первой евангельской книги была установлена его принадлежность к семье Евангелия 1512 г.

¹⁹ Была исследована слишком малая часть евангельского текста, чтобы полученные результаты считать окончательными.

²⁰ В сопоставлении, когда это было возможно, использовались рукописи (см. примечания и список рукописей в конце), которые наилучшим образом представляли разновидности текста, выделенные в рамках Петербургского проекта.

Сокращенные названия библиотек и древлехранилищ

РНБ – Российская национальная библиотека, С.-Петербург.

РГБ – Российская государственная библиотека, Москва.

BL – British Library, London.

Библиография

Рукописи

A

РНБ, Ф.п.1.109, Евангелие тетр. Трет. четв. XIV в. и сер. XVI в. [первая редакция Афонского текста].

B

РНБ, Q.I.13, Захаринский паримейник, 1271 г. [вторая редакция Афонского текста].

Зогр

РНБ, ф. 185. собр. глаг. рукописей, № 1, Зографское Четвероевангелие, XI–XII в.; по изд.: [Jagić 1879].

Лонд

BL, Add. Ms. 39627, Лондонское Четвероевангелие царя Иоанна Александра (The Gospels of Tsar Ivan Alexander), 1355–1356; по изд.: [Попов, Миклас 2017].

Марн

РГБ, собр. Григоровича, № 6, Мариинское Четвероевангелие; по изд.: [Ягич 1883].

ОВ

Острожская Библия 1581 г.; [по изд.: Евангелие от Матфея; воспроизводит текст второй Афонской редакции].

Погод-21

РНБ, ф. 388, собр. Погодина № 21, Евангелие тетр, втор. пол. XIV в., по изд: [Евангелие от Матфея; считается второй рукописью чудовской группы].

ТолФ

РНБ, ф. 388, собр. Погодина № 174, Толковое Евангелие Феофилакта Болгарского.

ЧудНЗ

Чудовский Новый Завет; по изд.: [Леонтий 1892].

Литература

Атанасов 1972

Атанасов П., «Четириевангелието на йеромонах Лаврентий (среднобългарски паметник от XVI век)», in: *Старобългарска литература*, 1, 1972, 413–440.

Вайан 1952

Вайан А., *Руководство по старославянскому языку*, пер. с франц. В. В. Бородич, ред. В. Н Сидорова, Москва, 1952.

Вознесенский 2016

Вознесенский А. В., *Кириллические издания Евангелия XVI века: Издание Евангелия на землях Валахии и Трансильвании*, С.-Петербург, 2016.

Дунков, Иванова 1993

Дунков Д., Иванова Д., «Старопечатните славянски книги в Пловдивската народна библиотека Иван Вазов», in: *Rękopis a druk. Najstarsze druki cerkiewnosłowiańskie i ich stosunek do tradycji rękopiśmiennej. Materiały z sesji naukowej. Kraków, 7–10 XI 1991*, Rusek J., Witkowski W., Naumow A., eds., Kraków, 1993, 301–313.

Евангелие от Иоанна

Евангелие от Иоанна в славянской традиции (Novum Testamentum Palaeoslovenice I),
изд. подготовили А. А. Алексеев, А. А. Пичхадзе, М. Б. Бабицкая, И. В. Азарова, Е.
Л. Алексеева, Е. Л. Ванеева, А. М. Пентковский, В. А. Ромодановская, Т. В. Ткачева,
С.-Петербург, 1998.

Евангелие от Матфея

Евангелие от Матфея в славянской традиции (Novum Testamentum Palaeoslovenice II),
изд. подготовили А. А. Алексеев, И. В. Азарова, Е. Л. Алексеева, М. Б. Бабицкая, Е.
Л. Ванеева, А. А. Пичхадзе, В. А. Ромодановская, Т. В. Ткачева, С.-Петербург, 2005.

Иванова 2013

Иванова Д., «Южнославянската печатна книга от XVI век и пътят към окончателната
руско-църковнославянска кодификация на библейския (евангелски) текст»,
in: *Славянска филология 25. Сборник посветен на XV славистичен конгрес в Минск,*
София, 2013, 24–46.

Леонтий 1892

Леонтий (митрополит Московский), *Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. Труд
святителя Алексия, митрополита московского и всея Руси. Фототипическое издание,*
Москва, 1892.

Мано-Зиси 1988

Мано-Зиси К., «Штампано “Четворојеванђеље” монаха Лаврентија (Друго издање, после
1582. године)», in: *Археографски прилози*, 25, 1988, 239–258.

Немировский 2008

Немировский Е. Л., *Начало славянского кирилловского книгопечатания XV – начала XVII
века*, 3: Начало книгопечатания в Валахии, Москва, 2008.

Полимирова 2011

Полимирова М., «Два новооткрытия экземпляра на четириевангелието на юеромонах
Лаврентий», in: *Годишник на Софийския университет «Св. Климент Охридски». Център
за Славяно-Византийски проучвания “Иван Дуйчев”*, 97 (16), 2011, 217–223.

Попова, Миклас 2017

Попова Т., Миклас Х., *Четириевангелие на цар Иван Александър. Критическо издание,*
Виена, 2017.

Сазонова 2003

Сазонова Л. И., «Необнаруженные издания кирилловского шрифта второй половины
XVI века, известные по печатным и рукописным источникам», in: Гусева А. А., *Издания
кирилловского шрифта второй половины XVI века. Сводный каталог*, под общей
редакцией Л. И. Сазоновой, 2, Москва, 2003, 1204–1208.

Ягич 1883

Ягич И. В., *Мариинское четвероевангелие с примечаниями и приложениями*,
С.-Петербург, 1883.

Jagić 1879

Jagić V., *Quattuor evangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitanus*,
Berolini, 1879.

Miklas, Godorogea, Hannick 1999

Miklas H., Godorogea §., Hannick Ch., *Das Tetraevangelium des Makarije aus dem Jahre 1512.
Der erste kirchenländische Evangeliendruck*, Paderborn–München–Wien–Zürich, 1999.

Ostapczuk 2016

Ostapczuk J., «Евангелие от Матфея в старопечатных изданиях Четвероевангелий:
предварительные замечания», in: *Современные проблемы археографии*, 2, отв. ред.
И. М. Беляева, сост. М. В. Корогодина, С.-Петербург, 2016, 275–286.

— 2017

- Ostapczuk J., «Евангелие от Марка в старопечатных изданиях богослужебных Четвероевангелий», in: *Славянская Библия в эпоху раннего книгопечатания. К 510-летию создания библейского сборника Матфея Десятого*, отв. ред. А. А. Алексеев, С.-Петербург, 2017, 357–367.

Petrov 2015

- Petrov I., *Od inkunabułów do pierwszych gramatyk. Konteksty rozwoju bułgarskiego języka literackiego (koniec XV – początek XVII wieku)*, Łódź, 2015.

References

- Alekseev A. A., Pichkhadze A. A., Babitskaya M. B., Azarova I. V., Alekseeva E. L., Vaneeva E. L., Pentkovsky A. M., Romodanovskaya V. A., Tkacheva T. V., eds., *Evangelie ot Ioanna v slavianskoi traditsii (Novum Testamentum Palaeoslovenice I)*, St. Petersburg, 1998.
- Atanasov P., "Chetirievangelieto na ieromonakh Lavrentii (srednobulgarski pametnik ot XVI vek)", in: *Starobulgarska literatura*, 1, 1972, 413–440.
- Dunkov D., Ivanova D., "Staropechatnите славянски книги в Пловдивската народна библиотека Иван Вазов", in: *Rękopis a druk. Najstarsze druki cerkiewnosłowiańskie i ich stosunek do tradycji rękopiśmiennej. Materiały z sesji naukowej. Kraków, 7–10 XI 1991*, Rusek J., Witkowski W., Naumow A., eds., Kraków, 1993, 301–313.
- Ivanova D., "Fuzhnoslavianskata pechatna kniga ot XVI vek i putiat kum okonchatelnata rusko-tsūrkov-noslavianska kodifikatsiya na bibleiskiia (evangeliski) tekst", in: *Slavianska filologia 25. Sbornik posveten na XV slavistichen kongres v Minsk*, Sofia, 2013, 24–46.
- Mano-Zisi K., "Štampano 'Četvorojevangelje' monaha Lavrentija (Drugo izdanje, posle 1582. godine)", in: *Arheografski prilozi*, 25, 1988, 239–258.
- Miklas H., Godorogea Š., Hannick Ch., *Das Tetraevangelium des Makarije aus dem Jahre 1512. Der erste kirchenslavische Evangeliendruck*, Paderborn-München-Wien-Zürich, 1999.
- Nemirovsky E. L., *Nachalo slavianskogo kirillovskogo knigopechataniia XV – nachala XVII veka*, 3: Nachalo knigopechataniia v Valakhii, Moscow, 2008.
- Ostapczuk J., "Евангелие от Марка в старопечатных изданиях богослужебных Четвероевангелий", in: *Slavianskaia Biblija v epokhu rannego knigopechataniia. K 510-letiu sozdaniia bibleiskogo* sbornika Matfeia Desiatogo, Alekseev A. A., ed., St. Petersburg, 2017, 357–367.
- Ostapczuk J., "Evangelie ot Matfeia v staropechatnykh izdaniakh Chetveroevangelii: predvaritel'nye zamechaniiia", in: *Sovremennye problemy arkeografii*, 2, Beliaeva I. M., ed., Korogodina M. V., ed., St. Petersburg, 2016, 275–286.
- Petrov I., *Od inkunabułów do pierwszych gramatyk. Konteksty rozwoju bułgarskiego języka literackiego (koniec XV – początek XVII wieku)*, Łódź, 2015.
- Pichkhadze A. A., Alekseev A. A., Azarova I. V., Alekseeva E. L., Babitskaya M. B., Vaneeva E. L., Romodanovskaya V. A., Tkacheva T. V., eds., *Evangelie ot Matfeia v slavianskoi traditsii (Novum Testamentum Palaeoslovenice II)*, St. Petersburg, 2005.
- Polimirova M., "Dva novootkriti ekzempliara na chetirievangelieto na ieromonakh Lavrentii", in: *Godishnik na Sofiyskiia universitet "Sv. Kliment Ohridski". Tsentr za Slaviano-Vizantiiski prouchvaniia "Ivan Duichev"*, 97 (16), 2011, 217–223.
- Popova T., Miklas Kh., *Chetirievangelie na tsar Ivan Aleksand'r. Kritichesko izdanie*, Viiena, 2017.
- Sazonova L. I., "Neobnaruzhennye izdaniia kirillovskogo shrifta vtoroi poloviny XVI veka, izvestnye po pechatnym i rukopisnym istochnikam", in: Guseva A. A., *Izdaniia kirillovskogo shrifta vtoroi poloviny XVI veka. Svodnyi katalog*, Sazonova L. I., ed., 2, Moscow, 2003, 1204–1208.
- Vaillant A., *Rukovodstvo po staroslavianskomu iazyku*, V. V. Borodich, trans., Sidorova V. N., ed., Moscow, 1952.
- Voznesenskij A. V., *Kirillicheskie izdaniia Evangelii XVI veka: Izdanie Evangelia na zemliakh Valakhii i Transil'vani*, St. Petersburg, 2016.

dr hab. Jerzy Ostapczuk, prof. ChAT

Wydział Teologiczny Chrześcijańskiej Akademii Teologicznej w Warszawie

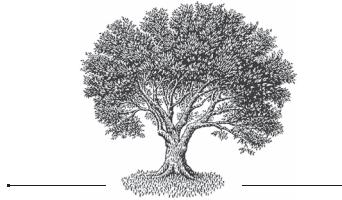
01-771 Warszawa

ul. Broniewskiego 48

Poland

jostap@wp.pl

Received May 15, 2018

Польская пародия на «Отче наш» середины XVII века и ее русский перевод: в поисках неизвестного польского источника

A Polish Parody of
“Our Father” from
the Middle of the
17th Century and its
Russian Translation:
in Search of an
Unknown Polish
Source

Олена Янссон

Уppsальский университет
Уппсала, Швеция

Olena Jansson

Uppsala university
Uppsala, Sweden

Резюме

Цель исследования — текстологический анализ русского перевода польского памфлета-пародии на молитву «Отче наш», обнаруженного среди документов Посольского приказа 1671–1673 гг. Источник перевода в архивном деле не найден. Изучение сохранившихся списков польского памфлета “Ojciec nasz krolu polski Janie Kazimierz” (“Pacierz dworski”) показало, что именно он является оригиналом русского перевода. Эта польская политическая пародия на молитву, написанная «на случай» и направленная против короля Яна II Казимира Вазы, датируется серединой XVII в. (вероятно, 1665 г.). В статье реконструируется история ее создания, дается формально-содержательная

Цитирование: Янссон О. Польская пародия на «Отче наш» середины XVII века и ее русский перевод: в поисках неизвестного польского источника // Slovène. 2018. Vol. 7, № 2. С. 74–104.

Citation: Jansson O. (2018) A Polish Parody of “Our Father” from the Middle of the 17th Century and its Russian Translation: in Search of an Unknown Polish Source. *Slovène*, Vol. 7, № 2, p. 74–104.

DOI: 10.31168/2305-6754.2018.7.2.4

и жанровая характеристика, обсуждается ее художественная ценность в контексте польской традиции пародирования религиозных текстов, анализируются редакции и варианты памфлета. В результате нам удалось пролить свет на новые данные, касающиеся вопросов авторства текста и времени создания сочинения, количества и характера сохранившихся списков, соотношения рукописных вариантов и позднейших их изданий. Сравнительный анализ семи вариантов польского памфleta позволил обнаружить версию, текстуально и, возможно, даже генетически близкую русскому переводу (список из домашней хроники Ширмов “*Sylva rerum Szurmów*”). Особое внимание в статье уделяется осмыслиению положения польской переводной пародии в русской культуре середины XVII в., а также возможных причин внимания русского переводчика (читателя) к польскому политическому памфлету. Результатом трансмиссии польского текста в Россию становится его функциональная трансформация из политического в «курьезный», с более выразительной смеховой доминантой. В приложении публикуется польский памфлет из домашней хроники Ширмов с разностями по другим шести спискам и русский перевод из архива Посольского приказа.

Ключевые слова

переводная литература, польская культура XVII в., Посольский приказ, памфlet-пародия, политическая поэзия «на случай»

Abstract

The purpose of this study is a textual analysis of a Russian translation of a Polish pamphlet, a parody of the prayer “Our Father”, which was found among documents from 1671–1673 in the archive of the Ambassadorial Chancery (Posolskii prikaz). The actual source of the translation was not found, but since any study of a translated text must include an analysis of its connection with the original, it was first of all necessary to pay attention to the known copies of the Polish pamphlet “*Ojcze nasz krolu polski Janie Kazimierz*” (“*Pacierz dworski*”), since one of its now most probably lost copies was translated into Russian. “*Ojcze nasz krolu polski Janie Kazimierz*” is a Polish political parody from the middle of the 17th century (probably 1665), directed against King John II Casimir Vasa. The article investigates the history of its creation, describes its form, content, and genre, discusses its literary value, the Polish tradition of parodying religious texts, and analyzes the versions of the pamphlet. As a result, it was possible to reveal some new details about the anonymous author and the time when the work was written, the number and character of the preserved copies, the correlation between manuscript variants and their later editions. A comparative analysis of seven different textual variants of the Polish pamphlet made it possible to find a version which is textually — and perhaps even genetically — close to the Russian translation (a copy of the family saga “*Sylva rerum Szurmów*”). Particular attention is paid to the interpretation of Polish translation parody in mid-17th century Russian culture, the possible reasons why this Polish political pamphlet caught the attention of the Russian translator (reader), and the functional transformation of the occasional political pamphlet into a parody with a political theme and a more explicit humoristic component. The appendix provides a parallel publication of the Polish pamphlet from the family saga “*Sylva*

rerum Szyrmów" and the Russian translation from the archive of the Ambassadorial Chancery.

Keywords

translated literature, Polish culture of the 17th century, Ambassadorial Chancery (Posol'skii prikaz), pamphlet-parody, political occasional poetry

Введение

В истории русской культуры XVI–XVIII вв. особое место занимают переводы с польского языка, каталог которых наиболее полно представлен в библиографическом справочнике С. И. Николаева [Николаев 2008]. Этот список можно дополнить, в частности, благодаря работам русского историка С. М. Шамина, который ввел в научный оборот другие переводные памятники XVII в. Одним из них является памфлет-пародия «Отче наш кроле польский Яне Казимере», обнаруженный среди документов Посольского приказа 1671–1673 гг. и опубликованный исследователем [Шамин 2011]. Архивное дело хранится в Российском государственном архиве древних актов, в фонде, где собраны куранты – обзоры европейской прессы [РГАДА155]. Памфлет, однако, не относился к курантам, а, скорее всего, был частью личного архива кого-то из приказных служащих [Шамин 2011: 108].

Памфлет-пародия на молитву «Отче наш» направлен против короля Яна II Казимира Вазы. Иронический и сатирический тон в нем рождается благодаря контрасту между текстуальными реминисценциями сакральной молитвы «Отче наш» и профанным содержанием – осуждением политики короля и жалобами на экономическую ситуацию в Польше середины 1660-х гг. Это сатирическое произведение «на случай»¹ типично для того времени: «...сатира [...] – совершенное выражение чувств, которыми пылало общество к тем, кого считало виновником своих невзгод» [Ннилко 1910: 2].

Польского источника в архивном деле не было, поэтому С. М. Шамин, анализируя памфлет как исторический документ, полностью сосредоточил свое внимание на русском тексте. Импульсом для нашего исследования послужило убеждение в том, что для осмыслиения перевода необходимо сопоставление с оригиналом и осмысление культурного

¹ В польском литературоведении вместо термина «поэзия на случай» употребляется термин «окказиональная поэзия». Этот же термин в указанном значении обычно использует и упомянутый выше исследователь С. И. Николаев, основной специалист в России в области польской поэзии XVII–XVIII вв. и ее русских переводов. В нашей публикации по предложению редакции данного журнала отдается предпочтение термину «поэзия на случай», так как под окказиональной поэзией традиционно понимается поэзия панегирическая, торжественная.

контекста возникновения обоих текстов. Наша публикация отражает результаты изучения истории создания произведения, выявления списков, генетически связанных с неизвестным польским источником, их описания, анализа текстологических особенностей русского перевода в его соотношении с параллельными версиями польского текста. Всё это дает возможность получить представление о ненайденном польском источнике.

1. Польский оригинал

Из заглавия русского перевода известно, что источником для него послужил польский рукописный, а не печатный текст, так как в начале его указано: «перевод с польского письма». С. В. Алпатов и С. М. Шамин показали, что в Посольском приказе переводы делались как с печатных, так и с рукописных памфлетов из Речи Посполитой, в том числе с произведений юмористического содержания [Алпатов, Шамин 2013: 27–29]. Оригинал, если он не сохранился в одном деле с переводом, выявить удается не всегда. В нашем случае, однако, было достаточно обратиться к сборникам памфлетов историка польской литературы Ю. Новака-Длужевского. В 1953 г. он опубликовал польский памфлет середины XVII в. *“Pacierz dworski”* (*“Ojcze nasz, królu polski, Janie Kazimierzu”*) [Nowak-Dłużewski 1953: 181], который соотносится с исследуемым русским переводом, однако не совпадает с ним полностью. В примечаниях Новак-Длужевский указал, что в 1853 и 1858 гг. были изданы два рукописных варианта этого текста², которые, как видим, входили в состав мемуарных записей-хроник типа диариуша. Судя по выводам ученого, печатных версий этого памфлета не существовало. Отчасти это могло быть следствием распространенности рукописной традиции в XVII в. Основной же причиной следует, скорее всего, считать то, что, как отмечает Новак-Длужевский, политическая поэзия избегала печати, поскольку как авторы, так и издатели политических сочинений могли навлечь на себя репрессии [*Ibid.*: XVII]. Однако памфlet активно распространялся в составе рукописных кодексов в ряду других политических сатир и пародий и, возможно, в виде рукописных летучих листков.

Ю. Новак-Длужевский дал ссылки на восемь списков *“Ojcze nasz”*, но в свое издание включил только три из них, а для остальных в сноске был указан только шифр. Интересно отметить, что именно эти три рукописи — BK316; BK361; Bran42/56 — пережили Вторую мировую войну и были найдены нами в польских архивах³. Важно отметить, что Новак-

² В 1853 г. издателем К. Вуйчицким в составе мемуаров Я. Ерлича, а в 1858 г. издателем Ж. Паули как приложение к мемуарам Я. Лося.

³ Остальные пять были утрачены. Проверка указанных исследователем шифров осложнялась тем, что во многих случаях они отсылали к не существующим

Длужевский напечатал в своем сборнике «составной» памфлет по двум разным спискам: строки 10, 19 и 28 из *Bran42/56* были заменены на «более правильные», с его точки зрения, строки из версии *BK361*. Подобный вариант текста, таким образом, не встречается ни в одной из сохранившихся польских рукописей. Это значит, что все, кто цитирует текст по изданию Новака-Длужевского, по сути обращаются к его авторской версии⁴. Таким образом, самыми новыми публикациями бытовавших в народе списков памфлета должны быть признаны издания 1853 и 1858 гг.⁵

Кроме восьми списков, известных благодаря Новаку-Длужевскому, в научной литературе есть ссылки еще на два — *BUW74*; *BCzart1861*. Они указаны Я. Хорошим, составившим хрестоматию переводов, переделок и иных литературных обработок молитвы “Ojcze nasz” в Польше [Choroszy 2008, II: 7, 577]. Еще один список обнаружен нами в домашней хронике Ширмов (“Sylva rerum Szurmów” [R113])⁶. Именно он, как оказалось, является текстуально и, возможно, даже генетически наиболее близким к русскому переводу.

К общему перечню списков можно было добавить две опубликованные копии памфleta, но фактически мы приплюсовываем только одну. В результате сравнения издания 1858 г. с рукописью *BK316* нами установлено, что издание дословно отражает указанный список, и не исключено, что именно он и был использован издателем Ж. Паули⁷. Таким образом, печатное издание 1858 г. не увеличивает общего количества списков.

сегодня учреждениям, поиск которых требовал изучения истории польских архивов и библиотек. Например, оказалось, что шифр *Biblioteka w Suchej 56* принадлежал ныне несуществующей Библиотеке Браницких, рукописи которой, сохранившиеся после Второй мировой войны, были переданы в Главный архив древних актов в Варшаве (*Archiwum Główne Akt Dawnych*), шифр *Bran42/56*.

⁴ Разумеется, нет оснований полностью отрицать возможность существования и такой версии текста, но пока эта гипотеза не подтверждена найденными списками.

⁵ Вышедшее в 1916 г. киевское издание до самого последнего времени было недоступным для читателей и до сих пор остается неизвестным как польским, так и российским исследователям. Это самое полное на сегодняшний день издание, в основе которого лежит рукописный список наследника Ерлича Я. Ваксмана, сделанный, по его утверждению, с автографа автора. Последним местом хранения протографа считается Библиотека Красинских в Варшаве, сгоревшая в 1944 г. Издание было подготовлено к публикации О. Левицким в 1916 г. в Киеве, но почти все экземпляры, кроме одного, погибли во время Гражданской войны 1917–1921 гг. Издание Левицкого учитывает различия по изданию К. Вуйчицкого и рукописи Ваксмана, а также содержит стихи, напечатанные Н. И. Костомаровым по мемуарам Ерлича, но исключенные из текста Вуйчицким и Ваксманом.

⁶ Сборник детально описан в статье: [Zachara 1981].

⁷ Подробнее об этом см. в разделе «7. Текстологические особенности польского памфлета».

В целом можно утверждать, что в Польше существовало как минимум двенадцать рукописных списков этой пародии, семь из которых сохранились до наших дней и были использованы нами при подготовке статьи. Русский перевод открывает нам еще одну, неизвестную для польского читателя, версию этого памфлета.

2. К вопросу об анонимном авторе и времени создания польского памфлета

Основные сведения об авторе и времени написания памфлета дает в краткой характеристике Ю. Новак-Длужевский [Nowak-Dłużewski 1972: 300–301]. Во-первых, исследователь отмечает, что, поскольку один из списков памфлета, хранившийся в Национальной библиотеке Польши⁸, имел название “Pacerz opatowskiego sejmiku”, можно предположить, что он «был создан очевидно в среде сандомерской шляхты, собирающейся на провинциальные сеймики в Опатове» [Ibid.: 300]. Также Новак-Длужевский, коротко ссылаясь на «Летописец» Я. Ерлича (“*Latopisiec albo Kroniczka różnych spraw i dziejów...*”), указывает точную дату создания пародии: 1665 г. В мемуарных записях шляхтича Яна (Иоакима) Ерлича⁹, охватывающих события 1620–1673 гг. действительно содержится текст пародийной молитвы “*Oycze nasz królu Polski Kazimierzu*”, а также другие стихи, песни, памфлеты и документы. Оригинальная рукопись, как и ее списки, к сожалению, погибли в начале XX в. Однако мемуары Ерлича были опубликованы в двух разных изданиях: К. Вуйчицкого [Jerlicz 1853: 103–105] и О. Левицкого [Ерлич 1916]. Последнее, судя по всему, не было известно Новаку-Длужевскому. Первый издаватель, К. Вуйчицкий [Jerlicz 1853: 103–105] опирался на поздний (XVIII в.) список с мемуарамов Ерлича из коллекции Я. Альбертранди, которая погибла во время Первой мировой войны в Ростове-на-Дону вместе с эвакуированными туда другими рукописями Библиотеки Варшавского университета [Яковенко 2012: 71]. В обоих изданиях текст пародии неполный, но Левицкий, в отличие от Вуйчицкого, не модернизирует правописание списка.

«Пасквиль» на Яна Казимира, как обозначил этот жанр в своих мемуарах Ерлич, сопровождается вводным замечанием: «...написан в военном лагере и подброшен в палатку при отправлении службы» [Ерлич 1916: 284]. Интересно, что похожая интерполяция-комментарий по поводу места написания сопровождает и другой, более ранний памфлет, вставленный в «Летописец», — на канцлера Ю. Оссолинского 1650 г.: «...пасквиль написан в военном лагере под Зборовом» [Возняк 1931:

⁸ По свидетельству библиотекарей, эта рукопись сгорела в октябре 1944 г.

⁹ Родословную и биографию Я. Ерлича см. в: [Тесленко 2004].

202]. Такие ремарки не только подчеркивают желание автора зафиксировать в дневнике известные ему детали появления памфлетов, но также, судя по другим мемуарным источникам, являются традиционным способом введения поэзии «на случай» в повествовательную структуру записок. О каком военном лагере идет речь в комментарии к “*Ojcze nasz*”, Ерлич, к сожалению, не указал.

Конкретной даты Ерлич также не сообщает, но информацию о памфлете он размещает после описания ключевого события «рокоша Любомирского» (военной конфедерации 1665–1666 гг. под руководством гетмана польного коронного Ежи Любомирского, выступившего против короля Яна II Казимира Вазы) – а именно, после записи от 5 сентября 1665 г.¹⁰, в которой описывается сентябрьская битва под Ченстоховой. Она написана постфактум, так как содержит упоминание о том, что произошло с пленными через две недели после битвы. Следующая запись дневника, помещенная уже после памфлета, не нарушает общую хронологию и датируется 15–16 сентября 1665 г. (в ней описывается смерть племянницы Ерлича Ганны). Таким образом, исходя из записей Ерлича, можно было бы предположить, что памфлет “*Ojcze nasz*” был создан между 5 и 15 сентября 1665 г. в военном лагере рокошан под Ченстоховой (или подброшен туда).

Однако нужно иметь в виду, что автор дневника не был очевидцем описываемых событий: в то время ему было уже 67 лет и он постоянно проживал на Волыни со своей семьей [Тесленко 2004: 173–174]. И. Тесленко предполагает, что известия о военных действиях Ерлич мог получать от своих сыновей [*Ibid.*: 164]. Уточнить, каким путем памфлет “*Ojcze nasz*” попал в руки Ерлича, скорее всего, не удастся. Поскольку считается, что Ерлич в это время довольно регулярно вел свой дневник, можно предположить, что памфлет попал к нему в руки той же осенью 1665 г. Утверждать, что сам Ерлич мог быть автором поэтических вставок, нет оснований ввиду разнохарактерности их стилистики, низкой художественной ценности самих записок Ерлича и общего компилятивного характера его дневника, включающего намного больше заимствованного, нежели лично созданного материала¹¹. Гипотезу Новака-Длужевского о связи пародии с Опатовским сеймиком, скорее всего, не удастся ни подтвердить, ни опровергнуть: рукопись, в которой памфлет “*Ojcze nasz*” имел такой заголовок, к сожалению, не сохранилась.

В литературе встречается также другая дата создания памфлета – 1668 г. Источником этой (на первый взгляд, ошибочной) даты является

¹⁰ В издании К. Вуйчицкого ошибочно вместо 5 сентября указана дата 5 октября, после которой странным образом появляется 15–16 сентября.

¹¹ Характеризуя мемуары Ерлича, польский историк Ю. Бартушевич заявлял: «Здесь нет никакого таланта» [Bartoszewicz 1877: 26].

текст пародии на “*Ojcze nasz*”, найденный среди мемуаров «Записки Лося» (*“Pamiętniki Łosia”*). В первом издании мемуаров шляхтича и панцирного казака Якуба Лося в 1858 г., в конце основного текста воспоминаний, действительно есть два поэтических дополнения, одним из которых является памфлет “*Ojcze nasz królu polski Janie Kazimierzu*”. В печатном издании он не имеет заголовка, но размещен под рубрикой “*Wiersze o panowaniu króla Jana Kazimierza 1668*”, названной так, по-видимому, издателем Жеготой Паули. Здесь текст пародии имеет несколько другое окончание, упоминающее отречение короля от престола, а значит — дописанное после сентября 1668 г. В предисловии Ж. Паули указал, что поэтические и документальные дополнения к тексту дневника подобраны им самим «для лучшего разъяснения некоторых запутанных отношений в тогдашней Польше» [Pamiętniki 1858: XX]. Новак-Длужевский считал, что «дата создания произведения установлена у Лося ошибочно как 1668 год» [Nowak-Dłużewski 1953: 181]. На наш взгляд, 1668 год соответствует дате появления более поздней версии текста. Но по отношению к фразе «дата появления памфлета» она, конечно, несправедлива. Кроме того, мы видим, что указанный год проставлен в памфлете не Лосем, а издателем его воспоминаний Паули, который, в свою очередь, мог позаимствовать его из рукописи. В том, что эти поэтические приложения отсутствуют в самих мемуарах Лося, убеждает нас также их оригинал, найденный и опубликованный Р. Сыренявой-Шипёвским [Łoś 2000].

Информация о том, что памфлет-пародия “*Ojcze nasz*” является дополнением, сделанным не самим Якубом Лосем, а издателем его записок, была упущена, как мы можем наблюдать, не только Новаком-Длужевским, но и другими, в том числе современными, исследователями. Памфлет-пародия на Яна Казимира с датой 1668 г. цитируется, например, в исследованиях по экономической истории Польши — в частности, по нумизматике [Hniłko 1910; Dziewanowski-Stefañczyk 2017]¹². Связь анализируемого памфлета с нумизматикой объясняется содержащимся в нем пассажем, направленным против денежных реформ Т. Л. Боратини и А. Тымфа (“*Ale nas zbaw od Tynfa i Boratyniego / I poszlj ich do czarta, piekła przeklętego...*”¹³). В экономических и исторических трудах эти строки

¹² Отметим, что в научно-популярной статье Дзевановского-Стефанчика процитированный полностью текст памфleta «*Отче наш*» приобрел новую, модернизированную форму — не только в орфографии и пунктуации, но и в содержании: автор или редактор журнала выбросили некоторые «ненужные» слова из версии издателя записок Лося 1858 г., «улучшив» версификацию. Таким образом, памфлет продолжает свою жизнь как многовариантное фольклорное произведение.

¹³ Цит. по изданию “*Pamiętniki Łosia*” 1858 г. [Pamiętniki 1858: 117], поскольку в указанных исследованиях использовано именно это издание. Перевод основного текста памфлета см. в приложении.

призваны проиллюстрировать негативное отношение поляков к правлению Яна Казимира.

Издание “*Pamiętniki Łosia*” 1858 г. положило начало дискуссии о Владиславе Лосе (не Якубе — составителе мемуаров) как авторе памфлета [Hniłko 1910: 2]. Подобный вывод опирался на гипотезу Ж. Паули о том, что «Записки Лося» написал стольник Владислав Лось. Однако позднее было доказано, что их автором был его однофамилец — Якуб [Śreniawa-Szyprowski 2000].

3. Формально-содержательная характеристика пародии “Ojcze nasz”

В памфлете-пародии “*Ojcze nasz królu polski Janie Kazimierzu*” отсутствуют сложные барочные метафоры, латинизмы и другие признаки, выявляющие в этот период художественную эрудицию автора. Однако в тексте ярко проступает ирония и даже сарказм при контаминации цитат из молитвы с реалиями времен правления Яна Казимира. Например, уже приведенное выше осуждение реформ Т. Л. Боратини и А. Тымфа строится на замещении лексемы “*ziego*” из канонического текста молитвы именами организаторов реформы: “*Ale nas zbaw ode ziego*¹⁴” пре-вращается в “*Ale nas zbaw od Tymfa, y Buratyniego*” (29)¹⁵. Такие примеры сконцентрированы в первой части памфлета, а вторая, за исключением указанной строки о реформах, исчерпав лексические средства пародийного заимствования из молитвы, обращается к прямым, лишенным аллюзийности советам королю по исправлению ситуации в стране: “*Po- trzeba znowu kazac, bic czerwone złote...*” (31), “*Każ znowu dobre robić talary u orty*” (33), “*Przywroc do Korony tesz srebro...)*” (35).

Некоторое мастерство нужно признать за автором в области версификации: памфlet “*Ojcze nasz*” — пример рифмованного и относительно стабильного в разных его вариантах польского 13-сложника, который в конце произведения сменяется восьмисложником. Полные версии памфleta состоят из 40 стихотворных строк, разбитых на двустишия. Первая строка, как правило, пародирует текст молитвы, а вторая — расширяет или дополняет тезис, заявленный в пародийной, часто развивая его в аллюзию на современную политико-экономическую ситуацию, например, на Шведскую и прошведскую политику короля: “*Bądź wola twoia iako Wandalu była. / Gdzie słyszem chleba mało a śledzi siła*” (7–8).

¹⁴ Молитва цитируется по одной из версий, лексически близких к памфлету;ср.: Biblia Leopoldy, Mt 6, 9–13 [Choroszy 2008, I: 48].

¹⁵ Здесь и далее, если нет других указаний, памфlet цитируется по рукописи R113, поданной в приложении; в скобках указывается номер строки.

Начиная с девятого двустишия текст все более расширяется параллельными ассоциациями: к примеру, строка “*Nie wodź nas na woynę z Szwedy z Francuzami*” (15) продолжается еще двумя пожеланиями в строках “*I nie wprowadzaj nam też na państwo Francuza*” (17) и “*A ni nam tesz racz więcej zyczyc Kondeusa*” (19). Далее автор текста возвращается к религиозной тематике и лексике, соединяя при помощи рифмы всемогущего Бога и фамилию Любомирского в одном двустишии и таким образом четко показывая свои политические приоритеты:

Panu nam poki wola Boga wszechmocnego. /
Przyiąwszy zas do łaski swej Lubomirskiego (21–22).

Начиная со строки 23, автор памфлета обращается к осуждению конкретных политических фигур — приверженцев короля (и противников Любомирского), фамилии которых находим во многих памфлетах и личных письмах сторонников рокоша: Миколая Пражмовского, Владислава Рея, Яна Гнинского, Миколая Паца. В строках 27–36 осуждаются денежные реформы Т. Л. Боратини и А. Тымфа и даются советы, как улучшить экономическую ситуацию в стране. В последних четырех строках автор клеймит всех врагов, употребляя общее “*zdrayce*”, адресованное, очевидно, как вышеуказанным, так и всем другим своим врагам, и возвращается к молитвенному “*Amen*”.

4. Жанр текста

В нашей статье уже встречалось определение исследуемого произведения как памфleta, пародии и сатиры¹⁶ в качестве взаимозаменяемых понятий. По сути, каждый термин подчеркивает разные стороны анализируемого текста:

памфлет — его политическую направленность;

пародия — его структурную специфику, заключающуюся в следовании формально-содержательным особенностям молитвы “*Ojcze nasz*” (нанизывание социально-политического содержания на молитвенные формулировки);

сатира — особенность содержательной и пафосной характеристики текста. Сатира как вид комического в памфлете “*Ojcze nasz*” выражается преимущественно в форме гипербол, иронического контраста, пародирования одного из самых священных текстов, соотносящегося с сакральным дискурсом (так называемой “*parodia sacra*”¹⁷) и дискурсом

¹⁶ В цитатах употребляется также устаревший термин «*пасквиль*», подчеркивающий резкость выпадов в адрес короля.

¹⁷ Осознавая проблемность термина “*parodia sacra*”, раскрыту в статье М. Бурде [Bürde 2010: 223], все же считаем целесообразным анализ нашего памфleta в рамках общепринятой в литературоведении баухтинской концепции «священной пародии».

власти. Сатирический пафос и народная смеховая культура сближают анализируемую пародию с совизжальской литературой¹⁸.

Нужно подчеркнуть, что анонимная поэзия «на случай» имеет самую тесную связь с народной смеховой культурой своего времени, которая еще не до конца раскрыта и исследована. Возможно, именно дух всенародности, свойственный как карнавалу, так и военным действиям, становится толчком к множественным политическим пародиям и сатирам, создававшимся в период конфедераций и различных военно-политических и социальных конфликтов.

Появление нашего стихотворения вызвано военными событиями рокоша Любомирского. В нем отражены и другие военные конфликты Польши: “Nie wodź nas na woynę z Szwedami / Gdyż mamy dosyć zabawki z Moskwą Kozakami” (15–16). Это вводит его в дискурс военной (солдатской) поэзии XVII в.

5. Несколько слов о художественной ценности памфлета

В оценке роли и художественной ценности анонимной поэзии «на случай» в целом и пародий на религиозные молитвы в частности можно отметить некоторое расхождение. С одной стороны, П. Петшик указывает на низкую художественную ценность пародий XVII и XVIII вв. из-за отсутствия литературной эрудиции у их авторов [Pietrzyk 2008]. С другой стороны, Ю. Новак-Длужевский, противопоставляя анонимную политическую поэзию официальной, представленной всем известными именами писателей, отмечает «ее широту и буйность, смелость и размах использованных в ней литературных форм, которые и не снились современной ей официальной литературе, литературную изобретательность в приспособлении формы к содержанию поэтических шаржей, несравненное красноречие в развитии литературного замысла...» [Nowak-Dłużewski 1967: 157]. Однако применительно к нашему тексту эти характеристики скорее дополняют друг друга. Анонимный автор изучаемого памфлета, очевидно, пользовался более ранним примером подобной пародии, заимствуя значительную часть как религиозных, так и социально-политических аллюзий (о чем пойдет речь ниже), однако, на наш взгляд, это не уменьшает художественной ценности его произведения.

¹⁸ Понятие совизжальской литературы (от имени Совизжал, польского варианта имени Эйленшпигеля) охватывает творчество «плебейских юмористов» — выходцев из мелкой шляхты, низшего духовенства, горожан, студентов — и противопоставляется шляхетской и мещанской литературе. Совизжали часто пользовались художественными средствами пародии, сатиры и карикатуры для высмеивания высших слоев общества или просто для развлечения, смеха ради смеха. О совизжальной литературе см. подробнее, например: [Grzeszczuk 1966].

6. Памфлет “Pacierz dworski” и польская традиция пародирования религиозных текстов

Пародирование библейских и богослужебных текстов, даже таких сакральных, как “Pater noster” и “Ave Maria”, восходит к латинской литературе странствующих школьников и монахов [Адрианова-Перетц 1936: 335]. Распространившись благодаря французским гостиным домам, сатира в форме молитв стала популярной в Западной Европе во времена реформации, а в Польше – в XVI в. Исследование Ю. Новака-Длужевского показывает, что большинство польских пародий на религиозные тексты имело политическую направленность: «Начиная с XVI в. и почти до последних лет XVIII в. старопольская политическая поэзия существовала в форме пародий религиозных текстов» [Nowak-Dłużewski 1967: 168]. При этом ученый приводит много примеров «рокошевых» пародий – сочинений, возникших в период наиболее активного противостояния народа польским властям – военных мятежей («рокаши»). Таким образом, пародирование религиозных текстов имело не только литературное, но и общественное значение.

Пародии на молитву «Отче наш» (как анонимные, так и авторские) распространяются в Польше в XVI–XVII вв. на латинском, немецком и польском языках. Большинство из них имели яркую политическую направленность. При этом анонимные пародии «на случай», циркулируя в обществе как часть фольклорной памяти, становились основой культурного взаимодействия между разными социальными группами и разными поколениями польского народа. Они часто возникали в результате прямого заимствования формально-содержательных характеристик полюбившихся образцов в процессе адаптации их к новым социально-политическим условиям. Р. Кшиви считает сущностной характеристикой этих текстов имитационность [Krzywy 2018: 11]. Анализируемая нами пародия является звеном в цепочке таких многократных рецепций и адаптаций.

В главе «Религиозные формы старопольской политической поэзии» Ю. Новак-Длужевский указывает на пример троекратной однотипной адаптации молитвы «Отче наш»: первый раз во времена Сигизмунда III, в начале XVII в., под названием “Pacierz do Króla Jegomości”; второй – “Pacierz dworski” в середине XVII в.; третий – “Pacierz skomponowany w Warszawie 1729 od pewnego katolika”, адресованный королю Августу II. При этом исследователь отмечает, что «сигизмундовская редакция повторяется в казимировской и августовской не только в порядке использования слов Молитвы Господней, расположенных в каждой паре строк, но также и в способе интерпретации молитвенных строф с помощью тех же самых выражений и оборотов» [Nowak-Dłużewski 1967: 169].

Уточним, что “Pacierz do Króla Jegomości” (“Ojcze nasz, królu polski, który mieszkasz w Warszawie”), по мнению Я. Чубека, был создан во время Люблинского съезда в июне 1606 г. участником рокоша Зебжидовского – восстания шляхты против короля 1606–1609 гг. [Czubek 1916]. А третий памфлет под названием “Pacierz do króla Augusta” (“Ojcze nasz, królu pański, o Auguście wtory”) связывается с тарногродской конфедерацией 1715–1716 гг. [Choroszy 2008, II: 579].

Кроме этого, Ю. Новак-Длужевский в антологии “Poezja Związku Święconego i rokoszu Lubomirskiego” указал на связь анализируемого нами памфлета еще с одной пародией, которую исследователь определил как иную версию того же текста. Этому определению можно небезосновательно возразить. Первая часть пародии “Pacierz dworski Vivente Joanne Casimiro et uxore illius Maria Ludovica” [Nowak-Dłużewski 1953: 181–183] действительно является переделкой памфleta “Pacierz dworski” и в одном из списков, согласно сведениям ученого, даже имеет название “Pacierz Korony Polskiej drugiej kompozycyjej 1666” [Ibid.: 181]. Однако вторая и третья часть этого более развернутого текста (62 строки) имеют самостоятельные названия (“Ave Maria” и “Credo in unum Deum”) и, соответственно, пародируют тексты других молитв. Впрочем, даже первая часть текста носит следы глубокого авторского переосмысления и стилистической переработки текста, что дает основания определить его не как версию памфleta “Pacierz dworski”, а как относительно самостоятельное звено в цепочке пародий на «Отче наш». Начало же этой подражательной цепочки, возможно, даже более раннее, чем памфlet 1606 г. В сборнике М. Хлопицкого, в котором также размещен один из списков исследуемого памфleta, есть “Modlitwa mazowiecka święta” (*Святая мазовецкая молитва*), датируемая приблизительно концом XVI в. (“przed r. 1586?”¹⁹). Ее текст включает в свою антологию и Я. Хороший, называя эту пародию «самой ранней молитвой среди окказиональной и сатирической литературы в Польше» [Choroszy 2008, II: 573]. В отличие от вышеуказанных пародий, эта – прозаическая и меньше по объему, но здесь мы находим, к примеру, отразившийся потом в других текстах засин: “Ojcze nasz, królu Batory, ktoryś...”, а также повторяющееся во всех произведениях упоминание о налогах: “...odpuść na<m> łanowe, czopowe, bykowe...”²⁰. Интересно отметить закономерное увеличение объема указанных

¹⁹ См. описание сборника “Zbiór mów, listów oraz satyr i pamphletów politycznych, sporządzony przez Michała Chłopickiego skarbnika żydaczowskiego, w latach 1700–1709” в каталоге библиотеки Чарторыйских: <http://sowwwa.muzeum.krakow.pl>, последнее обращение: 28.11.2018. Здесь находится и указанная датировка.

²⁰ Имеются в виду лановая, чоповая и быковая подати. Ср. памфlet 1606 г.: “Odpuść nam łanowe, poborowe, czopowe”; памфlet 1665 г.: “Odpuść nam nasze winy, pogłówne, rogowe”; памфlet 1716 г.: “Odpuść nam nasze winy, podatki, dymowe”.

текстов (начиная с памфлета 1606 г. — соответственно 19, 40 и 118 строк), связанное с ростом влияния прозаических жанров, что, в свою очередь, структурно дистанцирует их от молитвенного архетипа.

Наиболее тесная связь, однако, существует между анонимной пародией “*Pacierz do Króla Jegomości*” 1606 г., обращенной к королю Сигизмунду III Вазе, и памфлемтом “*Pacierz dworski*” 1665 г., адресованным Яну Казимиру. Первая часть изучаемого нами памфлета заимствует из пародии начала века целые фразы и даже строки: 46 из 98 лексем памфлета начала века повторяются в памфлете середины века, но 21 лексема из них в обеих пародиях общие с библейским текстом молитвы. Поэтому создается впечатление, что автор «казимировской» пародии имел перед собой или знал наизусть текст «сигизмундовской»²¹. Ответ на вопрос, каким образом возникла эта связь, вряд ли можно ограничить выскаживанием Ю. Новака-Длужевского о большой популярности «сигизмундовской» пародии, которая «сохранила свою свежесть, чтобы возобновиться в новом политическом содержании» [Nowak-Dłużewski 1967: 169]. Как представляется, некоторую роль в этом совпадении играет их общий, судя по имеющимся сведениям, регион возникновения — юго-западная часть Польши, а также участие во всех трех упомянутых рокошах сандомерской шляхты. Однако, поскольку информация о местах создания этих текстов не подтверждена документально, опираться на нее приходится с большой осторожностью.

7. Текстологические особенности польского памфлета

Из известных нам семи вариантов памфлета “*Pacierz dworski*” шесть сохранились в рукописных сборниках и один, записанный в «Хроничке» Ерлича, дошел до нас только в печатном виде. Второй изданный вариант памфлета, как уже упоминалось выше, дословно совпадает с текстом в рукописи *BK316*²². Этого, очевидно, не заметил Ю. Новак-Длужевский, комментируя обе публикации текста как «неточные и со множественными предметными ошибками» [Nowak-Dłużewski 1953: 181], но при этом лично ссылаясь на список *BK316*. Как в издании «Записок Лося» К. Вуйчицкого, так и в более исправном издании О. Левицкого памфлет Ерлича имеет всего 24 строки (полный текст содержит 40 строк). Он характеризуется множественными пропусками слов: даже в самом названии “*Oycze nasz królu Polski Kazimierz*” выпущено имя короля.

²¹ Определения «казимировская» и «сигизмундовская» даны Новаком-Длужевским. По сути, нужно говорить об антиказимировской и антисигизмундовской пародиях.

²² Вопрос, использовал ли издатель Ж. Паули именно рукопись *BK316*, требует дальнейшего исследования.

Текст памфлета у Ерлича во многом отличается от других известных нам его версий. Бытовал ли этот сокращенный вариант на самом деле, сокращен ли текст при первичной его записи или при вторичной обработке переписчиками и издателями²³, неизвестно.

Довольно четко можно выделить ранние редакции памфлета и по крайней мере одну позднюю (в рукописи *BK316*)²⁴, созданную после отречения Яна Казимира от престола в 1668 г. Два из семи списков (*BK361* и *BUW74*) имеют, соответственно, 34 и 36 строк и не содержат завершающих двустиший, представленных в остальных списках, к примеру:

A zdraycy wezmą zapłatę
Za takową wielką stratę
Amen Amen miły Panie.
Niech ze sie to wrychle stanie [Bran42/56].

Этот же вариант окончания — в *R113* и в *BCzart1861*. Однако в *BCzart1861* первые две строки имеют вид 13-сложника, и в них содержится указание на причастность автора этой версии (а возможно, и всего памфлета) к «коронной шляхте»: “I straisi z waszeciami, wezmą swą zapłatę / Za taką nas koronnych szlachty wielką stratę”. В «Хроничке» Ерлича эти строки сокращены до “O móy miły panie! / Niech że się tak stanie! — Amen” [Ерлич 1916: 285]. А редакция, созданная после отречения короля 1668 г., вместо этого оканчивается двустишием:

Już o to wszystko trudno. Pacierza nie sprostał,
Uczyc się od Polakow, Abdykantem został [BK316].

При сравнении семи вариантов текста бросается в глаза частая вариативность служебных частей речи, местоимений и прилагательных, нередко ограничивающаяся изменением их места в строке, иногда — глагольная синонимия. Так, в строке 18 имеем вариацию “wielkiego/ciężkiego/takowego guza”, в строке 21 — “Boga wszechmocnego/najwyższego”, а строка 20 перефразируется еще чаще:

Gdyż go cale nie lubi strasznie nasza dusza [Bran42/56],
Gdyż go strasznie nie lubi cale nasza dusza [R113],
Gdyż go cale nie lubi nasza Polska dusza [BK316] и др.

²³ Кроме современной орфографии, К. Вучицкий, как мы видим при сравнении с изданием О. Левицкого, исправил по своему усмотрению словоупотребление, переставив местами в половине строк слова или изменив их форму (не считая случаев модернизации правописания, исправления внесены в 12 из 24 строк).

²⁴ Текст памфлета в рукописи *BK361*, возможно, тоже является более поздней редакцией, поскольку он очень близок к тексту *BK316*. Однако в *BK361* отсутствует завершающая часть, по которой можно бы было сделать окончательный вывод.

Содержательных изменений в исследуемых вариантах не наблюдается, но резкость выпадов варьируется. Например, вторая часть двустишия “Ale nas zbaw od Tympha u Boratyńiego / I racz onych odesłać do Woyska Związkowego” (*Bran42/56*; этот же вариант — в *BCzart1861, R113, BUW74²⁵*) в других версиях заменена на “I poszli ich do czarta piekła przeklętego” (*BK316*; тот же вариант — в *BK361* и в «Хроничке» Ерлича). Ю. Новак-Длужевский, кстати, считал строку “I racz onych odesłać do Woyska Związkowego” ошибочной, поскольку в двух из трех использованных им списков²⁶ и в напечатанных вариантах у Ерлича и Лося был предложен второй вариант, с упоминанием черта [Nowak-Dłużewski 1953: 292].

Списки памфлета в рукописях *BK316* и *BK361* имеют многие общие характеристики, не встречающиеся в остальных списках, что, возможно, указывает на их происхождение от общего источника, тем более что *BK361* озаглавлен “Copia Pacierza”. Так, в обоих списках отсутствуют строки о Гнинском (строки 25–26 в полных версиях); строка 32, которая в других вариантах звучит “A zagubić szelągi, francuską niecnotę” (с вариацией “i francuzską snotę”), оканчивается здесь на “przemierzłą robotę / holotę” (*BK361* / *BK316*), а строки 33–34 вместо “talery i orty”, rhymeющихся с “sorty” или “kąty”, предлагают вариацию “orty i talery”, rhymeя последние с “Polscy kawalerą” (*BK316*) или, с видимой частичной потерей рифмы, — “jak przedtem bywaly” (*BK361*). Интересно, что в версии Ерлича имеется такая же замена в этом двустишии, где rhymeются “orty i talary” и “za innych bywały”. Сравнив два последних списка, можно предположить ошибку или намеренное исправление рифмы “talery – bywaly” переписчиком в *BK361* (очевидно, должно быть “talary – bywaly”). Этот случай является одним из примеров вариативности форм *talar* / *taler* в польском языке XVII в.

Структура пародируемой молитвы, как нам кажется, определяет степень вариативности текста памфлета: чем больше он начинает отдаляться от молитвенного архетипа, тем большая вариативность отмечается в разных его версиях. Во второй части стиха наблюдается не только замена, но и пропуск отдельных двустиший как в основном тексте, так и в концовке. Подвижная вариативная природа памфleta дает основания предположить, что он вошел не только в письменную, но и в устную фольклорную традицию Польши того времени.

²⁵ В рукописи *BCzart1861*, к примеру, представлен вариант с выдержаным изосиллабизмом: “I racz one posłać do Woyska Związkowego”.

²⁶ Напомним, что Ю. Новак-Длужевский пользовался для подготовки своей публикации тремя списками: *Bran42/56*, *BK316* и *BK361*.

8. Перевод польского памфлета “Pacierz dworski” в контексте русской культуры середины XVII в.

Русский перевод пародии на «Отче наш» был сделан, по предположению С. М. Шамина, в 1671–1673 гг. Сразу заметим, что перевод памфлета “Pacierz dworski” на русский язык в это время уже теряет свою политическую актуальность: «...на русский язык его перевели после отречения Яна II Казимира, когда он уже не имел политического значения. Это еще раз подтверждает предположение, что внимание к пародии в значительной мере было связано с “курьезностью” текста», — считает Шамин [Шамин 2011: 109]. Политическая актуальность польской поэзии «на случай» для переводчиков Посольского приказа, как подчеркивает С. И. Николаев, в основном определялась упоминанием в ней России, и в этом случае она могла даже использоваться как «документ» в дипломатической практике [Николаев 2004: 87]. Хотя в памфлете “Pacierz dworski” и упоминается Москва, его перевод в Посольском приказе вряд ли был политическим решением. По мнению С. В. Алпатова и С. М. Шамина, для всех «отечественных реплик европейских памфлетов-пародий священных текстов» характерна «утрата социально-политической и конфессиональной злободневности» [Алпатов, Шамин 2012: 58]. Однако при этом они могли приобретать и новую социально-политическую функцию в русской культуре: для русского читателя мог представлять интерес сам факт смелой критики «действий верховной власти, критики, невозможной в условиях русской действительности» [Адрианова-Перетц 1936: 347].

Утрачивая злободневность, польские политические пародии в России приобретали и другую важную социально-культурную функцию. Напомним, что в Посольском приказе активно интересовались политической поэзией «на случай», так как, по словам С. И. Николаева, «именно она давала самый благодарный материал для изучения общественного мнения в Польше» [Николаев 2004: 87]. Кроме того, исследователь отмечает, что «памфlet “на потребу дня” иногда освещает те явления, которые не попадают в официозный отчет, да и появляется он зачастую быстрее» [Ibid.: 104]. Возможно, что перевод анализируемого памфлета имел подобное социально-культурное значение для Посольского приказа. При этом отметим, что “Pacierz dworski” — не единственный пример перевода в Посольском приказе 1670-х гг. сатирических стихов «на случай», посвященных исключительно внутриполитической ситуации в Речи Посполитой. Другим примером является сатирический цикл «Перевод с полского писма с виршов, каковы писаны на бесчестье королю полскому, и королеве, и послу французскому, и бискупом и сенаторем, а присланы те вирши чрез виленскую почту в нынешнем во 185 <1676>

году октября в 8 <день>» [Ibid.: 99–132]. Тексты обоих польских произведений относятся к солдатской поэзии и попали в Россию в рукописном виде. Как полагает С. И. Николаев, к появлению в России сатирического цикла мог быть причастен первый московский резидент в Варшаве В. М. Тяпкин, который «внимательно следил за литературными новинками» [Ibid.: 91]. Если предположить, что памфлет “*Pacierz dworski*” тоже попал в Москву благодаря Тяпкину, то он мог оказаться в России не ранее 1673 г., что, в принципе, не противоречит датировке перевода, данной С. М. Шаминым [2011: 107].

Не исключено, что основной причиной внимания русского читателя к польскому памфлету была именно его художественная сторона – пародийная структура. Переводчики Посольского приказа, как мы знаем, находили «элементы беллетристики даже в паралитературных сочинениях» [Małek 1978: 56]. Э. Малэк приводит многочисленные примеры извлечения для перевода отдельных беллетристических эпизодов из польских исторических хроник [Małek 1983: 14–19]. Исследовательница приходит к выводу, что большинство этих фрагментов к тому же связано с фольклором [Ibid.: 19]. В некоторой степени это касается и политической поэзии «на случай» и, возможно, обусловлено сознательным или бессознательным поиском общих,озвучных русской традиции, культурных референций.

Вне зависимости от причин интереса русского переводчика к памфлету, сам факт его перевода в России, по нашему мнению, повлек за собой смену функционального поля текста и переакцентирование его жанровой доминанты при рецепции. Появление сатиры “*Pacierz dworski*” связано с огромной значимостью политической публицистики в развитии конфликта между разными социальными слоями Польши того времени. По словам Ю. Новака-Длужевского, памфлеты являлись «бескровным оружием» политического противостояния [Nowak-Dłużewski 1953: XVIII]. Попав на русскую почву, даже при дословном переводе, эта пародия теряла идеологическую и социально-политическую актуальность за счет функциональных и жанровых сдвигов в культуре-реципиенте. На первый план здесь вышли социально-культурная и художественная функции текста. Название в переводе не сохранилось (или отсутствовало уже в польском рукописном источнике), таким образом памфлет “*Pacierz dworski*” превратился в пародию «Отче наш кроле полскии Яне Казимере», не испытав при этом никаких содержательных трансформаций благодаря пословному переводу. В целом же, как нам кажется, все польские переводные политические сатиры и пародии, не содержащие критики в адрес России, получают в русской культуре-реципиенте более выразительный смеховой контекст, в который может включаться и «смех над другим».

Памфлет “Pacierz dworski” в русском переводе стоит у истоков русской переводной традиции польских юмористических произведений XVII ст. В России XVIII в. она стала настолько сильной, что, как отмечает Э. Малэк в отношении развития жанра стихотворных жарт, «анонимные авторы и переписчики стихотворных жарт приписывают польское происхождение текстам явно не польским» [Малэк 2008: 350]. Переведенная на русский пародийная молитва является также примером общности смеховой культуры поляков и русских. Одним из важных аспектов этой общности, по мнению Э. Малэка, было «родство на жанровом уровне», в том числе существование в обеих культурах «пародий на деловые жанры»: сатирических лечебников, пародийных молитв, служб, проповедей, посланий, челобитных и др. [Ibid.: 357–358]. Прием, однако, во внимание тот факт, что в русской переводной традиции XVII в. доминирует беллетристика западноевропейского Средневековья, а современные художественные произведения начинают переводиться только в середине следующего столетия [Małek 1978: 57]. Польская сатира «на случай», конкурируя в этом плане с «объемной» прозой, попадает в Россию часто вместе с актуальными документами, непосредственно после своего создания. Она закладывает основы для систематического интереса к польской современной литературе и публицистике, реализованного в многочисленных переводах с конца XVII в.

9. Формально-содержательные особенности русского перевода

Известные нам польские версии памфleta “Pacierz dworski” дают возможность заключить, что в Россию попала ранняя редакция текста. В русском переводе нет упоминания об отречении от престола Яна Казимира, которое появилось в более поздней редакции памфleta. Кроме того, сравнение списка памфleta из домашней хроники Ширмов (“Sylvergium Szyrmów”)²⁷ и русского переводного текста позволяет предполагать их генетическую близость. Количество и порядок строк в них совпадают (40 полных строк) — за исключением явно ошибочной перестановки местами 14 и 15-го двустиший (о Тымфе и Боратини), нарушающей логический ход стиха в ширмовском списке. Переписчик их очевидно пропустил, но сразу же попытался исправить свою ошибку. В польском

²⁷ Обратим внимание на то, что усадьба шляхетского рода Ширмов располагается на территории современной Беларуси, в Полесье. Там же, только южнее, на Волыни (современная Украина), размещалась и усадьба Я. Ерлича, а рукопись *BCzart1861* является сборником Михаила Хлопицкого, проживавшего на территории современной Львовской области (Украина). Таким образом, география распространения памфleta охватывает центрально-южную часть Речи Посполитой.

списке встречаются и другие ошибки и исправления (*iako* вместо *ale, do Francyei* вместо *we Francyi, sztraznie* вместо *strasznie* и др.). Русский перевод отражает правильную последовательность строк и «правильные», соответствующие большинству других польских списков формы и варианты слов. Поскольку практически все лексемы ширмовской версии отражены в русском переводе, можно предположить, что эти тексты могли иметь общий источник. Возможно, именно его копия и попала в середине XVII в. в Россию. Поэтому анализ русского перевода будет осуществлен с опорой именно на ширмовский список памфлета, носящий название “*Pacierz o krolu polskim Janie Kazimirzu*”.

Перевод памфleta с польского на русский язык не мог вызвать больших трудностей у переводчика по причине простоты лексики и синтаксиса польского текста, отсутствия сложных фразеологических оборотов, латинских лексических вставок и других возможных препятствий для понимания содержания сочинения. Переводчик, однако, не ограничивается дословным отражением источника, а стилизует его при помощи церковнославянских лексико-грамматических форм.

Обращение к церковнославянским эквивалентам при переводе связано, возможно, и с универсальностью молитвенного текста. Сакральность «Отче наш» активировала в сознании русского переводчика не только молитвенные формулы, но и стилистически высокий регистр лексем и грамматических конструкций. Например, строка “*Pozbawięś nas wszystkich powszedniego chleba*” отражена в русском переводе как «Избави́ль еси нас всѣх насущног(о) хлѣба», где кроме устойчивого словосочетания «насущног(о) хлѣба» употреблена форма перфекта со связкой «избави́ль еси». Формы аориста составляют мастерски подобранный аналог польской рифмы в строках 13–14: “*żołnierzowi – gotowi*” изменено на «остави́хомъ – быхомъ». Подобная замена произведена и в предпоследнем двустишии, где польский восьмисложник “*A zdrajcy wezmą zapłatę / Za tak straszno wielką stratę*”²⁸ переведен 14- и 12-сложными строками: «А измѣнникомъ буде́т равновоздаяние, / За их великои казны расточение». Впрочем, отмеченная неравносложность (невыдержанность изосиллабизма) характерна для всех строк русского перевода. При этом в найденных польских списках памфleta “*Pacierz dworski*” изосиллабизм также не всегда выдержан идеально, но стремление к нему однозначно. Невыдержанность изосиллабизма в русских переводах является характерной чертой поэтических переводов Посольского приказа [Николаев 2004: 106].

Отметим, что мастерство переводчика в подборе рифмы особенно проявляется во второй половине стиха, не скованной молитвенными

²⁸ *Bran42/56 – Za takową wielką stratę.*

аллюзиями, что соотносится с вариативностью второй половины текста польского оригинала. Так, рифма “talery i orty” заменена на «орты ефимки» (с подбором русского эквивалента к «талеру»)²⁹, а в следующей строке к «ефимкам» была подыскана отсутствующая в польских вариантах рифма — полонизм «шинки». На то, что это именно замена, а не влияние неизвестного нам польского оригинала, указывает русское происхождение лексемы «ефимки». Из-за этой замены переводчик вынужден был изменить содержание всей строки оригинального текста: “*Jako przed tym byli, za nas pełna kąty*”³⁰ в русском тексте звучит как «Которых исполнены были вездѣ шинки».

Все эти творческие находки переводчика, по сути, придают русскому переводу более возвышенную стилистику по сравнению с оригиналом и, как нам кажется, отражают опыт переводчика в работе с поэтическими текстами. Однако они контрастируют с остальной частью текста, словно следующего польскому оригиналу. Это следование и множественные полонизмы приводят к появлению не совсем удачных рифм, которые воспринимаются такими именно на фоне поэтических находок переводчика.

Так, говоря о менее удачных решениях, С. М. Шамин отметил рифму «кролевской — Францыи». Однако именно здесь мы видим, скорее, недосмотр переписчика. Сверив перевод с польскими версиями текста (в этих начальных строках они практически идентичны), мы обнаруживаем, что рифмоваться здесь должны “Szwecujej — Francyej”. В русском переводе это точно отвечает рифме «Швецыи — Францыи», а прилагательное «кролевской» относится к следующей строке. По сути, благодаря отсутствию изосиллабизма и оставленным полонизмам, включительно с использованием польского ударения на предпоследнем слоге не только в полонизмах, но и в собственно русских словах, переводчику удается зарифмовать как точными, так и неточными рифмами весь памфлет. Исключение составляют пары двустиший, в которых переводчик не прикладывает усилий, чтобы подобрать слово с одинаковой заударной гласной: «Боратына — союзна», «червонны — манеты».

Среди чуждых русскому языку XVII в. полонизмов отметим, прежде всего, лексемы «гуз» и «прехира», а также не употреблявшийся уже в живой речи вокатив «кроле». Последнее, однако, имеет в стихотворении грамматическое соответствие вокативу «отче», обусловленному текстом русской молитвенной формулы «Отче наш». К слову «гуз» переписчик на полях рукописи вынес пояснение — «удар», а значит, это слово было для

²⁹ Ефимок — русское название европейских талеров.

³⁰ Bran42/56 — *Jakie przed tym bywały rozne zawsze sorty.*

него непонятным³¹. Поэтому и объяснение значения здесь — неточное, обусловленное контекстом: в старопольском языке «гуз» означал ‘напрост’, ‘выпуклость’ [Sst, 2: 523; Brückner 1927: 164]. Лексема «прехира» была употреблена в окружении имен собственных и давала мало возможностей для подбора альтернатив: «Ни Паца прехиры ни кота литвина» (пол. “Ani Paşa przechiry, ani Kota Łatvyna”³²). Значение слова «прехира» находим в словаре А. Брюкнера: «Прехыра, прехера, ‘проныра, жулик’, общеупотребительное в XVI и XVII веке» [Brückner 1927: 441]. Отметим, что двустишие с именем литовского канцлера Паца встречается только в двух найденных нами польских списках памфлета (*R113* и *BUW74*) и не было известно Ю. Новаку-Длужевскому.

Заключение

Польский памфlet-пародия “Pacierz dworski”, созданный около 1665 г. и направленный против короля Яна II Казимира Вазы, является типичным примером народной политической поэзии «на случай». Его пародийность основана на обращении к тексту молитвы «Отче наш», что придает ему, по сравнению с другими стихами времен рокоша Любомирского, особенную художественную ценность, даже несмотря на подражательный характер самой идеи использования молитвы и простоту языкового и стилистического решения. Использование жанра пародии и острота политической сатиры послужили причиной интереса к памфлету в Польше в течение нескольких столетий и, скорее всего, сыграли ключевую роль при выборе для перевода именно этого текста русским переводчиком Посольского приказа. Кто из приказных знатоков польского языка перевел памфlet, установить сложно, так как в начале 1670-х гг. их насчитывалось около десяти [Николаев 2004: 105]. Качество переводного текста, не лишенного буквализма и многих полонизмов, но и отражающего попытки литературной обработки оригинала, позволяет нам говорить о выраженной здесь типичной технике приказного перевода XVII в. Установка основных этапов ее развития в этот период требует, однако, дальнейшего исследования, с привлечением к анализу текстов как больших, так и малых форм.

³¹ «Словарь русских народных говоров» фиксирует пять значений слова «гуз», употребляемого в Псковских, Смоленских и Тверских говорах конца XIX — начала XX в., но ни одно из них не имеет семантики удара [СРНГ, 7 1972: 206]. Среди них «гуз» в значении ‘шишка (на лбу)’, согласно «Новому словарю польских заимствований в русском языке» В. Витковского [Witkowski 2006: 39], является полонизмом. Это заимствование зарегистрировано, как показывает СРНГ, в псковских и смоленских говорах в 1919–1934 гг. [СРНГ, 7 1972: 206]. Перевод памфleta “Pacierz dworski” 1671–1673 гг. предоставляет пример более раннего употребления этой польской лексемы в русском языке.

³² *BUW74 – Ani Paşa Prochery Ni kota Litwina.*

Польский оригинал русского перевода в Посольском приказе, по-видимому, не сохранили, но в результате сравнительного анализа известных нам вариантов памфлета с текстом русского перевода нами было выявлено, что русский перевод имеет очень близкую, возможно, даже генетическую связь со списком памфлета из домашней хроники Ширмов (“*Sylva regum Szyrtmów*”) [R113]. При этом русский перевод отражает более правильную, не известную в польских рукописях версию текста этого памфлета, которую легко можно восстановить, исходя из параллельного издания текстов, представленного ниже.

Приложение. Параллельное издание польского и русского текстов В завершение мы предлагаем параллельное издание польского текста памфлета из домашней хроники Ширмов [R113] с приведением разночтений по другим спискам и русского перевода памфлета [РГАДА155]³³. Общим принципом передачи польского и русского рукописных источников является максимально точное воспроизведение основного текста, дающее возможность его лингвистического анализа. Как основной текст, так и разночтения членятся на слова в соответствии со словodelением, принятым в современных польском и русском языках. Прописные буквы употребляются при передаче собственных и сакральных имен, а также, следуя источникам, в начале стихотворной строки.

При издании польского текста учитываются не только правила публикации старопольских произведений, принятые в польской текстологии с 1955 г. [Zasady 1955], но также и опыт более современных издательских серий “Biblioteka Pisarzy Staropolskich” и “Biblioteka Dawnej Literatury Popularnej i Okolicznościowej”, публикаторы которых исходят из языкового употребления конкретного автора и конкретных задач того или иного издания. Так, в данной статье нам кажется логичным ограничить сравнение семи польских вариантов текста подведением только смысловых и стилистических разночтений. Поэтому мы не учитываем некоторые графические, орфографические и пунктуационные особенности параллельных текстов: например, убирается повторная назализация (*Janie* → *Janie*, *tątu* → *tatu*); длинное / транскрибуируется как *s* (*ie/t* → *iest*); снимается вариативное написание *u* как *ü*; не учитывается вариативность в написании расширенных и нерасширенных ётизованных гласных в иностранных словах (*Szwecye* и *Szwecyey*).

³³ Напомним, что русский перевод памфлета ранее был опубликован С. М. Шамином [Шамин 2011]. Исходя из необходимости его параллельного издания с текстуально близким польским оригиналом, мы публикуем его еще раз, но с более точным воспроизведением орфографии и исправлением некоторых неточностей, допущенных в предыдущей публикации.

Русский перевод, сделанный в Посольском приказе, публикуется с ориентацией на принципы передачи текста в новейшем издании «Вестей-Курантов» за 1671–1672 гг. [Вести-Куранты 2017: 30–48]. Например, воспроизводятся титловые сокращения с соответствующими диакритическими знаками классического титла; выносные буквы вносятся в строку и выделяются курсивом, при этом покрытия над ними не воспроизводятся. (Акцентные знаки отсутствуют в нашем рукописном источнике.) Однако варианты скорописных начертаний «*i* десятеричного» (*i* и *ї*) сохраняются, как и графемы *i* (на месте *j*) и *у* (на месте *j, i*) в польском основном тексте.

Поскольку и польский, и русский тексты в их источниках разбиты на двустишия (польский — с помощью написания второй строки в строфе с отступлением, русский — с использованием пустой строки между строфами), в издании строфы разделяются увеличенными интервалами; конец строки отмечается знаком | только в случаях, когда он не совпадает с концом стихотворной строки.

³⁴ Слова *krolu polski* наведены поверх других как исправление, скорее всего, неправильного порядка слов (под исправлениями угдаются слова *polski krolu*).

³⁵ Во всех других вариантах – *Kazimierz*. Поскольку форма *Kazimirz* повторяется и в названии, возможно, ее следует рассматривать не как ошибочную, а как специфическую для диалекта переписчика. Ср. вариант *żłomirzowi* в строке 13.

³⁶ В других вариантах — *ale*, чему в русском переводе отвечает *но*.

³⁷ Во всех других шести вариантах находим иное падежное окончание — *we* (*Szwecviej* (варьируется только орфографическое написание)).

³⁸ В других списках — *we Francie* (орфография варьируется), см. русский перевод.

³⁹ Bran42/56, BCzart1861, BK361 – *w Wandliey*; Ерлич – *w Wandallii* (здесь и далее в сносках цит. по изданию 1916), см. также русский перевод; другие, очевидно, ошибочные: BK316 – *w Kandaliev*, BJW74 – *w Kurlandiev*.

⁴⁰ Bran42/56 – a snadz: BCzart1861 BIW74 – a znac: BK361 – ale: BK316 – tylko

⁴¹ В Ердича строка звучит так: *Kiedy było mało chleba, a ludzi siła*.

Pozbawiłeś nas wszystkich powszedniego chleba.	Избавилъ еси нас всѣхъ насыщног хлѣба,
10 Ktorego kazdemu z nas jest własna potrzeba.	Его же комуждо из нас велика потреба,
Odpusc nam nasze winy pogłowne y rogowe.	Остави намъ наши долги и поголовчину,
Bo to na nas nastaly iakies rzeczy ⁴² nowe.	Сию бо настяли есте новую вещину,
Bosmy odpuscili Związek Zołnirzowi.	Ибо суще воини союз оставихомъ,
Którzy sie za wolnosć ⁴³ bic byli gotowi.	Иже за волности битис готови быхомъ, л. 30
15 Nie ⁴⁴ wodź nas na woyne z Szwedy z Francuzami	Не веди нас на войну с шведы со французами,
Gdyz mamy dosyc ⁴⁵ zabawki z Moskwą Kozakami ⁴⁶ .	Доволно бо намъ с Москвою дѣль и с ка заками,
Nie prowadz ⁴⁷ nam tesz ⁴⁸ na panstwo Francuza.	Не веди на королевство такожде француза,
Bo go ⁴⁹ cierpiec nie mozem ⁵⁰ tak cięszkiego ⁵¹ guza.	Не можемъ бо терпѣти толь тяжкого гуза ⁵² ,
A ni nam tesz racz więcej zyczyc ⁵³ Kondeusa ⁵⁴ .	Ни же намъ ты желай Кондеуша,
20 Gdysz go sztraznie nie lubi cale nasza dusza ⁵⁵ .	Понеже его не любитъ юша ѹша,

⁴² Bran42/56 – rzeczy iakies; BK361 – rzeczy bardzo. Во всех остальных так, как в ширмовской.

⁴³ Во всех других, кроме Ерлича, – o wolnosci. У Ерлича этой строки нет.

⁴⁴ Так же – у Ерлича и в Bran42/56. BUW74 – A nie; BCzart1861, BK316, BK361 – I nie.

⁴⁵ Bran42/56, BK316, BK361 – dość. В остальных – dosyć.

⁴⁶ Во всех других версиях, кроме ерличевской и BK361, повторяется предлог z (z Kozakami). В рукописи BK361 ошибочно списано окончание с предыдущей строки, но во втором случае исключен повтор предлога (Gdyz mamy dosć zabawy z Szwedy Francuzami). У Ерлича – Bo mamy kłopotu dosyć z Ordą i kozakami.

⁴⁷ Bran42/56, BCzart1861, BUW74, BK316, Ерlich – wprowadzay; BK361 – przyprowadzay.

⁴⁸ BK361, BUW74, Ерlich – нет.

⁴⁹ В других нет. Вероятно, вписано по аналогии со второй строкой следующего двустишия. У Ерлича – owo (Bo owo zgoła nie ścierpiemy takowego guza).

⁵⁰ Bran42/56, BK316, BK361, BUW74 – nie możemy; BCzart1861 – nie będądziemy.

⁵¹ Bran42/56, BCzart1861, BK316, BK361 – wielkiego; BUW74 – ciężkiego; Ерlich – см. ссылку 49.

⁵² На поле листа тем же почерком приписано ударъ.

⁵³ Bran42/56 – zyczyc wiecsey; BCzart1861 – nażyczay więcej. У Ерлича этого двустишия нет.

⁵⁴ Во всех других – Kondeusza (Condeusza).

⁵⁵ Bran42/56, BUW74 – Gdysz go cale nie lubi strasznie nasza dusza; BK316 – Gdyż go cale nie lubi nasza polska dusza; BCzart1861, BK361 – Bo go strasznie nie lubi cale nasza dusza.

Panuy nam poki wola Boga wszechmocnego ⁵⁶ . Przyjawszy zas do łaski swej Lubomirskiego ⁵⁷ . Nie słuchając złej rady, slepka Prażmowskiego ⁵⁸ . ₂₅ Ani iego kolegi, Reia Kudłatego ⁵⁹ . Ani chrapki Gninskiego, hayduczkiego syna ⁶⁰ . Ani Paca przechiry, ani kota łatryna ⁶¹ Jako Tymfa z ortami, także szelągami ⁶² . Wszak temu nikt nie wienien, ieno omi samii ⁶³ . Ale nas zbaw od Tymfa, y Buratyniego ⁶⁴ ₃₀ A racz onych posyłać do Woyska Zwiąskowego ⁶⁵ . Potrzeba ⁶⁶ znowu kazac ⁶⁷ , bic czerwone ⁶⁸ złote. A zagubic szelagi y francuskie cnote ⁶⁹ .	Владѣй нами до волї Єга превысоког, Принявъ паки в милость пана Любо мирского, Не слушай зла совѣта слепца Пражмовскаго, ни его товарыща Рея Кудреватого, Ни шпynя Гнинскаго гайдуцког čna, Ни Паца прехирь ни кота лимвина, Но избави нас от Тынєа и от Боратына, Изволь их посылат до войска союзна, л. 31 Такъ Тынєа со ортами какъ и шелягами, Тому никто не виненъ токмо они сами, Вели опять дѣлать золоты червонны, А шелеги отставим і французские манеты,
--	---

⁵⁶ BK316 – *naywyszszego*; cp. russkiy перевод. У Ерлича этой строки нет.

⁵⁷ Bran42/56 – *Przyjawszy do łaski swey P: Lubomirskiego*; Ерлич – *Przyimij do łaski swey pana Lubomirskiego*.

⁵⁸ Ерлич – *Nie słuchaj rady ślepego Prażmowskiego*.

⁵⁹ BCzart1861 – *Paca Kudłatego*. У Ерлича этой строки нет.

⁶⁰ Bran42/56 – *Ani franta Gninskiego ktory szkody szuka*; BCzart1861 – *Ani franta Gninskiego, ktory zdrady szuka*; BUW74 – *Ani franta Gninskiego hayduckiego syna*. В остальных – нет.

⁶¹ Bran42/56 – *Oyczyny naszey bo snac miał oyca hayduka*; BCzart1861 – *Oyczyny naszey bo znad co miał oyca hayduka*; BUW74 – *Ani Praca Prochery ni kutą Lituina*.

⁶² Эта строфа и следующая ошибочно переставлены местами. Правильный порядок cp. по русскому переводу. BCzart1861 – *I te tymphy z ortami, takze z szelagami*; BK316 – *Bo kto z Tynfom z ortami takze z szelagami*. У Ерлича начало этой строки соединено с концом другой, см. ссылку 64.

⁶³ Bran42/56, BUW74 – *tylko* вместо *ieno*; BK316 – *Bo temu nikt nie winien tylko oni sami*; BCzart1861 – *Bo temu nikt nie winien telko* (tak!) *waszec sami*; BK316 – *Nikt nowbardziey nie winien tylko oni sami*. У Ерлича этой строки нет.

⁶⁴ Bran42/56, BCzart1861, BK316, BK361 – *Boratyniego*; Ерлич – *Tynfy z ortami, szelagami Boratynego*.

⁶⁵ Bran42/56 – *I racz onych odeslac do Woyska Zwiąskowego*; BCzart1861 – *I racz one posłać do Woyska Zwiąskowego*; BUW74 – *A racz ich posłać do Woyska Zwiąskowego*; BK316 – *I poszli ich do czarta piekla przeklętego*; BK361 – *Odeszli ich do czarta obo przeklętego*; Ерлич – *Odeszli ich kendy do czarta przeklętego*.

⁶⁶ Bran42/56, BCzart1861, BK316 – *Dobrze by*; BK361 – *Stlusznie by*; BUW74 – *Dobrze*. У Ерлича этой строки нет.

⁶⁷ BUW74 – нет.

⁶⁸ BUW74 – *o czerwone*.

⁶⁹ Вместо *y francuskie cnote*: Bran42/56 – *francuską niecnotę*; BK316 – *przemierzlą hołotę*; BK361 – *przemierzlą robotę*. У Ерлича этой строки нет.

<p>Kaz znowu dobre robic⁷⁰ talary y orty⁷¹ Jako przed tym byli, za nas pełna kąty⁷² ₃₅ Przywroc do Korony tesz srebro y złoto⁷³. Bo kiedy kolwiek, będzie kłopot o to⁷⁴. A zdrayce wezmu⁷⁵ zaplate⁷⁶. Za tak strazno wielką strate⁷⁷. Amen amen miły panie⁷⁸. ₄₀ Niech sie tak wrychle stanie⁷⁹.</p>	<p>Вели опять дѣлать орты єоимки, Которых исполнены были вездѣ шинки, Приврати паки⁸⁰ в коруну сребро і злато, Будет бо велика бѣда нѣкогда за то, А измѣнникомъ будет равновоздаяние, За их великоу казны расточение, Аминь аминь любезныї гсдрь, Сей бедѣ какъ скорѣе предварь.</p>
--	--

Библиография

Архивные источники

BK316

Biblioteka Kórnicka (Poznań), № 316, Miscellanea, w tym: tzw. Rokosz Gliniański, Rokosz Mikołaja Zebrzydowskiego, Jerzego Lubomirskiego, spory Stanisława Stadnickiego z Łukaszem Opalińskim, wojna z Moskwą, buntы żołnierstwa najemnego, na okładce.

⁷⁰ Bran42/56 – *robić dobrze*.

⁷¹ BCzart1861 – *Kaz waszec znowu robić talery y orty*; BUW74 – *Kasz dobrze robić talery y orty*; BK316 – *Kaz znowu robić dobre orty y talery*; BK361 – *Rozkazac znowu robić orty y talery*; Ерлич – *Przywróć nam stare orty i talary* (эта строфа вставлена сразу после *Nie słuchaj rady ślepego Prażmowskiego*, см. ссылку 58).

⁷² Bran42/56 – *Jakie przed tym bywały rozne zawsze sorty*; BCzart1861 – *Zanich przed tym bywały dobre zawsze forty* (так!); BUW74 – *Jakies zawsze bywały pełne nasze sorty*; BK316 – *Ktorezm i nie szeczyli polscy kawalerii*; Ерлич – *Jako przed tym w Polscze za innych bywały*.

⁷³ Bran42/56, BUW74 – *Przywrocic do Korony kasz srebro y złoto*; BCzart1861, BK316 – *Przywroc nam do Korony nasze srebro, złoto*; BK361 – *Przywrocic do Korony zas srebro y złoto*; Ерлич – *Przywróć nam srebro i złoto*.

⁷⁴ Bran42/56, BUW74 – *Bo kiedy kolwiek będzie strasny kłopot o to*; BCzart1861 – *Bo kiedy kolwiek strasny będzie kłopot o to*; BK361 – *Bo będzie kiedysz kolwiek strasny kłopot o to*; BK316 – *Bo wiedz o tym ze będzie wielki kłopot o to* (ср. *велика бѣда в русском переводе*); Ерлич – *Bo po śmierci będziesz w piekle miał kłopot o to*.

⁷⁵ Bran42/56 – *wezmq.*

⁷⁶ BCzart1861 – *I straїsi z waszeciami wezmqą swą zaplatę*. В других – нет.

⁷⁷ Bran42/56 – *Za takową wielką stratę*; BCzart1861 – *Za taką nas koronnych szlachty wielką stratę*. В остальных – нет.

⁷⁸ Ерлич – *O móy miły panie!*

⁷⁹ Bran42/56 – *Niech ze sie to wrychle stanie*; BCzart1861 – *Niechay sie tak wkrotce stanie*; Ерлич – *Niech że się tak stanie!* – Amen. BK316 (на месте последнего двустишия) – *Już o to wszystko trudno. Pacierza nie sprostał, | Uczyc się od Polakow, Abdykantem został*.

⁸⁰ Русское *паки* может быть переводомпольского *zaś*, отсутствующего в ширмовской версии, но имеющегося в источнике перевода, и, например, в BK361, ссылка 73; см. польский текст и перевод в строке 22: *Przyiąwszy zas* – *Принявши паки*.

BK361

Biblioteka Kórnicka (Poznań), № 361, Compendium tractatow woyskowych y punctow na seymach uchwalonych roznych takze expedyciy woyskowych y listow roznych y godnych terminowania roznyimi czasy zebrane roku panskiego 1655, 1655–1667, 175.

Bran42/56

Archiwum Główne Akt Dawnych, Zbiór Branickich z Suchej, № 42/56, 449.

BUW74

Biblioteka Uniwersytetu Warszawskiego, № 74, Kopiariusz korespondencji i akt spisany dla Stanisława Godlewskiego, starosty Nurskiego, z lat 1690–1702, 260–261.

BCzart1861

Biblioteka Książąt Czartoryskich, № 1861, Zbiór mów, listów oraz satyr i pamphletów politycznych, sporządzony przez Michała Chłopickiego skarbnika żydaczowskiego, w latach 1700–1709, 30–31.

R113

Biblioteka im. Zielińskich Towarzystwa Naukowego Płockiego, ze zbiorów Władysława Smoleńskiego, № R113, "Sylva rerum Szymbrowicium 1667–1732", 32–33.

РГАДА155

Российский государственный архив древних актов. Ф. 155. Иностранные ведомости (куранты) и газеты — (коллекция) из фондов Посольского приказа и Коллегии иностранных дел.

Литература

Адрианова-Перетц 1936

Адрианова-Перетц В. П., «Образцы общественно-политической пародии XVIII – нач. XIX в.», in: *Труды Отдела древнерусской литературы*, 3, 1936, 335–366.

Алпатов, Шамин 2012

Алпатов С. В., Шамин С. М., «Влияние европейских памфлетов-пародий на формирование русской традиции parodia sacra XVII–XIX вв.», in: *Вестник Московского университета, Серия. 9. Филология*, 2, 2012, 58–66.

— 2013

Алпатов С. В., Шамин С. М., «Европейский юмор в России XVII в.», *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 4, 2013, 21–33.

Вести-Куранты 2017

«Принципы воспроизведения и комментирования текста. Передача акцентных и прочих диакритических знаков. Передача знаков пунктуации», in: *Вести-Куранты. 1671–1672 гг.*, Москва, 2017, 30–48.

Возняк 1931

Возняк М. С., «Українські пісні й польські вірші з “Літописця” Єрлича», in: *Записки НТШ*, 151, Львів, 1931, 195–205.

Ерлич 1916

«Летопись Иоахима Ерлича (1620–1673 гг.), Latopisiec albo Kroniczka różnych spraw i dziejów dawnych i terazniejszych czasów», [in: *Южнорусские летописи*], Левицкий О. И., [ред.], Киев, [1916?], 34–393.

Малэк 2008

Малэк Э., *Разыскания по русской литературе XVII–XVIII вв.: Забытые и малоизученные произведения*, С.-Петербург, 2008.

Николаев 1992

Николаев С. И., «Из истории польской сатирической литературы в России (XVII – первая половина XVIII в.)», in: *Труды Отдела древнерусской литературы*, 45, 1992, 305–314.

————— 2004

Николаев С. И., «Поэзия и дипломатия (Из литературной деятельности Посольского приказа в 1670-х гг.)», in: Николаев С. И., *От Кохановского до Мицкевича: Разыскания по истории польско-русских литературных связей XVII – первой трети XIX в.*, С.-Петербург, 2004, 86–132.

————— 2008

Николаев С. И., *Польско-русские литературные связи XVI–XVIII вв.: Библиографические материалы*, С.-Петербург, 2008.

СРНГ, 7 1972

Словарь русских народных говоров, 7, Ленинград, 1972.

Тесленко 2004

Тесленко І. А., «Родинний клан Єрличів», in: *Соціум. Альманах соціальної історії*, 4, Київ, 2004, 135–188.

Шамин 2011

Шамин С. М., «Польский политический памфлет в России XVII столетия: пародийная переделка молитвы “Отече наш” из дела с курантами 1672 г.», in: *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 1, 2011, 107–111.

Яковенко 2012

Яковенко Н. М., «Життепростір versus ідентичність руського шляхтича XVII століття (на прикладі Яна/Йоакима Єрлича)», in: Яковенко Н., *Дзеркала ідентичності. Дослідження з історії уявлень та ідей в Україні XVI – початку XVIII століття*, Київ, 2012, 63–104.

Bartoszewicz 1877

Bartoszewicz J., *Historja literatury polskiej potoczny sposobem opowiedziana*, II, Kraków, 1877.

Brückner 1927

Brückner A., *Słownik etymologiczny języka polskiego*, Kraków, 1927.

Burde 2010

Burde M., “The Parodia sacra Problem and Medieval Comic Studies”, in: *Laughter in the Middle Ages and early modern times: epistemology of a fundamental human behavior, its meaning, and consequences*, Classen A., ed., New York, 2010, 215–242.

Choroszy 2008

Ojrze nasz – nasz: *Przekłady, parafrazy i inne literackie opracowania Modlitwy Pańskiej*, Choroszy Jan A., oprac., 1–2, Wrocław, 2008.

Czubek 1916

Pisma polityczne z czasów rokoszu Zebrzydowskiego 1606–1608: Poezja rokoszowa, 1, Czubek J., wyd., Kraków, 1916.

Dziewanowski-Stefaničyk 2017

Dziewanowski-Stefaničyk B., “Tytus Liwiusz Boratyni i znaczenie nowych emisji monety”, in: *Mówią Wieki*, 2 (685), 2017, 77–80.

Grzeszczuk 1966

Grzeszczuk S., “Wstęp”, in: *Antologia literatury sowiierzalskiej XVI i XVII wieku*, Wrocław – Warszawa – Kraków, 1966, 1–140.

Hniłko 1910

Hniłko A., “Szczegół z literatury o tymfach i szelągach”, *Wiadomości Numizmatyczno-Archeologiczne*, 2, 1910, 1–3.

Jerlicz 1853

Jerlicz J., *Latopisiec albo Kroniczka różnych spraw i dziejów, z rękopismu*, wyd. K. Wójcicki, Warszawa / St. Petersburg, 1853, 103–105.

Krzywy 2018

Krzywy R., "Wstęp. W kręgu poezji okolicznościowej", in: *Jan Kochanowski. Poematy okolicznościowe*, Krzywy R., oprac., Warszawa, 2018, 5–71.

Łoś 2000

Łoś J., *Pamiętnik towarzysza chorągwii pancernej*, Śreniawa-Szypiorski R., oprac., Warszawa, 2000.

Małek 1978

Małek E., *Historia o Meluzynie. Z dziejów romansu rycerskiego na Rusi*, Bydgoszcz, 1978.

— 1983

Małek E., *Staropolska proza narracyjna w procesie literackim Rosji wieku XVII i XVIII*, Łódź, 1983.

Nowak-Dłużyński 1953

Nowak-Dłużyński J., *Poezja Związków Święconego i rokoszu Lubomirskiego*, Wrocław, 1953.

— 1967

Nowak-Dłużyński J., *Z historii polskiej literatury i kultury*, Warszawa, 1967.

— 1972

Nowak-Dłużyński J., *Okolicznościowa poezja polityczna w Polsce: Dwaj młodsi Wazowie*, Warszawa, 1972.

Pamiętniki 1858

Pamiętniki Łosia, towarzysza chorągwii pancernej Władysława margrabi Myszkowskiego wojewody krakowskiego, obejmujące wydarzenia od r. 1646 do 1667, z rękopismu współczesnego, dochowanego w zamku podhoreckim, wydane, Kraków, 1858.

Pietrzyk 2008

Pietrzyk P., "Chleba naszego powszedniego zbawiłeś nas za panowania swego..." – o parodiach tekstów religijnych w literaturze XVII i XVIII stulecia", in: *NAPIS*, 14, 2008, 57–69.

Sst, 2

Słownik staropolski, 2: D–H, Wrocław – Kraków – Warszawa, 1956–1959.

Śreniawa-Szypiorski 2000

Śreniawa-Szypiorski R., "Wstęp", in: Łoś J., *Pamiętnik towarzysza chorągwii pancernej*, Śreniawa-Szypiorski R., oprac., Warszawa, 2000, 5–50.

Witkowski 2006

Witkowski W., *Nowy słownik zapożyczeń polskich w języku rosyjskim*, Kraków, 2006.

Zachara 1981

Zachara M., "Silva Rerum Szurmów", in: *Odrodzenie i reformacja w Polsce*, XXVI, 1981, 161–177.

Zasady 1955

Zasady wydawania tekstów staropolskich, Woronczak J., Górska K., eds., Wrocław, 1955.

References

Adrianova-Peretts V. P., "Obraztsy obshchestvenno-politicheskoi parodii XVIII — nach. XIX v.", in: *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury*, 3, 1936, 335–366.

Alpatov S. V., Shamkin S. M., "Vlianie evropeiskikh pamphletov-parodii na formirovaniye russkoi traditsii parodia sacra XVII–XIX vv.", in: *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*, 2, 2012, 58–66.

Alpatov S. V., Shamkin S. M., "The European Humor in Russia in the 17th cent", in: *Old Russia. The Questions of Middle Ages*, 4, 2013, 21–33.

Brückner A., *Słownik etymologiczny języka polskiego*, Kraków, 1927.

Burde M., "The Parodia sacra Problem and Medieval Comic Studies", in: *Laughter in the Middle Ages and early modern times: epistemology of a fundamental human behavior, its meaning, and consequences*, Classen A., ed., New York, 2010, 215–242.

Choroszy Jan A., ed., *Ojcze nasz – nasz: Przekłady, parafrazy i inne literackie opracowania Modlitwy Państkiej*, 1–2, Wrocław, 2008.

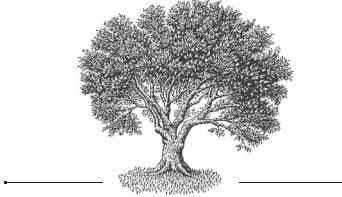
Dziewanowski-Stefanczyk B., "Tytus Liwiusz Boratyni i znaczenie nowych emisji monety", in: *Mówią Wieki*, 2 (685), 2017, 77–80.

- Grzeszczuk S., "Wstęp", in: *Antologia literatury sowiżralskiej XVI i XVII wieku*, Wrocław – Warszawa – Kraków, 1966, 1–140.
- Krzywy R., "Wstęp. W kregu poezji okolicznościowej", in: *Jan Kochanowski. Poematy okolicznościowe*, Krzywy R., ed., Warszawa, 2018, 5–71.
- Łoś J., *Pamiętnik towarzysza chorągwii pancernej*, Śreniawa-Szypiorski R., ed., Warszawa, 2000.
- Małek E., *Historia o Meluzynie. Z dziejów romanisu rycerskiego na Rusi*, Bydgoszcz, 1978.
- Małek E., *Razyskaniia po russkoi literature XVII–XVII vv.: Zabytye i maloizuchennye proizvedeniia*, St. Petersburg, 2008.
- Małek E., *Staropolska proza narracyjna w procesie literackim Rosji wieku XVII i XVIII*, Łódź, 1983.
- Nikolaev S. I., "Iz istorii pol'skoi satiricheskoi literatury v Rossii (XVII — pervaia polovina XVIII v.)", in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 45, 1992, 305–314.
- Nikolaev S. I., "Poeziia i diplomatiia (Iz literaturnoi deiatel'nosti Posol'skogo prikaza v 1670-kh gg.)", in: Nikolaev S. I., *Ot Kokhanovskogo do Mitskevicha: Razyskaniia po istorii pol'sko-russkikh literaturnykh sviazey XVII — pervoi treti XIX v.*, St. Petersburg, 2004, 86–132.
- Nikolaev S. I., *Pol'sko-russkie literaturnye sviazi XVI–XVIII vv.: Bibliograficheskie materialy*, St. Petersburg, 2008.
- Nowak-Dłużewski J., *Okolicznościowa poezja polityczna w Polsce: Dwaj młodzi Wazowie*, Warszawa, 1972.
- Nowak-Dłużewski J., *Poezja Związków Święconego i rokoszu Lubomirskego*, Wrocław, 1953.
- Nowak-Dłużewski J., *Z historii polskiej literatury i kultury*, Warszawa, 1967.
- Pietrzyk P., "Chleba naszego powszedniego zba-wileś nas za panowania swego..." — o parodiach tek-stów religijnych w literaturze XVII i XVIII stulecia", in: *NAPIS*, 14, 2008, 57–69.
- Shamin S. M., "Pol'skii politicheskii pamflet v Rossii XVII stoletiya: parodiinaia peredelka molitvy "Otche nash" iz dela s kurantami 1672 g.", in: *Old Russia. The Questions of Middle Ages*, 1, 2011, 107–111.
- Śreniawa-Szypiorski R., "Wstęp", in: Łoś J., *Pamiętnik towarzysza chorągwii pancernej*, Śreniawa-Szypiorski R., ed., Warszawa, 2000, 5–50.
- Teslenko I. A., "Rodynnyi klan Erlychiv", in: *Sotsium. Al'mahakh sotsial'noi istorii*, 4, Kiev, 2004, 135–188.
- Voznyak M. S., "Ukraïns'ki pisni i pol'ski virshi z 'Litopyst's'a Erlycha'", in: *Zapiski NTSH*, 151, Lviv, 1931, 195–205.
- Witkowski W., *Nowy słownik zapożyczeń polskich w języku rosyjskim*, Kraków, 2006.
- Woronczak J., Górska K., eds., *Zasady wadowania tekstów staropolskich*, Wrocław, 1955.
- Yakovenko N. M., "Zhyyteprostir versus iden-tychnist' rus'kogo shliakhtycha XVII stolittia (na prykladi Iana/Ioakyma Erlycha)", in: *Dzerkala iden-tychnosti. Doslidzhennia z istoriui uavlen' ta idei v Ukrayini XVI – pochatku XVIII stolittia*, Kiev, 2012, 63–104.
- Zachara M., "Silva Rerum Szymbów", in: *Odrodzenie i reformacja w Polsce*, 26, 1981, 161–177.

Olena Jansson,
doktorand i Slaviska språk,
Uppsala universitet, Institutionen för moderna språk
Box 636, SE – 751 26 Uppsala
Sverige/Sweden
Olena.Jansson@moderna.uu.se

Received June 10, 2018

«Диатриба о языках европейцев» Иосифа Юста Скалигера в церковнославянском переводе XVII века

**Наталья Владимировна
Николенкова**

Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова
Москва

“Diatriba de Europaeorum linguis” by Joseph Justus Scaliger and the Church Slavonic Translation of the 17th Century

Natalia V. Nikolenkova

Lomonosov Moscow State University
Moscow

Резюме

Статья посвящена лингвистическому разбору небольшого фрагмента церковнославянского перевода одной из глав латинского географического атласа, составленного голландскими картографами Вильгельмом и Иоанном Блау в первой половине XVII в. Интересующий нас отрывок — это «Диатриба о языках европейцев» Иосифа Юста Скалигера, написанная в 1599 г. и опубликованная в 1610 г. Отец и сын Блау полностью включают текст этого сочинения в главу «Европа». Перевод первой части Атласа, содержащей данную главу, был осуществлен Епифанием Славинецким в 50-е гг. XVII в. в Москве и

Цитирование: Николенкова Н. В. «Диатриба о языках европейцев» Иосифа Юста Скалигера в церковнославянском переводе XVII века // Slověne. 2018. Vol. 7, № 2. С. 105–134.

Citation: Nikolenkova N. V. (2018) “Diatriba de Europaeorum linguis” by Joseph Justus Scaliger and the Church Slavonic translation of the 17th Century. *Slověne*, Vol. 7, № 2, p. 105–134.

DOI: 10.31168/2305-6754.2018.7.2.5

сохранился в авторском черновике и переписанном московским писцом беловике, находящимся сегодня в собрании рукописей ГИМ. Язык этого перевода является ярким примером ученого регистра церковнославянского языка, формирование которого характерно для этого периода в истории русского литературного языка и связано именно с кружком соратников Славинецкого. В первую очередь в статье рассмотрена лексическая структура перевода; моделирование новых слов, расширение значений лексем и использование редких церковнославянизмов — это яркие приметы всего перевода Атласа, зафиксированные нами и в анализируемом отрывке. Мы рассмотрим также некоторые графико-орфографические особенности перевода, в первую очередь характер передачи имен собственных, которых в тексте географического характера оказывается очень много. Статья включает в себя полный текст «Диатрибы о языках европейцев» Скалигера по изданию Атласа Блау 1645 г. с указанием разнотечений с оригинальным изданием 1610 г. и церковнославянский перевод Епифания Славинецкого по рукописи ГИМ.

Ключевые слова

XVII век, переводы, Атлас Блау, ученый регистр церковнославянского языка

Abstract

The article contains a linguistic analysis of the Church Slavonic translation of a short fragment of one of the chapters from the Latin-language geographical atlas compiled by the Dutch cartographers Willem and Joan Blaeu in the first half of the 17th century. The fragment we're interested in is the *Diatriba de Europaeorum linguis* (*Diatrība on the Languages of the Europeans*) by Joseph Justus Scaliger, written in 1599 and published in 1610. Joan and Willem Blaeu include the complete text in their chapter on Europe. The translation of the first part of the *Atlas*, which contained this chapter, was carried out by Epiphanius Slavinetsky in 1650s in Moscow, and is preserved in the author's draft, as well as in the clean copy made by a Moscow scribe, both of which are located today in the State Historical Museum manuscript collection. The language of this translation provides a vivid example of the "scholarly" register of Church Slavonic, which was developing at the time, indeed, amongst Slavinetsky's circle of companions. The article is mainly concerned with the lexical structure of the translation; creation of new words, expanding meanings of lexemes and use of rare Church Slavonic words are characteristic for the *Atlas'* translation as a whole, and they have been found in the analysed fragment in particular. We are also inspecting some graphical and orthographic specifics of the translation, mainly the ways of interpreting personal names, which are fairly frequent in a geographical text. The article includes the full text of Scaliger's Diatribe according to the 1645 edition of the Blaeu's *Atlas*, with marked differences from the original edition of 1610, as well as Slavinetsky's Church Slavonic translation according to the manuscript kept in the State Historical Museum (Moscow).

Keywords

the 17th century, translations, Blaeu's *Atlas*, scholarly register of the Church Slavonic language

В XVII в. в Московской Руси увеличивается число переводных произведений, в том числе возникает интерес к сочинениям научного характера, среди которых на первое место необходимо поставить космографии. Историки науки первой половины XX в. активно использовали эти переводы в обзорных описаниях истории научной мысли средневековой России, однако регулярно отмечали отсутствие собственно научных идей в них: в основе большинства описаний «лежат одни и те же космологические представления», «произвольная интерпретация библейского рассказа и комментирование его» [Райков 1947: 49, 52]; не видели различий между появившимся еще в конце XVI в. переводом географии Помпония Мелы, переложением сочинения Меркатора, сделанным в 1637 г. в Москве, и переводами середины XVII в., в создании которых принимали участие наиболее образованные ученые книжники [Соболевский 1903: 52–63]. Включение географических сочинений в число первых подлинно научных в Московской Руси допетровского времени основывается на представлении о характере средневековой схоластики, где наряду с грамматикой и риторикой предполагается изучение геометрии и астрономии (в перечне «семи свободных искусств» они входят в квадривиум) [Кузьминова, Пентковская 2016: 222]. Описание геометрии в «Сказании о семи свободных мудростех» содержит сведения как раз географического содержания; несмотря на то что анонимный автор ни разу термина «география» не употребляет, он сообщает, что эту мудрость «описует Козмография» [Соболевский 1903: 166–168; Спафарий 1978: 149–152¹].

Лингвистические исследования разных космографий (хотя и весьма повсеместные в большинстве случаев) привели исследователей к утверждению различий между ними именно в отношении языка. Так, в описании А. И. Соболевского язык переводов конца XVI в. описан как плохой церковнославянский, «не особенно чистый русский», но для ряда переводов середины XVII в. отмечается его трансформация в «ученый» церковнославянский [Соболевский 1903: 52, 57, 61]. В. М. Живов использует для анализа морфологических особенностей языка XVII в. список Космографии Ортелия и выявляет в этом сочинении экспансию новаций в разных морфологических формах, так как именно этот жанр «не отягощен какой-либо традицией» [Живов 2004: 244]. В своей последней монографии В. М. Живов пишет о формировании в XVII в. «ученого» регистра церковнославянского языка; в его определении это язык, основанный на грамматическом подходе, знании грамматики, и противопоставлен он текстологическому подходу, основанному на знании

---

¹ А. И. Соболевский считает «Сказание...»енным в конце XVI в., старшие списки его относятся к первой половине XVII в., а список Син353 имеет датировку 1654 г.

текстов. «Новое отношение к церковнославянскому языку как к объекту ученого моделирования имеет далеко идущие последствия для истории русского литературного языка», ценность книжного языка начинает относиться с его обработанностью, с деятельностью редактора или переводчика [Живов 2017: 874–887]. Однако в монографии ученого не проанализированы сочинения, отражающие этот «ученый» регистр. По нашему мнению, образцом такого регистра может быть сделанный в Москве в середине XVII в. перевод географического атласа *Theatrum orbis terrarum, sive Atlas novus* [Blaeu 1645²]: структура его демонстрирует новизну подхода книжников к построению церковнославянского текста [Николенкова 2013].

Огромные Атласы европейских картографов середины XVII в. являются предметом исследования историков географии. В большинстве случаев, описывая достижения авторов карт, включенных в них, отмечают всё более возрастающий уровень точности, растущее качество их исполнения [см.: Багров 2004; Нурминен 2017]. Однако историки географии мало уделяют внимания текстам, которыми сопровождается публикация карт. Попадая в конце XVI – XVII в. в Московскую Русь, географические атласы меняют свой характер, в первую очередь из них исчезают карты. Если оригинал читается как сопровождение к чертежу соответствующей земли, то церковнославянские переводы оказываются текстами об истории и устройстве незнакомой страны, местоположение которой читателю практически неизвестно. Даже первая публикация XVIII в., обычно и называющаяся первой научной «географией» («География или краткое земного круга описание»), издана без приложения карт, несмотря на то что на страницах 107–125 расположена «Таблица, въ неиже опісуется долгота и широта по градусомъ, градовъ знаменітыхъ на земномъ крузѣ» [см.: География 1710].

Текст труда голландских картографов первой половины XVII в. Вильгельма (Виллема) и Иоанна (Йоана, или Яна) Блау³ издан в Амстердаме в первой половине XVII в. Первое издание «*Theatrum orbis terrarum sive Atlas novus*» составлено в 1631 г. с заголовком «*Appendix Theatri A. Ortelli et Atlantis G. Mercatoris, continens tabulas geographicas*

² В нашем исследовании мы пользуемся латинским текстом, хранящимся в ГИМ Москвы – № 54000/ГО-5683/1, по-видимому находившимся в XVIII–XIX вв. в частном хранении. Также издание размещено в электронном виде по адресу: <http://bdh-rd.bne.es/>.

³ Здесь необходимо заметить, что в трудах Соболевского и ссылающихся на него исследователей было принято написание «Блау». Современные специалисты в области истории географии и картографии предпочитают использовать написание «Блау», из лингвистов именно такое написание впервые употребляет С. М. Глускина [Глускина 1954: 80]. Сами переводчики Атласа используют форму «Блаэвъ».

diversarum Orbis regionum, nunc primum editas cum descriptionibus» (Amsteldami, Apud Guyljelmum Blaeuw) [Багров 2004: 208; см. также: Van der Krogt 2005]⁴. Марьё Т. Нурминен уточняет, что обращением к предшественникам Блау «отдавал дань уважения старым фламандским мастерам Ортелию и Меркатору и при этом сознательно стремился уязвить своих основных конкурентов» в деле издания карт [Нурминен 2017: 284]. Дальнейшие издания Атласа подвергались существенным исправлениям. Блау не только правят сами карты и увеличивают их число [см.: Van der Krogt 2005], но вносят изменения в текст. Так, в изданном в 1645 г. латинском томе I (содержащем введение и описание северных европейских стран) увеличено введение (*Introductio ad Geographiam*), изменен порядок следования некоторых глав, добавляются обширные цитаты из античных авторов [Николенкова 2016а: 115–117]. Блау тщательно следили за изменениями в политической карте Европы, исправляя имена правителей государств (Lodovico XIII и Sigismundus в издании 1631 года — на Lodovico XIV и Vladislaus IV в издании 1645 [*Ibid.*]). Полное латинское издание относится к 1662 г., оно состояло из 11 томов, 4500 печатных страниц и почти 600 карт и вышло под названием «Atlas Maior, sive cosmographia Blaviana, qua solum, salutem, cœlum, accuratissime describuntur» [Нурминен 2017: 297 (с опечаткой в названии); Van der Krogt 2005: 34]. Но в Москве работают с более ранним, еще не полным изданием — четырехтомным, издаваемым в период 1640-х — 1650-х гг. [*Ibid.*: 33]

Церковнославянский перевод Атласа носит название **Позорище всем вселенным или Атласъ новый въ немже начертанїа и описанїа всѣхъ странъ издана сѹть.** Работа над ним велась в 50-х гг. XVII в. (на переплете беловика 1 тома — рукопись Син19 — есть дата 7167 (1659 год); еще одну дату позволяет назвать бумага черновика третьей части — 1660 год (лилия в гербовом под короной щите [Протасьева 1970: 110]). К. В. Харлампович относит работу над переводом к 1653 г. [Харлампович 1914: 140–141].

Латинский оригинал был разделен между Епифанием Славинецким, Арсением Сatanовским и Исаией Чудовским⁵. Они перевели текст в черновом варианте: эти переводы содержатся в рукописях Син779 (Славинецкий, первая часть), Син781 (Сatanовский, вторая часть), Син780 (Исаия, третья часть) и Син41 (Исаия, четвертая часть). Черновые

⁴ Мы пользовались латинским текстом, хранящимся в Отделе картографии РГБ им. В. И. Ленина; во время работы экземпляр не имел регистрационного номера. Пользуясь случаем, хотим поблагодарить сотрудников отдела за возможность поработать с изданием.

⁵ Предположения о личности сотрудника Славинецкого Исаии делались в ряде работ. На основе лингвистического анализа перевода части «Италия» мы также сделали свои выводы [Николенкова 2018].

экземпляры *Син779*, *Син781* и *Син780* переписаны набело — соответственно *Син19*, *Син112* и *Син204*. Беловой экземпляр последнего тома (*Син41*) сделан не был. Беловые экземпляры *Син19* и *Син112* очень похожи оформлением, кроме того, *Син19* писан одним почерком — русской четкой скорописью, и этот же почерк отмечен в части *Син112* с л. 71 (на это указывает еще Соболевский [Соболевский 1903: 62]).

	<i>черновик, автор перевода</i>	<i>беловик</i>	
I том	<i>Син779</i> , 4 ⁰ , 605 л. Епифаний Славинецкий	<i>Син19</i> , 1 ⁰ , 306 л. русская скоропись	содержат вкладную патриарха Никона с датой 1661 г.
II том	<i>Син781</i> , 4 ⁰ , 422л. Арсений Сатановский	<i>Син112</i> , 1 ⁰ , 277 л. русская скоропись	
III том	<i>Син780</i> , 4 ⁰ , 650 л. Исаия Чудовский	<i>Син204</i> , 1 ⁰ , 522 л. русский полуустав	содержит вкладную от 1666 г.
IV том	<i>Син41</i> , 1 ⁰ , 624 л. Исаия Чудовский	нет	

Наши исследования позволяют утверждать, что все три беловика выполнены московскими писцами [см.: Николенкова 2016b; Николенкова 2018]. Перевод не получил распространения, так как рано попал в личное собрание патриарха Никона, собственноручную вкладную с датой 1661 имеют рукописи *Син19* и *Син112*, на л. 1–9 рукописи *Син204* содержитя вкладная в Ново-Иерусалимский монастырь от 1666 г. Однако текст начала первого тома — «Ввождения в Космографию» — был широко распространен и известен во второй половине XVII в. [см.: Николенкова 2016a].

Первая публикация фрагмента из церковнославянского перевода Атласа Блау относится к середине XIX в. После сделанного в декабре 1846 г. в Императорском Русском Географическом обществе доклада Н. Абрамова, сообщившего об исследовании им рукописи, относящейся к началу 2-й половины XVII столетия и «писанной монахомъ Епифаніемъ Славеницкимъ», собрание признало «эту древнюю рукопись очень замъчательною» [Абрамов 1866: 96–97]. Это в свою очередь побудило Ф. И. Буслаева включить ряд фрагментов из перевода Атласа Блау в свою Хрестоматию (в примечаниях ученый отмечает, что пользовался черновиком, который «почитается за собственноручный автограф Епифания Славинецкого» [Буслаев 2004: 1185–1190], т. е. рукописью *Син779*).

Буслаев опубликовал четыре фрагмента, две — из главы «Москва» (о русской одежде и небольшой фрагмент описания города), две — из

главы «Европа» (с нее начинается рукопись *Cin779*), «Европы достоинство» и «Языки Европейские». Ф. И. Буслаев не ставил задачу подробного описания состава текста, содержащегося в указанной им рукописи, однако он отметил, что описание Москвы было заимствовано из Флетчера и других иностранных путешественников. Это единственное упоминание о том, что оригинальный латинский текст Блау опирается и на других авторов, описывающих географию и историю разных стран.

Наше изучение латинского сочинения, составленного отцом и сыном Блау, показывает, что оно представляет собой компиляцию оригинального текста и цитатного пространства. Часть ссылок на античных и средневековых сочинителей вводится в текст без точного цитирования: так, в главе «Европа» есть пересказ «образа Европы», описание которого дает в своих сочинениях Страбон (л. 5с–5д). Чаще в текст введены и прямые цитаты, что оформлено графическим выделением (Блау используют курсив); к примеру, та же глава «Европа» заканчивается обширным фрагментом из книги 2 Страбона (6б); большая, также выделенная курсивом цитата в главе «Готия» берется Блау из сочинения немецкого теолога и историка конца XV – начала XVI в. Альберта Кранция (13б); в главе «Coloniensis Archiepiscopatus» приведены две крупные цитаты из Тацита (41а)⁶.

Скорее всего, Епифаний Славинецкий, владевший латинским языком, знал многие имена, читал античные сочинения, в результате чего правильно передавал для потенциальных московских читателей имена авторов раннего времени – Страбона, Помпония Мелы, Плутарха, Птолемея (в варианте Птоломей) и других. Сочинители периода Средневековья знакомы киевско-московским переводчикам намного меньше, поэтому в передаче их имен последние допускают существенные ошибки [Николенкова 2017а: 165]. В традициях церковнославянской письменности не было специальных способов выделения цитат, поэтому никаких попыток графического оформления таких вставок-цитат в церковнославянском переводе не предпринято.

В латинском тексте Блау содержится также материал из источников, выходящих в свет параллельно созданию Атласа. Любая информация, сообщающая о новых сведениях об истории и географии, включена составителями в Атлас. При этом часто авторство не называется – создатели почти без изменений или с минимальными вставляли современные им сочинения в собственный текст. В отличие от поэтов и историков

⁶ Нам неизвестны исследования историков географии, где изучалась бы структура сопровождающих карты из Атласа Блау текстов. Из всех публикаций мы можем назвать лишь помещенное в [Van der Krog 2005] «Введение» из издания 1665 г. Мы планируем продолжить изучение оригинального и цитатного пространства латинского оригинала.

античности и средневековья, латинский язык и стиль изложения в таких произведениях были практически неотличимы от стиля самих Блау. Не знали о характере некоторых фрагментов в опорном тексте и авторы перевода.

Таким произведением, включенным в Атлас Блау полностью, стало сочинение одного из филологов-классиков европейского языкоznания рубежа XVI–XVII вв. – труд Иосифа Юста Скалигера «Диатриба о языках европейцев» (1599, опубликован в 1610) [Scaligeri 1610: 119–122; Шумилин 2016: 175]. Скалигер классифицирует языки по языковым группам, при этом считает, что их дальнейшее сближение невозможно [Ibid.: 177], что, как показало дальнейшее развитие языкоznания, оказалось неверным, а вот для географического труда XVII в. помогало дополнительно создать основу разделения стран и народов.

На фрагмент о европейских языках обратил внимание еще Ф. И. Буслаев, однако никакого разбора им сделано не было, не установлен и источник перевода: «какъ Романскіе языки, въ средніе вѣка были раздѣляемы по утвердительной частицѣ *da* (ос, oil, si) на языкъ *os* (*langue d’Oc*), языкъ *oil* (французск.) и языкъ *si* (итальянск.); такъ и здѣсь Европейскіе языки раздѣлены по наименованию творца: *deus*, *θεός*, *gott* (древненем. *godt*), *богъ*» [Буслаев 2004: 1189–1190].

Приведем текст оригинала Атласа Блау и его церковнославянского перевода.

Евгора (5d–6a)⁷, {ѧзы́цы, и́хъже| Еурóплине оў| потребллю^т} (22об–23об)⁸

Linguæ,	quibus	Europæi	utuntur,	Vel	Matrices	sunt,
ѧзы́цы,	и́хъже	Еурóплине	оўпотребллю ^т ,	и́ли	ложесна	съть,
vel	earundem	Propagines ⁹ .	Linguas	Matrices	vocare	possumus,
и́ли /	тѣхъже	ѡрасли.	ѧзы́ки	Ложесна	нарицати	мόжε ^м ,

⁷ Набор осуществляется по фотокопии экземпляра № 54000/ГО-5683/1 из собрания ГИМ. Латинский текст этого издания отличается от оригинала в [Scaligeri 1610]. Регулярно «i» оригинала заменяется на «j» в издании Блау; цифры первого издания в Атласе передаются словами; есть расхождения в использовании прописной буквы. Кроме этого, в [Scaligeri 1610] не используются выделения курсивом. В ряде мест Блау видоизменяют исходный текст, напр., меняя местами слова в словосочетании. Эти изменения мы не будем больше оговаривать.

⁸ Набор осуществлен по рукописи Син19 и сверен по черновику Син779, написанному рукой Епифания Славинецкого (л. 4–6об). Сохранены все графико-орфографические особенности и основная часть диакритики. В черновике регулярно употребляется *ia*, а не *ia* в начале слов и после согласных, в начале слов регулярно *u* вместо диграфа, отдельно отмечать каждый случай мы не будем, сопоставительный анализ черновика и беловика проведен в [Николенкова 2016b]. Взятое в {} в обеих рукописях расположено на полях по типу глосс.

⁹ В [Scaligeri 1610: 119] этой первой фразы нет, она вставлена издателями.

ex quibus	multæ	dialecti,	tanquam	propagines,	deductæ
и́зни́хже	мнóзи	дїалé/кти,	а́ки	ѡрасли	и́зведéнни

sunt.	Propagines	quidem	unius	matricis	Linguæ
сътъ.	ѡрасли	оўбш	е́дýнагш	ложесна	лъзы́/ка

Commercio	inter	se	aliquo	conjunctæ	sunt.
со Ѹвищениемъ (так!)	междъ	собою	и́вкимъ,	сопралжени	сътъ.

Matricum	vero	inter	se	nulla	est	cognatio,
Ложеснъ	жè /	междъ	собою	ни едýно	е́тъ	оўжичество,

neque	in verbis,	neque	in analogia.	Sunto igitur	Matrices
ни*	въ словесбъхъ,	ни*	во́словий./	Да бъдът оўбш	ложесна

еæ,	quæ	per	omnia	inter	se	discrepant;	cujusmodi
тà,	также	по	всéмъ,	междъ	собою	различествуютъ,	/ каковà

undecim,	& non amplius,	hodie	supersunt	in	universa
единнадесятъ,	и́ невлащие,	днéсь	пребывають	во	всéи

Еуроу/пѣ,	и́хъже	четыры ¹⁰	пространнѣшиа	сътъ,	прóчал	сéдмъ
далече	ме"/шаам.	Т'емже	она	четыри,	ложесна	влащиаа,

reliquas	<i>minores</i>	vocabimus.	Eadem	verba	faciunt	unam
прóчал	мénшаам	нарече"./	Тáждé	словеса	творатъ,	е́динъ

лъзы́къ	видѣтиса ¹¹ :	Нò	т'е́хжде	слове ^с /	премышленіе,	и́змѣненіе,
наклоненіе,	и́нъ	и	и́нъ	ѡрасль	творитъ.	Иш/

italicam,	Hispanicam,	& Gallicam	<i>Latinam</i>	vocamus,	propter
Італійскъю,	Іспанскъю,	и́ Галлійскъю,	Латинскъю	наречёмъ,	ради

¹⁰ В Син779 четыри, то же написание в черновике в остальных случаях употребления этого слова.

¹¹ В Син779 видитиса.

unum	verbum	Latinum,	quanquam	variè	immutatum	in illis
éдýнаѓш/	слóвесè	Латинскагш,	любо	разлýчнќ	и́змéнениагш,	вónгéхъ

tribus.	Exempli	gratia:	Gener	Latinum,	Italis	Genero,
тréхъ.	При/клада	ráди:	Гéнер	Латинскоe,	Итáльшмъ	Гéнеро,

Hispanis	Yerno,	Gallis	Gendre:	Latina	sunt,	si
Испанóмъ	Черно,	Гáлланиш ^M /	Гéндре.	Латинскам	с8тъ,	аще

originem	spectes;	sin	distortionem ¹² ,	unaquæque	natio	illud
начáло	зрýши:	Аще	расторгнéнїе,	кíйж ^{AO} /	народъ	ðно

vindicat	sibi.	Itaque	possimus	deligere	unum	verbum
присво́мётъ	сeбѣ.	Тéмже	можемъ	и́збрáти	éдино	слóво /

Matricis,	quod	commune	sit	Propaginibus	sive	dialectis,
ложеснà,	éжеby	ðвщee	было	шóраслемъ	и́ли	дїалéктамъ,

à quo	nomen	ipsa	Matrix	habere	possit.	Sunto igitur
ѡ негò же бы/	и́мл	сáмо	ложеснò	и́м'ети	моглò.	Да в8д8 ^т оýбо

quatuor	Hæc	verba,	Deus,	Θεός,	God,	Boge,	notæ
четыри	Сїл	слóвеса,	Дéгé,	Θеòс,	Гóдт,	Бóгъ,	знáменiјa

quatuor	majorum	Matricum,	Latinæ,	Græcæ,	Teutonicæ,
четыри	вáлчиши	ложеснъ.	Латин/скагш,	Грéческагш,	Тéутонскагш,

Slavonicæ.	Hæc,	ut	diximus,	supra	septem.	minores
Славéнскагш.	Сїл,	и́акоже	рéхомъ,	паче /	седмi	мénши

latissimi	patent.	Linguæ	Bogæ,	hoc est	Slavonicæ ¹³ ,
широкáниши ¹⁴	простирáютса,	Азыка,	Бóга,	сиրé	Славéнскагш,/

duplices	characteres	sunt,	Rutenici,	sive	Moscovitici,	è
с8г8ба	начертáнијa	с8тъ.	Рóсскам	и́ли	Московскам,	и́з

Græcis	depravati,	totidem	numero	& figura	pene
Греческих	растлéнна,/	толикощи	числóмъ,	и́збрáзомъ	весmà

¹² В [Scaligeri 1610: 120] «distinctionem».

¹³ В [Scaligeri 1610: 120] уточнение «hoc est Slavonicæ» отсутствует.

¹⁴ В Син779 широчинши, то же написание в черновике в остальных случаях употребления этой словоформы.

similes	adjunctis	pauculis	Barbaris:	item
подобна,	прилагчайшимся	према/лы⁹	варварскимъ.	Такожде

Dalmatici,	qui &	Hieronymiani,	eadem	potestate,	totidem
Долматскам,	также	Иеронимианскам,	также /	властю,	толикоци

numero,	sed	figura	longè	dissimillimi.	Atque	adeo
числомъ,	но	образомъ	далече	неподобнъишаля.	И /такъ	оубо

duplex	sacrorum	Librorum	translatio,	Rutenica	recentior,	&
	сщениых	книгъ	преложеніе	Руссийское	новшее,	и

Hieronymiana	vetustior.	Нæс	matrix	sive	lingua	Boge
Еронимианское/	ветхшее.	Сїе	ложесно,	или	Лзыкъ	Бога,

in	multas	propagines	dispersa ¹⁵	est,	Rutenicam,	Polonicam,
на	многи	брâсли	разстланъ	есть, /	Руссийскю,	Польскю,

15

Boemicam,	Illyricam,	Dalmaticam,	Windicam,	&	alias,	Polonicam,
Боемскю,	Иллирческю,	Далматскю,	Виндискю,	и	иные,	Польскю,

унисквиче	можетъ	прилагати.	Ложесна	Годт,	сирѣчь

Тевтоніческагѡ,	брâсли,	или	свойства,	изрѣдна	суть	три,

Тевтонісмъ,	Са ~~з~~ онісмъ,/	и Данісмъ.	Паки	Тевтонісма	свойства

два,	вышшии	Тевтонісмъ,	и ^{къ} /	есть	лзыкъ	Вáссеर.	Ни ^ж шии

Тевтонісмъ,	или	лзыкъ	Вáтеръ.	Прóчам /	два	свойства,

и сама	оубо	суть	Лзыци	Вáтер.	Не	Са ~~з~~ онісма

¹⁵ В [Scaligeri 1610: 120] «diffusa».¹⁶ Подчеркнутые слова в издании Блау даны готическим шрифтом, в оригинале никак не выделены.¹⁷ В [Scaligeri 1610: 120] «hoc est Teutonicæ» отсутствуют.

propagines	sunt	Nord-Albingorum	& Frisiorum,	item	Anglorum
ѡрасли	сътъ/	Нóрд Альбингорумъ,	и Фризијскій,	такожде	Англійскій
dialectus:	quæ	tamen	veterum	Nord-Albingorum	& Turingiorum
Дїалéкту:	Иже	общаче /	Бéтхихъ	Норд-Альбигорумъ,	и Түрингланъ
dialecti	sunt	Anglismus,	& Scotismus.	Danismi	tria
Дїалéкти	сътъ	Англійсьмъ,	и Скотіємъ	Данієма	три
sunt.	Lingua	scilicet	Danorum	Limitaneorum,	quos
сътъ.	Ілзыкъ,	сирѣтъ	Даніанъ	Предѣлныx,	также
vocant;	Danorum	Australium,	qui	Suedan,	Suedi
нарич8тъ ¹⁸ :	Даніанъ	южныx,	иже	Сведаніе,	Свѣди
ab	Austro	dicti:	denique	Danorum	Septentrionalium,
ѡ	юга	на/реchени:	Прочее	Даніанъ	qui
à	Normanni	& Norwegi	vocantur:	à quorum	idiomate
Нордане,	Норманни,	и Новерги	на/рич8тса ¹⁹ ,	ѡ иже	своиства
propagatum est	Islandicum	hodiernum,	quod	ita	intelligitur
оімножисѧ	Ісландікъ	днешныи,	иже	такѡ	раз8/мѣетса
à Norwegis,	ut	Hollandica	lingua	à Germanis,	Italicam
ѡ Новергланъ,	такѡ	Голландскій	ілзыкъ	ѡ Германъ,	Італійскій /
à Gallis.	Matrix	Deus,	hoc est,	Latina ²⁰ ,	pererit
ѡ Галланъ.	Ложесно	Деус,	сирѣтъ	Латинское,	породи
Gallicam	& Hispanicam,	quæ	omnes	uno	nomine
Галліи/скїи,	и Іспанскіи,	иже	всї	единъмъ	Romansæ,
id est,	Romanenses	sive	Romanæ	vocantur,	quam
сирѣтъ	Романенси,/	или	Романни	наричютса ²¹ ,	апелляционем
victores	Barbari	induxerunt.	Nam	in	eorum
Побѣдители	Варварстїи	введаша. /	Ибо	въ	законехъ

¹⁸ В Син779 нарич8тъ.

¹⁹ В Син779 нет диакритики + нарич8тса.

²⁰ В [Scaligeri 1610: 121] «hoc est Latina» отсутствуют.

²¹ В Син779 нет диакритики + нарич8тса.

duplex	conditio	Ingenuorum:	deterior	Romanorum,	ut	Latinorum
съгъбо	оु́стroeнїe	свободных:	Хъждшее	Римланi, /	такъ	Латинi

Romæ.	In Gallia	olim,	Franci	& Burgundiones;	In Italia,	
вРимѣ.	БГáллии	дрéвле	Фрáнкове,	и Бъргундиае:	вИтá/лии	

Longobardi,	in Hispania,	Gotthi	distinguuntur ²²	à Romanis,	ut	
Лонгобáрди,	вИспáнии	Готи	различествуютсѧ	в Римланъ,	такъ /	

Quirites	à Latinis	civibus.	Hinc	Luitprandus	Tiotiscam	
Квирити	в Латинскиx	гражданъ.	Всíодъ	Лдитпрандъ	Тютиискю /	

Galliam	à Romana	distinguit.	Matricis	Θεός	plura ²³	
Гáллию	в Римскiя	различествова.	Ложесна	Θеос	множшал	

sunt	Idiomata,	quod	non mirum	in tot	Insularum	intervallis,
сътъ/	свойства,	такъ	недивиши,	втолико	островывъ	разствоанiиxъ,

quaе	ut	loco,	ita	linguaе	commercio	valde
такъ /	такъ	местомъ,	такъ	языка	обществомъ	стѣлѡ

dissident.	Atque	de quatuor	majoribus	Matricibus	hactenus.	
разликчютъ./	И	в четвърехъ	влащишихъ	ложеснáхъ	доселѣ.	

Reliquæ	septem	minores	sunt	hæ:	Epirotica,	quam
Прóчал	сéдмъ	мénшам /	сътъ	сià.	Эпирóтскоe,	éже

Albanam	vocamus,	in	montanis	Epiri,	ubi	gens
Албáнское	нарицáемъ,	на	горниxъ	Эпí/ра,	ндѣже	ро^

studiis	asperrima	belli,	indigenæ	an advenæ	incertum.	
оученii	стропотнѣши	ратными	Тъзéмци	или при/шéлци	нензвѣстно.	

Secunda	Cosacorum	& Præcopiensium,	id est,	Tartarica.	Tertia	
Второе	Козáцкоe,	и прекóпское,	сиричъ	Тартар/скоe.	Третie	

Hungarorum,	quam	ex	Asia	in	Europam	transvexerunt
оңигáрское,	éже	иž	Асia	вЕвропу		превезаша

crudelissimæ	duæ	gentes,	Hunni	& Avares.	Quarta	Finnonica,
лютѣнишii	двѧ	рýди,	Гънни,	и Авари.	Четвéртоe	Финнóнское,

²² В [Scaligeri 1610: 121] «distinguuntur».

²³ В [Scaligeri 1610: 121] «pluria».

cujs	propago	est	Laponica,		in Septentrionalibus	Scandinavæ
єгоже /	ѡрасль	єсть	Лаппониа (так! ²⁴)	в Полънощиыхъ	Скандинавії	

Suedorum.	Quinta	Hirlandica,	cujs	pars,	куæ	hodie
Свѣдскіѧ./	Плѣтоε	Гірландское,	єгоже	часть,	таке	днесь

in	usu	Scotis	silvestribus.	Sexta	Vetus	Britannica,
воѹпотгревлениї	Скотланѡ/	лѣснымъ.	Шестоε	вѣтхое	Бреттанское,	

in Montibus,	Anglis:	idem	in Aremorica,	Gallis,	quam
на горахъ,	Аггланиѡмъ: /	Тожде	в Ареморицѣ	Галланѡмъ,	же

Britonnantem	linguam	Galli	vocant.	Septima	Cantabrorum,	quos
Бретонскій	глазыкъ	Галлане /	наричъть.	Седмоε	Кантабріанъ,	таке

Biscainos	Galli	& Hispani	nominant,	куæ	sunt	reliquiae
Бискайны,	Галлане,	и Испа/ни	именюютъ,	таке	съть	останки

veteris	Hispanicæ:	patet,	ut	minimum,	itinere	septem
вѣтхагѡ	Испа/нскагѡ.	Прости/раетса	тако	малъши,	пътемъ	седми

dierum	cis & uls	Rugenæos,	à	Bajonensi	usque	agro,	quem
днь,	Обо ѿнъполь	Пиреней, /	ѡ	Байонскаго	даже	села,	юже

tractum	in	tabulis	Layurdensem ²⁵	vocant	Sidonius	& alii
странъ	на	скрижалехъ	Лавурденскю	на/наричът ²⁶ ,	Сидони,	и ини

veteres.	Нæ	sunt	undecim	Matrices	nullo	inter	se
вѣтхи.	Сїл	съть	единнадесѧть	лужесна,/	нїединыи	междъ	собою

cognitionis	vinculo	conjunctæ:	atque	has	inter	se
оѹжичества	согодомъ	с прложенина:	И	сїл	ме*/дъ	собою

diviserunt	Ecclesiæ	Constantinopolitana	&	Romana.	Et	quidem
раздѣлиша	Цркви,	Константино/полскаа		ѡ Рымскїя.	И /	оѹбо

commercio	characterum	quintuplicis	generis,	Latinorum,	Græcorum,
собществомъ	на/чертанїи	плато/гъба	родь,	Латинскагѡ,	Греческа/гѡ,

²⁴ В Син779 четко -скла.

²⁵ В [Scaligeri 1610: 122] «Tarbellis Lapurdensem».

²⁶ В Син779 наричът.

Hieronymianorum,	Ruthenicorum	& Gotthorum.	Nam	&	ipsi	veteres
Іероніміанскагѡ,	Рућеникскагѡ,	и Гот.скагѡ.	Ибо	и	сами	вѣтхї /

Gotthi	suos	characteres	habent.	Sacra	alioquin	Græco
Гот.скагѡ,	своѧ	начертаніѧ	имѧтъ,	Сиценнаѧ	иначе,	Греческимъ

ritu	celebrantes,	lingua	veteri	Gotthica:	in usu	
оѹстá/вомъ	совершáюще,	иаӡыкомъ	вѣтхимъ	Гот.скн ^и :	Воѹпогрѣблéнїи/	

autem	quotidiano	magna	ех	parte	Teutonissant.	
же	всегдашино ^и	ѡ ↔	великїѧ	частн	Тевтониссѹютъ.	

Таким образом, Блау немного изменяют исходный текст, а также его оформление: вносят выделения курсивом и даже готикой, заменяют цифры буквенными написаниями числительных, систематизируют характер использования прописных и строчных букв, а также уточняют характер пунктуации.

В издании Блау есть еще также обобщающий фрагмент, по всей видимости составленный кем-то из Блау и занимающий два абзаца (6а–6б):

Istarum	vero	linguarum	Matricum	in occidentaliore	quidem	Europæ
Сихже		иаӡыкъ	ложеснъ	вѣзападнѣишој	оѹш	Еуропы

parte	versus	meridiem	<i>Latina</i>	viget,	cujuſ	varie
частн, /	къ	Полѹднио,	Латїскїи	цвѣтетъ,	єгоже	раӡнственїкъ

адмоду	mutatæ	distortæque	propaginibus	utuntur	
st�lѡ	и�мѣ/н�ннагѡ,	и �аӡстерьз�ннагѡ	ѡраслени	оѹпогрѣбл�етъ,	

<i>Hispania,</i>	<i>Gallia,</i>	<i>Italia:</i>	versus	septentrionem	<i>Teutonica,</i>
Іспанскїи,	Галлии скїи,	Італїйскїй:	къ	Полѹнощїю	Тевтонскїи,

кујже	дїалекти	Teutonismus	specialioris	notionis,	& Danismus.	Prior
иаӡыкъ	Тевтонисмъ /	виðовнѣишагѡ	знанїѧ,	и Данисмъ.	П�рвшии	

усурпатор,	non	exiguo	tamen	discrimine,	in Germania	tam
оѹпогрѣбл�етса,		и�м�ломъ/	и�баче	раӡнствѣ,	и�Германїи	иаӡкѡ

superiore,	quam	inferiore.	Posterioris	tres	sunt	differenti�,
вышишон,	такѡ	ни�шой ²⁷ .	Послѣднѣишагѡ/	три	сѹть	раӡнства,

²⁷ В Син779 ны шой, то же написание ниже.

Danorum	Limitaneorum,	qui	Daniam;	Australium,	qui	Sueviam;
Да́намъ	Пре́дѣлныx,	и́же	вДа́ни,	южныxъ,	и́же	вСве́бии,

Septentrionalium,	qui	Norvegiam	habitant.	His	adhæret
Полѹнощныxъ,	и́же	вНовергии	ѡбитаятъ.	Симъ	прилѣплѧетсѧ /

Finmarchia,	cui	peculiare	est	Idioma,	propaginem	habens
Финмархийскій,	емѹже	ѡсóбное	есть	свойство,	ѡрасль	имѹщее

Lapponicam,	qua	utitur	Lappia.
Лаппóн/скѹю,	е́же	оўпотребляетъ	Лáппia.

In	Orientaliore	Europæ	parte	ad Septentrionem	Slavonica
Въ	восточнѣнишой	Еуропы	части	кполѹношію	Славенскій

obtinet,	quæ	in multas	propagines	est	diffusa.	Nam	in quibus
держá/встзвѣтъ,	и́же	налиющи	ѡрасли	разсеѧлсѧ.	Ибо	вкончъ	

ibi	regionibus	non	eius	usus?	Gaudent	ea	populi,
тамъ	стра/нахъ	не	его	оўпотребленїе;	Радѹютсѧ	ѡ нémъ	людїе,

quos	fere	majorum	nostrorum	temporibus	longe	lateque
также	неглѝ	въ / прародителей ²⁸	нашихъ	времена,	далече	и широцѣ ²⁹

habuisse	constat		superiorem	inferioremque	& Mæsiam	& Pannoniam,
ѡбитати	тавлén/иѡ	е́сть	ввышшой,	и нишшой	Месиј	и Панноніи,

Daciam,	Lyricum,	Dalmatiam,	Sarmatiam	& alias;	qui	hodie	Poloni,
Да́ни,	Лирицѣ,	Дал/матији,	Сарматији,	и инѣхъ:	и́же	днѣсь	Полони,

Hungari,	Transilvani,	Walachi,	Livones,	Lituani,	Podolii,	Moldavi,
оУнгари,	Трансилвáни,	Валáхи,	Ливоны,	Литуани,	Подóллие,	Молдáви,

Bulgari,	& alii.
оУнгари,	и ини.

Останавливаться в нашей статье на разборе самого текста «Диатрибы о языках европейцев» нет необходимости, так как анализ и русский перевод уже недавно сделан [Шумилин 2016: 175–179, 196–199]. Интересен для нас фрагмент текста, где Скалигер сообщает о наличии у

²⁸ В Син779 Прародителей.

²⁹ В Син779 широцѣ.

славян двух видов письменности: «русская, или московитская (*Rutenici, sive Moscovitici*), представляющая собой искаженную греческую, с таким же числом букв и почти таким же начертанием, с добавлением немногих варварских знаков; и далматская, она же иеронимовская, с таким же значением и таким же числом букв, но по начертанию очень сильно отличающаяся от первой»; скорее всего Скалигер знает о двух славянских азбуках – кириллице и глаголице [Ibid.: 197³⁰].

Лингвистические особенности перевода этого фрагмента можно со-поставить с особенностями работы Епифания Славинецкого над всем текстом. Принципы организации (моделирования) ученого регистра представлены здесь с разной степенью полноты.

В первую очередь отметим элементы грецизации в переводе Славинецкого – к примеру, написание **Бреттанскоє, Вайонского**³¹ в соответствии с «Britannica», «Vajonensi» с использованием «в» для передачи латинского «b». Этот прием был отмечен еще А. И. Соболевским (*Восфор* [Соболевский 1903: 62]), а нами при сплошном анализе текста установлено, что написания с «в» на месте «b» используются в первую очередь для фиксации земель европейских и ближневосточных, относящихся к ойкумене античных и средневековых географов [Николенкова 2014: 137], другие же переданы через «в» (Britonnantem = Бретонский, Biscainos = Бискайны). Привычным для церковнославянской письменности является грецизированные написания **Аггліскій, Аггланвшъ** для передачи «Aングlorum», «Anglis» хотя в обоих случаях нет никакой необходимости придерживаться таких написаний.

В анализируемом фрагменте впервые зафиксирован грецизм «дїалектъ» [СлРЯ XI–XVII вв., 4: 242], отмечает более позднее употребление: в 1666 г. в делах патриарха Никона и далее в Арифметике Магницкого. В 70-е гг. XVII в. при работе над переводом Нового Завета Епифаний Славинецкий активно пользуется уже вошедшим в его лексикон словом. На л. 5–8 рукописи Син472 размещен словарь Реченія євреїська, елліская и латїнская шврѣтающася в новомъ ڇавѣтѣ не преведенная на славенскій дїалектъ, ڇа свойство и лѣпотъ онѣх дїалектовъ (Син–греч-472, л. 5).

Еще одной восходящей к традиции пословного (и поморфемного) перевода особенностью, имеющей связь и с ранними переводами с греческого

³⁰ М. В. Шумилин в примечании допускает возможность знания ученым о «работе по кодификации Библии на Руси», однако в 90-х гг. XVI в. в Москве этой работы не проводилось, изданная в 1580–81 гг. Острожская Библия к Москве отношения не имеет (географические карты и XVI, и XVII в. разделяют территории Московской и Юго-Западной Руси); гипотеза о кириллице и глаголице кажется более логичной.

³¹ Баскский город Байонна известен с древнейших времен и описан в 1140 г. в сочинении Амери Пико «Земли басков и их город Байонна на берегу моря». Ниже мы уточним ошибку, допущенную в этом фрагменте Блау.

языка, можно считать передачу приставки соп- как «с/со-»: *commercio* = **сообщеніе, сообщество, conjunctæ** = **сопрѣженіи, сопрѣженна**. Восходящая к кирилло-мѣфодиевской эпохѣ, эта традиція со временем актуализируется; во многих переводах, сделанных в индивидуально-авторской манерѣ, число передач приставкой «с/со-» греческих слов с *συν-* намного больше, чем в болѣе древних редакціях (к примеру, в текстѣ Чудовскаго Нового Завета [Пентковская 2009: 12–23]). В переводе с латинскаго книг Геннадиевской Библии случаи перевода слов с приставкой соп- лексемами с приставкой «с/со-» могут приводить к образованію *verba ficta* [Платонова 1997: 63]. В этой роли, по-видимому, оказывается и слово «сообщеніе» из нашего текста (*commercium linguae* имеет значение «общность языка» [Дворецкий 2003: 162]): оно было составлено Славинецким в черновике, но писец беловика смысла не понял и написал в беловике раздельно.

Особенности орфографии писца беловика (москвича) в сравнении с киевлянином Славинецким были предметом нашего особого анализа; при воспроизведеніи черновика московский книжник меняет ряд написаний: упорядочивает употребление *ѹ* и *Ѡ*; исправляет случаи употребления *и* перед гласным на *ї*, что характеризует московскую орфографию; систематизирует употребление *ѧ* и *ѧ* в ряде позиций [Николенкова 2016b].

В данном фрагментѣ обращает на себя вниманіе невыполнение писцом одного из требований, предусмотренных московским изданием Грамматики Смотрицкого, — о дифференции написания слова «ѧ/ѧзыкъ». В соответствии с московскими орфографическими нормами *ѧ* пишется в слове *ѧзыкъ* в значеніи ‘часть тела’, тогда как *ѧ* употребляется в значеніи ‘народ’. Эта оппозиція нормативна для Москвы, тогда как для Юго-Западной Руси не была строго регламентирована [Кузьминова 2007: 537]. В первом издании грамматики Смотрицкого автор во всѣх значеніях употребляет *ѧ*, тогда как московские издатели грамматики 1648 г. (далее — ГМ) последовательно правят *ѧ* на *ѧ* во всѣх случаях, где отмечено значеніе ‘часть тела’. Однако в московской письменности се-редины XVII в. эта последовательность отмечается не всегда — и в рукописных, и в печатных текстах (к примеру, в Библіи 1663 г.) можно найти вариативность в написаніи первой буквы в разных значеніях, хотя тенденція к дифференциации значений все же прослеживается [Николенкова 2016b: 12; Кузьминова 2017: 32].

В анализируемом отрывкѣ все употребления слова *ѧзыкъ* оказываются переводом *lingua*, следовательно, должны писаться одинаково. Однако из 15 употреблений 9 раз отмечено *ѧзыкъ*, а 6 — *ѧзыкъ*. Анализ контекстов позволяет предположить, что, не имея латинскаго

источника, писец беловика старался распределить написания и употреблял *и* в тех случаях, когда предполагал значение ‘народ’: *іазыкъ* перед перечислением *Дананъ Предѣлныx, Дананъ южныx, иже Сведанане, Свѣди и Свѣане; Голландскій іазыкъ; Бретонскій іазыкъ* (Галлане); для передачи сочетания *commercium linguae* в беловике писец использует оба варианта — *и/иазыка сообщение/собщество*, что могло для не знакомого с латинским писца означать «сообщение, взаимные отношения» народов [СлРЯ XI–XVII вв., 26: 150]. Переписывая свой текст как географическое сочинение, московский книжник не догадывался, что сталкивается с лингвистическим материалом³².

Еще одной графико-орфографической правкой, которую вносит автор беловика, оказывается исправление югозападнорусских правописных привычек переводчика. Так, в рассматриваемом отрывке отражена как регулярная замена и черновика на *ѣ*, так и примеры обратной замены (*видитисѧ* → *видѣтисѧ*; *нарѣчътъ* → *наричютъ*)³³, а также исправление *и* на *ы* и *ы* на *и* (*четири* → *четыри*; *шыроchanши* → *широchanши*). В большинстве случаев характер исправлений прозрачный, однако во фрагменте отмечена форма «*премыщёнє*», установить первоначальный вариант которой в черновике Славинецкого оказывается сложным³⁴, тут же проблему испытал переписчик и предложил свой вариант написания.

Анализируя перевод, осуществленный Славинецким, мы в первую очередь должны обратить внимание на характер выбора лексемы для передачи каждого латинского слова. Как известно, перед началом работы над Атласом Блау Славинецкий и приехавший вместе с ним Арсений Сатановский составили латинско-славянский и славяно-латинский лексиконы, основываясь на Лексиконе Калепина [см.: Німчук 1973]. Во многих случаях, осуществляя перевод латинского текста, они обращались к

³² В беловом экземпляре 3 тома — Италия — переписчиком будет другой московский писец, хуже — по нашим наблюдениям — владеющий правилами ГМ. Переписывая югозападнорусского переводчика, монаха Исаию, он регулярно копирует *и* черновика, в результате используется только вариант *іазыкъ*: *Кое* *ѹбо древле сего іазыка ближе произношеніе наѹчає постѣсъ липсіи вкнижѣ опросты*^м *іазыка латинскаго произношеніи* (*Син204*, л. 32); *латинскомъ древле іазыку* *тому же бывшъ съ греческимъ склоненію, иѣчто мало премѣнившъ* (*Син204*, л. 42об). Можно предположить, что распределение значений и соответствие орфографического оформления значению слов не было распространено в среде московских книжников середины XVII в. так широко, как представляется это по грамматическим трактатам.

³³ Распространяющаяся югозападнорусская манера церковного произношения в грамматических сочинениях ведет к рекомендациям «не читать *ѣ* как *и*» [Успенский 2002: 445].

³⁴ Буква после *и* оказывается на переносе, отчетливо читается *e*, а после нее одиночная вертикальная линия, объяснить которую можно небрежной постановкой знака переноса, например. Подобные случаи отмечены нами и на других листах черновика (*архи*(такая же линия)*ерей*, к примеру, на л. 65).

этим лексиконам, но часто приходилось принимать новые переводческие решения, многие из которых можно считать инновационными для периода XVII в.

В первую очередь переводчикам в тексте Скалигера необходимо было выбрать лексемы для центральных авторских терминов. Сам автор выбирает образы родства к отношениям между языками: «использованное Скалигером слово *matrix*, иногда переводимое как “матрица”, однокоренное слову *mater* («мать»), а сами языки именуются “отпрысками” (*propagines*)» [Шумилин 2016: 177]. Автор современного исследования и перевода использует лексему «матка», размышая о том, что «метафора (Скалигера) понятна не до конца», «образы допускают двойную трактовку в классической латыни: речь идет либо о дереве, от которого берутся отводки <...> либо о животном-матке и его детенышах» [Ibid.: 196].

Сравним современный перевод со сделанным Славинецким:

Linguis Matrices vocare possumus, ex quibus multæ dialecti, tanquam propagines, deductæ sunt	Языками-матками мы можем назвать те языки, из которых, подобно отпрыскам, вышло множество диалектов [Ibid.]	А́зыки ложесна́ нарицати́ може́, із ніх же мнози́ діалекти, аки юрасли із-веденни суть (22об).
--	---	--

Славинецкий использует церковнославянизм «ложесно». СлРЯ XI–XVII вв. знает лишь одно значение – ‘материнское чрево’: «въсакъ младеньца мужьска полу развръзая ложесна сто гви наречеться и дати жъртву по реченууму въ законѣ гни» (Лк 2:23); «дѣвиче бо ложесно роди ба слова» в Пандектах Антиоха [СлРЯ XI–XVII вв., 8: 273]. Еще при работе с Лексиконом латинским Епифаний обращает внимание на многозначность латинизма (‘матка, материнская утроба, ствол, из которого растут ветви, первоисточник’) и предлагает для «matrix» варианты: «матица, ложе(с)на, живо(т), избо(р)ное древе(с), кущъ» [Німчук 1973: 264]. Таким образом, расширяется значение церковнославянской лексемы и формируется переносное, отсутствующее в предшествующий этап развития языка. Такие процессы обычно связываются с более поздним периодом – XVIII в., но перевод Атласа во многом опережает свое время.

Второй термин Скалигера – «propago, -inis» со значениями ‘отросток, отпрыск, потомок, дитя’ [Дворецкий 2003: 627]. Славинецкий в лексиконе дает такие варианты: «лѣтара(с)л(ъ) лозная, ви(н)ничие, родъ, племя, колъно, ищадие» [Німчук 1973: 333], но ни одного из них не использует в Атласе, выбирая многозначное «юрасль», отмеченное в таких значениях: ‘молодое растение, выросшее из корня старого’ в Минеев сентябрьской («от неплодьного бо корене оттрасль живоносьна издрasti

намъ мѣтъ свою»), в Заветах 12 патриархов («от корени вашего будет отрасль, и из нея изыдет жезль правды языкомъ судити и спасати всѣх призывающихъ ба»); ‘отпрыск, потомок’ в оригинальных русских текстах («тогда же бѣговѣрного князя корень, бѣгородная отрасль Ярополкъ...победи поганыя» в Радзивиловской летописи, «аз же имѣю отрасли, еще млади суще: Василя и Юрью» в Повести о Мамаевом побоище); ‘ответвление’, ‘ветка дерева’ [СлРЯ XI–XVII вв., 14: 10]. Выбранная лексема удачно сочетается с первым термином «ложесно», подчеркивая употребление в переносном значении³⁵.

Уже в этом переводе Славинецкий обнаруживает свою привязанность к редким церковнославянизмам. К таким можно отнести «ѹжичество», использованное для перевода «cognatio»³⁶ (‘кровное родство, сродство, связь, сходство, родня’ [Дворецкий 2003: 154]). Как ‘родство’ лексема «ѹжичество» отмечена в ветхозаветных переводах («Кръвь нынѣ не рати дѣля гльеть, нъ жжичество» (Иез 35), в Путятиной Минее («от Двѣра прѣства прозабла еси оѹжичеством»), в значении ‘родные’ – в Ефремовской кормчей, в тексте Хроники Иоанна Малалы³⁷ [Срезневский, 3/2: 1166]). Ужичество (или левират) – это древний, унаследованный от предков обычай, связанный с желанием сохранить род, он описан в книге Второзакония³⁸. Само слово в церковнославянском тексте используется в Книге Руфь: и аще оѹжичествуєши, то оѹжичествуши (Руфь 4:4). Употребление данного церковнославянизма для перевода объяснения родства языков, которое выстраивает Скалигер, следует признать удачной находкой Славинецкого.

³⁵ Варианты из лексикона имеют более узкие значение. К примеру, «лѣторасль» отмечена в контекстах, где обозначает только ‘годовой побег дерева, росток’ [СлРЯ XI–XVII вв., 8: 220]. Заметим, что соратники Славинецкого в переводах остальных частей также пытаются создавать переносные значения церковнославянизмов: так, при переводе части Италия (рукописи ГИМ Син780, Син204) фраза Apennini portiones sunt ac germina переведена как ‘апенинна части сѣть и ѿрасли, таким образом лексема приобретает значение ‘отроги (гор)’. Лексема «лѣторасль» Исаией используется только в значении ‘растение, его побег’ для передачи латинского *planta*.

³⁶ В Лексиконе было предложено два варианта – ‘ѹжничес(т)во, сро(д)ничес(т)во’ [Німчук 1973: 128].

³⁷ Группа источников, использующих однокоренные слова ‘ѹжика/ъ’, ‘ѹжичный’, ‘ѹжичество’, включают либо южнославянские переводы, либо, по классификации А. А. Пичхадзе, переводные памятники, содержащие южнославянские элементы [Пичхадзе 2011: 57]; наши исследования показывают, что целый ряд использованных в этой группе переводов лексем активизируется Славинецким при работе над Атласом Блау [Николенкова 2017б: 310–311].

³⁸ (5) Если братья живут вместе и один из них умрет, не имея у себя сына, то жена умершего не должна выходить на сторону за человека чужого, но деверь ее должен войти к ней и взять ее себе в жену, и жить с нею, (6) и первенец, которого она родит, останется с именем брата его умершего, чтоб имя его не изгладилось в Израиле (Втор 25:5–6).

Второй раз лексема «**о́ужи́чество**» используется в таком контексте: **Сїà сѹть єдиннáдеслать лжесна, / пїедины" межд8' собою о́ужи́чества союзомъ спрaженна** (Hæ sunt undecim Matrices nullo inter se cognitionis vinculo conjunctæ); современный перевод предлагает такой вариант: «вот 11 маток, не связанные между собой никакими узами родства» [Шумилин 2016: 199]. Слово «союз» для передачи «vinculum» предлагается уже в лексиконе [Німчук 1973: 413], значение 'то, что связывает; объединение на общей основе' для середины XVII в. является основным, тогда как грамматическое только входит в язык³⁹ [СлРЯ XI–XVII вв., 26: 272].

Яркой особенностью многих переводов Славинецкого считается создание авторских лексем. Чаще всего отмечается, что кружку грекофилов свойственно создание торжественных, искусственно составленных композитов. Однако анализ лексической структуры перевода Атласа не подтверждает эту мысль [Николенкова 2017b]. В «Диатрибе» авторским окказионализмом Епифания будет «**во^хслóвіе**» на месте «analogia». Знаком не только латинского, но и греческого языка, Славинецкий разделяет слово «по составу» и поморфемно переводит, увидев в нем корень «λογός» и префикс со значением 'кверху, вверх'.

Другим индивидуально-авторским образованием Славинецкого будет использованная в анализируемом фрагменте словоформа «**свойст-ва**» (propagines sive idiomata = юрásli, ѹlli свойства; rursus Teutonismi idiomata duo = пáки Тeутонисма свойства два; reliqua duo idiomata = прóчал / два свойства; Matricis θεός plura sunt Idiomata = Ложесна Θεός мнíжшал сѹть / свойства) для перевода словаформы «idiomata» на основе значения греческого корня «ἴδιος» со значением 'свой'. Интересно, что это, по-видимому, первая попытка образовать лексему с суффиксом *-ств-* от местоимения. В XVIII в. использование данного суффикса возрастает, в том числе отмечается «самство, якство и ячество, появившиеся в языке как русские эквиваленты иноязычного эгоизм» [Мальцева et al. 1975: 79]⁴⁰. В современном переводе этот оттенок латинского оригинала не передается, во всех случаях использовано «наречие» [Шумилин 2016: 197–198].

Некоторые словоупотребления в переводе не являются плодом творчества переводчика, однако их использование Славинецким подчеркивает

³⁹ В [Грамматика 1648: 314–316] в грамматическом значении употребляется вариант «**сօ8չть**».

⁴⁰ В исследовании советского времени лексема «свойство» не фиксируется. По данным НКРЯ, употребление лексемы в XVIII в. фиксируется в переводе с латинского трактата «О должности человека и гражданина по закону естественному» С. Пуффендорфа, изданного в 1726 г., значение в этом случае можно считать уже современным, напр.: «Но да яснѣе свойство рѣчи уразумѣмъ вѣдати надлежитъ» [<http://search1.ruscorpora.ru/>].

отношение книжника к характеру отбираемой лексики. Так, для перевода «asperrima» выбрана форма «**стропотнѣшъ**»: *Epirotica, quam Albanam vocamus, in montanis Epiri, ubi gens studiis asperrima belli, indigenæ an advenæ incertum = Σπιρότσκοε, ἐже Αλβανσκοε ναριζάεμъ, на горицъ Σπιρα, идѣже рѡ оўчёни стропотнѣшъ ратными. Многозначное прилагательное «asper, aspera, asperum» здесь употреблено в цитате из «Энеиды» Вергилия (*gens studiis asperrima belli*) и имеет значение ‘неукротимый, упорный’ [Дворецкий 2003: 81], ‘ожесточенный’ [Шумилин 2016: 198]. В Лексиконе латинском Славинецкий предлагает такие варианты: «asper, o(c)тры(й), бру(д)ны(й) (с примечанием — правильно пру(д)ный (так!); asperitas, o(c)трота, тру(д)но(ст), стропо(т)ность; asperiter, тожъ, стропо(т)но; aspero, as, ω(c)трю, прогнѣвляю, стропо(т)нотворю» [Німчук 1973: 94]. Такие значения не соответствуют часто отмечаемым в церковнославянской письменности значениям ‘неровный, кривой, трудный, неверный, коварный, лукавый, мучительный’, но близки к значению ‘суровый’, зафиксированному в ветхозаветном тексте (Сирах 6:21) Геннадиевской Библии [СлРЯ XI–XVII вв., 28: 193]. Как «злой, опасный, злосливыи» толкует прилагательное «стропотный» в своем лексиконе Памва Берында [Німчук 1961: 123]. В Славянско-латинском лексиконе Славинецкий и Сатановский дают такие латинские аналоги для «стропотность»: *reguersitas, discordia, dissonus*; там же предлагается словарная статья «строптивъ или стропотенъ» [Німчук 1973: 513], тот же оттенок «строптивый» отмечается и у латинского «asper, aspera, asperum» [Дворецкий 2003: 81]. Славинецкий, вне всякого сомнения, знает и еще одно значение «стропотный» — ‘неправильный, нерегулярный’, употребляющееся в грамматических сочинениях, в том числе в ГМ. Кажется, что однозначно определить то значение, в котором употреблено слово в церковнославянском переводе рассматриваемого фрагмента, не представляется возможным.*

Кроме используемой лексики, интерес в этом отрывке, как и вообще во всем переводе Атласа, представляет передача имен собственных. В первую очередь необходимо отметить, что писец беловика признает большую образованность Епифания, поэтому старательно копирует черновик, повторяя даже описки — написание **Новѣг҃їн** совпадает с ошибкой в черновике. Несовпадение чернового и белового списков может касаться лишь постановки диакритических знаков: рукопись *Син779* имеет очень низкую плотность акцентуации, тогда как беловик *Син19* — более 80%⁴¹.

---

⁴¹ В рамках данной работы мы не считаем необходимым обсуждать различия в акцентном оформлении имен собственных; однако такое обсуждение обязательно будет сопровождать лингвистическое описание Атласа.

Передача имен собственных имеет две особенности. В основном тексте Атласа для мало известных названий Славинецкий выбирает принцип транслитерации⁴². Для анализируемого фрагмента надо говорить скорее о транскрипции, тем более что среди имен собственных есть вполне известные московским читателям. Особенностью работы переводчиков над Атласом является не широкое гlosсирование с представлением вариантов, а попытка включить разные варианты написания (словоупотребления) в текст. О вариативности передачи имен собственных можно говорить и здесь: так, повторяющееся Hieronymiana/i (Hieronymianorum) передано как Ієрониміанскaя (Ієрониміанскаg) в двух случаях и Єрониміанскоe в третьем. Непоследовательность выражается в передаче начального Н в словах: Hispanicam = Испанскъю, Hispanis = Испаннъмъ, Hollandica = Голландскii, Nig-landica = Гірландскoe, Hungari = оўнгари. Латинское начальное Н оказывается самой сложной для передачи буквой латинского алфавита. По отношению к большинству букв Славинецкий и его соратники вырабатывают унифицированные принципы, для Н в большинстве случаев он также найден — передача при помощи Г [Николенкова 2014: 138], однако такой принцип вступает в определенное противоречие с устоявшимся произношением целого ряда известных топонимов (к примеру, Hierosolyma как Ерломнъ в той же главе «Европа»). В подавляющем большинстве случаев определенная буква латинского алфавита или сочетание букв передается однозначно, к примеру «у» всегда как «v», «х» как «x», «th» как «ѳ» и т. д.

Для передачи Rutenici и Rutenicam переводчик использует варианты Рутенскaя/Рутенскъю, которые в письменности отмечаются, хотя «российский» фиксируется лишь для древнейшего периода, а прилагательное «российский» характерно скорее не для церковнославянской письменности, а для деловой (к примеру, в Актах подмосковных ополчений и земского собора 1611–1613 гг. или в документах Посольства стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию в 1650–1652 гг.) [СлРЯ XI–XVII вв., 22: 218]. Как «Московскaя» передается латинское «Moscovitici»; при вариантах «Рутенси», «Рутененси» и «Рутени» (Romansæ, id est, Romanenses sive Romanæ) есть также «Римлане» (Romani).

Обе тенденции — и транслитерация, и транскрипция — отмечаются для передачи имен собственных в языке XVII в.; так, в Вестях-Курантах транслитерация используется только для передачи неизвестных топонимов, тогда как известные русским названия передаются устоявшимися в письменности вариантами [Майер 2008: 172, 176–177].

⁴² Такие примеры можно найти в главе «Исландия»: Austlendingafjordung = Аустлендингaфjордънгъ, Westfjordung = Вестфjордънгъ, Nortlendingfjordung = Нортлендингaфjордънгъ, Suydlingfjordung = Сѹудлендингaфjордънгъ (л. 8б; л. 25). Очевидно, что транслитерация помогает найти нужные точки при изучении карты.

Необходимо заметить, что при отличном знании современной им географии отец и сын Блау допускали ошибки (опечатки?), в результате возникали искажения, в том числе при передаче топонимов. К примеру, во фразе «*cis & uls Pyrenæos, à Bajonensi usque agro, quem tractum in tabulis Layurdensem vocant Sidonius & alii veteres*» неточно набрано *Layurdensem*, в оригинале читаем *Lapurdensem* [Scaligeri 1610: 122]⁴³. Опечатка сохранена и в церковнославянском тексте — **Лавърденскал** (латинское «у» между гласными чаще всего передается как *v*, но иногда может быть передано через *v*).

Отдельно отметим, что церковнославянский текст Атласа Блау дает уникальную для середины XVII в. попытку разграничить прописные и строчные буквы. В грамматике Смотрицкого, в том числе в ГМ, сформулировано правило употребления прописных (**вѣщьшихъ**) букв, однако в самом правиле топонимы не называются [Грамматика 1648: 65], да и последовательно в тексте ГМ правило не соблюдено. В переводе Атласа происходит стихийное моделирование правила: с прописной пишутся топонимы и этнонимы, выполняется рекомендация о прописной для слова «Бог» (**Дѣ8с, Θεὸς, Гóдъ, Бóгъ**), есть и другие зоны, где Славинецким предлагается употребление прописной буквы, но для выявления их необходим анализ большего объема текста.

«Диатриба о языках европейцев» — не единственный лингвистический источник, использованный отцом и сыном Блау в работе над своим произведением. Напр., ссылки на разные сочинения о происхождении латинского языка и влиянии на него греческого содержатся в части 3, в главе «Италия», переведенной монахом Исаией, где упомянут нидерландский филолог Юст Липсий (1547–1606), издатель латинской прозы, эталон многих последующих поколений филологов-классиков (*Кое оубо древлє сего гаꙗыка вѧше пронъношенїе наѹчає постѹсь липсіи вкниȝѣ опростыꙗ гаꙗыка латинскаго пронъношенїи* (Син204, л. 32), *Quae autem olim ejus linguae fuerit pronunciatio, docet Iustus Lipsius libello de Recta lingua Latinæ pronunciatione, 9b*). Цитатное пространство, привлеченное Блау в Атлас, продолжает оставаться предметом нашего изучения. Церковнославянский перевод сочинения голландских картографов является ценным лингвистическим источником, демонстрирующим формирование в середине XVII в. в Москве ученого регистра церковнославянского языка — важного этапа в общей истории русского литературного языка допетровского периода.

⁴³ «Лапурдум» (*Lapurdum*) — имя римского лагеря, который располагался на месте города Байонна и дал название историко-географической области Лабурдан. Заметим, что на карте Блау, помещенной в главе «Европа», названия области нет, есть только название города.

Сокращенные названия библиотек и древлехранилищ

ГИМ – Государственный исторический музей (Москва)

Сокращенные названия баз данных

НКРЯ – Национальный корпус русского языка

Библиография

Источники

Рукописи

Син19

ГИМ, Синодальное собр., № 19, Космография (большой атлас Блеу), сер. XVII в.

Син41

ГИМ, Синодальное собр., № 41, Космография (большой атлас Блеу), сер. XVII в.

Син12

ГИМ, Синодальное собр., № 112, Космография (большой атлас Блеу), сер. XVII в.

Син204

ГИМ, Синодальное собр., № 204, Космография (большой атлас Блеу), сер. XVII в.

Син353

ГИМ, Синодальное собр., № 353, Азбуковник, 1654, 1658 г.

Син472 (греч)

ГИМ, Синодальное собр., греч., № 472, Новый Завет, 2-я пол. XVII в.

Син779

ГИМ, Синодальное собр., № 779, Космография (большой атлас Блеу), сер. XVII в.

Син780

ГИМ, Синодальное собр., № 780, Космография (большой атлас Блеу), сер. XVII в.

Син781

ГИМ, Синодальное собр., № 781, Космография (большой атлас Блеу), сер. XVII в.

Литература

Абрамов 1866

Космография, относящаяся к началу второй половины XVII стол. Перевод с иностранныго монаха Епифания Славинецкого. Сообщено Н. Абрамовым, in: *Известия императорского Географического общества*, 2, 3, 1866.

Багров 2004

Багров Л., *История картографии*, Москва, 2004.

Буслаев 2004

Буслаев Ф. И., *Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков* [репринт изд. 1861 г.], Москва, 2004.

География 1710

География или Краткое земного круга описании, Москва, 1710.

Глускина 1954

Глускина С. М., «“Космография” 1637 года как русская переработка текста “Атласа” Меркатора», in: *Географический сборник АН СССР*, 3. История географических знаний и географических открытий, Москва–Ленинград, 1954, 79–99.

Грамматика 1648

Грамматика 1648 г., Е. А. Кузьминова, предисловие, науч. комментарий, подг. текста и сост. указателей, Москва, 2007.

Дворецкий 2003

Дворецкий И. Х., *Латинско-русский словарь*, Москва, 2003.

Живов 2004

Живов В. М., *Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII вв.*, Москва, 2004.

——— 2017

Живов В. М., *История языка русской письменности*, 2, Москва, 2017.

Кузьминова 2007

Кузьминова Е. А., «Научный комментарий», in: *Грамматика 1648 г.*, Москва, 2007, 493–612.

——— 2017

Кузьминова Е. А., «Грамматика 1648 г. как регулятор библейской книжной справы второй половины XVII в.», in: *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология*, 5, 2017, 19–44.

Кузьминова, Пентковская 2016

Кузьминова Е. А., Пентковская Т. В., «Пути формирования русского научного дискурса в XVII в.», in: *Мир науки, культуры, образования*, 4, 2016, 221–229.

Майер 2008

Майер И., *Вести-Куранты. 1656 г. 1660–1662 гг. 1664–1670 гг.: Иностранные оригиналы к русским текстам. Часть 2*, Москва, 2008.

Мальцева et al. 1975

Мальцева И. П., Молотков А. И., Петрова З. М., *Лексические новообразования в русском языке XVIII в.*, Ленинград, 1975.

Николенкова 2013

Николенкова Н. В., «Стратегии формирования церковнославянского языка как языка науки в XVII в. (на примере перевода Атласа Blaeu)», in: *Славянское языкознание. XV Международный съезд славистов. Минск, 21–27 августа 2013 г. Доклады российской делегации*, Москва, 2013, 590–609.

——— 2014

Николенкова Н. В., «Механизм трансформации топонимов в переводческой практике XVII века», in: *Beiträge der Europäischen Slavistischen Linguistik (POLYSLAV)* 17, 53, 2014, 132–139.

——— 2016a

Николенкова Н. В., «Русская географическая терминология во “Вхождении в Космографию”: лингвистический аспект», in: *Историческая география*, 3, 2016, 108–145.

——— 2016b

Николенкова Н. В., «Орфографические особенности двух рукописей XVII века: об авторстве черновика и беловика», in: *Филологические науки. Научные доклады высшей школы*, 1, 2016, 9–20.

——— 2017a

Николенкова Н. В., «Антропонимы и характер их передачи в церковнославянском переводе Атласа Блау», in: *Классические языки в постклассический период*, Казань, 2017, 162–166.

——— 2017b

Николенкова Н. В., «Лексическая структура перевода Атласа Блау как образец ученого церковнославянского языка XVII в.», in: *Мир науки, культуры, образования*, 4 (65), 2017, 308–314.

——— 2018

Николенкова Н. В., «Переводческая деятельность в московском Чудовом монастыре: новые данные о кружке Епифания Славинецкого», in: *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология*, 5, 2018 (в печати).

Німчук 1961

В. В. Німчук, підгот. тексту і вступна стаття, «Лексикон словенороський» Памви Берінді, Київ, 1973.

— 1973

В. В. Німчук, підгот. «Лексіконъ латинский» Є. Славинецького. «Лексикон словено-латинський» Є. Славинецького та А. Корецького-Сатановського, Київ, 1973.

Нурминен 2017

Нурминен М. Т., *Мир на карте. Географические карты в истории мировой культуры*, Москва, 2017.

Пентковская 2009

Пентковская Т. В. К истории исправления богослужебных книг в Древней Руси в XIV веке: Чудовская редакция Нового Завета, Москва, 2009.

Пичхадзе 2011

Пичхадзе А. А., *Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект*, Москва, 2011.

Платонова 1997

Платонова И. В., «О переводческой технике в Геннадиевской Библии 1499 г.», in: *Славяноведение*, 2, 1997, 60–74.

Протасьева 1970

Протасьева Т. Н., *Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева)*, Москва, 1970.

Райков 1947

Райков Б. Е., *Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России. Из прошлого русского естествознания*, Москва–Ленинград, 1947.

СлРЯ XI–XVII вв. 1–30–

Словарь русского языка XI–XVII вв., 1–30–, Москва, 1975–2015–.

Соболевский 1903

Соболевский А. И., *Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков*, С.-Петербург, 1903.

Спафарий 1978

Николай Спафарий: Эстетические трактаты, Белобровая О. А., подгот. текстов и вступит. ст., Ленинград, 1978.

Срезневский 1989

Срезневский И. И., *Словарь древнерусского языка* [репринт издания Срезневский И. И., Словарь древнерусского С.-Петербурга, 1893], 1–3, Москва, 1989.

Успенский 2002

Успенский Б. А., *История русского литературного языка (XI–XVII вв.)*, Москва, 2002.

Харлампович 1914

Харлампович К. В., *Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь*, I, Казань, 1914.

Шумилин 2016

Шумилин М. В., «“Митридат” Конрада Геснера и “Диатриба о языках европейцев” Иосифа Юста Скалигера: сравнительное языкознание в XVI веке», in: *Науки о языке и тексте в Европе XIV–XVI веков*, Москва, 2016, 169–199.

Blaeu 1645

Theatrum orbis terrarum, sive Atlas novus in quo tabulae et descriptiones omnium Regionum, editae a Guiljel et Ioanne Blaeu, Amsterdami, 1645.

Scaligeri 1610

Scaligeri I. I., *Iul. Caes. Fil. Datriba de Europaeorum linguis, Iulii Caesaris a Burden filii Opuscula varia antehac non edita*, Parisiis, 1610, 119–122.

Van der Krog 2005

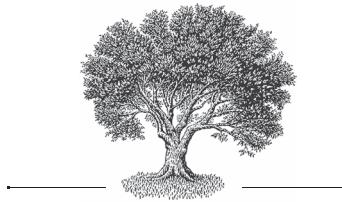
Van der Krog, P., *Atlas Maior jf 1665 (foreword and text)*, Köln, 2005.

References

- Bagrov L., *Istoriia kartografii*, Moscow, 2004.
- Belobrova O. A., ed., *Nikolai Spafarii: Esteticheskie traktaty*, Leningrad, 1978.
- Gluskin S. M., "‘Kosmograffia’ 1637 goda kak russkaia pererabotka teksta ‘Atlasa’ Merkatora”, in: *Geograficheskii sbornik AN SSSR*, 3, *Istoriia geograficheskikh znanii i geograficheskikh otkrytiii*, Moscow-Leningrad, 1954, 79–99.
- Kuzminova E. A., “Nauchnyi kommentarii”, in: *Grammatika 1648 g.*, Kuzminova E. A., ed., Moscow, 2007, 493–612.
- Kuzminova E. A., “Grammatika 1648 g. kak reguliator bibleiskoi knizhnoi spravy vtoroi poloviny XVII v.”, in: *Moscow State University Bulletin. Series 9: Phylology*, 5, 2017, 19–44.
- Kuzminova E. A., Pentkovskaya T. V., “Puti formirovaniia russkogo nauchnogo diskursa v XVII v.”, in: *Mir nauki, kul’tury, obrazovaniia*, 4, 2016, 221–229.
- Maier I., *Vesti-Kiranty. 1656 g. 1660–1662 gg. 1664–1670 gg. Inostrannye originaly k russkim tek-stam. Chast’ 2*, Moscow, 2008.
- Maltseva I. P., Molotkov A. I., Petrova Z. M., *Lek-sicheskie novoobrazovaniia v russkom iazyke XVIII v.*, Leningrad, 1975.
- Nikolenkova N. V., “Strategii formirovaniia tserkovnoslavianskogo iazyka kak iazykna nauki v XVII v. (na primere perevoda ‘Atlasa Blaeu’”, in: *Slavyanskoe iazykoznanie. XV Mezhdunarodnyi s’ezd slavistov. Minsk, 21–27 avgusta 2013 g. Doklady rossiiskoi delegatsii*, Moscow, 2013, 590–609.
- Nikolenkova N. V., “Mekhanizm transformatsii toponimov v perevodcheskoi praktike XVII veka”, in: *Beiträge der Europäischen Slavistischen Linguistik (POLYSLAV)* 17, 53, 2014, 132–139.
- Nikolenkova N. V., “Russkaia geograficheskaiia terminologii vo ‘Vvozhdennii v Kosmograffi’u’: lingvisticheskii aspekt”, in: *Istoricheskaiia geografiia*, 3, 2016, 108–145.
- Nikolenkova N. V., “Orfograficheskie osobennosti dvukh rukopisei XVII veka: ob avtorstve chernovika i belovika”, in: *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vyshei shkoly*, 1, 2016, 9–20.
- Nikolenkova N. V., “Antropomimy i kharakter ikh peredachi v tserkovnoslavianskom perevode Atlasa Blaeu”, in: *Klassicheskie iazyki v postklassicheskii period*, Kazan’, 2017, 162–166.
- Nikolenkova N. V., “Leksicheskaiia struktura perevoda Atlasa Blaeu kak obrazets uchenogo tserkovnoslavianskogo iazyka XVII v.”, in: *Mir nauki, kul’tury, obrazovaniia*, 4 (65), 2017, 308–314.
- Nikolenkova N. V., “Perevodcheskaiia deiatel’nost’ v moskovskom Chudovom monastyre: novye dannye o kruzhi Epifaniia Slavinetskogo”, in: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seria 9: Filologiya*, 5, 2018 (in progress).
- Nimchuk V. V., ed., “*Leksikon slovenoros’kii Pamvy Beryndy*”, Kiev, 1973.
- Nimchuk V. V., ed., “*Leksikon latynskii* E. Slavinets’kogo. *Leksikon sloveno-latynskii* E. Slavinets’-kogo ta A. Korets’kogo, Satanov’skogo”, Kiev, 1973.
- Nurminen M. T., *Mir na karte. Geograficheskie karty v istorii mirovoi kul’tury*, Moscow, 2017.
- Pentkovskaya T. V., *K istorii ispravleniiia bogosluzhebnykh knig v Drevnei Rusi v XIV veke: Chudovskaia redaktsiia Novogo Zaveta*, Moscow, 2009.
- Pichkhadze A. A., *Perevodcheskaiia deiatel’nost’ v domongol’skoi Rusi: lingvisticheskii aspekt*, Moscow, 2011.
- Platonova I. V., “O perevodcheskoi tekhnike v Gennadievskoi Biblii 1499 g.”, in: *Slavianovedenie*, 2, 1997, 60–74.
- Protaseva T. N., *Opisanie rukopisei Sinodal’nogo sobraniia (na voshedshikh v opisanie A. V. Gorskogo i K. I. Nevostrukueva)*, Moscow, 1970.
- Raikov B. E., *Ocherki po istorii geliotsentricheskogo mirovozzreniia v Rossii. Iz proshloga russkogo estestvoznaniiia*, Moscow, Leningrad, 1947.
- Shumilin M. V., “‘Mitridat’ Konrada Gesnera i ‘Diatriba o iazykakh evropeitsev’ Iosifa Iusta Skaligera: sravnitel’noe iazykoznanie v XVI veke”, in: *Nauki o iazyke i tekste v Evrope XIV–XVI vekov*, Moscow, 2016, 169–199.
- Suspenskij B. A., *Istoriia russkogo literaturnogo iazyka (XI–XVII vv.)*, Moscow, 2002.
- Zhivot V. M., *Ocherki istoricheskoi morfologiis russkogo iazyka XVII–XVIII vv.*, Moscow, 2004.
- Zhivot V. M., *Istoriia iazyka russkoi pis’mennosti*, II, Moscow, 2017.
- Van der Krogt P., *Atlas Maior jf 1665 (foreword and text)*, Köln, 2005.

доц. Наталья Владимировна Николенкова, канд. филол. наук
 Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
 доцент кафедры русского языка филологического факультета
 119991 Москва, Ленинские горы, ГСП-1, 1-й корпус гуманитарных
 факультетов
 Россия/Russia
 natanik2004@gmail.com

Recieved May 19, 2018

Греческий историко-догматический трактат Илии Миниатиса и его сербские переводчики XVIII века*

Historicodogmatic Treatise by Elias Meniates and its 18th-century Serbian Translators from Greek

Джамиля Нуровна
Рамазанова

Российская государственная библиотека /
Российский государственный
гуманитарный университет
Москва, Россия

Dzhamilia N. Ramazanova

Russian State Library /
Russian State University for the
Humanities
Moscow, Russia

* Сердечно благодарю заведующую Отделом рукописей и редких книг Библиотеки Матицы Сербской Душину Грбич, сотрудников Археографического отделения Народной Библиотеки Сербии Лилияну Пузович и Мирослава Лазича за ряд важных библиографических указаний и помощь в ознакомлении с недоступными в России сербскими изданиями. Я также признательна директору Библиотеки Сербской Патриархии Зорану Недельковичу и коллегам из Архива Сербской Академии наук и искусств за предоставленную возможность работы с рукописями этих собраний. Моя особая благодарность адресована Б. Л. Фонкичу и Д. Г. Полонскому за неоценимую помощь, важные замечания и многочисленные обсуждения настоящей работы.

Цитирование: Рамазанова, Д. Н. Греческий историко-догматический трактат Илии Миниатиса и его сербские переводчики XVIII века // Slověne. 2018. Vol. 7, № 2. С. 134–178.

Citation: Ramazanova, D. N. (2018) Historicodogmatic Treatise by Elias Meniates and its 18th-century Serbian Translators from Greek. *Slověne*, Vol. 7, № 2, p. 134–178.

DOI: 10.31168/2305-6754.2018.7.2.6

Резюме

Статья посвящена исследованию истории создания сербскими переводчиками XVIII в. переложений с греческого языка трактата духовного писателя Илии Миниатиса (1667–1714) “Πέτρα σκανδάλου” («Камень соблазна») о причинах межконфессиональных разногласий православной и римско-католической церквей. История этих переводов рассматривается в контексте интереса к сочинениям Миниатиса в Европе и на Христианском Востоке на протяжении XVIII века, вызвавшего, в частности, появление русского перевода “Πέτρα σκανδάλου”, созданного Стефаном Писаревым (1744). Основной предмет исследования — выявленные автором в различных рукописных собраниях Сербии списки переводов “Πέτρα σκανδάλου”, осуществленных Иоанном Младеновичем (1741) и Викентием Ракичем (1797/98). Прослежены и уточнены биографии авторов этих оставшихся неизданными переводов. В завершение статьи сопоставляются исторические обстоятельства и вероятные причины создания Младеновичем и Ракичем переводов “Πέτρα σκανδάλου” с факторами, приведшими к появлению русского перевода того же трактата Писаревым. Как полагает автор, комплекс этих переводов может послужить историкам славянских языков и литературу ценным лингвистическим источником для сопоставительного изучения.

Ключевые слова

сербские переводы XVIII в., славянские переводы с греческого языка, христианская духовная письменность, история догматики, Илия Миниатис, «Камень соблазна», Стефан Писарев, Иоанн Младенович, Викентий Ракич, Просвещение

Abstract

The article discusses the history of translation by the 18th-century Serbian translators of the Greek treatise “Πέτρα σκανδάλου” (“Rock of Offence”) written by the theologian and preacher Elias Meniates (1667–1714) in which he deals with the causes of interconfessional polemic between the Orthodox and the Catholic Churches. The history of these translations is placed within the context of interest in Meniates’ works, evidenced in Europe and in the Christian East throughout the 18th century. The vivid style and argumentation of Meniates inspired Stefan Pisarev, *inter alia*, to translate “Πέτρα σκανδάλου” into Russian, which he did in 1744. In the focus of our research are manuscripts stored in several Serbian libraries and archive collections, namely, manuscripts of “Πέτρα σκανδάλου” translations made by Jovan Mladenović (in 1742) and Vićentije Rakić (in 1797/98). In the study we present, the biographies of the two authors of these unpublished translations are traced and defined more accurately. At the final stage of the study, we correlate the historical settings and probable reasons motivating Mladenović and Rakić to make the Serbian translations of the Greek treatise “Πέτρα σκανδάλου”, on the one hand, and the factors leading to the emergence of a Russian translation of the same treatise by Pisarev, on the other. As believed by the author of this article, the aforementioned translations will serve as a valuable linguistic source for historians of Slavic languages and letters in their comparative studies.

Keywords

18th-century Serbian translations, Slavonic translations from Greek, Christian spiritual literature, history of dogma, Elias Meniates, "Rock of Offence", Stefan Pisarev, Jovan Mladenović, Vićentije Rakić, the Enlightenment

1. Предварительные замечания. Постановка проблемы

При характеристике ключевых этапов развития сербской духовной литературы в XVIII в. внимание исследователей, как правило, сосредоточено на трудах выдающихся деятелей сербского культурного возрождения и просвещения: Гавриила Стефановича Венцловича, Захарии Орфелина, Христофора Жефаровича, Доситея Обрадовича, Йована Рачића и др. [Скерлић 1923; Павић 1983; Толстой 1998: 239–327; Чурчић 2002; Давидов 2004; Ковачевић Р. 2011; Симић 2013; Грабић 2016; Тодоровић 2016]. Многократное обращение к произведениям значительных по своим дарованиям, трудолюбию и культурному влиянию известных сербских писателей, художников и мыслителей XVIII в., как и выявление не известных прежде обстоятельств их творчества, несомненно, оправдано. Однако приоритетное внимание, уделяемое этим трудам в историографии сербской культуры, оставляет впечатление, что в их тени остаются незамеченными либо малоизученными не только значимые для своего времени произведения сербской духовной письменности, в том числе переводной, но и важные аспекты славяно-балканских связей и схожих для южных и восточных славян культурных процессов. Отчасти такое положение закономерно, поскольку источники, свидетельствующие о таких связях и явлениях, не опубликованы; они остаются в рукописях в различных сербских древлехранниках и зачастую требуют как выявления, так и адекватной исторической интерпретации.

Как правило, вне интересов исследователей остается вопрос об осуществлявшихся в XVIII в. переводах с греческого¹ на литературный

¹ К исключениям относятся опубликованная более 120 лет тому назад работа В. Джорджевича, представляющая собой обобщающий и важный, но всё же содержащий лакуны обзор греческого влияния на сербскую культуру и литературу от времен Византийской империи вплоть до XIX в. [Ђорђевић 1896], а также недавние аналитические статьи Н. Ристовича, связывающего интерес живших в монархии Габсбургов образованных сербов к эллинизму с западноевропейским Просвещением (обобщающая работа: [Ристовић 2011]; см. особо о «неогуманизме» Доситея Обрадовича в связи с его греческими контактами: [Ristović 2016: 193–196], ср. об этих контактах также: [Kitromilides 2013]). Описания отдельных венских, будимских и венецианских изданий второй половины XVIII в. переводной греческой литературы см. в: [Новаковић 1869: 11 (№ 42)] (то же: [Михаилович 1964: 93 (№ 91)]); [Новаковић 1869: 22 (№ 88)] (то же: [Михаилович 1964: 175–176 (№ 184)]); [Новаковић 1869: 42 (№ 167)]; [Idem: 48 (№ 202)] (то же: [Михаилович 1964: 339 (№ 381)]). Сведения о связях переводчиков этих книг: [Грабић 2016: 106–110].

язык сербов². Со времен Средневековья отношения сербской и греческой духовных культур, как и других культур в пространстве Slavia Orthodoxa, в течение столетий было связано с переводами Св. Писания, богослужебных текстов, сочинений отцов Церкви и раннехристианских авторов. Тем не менее это общеизвестное положение никак не объясняет, в какой мере и по каким причинам православными сербами в XVIII в., на протяжении которого происходили огромные культурные сдвиги и не раз перекраивалась политическая карта Балкан, могли быть востребованы произведения современных греческих духовных писателей. Известно о конфликтном противостоянии в середине — второй половине XVIII в. греческого и сербского монашества на Афоне (в том числе и в знаменитом монастыре Хиландар), а также деятельности как в Константинополе, так и на подконтрольных османским властям сербских территориях лояльных туркам греков-фанариотов, стремившихся к «эллинизации» православного богослужения в противовес славянским литургическим практикам, поставлению в архиереи своих единоплеменников вместо сербов и в целом насильтственному подчинению сербских клира и паства канонической юрисдикции Вселенского патриархата [Кашић 1960: 24–29; Шемякин 2004: 310]. Казалось бы, эти обстоятельства вряд ли могли тогда способствовать интересу сербов к недавней или современной им греческой духовной литературе. Однако в сербских владениях Габсбургов на протяжении XVIII столетия неоднократно появляются славянские переводы сочинений жившего на рубеже XVII–XVIII вв. видного греческого духовного писателя, переложенные непосредственно с грекоязычных изданий. Этим писателем был выдающийся проповедник своего времени, епископ Керникский и Калавритский Илия Миниатис (Ηλίας Μηνιάτης, 1667–1714). Популярность его сочинений в Европе XVIII в. и масштаб влияния трудов Миниатиса на духовную культуру разных народов в этом столетии были таковы, что прежде чем обратиться к источниковедческому исследованию сербских рукописных источников, составляющему главный предмет настоящей статьи, необходимо уделить внимание жизненному пути греческого писателя, истории распространения и бытования его произведений. В этой работе мы в основном ограничимся изучением судьбы историко-догматического сочинения Илии Миниатиса, как правило, незаслуженно остающейся на периферии интересов исследователей.

² О проблеме периодизации литературного языка и разграничения языковых идиомов у сербов в XVIII в. см.: [Ивић, Младеновић 1986; Гудков 1981; Толстой 1998; Толстой 2004; Ивић 2014: 108–158].

2. Биография Илии Миниатиса и его литературно-богословское наследие

Будущий проповедник и писатель, чьи труды на протяжении XVIII в. неоднократно привлекали переводчиков и издателей Европы, происходил из города Ликсури на острове Кефаллиния. Начальное образование Илия Миниатис, как и многие греки в его время, получил на родине, а продолжил в центре духовного и светского образования греческой diáspora — Венеции, куда в 12-летнем возрасте по решению родителей был привезен под покровительство видного деятеля греческой Церкви, также происходившего с Кефаллинии, Матфея (Мелетия) Типальдоса (1648–1713). Благодаря поддержке Типальдоса в марте 1681 г. Илия был зачислен в достигший в то время расцвета Флангиниевский коллегиум в Венеции [Καραθανάσης 1975: 70], где изучал теологические и филологические науки, в том числе классические языки, современные итальянский, французский и др. С небольшим перерывом в обучении Илия Миниатис окончил школу в 1689 г., когда был рукоположен в диаконы и на некоторое время стал секретарем Мелетия Типальдоса, возглавлявшего с 1687 г. Филадельфийскую митрополию. К тому же времени относится сотрудничество Миниатиса с жившим в Венеции греческим типографом Николаем Саросом в деле подготовки к изданию жизнеописания константинопольского патриарха Дионисия IV Сероглениса, написанного его преемником Герасимом II Какавеласом (1673–1674): это сочинение Миниатис сопроводил своим похвальным словом Дионисию³. В дальнейшем в течение более десяти лет Миниатис вел разнообразную учительскую и проповедническую деятельность. Так, он преподавал в венецианской греческой школе и во Флангиниевском коллегиуме, а также в школах на Кефаллинии [Δημαρχίς 1972: 106–108; Πατρινέλης 1964: 34]; кроме того, был приглашен учителем к племянникам губернатора Керкиры Антонио Молины. Рано стал заметен и проповеднический талант Миниатиса: его приглашали выступать с проповедями как в различные города Ионических островов (на Кефаллинию, Закинф, Керкиру), так и в Венецию, где риторские дарования проповедника в 1698 г. оценили не только греки, но и официальные венецианские власти [Πατρινέλης 1964: 33]. Ряд панегириков, посвященных венецианским сановникам, а также несколько проповедей были написаны Миниатисом на итальянском языке [Τατάκης 1953: 16]. В 1699 г. Миниатиса ждал новый поворот в судьбе, когда он в качестве личного секретаря и

³ «Слово историческое о святой жизни всесвятейшего и мудрейшего кир Дионисия Комнина, патриарха Константинопольского» (Венеция, 1689); см. также [Казачков 2009: 284]. Библиографическое описание издания: [Παπαδόπουλος 1986: № 2948].

советника новоназначенного венецианского посла Лоренцо Соранцо отправился в Константинополь, где находился семь лет и как занимался чтением проповедей, так и выполнял отдельные дипломатические поручения (подробнее об этом: [Τσιτσέλης 1904: 459–460; Πατρινέλης 1964: 33; Γριτσόπουλος 1969: 562–563], ср.: [Казачков 2009: 284]). Там же он преподавал в Патриаршей Академии. В синодальном решении за подписью константинопольского патриарха Гавриила III от 12 января 1702 г. Илия Миниатис упомянут уже в качестве иерокирика Великой Церкви [Παπαδόπουλος–Κεραμεύς I-1891: 445 (№ 487)]⁴. По возвращении из Константинополя в 1706 г. Миниатис несколько лет находился на Керкире, затем преподавал в Навплионе, после чего осенью 1710 г. возглавил Керникскую и Калавритскую епархию на Пелопоннесе [Порфирий 1881: 315; Казачков 2009: 284] (публикация документов об избрании и поставлении Миниатиса: [Καραθανάσης 1972: 330–334]). Скончался Илия Миниатис на Пелопоннесе в г. Патры в 1714 г.⁵

Признание дарований Миниатиса в качестве проповедника поддерживалось издателями, переводчиками и читателями после его кончины на протяжении всего XVIII в.: проповеди керникского епископа переиздавались на греческом языке в Венеции с 1714 г.⁶ более 10 раз ([Πατρινέλης 1964: 36]; библиографические сведения: [Παπαδόπουλος 1986: № 4236–4248]). Первые и ряд последующих изданий проповедей Илии Миниатиса были осуществлены в издательстве Антонио Бортоли (1727, 1738, 1755, 1763, 1778)⁷, затем в последней трети XVIII в. — в издательском доме Николая Глики (1772, 1781)⁸, а также издательстве

⁴ Г. Патринелис, однако, относит это назначение Миниатиса к 1704 г. [Πατρινέλης 1964: 33].

⁵ Подробнее о биографии и сочинениях Илии Миниатиса: [Τσιτσέλης 1904: 455–476; Τατάχης 1953: 15–24, 125–238; Πατρινέλης 1964: 32–37; Γριτσόπουλος 1969; Πεντόγαλος 1970; Δημαράς 1972: 106–108; Καραθανάσης 1972; Podskalsky 1988: 400–404].

⁶ Кроме упоминаемых в библиографии, обнаружено самое раннее из известных издание проповедей Миниатиса (Венеция, 1714 г.). Это издание является библиографической редкостью, единственный известный экземпляр находится в фонде старой и редкой книги Народной библиотеки Смедерево (Сербия). Ознакомиться с этим изданием de visu нам пока не удалось, о его существовании известно из выступления директора Народной библиотеки Смедерево М. Лазович на конференции «Библионет-2018» в г. Нови Сад, 7–9 июня 2018 г. Отметим, что сведения об этом позволяют скорректировать данные о первом греческом издании Миниатиса, оказавшемся в России в XVIII в.: [Рамазанова 2018: 118–119].

⁷ Описания изданий Антонио Бортоли: 1727 г. [Legrand 1918: 205–206 (№ 172*); Παπαδόπουλος 1986: № 4239], 1738 [Legrand 1918: 268 (№ 254*)]; Παπαδόπουλος 1986: № 4240], 1755 [Legrand 1918: 440 (№ 450); Παπαδόπουλος 1986: № 4241], 1763 [Legrand 1918: 13 (№ 586); Παπαδόπουλος 1986: № 4242], 1778 г. [Legrand 1918: 269 (№ 913*); Παπαδόπουλος 1986: № 4244].

⁸ Описания изданий Николая Глики: 1772 г. [Legrand 1918: 151 (№ 760*); Παπαδόπουλος 1986: № 4243], 1781 г. [Legrand 1918: 357 (№ 1035*)]; Παπαδόπουλος 1986: № 4246].

Димитроса и Паноса Феодосиу (1778, 1793, 1800)⁹. Тот факт, что проповеди неоднократно переиздавались в одних и тех же типографиях, несомненно, свидетельствует о востребованности поучений керникского епископа греческой читательской аудиторией. В связи с этим неудивительно, что греческий писатель следующего после Илии Миниатиса поколения Константин (Кесарий) Дапонте (1714–1784) назвал его «новым Хрисостомом» [Δημαράς 1972: 106–108; Πατρινέλης 1964: 35].

Вместе с тем, помимо собрания проповедей, другим сочинением Миниатиса, неоднократно привлекавшим внимание издателей, был его историко-догматический трактат “Πέτρα σκανδάλου, ἡτοι Διασάφησις τῆς ἀρχῆς καὶ τῶν ἀληθῶν ἀιτιῶν τοῦ Σχίσματος, καὶ διχονιῶν τῶν Δύο Ἐκκλησιῶν Ἀνατολικῆς καὶ Δυτικῆς. Μετὰ τῶν πέντε διαφωνουσῶν κυρίων διαφορῶν συντεθεῖσα...” («Камень соблазна¹⁰, или разъяснение начала и истинных причин раскола и разделения Восточной и Западной Церквей, с их пятью главными различиями»).

Сочинение состоит из двух книг, первая из которых носит название “Πέτρα σκανδάλου ἡτοι Ἀρχὴ, καὶ αἰτία τοῦ σχίσματος τῶν δύο ἐκκλησιῶν Ἀνατολικῆς, καὶ Δυτικῆς βιβλίον πρῶτον τὰ κατὰ Ἰγνάτιου, καὶ Φώτιου Κωνσταντινουπόλεως πατριάρχας” («Камень соблазна или начала и причины разделения двух церквей, Восточной и Западной. Книга первая о Игнатии и Фотии, константинопольских патриархах»). Первая книга представляет собой исторический экскурс, своего рода введение ко второй; она разделена на 57 кратких частей, первая из которых содержит обращение к читателю: здесь Миниатис отмечает, что его труд повествует не только о различиях догматов и причине разделения христиан, но и о противостоянии патриархов Игнатия и Фотия, которые создали основания крупнейшего конфликта, длящегося до сих пор. Начиная со второй и до 57 части первой книги Миниатисом изложены события внутренней истории византийской Церкви и взаимоотношений Византии с Западом, охватывающие более шести столетий: с 813 г. (года потери престола византийским императором Михаилом I Рангаве и пострижения в монашество его сына, будущего патриарха Игнатия) по 1453 г. (года захвата Константинополя турками-османами под предводительством султана Мехмеда II Завоевателя).

Вторая книга «Камня соблазна» подразделяется на четыре главы, в которых последовательно описываются пять догматических различий

⁹ Описания изданий Д. и П. Феодосиу: 1778 г. [Παπαδόπουλος 1986: № 4245], 1793 [Idem: № 4247] и 1800 гг. [Idem: № 4248].

¹⁰ Существуют различные варианты перевода названия “Πέτρα σκανδάλου” на русский язык, среди которых, помимо «Камня соблазна», также «Камень раздора», «Камень разделения», «Камень преткновения» и др. Здесь и далее в статье мы следуем первому из вариантов, исторически наиболее раннему и давно закрепившемуся в историографии (об этом см. в разделе 4 настоящей статьи).

между Восточной и Западной Церквами: глава первая “Περὶ τῆς πρώτης διαφορᾶς ἡτοι περὶ τῆς ἀρχῆς τοῦ πάπα” (о первом отличии, или о первенстве папы) наиболее обширна и состоит из 20 частей; глава вторая “Περὶ τῆς δευτέρας διαφορᾶς ἡτοι περὶ ἐκπορεύσεως τοῦ Ἁγίου Πνεύματος” (о втором отличии, или об исхождении Св. Духа) содержит девять частей; глава третья “Περὶ τῆς τρίτης διαφορᾶς ἡτοι περὶ ἀζύμου” (о третьем отличии, или об опресноке) включает три части; заключительная четвертая глава “Περὶ τῆς τετάρτης, καὶ πέμπτης διαφορᾶς ἡτοι περὶ τῆς ἀπολαύσεως τῶν ἀγίων, καὶ περὶ Καθαρτυρίου Πυρός” («о четвертом и о пятом отличиях, или о познании святых и об очистительном огне») состоит из восьми частей.

О внимании к этому сочинению высшего клира греческой Церкви свидетельствует присутствие греческой рукописи «Камня соблазна» в Константинопольской библиотеке Метоха Святого Гроба согласно описи, составленной в 1731 г. при иерусалимском патриархе Мелетии¹¹. «Камень соблазна», как и проповеди Миниатиса, некоторое время бытовал исключительно в рукописном виде, как в виде отдельных списков трактата (*EVE2338*; описание: [Πολίτης 1991: 345]), так и в составе сборников (например, кодекс *MPT235* [Παπαδόπουλος-Κεραμεύς IV-1899: 200 (№ 235)]). Однако бытование списков «Камня соблазна» в Европе не ограничивалось только средой греческого духовенства. Примером этому является кодекс *H5729*, состав и судьба которого особенно примечательны. Рукопись принадлежала видному деятелю истории медицины Яковосу Пилариносу (Джакопо Пеларино)¹², а в 1719/20 г. [Wright 1972: 304] оказалась в собрании лордов Хэрли (Bibliotheca Harleiana), ныне составляющем один из крупнейших рукописных фондов Британской библиотеки.

Вплоть до последних лет жизни Илии Миниатиса ни одно из его произведений не было издано. На греческом языке «Камень соблазна» впервые был опубликован в 1718 г. в Лейпциге [Legrand 1918: 149 (№ 118); Παπαδόπουλος 1986: № 4250] благодаря стараниям отца писателя Францискоса Миниатиса (о нем: [Τσιτσέλης 1904: 476–477]), пережившего

¹¹ В описи собрания под № 49 упоминается “Μητριάτου θεολογικὸν καὶ κατὰ Λατίνων χειρόγραφον” [Παπαδόπουλος-Κεραμεύς IV-1899: 424].

¹² Я. Пиларинос (1659–1718) с начала 1680-х гг. и до 1715 г. был врачом, а в конце жизни – также и дипломатом на венецианской службе. Приходился Миниатису земляком: он тоже происходил из г. Ликсур на Кефаллинии. Изучал юриспруденцию и медицину в Падуе. Много путешествовал: практиковал как медик на Крите, в Валахии, германских землях, а в 1690–1692 гг. также в России. С 1712 г. жил в Смирне в статусе венецианского консула; 1715–1717 гг. провел в Падуе, где завершил написание двух медицинских книг. Пиларинос считается основателем иммунологии: он первым ввел практику и описал опыт иммунизации больных оспой [Dumschat 2006: 661–662; Tucci 2007]. Подробнее о том, как использовалась принадлежавшая Пилариносу рукопись трактата Миниатиса: [Полонский, Рамазанова 2018].

сына. Затем на протяжении XVIII столетия было осуществлено еще несколько изданий этого сочинения на языке оригинала: вторым изданием в Лейпциге в 1743 г. [Legrand 1918: 311–314 (№ 309); Παπαδόπουλος 1986: № 4252]; в 1760 г. в Амстердаме [Legrand 1918: 513 (№ 556); Παπαδόπουλος 1986: № 4254] и 1783 г. в Вене [Παπαδόπουλος 1986: № 4283], а также параллельно на двух языках — греческом и латинском — в 1752 г. в Бреславле [Legrand 1918: 413–415 (№ 416); Παπαδόπουλος 1986: № 4253].

Таким образом, догматический трактат керникского епископа имел совершенно иную по сравнению с проповедями издательскую судьбу. Если проповеди печатались исключительно в венецианских издательствах Бортоли, Глики и Феодосиу, то есть в типографиях, готовивших литературу, ориентированную преимущественно на греков, живших в Венеции и других итальянских городах, а также распространявшуюся в греческих землях, то география публикаций «Камня соблазна» на греческом языке в XVIII в. была принципиально другой. Трактат выходил в свет в разных центрах западноевропейского книгопечатания, население которых относилось к различным конфессиональным сообществам. Несмотря на то, что все эти издания «Камня соблазна» были выполнены на греческом языке, книгоиздание в Лейпциге, Амстердаме, Вене и Лондоне никогда не было ориентировано только на греческих читателей. Не приходится сомневаться, что издатели в этих городах стремились предложить «Камень соблазна» на языке оригинала прежде всего образованным европейцам разных религиозных убеждений, богословам, ученым и др. Стоит отметить, что в XVIII в. историко-догматический трактат Илии Миниатиса не раз привлекал внимание католических и униатских теологов, написавших пространные критические отклики на сочинение керникского епископа (подробнее об этом: [Podskalsky 1988: 322–323]).

3. Переводы “Πέτρα σκανδάλου” Миниатиса на неславянские языки

Сочинения Илии Миниатиса на протяжении XVIII в. неоднократно издавались не только по-гречески, но и в переводах. Самым ранним переводным изданием Миниатиса стало переложение “Πέτρα σκανδάλου” на арабский язык, опубликованное в 1721 г. в Алеппо в первой на Ближнем Востоке типографии, печатавшей арабским шрифтом [Graf 1949: 81, 132]. Этот перевод, увидевший свет уже спустя три года после выхода из печати первого греческого издания, был выполнен по настоянию Константинопольского патриарха Иеремии III († 1735), по-видимому, патриархом Антиохийским Афанасием III Даббасом († 1724) и снабжен

предисловием последнего [Панченко 2002: 51]. Как можно полагать, трактат Ильи Миниатиса привлек внимание Константинопольского и Антиохийского иерархов в связи с противостоянием внутри общин сирийских христиан, когда часть духовенства и паствы склонялась к принятию уния с Римской Церковью (об этих событиях: [Панченко 2012: 436–443]).

“Πέτρα σκανδάλου” был переведен и на европейские языки. Самый ранний из этих переводов — на латинский язык — был издан, как уже упоминалось, в Бреславле в 1752 г. параллельно с греческим текстом. Перевод с греческого на латинский для этой публикации был выполнен совместно двумя выпускниками Киево-Могилянской академии: будущими статс-секретарем Екатерины II Г. В. Козицким (1724–1775) и почетным членом Академии наук Н. Н. Мотонисом (ум. 1787). Для обоих переводчиков это была первая подобная работа, которая справедливо оценивается исследователями как научно-литературная, поскольку Козицкий и Мотонис не только выполнили перевод, но и критически выверили изданный на двух языках текст и снабдили его научным аппаратом [Степанов 1999: 94; Лепехин и Осинкина 1999: 303]. Заметим, что в это издание перевода «Камня соблазна», помимо перевода пространной биографии Миниатиса, помещавшейся еще в греческих изданиях, был включен дополняющий ее краткий текст с биографическими сведениями об авторе. Этот текст был заимствован из труда Димитроса Прокопиоса Македонца (Мосхополита) — своеобразного биографического словаря греческих ученых¹³, среди которых была и биография Илии Миниатиса [*Fabricius 11-1722: 787* (№ 54)]. Впоследствии в некоторых переводных изданиях сочинений Миниатиса повторялась эта составленная Димитросом Прокопиосом краткая биографическая справка о Миниатисе, но при этом опускался пространный вариант его биографии, присутствующий в греческих изданиях.

Спустя десять лет после издания труда Козицкого и Мотониса был осуществлен новый перевод «Камня соблазна» Миниатиса на латинский язык, изданный в Лондоне [*Meniates 1762*]. На этот раз полемический трактат греческого проповедника был опубликован только на латыни, а параллельно на греческом и латинском были напечатаны лишь титульный лист и предисловие переводчика Герасима (Эразмуса) Авлонитиса, епископа из Аркадии на Крите. Он происходил с Корфу, много путешествовал и был дружен с западноевропейскими протестантами; жил в Голландии (с 1752 г.), Швеции (1768–1769), Швейцарии (1772–

¹³ Труд Димитроса Прокопиоса “Ἐπιτετμημένη ἐπαριθμησίς, τῶν κατὰ τὸν παρελθόντα αἰώνα Λογίων Γραικῶν, καὶ περὶ τινῶν ἐν τῷ νῦν αἰώνι ἀνθύνοντων” опубликован в 11 томе гамбургского издания “Bibliotheca Graeca” Иоганна Альберта Фабрициуса (1668–1736) [*Fabricius 11-1722: 769-804*].

1773), а также в Англии (1762–1764)¹⁴, где, по-видимому, договорился об издании своего труда в типографии немецкого издателя И. К. Хаберкорна (о нем: [Jefcoate 2015: 145–198]). Можно полагать, что Герасиму Авлонитису не было известно об издании латинского перевода, осуществленного ранее Козицким и Мотонисом, и он решил сам познакомить не знавшего греческого языка европейского читателя с историко-догматическим сочинением Миниатиса.

Не позднее 1768 г. был создан перевод трактата Миниатиса на итальянский язык, однако он остался в рукописном виде (подробнее см. [Podskalsky 1988: 322 (Nr. 1343)]). В 1787 г. в Вене был издан еще один перевод «Камня соблазна» — на немецкий язык [Meniates 1787]. Перевод был выполнен Якобом Кемпером, который сопроводил текст своим предисловием. В нем переводчик указал на авторитетность трактата Миниатиса и отметил несколько предшествующих греческих изданий, среди которых первым было упомянуто (очевидно, ошибочно) варшавское¹⁵, а также лейпцигское и амстердамское. Насколько можно судить по этому предисловию, Кемпер как переводчик действовал по собственной инициативе и, сочтя сочинение керникского епископа важным не столько в богословском, сколько в историческом отношении произведением, решил предложить его читателям, не сведущим в классических языках (“gelehrten Sprachen”). В предисловии Кемпер особо подчеркнул, что отраженные в трактате Миниатиса представления о воззрениях приверженцев римско-католической Церкви латинского обряда с того времени, когда был написан «Камень соблазна», несколько устарели, однако полагал, что, «возможно, мы должны быть благодарны этой книге за то, что мыслим теперь иначе, чем наши предшественники»¹⁶. При этом переводчик, издавший свой труд в католической Вене, о папской власти и ее исторической роли высказался вполне скептически¹⁷. Биография Миниатиса его явно интересовала мало: хотя Кемпер отметил, что «этот епископ пишет весьма ясно и показывает большую начитанность и

¹⁴ Подробнее о Герасиме Авлонитисе см. [Campbell 2015a; Idem 2015b], с указанием литературы.

¹⁵ По-видимому, переводчик имел в виду упомянутое выше издание, вышедшее в Бреславле (Вроцлаве) в 1752 г.

¹⁶ “Seine Beweise sind bündig, und wenn er den Römisckatholischen einige Meinungen aufbürdet, die nur jetzt in Klöstern, oder in einigen Theilen von Italien geglaubt werden, so erinnere man sich, daß diese zu der Zeit, da dieses Buch geschrieben wurde, wirklich die herrschenden Meinungen auf allen Schulen waren; und vielleicht haben wir es diesem Buche zu danken, daß wir anders als unsere Vorfahrer jetzt denken” [Meniates 1787: [4]].

¹⁷ “Jede Macht, wenn sie ihre Forderung zu hoch spannt, verliert nicht allein das, was sie fordert, sondern auch das, was ihr eigentlich zukommt; so wie die päpstliche Würde wirklich die Hochachtung, die man ihr schuldig ist, bei vielen verloren hat” [Meniates 1787: [5]].

познания в церковной истории»¹⁸, об авторе «Камня соблазна» немецкий переводчик сообщил лишь краткие сведения, представленные ранее в издании перевода Козицкого и Мотониса 1752 г. и заимствованные из вышеупомянутого труда Прокопиоса.

Таким образом, с одной стороны, вплоть до последней четверти XVIII в. историко-догматический трактат Илии Миниатиса мог восприниматься переводчиками и издателями как актуальный текст, позволяющий лучше понять негрекоязычным православным верующим смысл обрядовых различий и исторические причины разногласий между Церквами Востока и Запада, — в том числе и в условиях, когда потенциальные читатели переводов «Камня соблазна» сами оказывались свидетелями обострений межконфессиональных противостояний. С другой стороны, в глазах образованных людей, принадлежавших к разным конфессиям, ко второй половине XVIII в. «Камень соблазна» приобрел значение историко-литературного памятника и стал восприниматься как предмет для научных комментариев и критического переосмыслиния изложенных в трактате религиозных положений.

Вместе с тем, переводы сочинений Илии Миниатиса не ограничивались только упомянутыми выше языками. В частности, как показывает история славянских переводов «Камня соблазна», которую мы рассмотрим ниже, место и роль этого трактата в ходе развития духовной литературы на славянских языках оказываются весьма неординарными.

4. Русские переводы трактата Миниатиса

Начиная с 1740-х годов русская читающая публика получила возможность познакомиться с переводными произведениями Илии Миниатиса (Минятия, как его называли в России). Постепенное появление целого корпуса этих переводов — как цикла проповедей Миниатиса, так и его «Камня соблазна» — стало инициативой выдающегося переводчика Стефана Ивановича Писарева (1708?–1775; о нем: [Буш 1915: 4–9; Николаев 1999]), который не только усердно перекладывал сочинения греческого духовного писателя на русский язык, но и действительно хлопотал об их издании, сталкиваясь при этом с возражениями цензоров и противодействием Св. Синода. На протяжении десятилетий переводы Писарева распространялись в России в рукописях, прежде чем смогли пробиться к печатному станку. В последние годы значение трудов С. И. Писарева как для истории русской проповеди XVIII в., так и для истории переводной духовной литературы на русском языке получило новое освещение в работах Ю. В. Кагарлицкого, обстоятельно проанализировавшего

¹⁸ “Ueberhaupt schreibt dieser Bischof mit vieler Deutlichkeit und zeigt eine sehr große Belesenheit, und Kenntniß in der Kirchengeschichte” [Meniates 1787: [4]].

мотивацию переводчика, причины его неудач с публикацией, а также то влияние, которое осуществленный Писаревым перевод поучений Миниатиса в качестве литературного и языкового образца оказал на риторику придворного проповедника императрицы Елизаветы Гедеона Криновского (1726–1763) [Кагарлицкий 1997/98; Idem 2008; Idem 2013; Idem 2016]. Кроме того, установлено, что осуществленные Писаревым переводы проповедей Миниатиса оказывали творческое воздействие и на некоторых провинциальных русских книжников XVIII в., послужив стимулом для создания оригинальных компиляций и даже собственных силлабических стихов, прославлявших Миниатиса [Рамазанова 2013].

В 1744 гг., спустя три года после осуществления русского перевода собрания поучений Миниатиса¹⁹, Стефан Писарев переложил на русский язык и трактат “Пέτρα σκανδάλου”, получивший под его пером закрепившееся в историографии название «Камень соблазна». Вероятно, Писарев должен был пользоваться первым лейпцигским изданием 1718 г., так как второе вышло в свет всего за год до завершения перевода. Во второй половине 1760-х Писарев безуспешно добивался разрешения напечатать свой перевод, но трактат тогда получил скептический отзыв влиятельного при дворе и в Синоде архим. Платона Левшина, бывшего в то время настоятелем Троице-Сергиевой Лавры [Буш 1915: 7]. Только спустя почти 40 лет после создания русская версия трактата увидела свет в печати, причем была издана в сокращении [Минятий 1783]. На протяжении времени, предшествующего выходу в свет этого издания, «Камень соблазна» в переводе Писарева бытовал исключительно в рукописном виде. Сведения об этих списках, как сохранившихся, так и ныне утраченных, в том числе принадлежавших известным русским деятелям XVIII в., приведенные в работе [Рамазанова 2018], следует дополнить указанием на сборник, находившийся в рукописном собрании Синода — РукСин3991 и содержащий, помимо «Камня соблазна» (л. 5–63), также «Каталог или летоописание из бытности архиереев российских» (л. 64–164).

Отдельные списки осуществленного Писаревым русского перевода «Камня соблазна» позволяют уточнить такие обстоятельства создания Илией Миниатисом оригинала историко-догматического трактата, которые не передают ни известные нам греческие рукописи, ни печатные издания. Так, в списке [Tux406, л. 9] в начале перевода «Книги первой о Игнатии и Фотии, константинопольских патриархах» после этого подзаголовка переводчик приводит еще одно пояснение автора: «Sie

---

¹⁹ О лингвистической характеристике этого перевода: [Кагарлицкий 2016: 303–307]. Сведения о рукописях проповедей Миниатиса (Минятия) в переводе Писарева см. [Рамазанова 2018].

предисловіе написано к стольнику волоского господаря, которои извѣстится о разлученіи обоих церкви желалъ²⁰. Это указание можно считать датирующим признаком, косвенно связанным со временем написания греческого оригинала “Пέτρα σκαυδάλου”: вероятно, работа Миниатиса над трактатом была начата во время пребывания автора на дипломатической службе в Константинополе, где, как мы полагаем, в сентябре 1703 – январе 1704 г. происходили его контакты с Фомой Кантакузино – «великим служером» и доверенным человеком владыки Валахии Константина Брынковяну (1654–1714), выполнявшим в то время в Константинополе секретные политические поручения валашского господаря [Цвиркун 2010: 31–33]. Видимо, Фома Кантакузино и фигурирует в пояснении Писарева как анонимный «стольник».

Отметим, что во второй половине XVIII в., в 1759 г., в России был сделан еще один перевод «Камня соблазна», сохранившийся в единственной выявленной в настоящее время рукописи СОР1757. Автором перевода, судя по сведениям на титульном листе, был монах Герман Лушковский, озаглавивший свой перевод как «Камень претыкания». Однако, судя по отсутствию других списков и умолчанию о Германе Лушковском в историографии русской духовной литературы, этот перевод не стал так популярен, как труд Стефана Писарева.

Распространение рукописей перевода Стефана Писарева не ограничилось только пределами России, этот перевод проник и на Балканы. Вероятно, уже в XVIII в. на Афоне оказался кодекс «Камня соблазна», который в настоящее время хранится в библиотеке Великой Лавры св. Афанасия под шифром Z 14 (краткое описание: [Турилов, Мошкова 2016: 160 (№ 270)]; более подробное описание с приведением снимка, позволившее нам атрибутировать перевод С. Писареву: [Matejic, Bogdanovic 1989: 141–143]). Вместе с тем, также в балканских землях, а именно на территории Сербии, в XVIII в. были созданы оставшиеся в рукописях и не зависимые ни от русских переводов Стефана Писарева и Германа Лушковского, ни друг от друга оригинальные переложения “Пέτρα σκαυδάλου”, которые будут предметом нашего дальнейшего рассмотрения.

5. Первый сербский перевод «Камня соблазна»: труд Иоанна Младеновича

Первый перевод на язык, который в истории сербского языкоznания принято называть русскославянским (см., например, [Ивић, Младеновић

²⁰ Можно предположить, что эта фраза присутствует в первом издании “Пέτρα σκαυδάλου” (1718 г.), который нам не удалось исследовать, поскольку на настоящий момент нет никаких сведений о местонахождении хотя бы одного экземпляра этого издания. В более поздних греческих изданиях трактата эта фраза отсутствует.

1986; Ивић 2014: 120–129], ср. также [Гудков 1981])²¹, был осуществлен в Петроварадинском Шанце (ныне Нови Сад) Иоанном Младеновичем (1721–1781) под заглавием «Краткое сочинение против разделения рим-[Л]янов» в 1741 г. Таким образом, перевод Младеновича был выполнен всего несколькими годами ранее перевода, созданного в России Стефаном Писаревым, причем переводчики явно не знали друг о друге. Перевод Иоанна Младеновича известен нам в настоящее время в двух списках *БМС26* и *БМС137*, о которых речь пойдет ниже. Однако прежде обратимся к неординарной фигуре переводчика, чей жизненный путь и труды оказывается возможным охарактеризовать, только связав «сербский» и «русский» этапы его биографии²².

Иоанн (Йован, в монашестве Софроний) Младенович, чья жизнь оказалась связанной не только с Балканами, но и с Россией, родился, предположительно, в 1721 г. в Новом Саде (в то время Петроварадинском Шанце). Учился, по собственным свидетельствам, в греческой школе в Белграде²³. После захвата османскими войсками Белграда в 1739 г. и падения созданного администрацией Габсбургов Королевства Сербия²⁴ Младенович вернулся в родной город, остававшийся под властью австрийцев, и продолжил там образование в Духовном колледжиуме [Маринковић 2008: 198], основанном епископом Бачским и Карловицким Виссарионом Павловичем (возглавлял епархию в 1731–†1756 гг., о нем: [Сава 1996: 87–88]). Там же Иоанн впоследствии и сам преподавал греческий

²¹ Н. И. Толстой, однако, писал не о «русскославянском языке», но о «русскославянской» языковой норме [Толстой 2004: 159]. Ученый также отмечал, что в период, определяемый условными хронологическими рамками с 1690 по 1740 г. (согласно классификации Б. О. Унберауна), «сербская литература носила еще характер «письменности», не предназначавшейся широкому читателю, сохранявшей во многом традиции феодального периода, и лишь немногочисленные писатели из духовной (монашеской) среды в своих единичных оригинальных и компилиативных сочинениях, дошедших до нас в уникальных автографах, отражали барочные тенденции православной полуконфессиональной литературы начала XVIII в.», тогда как для периода 1740–1780 гг., по Толстому, характерно «светское барокко, уже более западной окраски, вперемежку с французским классицизмом, воспринимаемым в основном через русское посредство или русскими “глазами”...» [Толстой 1998: 244–245] (ср. также замечания о взорврении Н. И. Толстого: [Кайперт 2017: 42–43]). Несмотря на то, что перевод Младеновича хронологически относится к 1741 г. и формально может быть отнесен ко второму периоду, он, как будет ясно из дальнейшего, представляет собой литературный труд первого из названных типов.

²² Основными пособиями, позволяющими реконструировать и дополнить биографию Младеновича, для нас послужили работы [Ковачевич Б. 1970; Маринковић 2008: 197–203; Андреев 1912].

²³ К сожалению, нет ясности в том, в какие именно годы это происходило и кто были учителя Младеновича. О преподавании греческого языка в сербских землях в XVIII в. известно немного. Отдельные упоминания и эпизоды: [Борђевић 1896: 90, 98–100; Грујић 1908: 25–30 (то же: [Idem 2013: 46–50]); Јовичин 2013: 217–241; Нинковић 2012: 244–245].

²⁴ Об этих событиях подробно см. [Тричковић 2013: 439–443], об их последствиях для сербской Церкви см., например [Кашић 1960: 16–22].

язык и литературу. В одном из списков перевода трактата Илии Миниатиса, датированном 1741 г., Младенович называет себя греческим магистром Петроварадинской школы [БМС137, л. 1], следовательно, к этому времени он уже преподавал в Духовном коллегиуме греческий язык.

В 1742 г. Младенович был рукоположен еп. Виссарионом в священники церкви св. Георгия в Петроварадинском Шанце. В 1745 г. по повелению патриарха Печского Арсения IV Йовановича-Шакабенты (возглавлял сербскую Церковь в 1725–1748 г., о нем: [Сава 1996: 33–34]), Младенович перевел с греческого языка «Уставленія С(в)ятыхъ Ап(о)с(то)ль чрез Климента римскаго еп(и)ск(о)па же и гражданина. Соборное ученіе Осмію книгами»²⁵. К концу 1740-х гг. относится сотрудничество Иоанна со знаменитым сербским гравером и издателем Христофором Жефаровичем, для чьей книги “Прοσκυνητάριον τῆς ἀγίας πόλεως Τερουσαλήμ” («Описание Св. Града Иерусалима»), вышедшей первым греческим изданием в Вене в 1749 г.²⁶, Младенович составил две стихотворные эпиграммы на греческом языке, посвященные соответственно Иерусалимскому патриарху Парфению и архимандриту Св. Гроба Симеону²⁷. Спустя несколько лет, в 1751 г., Младенович и сам предпринял путешествие в Святую Землю, о чем известно из сохранившихся свидетельств в дневнике хорватского иезуита Ивана Марии (Иво) Матияшевича (Gian Maria Mattei, 1714–1791), введенного в научный оборот М. Деановичем [Deanović 1952]. Матияшевич был составителем первого трехязычного итальяно-хорватско-русского лексикона, в работе над которым в 1751 г. ему помогал Младенович [Deanović 1951]²⁸.

В 1757 г. овдовевший Иоанн Младенович принял монашеский постриг под именем Софрония в монастыре Раковац на Фрушской горе, незадолго перед тем отстроенным заново после сожжения турками-османами (об этой обители и ее истории: [Кулић 1999]). Однако уже два года спустя, в 1759 г., он покинул родину и прибыл сначала в Киев, а

²⁵ Рукопись этого перевода сохранилась в составе конволюта БМС37. Описание: [Грбић, Станковић 2014: 86–101].

²⁶ Описания греческого издания: [Legrand 1918: 370–371 (№ 376); Παπαδόπουλος 1986: 376 (№ 5025)], см. также [Маринковић 2008: 201]. Этому греческому изданию предшествовало появление славянского (Вена, 1748), но в нем греческих эпиграмм Младеновича нет. О славянском издании см. исследование, сопровожденное reprintным воспроизведением книги: [Давидов 1973], о ее значении в русской традиции XVIII–XIX в.: [Хромов, Топурия 1996].

²⁷ Как отмечает Н. Ристович, «То је први и последњи познати случај да је један Србин писао стихове на грчком језику» [Ристовић 2011: 13].

²⁸ Полное название лексикона: “Dizionario Italiano-Slavo-Moscovitico raccolto l’anno 1751 nel venire a Ragusa coll’ajuto di Giovanni Mladinovich”. Отметим, что Матияшевич называл свой язык не хорватским, но «славянским» (linguaggio slavo, schiavone), а также «иллирийским» (lingua illirica), отличая его от того, на котором говорил Младенович (Slovenskii dialekt) [Deanović 1951: 576–577], ср. также [Fine 2006: 306–307]. О биографии и трудах Матияшевича вкратце: [Павић 1983: 202; Бојовић 2015: 453–454], подробно: [Луцић 1992].

затем, в 1760 г. — в Петербург. Первоначально Софроний Младенович попытался поступить на службу в Коллегию иностранных дел²⁹, а затем, когда это не удалось, обратился с прошением в Синод [Андреев 1912: 10]. Поначалу он был определен учителем греческого языка в Московскую Славяно-греко-латинскую академию, но эту должность не получил и был переведен в состав служащих Московской Синодальной типографии для перевода греческих книг. Пробным заданием для него стал перевод поучений Василия Великого, который он выполнял с ноября 1760 г. по ноябрь 1763 г., а по завершении представил в Синодальную контору [Андреев 1912: 20] свой перевод в количестве 239 тетрадей и получил за этот труд прибавку к жалованью [ПСПР 1762/72, № 173: 208–209; Гусева 2010: 1071–1072]³⁰. Затем в связи с предпринятой Синодом подготовкой нового издания Кормчей Софронию было поручено вместе с архимандритом Иосифо-Волоколамского монастыря Варламом перевести и сверить с греческими списками Пандекты [ПСПР 1762/72, № 310: 361; Гусева 2010: 1076–1077], а также ряд других четырех и богослужебных книг [ПСПР 1762/72, № 547: 650–652; Гусева 2010: 1086–1087] (см. также [Сове 1970: 32–33]). Эта работа осуществлялась в 1766–1769 гг. в Санкт-Петербурге и Москве. В 1770 г. Софронию был поручен еще один переводческий труд — переложение с греческого на славянский тех поучений Иоанна Златоуста, которые прежде оставались непереведенными. При этом Синод особо оговорил, что переводить следует «не высоким славянским и не нижним простым, но самым чистым российским штилем» [Андреев 1912: 27], а в качестве образца переводчику предписывалось ориентироваться на язык перевода «Бесед на книгу Бытия» Златоуста, изданных в 1766 г.³¹ «Беседы о покаянии...» Иоанна Златоуста в переводе Софрония Младеновича были опубликованы спустя два года [Златоуст 1772] (описание издания: [Гусева 2010: 130 (№ 399); о переиздании 1779 г.: [Eadem: 130 (№ 400)])]. В 1770-е гг. жизнь Младеновича изменилась: он получил место игумена московского Знаменского монастыря, но уже в 1776 г. был уволен на покой в полтавский Крестовоздвиженский монастырь, где и скончался 25 августа 1781 г. [Андреев 1912: 28–31].

²⁹ Примечательно, что Софроний Младенович пытался устроиться в Коллегию иностранных дел в год, который был переломным в чиновной карьере служившего там с 1731 г. Стефана Писарева: как раз в 1760 г. последний перешел из Сената на должность обер-секретаря Синода, которую оставил спустя три года [Николаев 1999: 437]. Нам пока неизвестно, пересекались ли пути Младеновича и Писарева.

³⁰ Рукописи поучений Василия Великого в переводе Софрония Младеновича сохранились в списках XVIII в.; некоторые из них, предположительно, содержат его правку: РГБ. ОР, ф. 173. IV. № 188, 190–193, 195.

³¹ Относительно атрибуции этого перевода Платону Левшину либо Авраамию Флоринскому в исследовательской литературе имеются расхождения: [Андреев 1912: 27], ср. [Гусева 2010: 124 (№ 391)].

Таким образом, созданное в 1741 г. в Петроварадинском Шанце переложение историко-догматического трактата Илии Миниатиса стало одним из первых опытов 20-летнего тогда Младеновича в области переводов духовной литературы с греческого языка, которые он спустя десятилетия продолжил в России уже на профессиональном поприще.

Два выявленных к настоящему времени списка осуществленного Иоанном Младеновичем перевода “Πέτρα σκανδάλου” на русскославянский язык, БМС26 и БМС137, хранящихся ныне в Отделе рукописей и редких книг Библиотеки Матицы Сербской в г. Нови Сад, дошли до нас в разной степени сохранности³². Оба списка — чистовые, писаны скорописью, почти одинаково оформлены и украшены киноварными инициалами; также в обоих киноварью выделены названия глав и ссылки на книги Священного Писания и отцов Церкви. Кроме того, в списке БМС26 помещена плетеная двуцветная заставка, предваряющая основной текст. Финальная часть текста в обоих списках помещена в однотипную фигурную рамку.

Оба списка не содержат точного перевода названия трактата Миниатиса и озаглавлены «Краткое сочинение против латинов». Сведения, приводимые на титульных листах двух списков, несколько различаются. Содержательные отличия в рукописях показаны в нижеследующей таблице (выделение полужирным шрифтом наше):

БМС26

(тит. л.):

Иліі Миніатова Премудрейшагв еп(и)-ск(о)па Кирніки и Калаврітов Краткое сочиненіе противъ раздѣленія римяновъ, Первее издато греческим діалектомъ, а н(ы)нѣ множаишімъ тщательнимъ трудомъ Iwanна Младеновича иже ѿ Бѣлграда съ греческагв на славенскій діалектъ преведено и приложено Препреч(вя)щенїйшему и словеснїйшему г(о)с(по)д(и)ну г(о)с(по)д(и)ну Висаріону Павловичу С(вя)тыя Хр(и)стовыя соборныя и ап(о)с(то)лскія ц(е)ркви восточныя Православному еп(и)ск(о)пу Бачкому, Сегединскому и Егарскому. В Шанцѣ петроварадинскомъ 1741 лѣта.

БМС137

(тит. л.):

Иліі Миніатова Премудрейшагв еп(и)-ск(о)па Кирніки и Калаврітов Краткое сочиненіе противъ раздѣленія римяновъ. Первее издато греческимъ діалектомъ, а н(ы)нѣ множаишімъ тщаніемъ и трудомъ Iwanна Младеновича **Петроварадинскія шк(олы) греческія магистера** съ греческагв на славенскій діалектъ преведено, и приложено препреч(вя)щенїйшему г(о)с(по)д(и)ну г(о)с(по)д(и)ну Висаріону Павловичу православному епіс(ко)пу Бачкому, сегединскому и егрскому. От онуду же **иждивеніемъ Гаврила Рафаиловича** здѣ преписася по употребленіе егв. В шанцѣ петроварадинскомъ 1741 лѣта.

³² Сохранность первого списка БМС26 (20,5x16,0 см; 68 л.) хорошая; второй же — БМС137 (20,2x15,4 см; 61 л.) — сильно поврежден, края бумаги тетрадного блока разрушены, из-за чего часть текста утрачена.

(тит. л. об.):

Ѡ онуду же изволеніемъ и иждивеніемъ
преч(е)стнешагѡ и бл(а)гоговѣйнѣй-
шагѡ г(о)с(по)д(и)на г(о)с(по)д(и)на
Рафаила Милорадоевича [М(и).л(о)стю
Б(о)жїю г(о)с(по)д(и)на въ пред-
титулиратога Бачкагѡ еп(и)ск(о)па]
еѢзарха достойнѣйшагѡ здѣ прописася во
употребленіе егѡ: **собственою рукою**
преводчика и егѡ преч(е)стности по
Д(у)ху с(ы)на и усердна служителя
Іѡанна Младеновича во вѣчное вещи, и
егѡ послушанія памятованіе въ Шанцѣ
Петроварадинскомъ 1741 лѣта м(е)-
с(я)ца аугуста дня 20гѡ

Как видим, различия на титульных листах двух списков относятся к сведениям о переводе и заказчиках кодексов. В списке *БМС137* Иоанн Младенович упоминается как магистр Петроварадинской школы (т. е. основанной еп. Виссарионом Павловичем Духовной коллегии), а также сообщается о создании списка иждивением Гавриила Рафаиловича. По сравнению со списком *БМС137* список *БМС26* содержит дополнительную приписку на обороте титульного листа, сообщающую о другом заказчике, Рафаиле Милорадовиче, а также точной датировке рукописи *БМС26*.

Приведенный текст на обороте титульного листа списка *БМС26* не оставляет сомнений в том, что эта рукопись представляет собой автограф переводчика Иоанна Младеновича, а датировка 20 августа 1741 г. позволяет заключить, что к этому времени перевод уже был создан.

Упомянутый на обороте титульного листа списка *БМС26* Рафаил Милорадович (ум. 1758), при чьей поддержке была создана рукопись, был влиятельным членом сербской общины в Петроварадинском Шанце, состоял при еп. Виссарионе в должности экзарха, т. е. лица, которому иерарх мог передавать часть своих административных полномочий (о нем: [Станојевић 2000: 123–124]). Список *БМС137*, как свидетельствует запись на титульном листе, выполнен на средства другого представителя рода Милорадовичей, сына Рафаила Гавриила (ум. ок. 1763 г.), служившего в Петроварадинском магистрате, а во второй половине 1750-х гг. бывшего инспектором городских школ [Станојевић 2000: 124–125]. Упоминание имени Гавриила Милорадовича встречается и в кодексе *БМС26*, где на форзацном листе темно-коричневыми чернилами выполнена запись: “Gabriel Milloradovicz praefectus minoris Congregationis”. Таким образом, оба кодекса связаны с именами представителей одной семьи.

Если рукопись *БМС26*, по-видимому, так и осталась в обладании петроварадинской ветви рода Милорадовичей, то список *БМС137*, судя по владельцеским записям в нем, впоследствии стал собственностью священнослужителя из Сегеда Арсения Живковича. Об этом свидетельствуют две записи: первая из них – частично сохранившаяся запись-скрепа по нижнему полю на л. 1–4: «Сia книга / изъ книгъ прото[презвитера] / Сегединского / Арсенія Жив[ковича]»; вторая запись помещена на вложенном в рукопись отдельном листе (первые слова утрачены): «... иждивенемъ г(о)с(по)д(и)на г(о)с(по)д(и)на Арсенія Живковича ч(е)-стнѣйша проптопрозвутера Сегединскаго здѣ преписася во употребление». Судя по тексту второй записи, кодекс *БМС137* не только со временем оказался в руках Живковича³³, но и, вероятно, послужил источником для создания третьего, неизвестного нам списка. Следует отметить, что сегединский священнослужитель, получивший в обладание рукопись *БМС137* на раннем этапе своей духовной карьеры, впоследствии стал видным деятелем сербской православной Церкви: приняв в 1755 г. монашество под именем Анастасия, он с 1770 г. возглавлял епархию в Пакраце, а за год до кончины († 1782) был поставлен епископом Бачским (о нем: [Сава 1996: 42–43]).

В обоих списках указано имя епископа Виссариона Павловича, которому Иоанн Младенович поднес свой переводческий труд. При этом в рукописи *БМС26* епископ упоминается не только на титульном листе: также ему составлено посвящение от имени Иоанна Младеновича, помещенное на отдельных листах (л. 2–Зоб.). Здесь переводчик сообщал, что он постарался «...претолковати сїе противъ латіновъ сложеніе Хр(и)-стовой восточнай ц(е)ркви», поскольку, по его словам, вынужденная жизнь сербов под властью Габсбургов не означает, что православные должны разделить религиозные убеждения заблуждающихся католиков («мы хр(и)стоимениті людіе, аще и в мирское сохраненіе б(о)гомъ римской держави дати есмы, но не д(у)ховному покореню ц(е)ркви якѡ Ѣлученой Ш з[д]раваго телесе [...]»); и, согласно «древнему обычаю», по которому «новобываемыя книги прилагаются нѣкимъ превосходнѣ достоинымъ персонамъ якѡ дари новоявляемия», Младенович решил свой труд «принести и подклонити [...] защитнику и возбранику непобориму православнїя и непорочнїя соборнїя восточнїя и ап(о)с(то)лскїя ц(е)ркви» (т. е. еп. Виссариону), чтобы «она бы [книга] якѡ от властителнаго лица на свѣт изшла» (л. 3, конъектура переводчика). Завершают посвящение слова о том, что переводчик «дерзнухъ приложити смиренъ сїю

³³ Арсению Живковичу также принадлежал упоминавшийся выше кодекс *БМС37*, содержащий другую переводческую работу Иоанна Младеновича. По нижнему полю начальных листов этой рукописи выполнена запись: «Из книги / проптопрозвутера / Сегединскаго / Арсенія Живковича».

книжицу якѡ въ наших пределѡвъ потребную» (л. Зоб.). Присутствие этого посвящения только в одном из сохранившихся двух списков перевода Младеновича позволяет предположить, что рукопись БМС26 более ранняя и является подносным списком.

Таким образом, наблюдения над двумя списками позволяют заключить следующее. По составу оба списка перевода Младеновича идентичны и представляют собой перевод только второй книги “Пέτρα σκαυδάλου”. В заглавиях обоих списков упоминается о греческом печатном издании. По-видимому, Иоанн Младенович пользовался греческим текстом, опубликованным в Лейпциге в 1718 г. Как можно полагать, события византийской истории, излагавшиеся в первой книге трактата Миниатиса, не интересовали ни переводчика, ни его покровителей, и первую книгу “Пέτρα σκαυδάλου” Младенович не переводил, уделив внимание только догматической части сочинения Илии Миниатиса. Кроме того, не вызвала интереса переводчика и биография автора трактата, полностью опущенная Младеновичем в обоих списках. Как видно из списка БМС26, фактически Иоанн Младенович заменил биографию Миниатиса текстом посвящения Виссариону Павловичу, тем самым связав свой труд не с именем греческого писателя, но с авторитетом сербского церковного иерарха и покровителя школы, в которой сам преподавал. Вероятно, по мысли переводчика, такая редакция по сравнению с оригиналом должна была сделать сербскую (русскославянскую) версию трактата Миниатиса более значимой и доходчивой для потенциального читателя.

6. Второй сербский перевод «Камня соблазна»: труд Викентия Ракича

Второй известный нам перевод был выполнен в 1798 г. в монастыре Фенек на Фрушской горе в Среме еще одним видным сербским книжником и духовным писателем рубежа XVIII–XIX вв. — Викентием (до пострижения в монашество Василием) Ракичем (1750–1818). Нам известны два сохранившихся списка осуществленного Ракичем перевода: САНУ184 и БСП61, особенности которых рассматриваются далее.

Василий Ракич родился в небольшом городке близ Белграда — Земуне. Там он провел первый период своей жизни до пострижения в монашество, там же в 1757–1765 гг. учился в сербско-греческой школе [Павловић 1935а: 10–11]. После этого занимался торговлей, состоял в деловых отношениях с греческими коммерсантами; бывал по торговым делам в Тимишоаре, где выучил румынский язык, и три года прожил в Триесте, где выучил также итальянский. Ракич был женат, в браке он потерял двух умерших во младенчестве дочерей, но выжил его сын

Константин, ставший в начале XIX в. священником [Ibid.: 11–12]. В торговых делах Василию Ракичу не везло, и, овдовев в возрасте 35 лет, он ушел в монастырь Фенек, где 9 апреля 1786 г. принял монашеский постриг под именем Викентия; осуществил таинство игумен монастыря Софоний Стефанович [Милићевић 1888: 625]. Однако вскоре активность Ракича в качестве проповедника стала причиной конфликта с игуменом, осложнились и его отношения с братией [Павловић 1935а: 12–14]. Во время австро-турецкой войны 1788–1791 гг. Ракич был мобилизован австро-турецкими военными властями и служил капелланом, после чего вернулся в обитель [Скерлић 1921: 114; Павловић 1935а: 15]. 9 января 1796 г. он был поставлен в игумены монастыря Фенек, однако позднее, как считается, из-за конфликта с братией понижен в статусе до проигумена [Милићевић 1888: 625]. Отметим, что место игумена Ракич занимал, по крайней мере, до января 1798 г.: в двух списках перевода трактата Миниатиса, датированных соответственно декабрем 1797 и январем 1798 г., Ракич упомянут именно в этом статусе. Пребывание Викентия в должности проигумена явно было недолгим, потому что уже 17 февраля 1798 г. по решению Карловацкого митрополита Стефана Стратимировича (возглавлял митрополию в 1790 –†1836 гг.; о нем: [Сава 1996: 469–472]), покровительствовавшего Ракичу, он был направлен в итальянские владения Габсбургов и служил священником в сербской церкви св. Спиридона в Триесте [Павловић 1935а: 15]. Там Викентий Ракич жил до 1810 г. Затем по призыву своего приятеля, знаменитого сербского просветителя Доситея Обрадовича, Ракич вернулся в Белград, чтобы возглавить новосозданную богословскую школу. Там он учителяствовал [Скерлић 1921: 114; Idem 1923: 257; Павловић 1935а: 17–19], а также выступал с проповедями в Земуне (это, между прочим, в 1811 г. стало поводом для доноса местного чиновника о том, что Ракич публично говорил «многи бљудословне речи [...] јавно против Двора Австријског» [Гавриловић 1969: 153]). После подавления османами Первого Сербского восстания осенью 1813 г. вернулся в монастырь Фенек, где жил на положении «первого старца» [Гавриловић 1969: 155] и упокоился 29 марта 1818 г.³⁴

Считается, что, помимо греческого, румынского и итальянского, Ракич самостоятельно выучил русский язык [Скерлић 1921: 114] и даже служил на греческом и русском [Милићевић 1888: 625]. Он писал проповеди и другие оригинальные духовные сочинения, а также много и усердно занимался переводческой деятельностью [Павловић 1936]. По мнению Н. Ристовича, для Викентия Ракича как литератора характерно

³⁴ Подробнее библиографию о жизненном пути и трудах В. Ракича см.: [Карталовић, Иваз 2000: 14–15].

следование по пути греческого просвещения «византийского типа» [Ристовић 2011: 28]. Часть сочинений Ракича была издана еще при его жизни в типографиях Венеции, Буды и других городов³⁵. Период пребывания в Триесте оказался наиболее плодотворным для него как писателя: на эти годы приходится публикация ряда трудов Ракича, в том числе написанной им истории монастыря Фенек [ИФ 1799]. Как отмечал М. Н. Сперанский, Ракич писал и вирши, схожие по языку и стилю с украинскими («обычная силлабическая форма, рифма, почти полное отсутствие сербизмов»), причем перелагал «такими виршами жития Евстафия Плакиды, св. Спиридона, Иосифа Прекрасного, Василия Великого, Алексея божьего человека, Стефана Первовенчанного и др.; эти произведения печатаются начиная с конца XVIII в. и перепечатываются после смерти их автора вплоть до середины XIX в.» [Сперанский 1963: 412]³⁶. Среди переводов Викентия Ракича значатся, в частности, «Цвет добродетели», «Чудеса Пресвятой Богородицы» и др.

Нами выявлено два выполненных скорописью списка «Камня облазна» Илии Миниатиса в переводе Викентия Ракича. Первый список — САНУ184 — находится в Архиве Сербской Академии наук и искусств³⁷, второй — БСП61 — хранится в Библиотеке Сербской Патриархии в Белграде³⁸. Как отмечено выше, списки имеют разные датировки, между которыми пролегает один месяц: первый список датирован декабрем 1797 г., второй — январем 1798 г.

Заглавия двух списков несколько отличаются, что можно наблюдать из сопоставления в нижеследующей таблице. Из заглавия ясно, что в основу перевода был положен греческий текст венского издания 1783 г., который также приводится ниже.

³⁵ Список сочинений и переводов Ракича приводится в работе [Милићевић 1888: 626]; уточненный перечень его печатных трудов насчитывает 38 изданий с 1798 по 1910 г., из которых 22, включая переиздания, относятся к прижизненным [Карталовић, Иваз 2000: 9–14].

³⁶ Ср. также замечания о стихотворениях В. Ракича: [Павловић 1935b: 361–370; Павић 1983: 488–490].

³⁷ Список САНУ184 (56 л.; 24,1×20,0 см) — плохой сохранности, отсутствует переплет и оторвана обложка; текст помещен в карандашную рамку; рукопись состоит из семи тетрадей-кватернионов, сигнатуры тетрадей проставлены славянской буквенной цифрию в центре нижнего поля первого листа каждой тетради. Краткое описание (без отмеченных здесь кодикологических особенностей): [Стојановић 1901: 224 (№ 221)].

³⁸ Рукопись БСП61 (38 л.; 37,4×4×23,7 см) состоит из пяти тетрадей, преимущественно кватернионов, за исключением первой (7 л.) и пятой (3 л.). Сигнатуры на тетрадях проставлены славянской буквенной цифрию в центре нижнего поля первого листа тетради, той же рукой, что и основной текст. Кодекс помещен в составной переплет XIX в. на картоне. Инвентарное описание кодекса: [Недељковић 2012: 37].

Μηνιάτης 1783

Πέτρα Σκανδάλου, ἡτοὶ Διασάφησις τῆς ἀρχῆς καὶ τῶν ἀληθῶν αἰτιῶν τοῦ Σχίσματος, καὶ διχονιῶν τῶν Δύο Ἐκκλησιῶν Ἀνατολικῆς καὶ Δυτικῆς. Μετὰ τῶν πέντε διαφωνουσῶν κυρίων διαφορῶν συντεθῆσα παρὰ τοῦ ποτὲ θεοφιλεστάτου Κερνίκης καὶ Καλαβρίτων ἐν Πελοπονήσῳ Ἐπισκόπου Ἡλίου Μηνιάτη τοῦ Καφαληνέως τύποις ἐκδοθεῖσα διὰ δαπάνης, καὶ ἐπιμελείας Πολυζώη Λαμπανιτζιώτη τοῦ ἐξ Ιωάννινων. Ἐν Βιένη, 1783, Παρὰ Ιωσὴφ τῷ Γερολδίῳ.

САНУ184 (тит. л. – тит. л.об.)

Камень претыканія³⁹. Или соблазна в началѣ и извѣстных причинах, раздора и несогласія обоих ц(е)ркви Восточныя и Западныя. С пяти раздоровъ и разностей изложенное бывшымъ иногда еп(и)ск(о)помъ Б(о)гохранимыя епархіи Керника въ Пелопонизѣ (Мориѣ) Иллею Минніатомъ Кефалонитомъ, издадеся же на типъ иждивеніем и настоящіемъ Полизоа Лампаницита изъ Иоаннини. В Віенѣ 1783 при Iosephѣ Geroldѣ

БСП61 (тит. л.)

Камень соблазна или изяс-нения, о начале и известных причинах Раздора, и несо-гласия обоих ц(е)ркви Восточныя и Западныя с пяти несогласующихся истинных разностей раз-дора, сочиненное иногда бывшымъ еп(и)ск(о)помъ Б(о)гохранимыя епархии Керника в Пелопонисе [Мории] Илиею Миннатомъ кефалонитомъ. Издадеся же на типъ иждивением и настоящіем Полизоа лам-паницита из Иоаннини в Виене 1783.

Преведеся долу подпи-татъ съ греческаго на слав-янский язык бл(а)госло-вением их експеленции православнаго архиеп(и)-ск(о)па и митрополита Г.Г. Стефана от Страти-мирович, юже книжицу и посвящаю вашей експелен-ции милостивейшему архи-пастирю и благодею моему. В монастыре Фенекъ, дне 30, ианнуаріа 1798. Покорнейший рабъ Викентий Ракич игумен

Тит. л. об.:

Μεταφραστείσα ἐκ τῆς ρομαι-κής εἰς τὴν σλαβονηγήν γλώσ-σαν, παρὰ ἡγούμενου τῆς ἀγίας Μόνης Φενέκη Βικέντιου Ράχη-τζ ἐξ Ζέμουνα. μὲν δεκεμβρίου 1797

Из приведенного в таблице сопоставления заголовков переводного трактата Илии Миниатиса видно, что более ранний список *САНУ184* отражает колебания переводчика в отношении выбора адекватного славянского варианта названия сочинения керникского епископа. Поначалу Викентий Ракич выбрал вариант названия, фразеологически точно повторяющего стихи (1 Пет 2:7) (*Βαλъ оғев честь вѣрѹющымъ, а противиѹщымъ камень, егѡже нѣбрегоша չиждѹїи, сей бысть во главѣ*

³⁹ Еще раз отметим, что под таким же названием «Камень претыкания...» сохранился восточнославянский перевод XVIII в., выполненный монахом Германом Лушковским в 1759 г. (COP1757).

оугла, и камень претыканїа и камень соблазна...) и (Рим 9:33) (**И**лко же
есть писано: се полагаю въ Сиѡнѣ **камень претыканїа, и камень соблазна:**
и всакъ вѣрхлй вонь, не постыдитсѧ) в редакции первого издания Ели-
заветинской Библии 1751 г. [Гусева 2010: 42–45 (№ 105)] и датируемого
тем же годом московского издания Нового Завета [Eadem: 260–261
(№ 920)]; именно так эти стихи 1-го Послания ап. Петра и Послания
ап. Павла к Римлянам передает и подготовленное сербскими типографиями
венское издание Деяний св. Апостолов 1795 г., которое могло
быть известно Ракичу [ДА 1795: 53, [94]].

Однако, как следует из заголовка в чистовом списке *БСП61*, Ракич все же отказался от слова «претыкание» и остановился на варианте «Камень соблазна или изяснения...». Это решение не может не вызывать закономерного вопроса о том, не располагал ли сербский переводчик в конце 1790-х гг. рукописной либо печатной копией созданного в России в 1740-е гг. перевода Стефана Писарева, в чьей версии полное название трактата довольно схоже: «Изъяснение начала и причины схизмы или раскола Западной Церкви с Восточною. Камень соблазна с пятию несогласующимися разностями» (например, список [Тих406, л. 8]). К этому вопросу мы вернемся несколько ниже, пока же обратим внимание на то, что на титульном листе чистового списка *БСП61* сообщается о благословении труда переводчика Карловацким митрополитом Стефаном Стратимировичем. Соотношение между датировками списков в совокупности с тем, что более поздняя рукопись *БСП61* свидетельствует о благословении первоиерарха сербской Церкви и посвящении ему переводного трактата, позволяет предположить, что изначально работа над переводом была личной инициативой Викентия Ракича, затем же, по-видимому, он представил свой труд Стефану Стратимировичу, получив одобрение карловацкого владыки⁴⁰. Кроме того, содержание титульного листа списка *БСП61* расширено за счет включения переведенных с греческого языка сведений о создателе переведения сочинения Миниатиса, которые в списке *САНУ184* помещены по-гречески на обороте титульного листа.

Списки имеют различную организацию писчего пространства: *САНУ184* написан в один столбец и текст ограничен карандашной рамкой, *БСП61* выполнен в два столбца. Палеографический анализ почерков двух списков показывает, что оба списка написаны одним писцом, которым, по всей видимости, был сам создатель перевода Викентий Ракич. Атрибуция почерка Ракичу также подтверждается тем обстоятельством, что список *САНУ184* содержит многообразную редакторскую правку, выполненную той же рукой, что и основной почерк обоих списков.

⁴⁰ Напротив, Д. Павлович полагал вероятным, что перевод был осуществлен по инициативе Стефана Стратимировича [Павловић 1935б: 360–361].

Сопоставление отдельных фрагментов текста в списках САНУ184 и БСП61 позволяет сделать некоторые первичные наблюдения в отношении работы Ракича и проследить этапы его переводческого труда.

Так, в отдельных случаях Ракич прибегал к заимствованиям и славянским калькам греческих слов, а его пометы в рукописях отражают неуверенность переводчика в адекватности выбранных им вариантов⁴¹:

<p><i>Μηνιάτης 1783: [12]</i> (Βίος ἐν συνόψει)</p> <p>...ὅς ἔξοχώτατος αὐθέντης Προβλεπτής Γενεράλης Ἀντώνιος Μολίνος, διὰ νὰ μαθητεύσῃ τοὺς ἀνεψιούς του...</p>	<p><i>САНУ184 (л. 2):</i> Житие в' кратце</p> <p>...Изящнѣйшим г(о)с(по)- дином генералом Антонием Молинъ, ради его анефіевъ. (Рядом на поле написано: сыновцев)</p>	<p><i>БСП61 (л. 2)</i> Житие в' кратце</p> <p>...Изящнѣйшимъ г(о)с(по)- диномъ провидуромъ и генераломъ Антониемъ Молинъ, ради его анефіевъ. (Рядом на поле также написано: сыновцев)</p>
---	--	---

В более раннем списке САНУ184 отражены переводческие решения, которые по ходу работы Ракича подвергались корректировкам, что наглядно демонстрирует его правка. Основная часть этой правки учтена в более позднем списке БСП61:

<p><i>Μηνιάτης 1783: 10</i> (Книга 1, п. 12)</p> <p>Δὲν ᾧτον ἀλγητινὰ ὁ Ἰγνάτιος ἄξιος τοσούτων παθημάτων, ἴσως ἀδίκως ἔξορισθη, ἀδίκως παιδέυετι, ἄξιος μάλιστα ᾧτον καὶ εὐλαβείας ὡς ἀρχιερεύς, καὶ συμπαθείας ὡς γέρων, ἀλλὰ, καθὼς εἰδάμεν εἰς ἀλλα παραδείγματα, δὲν ἔχει οὕτε νόμον οὔτε μέτρον τῶν κρα- ούնτων ὁ θυμός. Οἱ φίλοι τοῦ καλοῦ τούτου γέροντος, ἔπρε- πεν, ἀλληγορίαν νὰ εἶχον κάμωσιν εἰς ἑκείνην τὴν κατάστασιν τῶν πραγ- μάτων· ἀλλ' αὐτοὶ εἶχον μίσος πολὺ κατὰ τοῦ Φωτίου, τὸν όποιον αὐτοὶ τοῦ ἱεροῦ κατα- λόγου δὲν ἐδύναντο νὰ βλέ- πωσιν ἀναβιβασμένον εἰς τὸν Πατριαρχικὸν θρόνον ἀπὸ τὴν τάξιν τῶν λαϊκῶν.</p>	<p><i>САНУ184 (л. 7 об.)</i></p> <p>Не бѣ воистину достоинъ Игнатій толикихъ страданій, равнѣ же неправеднѣ (вписано сверху вме- сто зачеркнутого: недостоинъ) изгнася, неправеднѣ мучимъ, достойнъ же бѣ воистину и bla- гочестивъ иако архі- ерей, и состраданія иако старецъ, но иако же видѣхомъ в других примѣрѣхъ, не иматъ ниже мѣры ниже числа гнѣваюто (так в ркп), любимцы тогѡ добраш старца, подобаше, иное средство имѣти имъ во ономъ состоянїи дель. Но они имъху мерзость многу на Фвтіа, его же они во с(вя)- щенномъ каталогѣ не можаху зрѣти возведе на суща на па- триаршескій престоль и чина лайкв /простцевъ/ (так в ркп) мнящеся противостояти...</p>	<p><i>БСП61 (л. 5)</i></p> <p>Не бѣ воистину достоинъ толикихъ страданій, не- праведнѣ же и изгнася, неправеднѣ мучимъ, до- стойнъ же бѣ воистину и благочестивъ иако архі- ерей, и состраданія иако старецъ, но иако же видѣ- хомъ в других примѣрѣхъ, друзи тогѡ добрѣ содѣлаша, иное средство имѣти имъ подобаше во ономъ состо- янїи дель. Но они имъху мерзость многу на Фвтіа, его же во с(вя)щенномъ каталогѣ не можаху зре- ти и на патріаршемъ єронѣ из чина суща лайкв (на поле: /простцевъ/) мнящеся противостояти...</p>
--	---	--

⁴¹ Далее при сопоставлении текста различия выделены полужирным шрифтом, примечания курсивом принадлежат нам.

Как показывает сопоставление текстов в двух списках, во время работы над *БСП61* переводчик продолжал продумывать варианты лексических замен (в итоге написав «друзи» вместо прежнего «любимцы», «өронъ» вместо «престоль» и т. п.) и уточнять фразеологические обороты для более адекватной передачи греческого оригинала, хотя это не вполне ему удавалось. Приведем для сравнения соответствующий фрагмент (Книга 1, п. 12) в переводе Стефана Писарева по списку *Тих406* (л. 15) со смысловыми разночтениями по списку *МДА137* (л. 13) в том же русском переводе, указанными в квадратных скобках:

Не быть поистине Игнатию достоин таким страданий [таких страданий], может быть что неправедно он изгнан, неправедно наказан [последние два слова в МДА137 отсутствуют. – Д. Р.]: а особенно достоин был, и [из] глубокаго почтенія яко архиереи, и сожаленія, яко старыи мужъ: однако известны мы измногихъ примеровъ, что не имеетъ ни закона, ни меры, самодержавствуящихъ гневъ. Другъям сего старца [и для того друзъямъ] сего старца надлежало было другое средство во ономъ состояніи дель употребить, но имели они великую на Фотия ненависть, которого сами духовныя не могли видеть возводима на патриаршескии пр(ес)толь из мирскаго чина, можетъ быть что действовали они от ревности однако та ревность ихъ была без разсужденія...

Из сравнения вышеприведенного фрагмента перевода Писарева с черновым и чистовым вариантами перевода Ракича можно заключить, что сербский переводчик, скорее всего, не мог иметь перед глазами русской версии «Камня соблазна» и, во всяком случае, явно был самостоятелен в своих решениях: как в целом, придерживаясь церковнославянских форм, так и в частностях, последовательно сохраняя в списках *САНУ184* и *БСП61*, например, кальку «во с(вя)щенномъ каталогѣ» (*τοῦ ἱεροῦ καταλόγου*), а также, в отличие от Писарева, не сумев либо не желав в итоге воспроизвести по-славянски авторский выпад Миниатиса против беззаконного гнева обладателей неограниченной верховной власти.

Характеризуя в целом переводческий труд Викентия Ракича над «*Пέτρα σκανδάλου*» Илии Миниатиса, необходимо отметить, что фенекский игumen, несмотря на трудности в его работе, перевел обе составляющие греческий трактат книги, в отличие от работавшего более чем за полвека до него над тем же текстом Иоанна Младеновича. Историческая по своему содержанию первая книга в составе «*Пέτρα σκανδάλου*», описывавшая перипетии византийской церковной истории, интересовала трудолюбивого Ракича не менее, чем вторая книга, догматическая по содержанию. Фенекский игumen отнесся к сочинению Миниатиса как к целостному произведению духовной литературы и не стал, подобно Младеновичу, вычленять из него одну догматическую часть: перевод

обеих книг трактата передает как черновой список САНУ184, так и чистовой БСП61. Также в двух этих списках сохранился переложенный Ракичем на славяносербский язык и предварявший трактат в венском издании 1787 г. текст биографии керникского епископа. Однако игумен опустил при переводе несколько сопроводительных материалов, присутствующих в этом издании: два предисловия (принадлежащие авторству Франкиско Миниатиса и инициатора венского издания Полизоиса Ламбанизиотиса), а также помещенную после биографии Илии Миниатиса краткую биографическую справку авторства Димитроса Прокопиоса: видимо, Ракич не без оснований счел приведенные в этой справке сведения дублирующими по отношению к основной биографии автора “Πέτρα σκανδάλου”.

7. Значение сербских переводов “Πέτρα σκανδάλου” и исторические причины их создания.

Заключительные замечания

Хранящиеся в рукописных собраниях Сербии переводы греческого историко-догматического трактата Илии Миниатиса, выполненные в 1741 г. Иоанном Младеновичем и на рубеже 1797–1798 гг. Викентием Ракичем, на наш взгляд, открывают новые возможности для изучения этапов эволюции литературного языка сербов в XVIII в. Разумеется, предпринятое в настоящей работе источниковедческое исследование не может заменить полноценного лингвотекстологического изучения названных памятников переводной духовной письменности в сопоставлении как с греческим оригиналом, так и с русским переводом Стефана Писарева 1744 г. Нельзя также исключить, что выявленными и описанными в настоящей работе списками не ограничивалось бытование переводов Младеновича и Ракича в рукописях⁴². Однако несомненно, что в отношении этих переводов специалисты в области славянских

⁴² Так, Л. Стояновичем опубликован текст записи на титульном листе неизвестной нам рукописи выполненного В. Ракичем перевода, схожий, но несколько отличный от содержащегося на титульном листе списка БСП61 [Стојановић 1925: 251 (№ 8845)]. Согласно комментарию ученого, рукопись находилась в личном собрании выдающегося церковного историка Радослава Груича (1878–1955), которое ныне хранится в Музее Сербской Православной Церкви в Белграде и пока остается неописанным. На момент подготовки этой статьи нам не удалось отыскать эту рукопись в собрании Р. Груича. Кроме того, около полувека тому назад В. А. Мошиным в составе рукописного собрания Исторического музея в Загребе (ныне Хорватского исторического музея) дважды кратко описывался выполненный сербской скорописью конца XVIII в. кодекс, содержащий анонимное сочинение “Istorije shizme” [Mošin 1970: 17–18 (Nr. 14)], или «О разделении Цркве по Елији Линијату» (так! – Д. Р.) [Мошин 1971: 101 (№ 79)]. Судя по этим описаниям, при составлении рукописи использовался трактат Илии Миниатиса. Однако это рукописное собрание было разделено, и местонахождение кодекса в настоящее время нам неизвестно, что не позволяет судить о его содержании.

языков и литератур получают новый материал для сопоставительных исследований в редком, если не уникальном для истории духовной письменности славян XVIII столетия случае, когда переводы актуального греческого сочинения с разницей лишь в несколько лет, хотя и с различной полнотой, но независимо друг от друга, осуществляются русским и сербским переводчиками, а затем спустя более полувека еще один сербский книжник, не зная о предыдущих чужих опытах, выполняет третий перевод того же текста, и вновь непосредственно с языка оригинала.

До сих пор мы не касались вероятных причин, вследствие которых Иоанн Младенович, а после него Викентий Ракич решили перевести историко-догматический трактат Илии Миниатиса, объяснявший расхождения во взаимоотношениях Западной и Восточной Церквей. В обоих случаях сербские переводчики в известных нам рукописях не оставили пояснений своей мотивации; также в обоих случаях остается неизвестным, каким образом в их руках оказались греческие издания трактата Миниатиса: как отмечалось выше, у Младеновича, вероятнее всего, лейпцигское 1718 г.; у Ракича же, безусловно, венское 1783 г. Тем не менее содержание составленных обоими переводчиками посвящений современным им сербским иерархам позволяет думать, что оба перевода появились не из-за поручений высокопоставленных покровителей, а благодаря личной инициативе книжников. Так же двух сербских переводчиков сближает с автором греческого трактата характерная особенность: все они писали, находясь в зоне активных межконфессиональных контактов приверженцев православного и римско-католического вероисповеданий, и сами неоднократно могли быть свидетелями и участниками таких контактов.

Можно полагать, что одна из целей, с которой был связан осуществленный Иоанном Младеновичем перевод второй книги “Пέτρα σχαύδάλου”, состояла в необходимости представить своим православным единоверцам авторитетный текст, на который они могли бы опираться в дискуссиях как с католическими миссионерами, действовавшими в сербских владениях Габсбургов, так и с соседями сербов, относившимися к римско-католической пастве. Фактически целенаправленная деятельность имперских властей по склонению проживавших в венгерских владениях Австрийского дома православных сербов к переходу в унию с римско-католической Церковью происходила с 1690-х гг. со времени «великого исхода» при сербском патриархе Арсении III Черноевиче и затем на протяжении всего XVIII столетия (см., например, [Слијепчевић 1978: 424–429]), однако этот процесс имел свои особенности и вне зон расселения сербской диаспоры в венгерских землях, которые в основном

очерчивались территорией Будимской епархии. В частности, в оккупированном австрийскими властями в Белграде в конце 1720-х – 1730-х гг. активизировалась миссия ордена иезуитов, которые стремились к обращению местного населения в унию и веру римско-католического обряда, хотя и не особенно преуспевали в этом [Shore 2012: 247–249]. Другим вероятным фактором появления обоих переводов трактата Миниатиса было умножавшееся с начала 1720-х гг. присутствие рядом с сербами немцев-католиков. В годы правления императора Священной Римской империи Карла VI венскими чиновниками активно осуществлялась «политика разбавления» компактно проживавшего сербского населения, в ходе которой поощрялась миграция немецких колонистов на сербские территории, особенно в Белград, сопровождавшаяся «католическо-унитатской пропагандой» [Шемякин 2004: 305]. В результате «с конца 1730-х годов немцы стали второй по величине группой населения в Северной Сербии, Южной Венгрии, восточных районах Баната» [Костяшов 1997: 35], ср. также [Ćirković 2004: 159–160]. В годы правления Марии Терезии, как отмечает Ю. В. Костяшов, «была предпринята попытка сделать ставку в колонизационной политике на асоциальные элементы», т. е. на переселение в сербские владения Габсбургов лиц, как мы можем полагать, заведомо мало усердных в делах веры, однако при императоре Иосифе II «этот практика была прекращена. Колонистами отныне могли становиться только люди семейные и добрые католики» [Костяшов 1997: 34]. При этом немецких новопоселенцев, общую численность которых в Воеводине к 1790-м гг. исследователь оценивает не менее чем в 100 тыс. человек, на первых порах «размещали в домах горожан, что давало повод ко всеобщему недовольству и конфликтам» [Ibid.: 34–35]. Постепенное преодоление языкового барьера между православными сербскими старожилами и новоприбывшими германоязычными «добрьми католиками»⁴³ создавало условия для практически неизбежных споров о конфессиональных различиях. В этих обстоятельствах объяснимо и появление второго перевода “Пётра скондáлоу”, созданного Викентием Ракичем. Стоит также заметить, что труд Ракича имел своеобразного предшественника: в 1784 г. в Вене под названием «Что есть Папа» был издан сербский перевод полемического трактата “Was ist der Pabst?”, опубликованного там же двумя годами ранее [Новаковић 1869: 20 (№ 80); Михаиловић 1964: 167 (№ 171)]. Трактат, выдержаный в саркастическом тоне, принадлежал перу теолога Йозефа Валентина Айбеля (1741–1805), критически разбиравшего вопрос об исторической

⁴³ Этому преодолению должны были, в частности, способствовать неоднократные издания в Вене сербско-немецких букварей и словарей, публиковавшихся в 1770–1790-е гг., см. [Новаковић 1869: 13 (№ 51), 14 (№ 54), 24 (№ 96), 25 (№ 105), 32–33 (№ 134, 136)].

обусловленности канонических полномочий и властных прерогатив римского епископа. По инициативе папского нунция в Вене как оригинальное немецкое издание Айбеля 1782 г., так и сербский перевод были внесены в индекс запрещенных книг. Для нас существенно, что сербским переводчиком сочинения Айбеля был уроженец Земуна Михаил Максимович, служивший там же скромным чиновником [Скерлић 1923: 135]. Возможно, переводя “Пётра сханδάлоу”, Ракич намеревался в том числе и продолжить дело своего земляка.

Сопоставляя историко-культурные причины, вызвавшие к жизни появление трудов сербских переводчиков “Пётра сханδάлоу” и их русского коллеги Стефана Писарева, можно указать на черты различия и сходства. В свое время перед Писаревым, по выражению Ю. В. Кагарлицкого, «фактически открыл двери к государственной службе» в Сенате его покровитель, знаменитый дипломат петровского времени сербского происхождения С. Л. Владиславич (Рагузинский), у которого, как показал исследователь, Писарев перенял своеобразную просветительскую программу нравственной дидактики [Кагарлицкий 2013: 225–227] (ср. в более ранней работе: [Idem 2008: 475–476]). Служба Писарева в Коллегии иностранных дел и вероятная близость к кругу молодых русских дипломатов первого послепетровского поколения (об этом: [Кагарлицкий 2008: 476–477; Idem 2013: 228–229]) вполне могла сыграть роль фактора, побудившего переводчика взяться за работу над “Пётра сханδा�лоу” с тем, чтобы предложить лицам из этого круга, которым не раз предстояло по делам дипломатической и секретно-политической службы в разных государствах Европы вести беседы с людьми других религиозных убеждений, своеобразное пособие, полезное в дискуссиях о конфессиональных различиях. Понятно, что от молодых русских дипломатов требовалась гибкость и готовность к диалогу, определенная историческая эрудиция и аргументация для лавирования в поликультурной среде других стран, то есть, по существу, «трансконфессиональной République des Lettres» [Кагарлицкий 2013: 221–222]. Можно думать, что Стефан Писарев, проявив инициативу в деле перевода “Пётра сханδा�лоу”, видел себя в качестве посредника или помощника тому только формировавшемуся в России 1730–1740-х годов новому поколению православных интеллектуалов, которым предстояло годами жить в Европе и, храня верность своей конфессии, выполнять поручения Российской власти.

Вне зависимости от того, верно ли мы интерпретируем замысел Стефана Писарева, известно, что начинание переводчика при его жизни не нашло поддержки в духовной цензуре [Буш 1915: 7], и это, как отмечено выше, на десятилетия предопределило «русскую» судьбу трактата Илии

Миниатиса, распространявшегося в рукописях. Судьба же “Пέτρα σκανδάλου” в сербских версиях, созданных Иоанном Младеновичем и Викентием Ракичем, оказалась схожей: эти переводы тоже остались в рукописном виде, но, в отличие от труда Писарева, никогда так и не были изданы. Писарев живо интересовался сочинениями представителей духовного движения, которое Ю. В. Кагарлицкий не без оснований определяет как «другое Просвещение» ([2013: 222], курсив автора), но не был на Балканах и значительную часть жизни работал в центральном аппарате империи, где официальным вероисповеданием было православие. Поэтому естественно, что перед русским переводчиком не могло стоять тех описанных выше проблем межконфессиональной коммуникации, с которыми на собственном опыте были хорошо знакомы сербы Иоанн Младенович и Викентий Ракич. Можно полагать, что в историко-культурном смысле просветительский характер их трудов был несколько иным: “Пέτρα σκανδάλου” рассматривался сербскими переводчиками и их современниками не столько как пособие для диалога, сколько как ценное руководство по защите конфессиональной идентичности.

Сокращенные названия библиотек и древлехранилищ

БМС – Библиотека Матице Српске, Нови Сад

БСП – Библиотека Српске Патријаршије, Београд

МДА – Московская духовная Академия

РГБ – Российская государственная библиотека (Отдел рукописей), Москва

РГИА – Российский государственный исторический архив, С.-Петербург

САНУ – Архив Српске Академије наука и уметности, Београд

BL – Британская библиотека (British Library), Лондон

ЕВЕ – Национальная библиотека Греции (Εθνική Βιβλιοθήκη της Ελλάδος), Афины

МПТ – Собрание Метоха Св. Гроба (Μετόχειον Παναγίου Τάφου), Афины

Библиография

Источники

Славянские рукописи

БМС26

БМС, РР II 26, Илия Миниатис, «Краткое сочинение против разделения рим[л] яннов», перев. с греч. И. Младеновича, 1741 г. Описание (под старым шифром РР 187): [Веселинов 1981: 71–72 (№ 27)].

БМС37

БМС, Р III 37. Конволют, включающий «Уставления Св. Апостол через Климента римского...» (перев. с греч. И. Младеновича, 1745 г.), «Учение краткое о св. тайнах» (1740) и «Обличение Никитино» (1740–50-е гг.). Описание: [Грбић и Станковић 2014: 86–101].

БМС137

БМС, РР II 137, Илия Миниатис, «Краткое сочинение противо разделения рим[л]янов»,
перев. с греч. И. Младеновича, 1741 г.

БСП61

БСП, Рс. 61. Илия Миниатис, «Камень соблазна», перев. с греч. В. Ракича, 30 января
1798 г. Краткое описание: [Недељковић 2012: 37].

МДА137

РГБ, ф. 173. III (Собрание по временному каталогу библиотеки МДА), № 137,
«Изъяснение начала и причины схизмы...» («Камень соблазна» Илии Миниатиса), перев.
с греч. С. Писарева, после 1744 г.

РукСин3991

РГИА, ф. 834, оп. 3, № 3991, Сборник, XVIII в. Описание: [Никольский 1910: 835–836].

САНУ184

САНУ, Стара збирка, бр. 184, Илия Миниатис, «Камень претыкания или соблазна»,
перев. с греч. В. Ракича, декабрь 1797 г. Описание: [Стојановић 1901: 224 (№ 221)].

СОР1757

РГБ, ф. 218 (Собрание Отдела рукописей), № 1757, Илия Миниатис, «Камень
претыкания», перев. Г. Лушковского, 1759 г.

Тих406

РГБ, ф. 299 (Собрание Н. С. Тихонравова), № 406. Сборник, включающий «Камень
соблазна» Илии Миниатиса (перев. с греч. С. Писарева) и сочинения Димитрия
Ростовского, после 1744 г. Краткое описание: [Георгиевский 1913: 75].

Греческие рукописи**H5729**

BL, Harley Ms 5729, Petra Offensionis (“Πέτρα σκανδάλου” Илии Миниатиса с приложением
писем разных лиц на греч. и итал. языках), 1714–1719 гг.

EBE2338

ЕВЕ, №2338. [Ηλίας Μηγνιάτη], “Πέτρα σκανδάλου, ἥτοι ἀρχὴ καὶ αἴτια τοῦ σχίσματος τῶν
δύο ἐκκλησιῶν, ἀνατολικῆς καὶ δυτικῆς” (Илия Миниатис, «Камень соблазна...»), XVIII в.
Краткое описание: [Πολίτης 1991: 345].

МПТ235

МПТ, № 235, Сборник различных богословских трактатов на греч. языке, в том числе
Илии Миниатиса “Αρχὴ καὶ αἴτια τοῦ σχίσματος τῶν δύο ἐκκλησιῶν, ἀνατολικῆς καὶ
δυτικῆς”, XVII–XVIII вв. Описание состава: [Παπαδόπουλος–Κεραμεύς IV-1899: 200–201].

Издания**ДА 1795**

Деяния святых Апостол, Вена, 1795.

Златоуст 1772

Иоанн Златоуст, *Беседы о покаянии, такожде на некоторыя господския праздники, и
воскресныя дни* [перев. с греч. Софоний (Младенович), 1-е изд.], Москва, декабрь 1772.

ИФ 1799

*История монастыря Фенека, списанная Викентием Ракичем, проигуменом того
монастыря, обретающимся ныне в Триесте при церкви С(вя)таго Спиридона*, Будим,
1799.

Минятий 1783

Камень соблазна или Историческое изъяснение о начале и причине разделения Восточной и Западной церкви. Сочиненное Кернитским и Калавритским в Пелопонисе епископом Илиою Минятием.; Переведенное с греческого языка статским советником Стефаном Писаревым.; Изданное же по дозволению Святейшаго правительствующаго Синода Петром Богдановичем, С.-Петербург, 1783.

ПСПР 1762/72

Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование государыни императрицы Екатерины Второй, 1, 1762-1772 гг., С.-Петербург, 1910.

Fabricius 11-1722

Jo. Alberti Fabricii ss. Theol. d. et profess. publ. Bibliotheca Græcæ..., 11, Hamburgi, 1722.

Meniates 1752

[Elias Meniates.] *Lapis offendiculi sive expositio originis et caussae discidii duaram orient. scilicet et occident. ecclesiarum cum quinque controversiis composita atque in lucem publicam edita ab Helia Meniata Cephaleniensi..., in Latinum autem sermonem conversa a Nicolao Mothonis et Gregorio Kositzki et excusa, Londini, 1752.*

Meniates 1762

[Elias Meniates.] *Lapis Offendiculi sive expositio Originis et Causae Discidii duarum, Orientalis scilicet et Occidentalis, ecclesiarum, cum quinque Controversiis..., Londini, 1762.*

Meniates 1787

[Elias Meniates.] *Der Stein des Anstoßes oder eine Erzählung von dem Ursprung und der Ursache der Spaltung der griechischen und lateinischen Kirche wie auch von den fünf Streitfragen, worüber sie nicht übereinkommen, übers. v. Jakob Kemper, Wien, 1787.*

Μηνιάτης 1783

Πέρτα Σκανδάλον, ἥτοι διασάφησις τῆς ἀρχῆς καὶ τῶν ἀλληθῶν αἰτιῶν τοῦ σχίσματος, καὶ δισονιῶν τῶν δύο ἐκκλησιῶν Ἀνατολικῆς καὶ Δυτικῆς. Μετὰ τῶν πέντε Διαφωνουσῶν κυρίων διαφορῶν συντεθεῖσα παρὰ τοῦ ποτὲ θεοφιλεστάτου Κερνίκης καὶ Καλαβρίτων ἐν Πελοπονήσῳ ἐπισκόπου Ἡλίου Μηνιάτη τοῦ Καραληνέως τύποις ἐκδοθεῖσα διὰ δαπάνης, καὶ ἐπιμελείας Πολυζώη Λαμπανιτζιώτη τοῦ ἔξ Ίωαννίνων, Ἐν Βιέννη, 1783.

Литература**Андреев 1912**

Андреев В. А., *Сербский иеромонах Софроний Младенович в России. 1721–1760–1781 гг.*, Москва, 1912.

Бојовић 2015

Бојовић З., *Историја дубровачке књижевности*, Београд, 2015.

Буш 1915

Буш В. В., «Житие Петра Великого» Стефана Писарева, Петроград, 1915.

Веселинов 1981

Веселинов И., «Српске ћирилске рукописне књиге XVIII века у Библиотеки Матице српске», in: *Годишњак Библиотеке Матице Српске за годину 1979*, 4, Нови Сад, 1981, 37–74.

Гавриловић 1969

Гавриловић С., «Нови подаци о Вићентију Ракићу и његовом боравку у Србији у време првог устанка», in: *Зборник Матице српске за друштвене науке*, 53, Нови Сад, 1969, 151–155.

Георгиевский 1913

Георгиевский Г. [П.], *Собрание Н. С. Тихонравова, 1: Рукописи*, Москва, 1913.

Грбић 2016

Грбић Д., «Дело Доситеја Обрадовића у европском књижевно-културном контексту – културно-историјски одјеци немачке просвећености Хале-Лајпцишког интелектуалног круга на јужнословенским просторима (= Das Werk von Dositej Obradović im europäischen Literatur- und Kulturkontext. Kulturhistorische Einflüsse der deutschen Aufklärung des „Halle-Leipziger intellektuellen Kreises“ in der Südslavia)» (докторска дисертација, Универзитет у Београду, Филолошки факултет, Martin-Luther-Universität, Halle-Wittenberg, Philosophische Fakultät II, Београд, Halle (Saale), 2016).

Грбић, Станковић 2014

Грбић Д., Станковић Р., *Катихетски приручници* (= Ђирилске рукописне књиге Библиотеке Матице Српске, 16), Нови Сад, 2014.

Грујић 1908

Грујић Р. М., *Српске школе (од 1718–1739 г.) Прилог културној историји српскога народа*, Београд, 1908.

Грујић 2013

Грујић Р. М., *Српске школе (од 1718–1739 г.) Прилог културној историји српскога народа*, Ђ. Ђурић, приред. и поговор, Нови Сад, Београд, 2013.

Гудков 1981

Гудков В. П., «Книжно-письменный язык у сербов в XVIII – начале XIX в.», in: *Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе*, Москва, 1981, 135–150.

Гусева 2010

Гусева А. А., *Свод русских книг кирилловской печати XVIII века типографий Москвы и Санкт-Петербурга и универсальная методика их идентификации*, Москва, 2010.

Давидов 1973

Давидов Д., приред., *Описаније Јерусалима, изрезао у бакру Христофор Жефаровић*, 1748, Нови Сад, 1973.

Давидов 2004

Давидов Д., *Студије о српској уметности XVIII века*, Београд, 2004.

Ђорђевић 1896

Ђорђевић В., *Грчка и спрска просвета*, Београд, 1896.

Ивић 2014

Ивић П., *Преглед историје српског језика* (= Целокупна дела Павле Ивића, 8), А. Младеновић, приред., Сремски Карловици, Нови Сад, 2014.

Ивић, Младеновић 1986

Ивић П., Младеновић А., «О језику код Срба у раздобљу од 1699 до 1804», in: *Историја српског народа*, 4/2: *Срби у XVIII веку*, Београд, 1986, 69–106.

Јовичин 2013

Јовичин М. М., *Јелини старог Новог Сада као део грчке дијаспоре*, Нови Сад, 2013.

Кагарлицкий 1997/98

Кагарлицкий Ю. В., «Риторические стратегии в русской проповеди Елизаветинской эпохи: случай Гедеона Криновского», *Aion Slavistica: Annali dell’Istituto universitario orientale di Napoli*, 5, 1997–1998, 287–317.

Кагарлицкий 2008

Кагарлицкий Ю. В., «К вопросу об издании переводных религиозных книг в России XVIII века: переводы Стефана Писарева и их издательская судьба», in: *Век Просвещения. Вып. 2: Цензура и статус печатного слова во Франции и России эпохи Просвещения*, 1, Москва, 2008, 470–497.

Кагарлицкий 2013

Кагарлицкий Ю. В., «К истории культурных связей между Россией и Венецией в первой половине XVIII века (Переводческая деятельность Стефана Писарева)», in: *Итальянские архивы в России – Российские архивы в Италии* (= Проблемы итальянстики, 5), Москва, 2013, 213–237.

Кагарлицкий 2016

Кагарлицкий Ю. В., «Судьба Стефана Писарева и значение его переводческого наследия для развития русской духовной литературы XVIII в.», in: *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*, 9, Москва, 2016, 288–310.

Казачков 2009

Казачков Ю. А., «Илия (Минъятис)», in: *Православная энциклопедия*, 22, Москва, 2009, 284–285.

Кайперт 2017

Кайперт Г., Бобрик М. А., перев. с немецкого, «Церковнославянский язык: круг понятий», *Slověne*, 6/1, 2017, 8–75.

Карталовић, Иваз 2000

Карталовић Ј., Иваз Љ., *Вићентије Ракић (1750–1818). Каталог изложбе*, Нови Сад, 2000.

Кашић 1960

Кашић Д., «Стање у Пећкој патријаршији после емиграције патриарха Арсенија IV», in: *Богословље. Издаје православни богословски факултет у Београду*, 4 (19), 1–2, Београд, 1960, 16–30.

Ковачевић Б. 1970

Ковачевић Б., «О Јовану Младеновићу, писцу XVIII века», in: *Зборник Матице Српске за књижевност и језик*, 18 (1), Нови Сад, 1970, 187–188.

Ковачевић Р. 2011

Ковачевић Р., *Монах Златног века. Европски пут Доситеја Обрадовића, 1771–1811*, Београд, 2011.

Костяшов 1997

Костяшов Ю. В., *Сербы в Австрийской монархии в XVIII веке*, Калининград, 1997.

Кулић 1999

Кулић Б., *Манастир Раковац*, Нови Сад, 1999.

Лепехин и Осинкина 1999

Лепехин М. П., Осинкина Л. В., «Мотонис Николай Николаевич», in: *Словарь русских писателей XVIII века*, 2, С.-Петербург, 2009, 303–304.

Маринковић 2008

Маринковић Б., *Зaborављени братственици по перу*, Београд, 2008.

Милићевић 1888

Милићевић М. Ђ., *Поменик знаменитих људи у српског народа новијега доба*, Београд, 1888.

Михаиловић 1964

Михаиловић Г., *Српска библиографија XVIII века*, Београд, 1964.

Мошин 1971

Мошин В., *Ћирилски рукописи у повијесном Музеју Хрватске. Копитарева Збирка словенских рукописа и Џојсов ћирилски одломак у Ђубљани* (= Опис јужнословенских ћирилских рукописа, 1), Београд, 1971.

Недељковић 2012

Недељковић З., уред., *Инвентар рукописа Библиотеке Српске Патријаршије*, Београд, 2012.

Николаев 1999

Николаев С. И., «Писарев Стефан (Степан) Иванович», in: *Словарь русских писателей XVIII века*, 2, С.-Петербург, 1999, 437–438.

Никольский 1910

[Никольский А.], *Описание рукописей, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода*, 2/2, С.-Петербург, 1910.

Нинковић 2012

Нинковић Н., «Прилог проучавању српског средњег школства у Хабзбуршкој монархији и наставе класичних језика 1726–1768», in: К. Марицки Гађански, уред., *Антика, савремени свет и рецепција античке културе*, Београд, 2012, 240–251.

Новаковић 1869

Новаковић С., *Српска библиографија за новију књижевност 1741–1867*, Београд, 1869.

Павић 1983

Павић М., *Рађање нове спрске књижевности*, Београд, 1983.

Павловић 1935a

Павловић Д., «Вићентије Ракић. Живот и рад», *Гласник историског друштва у Новом Саду*, 20, 8/1, 1935, 10–20.

Павловић 1935b

Павловић Д., «Вићентије Ракић. II. Дела», *Гласник историског друштва у Новом Саду*, 22, 8/3, 1935, 360–370.

Павловић 1936

Павловић Д., «Вићентије Ракић – Дела у прози», *Гласник историског друштва у Новом Саду*, 24, 9/2, 1936, 134–154.

Панченко 2002

Панченко К. А., «Афанасий III Даббас», in: *Православная энциклопедия*, 4, Москва, 2002, 51.

Панченко 2012

Панченко К. А., *Ближневосточное Православие под османским владычеством. Первые три столетия. 1516–1831*, Москва, 2012.

Полонский, Рамазанова 2018

Полонский Д. Г., Рамазанова Д. Н., «“Русский катехизис” в английских изданиях Дженкина Томаса Филиппа 1723 и 1725 годов», in: *История книжной культуры XV–XVIII веков: к 100-летию НИО редких книг (Музея книги) Российской государственной библиотеки*, 1, Москва, 2018, 213–224.

Порфирий 1881

Порфирий (Успенский), еп. Чигиринский, *Первое путешествие в Афонские монастыри и скиты в 1846 году*, 2: *Приложения к 2-му отделению 2-й части*, Москва, 1881.

Рамазанова 2013

Рамазанова Д. Н., «Списки проповедей иерусалимского патриарха Хрисанфа Нотары в переводах Стефана Писарева (1741–1760-е гг.)», in: *Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXV Междунар. науч. конф.* Москва, 31 января – 2 февраля 2013 г., 2, Москва, 2013, 490–495.

Рамазанова 2018

Рамазанова Д. Н., «Русские списки переводных сочинений Илии Миниатиса (Миниятия) в XVIII в.», *Вестник РГГУ*, 4(37), серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение», 2018, 117–123.

Ристовић 2011

Ристовић Н., «Грчки језик и књижевност у нововековној српској просвети и култури до Вукашина Радишића», in: М. Стојановић, уред., *Почеци наставе грчког језика код Срба* (= Лицеум, 15), Крагујевац, 2011, 11–33.

Сава 1996

Сава [Вуковић], еп. Шумадијски, *Српски јерарси од деветог до двадесетог века*, Београд, 1996.

Симић 2013

Симић В. М., «Захарија Орфелин (1726–1785)» (докторска дисертација, Универзитет у Београду, Филозофски факултет, Београд, 2013).

Скерлић 1921

Скерлић Ј., *Историја нове српске књижевности*, Београд, 1921.

Скерлић 1923

Скерлић Ј., *Стара српска књижевност у XVIII веку*, Београд, 1923.

Слијепчевић 1978

Слијепчевић Б., *Историја српске православне цркве, 1: Од покрштавања Срба до краја XVIII века*, Диселдорф, 1978.

Сове 1970

Сове Б. И., «Проблема исправления богослужебных книг в России в XIX–XX веках», in: *Богословские труды*, 5, Москва, 1970, 25–68.

Сперанский 1963

Сперанский М. Н., «Сербские школьные вирши (из истории русско-украинско-сербских связей в начале XVIII в.)», in: *Труды Отдела древнерусской литературы*, 19 (= Русская литература XI–XVII веков среди славянских литератур), Москва, Ленинград, 1963, 404–413.

Станојевић 2000

[Станојевић Б.,] «Милорадовићи», in: *Енциклопедија Новог Сада*, 15, Нови Сад, 2000, 123–125.

Степанов 1999

Степанов В. П., «Козицкий Григорий Васильевич», in: *Словарь русских писателей XVIII века*, 2, С.-Петербург, 1999, 93–98.

Стојановић 1901

Стојановић Љ., *Каталог рукописа и старих штампованих књига. Збирка Српске Краљевске Академије*, Београд, 1901.

Стојановић 1925

Стојановић Љ., *Стари српски записи и натписи*, 5, Сремски Карловци, 1925.

Толстой 1998

Толстой Н. И., «Литературный язык сербов в XVIII – начале XIX в.», in: Idem, *Избранные труды*, 2: *Славянская литературно-языковая ситуация*, Москва, 1998, 239–344.

Толстој 2004

Толстој Н. И., «Конкуренција и коегзистенција норми у књижевном језику XVIII века код Срба», in: Idem, *Студије и чланци из српског књижевног језика*, Београд, 2004, 157–164.

Тричковић 2013

Тричковић Р., *Београдски пашалук 1687–1739*, Београд, 2013.

Турилов, Мошкова 2016

Турилов А. А., Мошкова Л. В., *Каталог славянских рукописей афонских обителей*, изд. 2-е, испр. и дополн., Београд, 2016.

Хромов, Топурија 1996

Хромов О. Р., Топурија Н. А., «Описание Иерусалима» Симона Симоновича и Христофора Жефаровича в русских лубочных изданиях: исследование и сводный каталог книг, хранящихся в московских собраниях, Москва, 1996.

Цвиркун 2010

Цвиркун В. И., *Димитрий Кантемир. Страницы жизни в письмах и документах*, С.-Петербург, 2010.

Чурчић 2002

Чурчић Л., *Књига о Захарију Орфелину*, Загреб, 2002.

Шемякин 2004

Шемякин А. Л., «Сербы в условиях разлома сербского этнического пространства»,
in: В. Н. Виноградов, ответ. ред., *История Балкан: Век восемнадцатый*, Москва, 2004,
289–330.

Campbell 2015a

Campbell T. A., “The Transgressions of Gerasimos Avlonites”, in: *Perkins Faculty Research and Special Events*, 3, 2015 (http://scholar.smu.edu/theology_research, last access on: 19.07.2018).

Campbell 2015b

Campbell T. A., ed., “A Dossier of Texts relating to Gerasimos Avlonites”, in: *Southern Methodist University Digital Repository*, 2015 (<http://digitalrepository.smu.edu>, last access on: 19.07.2018).

Ćirković 2004

Ćirković S. M., *The Serbs*, V. Tošić, trans., Malden, Oxford, 2004.

Deanović 1951

Deanović M., “Talijansko-hrvatsko-ruski rječnik iz godine 1751,” in: *Zbornik radova. Filozofski fakultet. Sveučilište u Zagrebu*, 1, Zagreb, 1951, 567–612.

Deanović 1952

Deanović M., publ., “Dnevnik Iva M. Matijaševića,” in: *Anali Historijskog instituta JAZU [Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti] u Dubrovniku*, 1, Dubrovnik, 1952, 279–330.

Dumschat 2006

Dumschat S., *Ausländische Mediziner im Moskauer Russland. Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa*, Stuttgart, 2006.

Fine 2006

Fine J. V. A., Jr., *When Ethnicity did not Matter in the Balkans : a Study of Identity in Pre-Nationalist Croatia, Dalmatia, and Slavonia in the Medieval and Early-Modern periods*, Ann Arbor, 2006.

Graf 1949

Graf G., *Geschichte der christlichen arabischen Literatur*, 3: *Die Schriftsteller von der Mitte des 15. bis zum Ende des 19. Jahrhunderts. Melchiten, Maroniten, Vaticano*, 1949.

Jefcoate 2015

Jefcoate G., *Deutsche Drucker und Buchhändler in London: 1680–1811*, Berlin, 2015.

Kitromilides 2013

Kitromilides P. M., “Dositej Obradović and the Greek Enlightenment,” *Balcanica*, 44, 2013, 201–207.

Legrand 1918

Legrand É., *Bibliographie Hellénique, ou description raisonnée des ouvrages publiés par des Grecs au XVIIIe siècle*, 1, Paris, 1918.

Lučić 1992

Lučić J., “Ivan Marija Matijašević i njegov rukopisni fond u biblioteci Male braće u Dubrovniku,” in: *Isusovci u Hrvata: Zbornik radova međunarodnog znanstvenog simpozija “Isusovci na vjerskom, znanstvenom i kulturnom području u Hrvata”* (= Biblioteka “Vrela i prinosi” za povijest isusovačkog reda u hrvatskom narodu, knj. 3), Zagreb, 1992, 109–122.

Matejic, Bogdanovic 1989

Matejic M., Bogdanovic D., *Slavic Codices of the Great Lavra Monastery: a Description*, Sofia, 1989.

Mošin 1970

Mošin V., *Stari rukopisi Srba u Hrvatskoj od XIII. do XX. stoljeća* (= Katalog muzejskih zbirk, 4), Zagreb, 1970.

Podskalsky 1988

Podskalsky G., *Griechische Theologie in der Zeit der Türkeneherrschaft 1453–1821: Die Orthodoxie im Spannungsfeld der nachreformatorischen Konfessionen des Westens*, München, 1988.

Ristović 2016

Ristović N., "The Enlightenment of Dositej Obradović in the context of Christian classical humanism," in: P. M. Kitromilides, ed., *Enlightenment and Religion in the Orthodox World*, Oxford, 2016, 175–206.

Shore 2012

Shore P., *Narratives of Adversity: Jesuits on the Eastern Peripheries of the Habsburg Realms (1640–1773)*, Budapest, New York, 2012.

Todorović 2016

Todorović J., *An Orthodox Festival Book in the Habsburg Empire. Zaharija Orfelin's Festive Greeting to Mojsej Putnik (1757)*, London, 2016.

Tucci 2007

Tucci U., "Jacopo Pilarino pioniere dell'innesto del vaiolo," *Θησαυρίσματα / Thesaurismata*, 37, 2007, 421–434.

Wright 1972

Wright C. E., *Fontes Harleiani: a study of the sources of the Harleian collection of manuscripts preserved in the Department of Manuscripts in the British Museum*, London, 1972.

Γριτσόπουλος 1969

Γριτσόπουλος Τ., "Ηλίας Μηνιάτης," *Παρνασσός*, 11 (4), 1969, 559–576.

Δημαράς 1972

Δημαράς Κ., *Ιστορία τῆς νεοελληνικῆς λογοτεχνίας*, Αθήναι, 1972.

Καραθανάσης 1972

Καραθανάσης Α. Ε., "Συλλογή βενετικών εγγράφων για τον Ηλία Μηνιάτη (1696–1710)," *Έλληνικά*, 25, 1972, 314–334.

Καραθανάσης 1975

Καραθανάσης Α. Ε., *Η Φλαγγίνειος σχολή της Βενετίας*, Θεσσαλονίκη, 1975.

Παπαδόπουλος 1986

Παπαδόπουλος Θ. Ι., *Ελληνική βιβλιογραφία (1466–1800)*, 1, Αθήναι, 1986.

Παπαδόπουλος-Κεραμεύς I-1891

Παπαδόπουλος-Κεραμεύς Α., *Τερρασολυματική βιβλιοθήκη*, 1, Ἐν Πετρουπόλει, 1891.

Παπαδόπουλος-Κεραμεύς IV-1899

Παπαδόπουλος-Κεραμεύς Α., *Τερρασολυματική βιβλιοθήκη*, 4, Ἐν Πετρουπόλει, 1899.

Πατρινέλης 1964

Πατρινέλης Χ. Γ., 'Ηλίας ὁ Μηνιάτης, in: Θρησκευτική και ηθική εγκυροπαίδεια, 6, Αθήναι, 1964, 32–37.

Πεντόγαλος 1970

Πεντόγαλος Γ. Η., "Νεώτερα στοιχεία δια τον Ἡλίαν Μητιάτην (Ἐκ σφῦρομένων ἐγγράφων τῆς ἐποχῆς του)," *Παρνασσός*, 12 (3), 1970, 444–457.

Πολίτης 1991

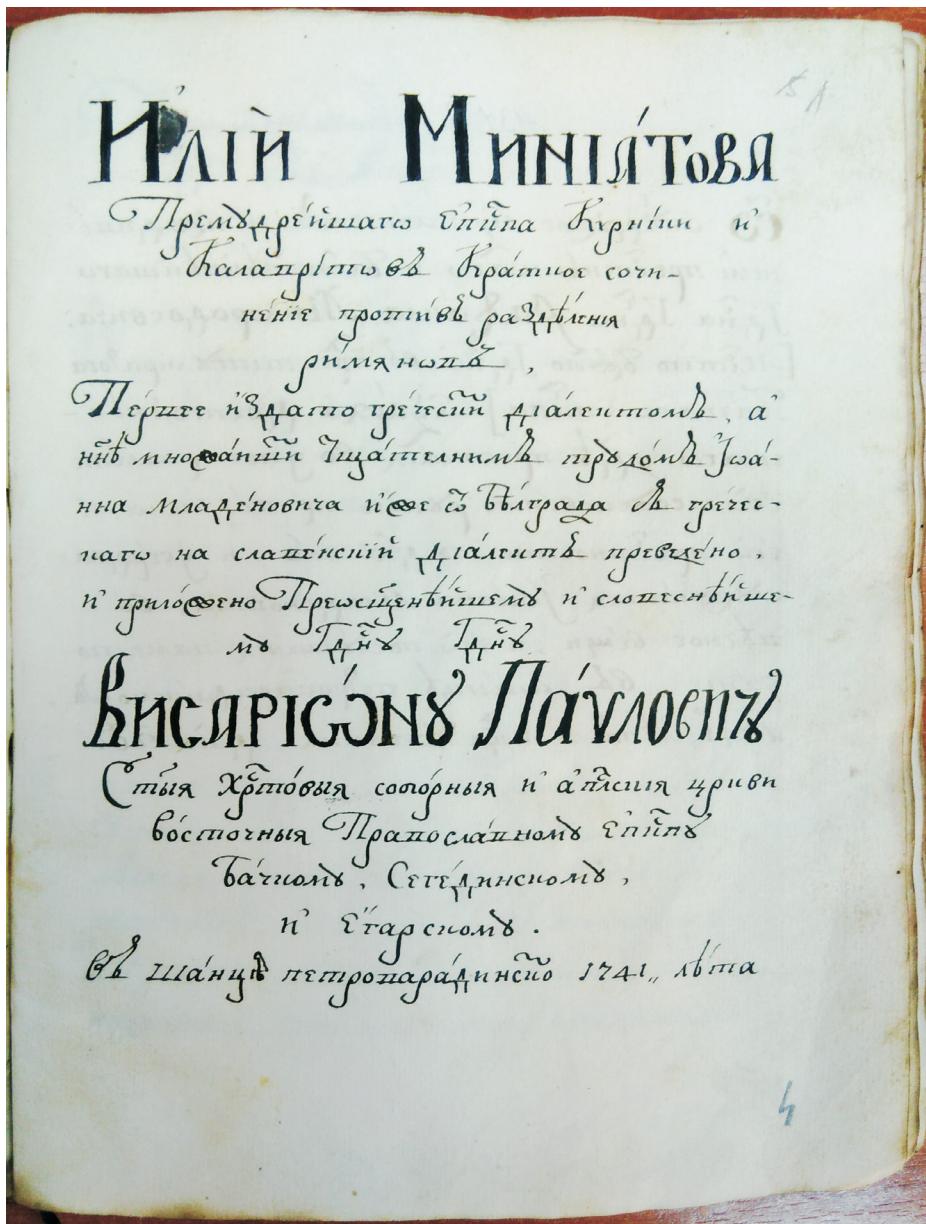
Πολίτης Δ., *Κατάλογος χειρογράφων τῆς Έθνικῆς Βιβλιοθήκης τῆς Ελλάδος, ἀρ. 1857–2500*, Αθήναι, 1991.

Τατάκης 1953

Τατάκης Β., *Σκοδρος, Μηνιάτης, Βούλγαρις, Θεοτόκης*, Αθήναι, 1953.

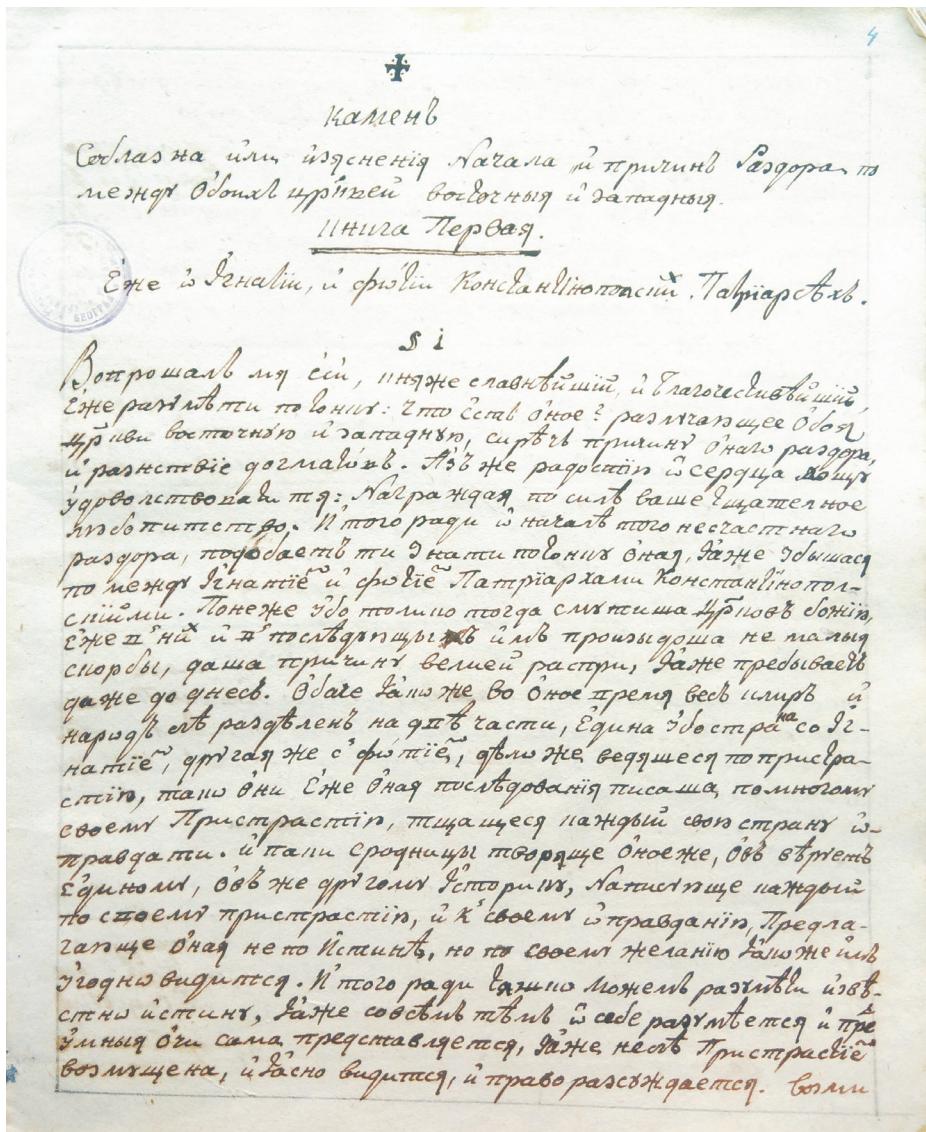
Τσιτσέλης 1904

Τσιτσέλης Η. Α., *Κεφαλληνιακά Σύμμικτα. Συμβολαί εἰς τήν ιστορίαν και λαογραφίαν τῆς νήσου Κεφαλληνίας*, 1, Αθήναι, 1904.

Ил. 1. Библиотека Матицы Сербской (Новый Сад). Отдел рукописей и редких книг. РР II 26 (титульный лист).

Перевод «Камня соблазна», выполненный Иоанном Младеновичем, 1741 г.
Автограф переводчика.

Ил. 2. Архив Сербской Академии наук и искусств (Белград). Стара збирка, бр. 184. Л. 4.

Перевод «Камня соблазна», выполненный Викентием Ракичем, 1797 г. Авто-граф переводчика.

References

- Bojović Z., *Istorija dubrovačke književnosti*, Beograd, 2015.
- Cirković S. M., *The Serbs*, Tošić V., trans., Malden, Oxford, 2004.
- Čurčić L., *Knjiga o Zahariji Orfelinu*, Zagreb, 2002.
- Davidov D., ed., *Opisanije Jerusalima, izrezao u bakru Hristofor Žefarović*, 1748, Novi Sad, 1973.
- Davidov D., *Studije o srpskoj umetnosti XVIII veka*, Beograd, 2004.
- Deanović M., "Talijansko-hrvatsko-ruski rječnik iz godine 1751," in: *Zbornik radova. Filozofski fakultet. Sveučilište u Zagrebu*, 1, Zagreb, 1951, 567–612.
- Deanović M., ed., "Dnevnik Iva M. Matijaševića," in: *Analii Historijskog instituta JAZU [Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti] u Dubrovniku*, 1, Dubrovnik, 1952, 279–330.
- Demaras K., *Istoria tēs neocellēnikēs logotekhnias*, Athens, 1972.
- Dumschat S., *Ausländische Mediziner im Moskauer Rufland. Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa*, Stuttgart, 2006.
- Fine J. V. A., Jr., *When Ethnicity did not Matter in the Balkans: a Study of Identity in Pre-Nationalist Croatia, Dalmatia, and Slavonia in the Medieval and Early-Modern periods*, Ann Arbor, 2006.
- Gavrilović S., "Novi podaci o Vićentiju Rakiću i njegovom boravku u Srbiji u vreme prvog ustanka," in: *Zbornik Matice srpske za društvene nauke*, 53, Novi Sad, 1969, 151–155.
- Graf G., *Geschichte der christlichen arabischen Literatur, 3: Die Schriftsteller von der Mitte des 15. bis zum Ende des 19. Jahrhunderts. Melchiten, Maroniten, Vaticano*, 1949.
- Grbić D., Stanković R., *Katihetski priručnici* (= Čiriliske rukopisne knjige Biblioteke Matice Srpske), 16), Novi Sad, 2014.
- Gritsopoulos T., "Ēlias Mīniātīs," *Parnassos*, 11 (4), 1969, 559–576.
- Grujić R. M., *Srpske škole (od 1718–1739 g.): prilog kulturnoj istoriji srpskoga naroda*, Novi Sad, Belgrade, 2013.
- Gudkov V. P., "Knizhno-pis'mennyyi iazyk u serbov v XVIII — nachale XIX v.," in: *Formirovanie natsii v Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evrope*, Moscow, 1981, 135–150.
- Guseva A. A., *Svod russikh knig kirillovskoi pechati XVIII veka tipografiyi Moskvy i Sankt-Peterburga i universal'naya metodika ikh identifikatsii*, Moscow, 2010.
- Hromov O. R., Topuriia N. A., "Opisanie Ierusalima" Simona Simonovića i Hristofora Žefarovića v russkikh lubochnykh izdaniakh: issledovanie i svodnyi katalog knig, khronicheskaya v moskovskikh sobraniiakh, Moscow, 1996.
- Ivić P., *Pregled istorije srpskog jezika* (= Celokupna dela Pavle Ivića, 8), Mladlenović A., ed., Sremski Karlovici, Novi Sad, 2014.
- Ivić P., Mladlenović A., "O jeziku kod Srba u razdoblju od 1699. do 1804.," in: *Istorija srpskog naroda*, 4, 2: *Srbi u XVIII veku*, Belgrade, 1986, 69–106.
- Jefcoate G., *Deutsche Drucker und Buchhändler in London: 1680–1811*, Berlin, 2015.
- Jovićin M. M., *Jelini starog Novog Sada kao deo grčke dijasporе*, Novi Sad, 2013.
- Kagarlitskiy Yu. V., "Ritoricheskie strategii v russkoj propovedi Elizavetinskoi epokhi: sluchai Gedeona Krinovskogo," in: *Aion Slavistica: Annali dell'Istituto universitario orientale di Napoli*, 5, 1997–1998, 287–317.
- Kagarlitskiy Yu. V., "On Publishing Translations of Religious Books in the 18th Century Russia: Translations by Stefan Pisarev and their Fate," in: *Vek Prosveshcheniya*, 2: *Tsenzura i status pechatnogo slova vo Frantsii i Rossii epokhi Prosveshcheniya*, 1, Moscow, 2008, 470–497.
- Kagarlitskiy Yu. V., "On the History of Cultural Relations between Russia and Venice in the First Half of the 18th Century (Stefan Pisarev as Translator)," in: *Italy in Russian Archives and Russia in Italian Archives* (= Problemy ital'ianistiki, 5), Moscow, 2013, 213–237.
- Kagarlitskiy Yu. V., "Stephan Pisarev's Fate and the Importance of the Translator's Heritage for the Development of the Russian Spiritual Literature," in: *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, 9, Moscow, 2016, 288–310.
- Keipert H., Bobrik M. A., trans., "Conceptions of Church Slavonic," *Slověne*, 6/1, 2017, 8–75.
- Karathanases A. E., "Sullogē venetik ὡν engraphōn gia ton Ēlia Mēniatē (1696–1710)," in: *Ellēnika*, 25, 1972, 314–334.
- Karathanases A. E., *Ē Phlangineios skholē tēs Venetias*, Thessaloniki, 1975.
- Kartalović J., Ivaz Lj., Vićentije Rakić (1750–1818). *Katalog Izložbe*, Novi Sad, 2000.
- Kašić D., "Stanje u Pećskoj patrijaršiji posle emigracije patrijarha Arsenija IV," in: *Bogoslovije. Izdaje pravoslavni bogoslovski fakultet u Beogradu*, 4 (19), 1–2, Belgrade, 1960, 16–30.
- Kazachkov Yu. A., "Ilija (Min'iatis)," in: *Pravoslavnaia entsiklopediia*, 22, Moscow, 2009, 284–285.
- Kitromildes P. M., "Dositej Obradović and the Greek Enlightenment," *Balkanica*, 44, 2013, 201–207.
- Kostiašov Yu. V., *Serby v Avstriiskoi monarkhii v XVIII veke*, Kaliningrad, 1997.
- Kovačević B., "O Jovanu Mladenoviću, piscu XVIII veka," in: *Zbornik Matice srpske za književnost i jezik*, 18 (1), Novi Sad, 1970, 187–188.

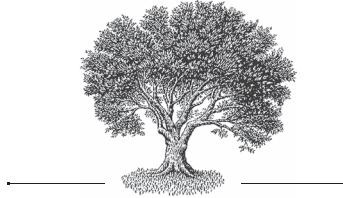
- Kovačević R., *Monah Zlatnog veka. Evropski put Dositeja Obradovića, 1771–1811*, Belgrade, 2011.
- Kulić B., *Manastir Rakovac*, Novi Sad, 1999.
- Lepekhin M. P., Osinkina L. V., "Motonis Nikolai Nikolaievich," in: *Slovar' russkikh pisatelei XVIII veka*, 2, St. Petersburg, 2009, 303–304.
- Lučić J., "Ivan Marija Matijašević i njegov rukopisni fond u biblioteci Male braće u Dubrovniku," in: *Isusovci u Hrvata: Zbornik radova međunarodnog znanstvenog simpozija "Isusovci na vjerskom, znanstvenom i kulturnom području u Hrvata"* (= Biblioteka "Vrela i prinosi" za povijest isusovačkog reda u hrvatskom narodu, knj. 3), Zagreb, 1992, 109–122.
- Marinković B., *Zaboravljeni bratstvenici po peru*, Belgrade, 2008.
- Matejić M., Bogdanović D., *Slavic Codices of the Great Lavra Monastery: a Description*, Sofia, 1989.
- Mihailović G., *Srpska bibliografija XVIII veka*, Belgrade, 1964.
- Mošin V., *Stari rukopisi Srba u Hrvatskoj od XIII do XX stoljeća* (= Katalog muzejskih zbirk, 4), Zagreb, 1970.
- Mošin V., *Čirilski rukopisi u povijesnom Muzeju Hrvatske. Kopitareva Zbirka slovenskih rukopisa i Cojsov čirilski odlomak u Ljubljani* (= Opis južnoslovenskih čirilskih rukopisa, 1), Belgrade, 1971.
- Nedeljković Z., ed., *Inventar rukopisa Biblioteke Srpske Patrijaršije*, Beograd, 2012.
- Nikolaev S. I., "Pisarev Stefan (Stepan) Ivanovich," in: *Slovar' russkikh pisatelei XVIII veka*, 2, St. Petersburg, 1999, 437–438.
- Ninković N., "Prilog proučavanju srpskog srednjeg školstva u Habzburškoj monarhiji i nastave klasičnih jezika 1726–1768," in: *Antika, savremeni svet i recepcija antičke kulture*, Maricki Gađanski K., ed., Beograd, 2012, 240–251.
- Panchenko K. A., "Afanasij III Dabbas," in: *Pra-voslavnaia entsiklopediya*, 4, Moscow, 2002, 51.
- Panchenko K. A., *Blizhnevostochnoe Pravoslavie pod osmanskim vladychestvom. Pervye tri stoletiya. 1516–1831*, Moscow, 2012.
- Papadopoulos Th. I., *Ellēnikē vivliographia (1466–1800)*, 1, Athens, 1986.
- Patrinelés Kh. G., "Ēlias o Mēniatēs," in: *Thrēskutikē kai ēthikē egyklopaeidea*, 6, Athens, 1964, 32–37.
- Pavić M., *Rađanje nove sprske književnosti*, Beograd, 1983.
- Pavlović D., "Vićentije Rakić. Život i rad," *Glasnik Istoriskog društva u Novom Sadu*, 20, 8/1, 1935, 10–20.
- Pavlović D., "Vićentije Rakić. II. Dela," *Glasnik Istoriskog društva u Novom Sadu*, 22, 8/3, 1935, 360–370.
- Pavlović D., "Vićentije Rakić – Dela u prozi," *Glasnik Istoriskog društva u Novom Sadu*, 24, 9/2, 1936, 134–154.
- Pentagolos G. Ī., "Neōtera stoicheia dia ton Ėlian Mītiatin (Ek sōzomenōn egrafōn tēs epochēs tou)," *Parnassos*, 12 (3), 1970, 444–457.
- Podskalsky G., *Griechische Theologie in der Zeit der Türkeneherrschaft 1453–1821: Die Orthodoxie im Spannungsfeld der nachreformatorischen Konfessionen des Westens*, München, 1988.
- Politeś L., *Katalogos heirographōn tēs Ethnēkēs Vivliothékēs tēs Elladōs, ar. 1857–2500*, Athens, 1991.
- Polonski D. G., Ramazanova D. N., "The Russian Catechism" in the English Compilations of Jenkin Thomas Philipps (1723 and 1725)," in: *The History of the Book Culture of the 15–20 Centuries: In Commemoration of the 100th Anniversary of the Research Department of Rare Books (Book Museum) of the Russian State Library*, 1, Moscow, 2018, 213–224.
- Ramazanova D. N., "Spiski propovedei ierusalimskogo patriarkha Chrisanfa Notary v perevodakh Stefana Pisareva (1741–1760-e gg.)," in: *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny v sovremenном nauchnom znanii: Materialy XXV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*, Moskva, 31 ianvaria – 2 fevralia 2013 g., 2, Moscow, 2013, 490–495.
- Ramazanova D. N., "Russian manuscripts of Elias Meniates's Works Translated in the 18th century," *RSUH/RGGU Bulletin, Series: History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies*, 4 (37), 2018, 117–123.
- Ristović N., "Grčki jezik i književnost u novovekovnoj srpskoj prosveti i kulturi do Vukašina Radišića," *Počeci nastave grčkog jezika kod Srba* (= Liceum, 15), Stojanović M., ed., Kragujevac, 2011, 11–33.
- Ristović N., "The Enlightenment of Dositej Obradović in the Context of Christian Classical Humanism," in: *Enlightenment and Religion in the Orthodox World*, Kitromilides P. M., ed., Oxford, 2016, 175–206.
- Sava [Vuković], ep. Šumadijski, *Srpski jerarsi od devetog do dvadesetog veka*, Belgrade, 1996.
- Shemyakin A. L., "Serby v usloviah razloma serbskogo etnicheskogo prostranstva," in: *Istoriia Balkan: Vek vosemnadsatyi*, Vinogradov V. N., ed., Moscow, 2004, 289–330.
- Shore P., *Narratives of Adversity: Jesuits on the Eastern Peripheries of the Habsburg Realms (1640–1773)*, Budapest, New York, 2012.
- Skerlić J., *Istorija nove srpske književnosti*, Belgrade, 1921.
- Skerlić J., *Stara srpska književnost u XVIII veku*, Belgrade, 1923.
- Slijepčević Đ., *Istorija srpske pravoslavne crkve, 1: Od pokrštavanja Srba do kraja XVIII veka*, Düsseldorf, 1978.
- Sove B. I., "Problema ispravleniia bogoslužebnykh knig v Rossii v XIX–XX vekakh," in: *Bogoslovskie trudy*, 5, Moscow, 1970, 25–68.
- Speranskiy M. N., "Serbskie shkol'nye virshi" (iz istorii russko-ukrainsko-serbskikh sviazei v nachale XVIII v.), in: *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury*, 19 (= Russkaia literatura XI–XVII vekov sredi slavianskikh literatur), Moscow, Leningrad, 1963, 404–413.

- Stanojević B., "Miloradović," in: *Enciklopedija Novog Sada*, 15, Novi Sad, 2000, 123–125.
- Stepanov V. P., "Kozitskii Grigorii Vasil'evich," in: *Slovar' russkikh pisatelei XVIII veka*, 2, St. Petersburg, 1999, 93–98.
- Stojanović Lj., *Stari srpski zapisi i natpisi*, 5, Sremski Karlovci, 1925.
- Tatakēs V., *Skouphos, Mēniatēs, Voulgaris, Theotokēs*, Athens, 1953.
- Todorović J., *An Orthodox Festival Book in the Habsburg Empire. Zaharija Orfelin's Festive Greeting to Mozej Putnik (1757)*, London, 2016.
- Tolstoy N. I., "Literaturnyi iazyk serbov v XVIII – nachale XIX v.," in: Tolstoy N. I., *Izbrannye trudy*, 2: *Slavianskaia literaturno-iazykovaia situatsiia*, Moscow, 1998, 239–344.
- Tolstoy N. I., "Konkurencija i koegzistencija normi u književnom jeziku XVIII veka kod Srba," in: Tolstoy N. I., *Studije i članci iz srpskog književnog jezika*, Belgrade, 2004, 157–164.
- Tričković R., *Beogradski pašaluk, 1687–1739*, Belgrade, 2013.
- Tsvirkun V. I., *Dimitrii Kantemir. Stranitsy zhizni v pis'makh i dokumentakh*, St. Petersburg, 2010.
- Tucci U., "Jacopo Pilarino pioniere dell'innesto del vaiolo," in: *Thesaurismata*, 37, 2007, 421–434.
- Turić A. A., Moshkova L. V., *Katalog slavianskikh rukopisei afonskikh obitelei*, 2nd ed., Belgrade, 2016.
- Veselinov I., "Srpski cirilski rukopisne knjige XVIII veka u Biblioteci Matice srpske," in: *Godišnjak Biblioteke Matice Srpske za godinu 1979*, 4, Novi Sad, 1981, 37–74.
- Wright C. E., *Fontes Harleiani: a Study of the Sources of the Harleian Collection of Manuscripts Preserved in the Department of Manuscripts in the British Museum*, London, 1972.

Джамиля Нуровна Рамазанова, канд. историч. наук, доцент,
зав. НИО редких книг (Музеем книги)
Российской государственной библиотеки
119019, Москва, ул. Воздвиженка, 3/5;
доцент кафедры вспомогательных исторических дисциплин и археографии
ИАИ РГГУ
103012, ул. Никольская, д. 15, к. 34
jamiliara@gmail.com

Received August 2, 2018

Церковнославянское языковое наследие как источник чешского библейского стиля в эпоху национального возрождения (Уникальный опыт Франтишека Новотного из Лужи)*

Йозеф Бартонь

Карлов Университет
Прага, Чехия

Church Slavonic Elements as a Source of the Czech Biblical Style in the Period of the Czech National Revival (Unique Attempt of František Novotný from Luže)

Josef Bartoň

Univerzita Karlova
Praha, Česká republika

Резюме

В статье исследуется язык одного забытого чешского библейского перевода начала XIX в.: Четвероевангелия католического священника Франтишека Новотного из Лужи (1768–1826) — в наши дни уже малоизвестного современника и сподвижника великих фигур чешского народного возрождения Йозефа

* Статья написана в рамках исследовательского проекта Карлова университета в Праге PROGRES Q01 как расширенный вариант доклада, прочитанного 14 июня 2018 г. на кафедре библеистики филологического факультета СПбГУ.

Цитирование: Бартонь Й. Церковнославянское языковое наследие как источник чешского библейского стиля в эпоху национального возрождения (Уникальный опыт Франтишка Новотного из Лужи) // Slověne. 2018. Vol. 7, № 2. С. 179–198.

Citation: Bartoň J. (2018) Church-Slavonic Elements as a Source of the Czech Biblical Style in the Period of the Czech National Revival (Unique Attempt of František Novotný from Luže). *Slověne*, Vol. 7, № 2, p. 179–198.

DOI: 10.31168/2305-6754.2018.7.2.7

Добровского и Йозефа Юнгманна. Новотный был знатоком латыни, греческого, церковнославянского, древнечешского и нового чешского языка (кроме прочего, он был также автором одной из первых грамматик чешского, изданных на чешском). Его Четвероевангелие на чешском языке, труд, опубликованный в 1810–1811 гг., принадлежит к переводам так называемого «учебного типа»: автор работает с латинским и греческим исходным текстом и старается максимально копировать структуру обоих источников. Продолжая традицию чешских переводов Библии (которая на рубеже XVIII–XIX вв. была представлена главным образом переводами Франтишека Фаустина Прохазки, происходивших по большей части из переводов барочной католической Святоцацлавской библии и Кралицкой библии чешских братьев), перевод Новотного имеет ряд специфических черт. Автор статьи рассматривает явление, которое в результате многолетнего изучения текста Новотного представляется его главной и наиболее примечательной чертой, а именно — заметное влияние на него церковнославянского библейского текста. Этот феномен для начального периода чешского национального возрождения является совершенно уникальным. Сопоставляя текст Новотного с предшествующей библейской переводческой традицией, автор выявляет в нем целый ряд инноваций, прежде всего на уровне синтаксиса и лексики, но также словообразования и морфологии, наиболее вероятным источником которых могла служить церковнославянская Библия. Наиболее интересным новшеством Новотного является употребление причастий прошедшего времени на -(v)ší, так как эта категория была внедрена в литературный чешский язык именно в период национального возрождения. Важно отметить, что церковнославянский в данном случае был, по-видимому, единственным инославянским источником, к которому прибегал Новотный с целью обогатить и «освежить» чешский библейский стиль.

Ключевые слова

Франтишек Новотный из Лужи, чешское национальное возрождение, чешские библейские переводы, чешский библейский стиль, церковнославянский язык

Abstract

The article deals with linguistic aspects of a Czech Biblical text originating in the period of the beginning of the Czech National Revival which has until recently been entirely forgotten. The text is a Tetraevangelion written by a Catholic priest František Novotný from Luže (1768–1826), an almost forgotten contemporary and collaborator of the great representatives of the Czech National Revival Josef Dobrovský and Josef Jungmann. Novotný was an expert on Latin, Greek, Church Slavonic and old and new Czech (he was also the author of the early grammar of Czech that was published in Czech). His four Gospels in Czech, published in 1810–1811, belong to the “learning type” translations. It continues the Czech Biblical translation tradition (at the turn of the 19th century represented primarily by the translation of the New Testament and of the entire Bible by František Faustin Procházka, which followed mainly the baroque Catholic St Wenceslas Bible and the Kralice Bible of the Moravian brethren), but has many specific features. The article focuses on the phenomenon that manifested itself (during the author's research of Novotný's text lasting several years) as its

main and most interesting trait, namely, a strong influence of the Church Slavonic Biblical text, which is an absolutely rare phenomenon at the beginning of the Czech National Revival. The author, confronting the previous Biblical translation tradition with Novotný's, reveals a number of innovations that were materialised in Novotný's translation and whose origin in the Church Slavonic Bible is certain or at least very probable. The innovations concern various levels of linguistic description, mainly syntax and lexicon, but also word formation and morphology. The most interesting of Novotný's novelties is his usage of the adjectival past participle ending with -(v)ší, since this category was introduced into literary Czech in the period of the Czech Revival. It is also important that Church Slavonic is, with high probability, the only source of the enrichment and "refreshment" of the Czech Biblical style that is written in another Slavonic language (Novotný seems not to use any living Slavonic languages).

Keywords

František Novotný from Luže, Czech National Revival, Czech Biblical translation, Czech Biblical style, Church Slavonic

1. Введение

Данной статьей я хотел бы внести скромный вклад в исследование чешского библейского языка в эпоху национального возрождения Чехии. Эта проблематика поныне представляет собой «непочатый край» в славянском языкознании и библеистике. В центре нашего внимания будут некоторые специальные вопросы, связанные с одним чешским переводом Евангелия, возникшим в самом начале эпохи национального возрождения.

1.1. Рекодификация чешского языка

Известно, что литературный чешский язык после интенсивного развития в Средневековье (с конца XIII и далее в XIV–XV вв.) и расцвета в XVI в. постепенно пришел в упадок: статус государственного языка и вообще престижного языкового кода получил немецкий язык. В эпоху Просвещения чешский уже не мог адекватно выполнять большинство функций, которые призван обслуживать полноценный литературный язык.

Первая фаза чешского национального возрождения в конце XVIII – начале XIX в. представляла собой ключевой момент для начала процесса восстановления литературного чешского языка. Целью этого процесса было поэтапное и по возможности быстрое утверждение чешского языка и укрепление его позиций во всех областях жизни тогдашнего общества. В целом можно констатировать, что основным источником и образцом для рекодификации литературного чешского языка в ходе этого

процесса был язык Кралицкой Библии, переведенной представителями Общины чешских братьев в конце XVI в., а также различных сочинений, издававшихся в так называемую Велеславинскую эпоху (т. е. в течение примерно полувека в интервале между 1570 и 1620 г.). Для восполнения своей функциональной недостаточности чешский язык обогащался на лексическом и фразеологическом уровнях путем освоения тех или иных элементов из родственных живых славянских языков. Основными источниками заимствования были польский и русский языки, на которых имелась разнообразная, отвечающая потребностям времени литература и которые были способны обслуживать все коммуникативные сферы, в том числе научную, публицистическую, политическую и т. д. [ср.: Grepl 1974; Лилич 1973; Лилич 2016]. В этой связи уместно упомянуть известное увлечение выдающегося представителя эпохи чешского национального возрождения Йозефа Юнгманна польским и русским языками или личную переписку Йозефа Добровского и Йозефа Юнгманна со знаменитым польским лексикографом Самуэлем Богумилом Линде. Заслуживает внимания то, что чешские переводчики эпохи национального возрождения, переводя неславянскую литературу, часто пользовались уже существующими русскими и польскими переводами. Кроме того, переводчики оттачивали возможности развивающегося чешского языка на переводах произведений русских и польских классиков. В целях обогащения чешского литературного языка деятели национального возрождения обращались и к другим славянским языкам (в частности, довольно активно использовался «иллирийский» язык сербов и хорватов), а также к диалектам чешского и к его более ранним состояниям (в том числе к наследию старочешского, как принято называть язык текстов приблизительно до конца XV в.).

Сказанное выше относится к развитию отдельных жанров художественной литературы и публицистики на чешском языке, к разработке терминологии для различных научных дисциплин. Эта деятельность представителей чешского национального возрождения на сегодняшний день уже достаточно подробно изучена. Однако внимание исследователей до сих пор не привлекал вопрос об отношении чешского возрождения (и последующего периода вплоть до конца XIX в.) к чешскому библейскому языку. Иными словами, вопрос о том, как обстояло дело с языком и вообще с текстами чешских Библей этого периода.

1.2. Чешская библия в эпоху национального возрождения

В данной статье нас будет интересовать самое начало чешского национального возрождения. Какие Библии читали чехи в конце XVIII – начале XIX в.? Некатолические религиозные общины после 1627 г. находи-

лись вне закона; только в 1781 г. их статус был легализирован благодаря «Патенту о веротерпимости» Иосифа II. В их среде употреблялась Кралицкая Библия чешских братьев в различных изданиях, привозимых из Германии и Венгерского королевства. Чешские католики получили последовательно несколько Библей. В 1778 г. вышел Новый Завет, а в 1780 г. — полная, так называемая Императорская Библия (названная так в честь императрицы Марии-Терезии). В сущности, это был текст более ранней барочной Библии св. Вацлава, изданной в трех томах в 1677, 1712 и 1715 гг., с умеренной правкой монаха из ордена пауланов (минимов) Вацлава Фортуната Дуриха (1735–1802) и его ученика Франтишека Фаустина Прохазки (1749–1809), которые в значительной мере использовали Кралицкую Библию. Прохазка затем издал собственную переработку Нового Завета (1786), а впоследствии и новую версию полной Библии (1804). Он интенсивно работал с греческим и еврейским оригиналами и опять-таки обращался к чешской Кралицкой Библии. Переводы Прохазки дали начало «ведущей линии» чешских католических Библей XIX в., завершением которой стала так называемая Библия св. Иоанна, изданная в двух томах в 1888 и 1889 гг. Позже, с начала XX в., наступает уже новая, современная эпоха чешского библейского перевода, которой присущи свои специфические характеристики [ср.: Bartoň 2010].

1.3. Франтишек Новотный из Лужи и его перевод Евангелия

На рубеже XVIII–XIX вв., кроме переводов Прохазки, появился также Новый Завет библеиста из Оломоуца Франтишека Поллашека (1792). По замыслу его создателя, он был предназначен «для широкой общественности», в связи с чем язык этого перевода — более свободный, более разговорный, причем текст содержит множество разъясняющих комментариев. Полной его противоположностью был несколько более поздний перевод Евангелия, выполненный чешским священником Франтишеком Новотным из Лужи. Данный перевод является предельно буквальным. В качестве греческого источника послужило современное автору критическое издание Нового Завета Иоганна Иакова Грисбаха (1777). Перевод выявляет расхождения между текстом Вульгаты и греческим оригиналом, в примечаниях автор подчас предлагает альтернативные переводческие решения (в том числе некоторые чешские синонимы) и т. д. Речь идет о переводе, выражаясь современным языком, «учебного типа». Франтишек Новотный (1768–1826) был католическим приходским священником родом из городка Лужи близ Хрудима в Восточной Чехии, большую часть своей жизни служившим в г. Млада Болеслав и в других населенных пунктах Центральной Чехии. В 1810 г. он издал

Евангелие от Матфея (с титульным листом и годом издания); остальные три Евангелия, вероятно, появились годом позже (в них отсутствует титульный лист и не указан год). Все четыре Евангелия обычно переплетались в один том. Франтишек Новотный из Лужи принимал деятельное участие в движении национального возрождения, поддерживал тесные контакты с выдающимися личностями своего времени (в частности, с Йозефом Добровским и Йозефом Юнгманном). Он интересовался историей чешской культуры и чешским языком, как старочешским, так и современным; ему принадлежит ранняя чешская грамматика (1818 г.), написанная и опубликованная на чешском языке. Занимался он также историей чешской Библии, посвятив данной проблематике первый обстоятельный труд о чешских библейских переводах, написанный по-чешски [Novotný 1810].

Настоящая статья основана на изучении неизвестного до недавнего времени перевода Четвероевангелия, изданного Франтишеком Новотным из Лужи. В силу неблагоприятного стечения обстоятельств это издание, по-видимому, уже с последних десятилетий XIX в. было забыто, в том числе и составителями библиографий. В библиографических обзорах, как и в исследованиях, посвященных чешским Библиям, упоминалось лишь Евангелие от Матфея — единственное, у которого имелся титульный лист¹.

Самому тексту данного перевода Четвероевангелия внимание до сих пор не уделялось. Возможно, это объясняется тем, что известно было только Евангелие от Матфея, которое ввиду его небольшого объема представлялось не слишком значительным, а в конечном итоге еще и тем, что католические переводы Библии XIX в. поныне остаются на периферии интереса исследователей — как филологов, так и богословов. Тот факт, что Ф. Новотный составил и издал полное Четвероевангелие, я выяснил совершенно случайно около пяти лет назад, обнаружив том с ним в хранилище старого фонда библиотеки Католического богословского факультета Карлова университета в Праге. В общих чертах этот

¹ Например, в книге Я. Ежека в главе, посвященной чешским библейским переводам, упомянут только изданный Новотным перевод Евангелия от Матфея [Ježek 1880: 153]. Это, несомненно, означает, что Ежек не знал о существовании полного Четвероевангелия. В позднейшей статье Й. Враштила, на протяжении десятков лет остававшейся наибольее подробным обзором чешских библейских переводов XIX в., напрямую ошибочно указано, что Новотный осуществил попытку перевода Нового Завета, «но не пошел дальше первой тетради (Евангелия св. Матфея)» [Vraštil 1926: 338]. В единственной изданной биографии Ф. Новотного также упоминается единственно Евангелие от Матфея [Jeníček 1936: 29]. Сведений о существовании полного Четвероевангелия нет и в современной библиографической базе данных Souborný katalog České republiky (Единый каталог Чешской Республики), где лишь воспроизводятся данные с титульного листа Евангелия от Матфея.

перевод был охарактеризован мною в [Bartoň 2014].

Одному примечательному явлению, присутствующему в Четвероевангелии Новотного, а именно причастиям прошедшего времени на -(v)ší типа *přišedší* ‘пришедший’, *poslavší* ‘пославший’², я позже посвятил доклад на большой конференции о славянских библейских переводах, состоявшейся в 2015 г. в Праге. На основе доклада мною было опубликовано более обширное исследование [Bartoň 2016].

Уже в этих двух публикациях я обратил внимание на то, что Новотный, работая над переводом, несомненно держал в руках церковнославянскую Библию³, и привел некоторые примеры проникновения отдельных ее элементов в возникший чешский текст. Бесспорное церковнославянское влияние на текст Новотного я впоследствии подтвердил рассмотрением прежде всего новой для чешского языка того времени категории причастий на -(v)ší.

В ближайшее время мы с сотрудником философского факультета Карлова университета Р. Диттманном планируем научную публикацию изданного Новотным Евангелия св. Иоанна с сопроводительной статьей, а в дальнейшем, по возможности, и остальных трех Евангелий. В процессе уже начатой мною подготовки будущего издания я постепенно пришел к выводу, что церковнославянский отпечаток у Новотного действительно весьма ощутим и касается целого ряда языковых явлений. Эти церковнославянские элементы я хотел бы рассмотреть более подробно в настоящей статье. По существу речь идет о совершенно исключительном явлении в контексте чешского возрождения.

2. Церковнославянский перевод и текст Ф. Новотного из Лужи
 Излагаемые ниже выводы не основываются на систематическом и исчерпывающем анализе (я не проводил сквозного сравнения текстов Евангелия Новотного и Евангелия в редакции Прохазки). Тем не менее я пришел к ним в результате довольно тщательного изучения текста Новотного в процессе подготовки его Четвероевангелия к научному изданию. Полагаю, что эти наблюдения отражают основные моменты, свидетельствующие о церковнославянском влиянии на его перевод.

Приводя примеры, я даю вначале вариант Ф. Новотного из Лужи [Novotný 1810/1811], а далее – соответствующий церковнославянский текст

² Фактически этот тип причастий до периода чешского национального возрождения вообще не существовал в чешском литературном языке.

³ Новотный сопроводил перевод Евангелия довольно обширной статьей, в которой он писал об отношении его текста к латинскому и греческому, о характере вводимых им комментариев и т. д., умалчивая, однако, об использовании им церковнославянского перевода [Novotný 1810/1811: I–VI].

(далее в статье я привожу чтение из первой редакции Елизаветинской Библии [Елизаветинская Библия 1751]). Затем следует более поздняя версия Прохазки ([Procházka 1804], сокращенно Р 1804), и его же ранняя версия ([Idem 1786], сокращенно Р 1786), так как Новотный, по всей вероятности, работал с обеими этими версиями [ср.: Bartoň 2014: 190]⁴. В ряде случаев я привожу также греческий текст (в редакции Грисбаха 1777 г., которую использовал Новотный [Griesbach 1777]); кроме того, иногда дается текст латинской Вульгаты (в издании Немецкого библейского общества [Vulgata 1983]).

По моему мнению, можно с уверенностью (или с большой долей вероятности) говорить о влиянии церковнославянского перевода на текст Ф. Новотного, отражающемся в нижеследующих явлениях⁵.

2.1. Употребление падежей

В сравнении с «традиционными текстами» заслуживает внимания расширение функций некоторых падежей, конкретно творительного и родительного.

2.1.1. Творительный падеж

A. В некоторых случаях у Новотного находим примечательное употребление творительного падежа со значением деятеля (вместо традиционной конструкции с предлогом *skrze* ‘через’ – в греческом тексте διὰ, в латинском *per*):

Jn 1:17 *zákon Mojžíšem dán byl, milost a pravda Ježíšem Krystem stala se – законъ Мѡїсéомъ данъ бысть, блгодáть же Ѵ истина Іисъ Хртóмъ бысть* – Р 1804 = Р 1786 *skrze [. . .] skrze*

Jn 14:6 *Žádný nepřijde k Otcí, nežli mnoi – тóкмω мнóю* – Р 1804 = Р 1786 *než skrze mne*

B. Встречается также творительный падеж со значением отношения или ограничения (вместо традиционной конструкции с предлогом *v* ‘в’ – в греческом тексте беспредложный дательный или конструкция с ἐν, в латинском ablativ или конструкция с *in*):

Lk 1:80 *Dítě pak rostlo, a posilovalo se duchem – Өтrocá же растáше и крѣп-лáшесѧ Дхомъ* – Р 1804 *Dítě pak rostlo a posilovalo se v duchu – Р 1786 Dítě pak rostlo a posilovalo se v duchu* – греч. πνεύματι – Vg. *spiritu*

⁴ Как уже было упомянуто выше, чешский текст Прохазки претерпел эволюцию, особенностью которой было увеличение частоты использования переводческих решений, заимствованных из протестантской Кралицкой Библии конца XVI в., вместо унаследованных от барочной католической Библии св. Вацлава.

⁵ При этом я не исключаю, что в будущем могут выявиться еще какие-либо иные элементы его текста, имеющие под собой церковнославянскую основу.

Lk 10:21 *rozveselil se duchem svatým Ježíš – возврадовася дхомъ Іисъ –*
 P 1804 *rozveselil se v Duchu svatém (v svém srdci, srdečně) – P 1786 rozveselil se v*
Duchu svatém – греч. ...πνεύματι – Vg. ...spiritu

Jn 4:23 *praví klanitelé klaněti se budou Otci duchem a pravdou – и́стинній*
поклонници поклоняте́м є́гъ дхомъ ѵ и́стиню – P 1804 praví ctiteli
(neb modlitebníci) klaněti se budou Otci v duchu a v pravdě – P 1786 praví ctiteli
klaněti se budou Otci v duchu a v pravdě – греч. ἐν πνεύματι καὶ ἀληθείᾳ – Vg. in
spiritu et veritate

2.1.2. Родительный падеж

A. В тексте встречается много примеров родительного падежа в сравнительной конструкции:

Jn 15:20 *Není služebník větší Pána svého. – не́сть рáбъ бóлїй Гда съоегѡ*
 – P 1804 *Není služebník větší, nežli Pán jeho (nemá míti žádné přednosti před ním).*
 – P 1786 *Není služebník větší, nežli Pán jeho.*

B. Нередко также (чаще, чем в переводах Прохазки) выступает родительный падеж отрицания:

Jn 21:3 *a té noci nejali nicéhož – и въ тѣ нόци не́ша ничесѡже – P 1804*
 = P 1786 *a té noci nic nepopadli*

Lk 19:22 *bera, čehož jsem nepoložil – взéмлю, ёгѡже не́ положи́хъ – P 1804*
 = P 1786 *bera což jsem nepoložil*

2.2. Причастные и деепричастные обороты

Употребление причастий и деепричастий демонстрирует значительные расхождения с текстами «ведущей линии» чешских библейских переводов XIX в. Различные причастные и деепричастные конструкции заметно распространяются в количественном отношении, заменяя прежние с личной формой глагола.

2.2.1. Прежде всего следует отметить более частое использование деепричастий прошедшего времени вместо личных форм глагола или деепричастий настоящего времени:

Jn 11:17 *Přišed tedy Ježíš nalezl ho – Пришедъ же Іисъ, ѿбрѣте ёгѡ –*
 P 1804 *Tedy přišel Ježíš: i nalezl ho – P 1786 Protož přišel Ježíš: a nalezl ho – греч.*
 'Ελθὼν οὖν ὁ Ἰησοῦς εὗρεν αὐτὸν – Vg. *venit itaque Iesus et invenit eum*

Lk 4:39 *stáv nad ní – И стáвъ наđ нéю – P 1804 = P 1786 A stoje nad ní –*
 греч. *Καὶ ἐπιστὰς ἐπάνω αὐτῆς – Vg. et stans super illam*

Lk 7:38 *stávši s zadu – И стáвши... созади – P 1804 A stojíc z zadu – P 1786*
A stojeci z zadu – греч. Καὶ στᾶσα ὡπίσω – Vg. et stans retro

2.2.2. В ряде случаев выступает деепричастие настоящего времени (или краткая форма действительного причастия) в составе сложной глагольной формы:

Mk 13:25 *A hvězdy nebeské budou spadajíce – Ἡ συνέπεια τῶν αστέρων οὐρανοῦ ἔσονται ἐκπίπτοντες* – Vg. *et erunt stellae caeli incidentes*

Jn 3:23 *Byl pak i Jan křtě v Enoně* – Εἴτε Ἰωάννης κρείττον ἐν Ἐνώνῃ – P 1804 *A Jan také křtil v Enon* – P 1786 *Jan pak také křtil v Enon* – греч. ἦν δὲ καὶ Ἰωάννης βαπτίζων ἐν Αἰγάλῳ – Vg. *Erat autem et Iohannes baptizans in Aenon*

2.2.3. Иногда встречается деепричастие после фазовых глаголов:

Mt 11:1 *když dokonal Ježíš přikazuje dvanácti učedníkům svým* – *ἐγδὰ σοβερὴ ἔτες τοῖς μαθηταῖς ὅτι μανάδεστε οὐχεικώμα στοιχία* – P 1804 *když dokonal Ježíš řečí své kteréž mluvil, přikázání (neb naučení) dávaje dvanácti učedníkům svým* – P 1786 *když dokonal Ježíš (řečí své, kteréž mluvil), přikázání dávaje dvanácti učedníkům svým* – греч. *ὅτε ἐτέλεσεν... διατάσσων*

Jn 8:7 *Když pak přilehali otázujíce se ho* – *Ἔπειρος τοις τούτοις ἀπορούσις ἔτες* – P 1804 *A když se nepřestávali otazovati ho* – P 1786 *Když tehdy nepřestávali otazovati se ho* – греч. *Ως δὲ ἐπέμενον ἐρωτῶντες αὐτὸν*

2.2.4. Изредка можно наблюдать деепричастие в роли атрибута:

Mt 11:14 *onť jest Eliáš majec přijíti* – *τόι εἶστιν Ἠλίας χριστός προερχόμενος* – P 1804 *onť jest druhý Eliáš, kterýž přijíti má* – P 1786 *onť jest Eliáš, kterýž přijíti má* – греч. *αὗτος ἐστιν Ἡλίας ὁ μέλλων ἐρχεσθαι* – Vg. *ipse est Helias qui venturus est*

2.2.5. Наиболее интересным новшеством Новотного является употребление причастий прошедшего времени на -(v)ši.⁷ Эта категория была внедрена в литературный чешский язык именно в период возрождения. Самым ранним свидетельством ее появления считаются шесть случаев употребления таких причастий в переводе «Потерянного рая» Мильтона, созданном Йозефом Юнгманном в 1800–1804 гг.; при этом известно, что Юнгманн обращался к уже существовавшему на тот момент русскому переводу В. П. Петрова, вышедшему в 1777 г. [Лилич 1962]. Ф. Новотный создал свой перевод Евангелия в тот же период (до 1805 г.⁸) – и в

⁶ Использование краткой формы *maje* здесь примечательно: в Елизаветинской Библии в этом случае употребляется полная форма, а в греческом – artikelъ (ὁ μέλλων).

⁷ Проблему употребления причастий прошедшего времени на -(v)ši у Новотного я здесь представляю лишь в общих чертах. Подробнее я рассмотрел ее в упомянутой выше статье [Bartoň 2016].

⁸ Уже в 1805 г. рукопись Новотного была одобрена цензурой (см. обстоятельную статью самого Новотного о переводе [Novotný 1810/1811: I–II]). Теоретически это могла быть лишь первая тетрадь с Евангелием от Матфея, но скорее всего речь шла уже о полном Четвероевангелии.

нем встречаются 54 примера употребления причастий на -(v)ší в различных функциях. Источником влияния здесь, несомненно, был не живой русский, а церковнославянский язык. Любопытно, что Четвероевангелие Новотного позволяет наблюдать нарастающую тенденцию использования таких причастий: в Евангелии от Матфея находим всего три примера, в Евангелии от Марка — шесть, от Луки — шестнадцать, от Иоанна — двадцать девять. По-видимому, это означает, что Новотный вначале «опробовал» новую категорию, постепенно становясь увереннее в ее употреблении. Примеры:

Jn 13:16 *Není [...] ani posel větší poslavšího jej – нѣсть [...] ни посланникъ болїй пославшагѡ ерѡ – P 1804 Není [...] ani posel větší, nežli ten, kdož jej poslal – P 1786 Není [...] ani posel větší jest, nežli ten, kdož jej poslal – греч. οὐδὲ ἀπόστολος μείζων τοῦ πέμψαντος αὐτόν*

Mk 16:10 *Ona šedší zvěstovala bývavším s ním – возвести съ нимъ бывшимъ – P 1804 = 1786 zvěstovala іѣм, кteříz s ním bývali – греч. ἀπήγγειλεν τοῖς μετ' αὐτοῦ γενομένοις*

2.2.6. К примерам с причастием прошедшего времени на -(v)ší добавляется еще пять случаев употребления их специфических кратких форм, оканчивающихся на -(v)ší (в трех случаях это форма именительного падежа множественного числа женского рода, в двух других — винительного падежа единственного числа среднего и женского рода)⁹. Ввиду того, что этих форм нет в Евангелии от Иоанна, можно предположить, что в предшествующих Евангелиях они остались просто по недосмотру переводчика, как следы первоначального поиска адекватного облика новой грамматической формы. Пример:

Mk 5:30 *Ježíš poznav sám v sobě moc vyšedší z něho... řekl – йісъ разгмѣ въ сеѣ є сіль изшедшю Ѡ негѡ, Ѱ... глаше – P 1804 Ježíš poznav sám v sobě moc, kteráž (poznav sám v sobě že moc) vyšla z něho [...] řekl – P 1786 Ježíš poznav sám v sobě moc, kteráž vyšla z něho... řekl – греч. ὁ Ἰησοῦς ἐπιγνοὺς ἐν ἑαυτῷ τὴν ἐξ αὐτοῦ δύναμιν ἐξελθοῦσαν [...] ἔλεγεν – Vg. Iesus cognoscens in semet ipso virtutem quae exierat de eo [...] aiebat*

2.2.7. Немаловажным является также довольно частое использование причастий настоящего времени на -cí (типа *kirijící*, «покупающий»). Спектр их функций весьма разнообразен.

A. Нередко встречаются субстантивированные причастия:

Jn 4:36 *aby se i sející spolu radoval i žnoucí – да и сѣѧй вкѹпѣ радуетсѧ и жнѧй – P 1804 = P 1786 aby i ten, kdož rozsívá, spolu se radoval, i kdo že*

⁹ Эти формы я также проанализировал в статье [Bartoň 2016: 422–426].

В. Также часто выступает причастие в функции атрибута:

Lk 12:28 *trávu na poli dnes jsoucí, a zítra do peci vmetanou* – трапъ на сељѣ днесь същъ, и ѿтреѣ въ пеци вмѣщемъ – P 1804 = P 1786 *trávu, kteráž dnes na poli jest, a zítra do peci uvržena bývá*

С. Помимо того, отмечаются причастия в функции предикативного определения объекта при глаголах чувственного восприятия:

Mt 15:31 *vidouce němé mluvíci, mrzáky uzdravené, chromé chodící, slepé vidící* – видалимы нѣмымъ глаголющи, вѣдныя здрѣвы, хромыми ходящими, и слѣпымъ видали – P 1804 *vidouce, ano ti kteříž byli němí mluví, kulhaví chodí, slepí vidí* – P 1786 *vidouce, ano (ti, kteříž byli) němí mluví, kulhaví chodí, slepí vidí*

Д. Крайне редко встречается причастие в конструкции, имитирующей *dativus absolutus*:

Mk 9:8 *Sstupujícím pak s hory zapřikázal jim, aby... – Гходящимъ же имъ съ горы, запрети имъ, да...* – P 1804 A *když stupovali s hory, přikázal jim, aby...* – P 1786 A *když stupovali s hory, přikázal jim, aby...* – греч. Καταβαινόντων δὲ αὐτῶν ἀπὸ τοῦ ὄρους, διεστείλατο αὐτοῖς ἵνα... – Vg. et descendantibus illis de monte praeccepit illis ne...

2.3. Прочие именные конструкции

Уже в силу вышеупомянутой высокой частотности причастных форм Четвероевангелие Новотного с первого же взгляда производит впечатление текста «именного» характера. Этому способствует и частое употребление отглагольных существительных, а также конструкций с инфинитивом (или, нередко, супином¹⁰), в отличие от «традиционных» чтений с личной формой глагола.

2.3.1. Отглагольные существительные:

Mk 6:48 *I viděl je těžce pracující u plavení – Й видахъ ихъ страждающихъ въ плаванїи* – P 1804 A *viděl je, a oni se s těžkostí plavili* – P 1786 A *viděv je, že se s těžkostí plavili* – греч. Καὶ εἶδεν αὐτοὺς βασανιζομένους ἐν τῷ ἐλαύνειν – Vg. et *videns eos laborantes in remigando*

Mt 26:32 *Po vzkříšení pak mém – По воскресении же моемъ* – P 1804 = P 1786 Ale *když z mrtvých vstanu* – греч. Μετὰ δὲ τὸ ἐγερθῆναι με – Vg. *postquam autem resurrexero*

2.3.2. Инфинитив/супин:

Mk 7:37 *I hluché učinil slyšeti, i němé mluviti – и глухимъ творить слышати, и нѣмымъ глаголати* – P 1804 *hluchým rozkázel (velí neb rozkazuje) slyšeti,*

¹⁰ Конструкция с супином здесь копирует церковнославянскую с инфинитивом. Сама форма супина у Новотного не отражает влияния церковнославянской Библии, если исходить из наиболее вероятного предположения, что он обращался к Елизаветинской Библии, в которой супин отсутствует.

a němým mluviti – P 1786 i hluchým rozkázal slyšeti, i němým mluviti – греч. καὶ τοὺς χωφοὺς ποιεῖ ἀκούειν, καὶ τοὺς ἀλάλους λαλεῖν – Vg. et surdos facit audire et mutos loqui

Mt 12:42 přišla [...] slyset – **πρῆιδε** [...] **слышати** – P 1804 = P 1786 *přijela* [...] *aby slyšela*

2.4. Страдательный залог

У Новотного встречаются возвратные формы глаголов вместо причастной страдательной конструкции, включая чуждые чешскому языку случаи, когда ими выражается собственно страдательное значение:

Jn 6:12 *A když se nasytili* – **Î** **τὰκω** **насытиша****сѧ** – P 1804 *A když byli nasyceni* – P 1786 *Když pak byli nasyceni* – греч. Ὡς δὲ ἐνεπλήσθησαν – Vg. *ut autem impleri sunt*

Mk 1:9 *a křtil se¹¹ od Jana* – **Î** **κρτίсѧ** **ѡ** **Ιωάнна** – P 1804 = P 1786 *a pokřtěn jest od Jana* – греч. καὶ ἐβαπτίσθη ὑπὸ Ἰωάννου

2.5. Лексика и фразеология

Влияние церковнославянского языка на текст Новотного весьма заметным образом сказалось на лексике и фразеологии. Примеры:

Jn 12:32 *všecko přivléku k sobě* – **всѧ** **привлекъ** **къ** **себѣ** – P 1804 = P 1786 *všecko potáhnu k sobě samému*

Mt 21:34 *aby přijali užitky její* – **приїти** **плоды** **єгѡ** – P 1804 *aby vzali užitky její* – P 1786 *aby vzali užitky (ouroky) její*

Jn 14:18 *Neostavím vás sirých* – **Не** **ѡстáвлю** **вáсъ** **сýры** – P 1804 *Neopustímъ вас sirotků* – P 1786 *Nenechám vás sirotků*

Mk 6:41 *vzezřev na nebe* – **возрѣвъ на небо** – P 1804 = P 1786 *popatřiv do nebe*

J 6:48 *Jáť jsem chléb životní* – **Изъ** **єсмь** **хлѣбъ** **животный** – P 1804 = P 1786 *Jáť jsem chléb života*

J 19:40 *jakž obyčej jest Židům pohřebovatí* – **такоже** **дѣвичай** **єсть** **Іудею** **погребати** – P 1804 *jakž obyčej jest Židům se pochovávatí* – P 1786 *jakž jest obyčej Židům (s to být mohoucím) se pochovávatí*

Mt 20:30 *že Ježíš mimo jde* – **такъ** **їїсъ** **мимоходитъ** – P 1804 = P 1786 *žeby Ježíš tudy šel*

Mt 2:16 *žeby porouhán byl od mudrců* – **такъ** **поруганъ** **бысть** **ѡ** **волхвовъ** – P 1804 = NZ 1786 *žeby oklamán byl od mudrců*

Jn 12:6 *umetáne nosil* – **вметаємѧ** **ношаше** – P 1804 *to což do něho kladeno bylo, nosil* – P 1786 *to, což (do něho) dáváno bylo, nosil*

¹¹ В подстрочном примечании Новотный дает другой вариант перевода: *dal se křtíti*.

Jn 11:35 *I zeszel Ježiš.* – **Прослезися** Іисъ. – P 1804 = P 1786 *I zaplakal Ježiš.*

Lk 6:9 *duši spasiti, čili zahubiti* – **душа спасти, иллю погубити** – P 1804 = P 1786 *život zachovati, čili zahubiti*

Mt 11:28 *všickni pracující a obřemenění* – **всі труждаючіся и вбремененіи** – P 1804 = P 1786 *všickni, kteříž pracujete, a obtíženi ste*

Mt 13:35 *odříhnu skryté věci* – **Шрыгнъ скропленна** – P 1804 = P 1786 *vypravovati буду скрытѣ вѣci* – греч. ἐρεύξομαι κεκρυμμένα – Vg. eructabo abscondita

Lk 8:39 *vypravuj, jeliké věci učinil tobě* – **повѣдай, елика ти сотвори** – P 1804 = P 1786 *vypravuj, kterak veliké věci učinil tobě*

Jn 19:38 *učedník Ježišův, potajný pak* – **пotaенъ же** – P 1804 = P 1786 *ale tajny*

Mk 9:1 *a přeobrazil se* – **и преобрази** – P 1804 = P 1786 *a proměnil se*

Jn 8:9 *svědomím obličeni jsouce* – **съвестю вбличаєми** – P 1804 *v svědomích svých obviněni souce* – P 1786 *v svědomích svých obviněni souce*

Mt 23:15 *syna zatracení zahubnějšího nežli jste sami* – **сына геенны сгубешиша въасъ** – P 1804 *syna zatracení (hodného trestání, zatracení), dvakrát více nežli jste sami* – P 1786 *syna zatracení, dvakrát více nežli jste sami* – греч. οὐδὲ γεέννης διπλότερον ὑμῶν – Vg. filium gehennae duplo quam vos

Вышеприведенные примеры из области лексики демонстрируют разнородность нововведений Ф. Новотного в сравнении с чешской традицией перевода Библии. Нередко речь идет о словах, имеющих общее происхождение с церковнославянскими, которые при этом были общеупотребительными в чешском литературном языке начала XIX в. (например, *přivléku* – *přivléci, aby přijali* – *přijít*). В других случаях это слова, встречавшиеся в более ранний период развития чешского языка (например, *porouhati* – в современном чешском *znevažovat; pohřbovati* – в современном чешском *pohřbívat*). Лишь изредка можно говорить о бесспорных, легко идентифицируемых лексических заимствованиях из церковнославянского (например, *obličiti*¹² – чешск. *obviniti; přeobraziti* – чешск. *proměniti*). Весьма любопытен последний пример из Мф 23:15 *syna zatracení zahubnějšího nežli jste sami* – **сына геенны сгубешиша въасъ**, где использовано чешское слово с совершенно иным значением, чем его церковнославянское соответствие. Церковнославянское **сгубешиша** значит ‘двойной, двоякий, удвоенный’, тогда как чешск. *záhubný* имеет значение ‘губительный, пагубный’, будучи связано с глаголом *hubiti* ‘убить’. Между обоими этими прилагательными имеет место лишь звуковое сходство.

¹² С кратким гласным в корне (в старочешском в значении ‘свидетельствовать перед судом’ был известен глагол *líciti* с долгим *-í-*).

3. Заключение

Итак, на целом ряде примеров мы продемонстрировали, что Ф. Новотный как переводчик испытал довольно сильное влияние церковнославянской Библии, реализовавшееся на различных языковых уровнях. Можно ли на основании приведенных фактов сделать какой-либо общий вывод о характере перевода Новотного, о его взгляде на чешский библейский стиль? Я полагаю, что да.

Постепенно углубляясь в изучение перевода Ф. Новотного из Лужи, я обнаружил, что церковнославянский образец в процессе создания этого чешского текста сыграл весьма значительную роль. Можно даже утверждать, что ориентация текста на церковнославянскую Библию является главной характеристикой переводческого языка Новотного, его специфической трактовки библейского стиля.

Как было сказано в начале статьи, труд Новотного по своей направленности представляет собой интеллектуальный, «учебный» перевод. Это подразумевало прежде всего стремление к максимальной дословности и как можно более точному воспроизведению оригинального текста (латинского или, скорее, греческого) с его конструкциями и даже порядком слов. Не вызывает сомнений, что для достижения этой цели чешский переводчик в ходе своей работы использовал церковнославянский текст, который как раз весьма явственно следовал греческому оригиналу. Таким образом, стремление к дословности и близость к греческому тексту — это первая из возможных причин, почему Новотный обратился к церковнославянской Библии.

Однако была здесь также другая важная, а возможно, и более значимая причина — лингвоэстетическая, или стилистическая. Новотный явно добивался не просто максимального соответствия греческому оригиналу, но и прямого сближения чешского библейского текста с церковнославянским. Это проявилось в целом ряде его переводческих решений (например, в расширенном употреблении творительного падежа, причем даже вопреки греческому тексту, где в соответствующих случаях находим конструкцию с предлогом διά или ἐν, далее, в использовании возвратных форм страдательного залога глаголов и т. п.) Но особенно это заметно в лексике: в тексте Новотного встречается немало примеров, когда им было выбрано чешское слово, созвучное церковнославянскому (в противоположность переводческой традиции, представленной Библиями «ведущей линии»). Курьезной крайностью, которая хорошо отражает это стремление к звуковому сходству с церковнославянским, является упомянутое выше употребление формы сравнительной степени прилагательного *zahubnějšího*, где переводчик ради такого созвучия пожертвовал точностью передачи греческого и латинского оригинала.

По всей вероятности, Новотный считал, что чешскому библейско-му языку (в период национального возрождения и позже, в эпоху ожидаемого нового расцвета чешского языка) подобала бы особая торжественность и возвышенность, которая бы могла быть обеспечена путем приближения к старинному славянскому звучанию Библии. В рамках данной статьи нет возможности вдаваться в более детальный анализ и рассуждения, но можно определенно сказать, что к идее сближения с церковнославянской Библией чешский переводчик подходил весьма деликатно и отнюдь не механически. Он не проводит новшества насквозь по всему тексту, в некоторых параллельных чтениях сохраняя и «традиционные» решения (например, причастия на -(v)*ši* встречаются далеко не всюду в соответствии с причастиями в греческом и в церковнославянском тексте¹³; аналогично лишь местами употребляется творительный падеж в новой функции¹⁴ и т. д.). Представляется, что для Ф. Новотного из Лужи все такие элементы играли роль своего рода «стилистических специй», которыми его текст посыпан довольно обильно, но часто почти незаметно. Так, наш переводчик нередко выбирает исконно чешские языковые средства, если они обнаруживают сходство с церковнославянскими; при этом он не прибегает бездумно к каким-либо совершенно искусственным или неуклюzym конструкциям и оборотам.

При рассмотрении перевода Новотного необходимо обратить внимание на тот факт, что церковнославянский, вероятно, являлся для него единственным нечешским источником, используемым в целях обогащения и оживления библейского языка. Во всяком случае на данный момент мне не удалось найти достоверные источники влияния на него иных славянских языков, кроме церковнославянского: я не могу привести ни одного примера, когда то или иное выражение или конструкция имело бы соответствие в другом славянском языке, но не в церковнославянской Библии. Так, хотя теоретически источник упомянутых выше выражений *přeobraziti* или *míto jítī* можно было бы искать в польских *przeobrazić* и *mimo iść* (последнее встречается даже в наиболее распространенной католической библии Якуба Вуйка конца XVI в.), тем не менее мы находим их также в церковнославянской Библии, с которой наверняка работал Ф. Новотный.

Попутно хочу подчеркнуть, что церковнославянское влияние на возрождающийся литературный чешский язык представляет собой

¹³ О разнообразных способах передачи Новотным конструкций с причастиями в греческом и церковнославянском тексте см.: [Bartoň 2016: 421].

¹⁴ Примером этого может служить причастная форма страдательного залога с выражением деятеля предложной конструкцией в Мф 10:22 *A budete nenáviděni odevšech – Й въдете ненавидими всѣми – P 1804 A budete v nenávisti téměř všechněm – P 1786 A budete v nenávisti všem.*

абсолютно уникальный феномен. При этом, насколько мне известно, роль церковнославянского языка в сочинениях представителей чешского возрождения до сих пор вообще не освещалась в научной литературе.

В завершение замечу, что стремление Новотного к довольно радикальному изменению облика библейского текста само по себе удивительно — и уже ввиду одного этого заслуживает внимания исследователей. Именно библейский текст и библейский язык, в отличие от языка развивающейся художественной и специальной литературы, которая настоятельно требовала пополнения запаса синонимов и создания терминологии, казалось бы, в подобных изменениях не нуждался. Тем более что язык классической Кралицкой Библии, на которую опирались и католические обработки Франтишека Фаустина Прохазки, признавался в начале процесса национального возрождения образцом качественного чешского языка. Открытие уникального эксперимента Новотного, который я в настоящей статье попытался представить и хотя бы в какой-то степени проанализировать, да послужит нам, богемистам, славистам и библейстам, стимулом к более подробному изучению библейских переводческих опытов XIX в.

Франтишек Новотный из Лужи, как следует из его переписки, собирался опубликовать также вторую часть Нового Завета в своем переводе. В этом ему помешал недостаток материальных средств¹⁵, а затем и преждевременная смерть (он скоропостижно скончался в 1826 г. в возрасте 58 лет). Оставшееся после него имущество после его смерти пропало; эта же участь, вероятно, постигла и перевод Апостола, завершенный или оставшийся в набросках [Bartoň 2014: 186–187]. Как уже говорилось выше, в течение последующих десятилетий был забыт и опубликованный им перевод Четвероевангелия. Даже само имя Новотного в позднейших (вплоть до сего дня) историко-литературных публикациях о начальном периоде чешского национального возрождения упоминается лишь в редких случаях.

По всей видимости, примечательная попытка Франтишека Новотного из Лужи «освежить» чешский библейский стиль с опорой на церковнославянский текст была скорее начинанием одиночки и в свое время не получила прямого продолжения. Тем не менее существовали как минимум два более поздних новозаветных перевода (находившиеся также за пределами «ведущей линии» чешской библейской традиции), создатели которых также обращались к церковнославянскому тексту, хотя в несравненно меньшей мере, чем Новотный. Первым из них был

---

¹⁵ О своем намерении издать вторую часть Нового Завета и о финансовых затруднениях Новотный сообщал Й. Добровскому в январе 1814 г. (текст письма см. в [Jeníček 1936: 51]).

перевод известного моравского католического священника и богослова, собирателя фольклора и пропагандиста всеславянской кирилло-методиевской идеи Франтишека Сушила (1804–1868), опубликованный в восьми томах, которые выходили с 1864 по 1872 г. (часть томов вышла уже после смерти автора)¹⁶. Вторым является новозаветный текст, который по сей день используют чешские православные христиане. Его подготовил и издал параллельно с церковнославянским текстом православный священник Николай Петрович Апраксин (1847–1907), выпускник Петербургской духовной академии, на протяжении ряда лет работавший в Праге и в Западной Чехии. Его Новый Завет вышел в двух томах в Петербурге в 1892 и 1897 гг.¹⁷ На вопрос, можно ли говорить о каких-либо следах влияния Евангелия Ф. Новотного в этих двух текстах (а следовательно, и о каком-либо продолжении его дела и представлений о чешском библейском языке), я пока не готов ответить. Во всяком случае, это было бы целесообразно проверить путем подробного сопоставления названных текстов¹⁸.

Библиография

Источники

Елизаветинская Библия 1751

Библия сиречь книги Священного писания Ветхого и Нового Завета [, 1-е изд.],
С.-Петербург, Типография Александро-Невского монастыря, 1751.

Griesbach 1777

Novum Testamentum Graece, Textum ad fidem codicum, versionum et Patrum emendavit
et lectionis varietatem adiecit Ioannes Iacobus GRIESBACH. Volumen I. Evangelia et Acta
apostolorum complectens, Halae, Ioannes Iacobus Curtius, 1777.

Novotný 1810/1811

Písmá svatého Nové umluvy Evanjelium aneb Blažené zvestování od svatého Matouše [, Marka, Lukáše,
Jana], Přeložil a variantes lectiones textus Graeci, aneb řeckého textu rozličné čtení způsoby veskrz
přiložil František NOVOTNÝ z LUŽE, Praha – Mladá Boleslav, František Jeřábek, 1810–1811.

Procházka 1786

Písmo svatého Nového Zákona podlé Českého přeložení [, etc.], Praha, Elsenwanger, 1804.

¹⁶ Насколько мне известно, на сегодняшний день отсутствует какая-либо публикация, в которой бы подробно анализировался язык новозаветного перевода Сушила.

¹⁷ Совсем недавно вышла статья [Вернер 2018], исследующая языки Нового Завета Апраксина прежде всего с точки зрения церковнославянского влияния на чешский текст.

¹⁸ Франтишек Сушил имел в своей библиотеке Четвероевангелие Новотного; эта книга сохранилась в библиотеке монастыря миноритов в г. Брно. Что касается Нового Завета Апраксина, И. В. Вернер констатирует наличие некоторых методологических и системных соответствий с трудом Новотного, но о прямых текстовых влияниях не говорит (следует полагать, сравнение этих текстов она не проводила) [Вернер 2018: 118].

Procházka 1804

Biblí Česká, to jest celé Svaté Písmo starého i nového Zákona [, etc.], Praha, Císařská normální škola, 1804.

Vulgata 1983

Biblia Sacra iuxta vulgatam versionem, Edd. Robertus Weber Bonifatius Fischer. Editio tertia emendata, Stuttgart, Deutsche Bibelgesellschaft, 1983.

Литература

Вернер 2018

Вернер И. В., «Чешская Библия в истории русской культуры и письменности и vice versa: чешско-церковнославянский Новый Завет Н. П. Апраксина 1892–1897 гг.», in: *Славяноведение*, 2, 2018, 94–109.

Лилич 1962

Лилич Г. А., «К вопросу о взаимодействии чешского и русского литературных языков», in: *Ученые записки Ленинградского университета*, 316, 64, 1962, 34–42.

— 1973

Лилич Г. А., «Русский язык как язык-посредник для чешских переводов начала XIX в.», in: *Славянское языкознание: VII международный съезд славистов*, Москва, 1973, 484–499.

— 2016

Лилич Г. А., *Роль русского языка в развитии словарного состава чешского литературного языка (конец XVIII – начало XIX в.)*, С.-Петербург – Грайфсвальд – Гейдельберг, 2016.

Bartoň 2010

Bartoň J., “Století moderního českého biblického překladu (1909–2009)”, in: *Listy filologické / Folia philologica*, 133, 1–2, 2010, 53–77.

— 2014

Bartoň J., “Zapomenutý překlad pozapomenutého obrozence: české čtveroevangelium Františka Novotného z Luže”, in: *Clavibus unitis*, 3, 2014, 183–195.

— 2016

Bartoň J., “Adjektiva na -(v)ší v evangeliním překladu Františka Novotného z Luže a jejich církevněslovanská inspirace”, in: *Listy filologické / Folia philologica*, 129, 3–4, 2016, 395–428.

Grepl 1974

Grepl M., “K jazyku obrozenkých překladů z ruština a polštiny”, in: *Slovanské spisovné jazyky v době obrození*, Praha, 1974, 169–179.

Jeníček 1936

Jeníček V. V., *Národní buditel Fr. Novotný z Luže, historik a linguista český (1768–1826)*, Košumberk, 1936.

Ježek 1880

Ježek J., *Zásluhy duchovenstva o řeč a literaturu českou: od r. 1780–1880*, Praha, 1880.

Novotný 1810

Novotný z Luže F., *Biblioteka českých biblí od třináctého věku až do léta 1810* [s. l., s. n., 1810].

Vraštil 1926

Vraštil J., “České překlady biblické”, in: *Český slovník bohovědný*, III, Podlah A., ed., Praha, 1926, 334–341.

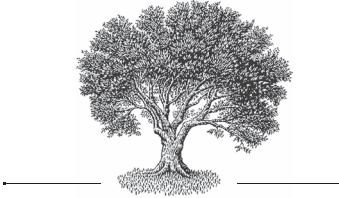
References

- Bartoň J., "A Century of the Modern Czech Biblical Translation (1909–2009)", in: *Listy filologické / Folia philologica*, 133, 1–2, 2010, 53–77.
- Bartoň J., "Forgotten translation of a semi-forgotten Czech national revivalist: Czech set of four Gospels by František Novotný z Luže", in: *Clavibus unitis*, 3, 2014, 183–195.
- Bartoň J., "Adjectives Ending in -(v)ší in the Gospel Translation by František Novotný of Luže and Their Church Slavonic Inspiration", in: *Folia philologica*, 129, 3–4, 2016, 395–428.
- Grepl M., "K jazyku obrozeneských překladů z ruštiny a polštiny", in: *Slovenské spisovné jazyky v dobu obrození*, Praha, 1974, 169–179.
- Jeniček V. V., *Národní buditel Fr. Novotný z Luže, historik a lingvista český (1768–1826)*, Košumberk, 1936.
- Lilich G. A., "K voprosu o vzaimodeistvii cheshskogo i russkogo literaturnykh iazykov", in: *Uchenye zapiski Leningradskogo universiteta*, 316, 64, 1962, 34–42.
- Lilich G. A., "Russkii iazyk kak iazyk-posrednik dlja cheshskikh perevodov nachala XIX veka", in: *Slavianskoe iazykoznanie: VII mezhunarodnyi s'ezd slavistov*, Moscow, 1973, 484–499.
- Lilich G. A., *Rol' russkogo iazyka v razvitiu slovarnogo sostava cheshskogo literaturnogo iazyka (konets XVIII – nachalo XIX veka)*, St. Petersburg – Greifswald – Heidelberg, 2016.
- Verner I. V., "The Czech Bible on the history of Russian culture and writing, and vice versa: Nikolai Apraksin's Czech-Church-Slavonic New Testament in 1892–1897", in: *Slavyanovedenie*, 2, 2018, 94–109.
- Vraštil J., "České překlady biblike", in: *Český slovník bohovědný*, 3, Podlahá A., ed., Praha, 1926, 334–341.

---

doc. PhDr. Josef Bartoň, Th.D.
Karlova univerzita,
Katolická teologická fakulta,
docent Katedry biblických věd a starých jazyků
160 00 Praha
Thákurova 3
Česká republika
barton@ktf.cuni.cz

Received September 24, 2018

The Utopian Impulse and Searching for the Kingdom of God: Ludwik Królikowski's (1799–1879) Romantic Utopianism in Transnational Perspective*

Piotr Kuligowski

Uniwersytet im. Adama Mickiewicza
w Poznaniu
Poland

Abstract

This article addresses the question of the utopian impulse in Ludwik Królikowski's work and thought, with particular reference to its transnational dimension. By providing a holistic view of his entire life and sketching his biographical background, this study reveals Królikowski's principal inspirations and the reasons for his changes of mind, and in so doing, presents him against the background

Утопический импульс и поиски Царства Божьего: романтический утопизм Людвика Круликовского (1799–1879) в транснациональной перспективе)

Петр Кулиговский

Университет им. Адама Мицкевича
в Познани
Польша

* This work received support from the Polish National Science Centre (UMO-2018/28/T/HS3/00023 and UMO-2017/25/N/HS3/00131).

Citation: Kuligowski P. (2018) The Utopian Impulse and Searching for the Kingdom of God: Ludwik Królikowski's (1799–1879) Romantic Utopianism in Transnational Perspective. *Slověne*, Vol. 7, № 2, p. 199–226.

Цитирование: Кулиговский П. Утопический импульс и поиски Царства Божьего: романтический утопизм Людвика Круликовского (1799–1879) в транснациональной перспективе // Slověne. 2018. Vol. 7, № 2. С. 199–226.

DOI: 10.31168/2305-6754.2018.7.2.8

of various intersecting currents of thought. With regard to Królikowski's utopianism, it is argued that he rejected the canons typical for Renaissance and Enlightenment reflections on the ideal state, in which visions of spotless, well-organized cities dominated. The Polish thinker was instead interested in Christianity and extolled spontaneous human activities, which would be in accordance with the will of God only if they were pursued freely, without any coercion. As analysis of his works reveals, he expounded a vision of utopia (primarily called "the Kingdom of God") beyond time and space, without any consideration of the material conditions for its existence. In developing his views, Królikowski was inspired by Saint-Simonism, the Icarian movement, and ongoing discussions of the Polish and Slavic questions. These three main dimensions, interwoven with intermittent failures and reflections embarked upon anew, constituted the intellectual space in which his unique propositions were made.

Keywords

communism, Romanticism, Saint-Simonism, the 19th century history, the Icarian movement, utopianism

Резюме

В настоящей статье рассматривается вопрос об утопическом импульсе в трудах и мировоззрении Людвика Круликовского. Особое внимание удалено транснациональному аспекту развития его идей. На основе целостного историко-биографического анализа проведено исследование основных взглядов Круликовского в связи с различными обстоятельствами его жизненного пути, обусловившими причины изменений в этих взглядах. Круликовский преодолел каноны утопизма, состоявшие в типичных для эпохи Возрождения и Просвещения представлениях об идеальном государстве, где на первом плане находились образы городских общин с детальной и безупречной регламентацией жизни. Польский мыслитель проявлял значительный интерес к христианству и превозносил человеческую самодеятельность, которая, по его мысли, может осуществляться в соответствии с Божьей волей, только если не будет подвержена какому-либо принуждению. Результатом анализа трудов Круликовского стал развернутый им образ нематериальной, существующей вне времени и пространства утопии (изначально названный им «Царством Божиим»). Свои взгляды Круликовский развивал, вдохновляясь идеями сен-симонизма, икарийского движения и актуальными в его время дискуссиями о польском и славянском вопросе. Эти три направления развития его идей, обусловившие перемежавшиеся неудачами Круликовского перемены в его взглядах, составляют пространство, в котором разворачиваются специфические суждения мыслителя.

Ключевые слова

коммунизм, романтизм, сен-симонизм, история XIX века, икарийское движение, утопизм

Preface

Despite the fact that the Polish utopianism (broadly understood) is, to some extent, an oft-overlooked area of inquiry, there exists a well-grounded contention that the East Central European political imagination in the 19th century remained relatively untouched by the proliferation of visions of a future ideal society [Trencsényi et al 2016: 54–55]. Such a state of affairs in this region of Europe would seem remarkably different from the situation in Western Europe, where many social innovators and early socialist schools of the time made real efforts to establish ideal brick-and-mortar communities as proof of the genuineness of their views [Antony 2016]. As is well known, all these attempts attracted enormous criticism both in their time and thereafter, as social innovators were considered to be apologists for dictatorships and totalitarianisms [e.g. Talmon 1960].

The early Polish communist Ludwik Królikowski was not immune to such criticism, but the damning condemnation he received was largely at the hands of 20th-century historians. Królikowski's peers were, to some extent, inclined to see the positive aspects of his ideas, even if they differed considerably in their assessments. For example, as early as the 1840s, Królikowski's ideas had caught the attention of the great Polish poet Adam Mickiewicz, who perceived him as a religious thinker whose ideas were more splendid than those of the German philosophers [Mickiewicz 1865: 240]. At the same time, however, the Polish philosopher and writer Karol Libelt stated that Królikowski was profoundly non-religious, and compared him to Saint-Simon and Bruno Bauer [Libelt 1967: 314]. In later periods, his works and thought were considered unrealistic by a number of authors, and therefore treated with evident contempt (in part because of his chaotic or simply bad writing style) [Lubbecki 1921; Turowski 1958]. At the same time, however, there were also historians inclined to claim that Królikowski's statements should be distinguished from the authoritarian pronouncements of many of early socialists and communists [Brock 1960: 161]. This latter opinion constitutes the point of departure for my reflections.

Instead of suggesting that one political project or another was chimeric, or even totalitarian, I propose to return to the etymology of utopia, which comes from Greek *ou-topos*, i.e. “no place”. Restoration of this original meaning may render illegitimate the search for clear instances where attempts were made to turn utopian visions into realities, but it simultaneously opens up a space for thinking about utopia as an attempt to expand the range of imaginative possibilities [Szacki 2000: 12]. This seems particularly appropriate against the background of the general stages through which utopian thinking passed in the first decades of the 19th century. In that period, utopias ceased to be primarily a literary genre consisting of the leitmotiv of travel towards an

undiscovered land where an ideal state had once been located. Rather, utopian blueprints for a future society began to be considered as the outcome of scientific deliberation, which had necessarily to also take into account the category of space, no longer treated as a passive background, but rather as a factor almost directly contributing to the formation of a utopia [Baczko 1978: 21; Vilder 1995]. In addition, in the 19th century, utopias became an element of popular yearnings, making their presence felt in many forms of social activity [Rancière 1989; Riot-Sarcey 1998]. Thus, it appears that elements of utopian thinking made themselves felt at many levels of radicals' activities.

For this reason, what interests me here is consideration of utopia as an impulse penetrating and enhancing modes of critical assessment of the existing world. Consequently, the aim of this article is to explore both divergent and recurrent utopian concepts in Ludwik Królikowski's political thought over his lifetime. This object of study, explored across a broad timeframe, may reveal general tendencies in Romantic utopian discourse. Moreover, given that Królikowski wrote a significant percentage of his texts in French and was personally deeply involved in French political movements, his case constitutes an interesting example of political ideas formed at the junction of two completely different socio-political contexts. All in all, in this article I intend to formulate answers to the following questions: How and why did Królikowski's utopian ideas change over time? What themes and genres were dominant in his utopian reflections? How did he synthesize his French and Polish experiences and inspirations? And, more broadly, how can his case contribute to a more general understanding of Romantic utopias?

As a result of Królikowski's important role in 19th-century radical political circles, a significant number of studies have already been devoted to his political activities and ideas. While in recent years French historians in particular have revealed many new facts concerning his life [Cordillot and Fourn 2002], many lacunas still exist. However, in the following paragraphs I limit myself to providing only the most necessary context for my interpretations, in some cases also enriching existing knowledge about his biography.

Experiencing utopia

Królikowski's way of life was far from typical among his peers. He was born into a peasant family in Piotrkowice, in the Russian partition. However, his father was able to read and write, so it would be wrong to consider his domestic environment typical of the Polish peasantry of that time. Once again unexpectedly in the light of his social roots, as a teenager he attended school in Kielce. There, his best friend was Piotr Ściegienny, who also later became involved in radical organizations. This coincidence—two schoolmates who found themselves in the ranks of parallel political movements in the 1840s—

has inclined some historians to consider the place of origin of the two boys (village communities in the Russian partition) as a decisive factor influencing their later political standpoints [Turowski 1958: 199–232]. However, in the paragraphs below I argue that such a view, while not completely wrong, is over-simplified.

Królikowski's studies at the University of Warsaw over the period 1823–1827 played a pivotal role in shaping his mentality. At that time, he was interested in many disciplines, participating as an unenrolled student in courses on physics, chemistry, theology, philosophy, and more, but eventually graduating in administration [Ujejski 1912: 429]. Aside from his university education, another factor affecting his views in this period was the underground student groups then flourishing in Warsaw. Readers of Jan Nepomucen Janowski's memoirs of the 1820s will come across numerous descriptions of "trysts" [*schadzki*]—informal meetings in which the participants discussed vital issues and the nature of patriotism in their milieu [Janowski 1950: 98–99]. Moreover, during his studies in Warsaw Królikowski met two people with whom he decided to move to France and enroll in a course in one of the Saint-Simonian schools there.

This three-year sojourn in Paris (1828–1831) may be considered a real turning point in the shaping of his political imagination. His participation in meetings held in the hub of the Saint-Simonian movement, a building on the rue Monsigny, exerted a particularly strong influence upon his political imagination. The memoirs of his close friend, Bogdan Jański, shed light on their daily activities at the time, demonstrating that they passed their life there in an almost monastic routine. They lived in small cells and participated in common rituals and celebrations along with other Saint-Simonians. A common kitchen and common meals, regular meetings with ritual breaking of bread, and conversations held in a language saturated with religious metaphors—all of this became part and parcel of their daily experience [Micewski 1983; Jański 2011a: 135; Charléty 2018]. Also in the years 1828–1831, Królikowski established contact with some of the main figures of the Saint-Simonian movement, such as Barthélemy Prosper Enfantin, Amand Bazard, and Michel Chevalier. Interestingly enough, several years later, when Saint-Simonist ideas had visibly lost momentum, Królikowski and Jański bitterly commented in their correspondence on the later ideological choices of their former collaborators, who decided to immerse themselves in Catholicism, strive for political careers, or even work as journalists in the conservative press [Jański 2011b: 447–448].

However, in 1831, when the Saint-Simonian movement in France had reached the peak of its popularity, with approximately 500–600 sympathizers [Picon 2002: 77–78], the Polish uprising broke out in the Russian partition. Thus, in May 1831, Królikowski hastily left Paris and moved back to Poland

[Jański 2001: 103], where he became involved in the November Uprising as an ardent propagandist. It seems evident, however, that his political views formulated after 1831 were profoundly affected by the experience of his strong commitment to Paris's Saint-Simonian circles, in which he could not only imagine, but also experience life in a real community with particular rituals, ceremonies, requirements, and modes of communication. In the following paragraph, I describe how this three-year sojourn in the French capital affected his utopian thought.

Planning utopia

During his relatively short, three-month involvement in political affairs during the November Uprising, Królikowski published a cycle of short articles in the journal *Gazeta Polska* ("The Polish Gazette"), which may be seen as a harbinger of his later utopian deliberations. It was then—for the first time in Polish political discourse—that he introduced, i.e. transferred from the French context, ideas connected to social radicalism, such as progressive taxation, or described the "passive strata" of society, such as the aristocracy, as parasites [GP 181; GP 217]. Moreover, in his cycle of articles, he formulated a critical stance on the Polish authorities during the Uprising, suggesting that all governments were, by their very nature, dismissive towards freedom of speech [GP 158; GP 159]. Likewise, Królikowski claimed that concern for the well-being of the people should not be limited to representative bodies, as Jesus had not been authorized by any election yet had done more good for ordinary people than any government [GP 193]. Over the course of time, critical remarks directed against the very essence of political power as such became more and more prevalent and multifaceted in his writings.

A couple of months later, after the collapse of the November Uprising, Królikowski made an unusual decision—he moved to Cracow and opened a dormitory there for young students. While living in Cracow, Królikowski stayed out of the disputes convulsing the Polish circles in exile, such as violent quarrels about the reasons for the defeat. Nevertheless, the city at that time was far from being stifled and subdued. On the contrary, in the 1830s it was a real center for smuggling illegal literature and for the activities of underground political groups [Berghauzen 1974]. This probably explains how Królikowski gained access to the *Księgi narodu i pielgrzymstwa polskiego* ("The Books of the Polish People and of the Polish Pilgrimage"). Reading this work, he was charmed by both the text itself and by its author, who was Mickiewicz. Królikowski proclaimed the poet a leader of the Polish circles in exile, and, in a letter sent in 1833, recommended that he bring these circles together in the framework of a Monastery of the Polish Children (*Zakon Dzieci Polskich*). It is significant that Królikowski did not consider such an imagined

community to be a structure internally hostile to the French government. In fact, he felt precisely the opposite. As a first step, he advised that formal consent be acquired in order to ensure that this innovative community would not be liquidated by the authorities. What's more, he also recommended that, from the very beginning, the Monastery should be considered a place to work and live not only for the few thousand Poles in exile, but rather for millions of people [LLKdAM 1991]. This proposal was clearly inspired by his time in Paris, especially his propositions concerning the perfect unity of members and the end of ongoing, paltry political disputes. His first fully elaborated blueprint for a new society is thus based on the assumption that, at the very moment such a community emerges, even in an embryonic state, all ongoing political strife becomes invalid for those involved in it. In his subsequent thought, the concept of unity was to be a recurring, overarching motif in his utopian reflections.

Due to the limited space afforded freedom of speech in the Polish lands, Królikowski could not fully elaborate his stance while living in Cracow. This does not mean, however, that his sojourn in the city was a wasted period in terms of his intellectual development. On the contrary, in one of his letters from 1840, he stressed that he wrote a number of articles in the 1830s, but was unable to release them [3685/4, 150]. Paradoxically, the authorities actually facilitated their publication in 1839, when Królikowski was suspected of supporting an illegal organization, ordered to leave Cracow, and so moved to Paris, where he threw himself instantly into the vibrant political life there.

Characteristically, even in his correspondence from the very first months of his sojourn in France, he made clear efforts to distance himself from "isms", including Fourierism, Catholicism, Jesuitism, and Saint-Simonism alike [3685/4, 150]. Despite these declarations, however, his output from the early 1840s in particular seems to carry strong Saint-Simonian overtones. However, over time, as he delved deeper into the twists and turns of political life in France, and in order to refine his ideological arguments, he elaborated a number of original notions.

It is worth mentioning that, on the eve of his energetic participation in Parisian disputes, he was also inspired by a couple of other authors. In a letter to the Polish democrat Jan Nepomucen Janowski, Królikowski mentioned with evident admiration the works of Éliphas Lévi, Alphonse Esquiros, Étienne Cabet, and Étienne-Gabriel Morelly (mentioning his *Code de la Nature*) [3685/4, 132]. Thus, it is evident that amongst the authors who inspired Królikowski profoundly at the time were thinkers interested in occultism, utopias, mysticism, and social transformation (broadly understood). Królikowski's ardent faith in the possibility of profound change in the world was also enhanced by his aversion to history in the broad sense. When asked by Janowski whether he

had taken any historical books with him when he left Cracow, Królikowski emphatically responded: “Dealing with prophecies and the future, I am moving away from the past and turning from it with tenderness, as if from Sodom and Gomorrah, to where Christ was killed because of his love for the people” [3685/4, 204]. As I demonstrate below, all these inspirations and assumptions were to influence his later reflections.

Characteristically, in revealing his ideas during the early years of his second sojourn in Paris, Królikowski relied on the strategy of propagating polemics rather than constructing new propositions for social change. In *Zjednoczenie* (“Unity”), he released a cycle of texts entitled *Pogromki* (a peculiar word which does not exist in contemporary Polish and literally means “small pogroms”), in which he offered many extremely negative remarks about the nobility (*szlachta*) as well as his political enemies (i.e. almost every Polish political organization of the time). Two dimensions of these short publications should be particularly highlighted. First, Królikowski was convinced that his own ideas, even those concerning different visions of the Kingdom of God on earth, were far from being utopian. However, as he emphasized, democrats and monarchists portrayed his conceptions as entirely utopian, whereas it was in fact they who were the ones formulating ridiculous ideas, encouraging their readers to sacrifice everything for the sake of a Polish King, or seeing the best way to redeem their fatherland in armed struggle, heedless of the other dimensions of such an endeavor [Zjednoczenie 1841: 63–64]. Królikowski’s attempts to disseminate his ideas through fervent polemics were not simply a rhetorical strategy. Rather, they were an integral element of his political theology, in which there was no room for any conciliation between good and evil [Stasi 2017].

Despite the possibility of close collaboration with the editorial board of *Zjednoczenie*, Królikowski’s ambition was to establish his own journal. Thus, in 1842, he published the first volume of *Polska Chrystusowa* (“Christ’s Poland”), a journal intended to be a platform for promoting his beliefs. The articles published in *Polska Chrystusowa*, most likely all of which were authored by Królikowski, contained general reflections on the true Christianity, understood as a complex program of social reforms put forward hundreds of years ago by Jesus, and afterwards obfuscated by false priests and bishops. Drawing on clear distinctions between the old and the new world, Królikowski used harsh language, imbued with visions of flames, destruction, and condemnation as general metaphors for the people’s revenge on their oppressors. Even nature seemed to be on the side of Królikowski’s revolution. These vividly positive characterizations of the living material world coincided with rejection of certain aspects of human creation, e.g. of modern cities. He stated that: “Big cities, in their current state, pour into our souls gloomy and deathly feelings,

because they have not anything loving or anything of the folk in them. You can find more fraternal relations within a beehive or anthill than in contemporary cities. For this reason, somebody rightly called them ulcers on society and graves of the virtues” [PCh 1842: 46–47]. What’s more, a recurrent motif in the first volume of *Polska Chrystusowa* was the metaphor of “Christ’s sword”, which he used to depict the people’s rebellion. However, Królikowski seldom returned to this formulation in his later works. Perhaps he adopted this metaphor as a result of his extensive reading of Esquiro (for whom the cross was a symbol of revolutionary violence) [Bowman 2016: 211]. In any case, later, his pacifist stance plainly came to the fore.

He applied a different rhetorical strategy in the second issue of *Polska Chrystusowa*, released in 1843. In the opening article, Królikowski signaled his intention “to mark out this perennial social pattern, which comes from God” [PCh 1843: 214]. Thus, in 1843—most likely in response to the continual insistence of his peers, who demanded that he formulate a more precise blueprint for the future society—Królikowski elaborated his conception of *Zjednoczenie* (“Unity”). Interestingly, this was the first time he had applied this term to his vision of the Kingdom of God on earth. Królikowski seemingly wanted to frame his vision as part of a wider category which sounded familiar to his readers. It is worth mentioning that, at the time, all Polish political organizations and institutions, to be considered as representative of the whole nation, had to prove their intention to promote unity [Kieniewcz 1976]. This step was characteristic of Królikowski’s rhetorical strategy: in promoting completely new conceptions, he attempted to use well-known categories to frame them, in the hope that this might make his abstract ideas a little more comprehensible.

In its form, his vision of *Zjednoczenie* was far from a typical utopia. It consisted of hundreds of points with precise propositions rather than a novel set in an ideal state [PCh 1843: 209–383]. Perhaps this was another attempt to present his groundbreaking proposal in categories comprehensible to his peers. In other words, from a formal standpoint, his proposal resembled a constitution, and this is how it was taken up in the debates current in Polish political circles in exile. In the 1840s, at least two proposals for new Polish constitutions were promulgated, by Felicjan Abdon Wolski and Aleksander Napoleon Dybowski [Grajewski 1959; Grajewski 1966]. However, Królikowski’s propositions differed substantially from these proposals.

Most importantly, Królikowski’s thoughts on this topic barely even touched upon the restored Polish state, because for him what was at stake was the transformation of humankind. When *Zjednoczenie* became a reality, especially at the microstructural level, it was to suspend all existing legal categories, such as citizenship. According to this proposition, the only conditions for participation in *Zjednoczenie* were a strong will to improve one’s own life and

the life of others, a desire to live in austerity, rejection of the old world, and, finally, agreement to live in a community in which all members were to have at their disposal the absolute power “of life, fire, sword, and death of others” [PCh 1843: 215, 330]. Groups of several people confident in the cause and willing to make this sacrifice were to constitute the basic institution of *Zjednoczenie*: the Family. As in the case of his former proposal, the Monastery of the Polish Children, Królikowski envisaged that the whole earth would eventually be covered by a network of Families. Królikowski's idea was that ten Families were to create a Retinue, ten Retinues were to create a Commune, and so on until the final stage, which was to be an All-Encompassing Power (*Wszech-władztwo*). The author highlighted that officials should be elected by vote, with each Family having its own representative in a Retinue, each Retinue in a Commune, and so on. Królikowski saw senior officials as “servant minions”, who should wear prison uniforms and ropes around their necks to remind them what would happen to them if they betrayed their cause [PCh 1843: 214–215, 330–340]. In this way, he created a complicated and highly bureaucratic system, with many levels of power and intricate methods of control.

It seems likely he himself began to consider this proposal a failure soon after its dissemination. He never returned to this vision of *Zjednoczenie*, and it is the only example of such a detailed blueprint for a future society. Nevertheless, the formulation of this eccentric plan for a flawless future society induced him to further develop certain ideas he had previously only hinted at, particularly concerning the divine core of the human heart. Back in the first volume of *Polska Chrystusowa*, he had explained that “[w]e should make all possible efforts [...] to ignite God's fire within our hearts [...]; the same which invigorated Moses when he was faced with the abjection, oppression, and misery of the Jewish people; the same which invigorated John the Baptist when he urged his compatriots to do penance because they were tamely tolerating the power of pagan Rome; the same which invigorated Jesus when he was castigating the scribes, Pharisees, priests, rich men, tax collectors, and merchants” [PCh 1842: 62]. Taking this previously elaborated conviction as his starting point, Królikowski, when defining the preliminary conditions for participation in *Zjednoczenie*, dealt with the issue of the utopian impulse by claiming that, on the threshold of a new world, man must first change himself, and only then may he ponder the institutional framework. In other words, he was convinced that there existed a perennial, God-given spirit striving for a new world.

In his proposal, he therefore made almost no effort to consider the material or technical basis for this world, as if these problems were completely secondary. He tended to assess the living conditions of ordinary people in a similar way. Being deeply convinced that their situation was tragic, he did

not differentiate between the exploitation of workers in the then-modern factories and the condition of slaves in ancient societies. This distinction between the eternal and the temporal may be seen even at the level of the spelling of certain words. Similarly to Cabet, who consistently used a capital letter when referring to the people (*le Peuple*) [Fourn 2014: 37], Królikowski employed majuscule when discussing such questions as truth, the people, or brotherhood. However, when his investigations pertained to affairs which were not of a perennial nature, but rather were associated with an epoch, such as “the people suppressed by the tsar”, he would use minuscule. In some cases, Królikowski even wrote certain proper names, such as the name of the Russian tsar (Nicholas I) in minuscule. These were all ways for him to show that the material world was subordinated to the world of spirit.

This approach is also in evidence in the last volume of *Polska Chrystusowa*, which was released three years later, in 1846. In it, against the background of ongoing preparations for the future Polish uprising, he concerned himself with the burning issue of the war for independence, while also attempting to create his own political organization—one which could potentially affect the preparations for the war. In all these respects, he built on his previous political statements. Thus, while heated disputes about the future uprising were engrossing the Polish circles in exile [Limanowski 1983: 473–580], Królikowski claimed that the only way to liberate the whole nation was to do away with all governments (even national ones), and “to overturn all rules” [PCh 1846b: 134–135]. In his customary manner, he wrote: “...all people’s revolutions are the gasp of God, which bursts out in social thunder and shakes numb nations to reinvigorate them. Woe to those who do not support such a revolution inasmuch as they should serve God” [PCh 1846b: 167].

He amplified this statement in another article, which constituted a call for a “Confederation of the Polish People”, in which he emphasized that the voice of the people may become the voice of God only if “the people are liberated from the dominion of tsars, masters, redeemers, and benefactors” [PCh 1846a: 9]. Simultaneously, he proposed the creation of circles, each consisting of between ten and nineteen “Brothers and Sisters”, who would live together in a community [PCh 1846a: 20]. Indeed, in the following months he gathered together a small group of supporters.

Disappointing utopias

However, the failure of the 1846 uprising, which was suppressed by a peasant rebellion which took place in the Austrian partition of Galicia, rocked him to the core. During this momentous time, with his hopes for resolution of the Polish question evidently betrayed, Królikowski and his current supporters established a new journal entitled *Zbratnienie*. Once again, it seems that in

order to make his eccentric notions sound more domestic, Królikowski used a play on words in order to arrive at this peculiar title. From the point of view of contemporary Polish, the word *zbratnienie* makes no sense, but it seems that its meaning may be understood as ‘brotherhood in the process of establishment’, or ‘brotherhood in the making’. This is suggested by the prefix ‘*z*’, which in Polish often marks a dynamic process. What’s more, *bratnienie* seems to mean something other than *bratanie*. The latter suggests mainly social relations, whereas the former sounds more like a closed social system. The same duality can be felt in Królikowski’s utopianism.

Two issues of the journal were finally released in 1847 and 1848. The dominant themes in the articles published on the pages of *Zbratnienie* were, firstly, assessment of the 1846 peasants’ rebellion, and, secondly, the role played by democrats in these events. Królikowski, as well as other authors writing in *Zbratnienie*, were convinced that the rebellious peasants, and especially their leader Jakub Szela, had been incited to revolt by the Austrian authorities. Therefore, they could not represent the genuine voice of God, according to the principles previously set out by Królikowski. Seen from this angle, Szela, who rose against the Polish uprising, was a symbol of a persistent disunity in the Polish community. As Królikowski stated: “As long as we are divided into factions, only Szelas, small Szelas and smaller Szelas [Szele, Szelaki i Szelaczki—PK], regardless of their affiliations and the scope of their authority, will control us and push us around. But not only are the Szelas killing our bodies—what is a thousand times more calamitous, there are also Szelas killing our spirit!” [*Zbratnienie* 1846, III–IV]. Moreover, Królikowski mockingly declared that the leader of the rebellion had to be a monarchist, because he was loyal to the orders of the Austrian emperor [*Zbratnienie* 1847b: 171]. Furthermore, in assessing the role of the democrats in these tragic events, Królikowski claimed that they represented the most pernicious tendencies in humankind, and for this reason were against progress [*Zbratnienie* 1847a: 90–93]. All these bitter reflections on issues convulsing Poland coincided in time with Królikowski’s growing status inside the French Icarian movement. Losing faith in Poland, he found in this movement a new path, one which could lead to the establishment of the Kingdom of God. For this reason, over the next couple of years he wrote only in French.

His extraordinary change of direction should be seen in the context of French political life at the time. In the 1840s, when the unfulfilled promises of Saint-Simonism were nothing but a vague recollection, many of those whose political imaginations were shaped during their time as supporters of Enfantin or Bazard found themselves moving in Fourierist circles [Picon 2002: 127]. Królikowski, unexpectedly, had in early 1842 already made contact with Cabet, the de facto leader of the openly communist Icarian movement, whose

political ideas were far removed from the doctrine of Saint-Simon and his most devoted disciples [Johnson 1974: 93–94; Fourn 2018]. Probably as a result of the discussions they shared, on May 8, 1842, Cabet's journal *Le Populaire* published an announcement concerning a new cycle of articles, which were to prove that Christ's doctrine was the only way to establish equality and brotherhood, and could be realized only in a well-established community [LP 1842]. Consequently, in the period 1842–1846, Królikowski and Cabet wrote a total of a dozen or so short articles, with such representative titles as "Communism is Christianity", or "The True Communist is the True Christian". These texts marked a significant shift in Cabet's doctrine, but also constituted a space in which Królikowski could expound his views on the essence of Christianity for a French audience. As a result of their joint investigations, in 1846, Cabet published one of his principal works, in which he thanked Królikowski (who cooperated with the French communist under the pseudonym Charles) for his insightful observations [Cabet 1848: 6].

As a result of these intensive contacts, Królikowski was playing a growing role in the Icarian movement. During the turbulent months of the 1848 revolution, he became the secretary of the Icarian revolutionary club, the Société fraternelle centrale in Paris [Lucas 1851: 142–143]. Subsequently, when the revolution appeared to have ended and Cabet left for Nauvoo in the USA in order to establish a model Icarian community there, his Polish supporter assumed the duties of editor of *Le Populaire* [Prudhommeaux 1907: 253–254]. One testimony to Królikowski's importance at that time is his correspondence with the Franco-Jewish philosopher Moses Hess, who asked Królikowski whether he would be interested in publishing his articles in the journal [LCMHLK 1960]. Moreover, during the period 1848–1851, Cabet sent almost 100 letters to Królikowski from the USA, often consisting of not only organizational tips and suggestions, but even personal requests [NAF 18151/VI]. It seems that he saw Królikowski as his confidant.

It was at that time that the Polish Icarian, impressed by the revolutionary events taking place in France but simultaneously facing a growing wave of counterrevolution, dared to make an important gesture. In December 1850, he was the first Polish person to use the term "communist" as a self-applied label [LP 1850: 68]. Obviously, this term was not new in the political discourse of the Icarian movement, given that Icarians, and Cabet personally, had been giving themselves this label since the early 1840s [Saage 1999: 73]. However, Królikowski defined himself as a communist in particular circumstances, at a time when, after the crackdown on the 1848 revolution, anticommunist discourse was gaining momentum [Fourn 2004]. In this context, the word took on lurid overtones as a vague epithet which nevertheless had clear negative force. This explains why he used the term "communism", and not the more

popular and less controversial “socialism”. The latter, being the term coined by Pierre Leroux in 1831 as an antonym for “individualism”, could be understood in the categories of the newly established social sciences, i.e. as a reflection on human nature [Prochasson 1997: 29–34; Peillon 2018]. In contrast, the concept of communism had little in common with highbrow theories: this term was much more obscure and intimidated its opponents, who saw in it only pure destruction and barbarity. In order to explain its meaning, Królikowski once again had recourse to well-known categories, describing a communist as the most devoted patriot, the most sincere republican, and so on [LP 1850: 68]. What's more, he also added that an enemy of communism must simultaneously be against all individual spontaneity [Sdf 1851a: 181].

This last remark is of particular importance when seen against the background of the ongoing dispute in France during and after the 1848 revolution about forms of political sovereignty. When supporters of Napoleon III contended that only that part of the people who obeyed the law and did not take part in street riots deserved to be represented, their left-wing opponents responded vehemently, putting forward their own idea of the sovereignty of the people and insisting on enfranchisement [Rosanvallon 2000]. In contrast to both these standpoints, Królikowski proposed a vision of spontaneous sovereignty, in which the people's will could be pursued directly, without any mediation and, most significantly, without any government [Sdf 1851b: 214–224]. It is worth noting that, at this stage of ideological development, he had moved far away from his previous visions of centralized structures, such as the monastery or *Zjednoczenie*.

Unexpectedly, Królikowski's ideas attracted the attention of Cabet, who in 1851 returned to France. During his sojourn in Nauvoo, Cabet was to some extent in the dark about the content being published under Icarian imprints, but after his return, he announced that these ideas, and in particular the rejection of such institutions as a general election and a constitution, had nothing in common with Icarian doctrine [NAF 18148/III et IV, 261–262]. As a result, he soon jettisoned Królikowski, reproaching him for preaching ideas contradictory to those which were being put into practice in the Icarian colony in Nauvoo.

Nonetheless, even when they parted ways, Królikowski still seemed inclined to cooperate with Cabet on certain issues. Interestingly, their quarrel coincided with a growing crisis inside the Icarian colony, where whispers of dismay concerning Cabet's authoritarian style of ruling were becoming louder. Thus, in an 1853 letter to Jean-Pierre Beluze, Królikowski formulated a new blueprint for a colonizing endeavor (the new colony was to be named the Société fraternelle, but the ambition was to establish a global Société universelle), noting that he had earlier sent the same proposal to “C.” (most likely

Cabet), although he went on to mention that “C.” had responded negatively to his suggestion that the new colony might be established as an independent community in the vicinity of Nauvoo. In the letter, Królikowski enumerated the main principles of the proposed Société fraternelle, stressing how different the principles of his plan were from those being realized by Cabet. For example, Królikowski opted for accepting only small groups (of at least five persons) willing to join the colony, not individuals. Furthermore, acceptance of such a group would be possible only if no fewer than three leaders (*chefs*), each of them heading a group already part of the community, consented to its inclusion. Moreover, he underlined that his proposal did not provide for any constitutions or laws, and guaranteed the same rights and privileges to both sexes. Finally, the initial sum of money which all new incomers were to be charged was to be refunded if they left the colony. He estimated the cost of establishing such a colony at 150,000 francs. Plainly, his utopian visions were still based on the concept of cooperation between small groups, previously called “families”, the bottom rung of any new political structure [NAF 18148/III et IV, 247–248]. This issue sets Królikowski apart from Cabet, Fourier, and other radical thinkers of the 19th century, who envisaged communities rather as monoliths composed of hundreds or even thousands of members.

Interestingly, in his further correspondence, Beluze proposed to Królikowski the establishment of a new colony in Venezuela, but the Polish communist responded negatively. He was convinced that the USA was the most appropriate country in which to implement this project, because freedom of settlement and freedom of expression were a reality there more than anywhere (especially, as Królikowski stressed, in Pennsylvania). He had also no doubt that in the next year he and his closest collaborators (he had apparently gained some support amongst Icarians let down by Cabet) were going to collect no less than 100,000 francs for the colony [NAF 18148/III et IV, 252]. During this time, he also made contact with Fourierists (and former Icarians who had converted to Fourierism [Cordillot 2018]) who had attempted to put their social theories into practice by establishing a seed of the future society in the Reunion phalanstery (in Texas) [C 233]. He also tried to launch a new journal in order to disseminate his views. In the end, however, all these efforts turned out to be fruitless.

Disappointed by successive failures in his attempts to mobilize dissidents from the Icarian movement, in a letter from 1857, Królikowski hinted at his new inspiration: the idea of reconciliation of Slavic communities with the idea of pure Christianity. In this respect, he was inspired by Walerian Krasiński’s *Histoire religieuse des peuples slaves*, a book which he encouraged his addressee, Konstanty Zaleski, to read (371 IV/VIII, 7). This change in his mindset was likely triggered by his huge disappointment in the successive failures of the

Icarian movement, the ranks of which were being gradually abandoned by supporters. This did not mean that Królikowski had given up the idea of communal life. On the contrary, in 1857, he insisted that at least several "Slavic persons" should gather and settle in one building in order to "fulfil Slavic obligations" [371 IV/VIII, 11]. Once again, he was on the verge of discovering another path which just might lead to the Kingdom of God.

Archaizing utopia

With this purpose in mind, Królikowski resumed his participation in Polish public life, which at that time was riven by disputes about the upcoming Polish uprising (which did indeed break out in 1863 and is known as the January Uprising). His statements concerning this dispute were quite at odds with his statements from the 1840s, when he was much more inclined to praise revolutionary violence and to use such metaphors as the aforementioned "Christ's sword". In 1862, he published a peculiar poem entitled "Praise of the Goose Family" (*Pochwala rodu gęsiego*), in which he adamantly opposed any use of swords other than those carried by "Sons of God, extolling truth and love". Likewise, harking back to the views he expressed while editor of *Le Populaire*, Królikowski praised a flock of geese as a structure in which there were no governments, constitutions, or privileges, and in which serfdom as such was therefore completely unthinkable. In this regard, he emphasized that the quarrels amongst Polish aristocratic and democratic circles on the eve of the uprising were utterly futile: representatives of these two political currents had no intention other than to take power and establish a dictatorship [Królikowski 1862]. Characteristically, in the poem, Królikowski again used metaphors referring to nature, which were almost entirely absent in the French texts he wrote while participating in the Icarian movement. Clearly, he was convinced that these rhetorical devices could not be effective in the discourse of a movement which enjoyed particular popularity in French industrial cities, but not in rural communities.

It was not only in this peculiar poem that Królikowski opposed armed struggle as such. In his correspondence with Zaleski from that period too, he expressed his doubts about Mikhail Bakunin's conviction that Russian peasants were willing and well-prepared to launch an anti-tsarist rebellion in the near future [371 IV/VIII, 15–16]. Interestingly, in the early 1860s, both Królikowski and his Polish friend Zaleski must have been active in a milieu quite close to the Russian anarchist, as in their correspondence they also shared some personal remarks about Bakunin and his close supporters. These contacts might perhaps have provided ammunition for Królikowski's criticism of any vision of authority.

The use of a flock of geese as the ultimate metaphor for a true Christian society was not the only evidence of sustained reflection on nature in

Królikowski's works. In 1865 he published both an article (in French) and a voluminous book (in Polish) in which he expounded his views on the topic. In the article, he contended that the only genuine theology should focus on the recognition of nature, because nature as such was a divine, infinite gospel, and living proof of the omniscience of God. This same omniscience, however, was in evidence in the human senses, which were profoundly penetrated by the will of God. This will could be temporarily suppressed in humans, but not completely thwarted [L'Aru 1865]. Similarly, in his book, released in the same year, he drew a parallel between nature and human spontaneity. Królikowski claimed that the hearts of all people contained "certain nuclei of their own and their neighbors' redemption, which are not suppressed by anything" [Królikowski 1865: 39]. These nuclei, or seeds of the Kingdom of God, may sprout in the same way that grain sprouts in its natural environment. In this way, in his book Królikowski saw nature as a space in which different forces and entities may allow their wills free reign, while simultaneously remaining in perfect harmony with God's will—and vice versa: the main condition for maintaining this harmony was spontaneous activity, which should not be contaminated by any dominion, suppression, or submission to the will of other entities (i.e. entities other than God). As Królikowski had it, spontaneity was the cornerstone of perfect and eternal harmony with God, and so of the coming of the Kingdom of God. In other words, for Królikowski, nature served as a metaphor for depictions of the utopian impulse, the triggering of which seemed to be even more important than offering a convincing vision of the perfect society.

Nature metaphors in Królikowski's works often coincided with remarks on Slavdom. In the aforementioned book from 1865, he extolled Slavic ruralism and the Slavs' peaceful temperament, and emphasized that the symbols of many Slavic nations were birds, which were by their nature vulnerable to predators [Królikowski 1865: 520–521]. As a result, in comparison to Jewish or Muslim communities, Slavic communities were more likely to uncover the path to the perfect society [Ibid.]. Similarly, his last voluminous book (published in Zurich in 1874) was largely devoted to reconsidering Slavdom in the categories of pure Christianity. This was his contribution to the ongoing discussion about traditional Russian communities. Królikowski's initial assumption in this question was that "the Moscow community will not make any progress until it destroys the tsarist mood within it" [Królikowski 1868–1874: 121]. In order to develop this stance, the Polish communist once again applied his rhetorical strategy of playing with words. He was convinced that *prawosławie* (the Eastern Orthodox Church, the Polish name of which constitutes a cluster of two words: "right", *prawo*, and a form of the verb "to extol", *sławić*) could not accept even an unspecified idea of foreignness, because inside it, all were sincere brothers to each other, "even to a German" [Ibid.: 142]. Moreover, in

expressing his consistent hostility towards any form of authority, because “state” (*państwo*) lacked a stable meaning in Polish political discourse¹, Królikowski was able to formulate a harsh criticism of the state as a form of paganism. In his view, *państwo* referred not to a specific political organization, but rather to any social relationship based on obedience and subordination, which should not exist in a genuine Russian Orthodox community [Ibid.: 148]. As he wrote: “The Slavic community destroys all states, and is obedient only to God” [Ibid.: 131]. Characteristically, in this book he referred once again to Bakunin. The Polish communist claimed that Bakunin was “the first amongst Russians”, but also that, despite his many insightful opinions, even Bakunin was inclined to justify the vices of Russian society to some extent [Ibid.: 7].

Królikowski's deliberations on the communist transformation of Slavdom were interrupted by his departure to the USA in 1877², where he made contact with French radical circles in exile, and particularly with those Icarians who, in the 1870s, were attempting to learn from their previous setbacks [Cordillot 2013]. In the period 1877–1878, Królikowski addressed a number of letters and proclamations to them. Amongst these works, an article (later also published as a separate brochure) entitled “Apostolic Appeal” (*Appel apostolique*) deserves special attention. As he emphasized on its pages, the Icarian movement in the USA of that time was in a difficult situation, but it could nevertheless continue to inspire hope for a better world as long the ranks of the movement still included “Apostles of the living Christ”. The text read like a summary of all his deeds and ideas. He recalled that “[f]or sixty years of my life, in permanent community with certain of my friends who share my aspirations, I studied Christianity with unceasing ardor”. A few sentences later he added: “I felt completely abandoned to the grace and the will of God, almost like a leaf cast on a fast-moving stream, which has no power to change its course or stop” [LÉdKedLI 1878: 116]. Moreover, he stressed once again that the essence of true Christianity was not contained in certain beliefs, dogmas, or confessions, but in activities, and as such could be pursued by representatives of any religion. Likewise, he suggested the creation of small groups (5–13 people) which were to constitute seeds of the Kingdom of God [LÉdKedLI 1878]. In

¹ For example, in Samuel Bogumił Linde's Polish dictionary from 1811, state (*państwo*) is defined as “aristocracy”, “wealth”, “rich family”, and “land”, as well as “government” or “rule” [Linde 1811: 627–628].

² Two French historians have claimed in their recent works that Królikowski had departed back in 1864 [Cordillot and Fourn 2002], but there are a number of sources supporting my position. First of all, in 1877, two radical French journals published in the USA noted that Królikowski “had just arrived” in that country. Secondly, as was mentioned above, in 1865 and 1874 he published two books in Europe (in Bendlikon and Zurich respectively). Thirdly, in the early 1870s, he was still sending letters to his Polish friends from Paris, but he broke off relations with them several years later. All these considerations indicate that he departed in 1877.

essence, his last brochure, as well as other short letters and notes from this period, seems to consist of ideas he had conceived and expounded beforehand, simply presented one more time in new circumstances.

However, the reactions his propositions received were significant. There is considerable evidence that, in the last years of his life, Królikowski enjoyed real popularity among radical French émigrés in the USA. For instance, according to a note written by Christian Tidal for publication in a newspaper in 1878, Królikowski gave a lecture in a private house belonging to one of his supporters, during which the Polish communist, in his customary manner, explained that all the means necessary to establish the Kingdom of God on earth were at the disposal of all people. It was enough, explained Królikowski, to listen to the eternal voice of God, and to follow one's senses and heart. As Tidal wrote, the lecture was attended by several people [LRL 1878: 54–56]. This is not to say that Królikowski's ideas and style pleased everyone: for some French communists of that time, his style was archaic.

This charge warrants further examination. While for at least two decades before the Spring of Nations, religious metaphors had been the rage [Bowman 2016: 271], even in the 1870s, this type of political expression was by no means outdated. For example, an anonymous author writing in *L'Étoile du Kansas et de l'Iowa* (most likely Jules Leroux) was very enthusiastic about Królikowski's appeals to Icarians, and stressed that the Polish communist should be carefully distinguished from Cabet, because "his [Królikowski's—PK] communism is no longer identical to Cabetism, with its social despotism and tyrannical institutions [...] It is an infinitely superior doctrine of complete life" [LÉdKedLI 1877: 56]. At the same time, however, the author insisted that Królikowski's mode of communication was obsolete, pompous, and pretentious. The style of the evangelic letters by which Królikowski spoke to the Icarians could bear fruit in the 1840s, but not once a modern, liberating communism had become a well-established idea. Moreover, as the author of this polemical comment stressed, the word "brother", with which Królikowski addressed the Icarians, was archaic because modern communists realized that brotherhood could not be established in society as it stood [LÉdKedLI 1877: 58]. Paradoxically, however, Królikowski was convinced that his ideas were entirely aimed at other archaisms, such as constitutions or governments [LÉdKedLI 1877: 56–58]. In his works from this period, a recurrent motif was his criticism of the "old world", with all its vices and suffering. Nonetheless, in the eyes of his peers, these calls to break with the old were seen as archaic.

All in all, this third stage of his close cooperation with French radicals shows once again that he applied different motifs, metaphors, themes, and forms to express his ideas in French and for a French audience. Reflections on nature and Slavdom were evidently left behind. However, as a result of his deep

involvement in French circles in the USA just before his death, he died almost completely forgotten by his countrymen. After his death on May 5, 1879, only two French radical journals in the USA published his obituary. The author of one of them, Charles Fauvety, emphasized that "Królikowski had only one purpose, which was also that of the early Christians: the establishment of the reign of God on the earth, and that reign of God was for him tantamount to fraternal and equal communalism" [LRL 1879: 287].

Conclusions: Playing with the utopian impulse

As the analyses conducted in this article demonstrate, Królikowski belongs to those 19th-century Polish political thinkers who, by repeatedly changing their place of residence, enjoyed many and varied experiences. Obviously, one can point to a number of abiding motifs in his works, and this fact has even induced certain researchers to state that his ideas, once established, never evolved [Sikora 1972]. To me, however, statements like this seem far-fetched [Kuligowski 2016]. Instead, I would like to call attention to the fact that all his ideological investigations were influenced by issues affecting Polish and French radical circles.

It is evident that, in Królikowski's case, these contexts intersected and overlapped in original ways, but also that each of these contexts enhanced specific aspects of his political ideas. His experiences within the Polish community were the basis for the reluctance he felt towards democracy (understood above all as domination by the majority) and armed struggle. Thanks to his profound participation in French political life, he gained the conviction that no constitutions or laws, even if regularly amended (as in the case of the subsequent Icarian communities in the USA), can guarantee the stable development of a community, not to mention the transformation of the whole world. It is worth noting that most of these experiences enhanced the critical dimension of his thought, whereas his positive propositions, aside from certain examples from the early phase of his activities, were instead hidden behind the curtain of overarching metaphors, such as natural phenomena or true Christianity.

The latter issue in particular played an enduring role in his works. Inspired by French mystics and radicals who saw Jesus as the first true revolutionary, Królikowski contributed significantly to the emergence of a fully-fledged type of radical discourse in which metaphors directly derived from the Bible were key. This type of discourse by its very nature imposes the overarching concept of a relentless fight to the death between good and evil, without the possibility of any compromise, an idea which did indeed make itself felt in some of Królikowski's works. In other words, the application of religious metaphors in political discourse could result in a particular mode of confrontation with political opponents [Kuligowski 2018]. Indeed, this issue became part and

parcel of Królikowski's deliberations. His constant circling back to the question of the utopian impulse keeps bringing him back to the question of modes of liberation for those who were oppressed in any given circumstance. Królikowski claimed that oppressors were to be completely destroyed as a pure evil, without going into detail concerning the economic conditions for oppression.

Thus, the Polish communist heralded a specific vision of utopia which was not grounded in any scientific considerations and, in some points, seemed even to be anti-scientific. Using vivid metaphors to characterize the negative elements in the ongoing clash between good and evil, Królikowski consistently applied such metaphors as "Magogs", "Antichrists", "Pharisees", "dissenters" and the like, regardless of the actual object of criticism. In this way, he seems to suggest that his works may be read and comprehended instinctively and outside of the particular context of his times, because they touch upon perennial questions for which the only relevant frameworks are universal categories concerning the eternal struggle between good and evil. As his work makes clear, the desire to bring this struggle to a triumphant close was the driving force behind his attempts to promote the utopian impulse. Moreover, Królikowski's utopias were imagined not only as beyond time (as perennial structures invented with the intention that they would be applicable in any context and any period of time), but also beyond space. His passing comments on the role of nature as a mirror of God's will, along with the disgust he feels for modern cities as such, suggest that, as far as spatial categories were concerned, his utopias were rural and far from modern civilization.

Therefore, in expounding his utopian reflections in isolation from time and space, Królikowski focused on the utopian impulse, which may be thought of as a general belief that each and every man bears "God's seed" (using the Polish communist's own terminology), i.e. the will and desire to see the genuine Kingdom of God on earth, along with an instinctual hatred for oppressors and rulers. Profound changes in all other dimensions of the politico-social sphere were to take place as a consequence and aftermath of the fundamental, internal shift within mankind. Seen from this angle, the utopian impulse which underlay Królikowski's enduring reflections on a new society may be understood as an essential element of the Romantic vision of man, according to which the new man should foster and cultivate such virtues as self-sacrifice for the sake of others, as well as patriotism and deep religiosity [Hroch 2007]. Thus, Królikowski's utopia, with its emphasis on the utopian impulse, was profoundly Romantic. What's more, in comparison to his Polish and French peers, his optimistic attitude towards the possibility of change initiated by small groups of the most faithful comes across as the most radical aspect of his utopias, while rupture with the existing, material, old world is the most consistent aspect and his religious language the most developed.

Many popular illustrations of utopia show spotless cities, neatly grouped into precise districts, developed around clearly delineated lines and circles. In this type of city, all that is natural, wild, and uncurbed is pushed outside the city walls. Having collected and scrutinized imaginary scenarios like these, Zygmunt Bauman concluded that they depict the human striving to tame the forces of chaos and nature [Bauman 1976]. Królikowski's utopian propositions seem to reject these schemes, affirming spontaneity at many levels of social organization. Utopia can be established only when what is natural displaces what is civilized, and what is spontaneous displaces what is coerced. Only then will the utopian impulse, once unleashed, clear a path to the Kingdom of God.

List of abbreviations

- BJ – Biblioteka Jagiellońska w Krakowie = Jagiellonian Library in Kraków.
 BNF – Bibliothèque nationale de France = National Library of France, Paris.
 BŚ – Biblioteka Śląska w Katowicach = Silesian Library in Katowice.
 SHSMO – The State Historical Society of Missouri.

Bibliography

Manuscripts

3685/4, 132

BJ 3685/4, 132–133 – *Korespondencja J. N. Janowskiego*, 4: Letter of Ludwik Królikowski to Jan Nepomucen Janowski, Paris, December 26, 1841.

3685/4, 150

BJ 3685/4, 150–151 – *Korespondencja J. N. Janowskiego*, 4: Letter of Ludwik Królikowski to Jan Nepomucen Janowski, Paris, February 3, 1840.

3685/4, 204

BJ 3685/4, 204–205 – *Korespondencja J. N. Janowskiego*, 4: Letter of Ludwik Królikowski to Jan Nepomucen Janowski, February 15, 1840.

371 IV/VIII, 7

BŚ 371 IV/VIII, 6–7 – *Archiwum Konstantego Zaleskiego*, Letter of Ludwik Królikowski to Konstanty Zaleski, Batignolles, July 21, 1857.

371 IV/VIII, 11

BŚ 371 IV/VIII, 10–11 – *Archiwum Konstantego Zaleskiego*, Letter of Ludwik Królikowski to Konstanty Zaleski, Batignolles, October 17, 1857.

371 IV/VIII, 15–16

BŚ 371 IV/VIII, 15–16 – *Archiwum Konstantego Zaleskiego*, Letter of Ludwik Królikowski to Konstanty Zaleski, August 21, 1862.

C 233

SHSMO C 233 – *Archives Sociétaire*, 1832–1882.

NAF 18148/III et IV, 247–248

BNF NAF 18148/III et IV, 247–249 – *Papiers Cabet*, 3–4: Letter of Ludwik Królikowski to Jean-Pierre Beluze, Paris, February 15, 1853.

NAF 18148/III et IV, 252

BNF NAF 18148/III et IV, 252 — *Papiers Cabet*, 3–4: Letter of Ludwik Królikowski to Jean-Pierre Beluze, Paris, June 29, 1853.

NAF 18148/III et IV, 261–262

BNF NAF 18148/III et IV, 261–262 — *Papiers Cabet*, 3–4: Letter of Étienne Cabet to Ludwik Królikowski, London, May 2, 1852.

NAF 18151/VI

BNF NAF 18151/VI — *Papiers Cabet*: Correspondance, 6.

Press sources

GP 158

“Szkodliwość wolności druku”, in: *Gazeta Polska*, 158, 1831, June 11.

GP 159

“Szkodliwość wolności druku”, in: *Gazeta Polska*, 159, 1831, June 15.

GP 181

“Podatek osobisty”, in: *Gazeta Polska*, 181, 1831, July 8.

GP 193

“‘Zjednoczenie’ i Towarzystwo Patriotyczne”, in: *Gazeta Polska*, 193, 1831, July 20 [dodatek].

GP 217

“Dobra wiara ‘Zjednoczenia’”, in: *Gazeta Polska*, 217, 1831, August 13.

LArU 1865

“La nature est le livre de Dieu”, in: *L'Alliance religieuse universelle*, 1, 1865, April 15, 6–7.

LÉdKedLI 1877

“Louis Królikowski”, in: *L'Étoile du Kansas et de L'Iowa*, 2, 11, 1877, November 1, 56–58.

LÉdKedLI 1878

“Appel apostolique”, in: *L'Étoile du Kansas et de L'Iowa*, 2, 19, 1878, June 1, 116–121.

LP 1842

“Doctrine sociale du Christianisme”, in: *Le Populaire de 1841. Journal de réorganisation sociale et politique*, 2, 1842, May 8.

LP 1850

“Tu es un communiste!”, in: *Le Populaire de 1841, journal de réorganisation*, 130, 1850, December 27.

LRI 1878

“La doctrine évangélique”, in: *La Religion laïque: organe de régénération sociale*, 20, 1878, April, 54–56.

LRI 1879

“Nécrologie”, in: *La Religion laïque: organe de régénération sociale*, 3, 33, 1879, June, 286–287.

PCh 1842

“O modlitwie”, in: *Polska Chrystusowa: pismo poświęcone zasadom społecznym*, 1, 1, 1842, 9–86.

PCh 1843

“O Zjednoczeniu”, in: *Polska Chrystusowa: pismo poświęcone zasadom społecznym*, 1, 2, 1843, 209–383.

PCh 1846a

“Konfederacja Ludu Polskiego i jego przyjaciół, w Chrystusie Jezusie, zbawicielu świata, w celu doskonałego posłuszeństwa Bogu, i popierania powszechnego braterstwa między ludźmi i narodami”, in: *Polska Chrystusowa: pismo poświęcone zasadom społecznym*, 2, 1846, 1–31.

PCh 1846b

“Rozbudki powstańcze”, in: *Polska Chrystusowa: pismo poświęcone zasadom społecznym*, 2, 1846, 63–204.

Sdf 1851a

“Je ne suis pas communiste!”, in: *Système de fraternité*, 6, 1851, 178–181.

Sdf 1851b

“Gouvernement direct et universel”, in: *Système de fraternité*, 6, 1851, 214–224.

Zbratnienie 1846

“Do popieraczy wszelkich stronnictw”, in: *Zbratnienie*, 1, 1846, 3–4.

Zbratnienie 1847a

“Komentarz do artykułu Sprawa Polski na sejmie berlińskim”, in: *Zbratnienie*, 1, 1847, 90–93.

Zbratnienie 1847b

“Jedyny nasz wróg ciemięstwo – władza z góry”, in: *Zbratnienie*, 1, 1847, 164–176.

Zjednoczenie 1841

“Pogromki”, in: *Zjednoczenie*, 15–16, 1841, 63–64.

Original Prints, Editions and Dictionaries

Cabet 1848

Cabet É., *Le vrai Christianisme suivant Jésus-Christ*, Paris, 1848.

Janowski 1950

Janowski J. N., *Notatki autobiograficzne 1803–1853*, M. Tyrowicz, ed., Wrocław, 1950.

Jański 2001

Jański B., *Dziennik 1830–1839*, A. Jastrzębski, ed., Rzym, 2001.

Jański 2011a

“Letter of Bogdan Jański to Michał Jaroszewski, January 1829”, in: *Bogdan Janski. Letters 1828–1839*, trans. of the Polish letters: F. Grzechowiak, of the French letters: J. Finn, Fr. B. Micewski, Rome, 2011.

Jański 2011b

“Letter of Bogdan Jański to Ludwik Królikowski, March 21, 1836”, in: *Bogdan Janski. Letters 1828–1839*, trans. of the Polish letters: F. Grzechowiak, of the French letters: J. Finn, Fr. B. Micewski, Rome, 2011.

Królikowski 1862

Królikowski L., *Pochwała rodu gęsiego przed obliczem Bożem ku przestrzodze i zbudowaniu braci szukających zbawienia wiecznego swojej Ojczyzny*, Paryż, 1862.

Królikowski 1865

Królikowski L., *Zbawienie ojczyzny hasłem naszym: słowo z powodu pisma jakiegoś jegomości, niby Anioła bożego z Amatei, a rzeczywiście najemnego służącego ciemięstwa habsburskiego w Polsce*, Bendlikon, 1865.

Królikowski 1868–1874

Królikowski L., *Do panślawistów: pogłos z odwiedzin niby słowiańskich w Moskwie 1867 roku*, Zürich, 1868–1874.

Libelt 1967

Libelt K., “Samowładztwo rozumu”, in: Libelt K., *Samowładztwo rozumu i objawy filozofii słowiańskiej*, A. Walicki, ed., Warszawa, 1967.

LLKdAM 1991

“List Ludwika Królikowskiego do Adama Mickiewicza w sprawie utworzenia ‘Zakonu dzieci polskich’”, in: *Akta Towarzystwa Historyczno-Literackiego w Paryżu*, K. Rutkowski, ed., 1, 1991, 41–52.

LCMHLK 1960

Silberner E., ed., *La Correspondance Moses Hess-Louis Krolikowski. Estratto dagli "Annali dell'Istituto Giacomo Feltrinelli"*, Milano, 1960.

Linde 1811

Linde S. B., *Słownik języka polskiego*, 4, Warszawa, 1811.

Lucas 1851

Lucas A., *Les clubs et les clubistes : histoire complète critique et anecdotique des clubs et des comités électoraux fondés à Paris depuis la révolution de 1848*, Paris, 1851.

Mickiewicz 1865

Mickiewicz A., *Literatura słowiańska wykładana w Kolegium Francuzkiem*, 3 (1842–1843), F. Wrotnowski, trans., Poznań, 1865.

Bibliography

Antony 2016

Antony M., “Les communautés utopiques sont-elles toujours condamnées à disparaître?”, in: *Cahiers d'histoire. Revue d'histoire critique [En ligne]*, 133, 2016, (<http://chrhc.revues.org/5480>; last access on: August 31, 2018).

Baczko 1978

Baczko B., *Lumières de l'Utopie*, Paris, 1978.

Bauman 1976

Bauman Z., *Socialism: The Active Utopia*, New York, 1976.

Berghauzen 1974

Berghauzen J., *Ruch patriotyczny w Królestwie Polskim 1833–1850*, Warszawa, 1974.

Bowman 2016

Bowman P., *Le Christ des barricades: 1789–1848*, Paris, 2016.

Brock 1960

Brock P., “The Socialists of the Polish ‘Great Emigration’”, in: *Essays in labour history in memory G. D. H. Cole, 25 September 1889 – 14 January 1959*, A. Briggs and J. Saville, eds., London, 1960, 140–173.

Charléty 2018

Charléty S., *Histoire du saint-simonisme: 1825–1864*, ed. J. Lebrun, Paris, 2018.

Cordillot 2013

Cordillot M., *Utopistes et exilés du Nouveau Monde: des Français aux États-Unis, de 1848 à la Commune*, Paris, 2013.

Cordillot 2018

Cordillot M., “Rethinking the failure of the French Fourierist colony in Dallas”, in: *Praktyka Teoretyczna*, 3 (29), 2018, 118–133.

Cordillot and Fourn 2002

Cordillot M., Fourn F., “Krolkowski, Louis”, in: *La sociale en Amérique: dictionnaire biographique du mouvement social francophone aux Etats-Unis, 1848–1922*, M. Cordillot, ed., 9, Paris, 2002, 244–245.

Fourn 2004

Fourn F., “1849–1851: l’anticommunisme en France. Le Spectre rouge de 1852”, in: *Comment meurt une république: autour du 2 décembre 1851*, S. Aprile, N. Bayon, L. Clavier, L. Hincker, J.-L. Mayaud, eds., Paris, 2004, 131–151.

Fourn 2014

Fourn F., *Étienne Cabet ou le temps de l’utopie*, Paris, 2014.

Fourn 2018

Fourn F., "Icarian communism between 1841 and 1848: a community of readers", in: *Praktyka Teoretyczna*, 3 (29), 2018, 78–95.

Grajewski 1959

Grajewski H., *Aleksander Napoleon Dybowski i jego projekt konstytucji dla Polski z 1848 r.*, Łódź, 1959.

Grajewski 1966

Grajewski H., *Felicjan Abdon Wolski i jego projekt konstytucji dla Polski z 1840 r.*, Łódź, 1966.

Hroch 2007

Hroch M., "National Romanticism", in: *National Romanticism – The Formation of National Movements*, D. Paton, trans., B. Trencsényi, M. Kopeček, eds., Budapest–New York, 2007.

Johnson 1974

Johnson Ch. H., *Utopian Communism in France: Cabet and the Icarians, 1839–1851*, Ithaca, London, 1974.

Kieniewicz 1976

Kieniewicz S., "La culture politique polonaise au XIXe siècle", in: *Acta Poloniae Historica*, 33, 1976, 141–164.

Kuligowski 2016

Kuligowski P., "Retoryka i utopia. Ludwik Królikowski: studium struktury myśli", in: *Klio. Czasopismo poświęcone dziejom Polski i powszechnym*, 37, 2, 2016, 101–124.

Kuligowski 2018

Kuligowski P., "Religious language in politics: The case of Polish radicals in exile, 1828–1852", in: *Slovanský přehled / Slavonic Review*, 104, 2, 2018, 279–302.

Limanowski 1983

Limanowski B., *Historia demokracji polskiej w epoce porozbiorowej*, Warszawa, 1983.

Lubecki 1921

Lubecki K., "Ludwik Królikowski. Wykład wygłoszony dnia 10 marca 1911 r. przez dra Kazimierza Lubeckiego", in: *Polska filozofia narodowa*, Kraków, 1921.

Micewski 1983

Micewski B., *Bogdan Jański: założyciel Zmartwychwstańców 1807–1840*, Warszawa, 1983.

Peillon 2018

Peillon V., *Liberté, égalité, fraternité: sur le républicanisme français*, Paris, 2018.

Picon 2002

Picon A., *Les saint-simoniens: raison, imaginaire et utopie*, Paris, 2002.

Prochasson 1997

Prochasson Ch., *Les intellectuels et le socialisme: XIXe–XXe siècle*, Paris, 1997.

Prudhommeaux 1907

Prudhommeaux J., *Icarie et son fondateur Étienne Cabet*, Paris, 1907.

Rancière 1989

Rancière J., *The nights of labor: the workers' dream in nineteenth-century France*, trans. J. Drury, trans., Philadelphia, 1989.

Riot-Sarcey 1998

Riot-Sarcey M., *Le réel de l'utopie: essai sur le politique au XIXe siècle*, Paris, 1998.

Rosanallon 2000

Rosanallon P., *La démocratie inachevée: histoire de la souveraineté du peuple en France*, Paris, 2000.

Saage 1999

Saage R., "Ikarischer Kommunismus. Zu Etienne Cabets utopischem Roman Reise nach Ikarien", in: *UTOPIE kreativ*, 108, 1999, 73–85.

Sikora 1972

Sikora A., "Królikowski czyli szaleństwa konsekwencji", in: *Ludwik Królikowski. Wybór pism*, H. Temkinowa, ed., Warszawa, 1972.

Stasi 2017

Stasi D., "The theological utopia of Ludwik Królikowski", in: *Polis – Revistă de științe politice*, 5/2 (16), 2017, 99–110.

Szacki 2000

Szacki J., *Spotkanie z utopią*, Warszawa, 2000.

Talmon 1960

Talmon J., *Political Messianism – The Romantic Phase*, New York, 1960.

Trencsényi et al 2016

Trencsényi B., Janowski M., Baar M., Falina M., *A History of Modern Political Thought in East Central Europe, Volume 1: Negotiating Modernity*, New York, 2016.

Turowski 1958

Turowski J., *Utopia społeczna Ludwika Królikowskiego 1799–1878*, Warszawa, 1958.

Ujejski 1912

Ujejski J., "Ludwik Królikowski 1799–1878", in: *Wiek XIX: sto lat myśli polskiej. Życiorysy, streszczenia, wyjątki*, B. Chlebowski, I. Chrzanowski, H. Galle, G. Korbut, M. Kridl, S. Krzemiński, eds., Warszawa – Lublin – Łódź – Kraków – New York, 1912.

Vilder 1995

Vilder A., *L'Espace des Lumières. Architecture et philosophie de Ledoux à Fourier*, C. Fraixe, trans., Paris, 1995.

References

-
- Antony M., "Les communautés utopiques sont-elles toujours condamnées à disparaître?", in: *Cahiers d'histoire. Revue d'histoire critique [En ligne]*, 133, 2016.
- Baczko B., *Lumières de l'Utopie*, Paris, 1978.
- Bauman Z., *Socialism: The Active Utopia*, New York, 1976.
- Berghauzen J., *Ruch patriotyczny w Królestwie Polskim 1833–1850*, Warszawa, 1974.
- Bowman P., *Le Christ des barricades: 1789–1848*, Paris, 2016.
- Brock P., "The Socialists of the Polish 'Great Emigration'", in: *Essays in labour history in memory G. D. H. Cole, 25 September 1889 – 14 January 1959*, Briggs A. and Saville J., eds., London, 1960, 140–173.
- Charléty S., *Histoire du saint-simonisme: 1825–1864*, J. Lebrun, ed., Paris, 2018.
- Cordillot M., *Utopistes et exilés du Nouveau Monde: des Français aux États-Unis, de 1848 à la Commune*, Paris, 2013.
- Cordillot M., "Rethinking the failure of the French Fourierist colony in Dallas", in: *Praktyka Teoretyczna*, 3 (29), 2018, 118–133.
- Cordillot M., Fourn F., "Krolikowski, Louis", in: *La sociale en Amérique: dictionnaire biographique du mouvement social francophone aux Etats-Unis, 1848–1922*, Cordillot M., ed., 9, Paris, 2002, 244–245.
- Fourn F., "1849–1851: l'anticommunism en France. Le Spectre rouge de 1852", in: *Comment meurt une république: autour du 2 décembre 1851*, Aprile S., Bayon N., Clavier L., Hincker L., Mayaud J.-L., eds., Paris, 2004, 131–151.
- Fourn F., *Étienne Cabet ou le temps de l'utopie*, Paris, 2014.
- Fourn F., "Icarian communism between 1841 and 1848: a community of readers", in: *Praktyka Teoretyczna*, 3 (29), 2018, 78–95.
- Grajewski H., *Aleksander Napoleon Dybowski i jego projekt konstytucji dla Polski z 1848 r.*, Łódź, 1959.
- Grajewski H., *Felicjan Abdon Wolski i jego projekt konstytucji dla Polski z 1840 r.*, Łódź, 1966.
- Hroch M., "National Romanticism", in: *National Romanticism – The Formation of National Movements*, Paton D., trans., Trencsényi B., Kopeček M., eds., Budapest – New York, 2007.
- Johnson Ch. H., *Utopian Communism in France: Cabet and the Icarians, 1839–1851*, Ithaca, London, 1974.
- Kieniewicz S., "La culture politique polonoise au XIXe siècle", in: *Acta Poloniae Historica*, 33, 1976, 141–164.
- Kuligowski P., "Retoryka i utopia. Ludwik Królikowski: studium struktury myśli", in: *Klio. Czasopismo poświęcone dziejom Polski i powszechnym*, 37, 2, 2016, 101–124.

- Kuligowski P., "Religious language in politics: The case of Polish radicals in exile, 1828–1852", in: *Slavonic Review*, 104, 2, 2018, 279–302.
- Limanowski B., *Historia demokracji polskiej w epoce porozbiorowej*, Warszawa, 1983.
- Micewski B., *Bogdan Jański: założyciel Zmartwychwstańców 1807–1840*, Warszawa, 1983.
- Peillon V., *Liberté, égalité, fraternité: sur le républicanisme français*, Paris, 2018.
- Picon A., *Les saint-simoniens: raison, imaginaire et utopie*, Paris, 2002.
- Prochasson Ch., *Les intellectuels et le socialisme: XIXe–XXe siècle*, Paris, 1997.
- Rancière J., *The nights of labor: the workers' dream in nineteenth-century France*, trans. J. Drury, Philadelphia, 1989.
- Riot-Sarcey M., *Le réel de l'utopie: essai sur le politique au XIXe siècle*, Paris, 1998.
- Rosanvallon P., *La démocratie inachevée: histoire de la souveraineté du peuple en France*, Paris, 2000.
- Rutkowski, K. ed., "List Ludwika Królikowskiego do Adama Mickiewicza w sprawie utworzenia 'Zakonu dzieci polskich'", in: *Akta Towarzystwa Historyczno-Literackiego w Paryżu*, 1, 1991, 41–52.
- Saage R., "Ikarischer Kommunismus. Zu Etienne Cabets utopischem Roman 'Reise nach Ikarien'", in: *UTOPIE kreativ*, 108, 1999, 73–85.
- Sikora A., "Królikowski czyli szaleństwa konsekwencji", in: *Ludwik Królikowski. Wybór pism*, Temkinowa H., ed., Warszawa, 1972.
- Silberner E., ed., *La Correspondance Moses Hess-Louis Królikowski. Estratto dagli "Annali dell'Istituto Giangiacomo Feltrinelli"*, Milano, 1960.
- Stasi D., "The theological utopia of Ludwik Królikowski", in: *Polis – Revistă de științe politice*, 5/2 (16), 2017, 99–110.
- Szacki J., *Spotkanie z utopią*, Warszawa, 2000.
- Talmon J., *Political Messianism – The Romantic Phase*, New York, 1960.
- Trencsényi B., Janowski M., Baar M., Falina M., *A history of modern political thought in East Central Europe*, Volume I: *Negotiating Modernity*, New York, 2016.
- Turowski J., *Utopia społeczna Ludwika Królikowskiego 1799–1878*, Warszawa, 1958.
- Vilder A., *L'Espace des Lumières. Architecture et philosophie de Ledoux à Fourier*, Fraixe C., trans., Paris, 1995.

Acknowledgments

Preludium 13 program of the Polish National Science Centre. Project No. UMO-2017/25/N/HS3/00131.

Etiuda 6 program of the Polish National Science Centre. Project No. UMO-2018/28/T/HS3/00023.

mgr Piotr Kuligowski

Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, Wydział Historyczny,
 doktorant w Zakładzie Myśli i Kultury Politycznej

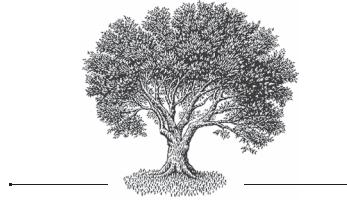
Umultowska 89 D

61-614 Poznań

Polska/Poland

piotr.kuligowski.1990@gmail.com

Received September 5, 2018

К поэтике позднего Мандельштама («Мастерица виноватых взоров...»: анализ текста)

Towards the Poetics
of the Late Mandel'shtam
("Masteritsa
vinovatykh vzorov...":
an Analysis)

**Борис Андреевич
Успенский**

Национальный исследовательский
университет Высшая школа экономики
Москва, Россия

Boris A. Uspenskij

National Research University Higher
School of Economics
Moscow, Russia

Резюме

В статье дается детальный анализ стихотворения «Мастерица виноватых взоров...» с экскурсами в поэтическую технику Мандельштама. Особое внимание уделяется сложной метафорике Мандельштама, игре омонимичных значений и полифонической структуре этого стихотворения, объединяющего голоса, принадлежащие разным субъектам речи.

Ключевые слова

Мандельштам, Мария Петровых, поэтика, метафора, поэтический голос, точка зрения, омонимия и полисемия, неологизмы, внутренняя речь

Abstract

The article presents a detailed analysis of the poem "Masterica vinovatykh vzorov..." with insights on the poetic technique of Mandel'shtam. Special attention is

---

Цитирование: Успенский Б. А. К поэтике позднего Мандельштама («Мастерица виноватых взоров...»: анализ текста) // Slovène. 2018, Vol. 7, № 2. С. 227–257.

Citation: Uspenskij B. A. (2018) Towards the Poetics of the Late Mandel'shtam ("Masteritsa vinovatykh vzorov...": an Analysis). *Slovène*, Vol. 7, № 2, p. 227–257.

DOI: 10.31168/2305-6754.2018.7.2.9

given to the Mandel'shtam's use of metaphors, to the interplay of homonymous meanings and to the polyphonic structure of this poem that unifies different voices.

Keywords

Mandel'shtam, Maria Petrovykh, poetics, metaphor, poetical voices, point of view, homonymy and polysemy, neologisms, inner speech

Предмет нашего анализа — стихотворение О. Э. Мандельштама, датированное 13–14 февраля 1934 г. и посвященное Марии Сергеевне Петровых (1908–1979)¹. Приведем текст этого стихотворения [по изд.: Семенко 1990: 138; Гаспаров 2001: 206], введя нумерацию строф и строк: строфы обозначаются римскими цифрами, строки — арабскими.

I.

1. Мастерица виноватых взоров,
2. Маленьких держательница плеч*,
3. Усмирен мужской опасный норов,
4. Не звучит утопленница-речь.

II.

5. Ходят рыбы, рдея плавниками,
6. Раздувая жабры: на, возьми!
7. Их, бесшумно окающих** ртами,
8. Полухлебом плоти накорми.

III.

9. Мы не рыбы красно-золотые,
10. Наш обычай сестринский таков:
11. В теплом теле ребрышки худые
12. И напрасный влажный блеск зрачков.

¹ Дата обозначена на автографе стихотворения, подаренном поэтом М. С. Петровых. Автограф хранится в личном собрании Арины Витальевны Головачевой, дочери М. С. Петровых. Фототипическое воспроизведение автографа см. в изд.: [Михайлов и Нерлер, 1, вклейка между с. 160 и с. 161; Фигурнова и Фигурнова 2001: 172].

* Вариант: *встреч*. Так только в автографе, подаренном М. С. Петровых. Этот вариант считается опиской [см.: Мец, 1: 572; Видгоф, 2015: 181], хотя он мог появиться — в данном списке — по случаю какой-то встречи О. Э. Мандельштама и М. С. Петровых.

** Вариант: *охающих*. Так в автографе, подаренном М. С. Петровых, и в ряде других списков, см.: [Михайлов и Нерлер, 1: 443, 537; Мец, 1: 572]. Следует иметь в виду, что буквы *к* и *х* в почерке О. Э. Мандельштама близки по начертанию.

IV.

13. Маком бровки мечен путь опасный.
14. Что же мне, как янычару, люб
15. Этот крошечный, летуче-красный,
16. Этот жалкий полумесяц губ?

V.

17. Не серчай, турчанка дорогая:
18. Я с тобой в глухой мешок зашьюсь,
19. Твои речи темные глотая,
20. За тебя кривой воды напьюсь.

VI.

21. Ты, Мария — гибнущим подмога***
22. Надо смерть предупредить — уснуть.
23. Я стою у твердого порога.
24. Уходи, уйди, еще побудь.

Об этом стихотворении много написано. Существует несколько специальных работ, ему посвященных, не говоря о спорадических

*** Вариант: *Наша нежность гибнущим подмога*. Так только в автографе, подаренном М. С. Петровых. В так называемом Ватиканском списке (из библиотеки Принстонского университета, *Box 4, folder 16*) на месте слов *Ты, Мария* стоит пробел. Ватиканский список — домашнее название авторизованного сборника, изготовленного Н. Я. Мандельштамом в 1935 г. по приезде в Воронеж: так в семье О. Э. и Н. Я. Мандельштамов именовалась тетрадка со стихами 1930–1935 гг., частично переписанная с автографов, частично записанная по памяти, иногда под диктовку поэта [Семенко 1997: 5; Михайлов и Нерлер, 1: 443, 537]; название возникло по аналогии с *Codex Vaticanus*, древнейшим списком Нового Завета.

Слова *Ты, Мария* значатся в списке, опубликованном И. М. Семенко по рукописному сборнику 1935 г. (без указания адреса рукописи).

Как указал нам Л. М. Видгоф, среди бумаг Мандельштама, хранящихся в библиотеке Принстонского университета, имеются еще два списка этого стихотворения, сделанные рукой Н. Я. Мандельштам. Один из них находится среди стихов памяти Андрея Белого (*Box 2, folder 22*); и здесь также на месте слов *Ты, Мария* стоит пробел. В другом списке — так называемой Наташиной книге, изготовленной Н. Я. Мандельштам для Н. Е. Штемпель в 1937 г. (*Box 2, folder 17*), тоже был пробел, но на его месте вписаны другими чернилами и другим почерком слова *Ты, Мария*. Кажется вероятным, что Н. Е. Штемпель слышала чтение этих стихов и внесла эти слова в свою книгу. Пробел на месте этих слов был и в Ташкентском списке, составленном в 1943–1944 гг., но затем Н. Я. Мандельштам вписала слова *Ты, Мария* [Михайлов и Нерлер, 1: 537].

Предполагается, что пробел был сделан из этических побуждений, не позволяющих назвать имя женщины в любовном стихотворении. Из тех же побуждений слова *Ты, Мария* были заменены на более нейтральный текст в автографе М. С. Петровых [см.: Мец, 1: 572]. Публикаторы, как правило, считают вариант со словами *Ты, Мария* аутентичным и основным.

упоминаниях в разных мандельштамоведческих работах². Только в одной из известных нам работ дается последовательный анализ всего стихотворения — это работа С. В. Поляковой [Полякова 1997]. Это замечательная — пионерская — работа, но она, как кажется, нуждается в коррективах. Другие исследования посвящены отдельным мотивам и образам, а также реминисценциям, связывающим этот текст с предшествующей литературной традицией. Краткий пересказ этого стихотворения есть в комментарии М. Л. Гаспарова [Гаспаров 2001: 660]; с ним трудно согласиться. Все это открывает широкое поле для дальнейшей работы, которая, при удачном ее осуществлении, могла бы определить перспективы не только для понимания самого этого стихотворения, но для исследования поэтической техники Мандельштама.

В целом, как представляется, это стихотворение не прочитано, и мы попытаемся это сделать.

Стихотворения Мандельштама — в особенности позднего периода — нуждаются, можно сказать, в работе дешифровщика. Они насыщены метафорами и иносказаниями. Кроме того, у них сложная поэтика — многоплановое построение, представляющее содержание текста в многомерном пространстве.

Сказанное непосредственно относится к рассматриваемому стихотворению. Уже первое знакомство с ним обнаруживает какие-то узловые моменты — загадочные фразы и образы, — которые необходимо как-то понять (если угодно, дешифровать): без этого не может быть понято целое стихотворение.

Что значит, например, *утопленница-речь*? Что означает *полухлеб плоти*? В обоих случаях загадочным представляется язык стихотворения, сочетаемость языковых элементов (будь то слова или морфемы).

А вот два образа, относящиеся к содержанию стихотворения — к его поэтике, а не к его языку.

Что означают *рыбы*? Почему вдруг появляется *янычар*? Язык здесь вполне понятен, но образы нуждаются в толковании.

Почему *рыбы ходят*? Так не говорят о рыбах. Разумеется, поэт вправе преобразовать язык (и часто это делает), но за этим обычно что-то стоит? Что же именно?

Чьим голосом говорит поэт? Всегда ли это голос одного и того же лица (например, лирического героя) или поэтический субъект меняется?

Мы собираемся предложить свою интерпретацию этих и других моментов; при этом предлагается рассмотреть стихотворение с начала до конца — слово за словом, строку за строкой.

² См. их относительно полный перечень: [Лекманов, Глуховская и Чабан 2017 (указаны только работы на русском языке)]. Из этого перечня следует исключить [Ронен 2002]: о нашем стихотворении там не говорится.

* * *

Строфа I

- (1) *Мастерица виноватых взоров,*
- (2) *Маленьких держательница плеch...*

Стихотворение начинается с описания внешности героини. Возникает образ застенчивой хрупкой молодой женщины — образ, который откликается затем в упоминании ее *ребрышек худых* (строка 11) и в характеристике ее рта (или улыбки?) как *крошечного и жалкого* (строки 15–16). Этому образу, однако, не вполне соответствует выражение *держательница плеch*, где слово *держательница* может не только означать ‘обладательница’ (ср. *держать акции, держать корчму* и т. п. [см.: Левин 1998: 43]), но и говорить об осанке, внутренней мобилизованности (ср. *держать голову, держать спину*)³. Так с самого начала намечается двойственный образ героини, одновременно хрупкой и независимой.

Может возникнуть впечатление беззащитности, но оно опровергается уже следующим затем стихом:

- (3) *Усмирен мужской опасный норов*

Вводится м у ж с к а я тема, одна из основных в данном стихотворении: актуализируется противопоставление м у ж с к о г о и ж е н - с к о г о. Слово *норов* — не нейтрально, стилистически маркировано: его нейтральным коррелятом является *нрав*. *Норов*, в отличие от *нрав*, просторечно и грубовато. Речь идет о грубом нраве, возможно, как видно из дальнейшего, о мужском вожделении (строки 7–8). Трудно предположить, что это просторечное слово принадлежит героине: это, по-видимому, слова постороннего — по отношению к ней — наблюдателя.

Исследователи могут считать, что речь идет об отношении поэта к героине, т. е. что слова *мужской норов* характеризуют самого поэта, ухаживания которого она, героиня, отвергает [ср., напр.: Гаспаров 2001: 660; Левин 1998: 37]. Едва ли дело надо понимать в точности таким образом: по-видимому, имеются в виду мужчины вообще (в противопоставлении женщинам), ср. далее: *их [...] накорми* (строка 7–8), *наш обычай сестринский* (строка 10). Как мы увидим ниже, *обычай сестринский* и *мужской норов* противостоят друг другу: в обоих случаях речь

---

³ М. В. Безродный считает, что сочетание слов *мастерица* и *плеch* в этих строках скрывают в себе-идиому *заплечных дел мастер*; предполагается тем самым, что М. С. Петровых выступает как палач поэта [см.: Лекманов 2004: 161; Лекманов 2016: 316; Видгоф 2015: 182]; в этих работах нет ссылки на источник, но, как нам известно от О. А. Лекманова, авторы основываются на устном сообщении Безродного). Это предположение не находит подтверждения в тексте стихотворения и представляется натяжкой.

идет о н р а в е, который в одном случае описывается как *норов*, в другом — как *обычай*.

В следующей строке портрет героини завершается, причем неожиданно вводится тема в о д ы, которая — так же, как и мужская тема, — оказывается значимой для всего стихотворения:

(4) *Не звучит утопленница-речь.*

М. Л. Гаспаров предложил понимать выражение *утопленница-речь* исходя из фразеологизма *нем как рыба* [см.: Гаспаров 2001: 660]. Полагаем, что в основе этого образа действительно лежит фразеологизм, но другой: *набрать в рот воды*⁴. Этот последний фразеологизм предполагает не только молчание само по себе, но слова, которые не высказываются вслух, — в н у т р е н н ю ю р е ч ь⁵.

Воспроизведению этих непроизнесенных слов, т. е. внутренней речи, которая отражает мысли героини, посвящены следующие две строфы. Это то, что героиня не произносит (как бы набрав в рот воды), но, видимо, думает; поэт читает ее мысли. Она набрала в рот воды, и перед нами открывается картина водного пространства, акватории: далее описывается то, что происходит в воде (в сознании героини). Так перед нами появляются р ы б ы.

Строфа ||

(5) *Ходят рыбы, рдея плавниками,*

(6) *Раздувая жабры: на, возьми!*

Перспектива неожиданно меняется, происходит переключение образа, возникает новая сцена. Мы слышим новый голос — голос героини.

Если ранее — в первой строфе (строки 1–4) — портрет героини был представлен с позиции стороннего наблюдателя, то теперь рассказ ведется, по-видимому, от лица самой героини (таковы вторая и третья строфа, строки 5–12). Мы слышим ее внутреннюю речь — именно ту,

⁴ Ср. в дневниковых записях Мандельштама 1931–1932 гг. [Мец, 2: 40] запись о Пастернаке: «Набрал в рот вселенную и молчит. Всегда-всегда молчит. Аж страшно.

Набравши море в рот,
Да прыскает вселенной».

Выражение *молчит, как в рот воды набрал* означает, что человек молчит, хотя ему есть что сказать. Выражение *нем, как рыба* этого не подразумевает.

⁵ По мнению С. В. Поляковой, «утопленница-речь выражает хтонический аспект воды, обозначая гибель, утопление речи» [Полякова 1997: 92]. Это профанное прочтение, которое обыгрывается затем в речи янычара (*твои речи темные глотая*, строка 19).

Едва ли можно думать, что *утопленница-речь* означает «любовные слова, обращенные к мастерице и неугодные ей»; они не звучат, поскольку «пошли ко дну по ее воле и не реализовались» [Полякова 1997: 92]. Это не так: фраза относится к портрету героини, и имеется в виду речь героини.

которая *не звучит* (строка 4), т. е. недоступна постороннему наблюдателю. Другая возможность интерпретации: поэт говорит за нее, т. е. переднами замещенная речь [см. вообще о замещенной речи: Волошинов 1929: 163; Успенский 1970/2000: 79–81]. Эти две возможности tolkovания практически неразличимы, поэтому — руководствуясь бритвой Оккама — целесообразно предпочесть более простую интерпретацию, т. е. считать, что в этих двух строфах мы слышим голос геройни.

К. Ф. Тарановский предположил, что речь идет об аквариуме в комнатае, причем рыбы олицетворяют человеческие желания: «I would prefer that there was an aquarium and the fish became, in the poet's imagery, an analogue of his human wishes: he asks his addressee to feed them with *poluchleb ploti*» [Taranovsky 1976: 149]. Равным образом С. В. Полякова [см.: Полякова 1997: с. 93], ссылаясь на Кузмина («Форель разбивает лед»), считает, что удары рыб хвостом символизируют страсти; однако у Мандельштама об ударах рыб ничего не говорится.

Между тем, под рыбами имеются в виду людьи, и прежде всего мужчины, что, конечно, прямо связано с выражением *мужской опасный норов* (строка 3)⁶. То, что речь не идет о рыбах как таковых, видно уже на языковом уровне. В самом деле, глагол *ходить* в принципе не сочетается со словом *рыбы* во множественном числе: в функции подлежащего при этом глаголе, как правило, выступает слово *рыба* в единственном числе — слово, имеющее собирательное значение и фигурирующее как *singulare tantum*. Так, например, говорят *рыба ходит косяком* (а не **рыбы ходят косяком*), *рыба идет* (а не **рыбы идут*) и т. п.; примеры можно умножить (см. Нац. корпус рус. языка). Ограничимся примером из «Бахчисарайского фонтана»:

Как *рыба* в ясной глубине
На мраморном *ходила* дне

[Пушкин, 4: 158]⁷.

⁶ И в другом месте Мандельштам называет людей *рыбами*: так он именует своих собратьев по перу — советских литераторов. Ср. в письме к Н. Я. Мандельштам от 13 марта 1930 г.: «Я дачаю с каждым днем. Боюсь своей газеты [речь идет о газете «Московский комсомолец», где в это время служил поэт. — Б. У.]. Здесь не люди, а рыбы страшные» [Мец, 3: 419]. Эти строки были написаны в мучительное для Мандельштама время, когда он был подвергнут остракизму в связи с обвинениями в плагиате (ситуация, описанная в «Четвертой прозе»). На возможную соотнесенность этого образа с рыбами в «Мастерице виноватых взоров...» обратил внимание Л. М. Видгоф [см.: Витгоф 2012: 458].

⁷ Кажущимся исключением к сказанному могут быть стихи Державина («Водопад»):

Но в ясный день, средь светлой влаги,
Как ходят рыбы в небесах
И вьются полосаты флаги,
Наш флот на вздутых парусах
Вдали белеет на лиманах...
[Державин, 1: 327].

В то же время глагол *ходить* ассоциируется прежде всего с людьми. Тем самым выражение *ходят рыбы* непроизвольно вызывает аналогию с поведением людей: рыбы у Мандельштама ходят в воде так же, например, как в селе могут ходить парни перед девками — взад и вперед, красуясь. Это, конечно, лишь одна из возможных ассоциаций⁸.

Но рыбы как люди — это евангельский образ. Действительно, сравнение людей с рыбами заставляет вспомнить об апостолах — рыбаках и «ловцах человеков» (Мф 4:19);ср. «перстень рыбака» у папы римского как преемника апостола Петра. Эта ассоциация может показаться неожиданной, но она находит подтверждение в других, несомненно христианских образах этого стихотворения, которые нам встречаются ниже: *полухлебом плоти* (строка 8) — явная аналогия с причашением; *Ты, Мария, — гибнущим подмога* (строка 21) — аналогия с Богоматерью.

Так намечается новая тема — *х р и с т и а н с к а я*, которая в том или ином виде сопровождает все стихотворение, выступая при этом как фоновая, сопутствующая тема. При всем том образ рыб — так же как и другие христианские образы этого стихотворения, о которых подробнее мы скажем ниже, — лишен сакрального смысла. Он используется именно как метафорический образ, не отсылая непосредственно к первоисточнику. Христианская образность у Мандельштама принадлежит вообще не языку культа, а языку культуры: «[Т]еперь всякий культурный человек — христианин», — говорит он в программной статье «Слово и культура» 1921 г. [Мец, 2: 44]⁹.

В результате сакральные образы в его стихах живут своей собственной жизнью — вне сакрального содержания.

Это — *д е с а к р а л и з о в а н н ы й п о д т е к с т*, который проходит через все стихотворение, подобно тому, как нитка проходит через ткань, то появляясь, то исчезая в ней.

Такой подход к сакральным образам характерен вообще для Мандельштама. Так, например, в стихотворении «Не искушай чужих наречий...»

С. В. Полякова склонна видеть у Мандельштама реминисценцию этих державинских стихов [Полякова 1997: 182, примеч. 4]. Как бы то ни было, у Державина, как и у Мандельштама, под рыбами понимаются не рыбы как таковые — в обоих случаях перед нами метафора. Сам Державин в позднейшем объяснении к своим стихам так комментировал это место: «В тихий ясный день бывают видимы в воде облака и развевающиеся флаги корабельные» [Державин, 1: 348]. Здесь сложный семантический ход: облака и флаги, отражающиеся в воде, оказываются подобны рыбам и отсюда сами предстают как рыбы, перемещающиеся в небесах.

⁸ Ср.: «Ходят боты, ходят серые у Гостиного двора...» («Вы, с квадратными окошками, невысокие дома...», 1925).

⁹ Ср. сходные мысли у Пушкина в послесловии к очерку «Долина Ажигутай» [Пушкин, 12: 25]. См.: [Успенский 2004: 34].

(1933) говорится о невозможности овладения чужим языком, проникновения в чужую культуру. И мы читаем:

Не искушай чужих наречий, но пострайся их забыть,
Ведь все равно ты не сумеешь стекла зубами укусить!

.....
И в наказанье за гордыню, неисправимый звуколюб,
Получишь укусную губку ты для изменнических губ.

Как видим, говоря о недостижимой пище духовной, заложенной в чужих языках, Мандельштам вспоминает о распятии Христа и говорит об укусной губке, протянутой ему в ответ на крик отчаяния (Мф 27:48; Мк 15:36). При этом обыгрывается связь слов *губка* и *губы*.

В «Грифельной оде» (1923) читаем:

И я теперь учу дневник
Царапин грифельного лета,
Кремня и воздуха язык,
С прослойкой тьмы, с прослойкой света,
И я хочу вложить персты
В кремнистый путь из старой песни...

Выражение *вложить персты* – евангельский образ: Христос вкладывает персты в уши глухого человека, чтобы тот стал слышать (Мк 7:33), Фома вкладывает перст в язвы Христа, чтобы убедиться в том, что Христос воскрес (Ин 20:25–27). Кажется, ничего подобного здесь не имеется в виду: *кремнистый путь* отсылает к Лермонтову («Выхожу один я на дорогу...») и говорит о приобщении к природе и космосу¹⁰.

Другим примером может служить наименование художника *мучеником* в стихотворении «Как светотени мученик Рембрандт...» (1937):

Как светотени мученик Рембрандт,
Я глубоко ушел в немеющее время,
И резкость моего горящего ребра,
Не охраняется ни сторожами теми,
Ни этим воином, что под грозою спят.

¹⁰ М. Л. Гаспаров хочет видеть здесь прямой евангельский смысл — тот, что выражен в сцене уверения Фомы: «вложить персты — убедиться в попрании смерти» [Гаспаров 2001: 641]. Нам не кажется это убедительным. Ср.: «[У]часть у природы, мы можем одолеть пропасть забвения и жерло вечности. Именно поэтому в начале и конце стихотворения появляется (или восстанавливается) Лермонтов: “Выхожу один я на дорогу...” — оно тоже о преодолении смерти (заснуть не холодным сном могилы, а сохранить жизненные силы и слушать природу). Больше того, именно поэтому в finale появляется не только Лермонтов, а и самый главный победитель смерти — Христос: реминисценции из Нагорной проповеди и слов Крестителя; а уверование Фомы (Ин 20:25) — «вложить персты в кремнистый путь из старой песни — значит физически убедиться в попрании смерти» [Гаспаров 1995: 185].

Здесь также говорится о Распятии. Местоимение первого лица сначала принадлежит поэту, а потом Христу, распинаемому на Кресте (с которым, очевидно, отождествляет себя поэт); в следующих затем строках поэт снова говорит от своего имени («Простишь ли ты меня, великолепный брат...»). Как художник, так и поэт «глубоко ушли в немеющее время»: устами поэта говорит сам Христос, и Он же, может быть, руководит кистью художника (Рембрандта), изображающего евангельские сцены¹¹. Наименование мастера *мучеником* как бы вписывается в общий христианский контекст, и само словосочетание *светотени мученик*, фонетически близкое к выражению *святой мученик*, по всей вероятности, обыгрывает это выражение. Тем не менее художник (как и поэт) имеет лишь косвенное отношение к страстям Христовым, и значение слова *мученик* определяется прежде всего выражением *муки творчества*. Ассоциация с мученичеством за веру имеет явно вторичный характер.

Во всех этих случаях сакральный образ оторван от контекста, он не отсылает непосредственно к сакральному содержанию. То же видим мы и в «Мастерице виноватых взоров...»¹².

Продолжим обсуждение второй строфы «Мастерицы...».

Описание рыб сопровождается прямой речью, которая оказывается инкорпорированной во внутреннюю речь героини. Прямая речь представлена, по-видимому, как во второй, так и в третьей строфе (строки 6–12). Начнем со второй:

- (5) *Ходят рыбы, рдея плавниками,*
- (6) *Раздувая жабры: на, возьми!*

¹¹ Поводом к этому стихотворению явилось изображение Распятия на картине воронежского музея «Шествие на Голгофу», приписываемой Рембрандту [см.: Н. Мандельштам, 1: 218; Гаспаров 2001: 670]; в настоящее время картина реатрибуирована и отнесена к сер. XVII в. (ее автором считается Якоб Виллем де Вет Старший). Как указывает С. В. Полякова, эту картину нельзя считать источником стихотворения Мандельштама «хотя бы потому, что она изображает не Распятие, а шествие на Голгофу, т. е. эпизод, не отраженный у Мандельштама. Самое большое можно сказать, что эта псевдо-рембрандтовская Голгофа послужила одним из источников новозаветных образов и, возможно, дала толчок замыслу пьесы» [Полякова 1997: 89]. Сцена Распятия у Мандельштама объединяет разные моменты евангельской истории: наряду с горящим ребром Христа, по-видимому, упоминается воин, нанесший Ему удар в ребро (Ин 19:34); вместе с тем под сторожами могут пониматься воины, охранявшие Его гробницу после захоронения тела (Мф 27:66).

¹² Между тем, в тех случаях, когда поэт обращается к евангельскому содержанию, мы не встречаем у него сакральных образов. Ср. раннее стихотворение «Неумолимые слова...» (1910), описывающее распятого Христа («И царствовал и никнул Он...»), или же позднее «Заблудился я в небе – что делать?» (1937), где вспоминается моление о чаше и поэт уподобляет себя Христу, молящемуся в Гефсиманском саду. На реминисценцию из Евангелия в этих стихах указал нам Ф. Б. Успенский.

- (7) *Их, бесшумно окающих ртами,*
 (8) *Полухлебом плоти накорми.*

Фразы *На, возьми!* и *Их [...] накорми*, близкие по своей структуре (с глаголами в повелительном наклонении), разделены цезурой и, по-видимому, принадлежат разным субъектам речи (разным речевым голосам).

Первую фразу, похоже, произносят рыбы: это мужчины, которые предлагают себя героине (предлагают свою любовь?). Между тем, вторая фраза принадлежит самой героине. Таким образом, первая фраза, по-видимому, обращена к героине на уровне ее внутренней речи. Диалог между рыбами и героиней отражает мысли героини. (Разумеется, можно думать, что это сам поэт говорит в одном случае от имени рыб, в другом — от имени героини, но это принципиально ничего не меняет: в таком случае перед нами замещенная речь, которая формально неотличима от прямой речи, — см. выше.)

Не исключена, впрочем, другая трактовка: можно предположить, что обе фразы произносит поэт, обращаясь к героине (и затем она ему отвечает, строки 9–12). При таком понимании оказывается, что поэт вторгается во внутреннюю речь героини и между ними возникает диалог.

Наконец, можно считать, что фраза *На, возьми!* не принадлежит рыбам, а выступает как речевой жест, описывающий их поведение (рыбы подплывают к героине с просьбой, которая описывается этими словами); в таком случае это фраза, не адресованная кому бы то ни было собеседнику.

Нам кажется более естественной первая интерпретация (согласно которой фраза *На, возьми!* представляет собой прямую речь рыб), но по существу все эти интерпретации мало отличаются одна от другой: выбор той или иной интерпретации в принципе не отражается на нашем анализе.

Существенно, что эти фразы принадлежат внутренней речи героини.

У рыб бесшумно *окающие* (или, по другим спискам, *охающие*) рты. Они открывают рот, как если бы просили о пище (как это делают младенцы или птенцы). Их надо накормить *полухлебом плоти*.

Слова *полухлеб* не существует в русском языке, это неологизм, созданный Мандельштамом¹³. Каково же его значение?

---

¹³ В русском народном календаре в некоторых местах день св. Ксении (24 января ст. стиля) может носить название Аксинья-полухлебница (или полухлебка) — он считается серединой зимы, когда остается половина запаса хлеба и кормов [СРНГ, 29: 168;ср.: Даль, 3: стлб. 685]. Это наименование едва ли было актуальным для Мандельштама.

Приставка *полу-* означает 'как бы', превращая слово в подобие себя самого. Она подчеркивает метафоричность наименования, отказ от буквального смысла поименованного объекта или явления, — выражая то, что в письменной речи обозначается кавычками (см. в этой связи: [Успенский 2007/2012: 181–185]). Так, *полуправда* означает 'как бы правда' (т. е. 'правда в кавычках'), *полумера* — 'как бы мера' ('мера в кавычках'), *полупочтенный* — 'как бы почтенный' ('почтенный в кавычках'), и т. п.;ср. еще такие слова, как *полусон*, *полутень*, *полуимя*, *полубог*, *полубоморок*, *полупроводник*, *полушалок*, *полупальто*, *полуботинки*, *полусапожки*, *полустанок*, *полуэскадрон* и т. п. Вот выбранные примеры из Даля: *полугость* ('задержанный человек'), *полудвор* ('неполное место для двора', т. е. 'как бы двор'), *полулавок*, *полулавка* ('торговое оконшко', т. е. то, что выступает вместо лавки), *полуподарок* ('даровая покупка'), *полурыба* ('животное, отчасти похожее на рыбу'), *полудурок* ('шальной, полуумный'), *полубатист* ('бумажное полотно', т. е. ткань, похожая на батист, но им не являющаяся), *получистая шерсть* ('шерсть, помытая на овце'), *получистая доска* ('доска с немногими сучками'), *полушерстяное платье* ('платье с бумажной основой'), *полушампанское* ('поддельное шампанское') и т. п. [Даль, 3, стлб. 677 и сл.]¹⁴.

Особенно значимо для нас употребление префикса *полу-* в текстах самого Мандельштама. Вот несколько примеров:

Высокó занесся санный, сонный
Полугород, *полуберег* конный.
 («На доске малиновой, червонной...», 1937)

Полугород, *полуберег* не означает 'наполовину город, а наполовину берег', но значит 'как бы город, как бы берег' или 'то ли город, то ли берег'.

Вошь да глушь у нее,тишь да мша,
Полуспаленка, *полутюрьма*.
 («Я с дымящей лучиной вхожу...», 1931)

Утро, нежностью бездонное, —
Полу-яевъ и полу-сон,
 Забытье неутоленное —
 Дум туманный перезвон...
 («Скудный луч холдной мерою...», 1911)

Течет вода — на вкус разноречива
Полужестка, *полусладка*, *двулична...*
 («Как из одной высокогорной щели...», 1933)

¹⁴ Мы несколько упрощаем толкования В. И. Даля.

Хоть ключ один — вода разноречива:
Полужестка, полусладка. Ужели
 Одна и та же милая двулична?
 («Когда уснет земля и жар отпышет...», 1933)

Полуукраинское лето
 Давай с тобою вспоминать.
 («Пластинкой тоненькой жиллета...», 1936)

Последние стихи написаны в Задонске, т. е. на юге России. Но *полуукраинское* не значит здесь: наполовину украинское, близкое (географически) к украинскому. Это слово означает: как бы украинское, похожее на украинское (но не украинское).

Он [Сталин. — Б. У.] играет услугами *полулюдей*
 («Мы живем, под собою не чуя страны...», 1933)

Полулюди не означает: наполовину люди, наполовину звери. Это слово означает: ‘как бы люди, люди в кавычках’.

Таковы н е о л о г и з м ы Мандельштама с префиксом *полу-*. Кроме того, он широко пользуется — кажется, чаще, чем какой-либо другой поэт — уже известными (существующими в языке) словами с этим префиксом. Иногда он придает им новое значение. Например:

Что делать нам в театре *полуслова*
 И *полумаск*, герои и цари?
 («Есть ценностей незыблемая скала...», 1914)

Слово *полуслова* (в род. падеже) известно, т. е. не создано Мандельштамом. Но оно означает то же, что *полслова*, т. е. недоговоренное слово¹⁵. Здесь же оно выступает в другом значении: ‘условное слово’¹⁶.

Ср. также:

А над Невой — посольства *полумира...*
 («Над желтизной правительственных зданий...», 1913)

Слово *полумира* нельзя понимать буквально как половину мира. *Полумир* означает здесь ‘как бы целый мир’.

Как видим, слова такого рода — в большой степени это неологизмы — типичны для поэтического языка Мандельштама¹⁷. Приставка *полу-* в

¹⁵ Ср. в другом стихотворении Мандельштама: «Подмигнув на полуслове...»
 («Клейкой клятвой липнут почки...», 1937).

¹⁶ В словаре Ушакова у этого слова фигурирует значение ‘неясная, туманная речь’ с пометой: *только во мн.* [см.: Ушаков, 3: 549].

¹⁷ О неологизме *полусонок* (род. падеж мн. числа) в «Грифельной оде» (...*бред овечьих полусонок*) см. специально: [Успенский 2018].

его языке — живой, продуктивный элемент. Это и отразилось в созданном им слове *полухлеб*¹⁸.

Итак, *полухлебом плоти* означает ‘как бы хлебом плоти’¹⁹. Слово *плоть* означает в этом контексте *ж е н с к у ю п л о т ь*, но одновременно здесь подспудно присутствуют *евангельские реминисценции* (причащение, накормление хлебами), которые выступают, по-видимому, как метафоры, лишенные сакрального содержания. Мы уже встречались с христианской образностью в этом стихотворении (строка 5): здесь снова выступает тот *д е с а к р а л и з о в а н ы й п о д т е к с т*, о котором мы уже говорили. С другой же стороны, напротив, здесь может усматриваться *с а к р а л и з а ц и я ж е н с к о й п л о т и*.

Эта смысловая игра (объединение сакрального и чувственного) имеет, по-видимому, прямой литературный источник. Как отметила С. В. Полякова [см.: Полякова 1997: 94], этим источником может быть «Облако в штанах» Маяковского, где герой просит тело возлюбленной — которую также зовут Мария, — «как просят христиане», произнося молитву Господню:

А я,
 весь из мяса,
 человек весь —
 тело твое просто прошу,
 как просят христиане
 «хлеб наш насущный
 даждь нам днесь»

Мария — дай!

[Маяковский 1919: 88].

У Маяковского нет никакого «как бы», и сравнение имеет кощунственный характер. Мандельштам, напротив, подчеркивает метафоричность этого сопоставления, говоря не о *хлебе* (как Маяковский), а о *полухлебе*.

¹⁸ В некоторых стихотворениях Мандельштама слова с префиксом *полу-* встречаются по нескольку раз. Так, в стихотворении «Сегодня ночью, не солгу...» (1925) мы встречаем *полустанок* и *полушалок*, в «Мастерице виноватых взоров...» — *полухлеб* и *полумесец*. В целом можно сказать, что стихи Мандельштама насыщены такими словами.

¹⁹ Ср.: «Предлагается [...] накормить рыб полухлебом плоти, т. е. чем-то, что не может быть названо полноценным хлебом. Кормление рыб, очевидно, чисто имажинарное: это сказывается в том, что эталоном полноценного рыбьего корма избирается человеческая, а не рыбья пища; рыба только инкарнирует природу человека, обуревающие его страсти» [Полякова 1997: 95].

Если эта аллюзия верна, фраза *Мария — дай* в поэме Маяковского хорошо объясняет *окающие* или *охающие* рты в стихотворении Мандельштама — открытые рты жаждущих пищи.

Вместе с тем, у Маяковского слово *дай* имеет откровенно сексуальный смысл. У Мандельштама же этот смысл завуалирован: лексика Мандельштама напрочь лишена той нарочитой вульгарности, которую намеренно использует Маяковский (*дать* в этом значении — вульгарное слово).

Итак, Мандельштам смягчает — на языковом уровне — кощунственный характер сопоставления сакрального и эротического, столь вызывающе заявленный у Маяковского. По существу, однако, речь идет о том же: в обоих случаях сакральные образы используются для выражения сексуального содержания.

Строфа III

Следует ответ героини — она отвечает сама себе:

- (9) *Мы не рыбы красно-золотые,*
- (10) *Наш обычай сестринский таков:*
- (11) *В теплом теле ребрышки худые*
- (12) *И напрасный влажный блеск зрачков.*

Героиня, по-видимому, говорит о себе в 1-м лице (строки 9–10). Другая возможность — считать, что за нее говорит поэт, рассматривая это как случай замещенной речи (тогда *мы* здесь — местоимение сопреживания [см.: Успенский 2007/2012: 70–71]: так, например, говорят ребенку (как бы от его имени): *Какие мы красивые!*)

С. В. Полякова считает, что местоимение *мы* в начале строфы объединяет героиню и поэта [см.: Полякова 1997: 95–96], но этому явно противоречит фраза *наш обычай сестринский*. Полемизируя с Ю. И. Левиным (который указывает, что *мы* здесь можно понять либо как ‘женщины вообще’, либо как относящееся к этой конкретной женщине [см.: Левин 1998: 38]), С. В. Полякова утверждает, что *сестринский* означает ‘братский’. Исследовательница ссылается на то, что Мандельштам мог говорить о себе в женском роде. Материал, на который она ссылается (письма О. Э. Мандельштама к Н. Я. Мандельштам), не подтверждает такой трактовки²⁰.

²⁰ В письмах к жене О. Э. Мандельштам называет себя *няней* Надежды Яковлевны (*няня* или *нянь* было его интимным прозвищем в их переписке) и говорит о себе в 3-м лице, согласуя слово *няня* с глагольной формой женского рода, что кажется совершенно нормальным. Ср. также ниже, примеч. 24.

Сходным образом М. Л. Гаспаров [см.: Гаспаров 2001: 660] полагает, что фраза *мы не рыбы* означает ‘мы нежнее, чем рыбы’ – относя местоимение 1-го лица мн. числа (*мы*) к герою и героине вместе (подобно тому, как это делает С. В. Полякова).

Эта точка зрения представляется ошибочной.

Как уже отмечалось выше, *обычай сестринский* (строка 10) противопоставляется *мужскому норову* (строка 3). *Сестринский* обычай напоминает о женском монастыре или вообще о женском сообществе. Местоимение 1-го лица – это *мы цеховое*, выражающее принадлежность к какой-то корпорации – *pluralis sociativus* (ср.: *мы крестьяне*, *мы мастеровые* и т. п.).

В последних строках третьей строфы снова представлен портрет героини (ср. выше, строки 1–2), но этот портрет как будто рисуется теперь ею самой – той, которая сказала о себе *мы*:

- (11) *В теплом теле ребрышки худые*
- (12) *И напрасный влажный блеск зрачков.*

Нарисованный здесь образ противопоставлен образу рыб: *теплое тело* героини противопоставлено холодному рыбьему телу, *ребрышки худые* – жабрам, которые раздувают рыбы (ср. выше, строка 6), *влажный блеск зрачков* – рыбьим глазам.

Влажный блеск зрачков именуется *напрасным*. Блеск зрачков говорит вообще об эмоции, он как будто что-то обещает, но это не более, чем иллюзия: *напрасный* означает здесь ‘напрасно обещающий’.

Чья это точка зрения? Самой героини, которая смотрит на себя со стороны? Или поэта (вообще мужчины), описывающего героиню? Можно понять и так, и так; скорее всего, описание переходит здесь с одной точки зрения на другую – с женской на мужскую.

Строка IV

Если вторая и, может быть, третья строфа принадлежат женщине, то последние три строфы (строки 13–24) произносит мужчина, причем здесь слышатся *р а з н ы е м у ж с к и е г о л о с а*: четвертая и пятая строфы (строки 13–20) представлены от имени янычара, а в последней, шестой строфе (строки 21–24) говорит сам поэт – непосредственно от своего имени.

В четвертой строфе продолжается описание внешности героини – тема, заданная с первых строк стихотворения (строки 1–2, 11–12), неожиданно оказывается связанной с *восточной* тематикой. Эта строфа начинается строкой:

(13) *Маком бровки мечен путь опасный.*

Слово *бровка* соотносится одновременно с бровью героини (*мак бровки* означает пунктир бровей, меченых маковыми зернышками-волосками [см.: Полякова 1997: 97]) и с бровкой, т. е. краем дороги (ср. выражение *ходить по бровке*, т. е. ходить по краю [см.: Сошкин 2015: 250]). Представляется, что здесь обыгрываются оба значения: одно переходит в другое. Такого рода обыгрывание омонимичных значений характерно для позднего Мандельштама.

Так, например, в стихотворении «И я выхожу из пространства...» (1933–1935) обыгрываются по крайней мере два значения слова *корень* – ботаническое (корень растения) и математическое (корень, извлекаемый из числа)²¹. В обычной речи эти два значения предстают как омонимические, однако в поэтическом коде данного стихотворения они не противопоставляются одно другому, но напротив – объединяются, одновременно присутствуют и тем самым мотивируют употребление данного слова:

И я выхожу из пространства
В запущенный сад величин
И мнимое рву постоянство
И самосознанье причин.

И твой, бесконечность, учебник
Читаю один, без людей, —
Безлиственный, дикий лечебник,
Задачник огромных корней.

Сад величин означает, таким образом, то же, что и *сад корней*, — и, напротив, *задачник корней* может по той же логике определяться здесь не только как *учебник*, но и как *лечебник*.

Точно так же в стихотворении «10 января 1934 года», где описывается прощание с Андреем Белым, обыгрываются два значения слова *мех*. Ср.:

Дышали шуб меха, плечо к плечу теснилось...

Если выражение *шуб меха* относится к одежде, то выражение *дышали меха* вызывает ассоциацию с мехами музыкального инструмента. Этому отвечают темы мороза и музыки, фигурирующие в этом стихотворении.

В стихотворении «Чтоб, приятель и ветра и капель...» (1937) говорится о Франсуа Виллоне (Вийоне):

---

²¹ Слово *корень* может иметь еще и лингвистическое значение (корень слова), но это, кажется, не отразилось в данном стихотворении.

Размотавший на два завещанья
 Слабовольных имуществ клубок
 И в прощаньи отдав, в верещаньи
 Мир, который как череп глубок...

«Два завещанья», которые здесь упоминаются, — это «Большое» и «Малое» завещания Виллона. Между тем выражение *клубок имуществ* производно от слов «размотавший на два завещанья», где в слове *размотавший* обыгрывается омонимия слова *мотать*: ‘расточать (состояние)’ и ‘раскручивать (клубок)’. Здесь эти два значения выступают вместе [см. подробнее: Успенский, 1994/2000: 314–316; Успенский и Успенский 2012: 208–209].

Примеры такого рода могут быть умножены.

В рассматриваемом нами стихотворении представляется следующий ход мысли: *бровь* в описании наружности героини превращается в *бровку* (уменьшительная форма от *бровь*); в свою очередь *бровка* лица становится *бровкой*, означающей путь. Так одно значение слова незаметно сменяется другим²².

В этой строфе поэт сравнивает себя с янычаром (строка 14), и это сравнение предопределяет введение восточной темы. Ассоциация эта возникает из описания рта героини, где фигурирует слово *полумесец* (строка 16):

- (14) *Что же мне, как янычару, люб*
- (15) *Этот крошечный, летуче-красный,*
- (16) *Этот жалкий полумесец губ?*

Летуче-красный полумесец губ — это не что иное, как описание движущихся (накрашенных?) губ героини (возможно, складывающихся в улыбку) — при движении они образуют *полумесец*. *Полумесец*, в свою очередь, вызывает восточные ассоциации, в результате чего и появляется фигура *янычара*. Поэт подобен янычару (турку), и ему *люб полумесец губ*. В свою очередь, героиня представлена затем — в следующей строфе — с точки зрения янычара как *турчанка* (строка 17). При этом если сначала поэт с *р а в н и в а е т* себя с янычаром (*Что же мне, как янычару, люб*, т. е. ‘люб, подобно янычару’), то в дальнейшем сам он ведет себя как янычар — как бы *п р е в а щ а е т с я в янычара*.

²² Рассмотренной строке (*Маком бровки мечен путь опасный*) особенно не повезло в мандельштамоведении. Исследователи могут видеть в словах *мечен путь* Млечный Путь или же, по их мнению, здесь закодировано слово *мечеть* (МЕЧЕН путь) [Сошкин 2015: 248]; точно так же в слове *мечен* может усматриваться «меч янычара» [Мордерер 2010: 219], в словах *маком бровки* — начало имени *Мария* (*МАком бровки*) [Видгоф 2012: 459]. Наверняка возможны и другие прочтения — столь же недостоверные.

Итак, имеет место следующая последовательность ассоциаций: полуночник — янычар — турчанка. Янычар появляется из-за полуночника, после чего героиня превращается в турчанку. Эта последовательность ассоциаций не соответствует порядку упоминаний данных образов; порядок упоминаний таков: *янычар* (строка 14) — *полуночник* (строка 16) — *турчанка* (строка 17) — таким образом, *полуночник* предвосхищен *янычаром* (см. подробнее ниже).

Строфа V

Заключительные строфы (пятая и шестая) обращены к героине: здесь впервые появляется как местоимение 1-го лица ед. числа (*я*), так и местоимение 2-го лица (*ты*).

Местоимение *ты* в обеих строфах относится к героине; но кто стоит за местоимением *я*?

Кажется очевидным, что обращения к героине в пятой и шестой строфах не со стилем по своему содержанию, они должны принадлежать разным субъектам речи; иначе говоря, если местоимение *ты* в этих двух случаях относится к одному и тому же лицу, то местоимение *я* относится к разным лицам. В одном случае выступает янычар, в другом — поэт.

Это необходимо подчеркнуть, поскольку исследователи, как правило, склонны видеть в янычаре самого поэта, непосредственно отождествляя одного с другим²³: они не отдают себе отчета в том, что поэт и грает в янычара и говорит не от своего имени: он надевает маску янычара и разыгрывает эту роль. Эта маска снимается в последней — заключительной — строфе (строки 21–24), которая разительно контрастирует с двумя предыдущими. Обращения к героине в этих двух строфах (пятой и шестой) не могут принадлежать одному члену.

(17) *Не серчай, турчанка дорогая, —*

говорит янычар. Это речевая маска янычара: «<...> простонародное *не серчай* ощущается в контексте как слово, окрашенное игровым настроением: оно вложено в уста турка» [Полякова 1997: 98].

Поэт сравнил себя с янычаром (строка 14) и начинает вести себя как янычар. Так артисты воплощаются в роль; так наша мимика и

²³ Так, например, М. Л. Гаспаров [Гаспаров 2001: 660] трактует это место таким образом: «Я люблю тебя с восточной страстью, но готов по-восточному поплатиться за эту страсть» (ср. строки 14, 17–20). О. А. Лекманов сводит содержание рассматриваемого стихотворения к конфликту сильного мужчины и слабой женщины (которая «предстает покорительницей сильного мужчины и даже его палачом» [Лекманов 2016: 316]).

жестикуляция зависит от содержания нашей речи [см. подробнее: Успенский 1970/2000: 73–75]²⁴.

Героиня *турчанка*, потому что сам он — *янычар*. Мы видели, что появление слова *янычар* (строка 14) мотивировано словом *полумесиц* (строка 16); в свою очередь, появление слова *турчанка* (строка 17) определяется словом *янычар*.

Здесь сложный (нелинейный), но вполне очевидный ход мысли. Будучи порождено словом *полумесиц*, слово *янычар*, в свою очередь, порождает слово *турчанка*.

Итак, имеет место следующая последовательность ассоциаций:

полумесиц — янычар — турчанка.

Эта последовательность ассоциаций не соответствует порядку упоминаний данных образов:

янычар — полумесиц — турчанка.

После того как героиня оказывается турчанкой (в глазах янычара), следует возвращение к теме воды и конкретно к образу утопленницы. Янычар продолжает свою речь, обращенную к героине:

- (18) *Я с тобой в глухой мешок зашьюсь,*
- (19) *Твои речи темные глотая,*
- (20) *За тебя кривой воды напьюсь.*

Итак, янычар готов принять казнь с героиней и утонуть вместе с ней в зашитом мешке. Здесь возвращается — в ином преломлении — образ *утопленницы-речи* (строка 4). В воде янычар будет глотать темные речи героини²⁵. То, что говорит или думает героиня (строки 5–12), — это темные речи для янычара.

²⁴ Эта способность речевого перевоплощения (вживания в образ другого человека) была, кажется, особенно характерна для Мандельштама. Ср. его письмо к Н. Я. Хазиной (Мандельштам) от 5/18 декабря 1919 г. из Феодосии в Киев: «Вчера я мысленно непроизвольно сказал “за тебя”: “я должна (вместо должен) его найти”, т. е. ты *через меня* сказала...» [Мец, 3: 313; ср.: Полякова 1997: 96 — с неправильной интерпретацией]. Сходным образом герой повести Ф. М. Достоевского «Игрок» (Алексей Иванович), обращаясь к Полине, говорит в женском роде: «Я бы, на вашем месте, непременно в *ы* *ш* *л* *а* замуж за англичанина» [Достоевский, 5: 213]. Алексей Иванович употребляет глагольную форму женского рода, потому что, произнося эту фразу, он непроизвольно становится на точку зрения своей собеседницы, говорит от ее имени. Будучи вырвана из контекста, эта фраза может восприниматься только как принадлежащая женщине [см. подробнее: Успенский 1970/2000: 59].

²⁵ Может быть, здесь как-то обыгрывается фразеологизм *проглотить оскорбление* (ср. также: *проглотить обиду*), но содержательная связь с этим фразеологизмом остается не вполне ясной.

Может быть, имеется в виду внутренняя речь героини, о которой мы упоминали выше при обсуждении второй и третьей строфы, — то, что происходит в ее сознании. В воде ее мысли оказываются доступны другому человеку (в данном случае янычару). То, что она говорила или думала о женщинах и мужчинах, — это, с его точки зрения, *темные речи*.

Вода оказывается при этом *кривой*: кривая вода превращает речи в темные. *Темные речи* и *кривая вода* очевидным образом связаны: янычар пьет кривую воду, глотая при этом темные речи. Вместе с тем он пьет эту воду в честь героини, выражая готовность принести себя в жертву. *За тебя кривой воды напьюсь*, — заявляет янычар (строка 20); предлог *за* с винительным падежом объекта означает ‘ради, во имя чего-нибудь’, а также ‘вследствие чего-нибудь, по причине чего-нибудь’ [Ушаков, 1: стлб. 883]; таким образом, эта фраза означает ‘ради тебя кривой воды напьюсь’.

И в других стихах Мандельштама вода характеризуется либо как *темная*²⁶, либо, напротив, как *правдивая*:

Словно темную воду, я пью помутившийся воздух.
(«Сестры — тяжесть и нежность...», 1920)

Хорошая, колючая, сухая
И самая правдивая вода.
(«В год тридцать первый от рожденья века...», 1931)

Кривая вода и *правдивая вода* престают как очевидные антонимы²⁷.

Утопление в мешке — это восточная казнь, которая прежде всего ассоциируется с турецкими обычаями²⁸. Ближайшим источником для

²⁶ Ср. выражение *темна вода в облацах* (Пс 17:12).

²⁷ Ср., вместе с тем, противопоставление *черной воды* и *правдивой земли* в стихотворении «Умывался ночью на дворе...» (1921): «И вода студеная чернее. <...> И земля правдивей и страшнее».

²⁸ Утопление в мешке (ropea cullei) — римская казнь, принятая затем в Византии и в Турции. В Европе и особенно в России она ассоциировалась именно с Турцией. Ср. у Пушкина в «Бахчисарайском фонтане»: «Давно грузинки нет; она // Гарема стражами немыми // В пучину вод опущена» [Пушкин, 4: 168]. Ср. также в «Доне Жуане» Байрона: «And if they should discover your disguise, // You know how near us the deep Bosphorus floats; // And you and I may chance, ere morning rise, // To find our way to Marmora without boats, // Stitch'd up in sacks—a mode of navigation // A good deal practised here upon occasion» (песнь V, строфа 92) [Byron, 5: 270]. То же в «Каменном госте» Пушкина: «Л е п о р е л л о [...] А где-то он теперь? // М о н а х. Его здесь нет // Он в ссылке далеко. // Л е п о р е л л о. И слава Богу. // Чем далее, тем лучше, // Всех бы их, // Развратников, в один мешок да в море» (сцена I) [Пушкин, 7: 141; см.: Витгоф 2012: 449–450].

Мандельштама явилось, по-видимому, стихотворение Н. С. Гумилева «Константинополь», где описывается наказание любовников и неверных жен:

Сегодня ночью на дно залива
 Швырнут неверную жену
 .....
 Так много, много в глухих заливах
 Лежит любовников других,
 Сплетенных, томных и молчаливых...
 [Гумилев, 1: 163]

Таким образом, поэт в облике янычара ведет себя так, как если бы он соблазнил героиню-турчанку; отсюда и объясняется просьба янычара *не серчать: Не серчай, турчанка дорогая* (строка 17)²⁹. Так происходит в воображении поэта, которое расходится с реальностью.

Строфа VI

Наконец, в последней — завершающей — строфе стихотворения мы слышим подлинный голос поэта: он обращается к героине от своего имени (снимая маску янычара):

- (21) *Ты, Мария — гибнущим подмога,*
- (22) *Надо смерть предупредить — уснуть.*
- (23) *Я стою у твердого порога.*
- (24) *Уходи, уйди, еще побудь.*

Обращение к героине ближайшим образом напоминает наименования Богоматери (ср. такие названия богородичных икон, как *Взыскание погибших* или *Утоли моя печали*)³⁰. Здесь — то же обыгрывание сакрального

²⁹ Ср.: «Турецкий маскарад продолжается, и лирический герой предлагает турчанке, поскольку он перед ней провинился, разделить грозящую ей казнь, которой подвергали в Турции — в европейском представлении, во всяком случае, как это видно и по пьесе Гумилева “Константинополь” — неверных жен: их зашивали в мешок и топили (потому — *за тебя кривой воды напьюсь*) [Полякова 1997: 98].

³⁰ К. Ф. Тарановский [Taranovsky 1976: 149] говорит в этой связи об образе Богородицы Одигитрии (Путеводительницы). Л. М. Видгоф [Vidgoф 2012: 460] обратил внимание на то, что празднование иконы «Взыскание погибших» совершается 18 февраля по новому стилю (5 февраля по старому). Добавим, что праздник иконы «Утоли моя печали» приходится на 7 февраля по новому стилю (25 января по старому). Это приблизительно совпадает со временем написания рассматриваемого стихотворения.

М. В. Безродный [Безродный 1996: 130–131], увлеченный поисками совпадений «Мастерицы виноватых взоров...» и пушкинского «Бахчисарайского фонтана», считает, что в имени *Мария* у Мандельштама отразилось имя

образа, о котором мы говорили и которое выше было определено как «десакрализованный подтекст»: имеется в виду ситуация, когда сакральный образ фигурирует вне сакрального контекста³¹.

В следующих строках речь идет о разлуке (расставании) с героиней как о смерти; при этом слово *уснуть* (строка 22), может быть, содержит отсылку к рыбам, которые фигурировали выше (строки 5–9): рыбы не умирают, а засыпают³². Поэт стоит *у твердого порога* (строка 23) и просит герoinю уйти (строка 24)³³. Обращает на себя внимание ослабевающая сила глагола в повелительном наклонении: он употребляет сначала форму несовершенного вида (более категоричную, более сильную), а затем — форму совершенного вида (*уходи, уйди*)³⁴. В конце концов он просит ее не уходить...

Таким образом, голос автора раздваивается. Перед нами предстают два образа — условный, игровой образ янычара и подлинный образ самого поэта. Эти два образа — виртуальный и реальный — оказываются в разных отношениях к героине. Янычар представлен как любовник, соблазнивший герoinю, и готов умереть вместе с нею. Поэт же,

---

польской княжны в бахчисарайском гареме; это предположение кажется нам излишним. Одновременно Безродный полагает, что фраза *Ты, Мария — гибнущим подмога* представляет собой цитату из молитвы, обращенной к Мадонне, покровительнице мореплавания, спасающей на водах (текст молитвы не приводится: автор, по-видимому, основывается на общих впечатлениях). Но в данной строфе, в отличие от предыдущей, речь не идет об утоплении и спасении на водах; как мы уже отмечали, поэт снимает с себя маску янычара и говорит от своего собственного имени.

³¹ Совпадение имени герoinи с именем Богоматери обыгрывается в эпиграмме Мандельштама «Мне вспомнился старинный апокриф...», о которой пойдет речь ниже.

³² Ср. у Мандельштама: «Но не хочу уснуть, как рыба // В глубоком обмороке вод...» («О, как мы любим лицемерить...», 1932).

³³ «Твердый порог означает окончательно принятое решение: по заключительному эмоционально насыщенному стиху [строка 24], это решение — отказ от любви» [Полякова 1997: 99].

³⁴ «Повелительное наклонение совершенного вида, обозначая действие, мотивированное результатом, является в общем менее произвольным, следовательно, менее властным и более вежливым, чем повелительное наклонение несовершенного вида. При употреблении последнего внимание переносится на самый процесс, без указания на результат как мотивировку действия. Ср., например, “Реши мне эту задачу” и “Решай мне эту задачу”» [Карцевский 1962: 223; см. также: Успенский 2008: 842]. Вместе с тем в военных командах, где от человека ожидается механическое, бездумное подчинение и где требуется немедленное выполнение действия без концентрации внимания на результате обычно встречаем форму несовершенного вида *Заряжай! Исполняйте команду!* и т. п.

Ср. в «Поликушке» Л. Н. Толстого разговор Дуняши с Дутловым: «— Дай сюда письмо [тот не дает. — Б. У.] [...] — Да дай сюда [тот не решается расстаться с письмом. — Б. У.] [...] — Да давай же» [Толстой, 3: 333]. Требование отдать письмо становится все более настоятельным, и этим обусловлено появление формы несовершенного вида. У Мандельштама мы видим обратное.

жертва неразделенной любви, принимает решение расстаться с героиней. В игровом воображении поэта она ему как янычару отдалась; в действительности же она его отвергла.

* * *

Наш анализ «Мастерицы...» закончен, и мы можем сделать некоторые обобщения. Как построено это стихотворение? Для него характерны неожиданные — внешне не мотивированные — переходы от одной темы к другой, от одного ассоциативного ряда к другому. Картины меняются, сменяя одна другую — то перед нами рыбы в воде, то янычар с турчанкой. Для того чтобы понять такие переходы, мы должны соотнести эти сцены в одном случае с сознанием героя и, в другом — с сознанием лирического героя.

С. Б. Рудаков, воронежский собеседник Мандельштама, записал слова поэта, где тот объясняет свой творческий метод:

Сказал я лежу, сказал в земле — развивай тему «лежу», «земля». Только в этом поэзия. Сказал реальное, перекрой более реальным, то — реальнейшим, потом сверхреальным. Каждый зародыш (росток) должен обрасти своим словарем, обзаводиться своим запасом, идя в путь, перекрывая одно движение другим.

Из письма С. Б. Рудакова к жене от 8 июня 1935 г.
 [Рудаков 1997: 61; ср.: Герштейн 1998: 120]³⁵.

Именно это мы видим в проанализированном нами стихотворении: сказано утопленница — развивается тема воды, сказано янычар — развивается восточная тема, и т. п. Таков метод позднего Мандельштама.

Эти меняющиеся сцены, прямо не связанные друг другом, неожиданно переходящие одна в другую, могут напоминать сновидения. Они как сны, которые переливаются из одного в другое, картины переходят от одной к другой. Стоит подумать о чем-то — во сне, — как возникает новый образ, новая картина. Потом происходит то же самое: один образ сменяется другим, одно переходит в другое. Не случайно, может быть, А. А. Блок сравнивал поэзию Мандельштама со сновидениями: по словам Блока, «его стихи возникают из снов — очень своеобразных, лежащих в

³⁵ Слова Мандельштама относятся к стихотворению «Да, я лежу в земле, губами шевеля...» (1935). Формулировка Мандельштама в пересказе Рудакова («Сказал реальное, перекрой его более реальным, то — реальнейшим, потом сверхреальным») напоминает тезис символистов, сформулированный Вяч. Ивановым: *a realibus ad realiora* [см.: Иванов 1909: 305]. Ср. вместе с тем полемику Мандельштама с этим тезисом в статье «Утро акмеизма» (1912). Мандельштам переосмыслияет тезис символистов, включая его в русло своей поэтики [см. подробнее: Успенский 2000: 327–328].

областях искусства только» [запись в дневнике от 22 октября 1920 г.; Блок 1989: 305].

Возможна и еще одна аналогия: нельзя не вспомнить о кинематографии, где появляются разные сцены, которые зритель должен объединить в своем воображении. Ведь монтаж в кино осуществляется не только режиссером, но и зрителем. Так и в стихах Мандельштама...³⁶

В кинофильме зрительными средствами передаются не только внешние действия героя, но и то, что происходит в его сознании. Мы наблюдаем это и в поэзии Мандельштама.

Так объясняется *полифония* Мандельштама, наличие разных голосов в его стихотворении, раздвоение авторского «я».

Эпилог: реальный комментарий

В качестве эпилога рассмотрим еще одно стихотворение Мандельштама, написанное в форме сонета. Оно не датировано, но есть основания относить его приблизительно к тому же времени, что и «Мастерица...». Вот это стихотворение [цит. по изд.: Мец, 1: 303]:

Мне вспомнился старинный апокриф:
Марию лев преследовал в пустыне
По той святой, по той простой причине,
Что был Иосиф долготерпелив.

Сей патриарх, немного почудив,
Марииной доверился гордыне —
Затем, что ей людей не надо ныне,
А лев — дитя — небесной манной жив.

А между тем Мария так нежна,
Ее любовь так, боже мой, блажна,
Ее пустыня так бедна песками,

Что с рыжими смешались волосками
Янтарные, а кожа — мягче льна —
Кривыми оцарапана когтями.

О чем это стихотворение? Как будто здесь пересказывается библейская легенда и говорится о Богоматери и Иосифе Обручнике, ее муже.

³⁶ «Я мыслю опущенными звеньями», — говорил Мандельштам о своей прозе (запись Э. Г. Герштейн [Герштейн 1998: 19]; речь шла о «Египетской марке»). То же он мог бы сказать и о своих стихах.

Вместе с тем имя *Мария* соответствует имени Марии Петровых, тогда как имя *Иосиф* отвечает имени поэта — Иосифа (Осипа) Мандельштама.

В сущности, речь идет здесь об обеих Мариях и обоих Иосифах: этот текст может читаться как в сакральном (библейском), так и в земном (человеческом) ключе. Что же касается льва, то имеется в виду Лев Николаевич Гумилев: в 1934 г. оба они упорно добивались любви М. С. Петровых³⁷.

В начале стихотворения возникает впечатление, что оно рассказывает о Богоматери и ее муже. Постепенно оказывается, что под именем Марии имеется в виду Мария Петровых, а под именем Иосифа — Иосиф (Осип) Мандельштам.

Иосиф именуется *патриархом*, и это название может относиться как к Иосифу Обручнику, который много старше Марии (Богоматери), так и к поэту (Иосифу), который значительно старше как героини (Марии Петровых), так и своего соперника Льва Гумилева³⁸; соответственно лев (Лев) характеризуется как *дитя* (*А лев — дитя...*). Наименование Мандельштама *патриархом* очевидным образом перекликается с его стихотворением «Еще далеко мне до патриарха...» (1931).

Эпитет *святой* во фразе *По той святой, по той простой причине...* соотносится с евангельским Иосифом; между тем эпитет *простой* в этой же фразе ассоциируется скорее с самим поэтом. Так осуществляется плавный переход от одного образа к другому — от Иосифа Обручника к Иосифу Мандельштаму.

Эпитет *долготерпелив* во фразе *был Иосиф долготерпелив* в принципе может относиться как к тому, так и к другому, но из дальнейшего выясняется, что он относится к Иосифу-поэту, т. е. к Осипу Мандельштаму:

Сей патриарх, немного почудив,
 Марииной доверился гордыне —
 Затем, что ей людей не надо ныне...

³⁷ См. воспоминания А. А. Ахматовой [Ахматова 2001: 29; ср.: Фигурнова и Фигурнова 1991: 212], Э. Г. Герштейн [Герштейн: 1998: 50, 202, 206], Е. С. Петровых [Петровых: 2005: 150–151], А. В. Головачевой [Головачева 1991: 178–179]. См. сводку свидетельств: [Видгоф 2012: 439–448].

В 1934 г. М. С. Петровых рассталась со своим первым мужем Петром Алексеевичем Грандицким (1899–1987), а в следующем (1935 г.) вышла замуж за Виталия Дмитриевича Головачева (1908–1942); ухаживание Мандельштама и Гумилева приходилось на время, когда распадался брак М. С. Петровых с П. А. Грандицким [см.: Петровых 1905: 150]. П. А. Грандицкий в 1934 г. написал стихотворение, инспирированное поззией М. С. Петровых и обнаруживающее вместе с тем явное знакомство с «Мастерицей...» [см.: Грандицкий 2003: 138; Кастрюнова 2008]. О. А. Лекманов [см.: Лекманов 2016: 317] видит в стихах Грандицкого «полемический стихотворный ответ» Мандельштаму; это не так ясно.

³⁸ Годы жизни О. Э. Мандельштама — 1891–1938, М. С. Петровых — 1908–1979; Л. Н. Гумилева — 1912–1992.

Мы можем понять этот текст таким образом: Марии-Богоматери не надо людей, поскольку она родила Бога (богочеловека), зачав его от Св. Духа. Но такому пониманию препятствует, как кажется, слово *гордыня*, едва ли применимое к Богоматери или, во всяком случае, слишком сильное в этом контексте.

Другое прочтение: Марии Петровых не надо людей, поскольку она отвергает мужчин. Вспомним, что говорится в «Мастерице виноватых взоров...» (strofy I-III): *Усмирен мужской опасный норов; Ходят рыбы рдея плавниками* (где рыбами, как мы видели, называются люди — мужчины), *Наш обычай сестринский таков...*

Такова *гордыня* Марии (Петровых). И вот *патриарх* — поэт, не библейский Иосиф! — доверился ей, исходя из того, что его соперник — ребенок, который довольствуется платонической любовью (*небесной манной*):

Сей патриарх, немного почудив,
Марииной доверился гордыне —
Затем, что ей людей не надо ныне,
А лев — дитя — небесной манной жив.

Вслед за тем читаем:

А между тем Мария так нежна,
Ее любовь так, боже мой, блажна,
Ее пустыня так бедна песками...

Слово *блажна* соотносится как со словом *блаженный* (относящемся скорее к Богоматери), так и со словом *блажь* (относящемся скорее к Марии Петровых). Фраза *Ее пустыня так бедна песками* означает примерно следующее: ‘ее аскеза так бедна элементами аскетизма’.

И далее описывается нападение льва (Льва) на геройню, в результате которого она оказывается исцарапанной и едва ли не обесчещенной.

Эти два стихотворения — «Мастерица виноватых взоров...» и «Мне вспомнился старинный апокриф» представляют собой своего рода б и - ли и н г в у, обусловливая двойное прочтение одного и того же женского образа. В известном смысле сонет содержит реальный комментарий к «Мастерице...».

Библиография

Ахматова 2001

Ахматова А., «Листки из дневника: Мандельштам», in: Ахматова А., *Собрание сочинений в шести томах*, 5, Москва, 2001, 21–31.

Безродный 1996

Безродный М. В., *Конец цитаты*, С.-Петербург, 1996.

Блок 1989

Блок А. А., *Дневник*, Москва, 1989.

Видгоф 2012

Видгоф Л. М., «Но люблю мою курву Москву». *Осип Мандельштам: поэт и город. Книга-экскурсия*, Москва, 2012.

— 2015

Видгоф Л. М., «О последней строке и скрытом имени в стихотворении О. Мандельштама "Мастерица виноватых взоров...(1934)"», in: Видгоф Л., *Статьи о Мандельштаме*, Москва, 2015, 172–188.

— 2016

Видгоф Л. М., «Петровых Мария Сергеевна», in: *Осип Мандельштам и XXI век: Материалы Международного симпозиума (Москва, 1–3 ноября 2016 г.)*, Москва, 2016, 283–287.

Волошинов 1929

Волошинов В. Н., *Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке*, Ленинград, 1929.

Гаспаров 1995

Гаспаров М. Л., «“Грифельная ода” Мандельштама: история текста и история смысла», in: *Philologica*, 2, 3–4, 1995, 153–193.

— 2001

Мандельштам Осип, *Стихотворения. Проза*, М. Л. Гаспаров, сост., вступ. ст. и ком., Москва, 2001.

Герштейн 1986

Герштейн Э. Г., *Новое о Мандельштаме: Главы из воспоминаний. О. Э. Мандельштам в воронежской ссылке (по письмам С. Б. Рудакова)*, [Paris, 1986].

— 1998

Герштейн Э. Г., *Мемуары*, С.-Петербург, 1998.

Головачева 2001

Головачева А. В., «Воспоминания», in: *Осип и Надежда Мандельштамы в воспоминаниях современников*, О. С. Фигурнова и М. В. Фигурнова, вступ. ст., подг. текста, сост. и ком., Москва, 2001, 178–179.

Грандицкий 2003

Грандицкий П. А., *Сердца свет*, Москва, 2003.

Гумилев 1–4

Гумилев Н., *Собрание сочинений*, 1–4, Вашингтон, 1962–1968.

Даль 1–4

Даль В., *Толковый словарь живого великорусского языка*, изд. 3-е, испр. и значительно доп. под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 1–4, С.-Петербург, Москва, 1903–1909.

Державин, 1–7

Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота, изд. 2-е, без рисунков, 1–7, С.-Петербург, 1868–1878.

Достоевский 1–30

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений, 1–30, Ленинград, 1972–1990.

Иванов 1909

Иванов Вяч., *По звездам. Опыты философские, эстетические и критические*, С.-Петербург, 1909.

Карцевский 1962

Карцевский С., *Система русского глагола*, гл. 4 Вид, in: *Вопросы глагольного вида*, Ю. С. Маслов, сост., ред., вступ. статья и примеч., Москва, 1962, 218–230 [частич. перевод изд.: Karcevski S., *Système du verbe russe: Essai de linguistique synchronique*, Prague, 1927].

Кастарнова 2008

Кастарнова А. С., «“Демон грозный в тельце малом...” (О трех стихотворениях М. С. Петровых начала 1930-х годов)», in: *Проблемы истории, филологии и культуры*, 22, 2008.

Левин 1998

Левин Ю. И., *Избранные труды: поэтика, семиотика*, Москва, 1998.

Лекманов 2004

Лекманов О. А., *Осип Мандельштам*, Москва, 2004.

— 2016

Лекманов О. А., *Осип Мандельштам: ворованный воздух. Биография*, Москва, 2016.

Лекманов, Глуховская и Чабан 2017

Лекманов О. А., Глуховская Е. А., Чабан А. А., «Библиография», in: *Мандельштам О., Собрание стихотворений 1906–1937*, О. Лекманов, М. Амелин, сост., Москва, 2017.

Маяковский 1919

Все, сочиненное Владимиром Маяковским: 1909–1919, б. м., 1919.

Мец 1–3

Мандельштам О. Э., *Полное собрание сочинений и писем в трех томах*, изд. 2-е, испр. и доп., А. Г. Мец, сост., подг. текста и комм., 1–3, С.-Петербург, 2017.

— 2011

Мец А. Г., *Осип Мандельштам и его время*, изд. 2-е, испр. и доп., С.-Петербург, 2011.

Михайлов и Нерлер 1–2

Мандельштам О. Э., *Сочинения в двух томах*, П. М. Нерлер, сост., А. Д. Михайлов и П. М. Нерлер, подг. текста и ком., 1–2, Москва, 1990.

Мордерер 2010

Мордерер В. Я., «Придет серенький волчок», in: *От слов к телу: Сборник статей к 60-летию Юрия Цивъяна*, А. Лавров, А. Осповат, Р. Тименчик, сост., Москва, 2010, 210–227.

Н. Мандельштам 1–2

Мандельштам Н. Я. *Собрание сочинений*, П. М. Нерлер, С. В. Василенко, Ю. Л. Фрейдин, ред., 1–2, Екатеринбург, 2014.

Петровых 2005

Петровых Е. С., «Мои воспоминания», in: *Моя родина – Норский посад*, Ярославль, 2005, 5–217.

Полякова 1997

Полякова С. В., «Олейников и об Олейникове» и другие работы по русской литературе, б. м., 1997.

Пушкин 1–16

Пушкин А. С., *Полное собрание сочинений*, Москва, Ленинград, 1937–1959.

Ронен 2002

Ронен О., *Поэтика Осипа Мандельштама*, С.-Петербург, 2002.

Рудаков 1997

«О. Э. Мандельштам в письмах С. Б. Рудакова к жене (1935–1936)», А. Г. Мец и Е. А. Тоддес, вступ. статья; Л. Н. Иванова и А. Г. Мец, публ. и подг. текста; О. А. Лекманов, А. Г. Мец, Е. А. Тоддес, ком., in: *Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1993 год: Материалы об О. Э. Мандельштаме*, С.-Петербург, 1997, 7–183.

Семенко 1990

Мандельштам О. Э., «Новые стихи», И. М. Семенко, подг. текста, in: *Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама*, Воронеж, 1990, 81–188.

——— 1997

Семенко И. М., *Поэтика позднего Мандельштама – от черновых редакций к окончательному тексту*, изд. 2-е, доп., Москва, 1997.

Сошкин 2015

Сошкин Е., *Криптограмматика: Книга о Мандельштаме*, Москва, 2015.

СРНГ 1–50–

Словарь русских народных говоров, 1–50–, Москва–Ленинград (С.-Петербург), 1965–2018.

Толстой 1–12

Толстой Л. Н., *Собрание сочинений, 1–12*, Москва, 1958.

Успенский 1970/2000

Успенский Б. А., *Поэтика композиции*, С.-Петербург, 2000.

——— 1994/2000

Успенский Б. А., «Анатомия метафоры у Мандельштама», in: Успенский Б. А., *Поэтика композиции*, С.-Петербург, 2000, 283–330.

——— 2007/2012

Успенский Б. А., *Ego loquens: Язык и коммуникационное пространство*, 2-е изд., испр. и доп., Москва, 2012.

——— 2008

Успенский Б. А., «Вид и дейксис», in: *Динамические модели: слово, предложение, текст. Сб. статей в честь Е. В. Падучевой*, Москва, 2008, 825–866.

——— 2018

Успенский Б. А., «О слове *полусонок* (родительный множественного) в “Грифельной оде” О. Э. Мандельштама», in: *Slověne: International Journal of Slavic Studies*, 7, 1, 2018, 363–367.

Успенский и Успенский 2012

Успенский Б. А., Успенский Ф. Б., «Об одном стихотворении Мандельштама: Древний Египет и Франсуа Виллон», in: *Die Welt der Slaven*, 57, 2, 2012, 201–212.

Ушаков 1–4

Толковый словарь русского языка, Д. Н. Ушаков, ред., 1–4, Москва, 1935–1940.

Фигурнова и Фигурнова 2002

Осип и Надежда Мандельштамы в воспоминаниях современников, О. С. Фигурнова и М. В. Фигурнова, вступ. ст., подг. текста, сост. и ком., Москва, 2001.

Бугон, 1–7

Byron, Lord [George Gordon], *The Complete Poetical Works*, Jerome J. McGann, ed., 1–7, Oxford, 1980–1993.

Taranovsky 1976

Taranovsky K., *Essays on Mandel'stam*, Cambridge, Mass. & London, Engl., 1976 (= Harvard Slavic Studies, 6).

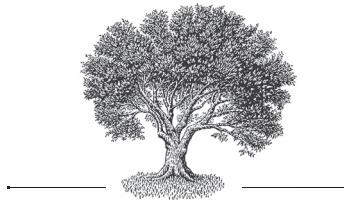
References

- Bezrodny M. V., *Konets tsitaty*, St. Petersburg, 1996.
- Figurnova O. S., Figurnova M. V., eds., *Osip i Nadezhda Mandel'shtamy v vospominaniakh sovremenников*, Moscow, 2001.
- Gasparov M. L., "Grifel'naia oda Mandel'shtama: istoriia teksta i istoriia smysla", in: *Philologica*, 2, 3–4, 1995, 153–193.
- Gasparov M. L., ed., *Mandel'shtam Osip, Stikhotvoreniia. Proza*, Moscow, 2001.
- Gershstein E. G. *Novoe o Mandel'shtame: Glavy iz vospominanii. O. E. Mandel'shtam v voronezhskoi ssvyke (po pis'mam S. B. Rudakova)*, [Paris, 1986].
- Gershstein E. G., *Memuary*, St. Petersburg, 1998.
- Golovacheva A. V., "Vospominaniia", in: *Osip i Nadezhda Mandel'shtamy v vospominaniakh sovremenников*, Figurnova O. S., Figurnova M. V., eds., Moscow, 2001, 178–179.
- Granditsky P., *Serdisa svet*, Moscow, 2003.
- Kastarnova, A. S. "Demon groznyi v tel'tse malom..." (O trekh stikhotvoreniakh M. S. Petrovykh nachala 1930-kh godov), in: *Problemy istorii, filologii i kul'tury*, 22, 2008.
- Lekmanov O. A., *Osip Mandel'shtam*, Moscow, 2004.
- Lekmanov O. A., *Osip Mandel'shtam: vorovannyi vozdukh. Biografija*, Moscow, 2016.
- Lekmanov O. A., Glukhovskaya E. A., Chaban A. A., "Bibliografia", in: *Osip Mandel'shtam. Sobranie stikhovtorenii 1906–1937*, Lekmanov O., Amelin A., eds., Moscow, 2017.
- Levin Yu. I., *Izbrannye trudy: poetika, semiotika*, Moscow, 1998.
- Mets A. G., ed., *Mandel'shtam O., Polnoe sobraniye sochinenii i pisem v trekh tomakh*, 2nd ed., 1–3, St. Petersburg, 2017.
- Mets A. G., *Osip Mandel'shtam i ego vremia*, 2nd ed., St. Petersburg, 2011.
- Mets A. G., Toddes E. A., Ivanova L. N., Lekmanov O. A., eds., "O. E. Mandel'shtam v pis'makh S. B. Rudakovu k zhene (1935–1936)", in: *Ezhegodnik rukopisnogo otdela Pushkinskogo doma na 1993 god: Materialy ob O. E. Mandel'shtame*, St. Petersburg, 1997, 7–183.
- Mikhailov A. D., Nerler P. M., eds., *Mandel'shtam O., Sochineniya v dvukh tomakh*, 1–2, Moscow, 1990.
- Morderer V. Ya, "Pridet seren'kii volchok", in: *Ot slov k telu: Sbornik statei k 60-letiiu Iuriia Tsiv'i'ana*, Alexandr Lavrov, Alexandr Ospovat, Roman Timenchik, eds., Moscow, 2010, 210–227.
- Petrovykh E. S., "Moi vospominaniiia", in: *Moia rodina – Norskii posad, Iaroslavl'*, 2005, 5–217.
- Polakova S. V., "Oleinikov i ob Oleinikove" i drugie raboty po russkoj literature, 1997.
- Ronen O., *Poetika Osipa Mandel'shtama*, St. Petersburg, 2002.
- Semenko I. M., ed., "Mandel'shtam O. E., Novye stikhi", in: *Zhizn' i tvorchestvo O. E. Mandel'shtama, Voronezh*, 1990, 81–188.
- Semenko I. M., *Poetika pozdnego Mandel'shtama – ot chernovykh redaktsii k okonchatel'nому tekstu*, 2nd ed., Moscow, 1997.
- Soshkin E., *Kriptogrammatika: Kniga o Mandel'shtame*, Moscow, 2015.
- Taranovsky K., *Essays on Mandel'shtam*, Cambridge, 1976 (= Harvard Slavic Studies, 6).
- Uspenskij B. A., *Poetika kompozitsii*, St. Petersburg, 2000.
- Uspenskij B. A., "Anatomiiia metafory u Mandel'shtama", in: Uspensky B. *Poetika kompozitsii*, St. Petersburg, 2000, 283–330.
- Uspenskij B. A., "Vid i deiksiz", in: *Dinamicheskie modeli: slovo, predlozhenie, tekst. Sb. statei v chesti E. V. Paduchevoi*, Moscow, 2008, 825–866.
- Uspenskij B. A., *Ego loquens: Iazyk i kommunikatsionnoe prostranstvo*, 2nd ed., Moscow, 2012.
- Uspenskij B. A., "On the word *polusonok* (Genitivus pluralis) in the 'Grifel'naja oda' ('Slate ode') by Osip Mandel'shtam", in: *Slověne: International Journal of Slavic Studies*, 7, 1, 2018, 363–367.
- Uspenskij B. A., Uspenskij F. B., "Ob odnom stikhovtorenii Mandel'shtama: Drevnii Egipet i Fransua Villon", in: *Die Welt der Slaven*, 57, 2, 2012, 201–212.
- Vidgof L. M., "No liubliu moi kurvu Moskvu", in: *Osip Mandel'shtam: poet i gorod. Kniga-ekskursii*, Moscow, 2012.
- Vidgof L. M., "O poslednei stroke i skrytom imeni v stikhotvoreni O. Mandel'shtama 'Masteritsa v novyatvikh vzorov...' (1934)", in: *Stat'i o Mandel'shtame*, Moscow, 2015, 172–188.
- Vidgof L. M., "Petrovykh Maria Sergeevna". in: *Osip Mandel'shtam i XXI vek: Materialy Mezhdunarodnogo simpoziuma (Moskva, 1–3 noiabria 2016 g.)*, Moscow, 2016, 283–287.
- Voloshinov V. N., *Marksizm i filosofija iazyka: Osnovnye problemy sotsiologicheskogo metoda v nauce o iazyke*, Leningrad, 1929.

Борис Андреевич Успенский, проф., д. филол. наук
 Национальный исследовательский университет "Высшая школа
 экономики", Факультет гуманитарных наук, Школа филологии, заведующий
 Лабораторией лингвосемиотических исследований
 105066 Москва, ул. Старая Басманская, д. 21/4, стр. 1
 Россия/Russia borisusp@gmail.com

Received June 28, 2018

Черногорско- албанское языковое пограничье: в поисках «сбалансированного языкового контакта»*

Montenegrin-Albanian
Linguistic Border:
In Search of “Balanced
Language Contact”

Мария Сергеевна
Морозова

Maria S. Morozova

Александр Юрьевич
Русаков

Alexander Yu. Rusakov

Институт лингвистических
исследований Российской академии
наук (ИЛИ РАН), Санкт-Петербургский
государственный университет (СПбГУ)
Санкт-Петербург, Россия

Institute for Linguistic Studies of the
Russian Academy of Sciences (ILS RAS),
Saint Petersburg State University (SPbU)
St. Petersburg, Russia

Резюме

Целью статьи является уточнение содержания понятия «сбалансированного языкового контакта» (*balanced language contact*) и построение модели контактноязыковой ситуации (в прошлом и настоящем) в одном из этнических

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект «От сепарации до симбиоза: языки и культуры Юго-Восточной Европы в контакте», № 14-18-01405).

Цитирование: Морозова М. С., Русаков А. Ю. Черногорско-албанское языковое пограничье: в поисках «сбалансированного языкового контакта» // Slovène. 2018. Vol. 7, № 2. С. 258–302.

Citation: Morozova, M. S., and A. Yu. Rusakov (2018) Montenegrin-Albanian Linguistic Border: In Search of “Balanced Language Contact”. *Slovène*, Vol. 7, № 2, p. 258–302.

DOI: 10.31168/2305-6754.2018.7.2.10

и лингвистически неоднородных районов черногорско-албанского языкового пограничья. Объектом исследования является ситуация в билингвальном сообществе села Веля-Горана (область Мрковичи на юге Черногории), в котором языковой контакт, на первый взгляд, демонстрирует черты «сбалансированности».

Языковая ситуация в Веля-Горане представлена в статье в виде ряда микроситуаций, или сценариев, реализуемых на уровне отдельной семьи и индивидуального говорящего. Внимание уделяется не только сценариям коммуникации в семейном домейне, но и внешним связям членов сообщества. На этом материале авторы делают попытку разработать методологию для оценки роли обоих языков в подобных сообществах вообще: показать, какие факторы влияют на индивидуальное языковое поведение; как это поведение меняется с возрастом; каким образом из достаточно разнообразных индивидуальных стратегий складывается то, что можно назвать речевым поведением отдельно взятого полилингвального языкового сообщества.

Анализ сведений об истории Веля-Гораны, в частности подробное рассмотрение происхождения, генеалогий и брачных стратегий населяющих ее семейств, позволяет реконструировать механизмы развития «лингвистической экзогамии» в сообществе Веля-Гораны и сделать предположения о характере контактной ситуации в регионе в прошлом.

Ключевые слова

«сбалансированный языковой контакт», Черногория, племя мрковичей, Веля Горана, славянско-албанский билингвизм, семейный домейн, выбор языка, смена языковой доминации, смешанные браки, лингвистическая экзогамия

Abstract

The article aims to clarify the notion of “balanced language contact” and to model the situation of a language contact (in the present and the past) in one of the ethnically and linguistically mixed regions of the Montenegrin-Albanian linguistic border. The study focuses on the situation in the bilingual community of the village of Velja Gorana, located in the area of Mrkovići in Southern Montenegro. The community of the village, as it seems at a first glance, provides a good example of a “balanced contact” situation.

The language situation in Velja Gorana is described in the article as a set of micro-situations, or scenarios, developing on family and individual levels. Attention is paid not only to the communication in the family domain, but also to the external relations of the community members. Following on from this material, the authors attempt to develop a methodology for assessing the role of both languages in such communities in general, showing which factors influence individual linguistic behavior; how this behavior may change during an individual lifetime; how the different speakers’ strategies amalgamate in what can be considered as behavior of a multilingual speech community.

Analyzing the information on the history of Velja Gorana, in particular, conducting a detailed examination of the origins, genealogies and marriage strategies of its families, allows the authors to reconstruct the mechanisms for the development of “linguistic exogamy” in the community of Velja Gorana and to make assumptions about the nature of the contact situation in this region in the past.

Keywords

"balanced language contact", Montenegro, the Mrković tribe, Velja Gorana, Slavic-Albanian bilingualism, family domain, language choice, change of language domination, mixed marriages, linguistic exogamy

In an ideal world what happens at the micro level of the bilingual community should be the direct consequence of the behavior of individual bilinguals.

Peter Muysken¹

1. Введение

Славяно-албанские языковые и этнические контакты на западе Балкан не раз становились объектом изучения в трудах историков, этнографов и лингвистов. Внимание исследователей привлекали проблемы славяно-албанского двуязычия, албанизация славянского и славянизация албанского населения отдельных областей [Селищев 1931; Десницкая 1976], общественный строй, быт и родственные связи албанцев и славян [Ровинский 1897; Šufflay 1925; Ђурђев 1984], анализ славянских элементов в албанской лексике (см. библиографию в [Sobolev 2012]) и албанских лексических заимствований в южнославянских языках и диалектах [Hoxha 2001], изучение взаимного славяно-албанского языкового влияния, охватывающего все уровни системы языка [Станишић 1995; Omari 2012; Curtis 2012; см. также библиографию к Curtis 2012].

В настоящей статье анализируется ситуация в одном из микрорегионов черногорско-албанского языкового пограничья, которое исторически представляет собой зону интенсивного взаимодействия славян и албанцев. В разделе 1 дается краткая характеристика лингвистических последствий взаимного черногорско-албанского контактного влияния и вводится понятие «сбалансированного языкового контакта» (*balanced language contact*), содержание которого будет уточнено в результате анализа. В разделе 2 приводятся основные географические, исторические и демографические сведения об изучаемом регионе. Раздел 3 посвящен синхронному описанию, а раздел 4 – истории формирования лингвистической ситуации в отдельно взятом билингвальном сообществе. На примере этого сообщества показано, какие параметры могут быть существенными для ситуации «сбалансированного контакта» и какие факторы определяют ее возникновение и сохранение.

¹ «В идеальном мире все, что происходит в билингвальном сообществе на микроуровне, должно быть прямым следствием поведения индивидуальных билингвов» [Muysken 2010: 267].

1.1. Черногорско-албанское пограничье как ареал славяно-албанских контактов

К числу основных ареалов славяно-албанских (ранее славяно-албано-романских) контактов на западе Балкан относится область вокруг Скадарского озера, на границе современных Албании и Черногории [Соболев 1990: 14; Curtis 2012: 34]. Поскольку первые ясные упоминания об албанцах встречаются лишь в документах второй половины XI столетия, точное время начала этих контактов неизвестно. Однако вполне вероятно, что они возникли через сравнительно непродолжительное время после появления славян на Балканах в VI–VII вв. н. э. В период, когда описываемая территория входила в состав государства Неманичей и возникшего на его руинах сербско-албанского княжества Балшичей, а также в первые столетия османского господства на западе Балкан, славяно-, албано- и романоговорящее население интенсивно контактировало и смешивалось в ходе скотоводческих миграций, разделения и расселения родоплеменных групп — черногорских *племен* и албанских *фисов*². Развитию двустороннего славяно-албанского двуязычия, по меньшей мере до начала XX века, способствовали контакты на совместных пастищах, торговые и иные экономические связи между славянскими и албанскими поселениями и отдельными семействами [Соболев 1990: 15], смешанные браки и отношения духовного родства — кумовства и

² Изначально термины *племя* (серб. и чрнг. *племе / pleme*) у славян и *фис* (алб. *fis*) у албанцев обозначали группу людей, связанных происхождением от общего предка. В византийский период старая племенная структура была расшатана в результате смешения (разделения и расселения) древних родоплеменных объединений и появления славянских, а затем и албанских государственных образований. Впоследствии кризис раннесредневековых южнославянских государств и албанских княжеств и османское завоевание на западе Балкан привели к возрождению старой племенной организации общества [Цвијић 1922/1966: 85; Ђурђев 1984: 54–55; Ердељановић 1926/1997: 607; Вановић 2015: 41]. Принадлежность к племени при этом определялась уже скорее проживанием на закрепленной за ним территории, чем наличием реального или мифического общего предка [Богићић 1874: 514; Вановић 2015: 44]. В северной Албании процесс новообразования смешанных *фисов* происходил «еще в сравнительно недалекое от нашей эпохи время — на протяжении последних 4–5 столетий» [Десницкая 1968: 57]. В горных районах Черногории тенденция к консолидации новых славянских племен наметилась по меньшей мере в конце XIV — начале XV века. Большинство новых черногорских племен сформировалось в результате объединения албанских, славянских и влашских пастушеских поселений, а также миграций и смешения разных родов албанского и славянского происхождения [Цвијић 1922/1966: 97; Ђурђев 1984: 85–110; Ердељановић 1926/1997]. Одним из самых известных в сербской этнографии примеров является племя кучей на юго-востоке Черногории. В него входят потомки нескольких старожильческих сербских родов, переселенцы из Албании, пришедшие на племенную территорию кучей после падения Сербского царства, и славянанизированный албанский род Дрекаловичей, которые мигрировали в Черногорию из Албании в конце XVII в. [Ровинский 1897: 81–82; Ердељановић 1907/1981: 117, 158–172].

побратимства, которое по степени значимости приравнивалось к кровному родству [Kaser 2008: 51–57]. В османский период важным фактором славяно-албанского взаимодействия на севере Албании и юге Черногории стала исламизация части населения и связанное с этим процессом укрепление матrimonиальных связей внутри местного мусульманского сообщества, состоящего из албанцев и славян.

В настоящее время албанское этническое меньшинство проживает на юге и на востоке Республики Черногории, в общинах Бар, Улцинь, Рожае, Плав и Подгорица [Monstat 2011: Tabela O17], а в области Шкодры на севере Албании есть славянские (черногорские) села [Instat 2011: Tabela 1.1.12, 1.1.14]³ (см. карту 1⁴).

В современных албанских и черногорских⁵ говорах пограничья обнаруживается ряд фонетических, синтаксических и лексических инноваций, возникших в результате тесных исторических контактов албанцев и славян на территории этого региона. Кратко охарактеризуем некоторые из этих инноваций (более подробный обзор см. в [Morozova, Rusakov (Рукопись)]).

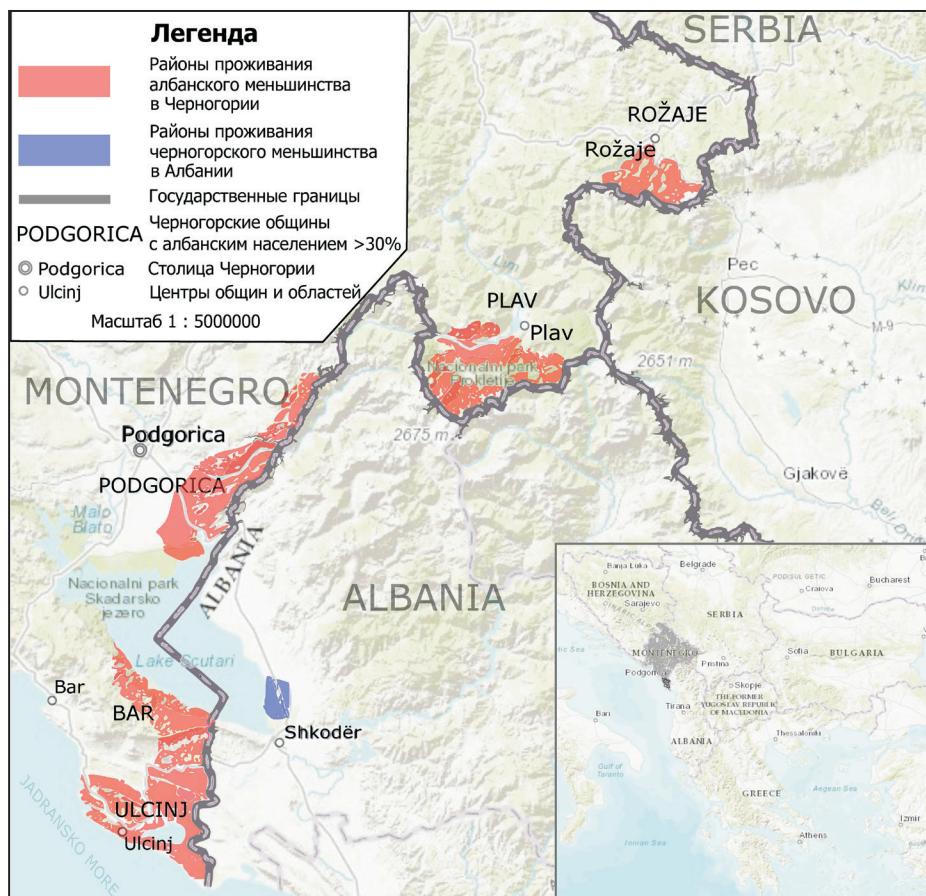
В области *фонетики и фонологии* контактное влияние проявляется в процессах частичного уподобления как звуковой реализации фонем, так и собственно фонемного состава и дистрибуции фонем. В некоторых случаях направление интерференционного воздействия достаточно

³ Община (чрнг. *opština*) — административная единица в Черногории, область (алб. *qark*) — административная единица в Албании. Далее мы сосредоточимся на одном из регионов черногорско-албанского пограничья, который охватывает территорию общин Бар и Улцинь на юге современной Черногории (подробнее см. раздел 2).

⁴ Карты, используемые в статье, подготовлены М. С. Морозовой при помощи приложений SAS.Planet (v. 190707.9476 Stable) и Inkscape (v. 0.92.1 r15371). Координаты населенных пунктов получены с сайта Mapcarta — The Interactive Map (URL: <https://mapcarta.com/>). Данные об этническом составе населения Черногории и районах расселения албанцев взяты из [Sekulović, Šaranović 2014].

⁵ «Черногорскими» в статье названы иекавские говоры восточногерцеговинского и зетско-южносанджакского диалектов штокавского наречия, распространенные на территории Черногории. Идиом сообщества Веля-Гораны, рассматриваемого в статье, также именуется «черногорским» — при его противопоставлении албанскому (см. раздел 3, где речь идет о распределении двух языков у билингвов). При этом не учитываются различия в названиях, которые используют сами носители (*srpski* ‘сербский’ / *crnogorski* ‘черногорский’ / *goransko* ‘по-горански’ / *mrkovska* ‘по-мрковски’), и гетерогенность черногорского (сочетание локальных и общечерногорских черт в речи разных говорящих), равно как и гетерогенность албанского языка Веля-Гораны (см. [Морозова 2017a]). Кроме этого, в статье используются термины «сербохорватский язык» для обозначения языкового стандарта, который использовался в Черногории до 1992 г., и «черногорский язык» — для обозначения официального языка, который с 2007 г. является государственным языком Республики Черногории. Вопросы статуса языковых стандартов, возникших в бывших югославских республиках после распада Югославии, и теоретические проблемы сербохорватской диалектологии подробно не обсуждаются.

Карта 1. Черногорско-албанское языковое пограничье в современности

легко определить. Так, в албанском гегском говоре Улциня на юге Черногории под славянским влиянием произошла деназализация носовых гласных, присутствующих в фонологической системе гегских говоров албанского языка [Gjinari et al. 2007: карта 18]. В восточных и южных черногорских говорах, находящихся в контакте с албанским языком, в том числе в говоре мрковичей [Вујовић 1969: 130–133], напротив, отмечается назализованное произнесение гласных в позиции конца слова (назализация характерна и для более западных говоров черногорского Приморья, см. [Ивић 1985: 160]). Традиционно албанским влиянием объясняются некоторые явления, свойственные консонантизму черногорских говоров (и встречающиеся в других говорах сербохорватского диалектного континуума, контактировавших или контактирующих с

албанским): изменения в ряду латеральных сонантов, палатализация заднеязычных, особенности реализации аффрикат (подробнее см. [Ивић 1985: 161–162; Вујовић 1969: 156–162, 195–199, 204–205]). Не исключено при этом славянское влияние на реализацию некоторых согласных, в частности палатальных и аффрикат, в пограничных албанских говорах [Gjinari et al. 2007: карта 21].

В других случаях определить однозначно направление контактного влияния довольно сложно. Так, с албанским влиянием на черногорские говоры сербские диалектологи связывают оглушение звонких согласных на конце слова. Оно наиболее последовательно реализуется в говорах областей Мрковичи и Плав-и-Гусине и затрагивает отдельные согласные в других говорах черногорско-албанского языкового пограничья – в Црмнице, Зете, племенных областях Пипери и Кучи [Вујовић 1969: 199–202; Ивић 1985: 162]. Однако и в албанских говорах аналогичное явление распространено прежде всего в зонах интенсивных албанско-славянских контактов прошлого и настоящего: в северотоскских говорах Албании, среднегегских говорах на территории Македонии, а также в северо-западных гегских говорах, включая албанские говоры на юге и востоке Черногории [Gjinari et al. 2007: карта 44]. Это затрудняет ответ на вопрос о направлении интерференции – особенно если учитывать, что речь в данном случае идет о достаточно распространенном «естественному» процессе.

Ареальным явлением неясного происхождения является лабиализация долгого *a* > *a^o*, встречающаяся как в северо-западных гегских говорах Ана-э-Малит и окрестности Улциња в Черногории [Десницкая 1968: 82–83, 86; Морозова 2017а: 229–230]⁶, так и в соседних с ними черногорских говорах [Вујовић 1969: 122–126; Ивић 1985: 160]. Фонетические условия изменения достаточно сходны [Morozova, Rusakov (Рукопись)]. Возможно, мы имеем дело с относительно старой ареальной чертой, обязанной своим возникновением венецианскому влиянию [Вујовић 1969: 126].

В плане *морфосинтаксиса* черногорско-албанское контактное взаимодействие проявляется прежде всего в *семантическом и структурном калькировании*. В большинстве случаев направление влияния достаточно очевидно. Так, *семантической калькой*, возникшей в черногорских говорах под албанским влиянием, является смешение комитатива и инструментала. В албанском языке для выражения комитативного и инструментального значений используется конструкция с предлогом *te*

⁶ Лабиализованное произношение носового или бывшего носовым *a*, а также ударного неносового *a* после носовых согласных характерно и для других гегских говоров, например Центральной Албании и Косово [Gjinari et al. 2007: карты 58, 64].

‘с’, управляющим аккузативом. В литературном сербском языке инструментальное значение выражается беспредложным инструменталом, а значение комитатива — конструкцией с предлогом *s(a)* ‘с’. В большинстве черногорских говоров конструкция с предлогом расширяет сферу использования и вытесняет беспредложный инструментал [Соболев 1990: 19–20], а в некоторых наблюдается противоположный процесс: предложные конструкции вытесняются беспредложенными формами инструментала [Вујовић 1969: 307]⁷.

Примером *структурной кальки* является инновационная конструкция с предлогом *ge* ‘у; к’, управляющим номинативом, возникшая под албанским влиянием в черногорском говоре мрковичей: *njegova sestra e ge đevojka moja* ‘его сестра [находится] у моей дочери (букв. «девочки»)’, *pošli su ge gospodar* ‘они пошли к хозяину’ [Вујовић 1969: 269–270]. Ср. лит. алб. *isha te shoku* ‘я был у друга’, *shkoi tek i ati* ‘он пошел к своему отцу’, где предлог *te(k)* ‘у; к’ управляет номинативом. В албанских говорах региона, в свою очередь, можно обнаружить примеры калькирования управления некоторых глаголов.

Результатом структурной и семантической конвергенции, вероятно, являются некоторые изменения в *употреблении* грамматических форм и конструкций в говорах черногорско-албанского языкового пограничья, отличающие их от других идиомов соответствующих языков. К числу возможных последствий славянско-албанского взаимовлияния относится, например, генерализация аналитического перфекта в качестве основной формы, обозначающей действие в прошлом, и практически полное вытеснение им аориста в северо-западных гегских говорах, находящихся в контакте с черногорскими, где подобное употребление перфекта регулярно [Mulaku, Bardhi 1978: 311–314; Morozova, Rusakov (Рукопись)]. Противоположная тенденция к более устойчивому сохранению и употреблению форм аориста наряду с аналитическим перфектом в говоре мрковичей на юге Черногории [Вујовић 1969: 319], в свою очередь, может быть связана с албанским контактным влиянием.

Следствием славянско-албанской языковой конвергенции, вероятно, можно считать расширение сферы употребления конструкции с предлогом *od* и генитивом, которая в литературном сербском языке используется для выражения некоторых атрибутивных отношений (*čaj od nane* ‘мятный чай’, *ključevi od stana* ‘ключи от квартиры’), а также для обозначения родственных связей: *brat od strica* ‘двоюродный брат по отцовской линии’ (букв. «брать со стороны дяди по отцу») [Miloradović 2004: 312]. В говорах черногорско-албанского языкового пограничья

⁷ П. Ивич полагает, что подобное развитие является результатом албанского и романского влияния [Ивић 1985: 164].

эта конструкция употребляется вместо беспредложного генитива и выражает посессивные и иные определительные отношения, например «источник, происхождение лица или предмета»: (Мрковичи) *mleko o krave* ‘коровье молоко’, (Врака) *dijete o sestre* ‘сын (букв. «ребенок») сестры’; «качественная характеристика лица или предмета»: (Мрковичи) *lekaro oranak*‘хирург (букв. «врач ран»)’ и др. А. Н. Соболев [Соболев 1990: 16–19] полагает, что расширение сферы употребления конструкции с *od* в черногорских говорах может быть связано с влиянием албанского языка, в котором в структуре генитивного словосочетания в обязательном порядке присутствует связующий элемент, называемый в албанской грамматической традиции артиклем: *qumështi i lopës* ‘коровье молоко’. «В условиях развитого двуязычия препозитивный (синтагматический) артикль албанского языка воспринимается носителем сербохорватского языка [...] как главный маркер синтаксической генитивной связи. [...] При калькировании подобных конструкций на сербохорватский место данного маркера и занимает наиболее близкая по структуре и синтаксической функции в словосочетании славянская языковая единица – предлог» [Ibid.: 17–18]⁸. Важным аргументом в пользу данной гипотезы является наличие в говорах Черногории топонимических названий вида *potok o Škurte* ‘река Шкурта’ (Мрковичи), которые структурно идентичны специфическим албанским синтагмам с топонимом в генитиве: *lumi i Devollit* ‘река Девол’ [Ibid.: 17].

В лексике сербских и черногорских говоров, контактирующих или контактировавших с албанскими, имеется значительное количество калек, возникших под албанским влиянием. См., напр., *ne je ti oko*, от алб. *s'ma ha syri* ‘не думаю, что я смогу это сделать’ (букв. «мой глаз не ест это»); *uzela ga na oči*, от алб. *e mori mësysh* ‘сглазила его’ (букв. «взяла на глаза») в области Плав-и-Гусине на востоке Черногории; клич *kojnaci!* от алб. *kushtrim!* (букв. «кто храбрец(ы)?!») в племени кучи и др. [Omari 2012: 389; Станишић 1995: 59–60]. В говоре мрковичей отмечены названия осенних месяцев *prvi jeseni* ‘сентябрь’, *drugi jeseni* ‘октябрь’, *treci jeseni* ‘ноябрь’ (букв. ‘первый / второй / третий [месяц] осени’), которые являются кальками с алб. *vjeshtë e parë*, *vjeshtë e dytë*, *vjeshtë e tretë* [Вуювић 1969: 355; Соболев 2015: 544]. Кальки с албанского имеются и в системе терминов родства говора мрковичей (подробнее см. [Мого佐娃 (В печати)]). В албанских говорах на территории Черногории и Косово присутствуют не менее многочисленные кальки, например употребление

⁸ В данном случае не исключено и романское влияние на сербохорватские диалекты [Pijurica 1984: 93]. А. Н. Соболев тоже подчеркивает «несомненную роль калькирования ряда романских и албанских (с предлогами PREJ, NGA) предложно-падежных конструкций в развитии у предлога ОД ряда новых значений» [Соболев 1990: 18].

глагола *fitoj* ‘добывать; зарабатывать; выигрывать; побеждать’ в значении ‘получать’ (в лит. алб. — *marr*), подобно сербскому *dobiti* ‘получать, приобретать; получать (прибыль, выгоду); выигрывать; побеждать’; употребление *shërbehet* ‘обслуживаться’ в значении ‘пользоваться’ (ср. серб. *služiti* ‘служить; обслуживать’ и *služiti se* ‘пользоваться’: *Pjetri shërbehet mirë me frëngjishten* ‘Петр хорошо говорит по-французски (букв. «пользуется французским»)’) и др. [Станишић 1995: 60]. Как отмечает М. К. Кертис, албанский язык, по-видимому, усвоил и явился источником примерно одинакового количества калек — в отличие от ситуации с лексическими заимствованиями и заимствованием словообразовательных аффиксов с ясным значением, в которой славянский вклад в албанскую лексику значительно богаче, чем вклад албанского в лексику южнославянских языков и диалектов [Curtis 2012: 74].

1.2. Контактные зоны Балканского полуострова: «сбалансированный языковой контакт»?

Если бросить самый общий взгляд на приведенные выше языковые примеры, обращает на себя внимание относительная умеренность и двусторонняя направленность языкового влияния. Ни одно из рассмотренных явлений не приводит к существенной перестройке какого-нибудь фрагмента языковой системы контактирующих идиомов. Следует особо отметить, что мы практически не наблюдаем интерференционных явлений, традиционно интерпретируемых как результат сильного контактного влияния: заимствования флексивных морфем, появления новых категорий или граммем, значительных изменений в фонологической системе.

Как кажется, лингвистические примеры черногорско-албанского взаимовлияния хорошо согласуются с общими историческими представлениями о характере этого взаимодействия в этом регионе и на Балканах в целом — в частности, с представлением о том, что при формировании балканского языкового союза важным определяющим фактором является «ситуация активного двустороннего билингвизма» [Русаков 2007: 84] / «взаимный полилингвизм в ситуации интенсивного и тесного контакта» («*intense, intimate, and mutual multilingualism*», согласно [Joseph 2010: 625]) / «недоминантный билингвизм» [Соболев 2017]⁹. По-видимому, такой интенсивный взаимный языковой контакт имел место и в какой-то степени продолжается на границе современных Албании и Черногории.

---

⁹ О том, что «балканские языки [...] образуют языковой союз без асимметричных отношений доминации или значительных языковых сдвигов...» писали еще в 1988 г. С. Г. Томасон и Т. Кауфман [Thomason, Kaufman 1988: 95].

Можно предположить, что ситуация в черногорско-албанском пограничье, как и по крайней мере некоторые из ситуаций, которые предлагаются в качестве базовых для объяснения процессов образования балканского языкового союза, укладывается в рамки понятия «сбалансированного языкового контакта» (англ. *balanced language contact*), привлекающего в последнее время большое внимание многих контактологов. Вот как, к примеру, определяет этот тип контакта Александра Айхенвальд: «в ситуации длительно существующего лингвистического ареала и стабильного мультилингвизма с отсутствием отношений доминации языковой контакт является "сбалансированным"» [Aikhenvald 2007: 43]¹⁰.

По всей видимости, свойствами, входящими в само определение данной ситуации, являются (относительно) высокий уровень билингвизма, (относительная) стабильность, то есть протяженность во времени и отсутствие выраженной доминации какого-либо из языков, участвующих в данной ситуации. Каковы, однако, необходимые значения этих параметров и есть ли еще какие-то свойства, присущие ситуациям подобного типа, остается неясным.

Далее в статье мы попытаемся описать билингвальное сообщество, как будто бы соответствующее упомянутым выше параметрам. Речь пойдет о селе Веля-Горана (чрнг. *Velja Gorana*¹¹), расположенном в племенной области Мрковичи на юге Черногории, неподалеку от границы с Албанией. Материал для исследования был собран в ходе экспедиций 2014–2015 гг., проведенных коллективом ученых из ИЛИ РАН, МАЭ РАН и СПбГУ¹². Регион черногорско-албанского пограничья, в котором находится рассматриваемое село, до настоящего времени остается зоной интенсивного этноконфессионального и лингвистического взаимодействия (подробнее см. раздел 2).

¹⁰ «[I]n a situation of a long-standing linguistic area and stable multilingualism without any dominance relationships, language contact is 'balanced'». П. Мэйскен, перечисляя различные «сценарии» протекания языкового контакта, называет, по-видимому, сходную ситуацию «грамматической конвергенцией при длительном стабильном билингвизме» («grammatical convergence under prolonged stable bilingualism») [Muysken 2010: 271–272].

¹¹ Современные топонимы и антропонимы в тексте статьи записываются латиницей, которая официально используется в Черногории (названия населенных пунктов и территорий со славяноязычным населением, имена и патронимы жителей исследуемых сел и пр.), и стандартной албанской латиницей (наименования албаноязычных районов и населенных пунктов, расположенных в Албании и Черногории). При цитировании источников (переписей, исторических документов) сохраняется написание топонимов и антропонимов, принятое в источниках.

¹² Коллектив экспедиций: д. ф. н., проф. А. Н. Соболев (рук., ИЛИ РАН, СПбГУ), к. и. н., доц. А. А. Новик (МАЭ РАН, СПбГУ), к. ф. н. М. С. Морозова (ИЛИ РАН, СПбГУ), к. и. н. А. С. Дугушшина (МАЭ РАН), к. и. н. Д. С. Ермолин (МАЭ РАН), к. ф. н. А. Л. Макарова (ИЛИ РАН).

На примере коммуникации нескольких семей и внешних связей разных представителей сообщества Веля-Гораны, мы рассмотрим, что представляет собой ситуация сбалансированного языкового контакта на уровне семьи и отдельного говорящего (раздел 3). Камертоном нашего анализа будет приведенное в качестве эпиграфа высказывание выдающегося исследователя языковых контактов Питера Мэйскена [Muysken 2010: 267]. Мы попытаемся проследить, как в реальном мире Веля-Гораны из индивидуальных стратегий носителей языка складывается то, что можно назвать речевым поведением отдельно взятого билингвального языкового сообщества. Результатом такого анализа может явиться уточнение содержания понятия «сбалансированного языкового контакта».

Кроме этого, не раз отмечалось, что современные полиэтнические, полилингвальные и поликонфессиональные сообщества Балкан «могут быть моделью <...> для научной реконструкции этноязыковых процессов в Средние Века, Новое и Новейшее время» [Соболев et al. 2013: 10]. В разд. 4, обратившись к истории семейств Веля-Гораны, мы попытаемся показать, в каких условиях возникла и как развивалась описываемая контактная ситуация в селе. Результатом изучения данного сообщества в синхронии и диахронии станет модель ситуации этноязыкового контакта, которая могла существовать в области Mrkovići и в целом в черногорско-албанском языковом пограничье, а также входить в число разнообразных контактных ситуаций, сыгравших важную роль в формировании балканского языкового союза.

2. Mrkovići и Веля-Горана на юге Черногории

2.1. Географические, исторические и демографические сведения о регионе

Частью современного черногорско-албанского этнического и языкового пограничья является небольшая горная местность на юге Черногории. Ее естественными пределами служат Адриатическое море (чрнг. *Jadransko more* / алб. *Deti Adriatik*) на юге и западе, Скадарское озеро (чрнг. *Skadarsko jezero* / алб. *Liqeni i Shkodrës*) на севере и река Бояна (чрнг. *Bojana* / алб. *Vipë*), по которой проходит государственная граница с Республикой Албанией, на востоке (см. карту 2). Административными и культурными центрами региона являются города Бар (чрнг. *Bar* / алб. *Tivar*) и Улцинь (чрнг. *Ulcinj* / алб. *Ulqin*).

Задолго до появления славян на Балканах эта приморская область, заселенная иллирийскими племенами, была освоена древнегреческими колонистами, затем захвачена римлянами, а после распада Римской империи перешла к Византии. В дальнейшем территория между Баром

и Улцинем входила в состав средневековых сербских государственных образований: княжества Дукля (или Зета; до конца XII в.), Сербского царства (до его фактического распада после смерти Стефана Душана в 1355 г.) и государства Балшичей (до 1421 г.; города Бар и Улцинь за время правления этой династии несколько раз на краткое время оказывались под властью Венецианской республики). После смерти последнего правителя из рода Балшичей, Балши III (1387–1421), юг нынешней Черногории стал частью балканских владений венецианцев [Историја 1970: 3–21, 130–131, 150]. В 1571 г. турки, к тому времени уже овладевшие албанской Шкодрой (чрнг. *Skadar* / алб. *Shkodër*), захватили венецианские порты Бар и Улцинь, и вплоть до конца XIX в. юг Черногории оставался под властью Османской Империи [Историја 1975: 58]. За это время часть славянского и албанского населения региона была исламизирована, а часть сохранила приверженность православию (черногорцы) и католичеству (албанцы). В 1878 г. черногорцы захватили Бар, а в 1880 г. в состав независимой Черногории вошел и Улцинь. После Балканских войн 1912–1913 гг. и обретения Албанией независимости по реке Бояне была проведена граница между Албанией и Черногорией, после Первой мировой войны вошедшей в королевскую Югославию (до 1929 г. — Королевство сербов, хорватов и словенцев, впоследствии — Королевство Югославия). В годы Второй мировой войны населенные албанцами районы на юге и на востоке Черногории, которые находились под итальянской, а затем немецкой оккупацией, были включены в состав Албании вместе с другими югославскими территориями с албанским населением. После войны граница в этом регионе вернулась к состоянию на 1913 г. и остается неизменной вплоть до настоящего времени.

С точки зрения современного административного деления Черногории описываемая территория принадлежит общинам Бар и Улцинь. Население двух общин, по данным переписи 2011 г. [Monstat 2011: Табела O17], составляет более 60 тысяч человек и характеризуется этнической, конфессиональной и языковой неоднородностью. В восточной части региона — в области Ана-э-Малит (алб. *Ana e Malit*) на склонах хребта Тарабош, в Шестане и Крае (алб. *Shestan, Krajë*) на берегу Скадарского озера, в Улцине и окрестных селах — численно преобладают албанцы (в переписи именуются *Albanci*). Большинство исповедует ислам, однако в Шестане и в окрестностях Улциня есть и католические албанские села. В западной части, в Баре и его окрестностях, согласно переписи, преобладают православные черногорцы (*Crnogorci*) и сербы (*Srbi*), а также имеется мусульманское славяноязычное население, определяющее себя черногорцами либо «мусульманами» (*Muslimani*).

Славяноязычные мусульмане региона по преимуществу проживают в племенных областях Мрковичи (чрнг. *Mrkovići* или *Mrkojevići* / алб. *Mërkot*), Туджемили и Пода (чрнг. *Tuđemili, Poda*). Территория черногорского племени мрковичей лежит на плоскогорье к югу от города Бара. Большая часть сел мрковичей, как показано на карте 2, находится на склонах горы Лисинь (чрнг. *Lisinj*) и у ее подножия, в так называемом Мрковском Поле (чрнг. *Mrkovsko Polje*). Это села Добра-Вода, Дабезичи (помимо центрального поселения, включает в себя широко разбросанные кварталы, или заселки – от чрнг. *zaselak*, Дапчевичи и Мали-Калиман), Веле-Село (с заселком Луне), Грдовичи, Печурице (с заселком Равань), Лесковац и опустевшее ныне село Меджюреч (чрнг. *Dobra Voda, Dabežići, Dapčevići, Mali Kaliman, Velje Selo, Lunje, Grdovići, Pečurice, Ravanj, Ljeskovac, Međurec*). В стороне, на горе Румии (чрнг. *Rumija*), расположены полузаброшенные села Мали и Вели-Микуличи (чрнг. *Mali Mikulići, Velji Mikulići*). Еще несколько сел – Куне, Пелинковичи, Вукичи, Мала-Горана и рассматриваемое в статье село Веля-Горана (чрнг. *Kunje, Pelinkovići, Vukići, Mala Gorana, Velja Gorana*) – находятся около горного хребта Можура (чрнг. *Možura*), в южной части племенной области.

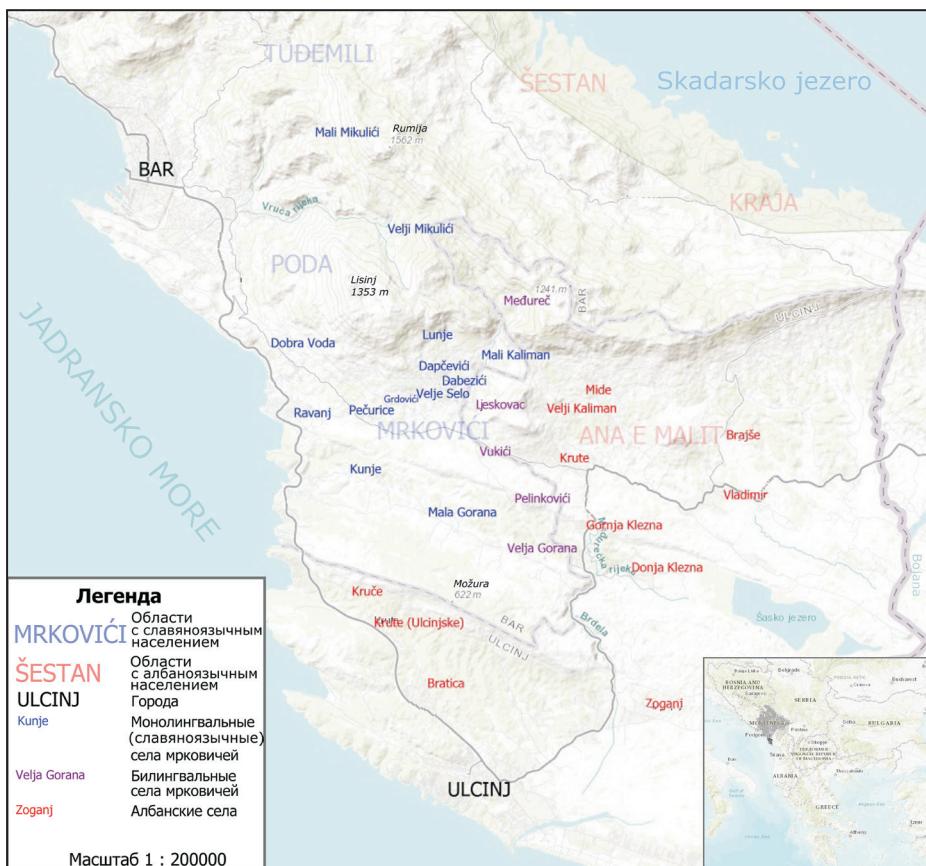
Жители Веля-Гораны, хотя и причисляют себя к сообществу (племени) мрковичей, предпочитают называть себя *goranci* ‘горанцы’ (*goranac* ‘горанец’, *goranka* ‘горанка’). Микроэтнонимами *mrko(je)vic* ‘мрко-(е)вич’, *mrkovka* ‘мрковка’ они обозначают тех, кто проживает в других селах мрковичей, помимо Мала- и Веля-Гораны.

2.2. Черногорское племя мрковичей и Веля-Горана сквозь призму межэтнических контактов

Мрковичи впервые упоминаются в венецианском документе 1409 г. как *Li Marchoe*, черногорское племя, проживающее между Баром и Улцинем [Metanović 2012]. В османской переписи Скадарского санджака 1485 г. упомянута нахия *Mërkodlar* ‘Мркодлар’, включающая в себя крупное село (фактически это могла быть группа сел) *Mërkojeviqi* ‘Мркоевичи’ из 140 домов [Pulaha 1974: 141–143]. В переписи перечислены имена глав домохозяйств, иногда с указанием имени отца. Большую часть перечня составляют славянские, преимущественно христианские, имена и прозвища: *Milosh* ‘Милош’, *Ivan* ‘Иван’, *Gjuro* ‘Джуро’, *Andrija* ‘Андрия’, *Damjan* ‘Дамьян’, *Dabzhiv / Dabo* ‘Дабжив / Дабо’; *Ivza, i biri i Vukut* ‘Ивза, сын Вука’¹³. Однако некоторые жители села Мркоевичи носят албанские имена (*Lekëza* ‘Лекеза’, диминутив от алб. *Lek(ë)* ‘Лек(а); Александр’),

¹³ Топонимы и личные имена в этом абзаце приведены в албанской транслитерации и переводе албанского историка Селями Пуляха, опубликовавшего перепись [Pulaha 1974].

Карта 2. Мрковичи и Веля-Горана на юге Черногории

либо явным образом происходят из албанских семейств: *Dabza, i biri i Gjonit* ‘Дабза, сын Гьона’ (алб. *Gjon* ‘Гьон’ — имя, распространенное у католиков). Наличие в черногорском племени мрковичей албанского элемента позволяет предположить, что ситуация активного двустороннего билингвизма существовала по крайней мере в части племенной области до вторжения османов на запад Балкан.

Не существующее ныне село Мркоевичи (*Marchoeuich*, 260 домов) упоминается и у Мариана Болицы в переписи Скадарского санджака 1614 г. [Bolizza 1614/1866: 297], наряду с селами: Микуличи (*Michulichi*, 25 домов), Грдовичи (*Gradoevich*, 50 домов), Добра-Вода (*Dobra Voda*, 40 домов), Куне (*Cumgni*, 20 домов), Равань (*Racé*, 25 домов) и Горана (*Gorana*, 20 домов). Зафиксированные М. Болицей имена сельских старейшин (*Marco Nicou* ‘Марко Ников’ в Мрковичах, *Luca Matuscou* ‘Лука

Матушков' в Микуличах, *Giuro Marcou* 'Джюро Марков' в Грдовичах, *Rado Girou* 'Радо Джюров' в Добра-Воде, *Schuchi Girou* 'Шута (?) Джюров' в Куне, *Guiro Strepieu* 'Джюро Степев (?)' в Равани и *Dumo Luchi* 'Думо Лукин' в Горане), как и вышеупомянутые данные переписи 1485 г., говорят о том, что исламизация мрковичей в конце XVI – начале XVII в. еще не началась. Поворотным моментом, вероятно, стало участие мрковичей на стороне черногорцев в неудачной попытке захватить Бар у турок в 1717 г.: опасаясь кары, значительная часть племени могла после этого перейти в ислам. В XVIII – начале XIX вв. большая часть племени мрковичей была исламизирована [Јовићевић 1922: 22; Вујовић 1969: 78]¹⁴.

В связи с исламизацией укрепились (или возникли) брачные связи одних сел с соседними мусульманскими областями Туджемили и Пода, а других – с албанцами-мусульманами близлежащих областей [Јовићевић 1922: 113; Вујовић 1969: 79]¹⁵. Помимо брачных контактов, фактором межэтнического общения долгое время оставалась торговля на рынках двух урбанных центров региона – Шкодры, куда путь лежал через албаноязычную область Ана-э-Малит, и Бара, отделенного от Ана-э-Малит территорией мрковичей. Важную роль играли также контакты на пастбищах, которые совместно использовались мрковичами и албанцами из Ана-э-Малит для выпаса скота, и иные бытовые связи [Вујовић 1969: 79].

После Берлинского конгресса 1878 г., закрепившего за Черногорией статус суверенного государства, между Баром и Улцинем пролегла государственная граница Черногории и Османской империи¹⁶. На территории племени мрковичей, которая перешла к Черногории, была образована Мрковская капитания (административная единица, во главе которой стоял *капетан*). Согласно переписи населения Черногории 1879 г., в состав капитании входили села: *Куње, Мала Горана, Кричи* (совр. Круче), *Грденићи, Дабезини, Улићи* (совр. Вулићи – квартал села

¹⁴ В настоящее время только в Добра-Воде есть несколько старожильческих православных семейств.

¹⁵ По крайней мере до конца XIX – начала XX в., аналогичные традиции «племенной экзогамии» были свойственны некоторым фисам Северной Албании, которые предпочитали брать невест из другой краины, а выдавали дочерей в третью, откуда невест не брали [Иванова 1988: 184], а также черногорским племенам региона Брда (чрнг. Brda 'горы') к северу от Подгорицы. Например, «кучи никогда не женились между собой, а брали себе жену из другого племени; поэтому они женились часто на албанках и своих дѣвшекъ отдавали въ Албанію» [Ровинский 1897: 239].

¹⁶ «...Отсюда [от Скадарского озера. – M. M., A. P.] новая граница пересекаеть озеро близъ островка Горица-Топаль и отъ Горица-Топаль достигаеть по прямому направлению вершины гребня, откуда направляется по водораздѣлу между Мегуредъ и Калимедъ, оставляя Марковичъ за Черногорио и примыкая къ Адриатическому морю въ В. Кручи» [Трактать 1906: 87].

Дапчевићи), Добчевићи (совр. Дапчевићи), Калимани (совр. Мали-Калиман), Љесковац, Веље Село, Равањ, Печурице, Добра Вода, Вељи и Мали Микулићи [Пејовић, Каписода 2009: 413–450]. Веља-Горана, по-видимому, была присоединена к Мрковской кепетании после передачи Улциня Черногории в 1880 г. [Metanović 2012]. Албаноязычная область Ана-э-Малит, отделенная от мрковичей рекой Меджюреч, оставалась в пределах Османской империи до 1913 г. [Јовићевић 1922: 2], а с ней, вероятно, и села мрковичей Меджюреч, Пелинковичи и Вукичи, не упомянутые в переписи 1879 г. После окончания Первой мировой войны территория мрковичей вместе со всей Черногорией вошла в состав королевской Югославии. В годы итальянской и последующей немецкой оккупации (1941–1944) вся область Мрковичи, кроме села Добра-Вода, входила в состав Албании вместе с соседними албаноязычными районами [Соболев 2015: 540, сноска 8]. В 1948 г., вскоре после установления коммунистического режима и восстановления черногорско-албанской границы образца 1913 г., социалистическая Албания взяла курс на политическую изоляцию от Югославии, что на несколько десятилетий прервало связи мрковичей с близлежащими территориями Албании (Шкодра и ее окрестности), но не могло препятствовать, разумеется, их контактам с албаноязычным населением Черногории.

Исторические события конца XIX – начала XX века и изменения в государственных границах не привели к существенному изменению ситуации этноязыкового контакта в Мрковичах, по крайней мере в части брачных стратегий. Так, в селах, расположенных на границе с албаноязычной областью Ана-э-Малит, на протяжении XX века (и прежде), устойчиво сохранялась традиция смешанных браков и связанная с ней ситуация активного билингвизма. Андрия Јовичевич в описании Черногорского Приморья и Краины сообщает, что «Пелинковичи, Вукичи и Клезна, а также в некоторой степени и Горана, приняли албанский язык, поскольку их жители ранее (но и в настоящее время) брали себе жен из района Ана-э-Малит. Через брачные связи здесь вошел в быт албанский говор» [Јовићевић 1922: 113, перевод цит. по Соболев 2015: 541]. Л. Вуйович через несколько десятилетий отмечает, что «албанским языком хорошо владеют многие жители пограничных сел — Меджюре-ча, Лесковца, Шкреты (Вукичей) и нижней части Веља-Гораны» [Вуювић 1969: 82–83].

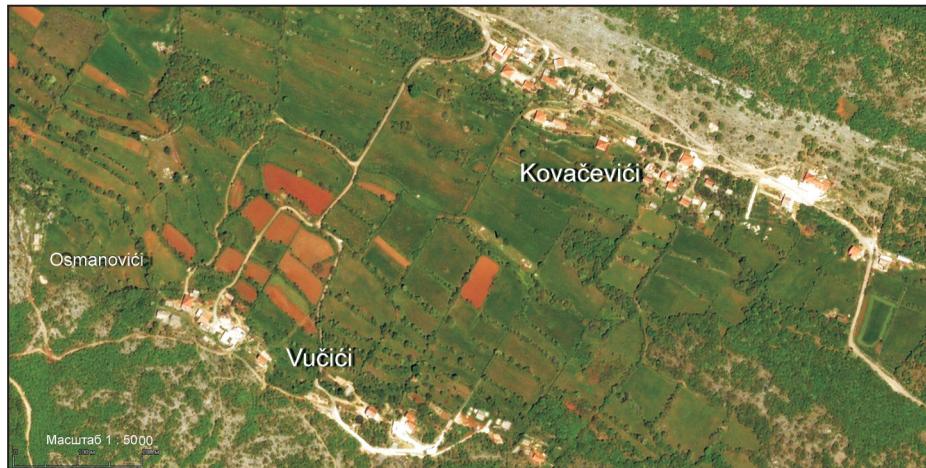
В настоящее время албанскую речь можно услышать в селе Лесковац, где есть смешанные семьи, а также в Пелинковичах (см. карту 2). В селах Мала-Горана, Луне и Дабезичи можно встретить албанок и двуязычных славянок (например, из смешанного славяно-албанского села Круте в окрестностях Улциня), но в повседневном общении албанский

язык в этих селах не используется и остальные члены сообщества им не владеют. Села, в которых брачные связи поддерживаются только между проживающими в них семействами и с соседними славяноязычными районами (например, Добра-Вода), монолингвальны, и их население, по утверждению местных жителей, никогда не говорило по-албански [Морозова 2017а: 225]. Наблюдениям А. Йовичевича, сделанным в начале прошлого века, полностью отвечает современная ситуация в селе Веля-Горана, описанию которой посвящен следующий раздел.

3. Билингвальное сообщество Веля-Гораны: в поисках «сбалансированного языкового контакта»

Село Веля-Горана (см. карту 3) состоит из примерно двадцати домов и разделено на два небольших заселка, Ковачевичи и Вучичи (чрнг. *Kovačevići*, *Vučići*). К заселку Вучичей примыкает отдельно стоящий дом Османовичей, этнических албанцев из села Владимир / Катркола (чрнг. *Vladimir* / алб. *Katërkollë*) в области Ана-э-Малит. Особенности билингвальной коммуникации в этой семье далее подробно не рассматриваются. В Вучичах билингвизм, характерный для них еще в середине прошлого века, по-видимому, угас, и албанский язык в настоящее время не используется этой частью сообщества Веля-Гораны. С точки зрения современной ситуации наибольший интерес представляет заселок Ковачевичей, где все семьи частично или полностью билингвальны. Именно эта ситуация детально изучалась в ходе экспедиций 2013–2015 гг.

Карта 3. Кварталы села Веля-Горана

Индивидуальный языковой репертуар жителя Веля-Гораны, происходящего из полностью или частично билингвальной семьи, может включать один или два языка. Компетенция и языковое поведение говорящего зависит от возраста, образования, происхождения, личных предпочтений, которые обуславливают, к примеру, неусвоение второго языка или неиспользование билингвом одного из своих языков, а также особенностей коммуникативной ситуации и «правил поведения» в сообществе. В нашем описании того, как билингвальные говорящие в Веля-Горане используют два своих языка в разных коммуникативных ситуациях, мы используем ставшее традиционным, прежде всего в социолингвистике, понятие домейна (англ. *domain*), или сферы употребления языка [Fishman 1965; Вахтин, Головко 2004: 101–102 и др.]. При этом наиболее подробно анализируется семейный домейн. Следует указать, что нашей основной задачей является не описание механизмов выбора языка в той или иной ситуации общения, а, скорее, демонстрация того, как конstellация определенных факторов, часто действующих на уровне индивидуального говорящего, приводит к тем или иным результатам в плане возникновения, поддержания или угасания билингвизма в семьях жителей заселка Ковачевичей.

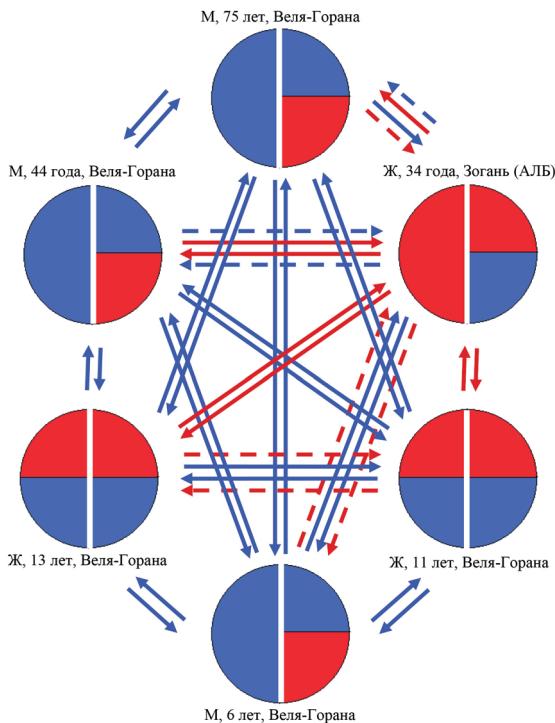
3.1. Выбор языка при общении в семейном кругу

Мы попытались представить употребление языков в семейном домейне в виде схем, поневоле условных, но, как нам кажется, достаточно адекватно отражающих реальную ситуацию. На схемах представлены использование языков в повседневном общении четырех семей в заселке Ковачевичей и языковая компетенция носителей, реконструированная на основе наблюдений над использованием языков и данных интервью. Кружки, обозначающие носителей языка, разделены по вертикали на две части. Левая отражает «исходную» языковую компетенцию говорящего (примерно до пятилетнего возраста), правая — компетенцию «в настоящее время» (в 2015 г.). Синий цвет обозначает черногорский, красный — албанский. Вертикальная половина кружка, окрашенная в один цвет, представляет условно монолингвальную компетенцию¹⁷, в два цвета — билингвальную. В отражении билингвальной компетенции информантов мы исходили из того, что они владеют обоими языками достаточно свободно, не пытаясь показать графически, находятся ли они в равновесном состоянии или в отношениях доминации (некоторые соображения по поводу смены языковой доминации будут представлены в параграфе 3.2). Синие и красные стрелки показывают использование

¹⁷ Возможно, в некоторых случаях «монолингвы», представленные на схеме, являются в действительности пассивными билингвами, см. параграф 3.2.

этих языков в общении внутри семьи. Пунктирными стрелками обозначена свободная, но менее частая коммуникация на одном из двух языков. Расположение кружков на схеме по вертикальной оси отражает принадлежность носителей к разным поколениям: старшие члены семьи показаны в верхней части схемы, младшие — в нижней части.

Схема 1

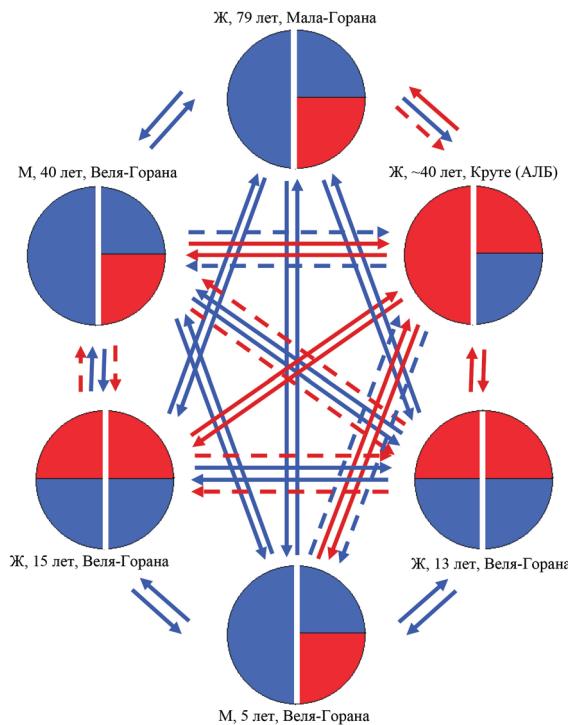

На схеме 1 показана семья, все члены которой являются уроженцами Веля-Гораны, за исключением женщины средних лет, албанки из села в окрестностях Улциня. Представители всех трех поколений — билингвы, однако только две девочки, рожденные в Веля-Горане, билингвальны с раннего детства. Младший ребенок, мальчик шести лет, по экспедиционным наблюдениям 2013–2015 гг., говорил только по-черногорски примерно до пятилетнего возраста. Глава семьи (верхний кружок) и его сын в раннем детстве владели только черногорским, но в настоящее время являются билингвами [ПМА: Морозова et al. 2014]. «Зеркальное» языковое развитие демонстрирует невестка из Улциня, которая в детстве говорила только по-албански, а черногорский, по ее собственному

утверждению, стала использовать только в общении с новой семьей в Веля-Горане наряду с албанским [ПМА: Морозова 2015а].

Как видно, в общении внутри семьи используются оба языка, причем в целом преобладает черногорский. Мужчины («горанцы») предпочитают говорить со своими детьми и внуками на черногорском, и те, как правило, отвечают им на том же языке. Тем не менее албанский является основным средством коммуникации для албанки, и все члены семьи в той или иной степени участвуют в общении на нем. Муж и дочери говорят с ней преимущественно по-албански. Свекор обращается к ней на черногорском, но иногда, не особенно афишируя это, может использовать албанский [Морозова 2017б: 140]. С младшим ребенком общаются преимущественно на черногорском, особенно если коммуникация происходит в присутствии старшего мужчины в семье.

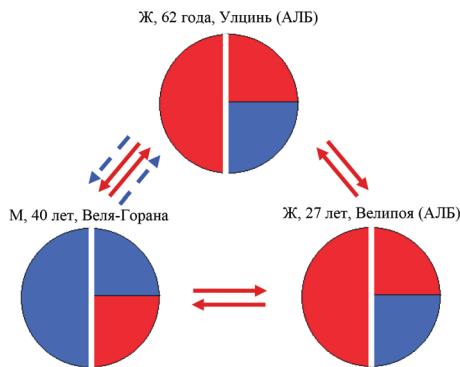
Схема 2

В семействе, представленном на схеме 2, старшее поколение представляет бабка, «мрковка» из монолингвальной Мала-Гораны, освоившая албанский язык уже после замужества. Со всеми членами семьи — сыном,

невесткой, двумя внучками-подростками и маленьkim внуком — она говорит преимущественно на черногорском. По-албански ей отвечает только невестка, албанка из Ана-э-Малит, которая выучила черногорский в Веля-Горане, но практически не использует его в коммуникации внутри семьи [ПМА: Морозова 2015а]. Ее супруг-«горанец», как правило, беседует с ней на албанском, с матерью — на черногорском; с дочерьми может общаться и по-албански, но с сыном при этом предпочитает говорить только на черногорском.

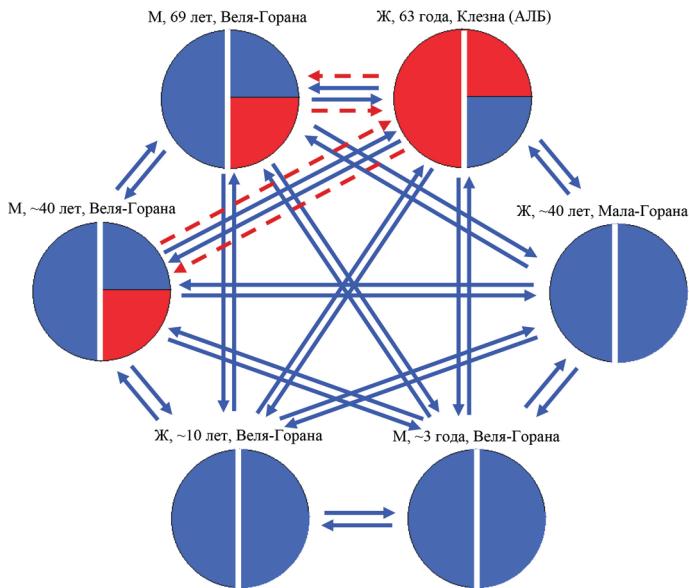
Схема 3

На схеме 3 показана семья, состоящая из двух первоначально монолингвальных албанок и «горанца» — сына первой из них и мужа второй. Как и следует ожидать, женщины общаются друг с другом на албанском. Мужчина использует преимущественно албанский язык в общении с матерью, а с женой говорит только по-албански. В целом албанский играет здесь заметно большую роль, чем в первых двух семьях. Существенным фактором, по-видимому, является то, что молодая албанка происходит из албанского села в окрестностях Шкодры (Албания), где она не имела доступа к черногорскому вплоть до замужества. Несмотря на то, что ее нынешняя компетенция в черногорском оценивается односельчанами как достаточно высокая, все билингвальные члены сообщества предпочитают в общении с ней использовать албанский язык.

Наконец, схема 4 демонстрирует нам наиболее «славянанизированную» семью. Представители старшего поколения, изначально монолингвальные «горанец» и албанка, говорят между собой только на черногорском несмотря на то, что «горанец», как и большинство мужчин в селе, владеет албанским языком, усвоенным в детстве от отца и бабки. По-видимому, толчком к «славянизации» семьи явился брак их сына с монолингвальной «мрковкой» из Мала-Гораны. Поскольку молодая невестка не

Схема 4

говорит по-албански («не говорит, только понимает» [ПМА: Морозова и др. 2014]), черногорский стал основным средством коммуникации с детьми, которые остаются монолингвальными, и в семье в целом¹⁸. Отметим, что «исходная» ситуация в этой семье, в частности языковая компетенция представителей старшего поколения, в сущности, не отличается от ситуации в семье на схеме 1. К числу факторов, повлиявших на современное устройство внутрисемейной коммуникации, можно отнести происхождение невестки и ее нежелание говорить по-албански, а также языковое поведение старшей женщины-албанки, которой, по ее словам, после многих лет, проведенных в Веля-Горане, «легче» говорить на черногорском, чем на албанском языке [ПМА: Морозова 2015а].

Межсемейное общение в Веля-Горане повторяет в общих чертах ситуацию внутри семей. Использование того или иного языка определяется своего рода компромиссом между языковыми предпочтениями говорящего и слушающего. Так, например, к молодым албанкам все билингвальные участники коммуникации, включая детей, обращаются в основном по-албански (см. также [Морозова 2017б: 141]).

¹⁸ Это не означает, что билингвальные члены семьи не могут использовать албанский язык в других ситуациях: мужчины — в общении с другими мужчинами-билингвами, женщина — в общении с семьей и соседями в родном селе, см. 3.2.

3.2. Социолингвистические профили жителей Веля-Гораны: семья и другие домейны. Становление билингвизма

Из анализа общения жителей Веля-Гораны в семейном домейне можно сделать предварительные выводы о наличии в этом сообществе нескольких групп говорящих с неодинаковым речевым поведением, определяющими факторами которого, как представляется, являются возраст, пол и происхождение¹⁹. В этом параграфе мы попытаемся построить социолингвистические профили (англ. *sociolinguistic profiles*, см., напр., [Adatou 2016]) этих групп, характеризуя их с точки зрения формирования, развития и современного состояния их языковой компетенции (см. табл. 1). Для этого будут привлечены имеющиеся у нас данные о речевом поведении представителей разных групп в таких домейнах, как школа, работа (ср. с домейнами «образование» и «работа» у Дж. Фишмана) и общение с родственниками жены/невестки/матери, живущими вне села²⁰.

Мужчины среднего и старшего возраста, родившиеся и живущие в Веля-Горане («горанцы»), одинаково хорошо владеют черногорским и албанским. Оба языка, как правило, усваиваются в детстве (есть редкие случаи более позднего усвоения албанского в подростковом возрасте, см. ниже) и активно используются в общении с соседями и с членами семьи. При общении с родственниками жены/невестки, живущими в других селах, «горанцы» используют один из доступных им языков. Коммуникация с монолингвальными родственниками из мрковичей, очевидным образом, осуществляется на черногорском, а в общении с родственниками-албанцами предпочтение отдается албанскому языку.

Большинство «горанцев» получили начальное или среднее школьное образование на сербохорватском (официальный язык СР Черногории) и прошли срочную службу в югославской армии, где сербохорватский был основным средством межэтнического общения. Некоторые мужчины старшего поколения в послевоенные десятилетия участвовали в строительстве дорог и мостов, сооружении водопровода и других видах работ за пределами родного села, и коммуникация с выходцами

¹⁹ Важным фактором является, разумеется, и индивидуальное отношение к языку (см. в 3.1 о «мрковке», не желающей говорить по-албански), но мы не включаем его сюда по причине его трудной формализуемости.

²⁰ Детальный опрос о выборе языка в домейне «религия», выделенном Дж. Фишманом [Fishman 1965], не проводился, однако известно, что служба в близлежащей мечети, расположенной в монолингвальном селе Мала-Горана, ведется только по-черногорски, посещают мечеть преимущественно пожилые мужчины. На вопрос о том, какой язык используется говорящим во время молитвы, можно получить ответ «молюсь молча» [ПМА: Морозова, Соболев 2015]. Домейну «друзья» у Дж. Фишмана в нашем исследовании соответствует межсемейное общение, охарактеризованное в 3.1 и не обнаруживающее существенных отличий от коммуникации внутри семьи с точки зрения стратегий выбора языка.

из других регионов Черногории и соседних югославских республик в таких ситуациях осуществлялась также на официальном языке. В настоящее время представители старшего поколения не работают и практически не выезжают из Веля-Гораны. Основной доход семьи обеспечивают мужчины среднего возраста, работающие вне села. Центром экономического притяжения для Веля-Гораны является город Улцинь, и некоторые «горанцы» работают там таксистами, сдают в аренду пляжные зонтики и шезлонги в туристический сезон и др. Поскольку подавляющее большинство жителей Улциня и окрестных сел — албанцы, коллектив на работе, как правило, оказывается преимущественно албаноязычным. Поэтому в беседах с коллегами предпочтение отдается албанскому языку, а выбор черногорского происходит редко, например в общении с туристами из бывших югославских республик и из России.

Женскую часть сообщества Веля-Гораны, которая отличается большим разнообразием социолингвистических профилей, составляют «мрковки» из монолингвальных сел области Мрковичи и албанки из соседних албаноязычных сел или из Албании, вышедшие замуж в Веля-Горану. Использование двух языков женщинами в большей степени, чем у мужчин, определяется внутренними «законами» женского сообщества, а не внешними факторами, поскольку традиционно женщины менее мобильны [Hristov 2015: 36], а их внешние связи ограничены контактами с родным селом.

Большинство женщин среднего и старшего возраста, живущих в Веля-Горане, имеют начальное или среднее школьное образование, полученное на сербохорватском языке (только женщины, которые происходят из Албании, обучались в албаноязычной школе). При этом практически все албанки утверждают, что усвоили черногорский в достаточной мере лишь в семье супруга в Веля-Горане, в то время как языком повседневного общения в их родных селах и в родительском доме всегда был только албанский язык [ПМА: Морозова 2015а; 2015б; 2015в]. Во время родственных визитов албанки говорят с членами своих семей на родном языке. В случае если они не пользуются албанским в семье супруга, общение с албаноязычной родней вне Веля-Гораны — единственная значимая сфера, закрепленная за албанским языком.

Женщины, которые происходят из монолингвальных сел области Мрковичи и, соответственно, общаются с родными и соседями в родном селе исключительно по-черногорски, могут владеть албанским языком, усвоенным после замужества²¹. В общении с семьей супруга, детьми,

²¹ Общение жителей Веля-Гораны с семьями родных братьев и сестер, которые, как правило, разъезжаются из родных сел, может происходить по иным сценариям, не описанным здесь и не отраженным в табл. 1. К примеру, сестра билингвальной

внуками и соседями они предпочитают использовать черногорский, хотя при необходимости свободно изъясняются и на албанском. Некоторые «мрковки», прожившие несколько десятилетий в Веля-Горане, по их собственным словам и по оценкам соседок, «понимают, но не говорят по-албански» (то есть являются пассивными билингвами) или «не хотят говорить по-албански» [ПМА: Морозова 2015а]. Степень «понимания» албанской речи такими информантками специально не изучалась. Однако было отмечено, что албанки могут использовать родной язык в присутствии «мрковки», которая, как считается в сообществе, «не говорит, но понимает по-албански». Последняя не выказывает при этом ни малейшего недовольства, а на любые обращенные к ней реплики отвечает по-черногорски [*Ibid.*]. В общении с молодыми женщинами из монолингвальных сел мрковичей, которые не владеют албанским языком после нескольких лет проживания в Веля-Горане, нормой для членов семьи и соседей-билингвов является использование черногорского.

Некоторые женщины из Веля-Гораны работают в Улцине (например на кухне в ресторане) либо ездят туда в базарный день на рынок, чтобы продавать местным жителям и туристам домашние молочные продукты. Основным языком общения с покупателями, клиентами и коллегами для албанок, очевидным образом, является албанский (а при общении с неалбаноязычными клиентами – черногорский), в то время как «мрковки» во всех случаях пользуются черногорским.

Дети, рожденные в полностью билингвальных семьях Веля-Гораны, как правило, начинают усваивать оба языка в раннем детстве. Уровень владения албанским языком на этом этапе может несколько различаться у мальчиков и девочек. Некоторые молодые матери-албанки поясняют, что «не заставляют» своих маленьких сыновей говорить по-албански, пока те сами «не хотят» [ПМА: Морозова 2015а]. Поэтому первые фразы на албанском языке мальчики начинают произносить, по-видимому, с 5–6 лет (что не исключает вероятности пассивного билингвизма в более раннем возрасте). Девочки, напротив, рано начинают говорить по-албански и быстрее совершенствуют свою компетенцию в нем, поскольку много общаются с матерью. С родственниками матери и/или бабки дети говорят только на албанском языке, так как те могут вовсе не владеть черногорским [*Ibid.*]. В тех семьях, где мать и/или бабка происходит из монолингвального села

«мрковки», живущей в Веля-Горане, может выйти замуж в албанское село, и высока вероятность того, что языком общения «мрковки» с семьей сестры в этом случае будет албанский язык. У одного из билингвальных «горанцев» брат женился и живет в албанском селе, и вероятно, что с братом «горанец» говорит по-черногорски, а с его новой семьей – по-албански.

области Мрковичи и не знает албанского либо не использует его в повседневной коммуникации («понимает, но не говорит»), дети с раннего возраста владеют только черногорским и могут в дальнейшем оставаться монолингвами.

Школьное образование дети получают на государственном черногорском языке. Все дети Веля-Гораны до пятого класса ходят в начальную школу, которая находится в Куне, а потом — в среднюю школу в Печурицах. Остальные дети, которые посещают школу, монолингвальны, и албанский язык в ней не преподается. Учителя, работающие в школе, также происходят в основном из окрестных сел (например, Добра-Воды или Мала-Гораны) или из Бара и не говорят по-албански²².

В табл. 1 отражены, с определенной степенью обобщения, социолингвистические профили, описанные выше. Учитываются пол, возраст («старший» — старше 50 лет, «средний» — 25–49 лет, «старшие мальчики/девочки» — дети 6–16 лет, «младшие мальчики/девочки» — дети до 5 лет), происхождение («горанец», «мрковка», албанка; для детей указывается происхождение матери) и владение языками (алб. — албанский, чрнг. — черногорский). Если билингвальный говорящий использует в домейне оба языка, они даются через запятую, причем порядок их перечисления отражает относительную частоту использования. В квадратных скобках указывается язык, который используется в каком-либо домейне редко (например, на работе X говорит по-албански и очень редко по-черногорски) или пассивно (например, X не говорит по-албански, но «все понимает», когда существует при разговоре на этом языке). Курсивом выделен язык в домейнах, нерелевантных для современной ситуации (например, образование у представителей среднего и старшего поколения) или для большей части представителей той или иной группы (например, домейн «работа» нерелевантен для большинства женщин села; работают лишь немногие женщины среднего и — крайне редко — пожилого возраста). Внутри некоторых профилей есть подтипы, которые разделяются в табл. союзом *или* (в частности, «мрковки» могут говорить на обоих языках либо только на черногорском). Буквами (а, б) обозначен выбор языка, которые возможен в разных ситуациях в рамках одного домейна. Например, мужчины-«горанцы» и дети из Веля-Гораны используют в беседе с родственниками своей жены/невестки и матери (а) албанский язык, если она албанка, либо (б) черногорский — если она «мрковка».

²² Албанский язык используется в качестве языка обучения, а черногорский преподается как предмет в школах в Улцине и в албанских селах региона, но никто из детей Веля-Гораны в такую школу не ходит.

Табл. 1. Социолингвистические профили жителей села Веля-Горана²³

№	Возраст	происхождение	язык	Выбор языка в разных домейнах			
				внутри села	семья, соседи (см. 3.1) ²⁴	родственники вне села	образование
1	Мужчина старшего возраста	«горанец»	чрнг., алб.	чрнг., алб. (б) чрнг.	(а) алб. (б) чрнг.	срб.-хрв.	чрнг.
2	Мужчина среднего возраста	«горанец»	чрнг., алб.	чрнг., алб. (б) чрнг.	(а) алб. (б) чрнг.	срб.-хрв.	алб., [чрнг.]
3	Женщина старшего возраста	албанка	алб., чрнг.	чрнг., алб.	алб.	срб.-хрв.	алб., [чрнг.]
		«мрковка»	чрнг., алб.	чрнг., [алб.]	чрнг.	срб.-хрв.	чрнг., [алб.]
4	Женщина среднего возраста	албанка	алб., чрнг.	алб., чрнг.	алб.	срб.-хрв.	алб., [чрнг.]
		«мрковка»	чрнг., алб. или чрнг.	чрнг., [алб.] или чрнг.	чрнг.	срб.-хрв.	чрнг., [алб.] или чрнг.
5	Старшие мальчики/девочки	мать албанка	чрнг., алб.	чрнг., алб.	алб.	чрнг.	чрнг., [алб.]
		мать «мрковка»	чрнг., алб. или чрнг.	чрнг., алб. или чрнг.	чрнг.	чрнг.	чрнг., или чрнг.
6	Младшие мальчики	мать албанка	чрнг.	чрнг.	?	∅	∅
	Младшие девочки	мать албанка	чрнг., алб.	чрнг., алб.	алб.	∅	∅
	Младшие мальчики/девочки	мать «мрковка»	чрнг.	чрнг.	чрнг.	∅	∅

²³ Здесь мы опираемся, прежде всего, на сведения о членах семей, рассмотренных в 3.1. Некоторых комбинаций нет в этих четырех семьях, и в таких случаях мы используем материалы наблюдений, сделанных в других семействах Веля-Гораны.

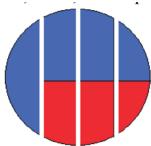
²⁴ Индивидуальные различия в употреблении языков внутри семьи в зависимости от собеседника, описанные в 3.1, не учитываются.

Помимо неодинакового использования языков в разных домейнах, обращают на себя внимание отраженные в табл. особенности речевого поведения пожилых албанок, которые используют черногорский чаще, чем албанский, в общении внутри сообщества Веля-Гораны.

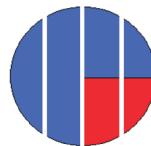
На схеме 5 представлен более подробный анализ типов развития билингвальной языковой компетенции и смены языковой доминации у индивидуального говорящего на протяжении жизни. Кружки отражают четыре «периода» жизненного цикла (слева направо): раннее детство (до 5 лет); детство и подростковый возраст (для мужчин) / весь период до замужества (для женщин); средний возраст (для мужчин) / период после замужества (для женщин); старший возраст. Тот из двух языков билингва, который используется чаще (и, тем самым, «доминирует»), показывается в верхней части кружка, а субдоминантный язык (используется реже, «забывается») — в нижней. Таким способом показаны основные сценарии развития билингвальной языковой компетенции у жителей Веля-Гораны: кружки 1 и 2 отображают языковую компетенцию пожилых «горанцев» (см. также схемы 1 и 4 в предыдущем параграфе), кружок 3 — пожилой «мрковки» из Мала-Горана (см. схему 2), кружок 4 — пожилой албанки из Ана-э-Малит (см. схему 4). На схеме не показаны ситуации, в которых женщины остаются монолингвальными на протяжении всей жизни (этая ситуация является очень редкой для албанок и довольно редкой для «мрковок»).

Схема 5

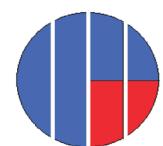
1. М, 69 лет,
Веля-Горана

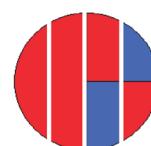
2. М, 75 лет,
Веля-Горана

3. Ж, 79 лет,
Мала-Горана

4. Ж, 63 года,
Клезна

Видно, что прежде монолингвальные женщины (3, 4) становятся билингвами в Веля-Горане после замужества. Усвоение албанского языка монолингвальными «мрковками» (3) происходит преимущественно внутри женского сообщества, в общении со свекровью и соседками-албанками (не исключено, впрочем, что супруг и свекор женщины тоже могут иногда общаться с ней по-албански). Пожилые «мрковки» в дальнейшем предпочитают черногорский албанскому языку и используют его даже в коммуникации со своими невестками, которые со всеми говорят по-албански (схема 2 в параграфе 3.1).

Албанки (4), как правило, выучивают в Веля-Горане черногорский, которым владеет большая часть сельского сообщества: «...когда я пришла сюда, знала только «Добрый день!», «Как дела?»... потом научилась» [ПМА: Морозова 2015а]. Молодые албанки предпочитают говорить в семье по-албански, мотивируя это тем, что говорят по-черногорски «ни хорошо, ни плохо» [Ibid.]. Пожилым албанкам, прожившим много лет в Веля-Горане, по их словам, проще говорить по-черногорски, чем изъясняться на албанском языке, который они здесь начинают «забывать» [Ibid.].

Что касается «горанцев», то, как было сказано выше, в раннем детстве они монолингвальны, а к 6–7 годам начинают усваивать до определенной степени второй семейный язык — албанский (кружок 1). Кружок 2 показывает несколько иное развитие билингвальной компетенции, которое характеризует, в частности, пожилого «горанца» со схемы 1. Его мать говорила только по-черногорски, и албанский язык он выучил только в подростковом возрасте, когда пас скот в окрестностях Веля-Гораны вместе с мальчиками из соседних албанских сел [ПМА: Морозова 2015в].

Таким образом, этническая принадлежность и языковая компетенция женщины — матери, жены и невестки, по-видимому, играет ключевую роль как в усвоении албанского языка младшим поколением, так и в распределении двух языков в общении внутри семей Веля-Гораны. В семьях, где есть албанки, дети рано начинают усваивать албанский язык, а в коммуникации ему отводится достаточно важное место. Семьи, в которых молодая женщина (невестка/жена/мать детей) не говорит по-албански, демонстрируют тенденцию к монолингвизму, вне зависимости от исходной компетенции ее мужа и представителей старшего поколения.

Как показывает пример «горанца», обозначенного кружком 2 на схеме 5, на развитие (билингвальной) языковой компетенции может влиять не только коммуникация внутри сообщества, но и контакты с жителями соседних сел. На развитие языковой компетенции отдельных говорящих, например на смену языковой доминации у пожилых албанок, могут влиять и другие факторы, которые зачастую бывает трудно определить. Прямыми следствием неодинаковых компетенций индивидуальных говорящих становится разное устройство коммуникации в их семьях и разные результаты в плане поддержания или угасания билингвизма в этих семьях.

Что касается билингвальной языковой ситуации в Веля-Горане в целом, несмотря на неравновесное соотношение двух языков на уровне индивидуальных говорящих и отдельных семейств, она остается достаточно

стабильной и сохраняется в течение длительного времени благодаря тому вкладу, который вносят в нее все основные группы жителей, различающиеся своим речевым поведением. Билингвальные с рождения девочки обычно покидают село, выходя замуж, и, следовательно, их влияние на динамику языковой ситуации достаточно ограничено. В селе, как правило, остаются рожденные в нем мужчины, билингвальные «горанцы», для которых вполне естественным является употребление обоих своих языков внутри сообщества. Кроме этого, принадлежность Веля-Гораны к славяноязычному сообществу мрковичей в какой-то степени обуславливает активное использование «горанцами» черногорского и поддерживает стремление передавать его следующим поколениям, а тяготение Веля-Гораны в экономическом плане к Улцинию с преимущественно албаноязычным населением расширяет для них сферу употребления албанского языка. В то же время постоянный приток нативных носителей албанского языка (албанок из окрестных сел) обеспечивает усвоение и использование албанского значительной частью сообщества.

4. Билингвальные сценарии и межэтнические контакты в Веля-Горане: попытка реконструкции

4.1. История заселения Веля-Гораны: краткий обзор

История Веля-Гораны не зафиксирована в деталях А. Йовичевичем [Јовићевић 1922], Л. Вуйовичем [1969] и другими этнографами, и мы реконструируем ее на основании семейных преданий и информации о брачных связях горанских семейств, собранной в ходе экспедиций 2014–2015 гг. В настоящее время в селе, как было указано выше, проживают роды Ковачевичей (*Kovačevići*) и Вучичей (*Vučići*), а также семья Османовичей (*Osmanovići*).

Предок Османовичей переселился в Веля-Горану в 1950-е гг., живясь на двуязычной «горанке» из Вучичей [ПМА: Морозова 2015а]. Род Вучичей, вероятно, появился в Веля-Горане в начале XX в. или несколько ранее. Косвенным подтверждением этого являются сведения о первых брачных контактах Вучичей и Ковачевичей, которые начались около 100 лет назад (см. фамильные деревья ниже). О Вучичах сообщается, что на момент прихода в Веля-Горану они были католиками и что некоторые мужчины из Вучичей женились на женщинах католического вероисповедания [ПМА: Морозова et al. 2014]. Весьма вероятно, что этот род имеет албанское происхождение, ср., напр., известный фрагмент из «Отряда пророков» П. Богданы (1685), где он упоминает, что славяне называют римско-католическую веру *Arbanashka vera* ‘албанская вера’ (цитируется в современной транслитерации по [Bogdani 2005:

XVIII]). Нужно учесть и тот факт, что в близлежащих селах Салч, Круче, Круте, Коломза и Братица на склонах Можуры значительную часть населения составляли албанцы-католики, которые начали переселяться на эти земли из Шестана «около 200 лет назад» [Јовићевић 1922: 85–87].

Карта 4. Заселение Веля-Гораны

Семейство Ковачевичей в действительности состоит из двух родов, не связанных происхождением. По словам информантов, один из них происходит от некого Даниила Ковачевича (*Danilo Kovačević*), выходца из окрестностей Грахова (город в общине Никшич на западе Черногории, близ границы с современной Боснией и Герцеговиной). Предок Ковачевичей, как считается, бежал из родного села, спасаясь от кровной мести, пришел в Mrковичи и здесь, в мусульманском сообществе, принял ислам; мусульманами были и все его потомки [ПМА: Морозова et al. 2014].

Второй род в нынешнем семействе Ковачевичей ранее назывался Тахировичами (чрнг. *Tahirovići* / алб. *Tahiri*), т. е. потомками Тахира. Его основатели пришли в Веля-Горану из албанского села Миде (чрнг. *Mide* / алб. *Millé*) в области Ана-э-Малит. В настоящее время некоторые их потомки продолжают подчеркивать албанское происхождение: «наш фис – албанцы» [ПМА: Морозова 2015a]. Мы записали несколько версий истории изменения патронима Тахировичей. Сами потомки Тахира утверждают, что они были вынуждены изменить имя под давлением

османской администрации, которая управляла территориями к югу от Бара вплоть до 1878 г. По второй версии, Тахировичей сделал Ковачевичами король Никола Петрович-Негош (1860–1918) [ПМА: Морозова 2015б: 5]. Согласно третьей версии, рассказанной информантом из «настоящих» Ковачевичей, смена патронима произошла «в 1905 году», когда в регион «пришли австрийцы» [ПМА: Морозова 2015в]²⁵.

Две генеалогии из Веля-Гораны (см. схемы 6 и 7 ниже) позволяют предположить, что предок Ковачевичей мог прийти на это место в середине XIX в. после битвы при Граховаце, которая произошла 1(13) мая 1858 г. и закончилась победой черногорской армии над турецкими войсками и переходом Грахова к Черногории. Предки Тахировичей появились несколько позже: один из информантов (1925 г. р.) сообщил исследователям, что первым поселенцем из Тахировичей был его дед (предположительно, 1870–1875 г. р.), который, таким образом, должен был переселиться в Веля-Горану на рубеже XIX и XX столетий [ПМА: Морозова, Соболев 2015].

4.2. Брачные стратегии Веля-Гораны: лингвистическая экзогамия?

В этом параграфе мы рассматриваем генеалогию двух родов, образовавших современное семейство Ковачевичей в Веля-Горане. Генеалогические деревья Тахировичей и Ковачевичей, составленные при помощи программы GenoPro 2016, показаны на схемах 6 и 7 соответственно²⁶. Мужчины обозначаются квадратиками, женщины — кружками. Перечеркнутые квадратики и кружки (X) соответствуют уже умершим представителям рода, имена которых указаны под соответствующими символами. Имена их живущих потомков скрыты из этических соображений. Если имя члена семейства (умершего или живущего) осталось неизвестным исследователям, это обозначается знаком вопроса. Имена на схеме 6, напр. *Braim* (на схеме 7 — *Ibrahim* ‘Ибрагим’), записаны в соответствии с наброском генеалогического древа, который по просьбе М. С. Морозовой сделал один из информантов [ПМА: Морозова 2015в].

²⁵ Согласно Берлинскому трактату, подписенному 1 (13) июля 1878 г., Австро-Венгрия получила право управлять Боснией, большей частью Герцеговины и Новопазарским Санџаком, а также осуществлять контроль над черногорским побережьем, включая мыс Спич (чрнг. *Spit*) рядом с Баром [Roberts 2007: 251–252, 254]. Тем не менее, мы не можем быть уверены в том, что австрийская администрация действительно могла заниматься сменой фамилий в Черногории в начале XX века. Административная деятельность австрийцев в этом регионе могла быть наиболее интенсивной в период оккупации Черногории в 1916–1918 г. [Ibid.: 313, 320]. В представлениях информанта, который сам не являлся очевидцем этих событий, они могли «сместиться» на несколько лет в прошлое.

²⁶ На графических изображениях генеалогических деревьев обводкой выделены семьи, описанные в разделе 3 (на схеме 6 показаны семьи, изображенные на схемах 2 и 4, а на схеме 7 — семья со схемы 1).

Для невесток из других сел и мужчин, рожденных не в Веля-Горане, в скобках под соответствующим символом, после имени (если есть), указано место рождения. Неизвестное место рождения обозначается знаком вопроса. Для членов семейств, рожденных в Веля-Горане, место рождения не указывается по умолчанию.

Линиями внутри генеалогического древа показаны брачные связи и родственные линии, т. е. связи между родственниками, произошедшими друг от друга, например, родителями и их ребенком/детьми. Знаком вопроса обозначается отсутствие информации о количестве детей той или иной пары. Древо отражает родство по мужской линии, поэтому только брачные связи потомков мужского пола показаны детально.

Везде, где это было возможно, мы пытались приписать членам семейств определенные этнические и, в какой-то степени, лингвистические характеристики. Синим цветом обозначены в прошлом монолингвальные славяне, происходящие из других мест, а также дети, рожденные в семьях Веля-Гораны и говорящие только по-черногорски. Красный цвет маркирует мужчин и женщин из албанских сел региона, которые (о)владели албанским в качестве первого, а иногда и единственного, языка до своего переселения в Веля-Горану. Фиолетовым цветом показаны билингвы, рожденные в Веля-Горане. Черным цветом обозначаются те члены обоих семейств, чья этническая (само)-идентификация и языковая компетенция неизвестны или до конца не ясны исследователям.

Как видно из схемы 6, жены первых представителей рода Тахировичей, оказавшихся в Веля-Горане, были албанками из Миде — села, из которого происходят Тахировичи. Брачная география последующих поколений включает не только соседние албаноязычные области. Нвест брали из албанских сел Ана-э-Малит: Миде, Круте, Клезна, Владимир / Катркола (чрнг. *Mide* / алб. *Millë*, чрнг. *Krute* / алб. *Krythë*, чрнг. *Klezna* / алб. *K(ë)lleznë*, чрнг. *Vladimir* / алб. *Katërkollë*), из билингвальных селmrковичей (Пелинковичи; на протяжении XX века заключались и браки внутри села с Вучичами, которые ранее были билингвальны), а иногда и из монолингвальных сел, включая соседнюю Мала-Горану.

Фамильное древо на схеме 7 отображает генеалогию «настоящих» Ковачевичей. Жена их полулегендарного предка, возможно, была родом из Мала-Гораны и могла быть монолингвальной. Его сын женился на албанке из Миде, которая, вполне вероятно, могла иметь отношение к роду ближайших соседей, Тахировичей [ПМА: Морозова et al. 2014]. Браки с Вучичами и брачные связи с селами mrковичей (Луне, Куне, Добра-Вода) были довольно типичны для нескольких поколений Ковачевичей, включая нынешнее старшее поколение 1930–1940-х гг.

Схема 6. Фамильное дерево Тахировичей

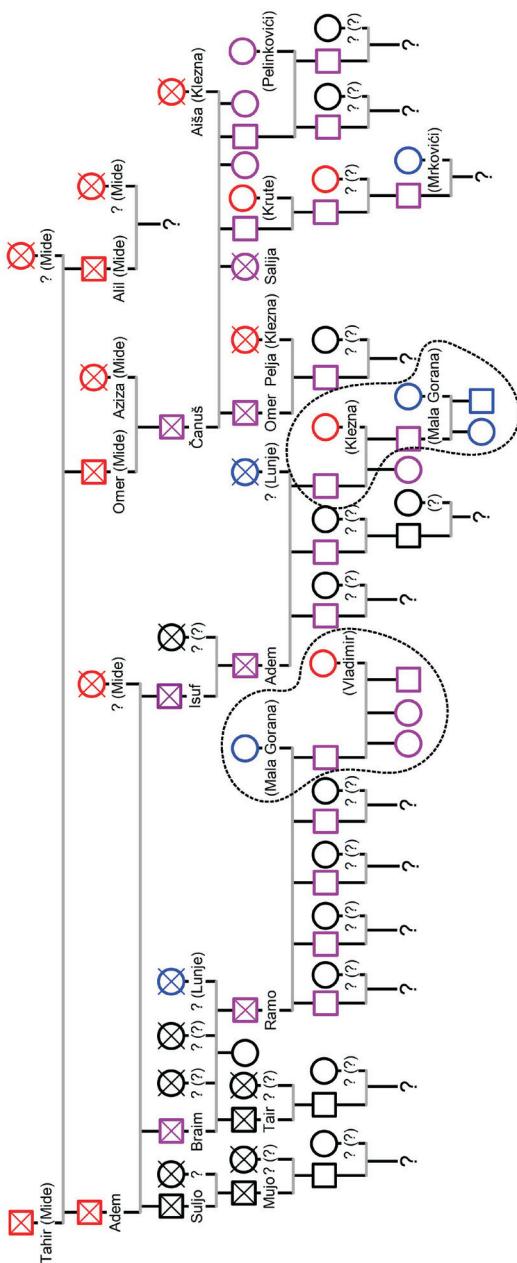
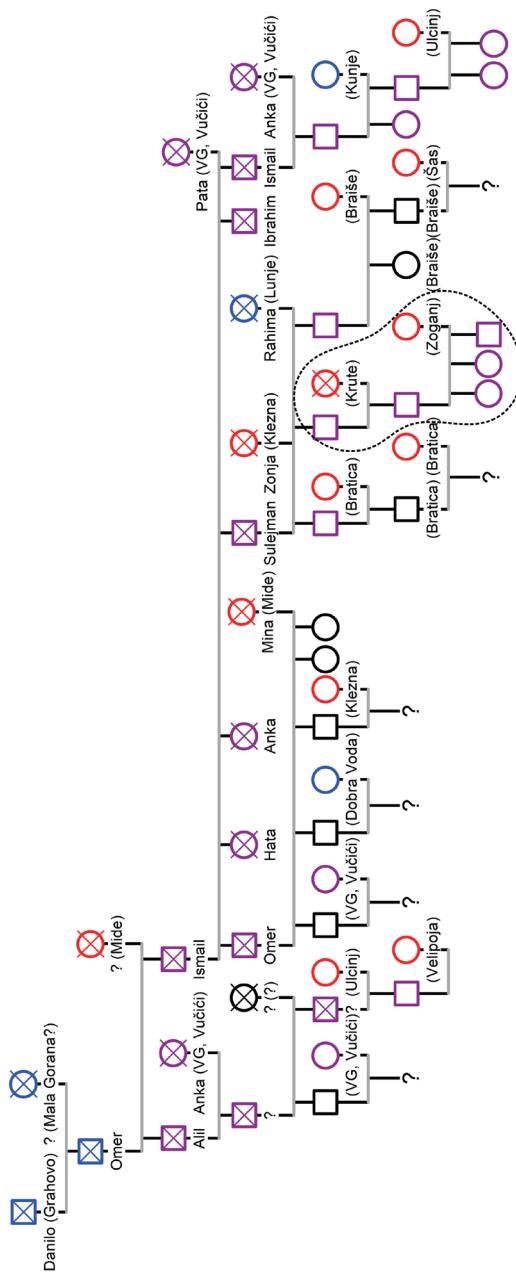

Схема 7. Фамильное древо Ковачевичей

рождения²⁷, а невестки из албанских сел имеются почти в каждом поколении вплоть до настоящего времени. Сравнение схем 6 и 7 показывает, что после «слияния» роды Ковачевичей и Тахировичей следуют схожим брачным стратегиям, с постоянным преобладанием брачных связей с албанскими селами и, в некоторой степени, соседней Мала-Гораной.

Мы можем заключить, что сообщество Веля-Гораны представляет собой пример относительно недавнего переселения, которое произошло в рамках микромиграционных процессов, характерных для запада Балкан. Предками нынешних членов сообщества являются монолингвальные (или билингвальные) албанцы и монолингвальные исламизированные славяне. Племенная и особенно лингвистическая экзогамия, которая типична для некоторых районов черногорско-албанского пограничья и наблюдается в Веля-Горане, изначально не могла быть привычной стратегией для Ковачевича, выходца из этнически и лингвистически однородного славяноязычного региона в окрестностях Грахова, а может быть, и для албанцев Тахировичей. Вероятнее всего, их потомки усвоили (или развили) эту стратегию, едва оказавшись в близком соседстве.

Упомянутый здесь феномен лингвистической экзогамии нуждается в дальнейшем изучении, но уже сейчас можно предположить, что именно наличие албаноязычного компонента было важным фактором в ситуациях, подобных Веля-Горане или племени кучи (см. сноску 15). В этнически смешанном сообществе Веля-Гораны изначальное присутствие албанцев и характерная для них тенденция жениться на албанках стали важными предпосылками для естественного развития или (повторного) возникновения экзогамных брачных стратегий и для создания относительно стабильной ситуации билингвизма и языкового контакта.

5. Заключение

Поиски «сбалансированного языкового контакта» в селе Веля-Горана показали, что ситуация в изучаемом сообществе, соответствующая в целом ранее предложенным определениям подобных ситуаций (см. параграф 1.2), на семейном уровне складывается из ряда микроситуаций, и по крайней мере некоторые из них имеют довольно неоднородный и, как следствие, неравновесный характер. Неравновесность усиливается по мере приближения к уровню индивидуальных носителей языка: на схемах, приведенных в параграфе 3.1, представлены как билингвы, так

²⁷ Сейчас Ковачевичи стараются не брать невест из Вучичей и не выдавать за них дочерей. По их словам, после нескольких поколений браков между двумя семействами могла возникнуть некоторая степень кровного родства, делающая дальнейшие брачные отношения недопустимыми [ПМА: Морозова 2015в].

и монолингвы (сосредоточенные, правда, в одной из четырех рассмотренных семей), а языки, которыми владеют билингвы, практически всегда играют даже в семейной коммуникации неодинаковую роль (один используется чаще, т. е. «доминирует»). Важно отметить при этом одну существенную черту, достаточно хорошо отраженную на схемах 1–5: если языковая компетенция жителя Веля-Гораны (количество языков, которыми он владеет) меняется в течение его жизни, развитие всегда идет от монолингвизма к билингвизму. Наблюдая эту тенденцию в нескольких поколениях, мы можем констатировать сохранение билингвальной ситуации в селе («...постоянно воспроизводится длительное состояние двуязычия достаточно больших групп людей», согласно [Соболев 2015: 542]).

Как представляется, главным фактором для такого сохранения является продолжающийся приток невесток-албанок. Однако билингвальные «горанцы» могут брать в жены не только албанок, но и «мрковок» из соседних монолингвальных сел. Для последних овладение вторым языком (албанским) является фактом их относительно свободного выбора — в отличие от албанок, для которых освоение второго языка практически обязательно. Такое положение дел (объясняемое, по всей видимости, свойственным уроженцам Веля-Гораны ощущением принадлежности к славяноязычному сообществу мрковичей) приводит к своего рода асимметрии билингвальной ситуации в динамическом плане: превентирует дрейф горанских семей и индивидуальных говорящих в сторону албанского монолингвизма, но не мешает движению на семейном уровне к монолингвизму славянскому, при сохранении исходного билингвизма у отдельных членов семьи (см. схему 4). Одним из проявлений несимметричности на уровне индивидуального говорящего является отмеченная в параграфе 3.2 смена языковой доминации у пожилых албанок. Нарушение симметрии является, как кажется, потенциальной угрозой стабильности билингвальной ситуации в Веля-Горане.

С лингвистической точки зрения, следствием рассматриваемой ситуации сбалансированного контакта становятся инновации в албанском и черногорском, подобные примерам в 1.1, которые не приводят к существенной перестройке какого-нибудь фрагмента языковой системы. Открытый характер сообщества, определяемый постоянным притоком монолингвальных славянок и би- или монолингвальных албанок из соседних областей, а также контакты с албанским и черногорским языком вне села «ограждают» контактирующие идиомы от более быстрых и радикальных изменений.

Фамильные деревья позволяют нам наблюдать билингвальную ситуацию в Веля-Горане *in statu nascendi*. В этом плане важным представляется предположение о том, что для этнических славян (в нашем

случае «настоящих» Ковачевичей) толчком к возникновению своего рода лингвистической экзогамии в Веля-Горане мог послужить пример соседей-албанцев (Тахировичей) с характерной для них тенденцией жениться на албанках из соседних сел или областей. Лингвистическая экзогамия является, таким образом, эпифеноменальным следствием экзогамии родовой.

Было бы крайне соблазнительным предположить, что ситуация, характеризующая в настоящее время Веля-Горану, могла быть свойственна до XVIII века всей области Мрковичи. На это как будто бы указывает раннее наличие среди мрковичей этнических албанцев (см. 2.2 об албанской антропонимике в Мрковичах в XV веке) и сообщения исследователей о более широком распространении в прошлом тенденции брать в жены албанок [Јовићевић 1922: 113]. Однако проблема эта, несомненно, нуждается в специальном изучении. Это же в еще большей степени относится и к распространению ситуации межязыковых и межэтнических контактов, описанной нами для Веля-Гораны, на другие области Балканского полуострова. Мы видим, что динамическое развитие этой ситуации зависит от конstellации множества факторов — конкретно-исторических (этнический и языковой ландшафт, окружающий данное сообщество; войны; политическая ситуация; характер государственных границ) и субъективных (языковые предпочтения членов сообщества, см. в этой связи описание ситуации в семье, представленной на схеме 4 в параграфе 3.1). Это не может не привести нас к конечному выводу о том, что лишь изучение как можно большего количества контактных ситуаций на микроуровне позволит достичь лучшего понимания процессов образования больших языковых ареалов — на Балканах и за их пределами.

Библиография

Вахтин, Головко 2004

Вахтин Н. Б., Головко Е. В., *Социолингвистика и социология языка. Учебное пособие*, Санкт-Петербург, 2004.

Вујовић 1969

Вујовић Л., «Мрковићки дијалекат (с кратким освртом на сусједне говоре)», *Српски дијалектолошки зборник*, 18, Београд, 1969, 73–399.

Десницкая 1968

Десницкая А. В., *Албанский язык и его диалекты*, Ленинград, 1968.

— 1976

Десницкая А. В., «Эволюция диалектной системы в условиях этнического смешения (из истории славяно-албанских языковых контактов)», в: Иванов В. В., Королюк В. Д., Литаврин Г. Г., Наумов Е. П., Толстой Н. И., ред., *Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. Методология и историография*, Москва, 1976, 186–197.

Бурђев 1984

Бурђев Б., *Постанак и развитак брдских, црногорских и херцеговачких племена.*
Одабрани радови (= Црногорска академија наука и умјетности. Посебни радови, 4),
Титоград, 1984.

Ердељановић 1907/1981

Ердељановић Ј., «Кучи», in: Idem., *Кучи, Братоножићи, Пипери*, Београд, 1981, 1–343.

— 1926/1997

Ердељановић Ј., «Стара Црна Гора: Етничка прошлост и формирање црногорских племена», in: Idem., *Стара Црна Гора: Етничка прошлост и формирање црногорских племена. Етничко сродство бокеља и црногораца*, Подгорица, 1997, 1–965.

Иванова 1988

Иванова Ю. В., «Албанцы», in: Иванова Ю. В., Кашуба М. С., Красновская Н. А., отв. ред., *Брак у народов Центральной и Юго-Восточной Европы*, Москва, 1988, 182–205.

Ивић 1985

Ивић П., *Дијалектологија српскохрватског језика. Увод и штокавско наречје*, 2 изд., Београд, 1985.

Историја 1970

М. Ђуровић et al., ред., *Историја Црне Горе. Књига друга. Од краја XII до краја XV вијека.*
Том други. Црна Гора у доба обласних господара, Титоград, 1970.

Историја 1975

М. Ђуровић et al., ред., *Историја Црне Горе. Књига трећа. Од почетка XVI до краја XVIII вијека. Том први*. Титоград, 1975.

Јовићевић 1922

Јовићевић А., «Црногорско приморје и Крајина», in: *Српски етнографски зборник*, 11, Београд, 1922, 1–269.

Морозова 2017а

Морозова М. С. «Албанский говор или говоры Гораны? Генезис и функционирование», in: *Вестник СПбГУ. Язык и литература*, 14(2), 2017, 222–237, DOI: 10.21638/11701/spbu09.2017.207.

— 2017б

Морозова М. С., «Парадокс исследователя на Балканах: переключение кодов у билингвальных информантов при интервьюировании», in: Макарцев М. М., Седакова И. А., Цивъян Т. В., ред., *Балканский тезаурус: Взгляд на Балканы извне и изнутри. Балканские чтения 14. Тезисы и материалы*. Москва, 18–20 апреля 2017 года, Москва, 2017, 137–143.

Ровинский 1897

Ровинский П. А., *Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ. Географія. – Исторія. – Этнографія. – Археологія. – Современное положение*, 2, 1, Санктпетербургъ, 1897.

Русаков 2007

Русаков А. Ю., «Славянские языки на Балканах: аспекты контактного взаимодействия», in: Иванов Вяч. Вс., отв. ред., *Ареальное и генетическое в структуре славянских языков. Материалы круглого стола*, Москва, 2007, 77–89.

Пејовић, Каписода 2009

Пејовић С., Каписода М., ред., *Попис свега становништва Црне Горе по окружјима, варошима и селима (1879). Збирка докумената*, 2, Цетиње, 2009.

Селищев 1931

Селищев А. М., *Славянское население в Албании (с иллюстрациями в тексте и с картою Албании)*, София, 1931.

Соболев 1990

Соболев А. Н., «Заметки о падежных системах сербохорватских говоров контактных зон», in: *Јужнословенски филолог*, 41, 1990, 13–28.

— 2015

Соболев А. Н., «Мрковичи (и Горана): языки и диалекты черногорского Приморья в контексте новейших балканистических исследований», in: B. Demiraj, Hrsg., *Sprache und Kultur der Albaner: Zeitliche und räumliche Dimensionen. Akten der 5. Deutsch-albanischen kulturwissenschaftlichen Tagung (5.–8. Juni 2014, Albanien, Bucimas bei Pogradec)*, Wiesbaden, 2015, 533–556.

— 2017

Соболев А. Н., «Языки симбиотических сообществ Западных Балкан: греческий и албанский в краине Химара, Албания», in: *Вестник СПбГУ. Язык и литература*, 14(3), 2017, 420–442, DOI: 10.21638/11701/spbu09.2017.310.

Соболев et al. 2013

Соболев А. Н., Новик А. А., Домосильтцкая М. В., Дугушина А. С., Ермолин Д. С., Колосова В. Б., Морозова М. С., Русаков А. Ю. *Голо Бордо (Gollobordë), Албания: Из материалов balkанской экспедиции РАН и СПбГУ 2008–2010 гг.*, Соболев А. Н., Новик А. А., ред., С.-Петербург, München, 2013.

Станишић 1995

Станишић В. *Српско-албански језички односи*. Београд, 1995.

Трактать 1906

«Трактать, заключенный между Россиеј, Германіеј, Австро-Венгріеј, Франциеј, Великобританіеј, Италіеј и Турциеј въ Берлинѣ (1) 13 Іюля 1878 г.»; по изд.: Сборникъ дѣйствующихъ трактатовъ, конвенций и соглашений, заключенныхъ Россіеј съ другими государствами. Издано по распоряженію г. Министра иностранныхъ дѣлъ. Томъ II. Изданіе второе, С.-Петербургъ, 1906, 75–98.

Цвијић 1922/1966

Цвијић J., *Балканско полуострво и јужнословенске земље. Основи антропогеографије*, 1, Београд, 1966.

Adamou 2016

Adamou E., “Social Networks in Greek Thrace: Language Shift and Language Maintenance”, in: *Slavica Helsingiensia*, 41 (= Lindstedt J., Wahlström M., eds., *Balkan Encounters – Old and New Identities in South-Eastern Europe*), 2012, 7–32.

Aikhenvald 2007

Aikhenvald A. Yu., “Grammars in Contact. A Cross-Linguistic Perspective”, in: Aikhenvald A. Yu., Dixon R. M. V., eds., *Grammars in Contact. A Cross-Linguistic Typology* (= Explorations in Linguistic Typology 4), Oxford, UK, 2007, 1–66.

Banović 2015

Banović B., *The Montenegrin Warrior Tradition: Questions and Controversies over NATO Membership*, New York, 2015.

Bogdani 2005

Bogdani P., *Cuneus Prophetarum (Çeta e Profetëve): botim kritik me një studim hyrës, faksimile të originalit, transkriptim e shënime*, A. Omari, përg., Tiranë, 2005.

Bogišić 1874

Bogišić V., *Zbornik sadašnjih pravnih običaja u južnih slovena. Knjiga prva. Gragja u odgovorima iz različnih krajeva slovenskoga juga*, Zagreb, 1874.

Bolizza 1614/1866

Bolizza M., “Relatione et descrittione. Del Sangiacato di Scuttari, dove si da piena contezza delle citta et siti loro, villagi, case et habitatori, rito, costumi, havere et armi di quei popoli et quanto

- di considerabile minutamente si contenga in quel ducato, fatta da Mariano Bolizza, nobile di Cattaro. Di Venetia, li 25 maggio 1614”, in: Lenormant F. *Turcs et Monténégrins*, Paris, 1866, 286–330.
- Curtis 2012
 Curtis M.C. “Slavic-Albanian Language Contact, Convergence, and Coexistence” (Ohio: the Ohio State University Ph.D. thesis, 2012).
- Fishman 1965
 Fishman J. A., “Who Speaks What Language to Whom and When?”, in: *La linguistique*, 2, 1965, 67–88.
- Gjinari et al. 2007
 Gjinari J., Beci B., Shkurtaj Gj., Gosturani Xh., *Atlasi dialektologjik i gjuhës shqipe*, 1, Tiranë, Napoli, 2007.
- Hoxha 2001
 Hoxha S., *Elemente leksikore shqipe në gjuhët sllave ballkanike*, Shkodër, 2001.
- Hristov 2015
 Hristov P., “The Balkan Gurbet: Traditional Patterns and New Trends”, in: Vermeulen H., Baldwin-Edwards M., van Boeschoten R., eds., *Migration in the Southern Balkans: From Ottoman Territory to Globalized Nation States*, Cham, Switzerland, 2015, 31–46, DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-13719-3>.
- Instat 2011
 “Të dhënat e përgjithshme të Census 2011. Tabela 1.1.12. Popullsia banuese sipas përkatësisë etnike dhe kulturore. Tabela 1.1.14. Popullsia banuese sipas gjuhës amtare”, në: *Instat. Instituti i Statistikave* (<http://www.instat.gov.al/>; last access on: 02.04.2018).
- Joseph 2010
 Joseph B. “Language Contact in the Balkans”, in: Hickey R., ed., *The Handbook of Language Contact*, Malden, MA, 2010, 618–633.
- Kaser 2008
 Kaser K., *Patriarchy after Patriarchy: Gender Relations in Turkey and in the Balkans, 1500–2000*, Berlin, Wien, 2008.
- Metanović 2012
 Metanović M., “Istorija Mrkojevića”, in: *Nevladina organizacija Mrkojevići* (<http://mrkojevici.me/istorija.html/>; last access on: 02.04.2018).
- Miloradović 2004
 Miloradović S., “Analytismus in serbischen Dialekten”, in: Hinrichs U., Hrsg., *Die europäischen Sprachen auf dem Wege zum analytischen Sprachtyp*, Wiesbaden, 2004, 303–318.
- Monstat 2011
 “Popis stanovništva, domaćinstava i stanova u 2011. godini. Tabela O17. Stanovništvo prema nacionalnoj, odnosno etničkoj pripadnosti po opštinama”, in: *Monstat. Zavod za statistiku Crne Gore* (<http://www.monstat.org/>; last access on: 02.04.2018).
- Morozova (В печати)
 Morozova M., “Language Contact and Social Context: Kinship Terms and Kinship Relations of the Mrković in Southern Montenegro”, in: *Journal of Language Contact*, 2019 (в печати).
- Morozova, Rusakov (Рукопись)
 Morozova M., Rusakov A., “Mutual Interference in a Multilingual Setting: The Case of Velja Gorana in Southern Montenegro”, рукопись статьи.
- Mulaku, Bardhi 1978
 Mulaku L., Bardhi M., “Mbi të folmet shqipe të Peshterit”, in: *Studime gjuhësore, I, Dialektologji*, Prishtinë, 1978, 275–325.

Muysken 2010

Muysken P., "Scenarios for Language Contact", in: Hickey R., ed., *The Handbook of Language Contact*, Malden, MA, 2010, 265–281.

Omari 2012

Omari A., *Marrëdhëniet gjuhësore shqiptaro-serbe*, Tiranë, 2012.

Pižurica 1984

Pižurica M., *Tragovi međujezičkih dodira i govorima Crne Gore*, in: Миловић Ј. М., уред., *Црногорски говори. Резултати досадашњих испитивања и даљи рад на њиховом проучавању: зборник радова са научног скупа. Титоград, 12. и 13. мај 1983*, Титоград, 1984, 83–95.

Pulaha 1974

Pulaha S., *Defteri i regjistrimit të Sanxhakut të Shkodrës i viti 1485*, Tiranë, 1974.

Roberts 2007

Roberts E., *Realm of the Black Mountain: A History of Montenegro*, Ithaca, New York, 2007.

Sekulović, Šaranović 2014

Sekulović B., Šaranović N. "Etničko kulturološki atlas Crne Gore. Zavod za statistiku Crne Gore – Monstat, 2011", in: Завршна конференција о Попису становништва, домаћинства и станови 2011. године у Републици Србији „Све о Попису 2011“. Тара, 18–20. јуна 2014 (<http://media.popis2011.stat.rs/>; last access: 02.04.2018).

Sobolev 2012

Sobolev A. N., "Slavische Lehnwörter in albanischen Dialekten", in: Demiraj B., Hrsg., *Aktuelle Fragestellungen und Zukunftsperspektiven der Albanologie. Akten der 4. Deutsch-Albanischen kulturwissenschaftlichen Tagung "50 Jahre Albanologie an der Ludwig-Maximilians-Universität München" (23.–25. Juni 2011, Gut Schönewag bei Wessobrunn)*, Wiesbaden, 2012, 215–232.

Šufflay 1925

Šufflay M., "Srbi i Arbanasi (njihova simbioza u srednjem vijeku)", in: Барић Х., уред., *Библиотека архива за арбанаску стварину, језик и етнологију. Историска серија*, 1, Београд, 1925.

Thomason, Kaufman 1988

Thomason S.G., Kaufman T., *Language Contact, Creolization, and Genetic Linguistics*, Berkeley, 1988.

Полевые материалы автора

ПМА: Морозова et al. 2014

Морозова М. С., Дугушина А. С., Новик А. А., Соболев А. Н. Полевые материалы автора. Черногория. Mrkovici и Горана (Добра-Вода, Дапчевичи, Луне, Веля-Горана), 01.10.2014–05.10.2014. Расшифровка М.С. Морозовой.

ПМА: Морозова 2015а

Морозова М. С. Полевые материалы автора. Черногория. Mrkovici и Горана (Мала-Горана, Веля-Горана), 22.05.2015–30.05.2015. Расшифровка М.С. Морозовой.

ПМА: Морозова 2015б

Морозова М. С. Полевые материалы автора. Полевой дневник. Черногория. Mrkovici и Ана-э-Малит, 22.05.2015–30.05.2015. 13 с.

ПМА: Морозова 2015в

Морозова М. С. Полевые материалы автора. Черногория. Mrkovici и Горана (Веля-Горана), 11.10.2015–14.10.2015. Расшифровка М.С. Морозовой.

ПМА: Морозова, Соболев 2015

Морозова М. С., Соболев А. Н. Полевые материалы автора. Черногория. Село Веля-Горана, 13.10.2015. М.К., 1925 г.р., «горанец». Расшифровка М. С. Морозовой.

References

- Adamou E., "Social Networks in Greek Thrace: Language Shift and Language Maintenance", in: *Slavica Helsingiensia*, 41 (= *Balkan Encounters – Old and New Identities in South-Eastern Europe*, Lindstedt J., Wahlström M., eds.), 2012, 7–32.
- Aikhenvald A. Yu., "Grammars in Contact. A Cross-Linguistic Perspective", in: *Grammars in Contact. A Cross-Linguistic Typology* (= Explorations in Linguistic Typology 4), Aikhenvald A. Yu., Dixon R. M. W., eds., Oxford, UK, 2007, 1–66.
- Banović B., *The Montenegrin Warrior Tradition: Questions and Controversies over NATO Membership*, New York, 2015.
- Bogdani P., *Cuneus Prophetarum (Çeta e Profetëve): botim kritik me një studim hyrës, faksimile të originalit, transkriptim e shënime*, A. Omari, përg., Tiranë, 2005.
- Curtis M. C., *Slavic-Albanian Language Contact, Convergence, and Coexistence* [, Ohio: the Ohio State University Ph. D. thesis, 2012].
- Cvijić J., *Balkansko poluostrvo i južnoslovenske zemlje. Osnovi antropogeografije*, I, Belgrade, 1966.
- Desnitskaya A. V., *Albanskii iazyk i ego dialekti*, Leningrad, 1968.
- Desnitskaya A. V., "Evolutsii dialektnoi sistemy v usloviakh etnicheskogo smeshenii (iz istorii slaviano-albanskikh iazykovykh kontaktov)", in: *Voprosy etnogeneza i etnicheskoi istorii slavian i vostochnykh romantsev*, Ivanov Vyach. Vs., Korolyuk V. D., Litavrin G. G., Naumov E. P., Tolstoi N. I., eds., Moscow, 186–197.
- Durović M. et al., eds., *Istorija Crne Gore. Knjiga druga. Od kraja XII do kraja XV vijeka. Tom drugi. Crna Gora u doba oblasnih gospodara*, Titograd, 1970.
- Durović M. et al., eds., *Istorija Crne Gore. Knjiga treća. Od početka XVI do kraja XVIII vijeka. Tom prvi*, Titograd, 1975.
- Durđev B., *Postanak i razvitak brdskih, crnogorskih i hercegovačkih plemena. Odabrani radovi* (= *Crnogorska akademija nauka i umetnosti. Posebni radovi*, 4), Titograd, 1984.
- Erdeljanović J., "Kući", in: Erdeljanović J., *Kući, Bratonožić, Piperi*, Belgrade, 1981, 1–343.
- Erdeljanović J., "Stara Crna Gora: Etnička prošlost i formiranje crnogorskih plemena", in: Erdeljanović J., *Stara Crna Gora: Etnička prošlost i formiranje crnogorskih plemena. Etničko srodstvo bokeљa i crnogoraca*, Podgorica, 1997, 1–965.
- Fishman J. A., "Who Speaks What Language to Whom and When?", in: *La linguistique*, 2, 1965, 67–88.
- Gjinari J., Beci B., Shkurtaj Gj., Gosturani Xh., *Atlas dialektologjik i gjuhës shqipe*, I, Tiranë, Napoli, 2007.
- Hoxha S., *Elemente leksikore shqipe në gjuhët sllave ballkanike*, Shkodër, 2001.
- Hristov P., "The Balkan Gurbet: Traditional Patterns and New Trends", in: *Migration in the Southern Balkans: From Ottoman Territory to Globalized Nation States*, Vermeulen H. , Baldwin-Edwards M. , van Boeschoten R., eds., Cham, Switzerland, 2015, 31–46. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-13719-3>.
- Ivanova Yu. V., "Albantsy", in: Ivanova Yu. V., Kashuba M. S., Krasnovskaya N. A., eds., *Brak u narodov Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evropy*, Moscow, 1988, 182–205.
- Ivić P., *Dijalektologija srpskohrvatskog jezika. Uvod i štokavsko nareće*, 2nd ed., Belgrade, 1985.
- Joseph B. "Language Contact in the Balkans", in: *The Handbook of Language Contact*, Hickey R., ed., Malden, MA, 2010, 618–633.
- Jovićević A., 'Crnogorsko primorje i Krajina', in: *Srpski etnografski zbornik*, 11, Belgrade, 1922, 1–269.
- Kaser K., *Patriarchy after Patriarchy: Gender Relations in Turkey and in the Balkans*, 1500–2000, Berlin, Wien, 2008.
- Miloradović S., "Analytizmus in serbischen Dialekten", in: *Die europäischen Sprachen auf dem Wege zum analytischen Sprachtyp*, Hinrichs U., Hrsg., Wiesbaden, 2004, 303–318.
- Morozova M. S., "Albanian Dialect(s) of Gorana: Genesis and Functioning", in: *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 14, 2 222–237, DOI: 10.21638/11701/spbu09.2017.207.
- Morozova M. S., "Paradoks issledovatelja na Balkanakh: perekliuchenie kodov u bilingval'nykh informantov pri intervjuirovani", in: *Balkanskii tezaurus: Vzgliad na Balkany izvne i iznutri. Balkanskie chteniia 14. Tezisy i materialy*. Moskva, 18–20 aprelia 2017 goda, Makartsev M. M., Sedakova I. A., Tsivian T. V., eds., Moscow, 2017, 137–143.
- Morozova M., "Language Contact and Social Context: Kinship Terms and Kinship Relations of the Mrković in Southern Montenegro", in: *Journal of Language Contact*, 2019 (in progress).
- Mulaku L., Bardhi M., "Mbi të folmet shqipe të Peshterit", in: *Studime gjuhësore*, I, *Dialektologji*, Pristinë, 1978, 275–325.
- Muysken P., "Scenarios for Language Contact", in: *The Handbook of Language Contact*, Hickey R., ed., Malden, MA, 2010, 265–281.
- Omari A., *Marrëdhëniet gjuhësore shqiptar-serbe*, Tiranë, 2012.
- Pejović S., Kapisoda M., eds., *Popis svega stanovništva Crne Gore po okružjima, varošima i selima (1879)*. Zbirka dokumenata, 2, Cetinje, 2009.
- Pižurica M., "Tragovi međujezičkih dodira u govorima Crne Gore", in: *Crnogorski govor. Rezultati dosadašnjih ispitivanja i dalji rad na njihovom proučavanju: zbornik radova sa naučnog skupa*. Titograd, 12. i 13. maj 1983, Milović J. M., eds., Titograd, 1984, 83–95.
- Pulaha S., *Defteri i regjistrimit të Sanxhakut të Shkodrës i vitit 1485*, Tiranë, 1974.
- Roberts E., *Realms of the Black Mountain: A History of Montenegro*, Ithaca, New York, 2007.

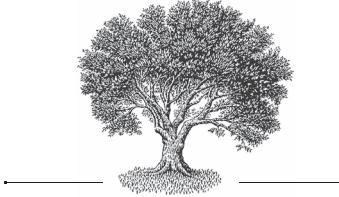
- Rusakov A. Yu., "Slavic languages on the Balkans: Aspects of contactinduced development", in: *Areal'noe i geneticheskoe v strukture slavianskikh iazykov. Materialy kruglogo stola*, Ivanov Vyach. Vs., ed., Moscow, 2007, 77–89.
- Sekulović B., Šaranović N. "Etničko kulturološki atlas Crne Gore. Zavod za statistiku Crne Gore – Montstat, 2011", in: *Završna konferencija o Popisu stanovništva, domaćinstva i stanova 2011. godine u Republici Srbiji "Sve o Popisu 2011". Tara, 18–20. juna 2014* (<http://media.popis2011.stat.rs/>; last access on: 02.04.2018).
- Selishchev A. M., *Slavianskoie naselenie v Albanii (s ilustratsiami v tekste i s kartoi Albanii)*, Sofia, 1931.
- Sobolev A. N., "Zametki o padezhnykh sistemakh serbokhorvatskikh govorov kontaktnykh zon", in: *Južnoslovenski filolog*, 41, 1990, 13–28.
- Sobolev A. N., "Slavische Lehnwörter in albanischen Dialektien", in: *Aktuelle Fragestellungen und Zukunftsperspektiven der Albanologie. Akten der 4. Deutsch-Albanischen kulturwissenschaftlichen Tagung "50 Jahre Albanologie an der Ludwig-Maximilians-Universität München" (23.–25. Juni 2011, Gut Schönwag bei Wessobrunn)*, Demiraj B., Hrsg., Wiesbaden, 2012, 215–232.
- Sobolev A. N., "Mrkovichi (i Gorana)": iazyki i dialekty chernogorskogo Primor'ia v kontekste noveishikh balkanisticheskikh issledovanii", in: *Sprache und Kultur der Albaner: Zeitliche und räumliche Dimensionen*.
- Akten der 5. Deutsch-albanischen kulturwissenschaftlichen Tagung (5.–8. Juni 2014, Albanien, Bucimac bei Pogradec), Demiraj B., Hrsg., Wiesbaden, 2015, 533–556.
- Sobolev A. N., "Languages in Western Balkan symbiotic societies: Greek and Albanian in Himara, Albania", in: *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 14, 3, 2017, 420–442, DOI: 10.21638/11701/spbu09.2017.310.
- Sobolev A. N., Novik A. A., Domosiletskaya M. V., Dugushina A. S., Ermolin D. S., Kolosova V. B., Morozova M. S., Rusakova A. Yu., *Golo Bordo (Gollobordë), Albaniia: Iz materialov balkanskoi ekspeditsii RAN i SPbGU 2008–2010 gg.*, Sobolev A. N., Novik A. A., eds., St. Petersburg, München, 2013.
- Stanišić V., *Srpsko-albanski jezički odnosi*, Belgrade, 1995.
- Šufflay M., "Srbi i Arbanasi (njihova simbioza u srednjem vijeku)", in: *Biblioteka arhiva za arbanasku starinu, jezik i etnologiju, Istoriska serija*, 1, Barić H., ed., Belgrade, 1925.
- Thomason S. G., Kaufman T., *Language Contact, Creolization, and Genetic Linguistics*, Berkeley, 1988.
- Vakhtin N. B., Golovko E. V., *Sotsiolingvistika i sociologija iazyka. Uchebnoe posobie*, St. Petersburg, 2004.
- Vujović L., "Mrkovički dijalekat (s kratkim osvrtom na susjedne govore)", in: *Srpski dijalektološki zbornik*, 17, Belgrade, 1969, 73–399.

Мария Сергеевна Морозова, канд. филол. наук,
научный сотрудник отдела сравнительно-исторического изучения
индоевропейских языков и ареальных исследований Института
лингвистических исследований Российской академии наук (ИЛИ РАН),
старший преподаватель кафедры общего языкознания филологического
факультета Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ)
199004 Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9
Россия / Russia
morozovamaria86@gmail.com

Александр Юрьевич Русаков, доктор филол. наук,
главный научный сотрудник отдела сравнительно-исторического
изучения индоевропейских языков и ареальных исследований Института
лингвистических исследований Российской академии наук (ИЛИ РАН),
профессор кафедры общего языкознания филологического факультета
Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ)
199004 Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9
Россия / Russia
ayurusakov@gmail.com

Received April 9, 2018

Между русским и белорусским: говоры Невельского района Псковской области

Between Russian and Belarusian: Dialects of Nevel District, Pskov Oblast

Анастасия Игоревна Рыко

Санкт-Петербургский государственный
университет
Санкт-Петербург, Россия

Anastasia I. Ryko

St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russia

Резюме

В статье описывается современное состояние говоров Невельского района Псковской области (территории, граничащей с Белоруссией) в сопоставлении с северо-восточными белорусскими говорами, расположенным по другую сторону государственной границы. При проведении лингвистической границы предполагалось, что по одну сторону говоры будут изменяться под давлением русского литературного языка, по другую — под давлением белорусского. Однако реальная ситуация гораздо сложнее: некоторые диалектные черты действительно нивелируются в зависимости от соответствующего литературного языка, но довольно часто сохраняются как диалектные черты, не совпадающие ни с одним из литературных языков, так и «белорусские» черты на территории русских говоров.

Ключевые слова

южнопсковские говоры, севернобелорусские говоры, пограничные диалекты, сохранение диалектных черт

Цитирование: Рыко А. И. Между русским и белорусским: говоры Невельского района Псковской области // *Slověne*. 2018. Vol. 7, № 2. С. 303–320.

Citation: Ryko A. I. (2018) Between Russian and Belarusian: Dialects of Nevel District, Pskov Oblast. *Slověne*, Vol. 7, № 2, p. 303–320.

DOI: 10.31168/2305-6754.2018.7.2.11

Abstract

The article describes the contemporary state of the dialects spoken in the Nevelsky district (Russia, Pskov Province), which is bordering Belarus, in comparison with the north-eastern Belarusian dialects located on the other side of the state border. When establishing the linguistic areas, it was assumed that on one side of this border the dialects would change following the Standard Russian language, while on the other side they would follow Belarusian. However, the real situation is much more complicated: on one hand, some dialectal features disappeared under the influence of the respective standard language; on the other hand, quite often features of both dialects do not correspond to either Standard Russian or Standard Belarusian, and there are existing "Belarusian" features on the territory of Russian dialects.

Keywords

Pskov dialects, Belarusian dialects, border dialects, preservation of the dialect features

Западные южнорусские говоры южной части Невельского района Псковской области и северо-восточные белорусские говоры Городокского и Россонского районов Витебской области Белоруссии, согласно классификации 1915 г., составляют единый северо-восточный говор белорусского языка. После перемещения административной границы в 1924 г. Невельский уезд, относившийся прежде к Витебской губернии, отошел к Псковской губернии (в 1927 г. на большей части этого уезда был сформирован Невельский район Великолукского округа Ленинградской области, с 1929 г. Невельский район был в составе Западной области, с 1935 г. – Калининской области, с 1944 г. – Великолукской области и с 1957 г. – Псковской области). Соответственно, при составлении новой карты диалектного членения русского языка в 1965 г. говоры на территории Невельского района были описаны как часть западной группы южнорусского наречия. Такое решение было обосновано перспектиками существования одних и тех же диалектных черт в рамках разных литературных языков: «...одни и те же языковые черты, ареалы которых связывают смежные по территории говоры русского и белорусского языков, являются на разных частях занимаемой ими территории компонентами систем двух разных языков и реально существуют в каждом из языков в различных по своему характеру связях с определенными звеньями системы данного языка в отличие от другого. В современных русском и белорусском языках это проявляется, в частности, и в перспективах существования указанных черт в каждом из них». В качестве примеров различного пути развития диалектных черт приводится постепенное исчезновение произношения ударных сочетаний *-ый*, *-ий*

(*мыйу, пий* и др.) на территории русского языка (при сохранении его на белорусской) и замена диссимилятивного яканья сильным на белорусской территории и каньем на русской – в соответствии с литературными системами [Захарова, Орлова 2004: 34].

Согласно Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., преимущественно крестьянское население Невельского уезда (из 110 394 человек населения было 93 994 крестьян, т. е. крестьянство составляло около 85% населения) в основном идентифицировало себя как белорусов (90 322 из 97 040 указали белорусский как свой родной язык, т. е. около 93%) [Первая всеобщая перепись населения 1897: 64–73, 106]. Современные жители Невельского района считают себя русскими, правда, часто говорят, что их диалект похож на белорусский язык. Жители пограничных районов Белоруссии при этом не считают себя «настоящими» белорусами, но и с русским языком свой диалект не соотносят (см. об этом: [Рыко 2016]).

Говоры русско-белорусского пограничья юго-западной части Невельского района (современные Новохованский, Туричинский, Клястицкий, Стайкинский сельсоветы), согласно карте 1915 г. [см.: Дурново, Соколов, Ушаков 1915], относятся к северо-восточным говорам белорусского языка. На карте Е. Ф. Карского эта территория попадает в зону белорусских говоров с мягким *r'*, испытывающих южновеликорусское влияние [см.: Карский 1903, карта]. Согласно карте ДАРЯ, это территория западной группы говоров южнорусского наречия [см.: ДАРЯ 1, карта 6]. Автор подробного описания говоров Невельского района первой трети XX в., этнограф Н. Зорин отмечал, что «белоруссизмы в местном говоре составляют не основную языковую стихию, а являются наследием» [Зорин 1927: 49]. Согласно недавним исследованиям, эти говоры вместе с говорами соседних районов на территории Белоруссии по ряду черт составляют единый так называемый «городокско-невельский диалект», который является псковским в своей основе, «на что указывает специфическая лексика, фонетические, морфологические и акцентуационные черты» [Букринская, Кармакова, Тер-Аванесова 2008: 163; см. также: Букринская, Кармакова, Тер-Аванесова 2017]. Есть работы, в которых современные говоры Невельского района рассматриваются как говоры белорусского языка [см.: Jankowiak 2015]. Независимо от того, как интерпретировать принадлежность говоров по обе стороны государственной границы, очевидно, что это единый идиом.

Попробуем сравнить отдельные говоры, находящиеся по разные стороны границы, и выяснить, в какой степени нивелируются диалектные черты под влиянием русского или белорусского литературных языков, а также есть ли у этих говоров какие-нибудь различия, сближающие

одни из них с русским литературным языком, другие — с белорусским. Наш материал был записан от представительниц старшего поколения, чьи языковые навыки складывались сразу после изменения административных границ, поэтому «русификация» диалекта у невельских информантов должна была происходить в течение их жизни. Встретившиеся нам представители более молодых поколений по обе стороны границы говорят на региональном варианте русского литературного языка.

В качестве «белорусской» информантки выступила Раиса Петровна Глазко (род. в 1933 г. в д. Мочулища, живет в д. Краснополье Россонского района Витебской области; зап. автора 2016 г. (далее — Мочулища)), которая сама называет себя «мешанцем» и утверждает, что ни по-русски, ни по-белорусски она «чисто» говорить не умеет. В качестве основного «русского» материала привлекаются записи говора Надежды Владимировны Шебановой (род. в 1933 г. и живет в д. Емельянково Невельского района Псковской обл.; зап. автора 2016 г. (далее — Емельянково, Шебанова)), также используются записи, сделанные от других информантов¹ примерно того же возраста, родившихся и живущих на пограничных с Белоруссией территориях. От каждого информанта записано не менее 1 часа речи, общий объем записей — около 21 часа. Носятели «русских» говоров считают себя говорящими по-русски, правда, практически все отмечают наличие белорусских черт в своем говоре и часто рассказывают, что за пределами их диалектной зоны их принимают за белорусов (подробнее см.: [Рыко 2016]).

1. Диссимилятивное аканье и яканье.

Для говоров по обе стороны границы характерны диссимилятивное аканье и диссимилятивное яканье жиздринского (белорусского) типа. Витебского типа яканья, отмечаемого для этой территории [см.: Букринская, Кармакова, Тер-Аванесова 2008: 122; Лінгвістичная географія 1969, карта 45], у наших информантов не встретилось. ДАРЯ показывает на всей территории русско-белорусского пограничья жиздринский

¹ Это Сюрукова Зинаида Егоровна, род. в 1936 г. в д. Емельянково, живет в д. Шекино Невельского района Псковской обл., зап. А. И. Рыко 2016 г. (Емельянково (Сюрукова)); Шербакова Валентина Никифоровна, род. в 1927 в д. Козлы Соминского с/с, живет в д. Турично Невельского района Псковской обл., зап. К. В. Садовской, Д. В. Аверьяновой 2016 г. (Козлы); Вардяхова Валентина Игнатьевна, род. в 1927 в д. Дудчино, живет в д. Шекино Невельского района Псковской обл., зап. А. И. Рыко, К. В. Садовской, Д. В. Аверьяновой 2016 г. (Дудчино); Коваленко Валентина Яковлевна, род. в 1934 г. в д. Косцы Невельского района Псковской обл., живет там же, зап. А. И. Рыко 2016 г. (Косцы); Скоромнова Лидия Сергеевна, род. в 1925 г. в д. Глинчино Невельского района Псковской обл., живет там же, зап. А. И. Рыко 2016 г. (Глинчино). Все информанты имеют незаконченное среднее образование, работали в колхозе и в течение жизни не покидали пределов своего района.

(белорусский) тип яканья [см.: ДАРЯ 1, карта 8], согласно [Нарысы 1964: 57, карта 3] в белорусских говорах, распространенных на территориях, граничащих с Невельским районом, находится массив белорусского типа яканья между двумя массивами витебского. Черта является устойчивой как для «русских», так и для «белорусских» говоров (т. е. не выравнивается в сторону иканья на русской территории и сильного яканья на белорусской).

2. Рефлексы напряженных редуцированных в формах именительного падежа единственного числа прилагательных мужского рода *-ый* под ударением (*молод[ый]*), а также после заднеязычных согласных со смягчением основы (*пло[хý]й*) [см. ДАРЯ 2, карта 42].

Рефлексация такого типа является общей изоглоссой для городокско-невельского диалекта и смоленских говоров [Букринская, Кармакова, Тер-Аванесова 2008: 128] и упоминается Е. Ф. Карским в качестве характерной белорусской черты [Карский 1903: 14]. Согласно исследованиям С. Л. Николаева, кроме основных систем развития напряженных редуцированных и сочетаний *<uj>, *<ij> – «общерусской» (*молодо́й : кро́ю*) и западной (*молодый : крýю*), характерной для большей части украинских и белорусских говоров, интересующая нас территория входит в зону «смоленской» системы (*молодэ́й : крýю*) [Николаев 1988: 118–120]. По данным М. Янковяка, в современных невельских говорах диалектное окончание встречается редко, чаще представлен его литературный вариант [Jankowiak 2015: 224]. Однако во всех идиолектах («белорусских» и «русских»), записанных нами, представлена преимущественно «западная система» (*молодый : крýю*), иногда фиксируется окончание *-эй* (наряду с *-ий*) после заднеязычных: *друу́й; такый* (3)²; *сухий; бальши́й; пустый; лясны́й* (Лясно́й – название поселка); *паши́ить; нашы́ить; шы́ить; вышыши* (Мочулища); *друу́й* (8), *друу́ёй, ўтарый; такый* (9); *сякий; бальши́й* (7); *нибальши́й* (2); *дурный; какий* (3); *какий-тъ* (4), *каке́й-тъ; дъмавый* (10); *плахый* (3); *выходный* (2); *зълатый; бальни́й* (2); *пустый; дърау́й* (3); *прастый; живый; съръкавый, шы́ю; паши́ю; пириашы́ю; мы́йт; памы́ю; аткрайиши*, но: *друу́й* (2); *такой* (Емельянково (Шебанова)). Как видно, «литературных» исключений совсем немного. У некоторых «русских» информантов вариант окончания *-ой* встречается несколько чаще, ср.: *такий* (4), *таке́й; какий* (2); *какий-та; круты́й; шастый* (2); *зъвинья́вый; бальши́й; зашы́ить, но: такой* (2); *съятóй; бальши́й* (4); *нибальши́й; друу́й* (Дудчино). Единственная информантка, в речи которой

² Если словоформа употреблена неоднократно, в скобках указывается количество употреблений.

не встретилось диалектных вариантов, — уроженка старообрядческой деревни, ее говор отличается от остальных и некоторыми другими чертами [см.: Рыко 2017: 477–478].

3. Случаи лабиализации гласных /o/ и /a/ во втором предударном слоге: *б[у]лтунóв*, *п[у]болéл*, *пр[у]валíлся* и т. п.

Эта особенность характеризует как западную и верхне-днепровскую группы говоров южнорусского наречия [Захарова, Орлова 2004: 123], так и северо-восточные говоры белорусского языка [Нарысы 1964: 76–77]. В идиолекте Р. П. Глазко во втором предударном слоге лабиализация представлена нерегулярно: *пъминáлиси*; *пъмъуáть*; *пъсъбрáли и ни пунъдáйси*; *жулубóк*; *пумъуáл*; *пумянúть*; *пуминáла*; *пубяру́*. Есть случаи лабиализации и в первом предударном — перед слогом с ударным [a], как правило, в соседстве с губными: *спруулять*; *пурвáльсь*; *пувáдилися*. Также есть случаи лабиализации [ы]: *мужукá*; *мъжуки*. В пограничных невельских говорах эта черта представлена более регулярно: у некоторых информантов (Емельянково) лабиализация наблюдается во всех случаях, у других — в большинстве случаев с немногочисленными исключениями (Косцы, Глинчино).

4. Различение двух твердых аффрикат /ч/ и /ц/.

В говорах по обе стороны границы противопоставлены твердые аффрикаты. У некоторых информантов (в том числе на территории Белоруссии) фиксируются остатки цоканья: всегда в сочетании с последующим /к/, чаще всего в словоформе *мучыцка* (Мочулица; Дудчино, Косцы), также *вадыцка* (Дудчино), *пóцки* (Емельянково (Сюртукова)). Согласно ДАРЯ, цоканье в этой части Невельского района отмечено в п. 280 (Залоги), 281 (Шульги), 282 (Дубище), 283 (Черные Стайки) [см.: ДАРЯ I, карта 47]; в белорусских говорах цоканье отмечено на небольшом островке, граничащем с русскими говорами, в Езерищенском и Городокском районах [Нарысы 1964: 149].

5. Отсутствие противопоставления /р/ и /р'/.

Обычно считается характерной белорусской чертой (см., напр.: [Карский 1903: 14]), причем для северо-восточной территории Белоруссии характерно скорее сохранение противопоставления этих фонем [Нарысы 1964: 119, карта 7; 127–130]. Это одна из немногих черт, по которой различаются говоры по разные стороны границы: если в «русских» говорах примеры употребления твердого [р] на месте этимологически мягкого крайне редки (Емельянково (Шебанова): *прътайўши*; *кастрўлю*;

Козлы: *у́звару́* (неоднократно); *пиръначу́им*; Косцы: *кастру́ля*³, то в «белорусском» твердый [p] на месте этимологически мягкого встречается довольно регулярно (*прыéхъла*; *диравéнскъя*; *диравéнский*; *дярéуня*/ *дярэуня*; *диравéнскии*; *на мóръ*; *чыръз раку́ / зъ рякóй*; *прышили́*; *вы́стрълю́ть*; *у́звару́*; *тры разъ*; *пъвару́*; *бальшú кастру́лю*; *бяро́ски*), есть и случаи обратной замены (*рýбу злави́у́* (2); *рýбу жáрынью́ наси́ла*).

6. Морфологически и лексически ограниченные случаи чередования [л]/[ў] в соответствии с фонемой /л/: *да[л]á – да[ў]*, *во[ў]к*.

По общему мнению, это чередование — одна из характерных «белорусских» черт [Карский 1903: 14] и даже «одна из ярких черт современного белорусского языка» [Нарысы 1964: 138]. На территории русских говоров оно повсеместно распространено в западной группе говоров южного наречия — как правило, в старых сочетаниях редуцированного с плавным (*воўк*) и формах глаголов прошедшего времени [см.: ДАРЯ 1, карта 61]. В нашем материале как в «русских», так и в «белорусских» говорах представлено достаточно широко, но не абсолютно регулярно: *приéхъу́* и *приéхъл*; *з воўны* и *вóлна* (Мочулища).

7. Комплекс употребления губных спирантов «юго-западного типа»: [ў], [у] в конце слова и слога (*дро[ў]*, *ла[ў]ка*), возможность произношения гласного [у] в соответствии с [в] в начале слова (*[у]ну́к*, *[у] доме*), замена [в] на [ув], [үү] перед гласным, замена [ф] на [х], [хв].

Это характерная черта всех белорусских говоров, в том числе литературного языка [Карский 1903: 14]). Также распространена на всей территории южнорусских говоров [ДАРЯ 1, карты 54, 56, 57]. В нашем материале губные ведут себя так во всех позициях, причем как в «русских» деревнях, так и на территории Белоруссии. В начале слова: *у фíнску вайнú*; *у Вялíкии Лúки*; *у кáссу*; *у лéси* и т. д.; *уў осинь*; *ўсé*; *усíх*; *на урéмя*; в конце слога и слова: *на дирéуни*; *дярéуня*; *ўддаўши*; *ат нéмцыú*; *урибоў*. Также есть случаи замены [ф] на [хв], [х]: *канхвéт*; *канхвéты* (Мочулища); в «русских» говорах: *хвóрмы*; *тыхвъм балéль* (Глинчино); *Мърхвúши-кинъ*; *кóхту* (Емельянково (Шебанова)).

8. Наличие протетического [в] перед ударными [о] и [у].

Эта особенность является одной из характерных черт современного белорусского языка, отличающей его от других восточнославянских

³ Довольно большое количество примеров с твердым [p] встретилось в говоре д. Церковице [Рыко 2017: 479], в материалах М. Янковяка по Невельскому району все примеры только с мягким [p'] [Jankowiak 2015: 224].

[Нарысы 1964: 139]. Согласно белорусской грамматике, протетическое [в] появляется перед ударным [о] и перед [у] независимо от ударения; его нет в заимствованных словах, нет в тех случаях, когда [у] – приставка. Если [о] без ударения, то, как правило, нет и [в] (*акнó – вóкны*), но иногда он может сохраняться: *вачый, акнó / вакнó* [Беларуская граматыка 1985: 18]. С другой стороны, эта черта является одной из основных изоглосс, формирующих юго-западную зону русских говоров [Захарова, Орлова 2004: 96–102, карта 16, стр. 97; ДАРЯ 1, карта 60], в которую входят обширные территории псковских среднерусских и западных южнорусских говоров. В идиолекте В. П. Глазко протетический [в] встречаем регулярно, как перед [у], так и перед [о]: *на вóтпуск; Бýтіпскý вóблъсты; вúлишныи мósт; вóзим* ('озимь'); *вúтъг бы́ль мнóу́ть; вóсинь*. В «русских» говорах довольно часто наблюдается протетический [в] перед [у], в то время как случаи употребления его перед [о] редки. При этом есть случаи с [в] перед безударным [а] (членяющимся с ударным [о]), и перед приставочным [у]: *пъд вакóшки; забýла вужá* (Емельянково (Сюрукова)); *вúтръм/ўутръм* (4); *ón вушóл; на вúлицы* (3); *вúский; пад вúу́л; на вúдъчи; на вúдъчу* (2); *вúмнъя; осинью* (2) / *з вóсини; на óкнъх / ўкны уóлы; на óзира / кълъ ўóзира* (Емельянково (Шебанова)); *к осени; осинь; Вóсипъвич* (Дудчино); *выпъл з въкнá; кълъ въкнá; пásъси очырить карóу; к осири; ўтръ* (Козлы); *озира; на тóи осири; къл этъу ѿзири; віднъ што ўозира; па очыриди / па ѿчыриди; вóсинью* (Косцы). В некоторых идиолектах подобных форм не попалось [Рыко 2017: 480], см. также: [Jankowiak 2015: 224].

9. Формы местоимения 3-го лица.

Формы местоимения 3-го лица с начальным [j] характерны как для западного ареала русских говоров [см.: ДАРЯ 2, карты 64, 68], так и для всего массива белорусских, включая литературный язык. В «белорусском» говоре йотированные формы преобладают (кроме форм местоимения множественного числа), в «русском» картина аналогичная, правда, форм без [j] (видимо, под влиянием русской литературной нормы) несколько больше: *ён* (15); *ън* (7); *инá* (22); *ънá* (3); *янó; янý* (6) / *анý* (15) (Мочулища), ср. Емельянково (Шебанова): *ён* (22); *он* (4); *ън* (8); *инá* (25); *анá* (14); *янó* (4); *анý* (14); *янý* (25); *анý* (25).

10. Отсутствие противопоставления губных по мягкости/твёрдости на конце слова.

Это явление характеризует все белорусские говоры и литературный язык [Нарысы 1964: 109], также широко распространено на территории

русских говоров — в западной, северо-западной и северной диалектных зонах [см.: ДАРЯ 1, карта 70]: *вóзим* ‘озимь’ (Мочулища); *бóзим* (Глинчино, Емельянково (Сюртукова)); *сéм* (Дудчино, Емельянково (Сюртукова)); *вóсим* (Емельянково (Сюртукова)) и др.

11. Произношение мягких долгих согласных в соответствии с сочетаниями согласных с [j] (*свиння*).

Эта черта свойственна как белорусскому литературному языку [см.: Беларуская граматыка 1985: 20 и след.], так и большей части его говоров [Нарысы 1964: 142–145, карта 8, стр. 143]. Для русского языка она является диалектной, распространена преимущественно в западной части южнорусских говоров [см.: ДАРЯ 1, карта 74]. В идиолекте В. П. Глазко представлена регулярно, с небольшим количеством исключений: *ноччу*; *снідáнъя*; *пячэнъя*; *ъбъядéнъя*; *кутьтá*; *кутьтó* (2); *кутьтí*; *плáтъти*; *развóдъдя*; *абувáнъя*; но *ъбъядéнъя*; *застóлья*. Похоже, что с [j] произносятся скорее «новые» слова, заимствованные из русского литературного языка, которые не вполне адаптируются. У большинства «русских» информантов произношение долгих мягких менее регулярно, но тем не менее тоже широко представлено: *ноччу* (многократно); *ъдявáнъя*; *пячэнъя* (2); *въспалéнъя*; *учéнъя*; *уулáнъя* (2); *въскрясéнъя* (3); *хлóпънъя*; *бсíнъю*; *плáтъти* (2); *плéсинъю*; *Блъгавéшиныя*; *въраньнé*; *бяльлё* (Емельянково (Шебанова)).

12. Наличие окончания *-и* у существительных мужского рода с основой на мягкий согласный в форме Предл. пад. ед. ч.: *на кон[й]*, *на кра[й]*, *на конц[ы]* и т. п.

Это окончание отмечено для ограниченного круга лексем по обе стороны границы: *нъ канí* (Мочулища; Дудчино; Емельянково (Шебанова); Козлы); *нъ канцý* (Емельянково (Шебанова)). Эти формы имеют «рассеянное распространение» на территории западной группы южнорусского наречия [Захарова, Орлова 2004: 123], хотя в ДАРЯ для близлежащих пунктов отмечены [ДАРЯ 2, карта 20] и широко распространены в разных белорусских диалектах [Нарысы 1964: 157–160].

13. Формы Род.-Дат.-Предл. пад. ед. ч. существительных I склонения. Яркой особенностью городокско-невельского диалекта считают синкетизм этих падежных форм, для которого характерно «1) преобладание окончания *-e* у основ на губные и задненебные согласные; 2) преобладание *-и* у основ на мягкие согласные; 3) варьирование окончаний *-ы* и *-е* у основ на парные твердые согласные; 4) у основ на парные

твёрдые, кроме губных, с ударными окончаниями gen.-dat.-loc. sg. в одних идиолектах (говорах?) наблюдается варьирование *-ы* и *-и*, в других – исключительно окончание *-ы»* [Букринская, Кармакова, Тер-Аванесова 2008: 140; см. также: Букринская, Кармакова, Тер-Аванесова 2017: 47–48] и подробный обзор соотношения этих падежных форм в восточнославянских языках в: [Абраменко, Николаев, Тер-Аванесова, Толстая 2013].

Система, представленная в говоре Р. П. Глазко, близка к «стандартной», т. е. к литературным системам русского и белорусского языков:

тип основы	на зубные	на губные	на заднеязычные	на мягкие
gen.	<i>-ы́, -ы</i>	<i>-ы́, -е</i>	<i>-ú / -é</i>	<i>-ú</i>
dat.-loc.	<i>-é, -е / -ы</i>	<i>-е</i>	–	–

Следы синкретической системы можно увидеть благодаря наличию в Род. п. безударного окончания *-е* у основ на губной (*у бáби*) и ударного у основ на заднеязычный (*мукé, рякé*), безударного окончания *-ы* в Дат.-Предл. у основ на зубной (*нъ квáтиры*). Таким образом, можно предположить синкретизм на *-ы* в безударном положении у зубных основ, синкретизм на *-е* в безударном положении у губных основ, синкретизм на *-é* в ударном положении у заднеязычных. Материал: Род. *дъ вайны́* (7); *хáты; нет иконы; з лазы́* (2); *дъ Москвý; травы́; у бáби; муки́* (3); *мукé; рякé; мáль зямлý*; Дат.-Предл. *у Москвé* (2); *нъ свáдьбы* (2); *г бáби; хáти* (4); *нъ машы́ни* (2); *нъ квáтиры; нъ вадé; нъ стяне́; нъ квáтиры*.

Системы, представленные в говорах Невельского района, демонстрируют синкретизм более явно. Так, в идиолекте Н. В. Шебановой (Емельянково) для основ на зубные и губные наиболее вероятно реконструируется синкретическая система, связанная с ударностью/безударностью окончания (Род.=Дат.-Предл. без ударения *-и*, под ударением *-ы*), которая испытывает влияние как со стороны литературной системы, противопоставляющей падежи, так и, возможно, со стороны синкретической системы на *-ы* (независимо от ударения).

тип основы	на зубные	на губные	на заднеязычные	на мягкие
gen.	<i>-ы́, -е/-ы</i>	<i>-ы́, -е/-ы</i>	<i>-é</i>	<i>-ú</i>
dat.-loc.	<i>-ы́, -ы/-е</i>	<i>-ы́/-é, -ы/-е</i>	<i>-é</i>	<i>-é/-ú</i>

Материал: Род. *вайны́* (20+); *дъвé казы́* (3); *вады́* (7); *сасны́; красы́; ад уразы́; шырины́; съвёклы́; две хáты* (4); *лýпины; рабóты; Нýны; скатýны; хадьбы́; уълавы́; листвы́; крупы́; травы́; карóбы; бáбы; с салóмы; улýни* (2); *шкóли* (4); *съяклы́ни; хáти* (10); *съмитáни; скатýни* (2); *машы́ни;*

рабо́ти; бáби (6); карóви (3); лíпи; салóми; ры́би (3); мáми; з рукé; сямýй дъвé; ад зямлý; Дат.-Местн. жары́; уары́ (5); нъ вайнý; пъ кастры́; вады́ (5); кънáвины; скаты́ны (2); на ку́ры; пъ пáдлины ‘падаль’ (2); ў лазы́ны; ў лíпины; нъ кварты́ры; у тюрмы́; у травы́ (6); у Москvý (2); фéрмы (2); карóвы; у тóрьмы; у хáти (10); шкóли; пиремéни; нъ машы́ни (2); нъ Украйни; ў сряды́ни; нъ акра́ини; у кóмнати; г бáби; Москвé (2); рукé; нъ зямлé (2); у зямлý.

14. Формы Дат. и Тв. пад. мн. ч.

Наличие общей формы для Дат. и Тв. пад. мн. ч. существительных и прилагательных также считается одной из изоглосс, позволяющих говорить об особом городокско-невельском говоре [Букринская, Кармакова, Тер-Аванесова 2008: 123]. В нашем материале такие формы регулярны у существительных, прилагательных и местоимений как в «белорусском», так и в «русских» говорах. Мочулища: *скъбърám завúть; уручнýю мълатили цъпáм; зь ётым (2); и сéнъ вíлкъм; цэлым днýм; жылý зь Ра-сónъм; нашы́тый нýткъм / нýткъм друуýм; тепéрь усё машынъм дéль-ютъ.* Эта черта является диалектной как для русского, так и для белорусского языков.

15. Окончание *-ым/-им* в Местн. ед. прилагательных м. и спр. р.

В белорусских говорах это окончание характерно для северно-восточных территорий (на юго-западе распространено окончание *-ом/-ем*) и для литературного белорусского [Нарысы 1964: 196–197; Беларуская граматыка 1985: 112–114]. На территории русских говоров это окончание широко распространено, в том числе на западных среднерусских и западных южнорусских территориях [см.: ДАРЯ 2, карта 46]. Наш материал показывает, что окончание *-ым/-им* хорошо сохраняется как у «белорусских», так и у «русских» информантов: *на друуýм мéсты; у плахýм състъни; у катлé балшиýм; у катилóчку малинъким; нъ друуýм клáд-бишиы; нъ пустýм унязьдé (Мочулища); нъ дáмским; нъ мушскýм (Емельянково (Сюртукова)); ф сёрък сядьмýм; нъ адныýм вáлинцы; у ўтары́м или трéтым калéни; нъ стаўбý / нъ съвитавýм (Емельянково (Шебанова)); у сёрък сядьмýм уадý; у бáнки какýм-тъ (Глинчино).*

16. Род.-Вин. пад. личного местоимения 1-го лица.

В белорусском возможны только формы *мянé* или *менé* – в зависимости от варианта диссимилятивного яканья [Нарысы 1964: 217; см. также: Беларуская граматыка 1985: 143]. Такие формы считают характерными и для южнорусских говоров [см.: ДАРЯ 2, карта 62]. В идиолекте

Р. П. Глазко только такие формы и присутствуют: *у мяне́; мяне́ (5)*, в то время как у «русских» информантов иногда появляются формы из литературного русского: *мене́ (18); мяне́ (8); меня́ (2)* (Емельянково (Шебанова)); *(у) мяне́ (3); у мене́ (2); у миня́ (Косцы)*.

17. Косвенные формы личного местоимения 2-го лица и возвратного. Белорусская литературная норма (как и все говоры) предполагает следующую систему косвенных форм личного местоимения 2-го лица и возвратного: Род.-Вин. *цябé, сябé*, Дат.-Предл. *табé, сабé* [Беларуская граматыка 1985: 143; см. также: Нарысы 1964: 217]. В южнорусских говорах возможны основы *тоб-, соб-* или только в Дат.-Предл., или в Дат.-Предл. и Род.-Вин. падежах, причем, согласно ДАРЯ, в Невельском районе в ряде пунктов отмечены основы *тоб-, соб-* в Род.-Вин., Дат.-Предл. падежах (п. 50, 51, 53, 54), в ряде пунктов *теб-, себ-* в Род.-Вин., *тоб-, соб-* в Дат.-Предл. (п. 280, 281, 282, 283, 286) [ДАРЯ 2, карта 61]. Материал, записанный от Р. П. Глазко, не противоречит белорусской системе (Дат. *табé, Предл. на сабé*); в материале, записанном от информантов на территории Невельского района, наряду с «белорусскими» попадаются формы, соответствующие русским литературным, т. е. с основой *себ-* в Дат.-Предл.: Род.-Вин. *тябé; у тябé; сам сябé; себé; нъ сябé (4); для сябé (4);* Дат.-Предл. *табé (6); сабé (6); к сабé, но к сябé (4), сябé (Емельянково (Шебанова)).*

18. Окончания местоимений 3-го лица мн. ч.

Единственный возможный вариант окончания местоимений 3-го лица мн. ч. в «белорусском» говоре — *-ы* (в соответствии с белорусской литературной нормой), хотя в основе местоимения 3 мн. часто отсутствует *[j]* (в отличие от белорусской нормы). В «русских» говорах у некоторых информантов в незначительном количестве присутствуют формы с окончанием *-и*, соответствующие русской литературной норме: *яны́ (6) / аны́ (15)* (Мочулища); ср. *аны́ (22) / яны́ (18), ани́ (9)* (Емельянково (Сюруткова)); *яны́ (14) / аны́ (25); ани́ (25)* (Емельянково (Шебанова)); *яны́ / аны́ (21), ани́ (6)* (Дудчино); *яны́ (21) / аны́ (13)* (Козлы); *яны́ (16); аны́ (19)* (Косцы).

19. Местоимение мн. ч. *все*.

В идиолекте Р. П. Глазко в Им. п. преобладают формы с *-e*, хотя есть случаи и с *-и*, в косвенных падежах возможны только окончания с *-и*: *усé (5) / усí (2); усíх (4); усíм (2)*. В северных белорусских говорах возможны системы как с чередованием форм *усе/уси* в Им. п., так и системы, где

представлен только вариант *усе*, в то время как юго-западным говорам (как и литературному языку) известны только системы с *-e* в Им. п. и *-i* в косвенных [Нарысы 1964: 230]. Несомненно, мы имеем дело с типичной севернобелорусской системой, однако, если сравнить ее с той картиной, которую мы наблюдаем в «русских» говорах, где формы с *-e* встречаются в Им. п. крайне редко (т. е. представлена система с *-i* как в Им. п., так и в косв.), можно сказать, что система идиолекта Р. П. Глазко ближе к белорусской литературной системе. Ср. Емельянково (Шебанова): *усí* (23), *յсé* (5); *усíх* (8).

20. Произношение [o] в форме 3 л. ед. ч. наст. вр. глагола *быть*, соответствующее белорусской литературной норме.

В идиолекте Р. П. Глазко такие формы (*ёсь*) абсолютно регулярны (12 употреблений, форм с [e] не отмечено), в «русских» говорах такие формы попадаются, но не у всех информантов, и если попадаются, то наряду с формами с [e]: Емельянково (Сюртукова): *ёсьть / ёсьсь* (5); *ёсь / ёсьть* (4); Емельянково (Шебанова): *ёсьть* (7); *ёсь / ёсьть* (4); Дудчино: *есть* (2); Глинчино: *ёсь* (1); Козлы *ёсь / ёсьть* (2); *ёсь* (3); Косцы: *ёсьТЬ / ёсь* (6).

21. Особый тип чередования *e~o* в формах глагола настоящего времени I спр. с ударением на тематическом гласном: *несéш, несéть, несéм, несéте*.

Подобные системы (без перехода [e] > [o] в формах 2 и 3 ед. и 2 мн.) для русского языка являются диалектными и распространены на территории южнопсковских и смоленских говоров, расположенных вдоль белорусской границы [см.: ДАРЯ 2, карта 82], так же устроена и белорусская литературная парадигма. Таким образом, представленная система — по обе стороны границы — является «белорусской», причем (учитывая наличие *-ть* в форме 3 ед.) — в ее северо-восточном варианте [Нарысы 1964: 260–264]: 2 ед. *набьéш; идéш; спякéш*; 3 ед. *пръвядéть; спякéцца; завéцъ; придéцъ; пънясéть; расътéть; арéть; 1 мн. завéм; жывéм*. Ср. в «русских» говорах: та же система, но с небольшим количеством форм с переходом [e] > [o], видимо, под влиянием русского литературного языка: 2 ед.: *пъдвядéш; ъбдяréш; идéш (3); пайдéш; найдéш; прядéш; спякéш; пирябьéш* (но *пасéш*); 3 ед.: *ведéть (2); бярéть (2); идéть; пайдéть (4); придéть (2); дъвядéть; нарвéть; сталкéть; пасéт; бье́цъ; привязéть; ъддаéть; жывéть (2); памnéть; ръзамнéть; пъталкéть; прядéть (4); зуниéть; ирвéцъ; парвéцъ; пупадéть; кукнéть; дярéть; унясéть (но: крадéт; пасéт); 1 мн.: пайдéм; идéм; здаéм; пасéм (4) / пáсим* (Емельянково, Шебанова).

22. Совпадение безударных окончаний 3-го лица множественного числа глаголов I и II спряжения (*пиш[у]т, делай[у]т, дыш[у]т, нос[ю]т*).

Так называемое «общее» спряжение встречается в нашем материале регулярно без исключений: *удрágнють; вы́стрълють; атчэпьюца; вбдють; хóдють; учы́нют; вáрут; харонють; пасы́пют; пáлють* (Мочулища). Та же картина и в говорах на территории Невельского района. Эта черта не характерна ни для русского, ни для белорусского литературного языков, в русских говорах она представлена в широком ареале южнорусских и среднерусских говоров [см.: ДАРЯ 2, карта 84], в белорусских — свойственна северо-восточным говорам, причем изоглосса примерно совпадает с границей диссимилятивного и недиссимилятивного яканья [Нарысы 1964: 268–269].

23. Употребление деепричастия в функции сказуемого.

Это явление характерно как для севернобелорусских [*Ibid.*: 298–301; карта 29, стр. 318], так и для широкого массива западных русских говоров [Трубинский 1984: 19–21]. Как в идиолекте Р. П. Глазко, так и в «русских» говорах деепричастие используется широко, в разных функциях — основного предиката с перфектным значением, дополнительного действия, с атрибутивным значением. Ни по частоте встречаемости в речи, ни по основным функциям использование деепричастия в «русских» и «белорусском» говоре не различается. Материал (Мочулища): *а нáz бы́ла зддáўши к сваéй мáткi / г бáби; я ни дърабóтъўши дáжы бы́ла уóт; у Лининурáт бы́ла зиéхъўши; я спирá бы́ла таг зъбрáўши у у́лаву / штóничóу ни пайму; бы́ли пъприéхъўши изь Нéуля / срóцтвники / ътаўсюль бы́ли пъприéхъўши; крайний бы́у зуарéўши; а инá вя́жыть / усячынъ / и нъ сабé и юпку бы́ла визáўши; тяперь тн зиéхъўши у Москву; унали / убивáли / идуть ня мóжутъ ня ёўши; пъттушáўши у къялóчу ма́линъким / я ямú дъвáль чéриз зуарóд; инá мóжъ зъшишапáўши сидыть / дамóй ънá ня пу́стить; мы́ утёкиши у лéси / при́дим / тóльки хáты пъръскрывáны; дá / зуарóдъ / зъу́радáўши адýн ът аднóуа; развóдъдя / сънéумнóу нъпáўши.*

24. Употребление белорусского союза як.

Яркой чертой, отличающей говор Мочулищ от говоров на территории Невельского района, можно считать употребление белорусского союза *як* в соответствии с русским как: *як въйна нъчълáся; як аны ъкъзáлися; и въйна пóмню яг бы́ла; як я гъвару;* штó дéльть *як* и т. д. У «русских» информантов союз *як* регулярно встречается только у В. Н. Щербаковой (Козлы): *як пъшила / ничóуа ни да́ли; а мóши мой балíу / на фрóнти як бы́у; а инá шмык и пъшила / як кóнчу дайть* и др.

Таким образом, составляя единый городокско-невельский диалект, говоры по обе стороны российско-белорусской границы обнаруживают изрядное количество общих черт. Поскольку одна часть этих говоров должна испытывать влияние со стороны русского литературного языка, а другая — со стороны белорусского литературного языка, ожидалось, что ряд диалектных черт будут по-разному нивелироваться. Более того, перспектива различного изменения диалектных черт в зависимости от того, к какому литературному языку относится данный диалект, послужила одним из аргументов для проведения лингвистической границы между русским и белорусским языками в основном в соответствии с административной (а теперь — государственной) границей (см. выше ссылку на: [Захарова, Орлова 2004: 34]). Какова же реальная картина, наблюдающаяся в говорах спустя почти столетие после проведения этой границы? Действительно ли диалектные черты нивелируются под давлением соответствующих литературных языков? Какие черты сохраняются в обоих идиомах, какие изменяются?

Во-первых, есть ряд черт, характерных для городокско-невельского диалекта, которые сохраняются (в той или иной степени) по обе стороны государственной границы, будучи при этом диалектными как по отношению к русскому, так и по отношению к белорусскому литературному языкам. Это такие черты, как диссимиллятивное яканье белорусского типа, рефлексы напряженных редуцированных в формах Им.-Вин. ед. прилагательных м. р., лабиализация гласных по 2-м предударном слоге, цоканье, наличие флексии *-и* в форме Предл. ед. существительных м. р., совпадение флексии Тв. мн. с Дат. мн. у существительных и прилагательных, наличие «общего» спряжения, широкое распространение деепричастия на *-ши* и употребление его в функции сказуемого.

Во-вторых, в говорах по обе стороны границы хорошо сохраняются черты, являющиеся диалектными по отношению к русскому языку и соответствующие белорусской литературной норме. Это рефлексы сочетаний **<uj>*, **<ij>* в основах глаголов на *-j*, морфологически и лексически ограниченные случаи чередования [l]/[ў] в соответствии с фонемой /л/; комплекс употребления губных спирантов «юго-западного типа» ([ў], [у] в конце слова и слога, возможность произношения гласного [у] в соответствии с [v] в начале слова, замена [ɸ] на [x], [χv]); произношение твердых губных в соответствии с мягкими на конце слова; произношение мягких долгих согласных в соответствии сочетаниям согласных с [j]; распространение окончания *-ым/-им* в форме Предл. ед. прилагательных м. и ср. рода.

Наконец, есть ряд черт, противопоставляющих говоры по разные стороны русско-белорусской границы. Большая часть из них являются диалектными для русского языка и литературными для белорусского. Наиболее яркие и заметные из них — это сглаживание противопостав-

ления [р] и [р'] в белорусском говоре, сохранение протетического [в] перед [у] и [о] (в русских говорах регулярно наблюдается перед [у], а перед [о] встречается довольно редко); регулярное произношение [о] в форме 3 л. ед. ч. наст. вр. глагола *быть* (в русских говорах – единичные случаи) и регулярное употребление союза *як* (на территории Невельского района характерно для идиолекта только одной информантки).

Кроме того, в тех случаях, когда черта является диалектной для русского языка и соответствующей литературной норме для белорусского, в русских говорах можно наблюдать некоторое нивелирование диалектной черты в пользу русской литературной нормы. Как правило, употребление литературных форм вместо диалектных наблюдается в подсистеме местоимений: встречается *миня* вместо *мянё* (форма Им.-Вин. личного местоимения 1-го лица), *сябé* вместо *сабé* (форма Дат.-Предл. возвратного местоимения), *анí* вместо *янý/анý* (окончание Им.ед. местоимения 3-го лица мн. ч.), более редкое по сравнению с белорусским говором наличие [j] в основе местоимения 3-го лица мн. ч.). Некоторое влияние со стороны русского литературного языка можно наблюдать и в парадигме настоящего времени глагола – изредка встречаются формы 2-го и 3-го лица ед. ч. с переходом [e] в [о].

С другой стороны, есть некоторые позиции, в которых черты, являющиеся диалектными для обоих языков, хорошо сохраняются в русских говорах и выравниваются в белорусских в соответствии с белорусской литературной нормой. Так, в русских говорах лучше сохраняются синкретические системы Род.-Дат.-Предл. *a*-склонения существительных и подпарадигма множественного числа местоимения *весь* (*вси* – *всих*) при том, что в белорусском говоре эта подпарадигма изменяется в сторону белорусской литературной нормы (*все* – *всих*).

Таким образом, можно заключить, что некоторая нивелировка диалектных черт под влиянием русского и белорусского литературных языков в говорах по разные стороны государственной границы наблюдается, но происходит это лишь на некоторых участках системы и не всегда ярко выражено, что позволяет по-прежнему говорить о существовании единого городокско-невельского диалекта, независимо от того, к какому языку относится данный конкретный говор.

Библиография

Абраменко, Николаев, Тер-Аванесова, Толстая 2013

Абраменко О. А., Николаев С. Л., Тер-Аванесова А. В., Толстая М. Н., «Системы соотношения gen. и dat.-loc. *a*-основ в восточнославянских языках», in: Исследования по славянской диалектологии, 16: Грамматика славянских диалектов. Механизмы эволюции. Утраты и инновации. Историко-типологические явления, Калнынь Л. Э. отв. ред., Москва, 2013, 63–165.

Беларуская граматыка 1985

Бірыла М. В., Шуба П. П., ред., *Беларуская граматыка*, 1: Фаналогія. Арфаэпія. Марфалогія. Словаўтварэння. Націск, Мінск, 1985.

Букринская, Кармакова, Тер-Аванесова 2008

Букринская И. А., Кармакова О. Е., Тер-Аванесова А. В., «Говоры белорусско-русского пограничья», in: *Исследования по славянской диалектологии*, 13: Славянские диалекты в ситуации языкового контакта (в прошлом и настоящем), Калнынь Л. Э., отв. ред., Москва, 2008, 120–179.

— 2017

Букринская И. А., Кармакова О. Е., Тер-Аванесова А. В., «Изоглоссы псковско-витебского пограничья», in: *Псковские говоры и их исследователи: К 100-летию со дня рождения С. М. Глускиной и 50-летию выхода 1 выпуска «Псковского областного словаря с историческими данными*, 1, Большикова Н. В., Костючук Л. Я., ред., Псков, 2017, 40–57.

ДАРЯ, 1

Аванесов Р. И., Бромлей С. В., ред., *Диалектологический атлас русского языка, Центр Европейской части России*, 1: Фонетика, Москва, 1986.

ДАРЯ, 2

Бромлей С. В., ред., *Диалектологический атлас русского языка, Центр Европейской части России*, 2: Морфология, Москва, 1989.

Дурново, Соколов, Ушаков 1915

Дурново Н. Н., Соколов Н. Н., Ушаков Д. Н., *Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением Очерка русской диалектологии*, Москва, 1915.

Захарова, Орлова 2004

Захарова К. Ф., Орлова В. Г., *Диалектное членение русского языка*, Москва, 2004.

Зорин 1927

Зорин Н. И., «Вопрос об этнографическом составе населения Невельского уезда в связи с диалектическими особенностями местного говора, с данными истории местного края и экономическими центрами его тяготения», in: *Познай свой край. Сб. Псковского общества краеведения*, 3, Псков, 1927, 33–63.

Карский 1903

Карский Е. Ф., *Белоруссы*, 1: Введение в изучение языка и народной словесности, Варшава, 1903.

Лінгвістичная геаграфія 1969

Аванесав Р. І., Атраховіч (Крапіва) К. К., Мацкевіч Ю. Ф., ред., *Лінгвістичная геаграфія і групоўка беларускіх гаворак*, Мінск, 1969.

Нарысы 1964

Аванесав Р. І., ред., *Нарысы па беларускай дыялекталогії*, Мінск, 1964.

Николаев 1988

Николаев С. Л., «Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. 1. Кривичи», in: *Балто-славянские исследования* 1986, Иванов Вяч. Вс., отв. ред., Москва, 1988, 115–154.

Первая всеобщая перепись населения 1897

Тройницкий Н. А., ред., *Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897, 5: Витебская губерния*, 2, 1901.

Рыко 2016

Рыко А. И., «О лингвистической самоидентификации жителей русско-белорусского пограничья (Невельский район Псковской области)», in: *Севернорусские говоры*, 15, Герд А. С., Пурицкая Е. В., отв. ред., С.-Петербург, 2016, 71–88.

2017

Рыко А. И., «Пограничные говоры Невельского района Псковской области: разнообразие и степень сохранности», в: *Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования 2017*, С.-Петербург, 2017, 453–497.

Трубинский 1984

Трубинский В. И., *Очерки русского диалектного синтаксиса*, Ленинград, 1984.

Jankowiak 2015

Jankowiak M., “Współczesne gwary białoruskie na południowej Pskowszczyźnie. Rejon newelski”, в: *Slavia: časopis pro slovanskou filologii*, 2 (84), 2015, 213–230.

References

- Abramenko O. A., Nikolaev S. L., Ter-Avanesova A. V., Tolstaya M. N., “Sistemy sootnoshenii gen. i dat.-loc. *a*-osnov v vostochnoslavianskikh iazykakh”, в: *Issledovaniia po slavianskoi dialektologii*, 16: Grammatika slavianskikh dialektov. Mekhanizmy evoliutsii. Utraty i innovatsii. Istoriko-typologicheskie iavleniiia, Kalnyn L. E., ed., Moscow, 2013, 63–165.
- Avanesav R. I., ed., *Narysy pa belaruskai dyialektalohii*, Minsk, 1964.
- Avanesav R. I., Atrakhovich (Krapiva) K. K., Matskevich Yu. F., eds., *Linhvistychnaia heahrafsia i hrupowka belaruskikh havorak*, Minsk, 1969.
- Avanesov R. I., Bromley S. V., eds., *Dialektologicheskii atlas russkogo iazyka*, Tsentr Europeiskoi chasti Rossii, 1: Fonetika, Moscow, 1986.
- Biryla M. V., Shuba P. P., eds., *Belaruskaia hramyka*, 1: Fanalohiiia. Arfaepiia. Marfalohiiia. Slovautwarennia. Natsisk, Minsk, 1985.
- Bukrinskaya I. A., Karmakova O. E., Ter-Avanesova A. V., “Govory belorussko-russkogo pogranič’ia”, в: *Issledovaniia po slavianskoi dialektologii*, 13: Slavianskie dialektы v situatsii iazykovogo kontakta (v proshlom i nastoishchem), Kalnyn L. E., ed., Moscow, 2008, 120–179.
- Bukrinskaya I. A., Karmakova O. E., Ter-Avanesova A. V., “Izoglossy pskovsko-vitebskogo pogranič’ia”, в: *Pskovskie govery i ikh issledovateli: K 100-letiju so dnom rozhdeniya S. M. Gluskinoi i 50-letiu vykhoda 1 vypuska “Pskovskogo oblastnogo slovaria s istoricheskimi dannymi”*, 1, Bol’shakova N. V., Kostiuchuk L. Ya., eds., Pskov, 2017, 40–57.
- Jankowiak M., “Współczesne gwary białoruskie na południowej Pskowszczyźnie. Rejon newelski”, в: *Slavia: časopis pro slovanskou filologii*, 2 (84), 2015, 213–230.
- Nikolaev S. L., “Sledy osobennosteи vostochnoslavianskikh plemennykh dialektov v sovremennykh velikorusskikh gorovakh. 1. Krivichi”, в: *Balto-slavianskie issledovaniia* 1986, Ivanov Vyach. Vs., ed., Moscow, 1988, 115–154.
- Ryko A. I., “O lingvisticheskoi samoidentifikatsii zhitei russko-belorusskogo pogranich’ia (Nevel’skii raion Pskovskoi oblasti)”, в: *Severnorusskie govery*, 15, Gerd A. S., Puritskaia E. V., eds., St. Petersburg, 2016, 71–88.
- Ryko A. I., “Pogranichnye govary Nevel’skogo raiona Pskovskoi oblasti: raznoobrazie i stepen’ sohrannosti”, в: *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov: Materialy i issledovaniia 2017*, St. Petersburg, 2017, 453–497.
- Trubinskij V. I., *Ocherki russkogo dialektnogo sintaksisa*, Leningrad, 1984.
- Zakharova K. F., Orlova V. G., *Dialektnoe chlene-nie russkogo iazyka*, Moscow, 2004.
- Zorin N. I., “Vopros ob etnograficheskem sostave naseleniiia Nevel’skogo uezda v sviazi s dialekticheskimi osobennostiami mestnogo govora, s dannymi istorii mestnogo kraia i ekonomicheskimi tsentrmi ego tiagotenia”, в: *Poznai svoi krai. Sb. Pskovskogo obshchestva kraevedeniia*, 3, Pskov, 1927, 33–63.

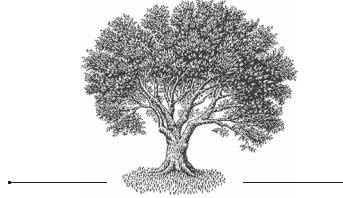
Анастасия Игоревна Рыко, канд. филол. наук

Санкт-Петербургский государственный университет,
филологический факультет, доцент кафедры русского языка
19034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11

Россия

aryko@mail.ru

Recieved March 19, 2018

Словацкие субстантивы со значением кратковременности в составе генитивной конструкции: к специфике сочетаемости

Slovak Nouns with the Meaning of Short Duration in the Genitive Construction: on the Specifics of their Compatibility

Дарья Юрьевна Ващенко
Институт славяноведения РАН
Москва, Россия

Daria Yu. Vashchenko
Institute for Slavic Studies of the
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Резюме

В статье рассматриваются семантические различия между словацкими субстантивами со значением кратковременности *chvíľa*, *okamih*, *minúta*. Исследование проводится на материале Словацкого национального корпуса на основе анализа коллокаций соответствующих лексем, из статистических параметров используются данные абсолютной частотности, а также показатели меры ассоциации (*t-score*). Анализируются потенциальные ограничения на сочетаемость данных существительных в рамках генитивной конструкции, а также возможные контекстуальные отличия там, где ограничения на сочетаемость не представлены. Сами генитивные конструкции предполагают

Цитирование: Ващенко Д. Ю. Словацкие субстантивы со значением кратковременности в составе генитивной конструкции: к специфике сочетаемости // Slovène. 2018. Vol. 7, № 2. С. 321–340.

Citation: Vashchenko D. Yu. (2018) Slovak Nouns with the Meaning of Short Duration in the Genitive Construction: on the Specifics of their Compatibility. *Slovène*, Vol. 7, № 2, p. 321–340.

DOI: 10.31168/2305-6754.2018.7.2.12

два возможных значения: партитивное (отношения часть / целое) либо же собственно темпоральное. В первом случае различия состоят в конкретной целевой наполненности у *minúta* и отсутствии такового у *chvíľa* и *okamih*. Во втором случае для каждого из субстантивов характерна своя базовая область сочетаемости: для *chvíľa* основными будут являться сочетания с существительными, обозначающими промежуток, перерыв, не ограниченный строго начальной либо конечной фазой. Для *okamih* — сочетания с действиями, обладающими значением начала, возникновения, в то время как у *minúta* центральными будут генитивные конструкции с субстантивами, у которых фиксирована конечная фаза. В сочетаниях с субстантивами *život* и *smrť* контексты с *chvíľa* ориентированы на описание ситуации непосредственно с позиции субъекта восприятия, в то время как контексты с *okamih* — на ее фиксацию сторонним наблюдателем. Тем самым словацкие субстантивы кратковременности формируют систему, в корне отличную от той, которая представлена в русском языке. В рамках словацкой системы личное время противопоставлено социальному, и уже в рамках личного времени различаются иррациональное время (*chvíľa*) и рациональное (*okamih*).

Ключевые слова

темпоральная лексика, семантика, корпусная лингвистика, сочетаемость

Abstract

The article explores the semantic differences between three Slovak substantives expressing a short duration: *chvíľa*, *okamih*, and *minúta*. The study was conducted using the material of the Slovak national corpus and is based on the analysis of collocations of the lexemes in question. The statistical parameters that were used are the data on absolute frequency and the indicators of the measure of association (t-score). We have analyzed the potential factors that could restrict the compatibility of the nouns chosen inside a genitive construction, as well as possible contextual differences in situations where restrictions on the compatibility are absent. Genitive constructions can have two possible meanings: partitive (part/whole relation) or temporal proper. In the first case, *minúta* differs from *chvíľa* and *okamih* in that it has a specific target content. In the second case, each of the substantives is characterized by its basic compatibility area: for *chvíľa*, it is combination with nouns denoting a period or a break not limited by a strictly initial or final phase; for *okamih*, combination with actions denoting a start or an appearance; for *minúta*, central role is given to genitive constructions with fixed final phase substantives. In combination with *život* and *smrť* substantives, contexts with *chvíľa* focus on describing the situation directly from the position of the subject of perception, whereas contexts with *okamih* usually have it viewed by an outside observer.

Keywords

temporal vocabulary, semantics, corpus linguistics, compatibility

Предмет рассмотрения в настоящей статье — словацкие существительные с общим значением короткого отрезка времени, к каковым относятся *chvíľa* ‘минута’, *okamih* ‘мгновение, миг’, *moment* ‘момент’, *minúta* ‘минута’, *sekunda* ‘секунда’ и их деминутивы *chvíľka*, *chvíľočka*, *momentík*, *minútka*, *sekundička*. Мы сосредоточим внимание только на лексемах *chvíľa*, *okamih*, *minúta*, как центральных для данной лексической группы; субстантивы *moment* и *sekunda*, а также все деминутивы в рамках настоящей статьи рассматриваться не будут. Семантика таких слов, с одной стороны, представляется интуитивно очевидной, с другой стороны, она, как правило, довольно сложно эксплицируется. На основании прежде всего сочетаемостных характеристик словацких лексем мы постараемся показать, что для каждой из них характерна своя «базовая область» сочетаемости, что, в свою очередь, обусловлено семантическими различиями и формирует систему, в корне отличную от той, которая представлена в русском языке.

Так наз. слова времени все чаще становятся объектом внимания лингвистов, и в частности славистов; однако в разных регионах Славии несколько различаются подходы к их анализу. Так, в чешской и словацкой лингвистике соответствующая лексика, в первую очередь существительные, рассматривается исключительно в рамках темпоральных конструкций, в значительной степени подвергшихся грамматикализации [Uhlírova 2002; Duchková 2009].

Для русистики и вообще русскоязычной славистики, наоборот, характерно повышенное внимание к собственно семантическому аспекту проблемы и, главное, рассмотрение темпоральной лексики в рамках языковой картины мира (ЯКМ). Так, работы М. Н. Кондратенко посвящены в первую очередь моделям образования темпоральных лексем / фразеологизированных выражений с темпоральной семантикой. В его исследованиях, выполненных главным образом на широком материале славянских диалектов, преобладает ономасиологический подход к рассмотрению соответствующих групп лексики. Помимо рассмотрения мотивационных моделей, автор уделяет значительное внимание вопросам заимствования славянскими диалектами темпоральной лексики, в первую очередь из немецкого языка [Кондратенко 2015; Idem 2015a]. Семантикой темпоральных слов — на этот раз на материале литературных языков (словенского и русского) — занималась Е. М. Коницкая, причем в ее работах также отмечается факт немецкого влияния в указанной лексической области, однако основное внимание в них уделяется не столько способам номинации, сколько вопросам семантической дифференциации соответствующих лексем [Коницкая 2008, см. также: Eadem 2011].

Для русистики стержневым исследованием, на которое, как правило, ссылаются все последующие работы (чаще кандидатские диссертации, объектом внимания в которых служит либо контрастивный анализ слов времени в двух языках, либо функционирование соответствующей лексики в художественной литературе), стала монография Е. С. Яковлевой «Фрагменты русской языковой картины мира: модели пространства, времени и восприятия», вышедшая в 1994 г. В главе, посвященной анализу русской языковой картины времени, исследовательница подробно анализирует такие наречия, как *нынче, ныне, сейчас, теперь, впредь, в дальнейшем, далее*, но также – значительно подробнее – темпоральные субстантивы *время, час, пора и минута, момент, мгновение, миг* [Яковлева 1994: 82–190]. Описывая семантику лексем *минута, момент, мгновение, миг*, Е. С. Яковлева связывает каждую из них с определенной моделью времени, присутствующей в русском языковом сознании: так, *минута и секунда* представляют время бытовое, *момент* – время рациональное, аналитическое, а *миг и мгновение* – время надбытовое [*Ibid.*: 138]¹. Характерно, что, с одной стороны, Е. С. Яковлева проводит свой анализ прежде всего на основе сочетаемости лексем в типовых контекстах, предполагающих реализацию того или иного компонента их значения, с другой стороны, при интерпретации русских лексем исследовательница широко апеллирует к произведениям художественной литературы, а также к философским трактатам, содержащим определенное концептуально-метаязыковое осмысление соответствующих слов времени.

С учетом всего изложенного представляется целесообразным синтезировать рассмотренные подходы к указанной предметной области и анализировать семантику соответствующих лексем на основе расширенной базы языковых данных, каковую на данный момент может представить корпусная лингвистика. Вопросы происхождения темпоральных лексем, а также их территориальной маркированности будут играть здесь лишь фоновую, вспомогательную роль; на первый план выходят системные различия между лексемами, а также внутренние принципы организации различного рода систем темпоральных слов в национальных языках.

В толковых словарях словацкого языка различие между *chvíľa* и *okamíh*, с одной стороны, и *minúta* – с другой – интерпретируется как различие по приблизительности / точности. Так, в SSJ *minúta* определяется как «единица времени, одна шестидесятая часть часа», в KSSJ4 как «одна шестидесятая часть часа, 60 секунд», в SSSJ-AN как «кратная

¹ О противопоставлении в русской ЯКМ «сиюминутного» и «вневременного» см. также: [Петрухина 2015].

единица времени величиной 60 секунд, одна шестидесятая часть часа». Кроме того, в SSJ, KSSJ4 и SSSJ-AN для *minúta* указывается вторичная, стилистически маркированная синонимия с *chvíľa*, отмечено, что сочетания вида *minúta lúčenia, počkať minútu* носят разговорный характер.

В свою очередь, различия непосредственно между *chvíľa* и *okamih* интерпретируются сугубо в количественном плане: *okamih* обозначает сверхкраткое время, тогда как *chvíľa* может быть как сверхкраткой, так и «достаточно короткой». В SSJ *chvíľa* – «достаточно короткий отрезок времени (без подробной конкретизации)», *okamih* вводится через синонимы *chvíľka, moment*. В KSSJ4 *okamih* определяется как очень короткий отрезок времени, момент, а *chvíľa* – как относительно короткий отрезок времени, миг. В SSSJ-AN *chvíľa* обозначает «очень короткое время, миг, момент²; достаточно короткий отрезок времени (без подробной конкретизации)». Исследование проводится на материале Национального корпуса словацкого языка (*Slovenský národný korpus*, далее – SNK³), объем которого на сегодняшний момент составляет 1 160 286 731 словоупотребление. Используется методика анализа коллокаций соответствующих лексем в составе определенных конструкций согласно их частотности в вордлистих [Горина 2014, Хохлова 2010]; при этом коллокации трактуются нами достаточно широко: как «комбинация двух или более слов, имеющих тенденцию к совместной встречаемости» [Захаров, Хохлова 2010, 137]. В рамках настоящей статьи речь будет идти в первую очередь о фактической частотности или абсолютной частотности коллокаций (словацкий термин ‘absolútna frekvencia’), т. е. об общем количестве сочетаний, отвечающих заданным критериям. Ср., напр., подробный анализ показателей абсолютной частотности для SNK в [Šimková 2011], практическое привлечение соответствующих данных в [Karčová 2013] и т. д. Помимо указанного параметра, в рамках программы SketchEngine, которая используется для работы с данными SNK, существует целый ряд статистических операторов, используемых в корпусно ориентированных исследованиях, такие как показатели меры ассоциации, когда по формуле рассчитывается степень притяжения между лексемами. Чаще всего к анализу привлекаются такие показатели, как MI-score и t-score; о релевантности различных показателей частотности в корпусных исследованиях [Biber, Conrad, Reppen 1998; см. также: Захаров, Хохлова 2010; Ягунова 2010]; на словацком материале ср., напр., оперирование MI-score и t-score в [Majchráková 2010]. MI-score,

² Словарной статьи для *okamih* в SSSJ-AN нет, соответствующий том находится в процессе подготовки.

³ Slovenský národný korpus – prim-8.0-public-sane. Bratislava: Jazykovedný ústav L. Štúra SAV 2018. Dostupný z WWW: <http://korpus.juls.savba.sk>

как пишет Ф. Чермак, в первую очередь показывает соотношение между частотностями каждой из лексем, входящих в состав коллокации, в то время как t-score – степень случайности / устойчивости коллокации [Čermák 2006: 13]. Из возможных показателей меры ассоциации мы в качестве вспомогательного средства будем пользоваться главным образом t-score: как выяснилось в ходе анализа данных, для решения поставленной задачи именно он оказывается наиболее релевантным и в целом согласуется с данными абсолютной частотности.

Ориентация на абсолютную частотность связана с тем, что главным для нас является, во-первых, выявление ограничений на сочетаемость и, во-вторых, не столько исследование сочетаемости с конкретными лексемами, сколько выявление предметных областей, к которым будут / не будут тяготеть *chvíľa*, *okamih*, *minúta*: в свою очередь, каждая предметная область будет включать сразу несколько лексем из списка слов. В тех случаях, когда интересующие нас субстантивы не будут обнаруживать сколь-нибудь репрезентативного различия в сочетаемости, мы будем рассматривать их значение в расширенном контексте, чтобы в дальнейшем возможно было их семантически разграничить.

В связи с тем, что, как пишут исследователи, в т. ч. Е. С. Яковлева, семантика темпоральных субстантивов определяется характером тех событий, которые происходят в конкретный промежуток времени, мы будем рассматривать функционирование интересующих нас лексем в составе генитивной конструкции, а именно в сочетаниях вида *chvíľa* + Gen. Subst., *okamih* + Gen. Subst., *minúta* + Gen. Subst. В строку расширенного поиска задавались сочетания вида [[lemma=>»chvíľa»][tag=>»S.+2.*»] / [[lemma=>»okamih»][tag=>»S.+2.*»] / [[lemma="»minúta»][tag=>»S.+2.*»], после чего к полученным фразам были применены различные фильтры.

Сами генитивные конструкции предполагают два возможных значения: а) темпоральное слово входит в отношения часть / целое, обозначая часть более широкого временного промежутка, обозначенного генитивом (о русских генитивных конструкциях, обозначающих подобные отношения, см., напр. [Рахилина 2000: 40]); и б) собственно темпоральная конструкция, когда соответствующий минимальный временной промежуток заполнен тем действием либо состоянием, которое обозначает существительное в генитиве.

а1) В составе партитивной конструкции первой возможностью являются сочетания с существительным *čas*, обозначающим все времена как таковое.

В данном случае основным сочетанием будет *chvíľa času*, в сочетаниях *mať chvíľu času*, *nájsť chvíľu času* (1):

- (1) *Usmievavý pohraničník sa nás opýtal, že kam ideme. „Ale,“ hovorí, „prišli sme sa pozrieť na tú hranicu, na tých kapitalistov, lebo máme **chvíľu času**.“* (Улыбающийся пограничник спросил нас, куда мы едем. «А, — говорю, — пришли посмотреть на эту границу, на капиталистов, пока у нас есть немногого [минута. — Д. В.] времени».)
- (2) *„Ak však ten príhovor má byť dôsledný, musím si nájsť **chvíľu času a pokoja**, čo sa mi doteraz nepodarilo,“ dodal.* («Если это выступление должно быть последовательным, я должен выкроить минуту времени и покоя, что мне до сих пор не удавалось», — добавил он.)

Характерно, что действие, выполняемое в течение данного промежутка, как правило, подразумевает отдых (примеры 2, 3) / любую другую подобную деятельность, осуществляющую в пользу говорящего. Характерны здесь сочетания *mať chvíľu času pre seba*.

- (3) *Irena Vyberčiová, riaditeľka kremnického odborného učilišťa pre nepočujúcich má aspoň teraz večer **pre seba chvíľu času**.* (Ирена Виберчиова, директор кремницкого профессионального училища для слабослышащих хотя бы сегодня вечером имеет в распоряжении минуту времени для себя.)

В контексте глаголов со значением необходимости ср. случаи вида *potrebovať chvíľu času* (4), а также употребление сочетания в хабитуальных контекстах (5).

- (4) *Potreboval som na to **chvíľu času**, kým som sa odhodlal povedať, že táto sezóna je moja posledná, povedal.* («Мне понадобилась минута времени, пока я решился сказать, что это мой последний сезон», — сказал он.)
- (5) *Nemal toľko času, ambícií a asi ani talentu, aby si sadol a lineárne písal knihu. Keď mal **chvíľu času**, dikoval si ju na kazety, a do písanej podoby to potom upravil Michalič.* (У него не было столько времени, амбиций и, в конце концов, таланта, чтобы сесть и начать последовательно писать книгу. Когда у него находилась минута времени, он надиктовывал на кассету, а в письменный вид это уже потом привел Михалич.)

Okamih času встречается в корпусе сравнительно редко, в отличие от терминологизированного сочетания ***časový okamih*** («момент времени»). Здесь представлены сочетания ***nedať ani okamih času***, ***nezostal ani okamih času***:

- (6) *Nedala mu ani **okamih času**. Pristúpila k nemu, vzala mu ruku do svojich, priložila si ju k tvári, jemnulinko sa jej dotkla perami.* (Она не дала ему ни **минуты времени**. Она подошла к нему, взяла его руку в свои, приложила ее к лицу, нежно дотронулась губами.)
- (7) *Vodný Džin vyskočil na podobločnicu a odtiaľ Dudkovi na chrbát — a Harún, ktorému **nezostal ani okamih času** na to, aby sa zamyslel, či koná rozumne [...] ho nasledoval.*

(Водный Джин выскочил на подоконник, а оттуда Дудку на спину — и Гарун, у которого уже не оставалось **ни секунды времени**, чтобы задуматься, действует ли он правильно [...], последовал за ним.)

Также встречаются контексты, в которых минимальный промежуток времени противопоставлен максимальному:

- (8) *Svet sa zmenil a jediný **okamih času** prichodil ako hodina rozmyšľania. Hned si uvedomil, že sa mu zbystril sluch, kým zrak zoslabol.* (Мир изменился, и одно **мгновение времени** выглядело словно час раздумий. Он сразу понял, что у него обострился слух, в то время как зрение ослабло.)

Сочетание ***okamih času*** может употребляться в том случае, если речь идет о минимальном промежутке, достаточном для выполнения определенного действия.

- (9) *"Si v poriadku?" Len prikyvol, pretože to bolo to jediné, čo v tomto **okamihu času** dokázal urobiť a čoskoro, on a Grangerová boli na tom cintoríne jediní.* («Ты в порядке?» Он только кивнул, поскольку это было единственное, что он в данный **момент времени** мог сделать, и скоро он и Грангер остались одни на кладбище.)

Minúta času обозначает точное время, которое необходимо для выполнения действия, на первый план в данном случае выступают функциональная предназначность и предзданность выполняемого действия. Основными сочетаниями в данном случае являются: ***na to treba X minút času, mať X minút času, nájsť X minút času***, ср.:

- (10) *Cez internet môžete tiež pomôcť dostať knihy z knižníc priamo na web, odkiaľ si ich bude môcť každý stiahnuť. Staci na to pripojenie na internet a niekoľko **minút času**.* (Также через интернет вы можете помочь людям закачать книги прямо в сеть, откуда каждый сможет их скачать. Достаточно будет подключения к сети и нескольких **минут времени**.)

- (11) *Na stole strašne nahlas tikali hodiny. Otec hľadel na hodiny, nepočul ich. Miča si vyrátal, že má ešte dvadsať **minút času**.* Pritiahol si stoličku, sadol si a pozrel na otca, ktorý akoby mu starol pred očami [...]. (На столе страшно громко тикали часы. Отец глядел на часы и не слышал их. Мича высчитал, что у него еще двадцать **минут времени**. Он подвинул стул, сел и посмотрел на отца, который словно бы старел у него на глазах [...].)

В сходных контекстах, в том случае когда совершающее действие обращено на самого говорящего, употребляется ***chvíľa***, однако если это действие обращено на кого-то другого, употребляется ***minúta***.

- (12) *Pri bruselskom stretnutí najvyšších predstaviteľov členských štátov EÚ si nemecký kancelár pre partnera z Varšavy našiel celých sedem **minút času**.* (Во время

брюссельской встречи высших представителей стран — членов ЕС немецкий канцлер смог уделить своему партнеру из Варшавы целых семь **минут времени.**)

a2) другой возможностью будет обозначение минимального промежутка в рамках некоторого естественного временного интервала (день, ночь, зима, лето, год и т. п.) Так, *chvíľa dňa* предполагает либо дистрибутивный контекст — *každá chvíľa dňa* (13), либо употребляется в сочетании с суперлативами (14):

- (13) *Všetko je v pohybe, všetko sa hybe... Kostol je v každej chvíľi dňa preplnený, je príliš malý...* (Все в движении, все движется... Костел в течение дня каждую минуту переполнен, он слишком мал...)
- (14) *Neodmysliteľnou súčasťou terapie je pozorovanie pacientov v čase jedenia. Obézni pacienti po tomto čase túžia, kým pre anorektikov a bulimikov sú to najobávanejšie chvíle dňa.* (Неотъемлемой частью терапии является наблюдение за пациентами во время еды. Толстые пациенты мечтают об этом времени, в то время как для анорексиков и булимиков это самые страшные **минуты дня.**)

Okamih dňa также возможен в дистрибутивном контексте:

- (15) *Dnes chcem žiť pravdivo – v každom okamihu dňa.* (Сегодня я хочу жить правдиво, каждое **мгновение дня.**)

При этом, в отличие от *chvíľa dňa*, где речь идет о действиях привычных, *okamih* тяготеет либо к максимальной интенсивности действия, либо к его потенциальности, либо также (реже) встречается с суперлативами:

- (16) *Najočakávanejší okamih dňa – výjazd do terénu – prišiel na rad po exkurzii na priečradnom mure.* (Самый долгожданный **момент дня** — поездка за город — настал после экскурсии по стене плотины.)
- (17) *Osemdesiat päť minút má prvú schôdzku a o chvíľu bud emusieť vstať a ísť sa holíť a sprchovať, ale ešte nie hned', ešte nie, kým vychutnáva jediný pokojný okamih dňa.* (Через семьдесят пять минут у него первое собрание, и через минуту он уже должен будет встать, идти бриться и принимать душ, но еще не сейчас, не сейчас, пока что он наслаждается единственной спокойной **минутой дня.**)

Minúta dňa также употребляется в дистрибутивном контексте, предполагающем запланированность действия в рамках конкретных суток:

- (18) *Každú minútu dňa mal naplánovanú, premyslenú, nič neponechal náhode, všetko kontroloval, zisťoval.* (Каждая **минута дня** была у него обдумана и распланирована, он ничего не оставлял на самотек, все контролировал, проверял.)

- (19) Je žena, s ktorou treba rátať. Žena na vrchole profesionálnej kariéry. Žena, ktorá vie, čo robí každú **minútu dňa**. (Это женщина, с которой необходимо считаться. Женщина на вершине профессиональной карьеры. Женщина, которая знает, что делает каждую **минуту дня**.)

Здесь предполагается не просто точность интервала, но и контролируемость либо предзданность совершающего действия. В сочетании с остальными промежутками времени *chvíľa* и *okamih* не употребляются, а *minúta* представлена в сочетаниях вида *prvé minúty roka / posledné minúty roka*:

- (20) Posledné **minúty roka** 2009 budú patrif slovensko – českej hudbe rokov minulých a relácií Petrolejka, ktorú vysielaeme od 21.30. (Последние **минуты 2009 года** будут отданы чехословацкой музыке прошлых лет и программе «Petrolejka», которая начнется в 21:30.)

б) В случае, если генитивная конструкция с рассматриваемыми субстантивами является собственно темпоральной и выражает отношения заполненности временного промежутка событием X, можно выделить «понятийные зоны» сочетаемости, свойственные для каждой конкретной лексемы.

б1) Для существительного *chvíľa* характерна широкая сочетаемость с именами, обозначающими перерыв между действиями, который характеризуется минимальным количеством усилий. Ср.: *chvíľa ticha* (также *chvíľa posvätného ticha*), *chvíľa mlčania; chvíľa oddychu; chvíľa pohody; chvíľa pokoja; chvíľa odpočinku; chvíľa spánku; chvíľa relaxu; chvíľa slobody; chvíľa voľna*. Эти сочетания имеют самый высокий t-score для данной лексемы (31,996 у *chvíľa ticha*, 24,471 у *chvíľa oddychu*, 18,258 у *chvíľa pokoja*, 20,906 у *chvíľa voľna* и т. д.)

- (21) Mužička v telefóne zjavne zamrzelo, že si Monika nezapamätala jeho meno a hodnosť a **chvíľou ticha** dával najavo svoju mrzutosť. (Мужичка в телефоне явно разозлило, что Моника не запомнила его имя и звание, и, помолчав минуту, он показал тем самым свое раздражение.)

- (22) "Ach," povedal a udržal si ľahkosť v hlase, "môžu prísť obe súčasne". Po ďalšej **chvíľi mlčania** sa prinútila znova do reči. («Ах, — сказал он, стараясь сохранить легкость в голосе, — они могут обе прийти». Она **помолчала минуту** и снова заставила себя заговорить.)

- (23) Na svojej práci má rád, že ked si nájde **chvíľu pokoja**, môže študovať staré diagnostické prípady. Ide o tzv. syndromológiu. (В его работе ему нравится то, что, как только выдается **спокойная минутка**, он любит изучать старые истории болезни. Речь идет о так наз. синдромологии.)

- (24) Treba však upozorniť, že okrem čarovnej atmosféry tu návštevník nič ďalšie pozoruhodné nenájde, keďže rekonštrukcia bola prerušená a hrad s kaštieľom čakajú, čo

bude d'alej. Napriek tomu, chvíľa odpočinku v tieni starých líp a kamenných múrov v cene iba 2 Sk môže v horúcom lete dobre padnúť. (Следует, однако, обратить ваше внимание, что, кроме волшебной атмосферы, больше ничего интересного гости здесь не найдут, поскольку реконструкция была прервана и крепость с замком ожидают, что произойдет дальше. Несмотря на это, **минута отдыха** в тени старых лип и каменных стен по цене всего 2 кроны может прийтись очень кстати жарким летом.)

В другом случае *chvíľa* может быть заполнена действием, однако действие это носит не внешний, а внутренний характер. Ср. сочетаемость существительного с именами ментальных действий: *chvíľa rozmyšľania, chvíľa premýšľania, chvíľa zamyslenia; chvíľa váhania, chvíľa zaváhania; chvíľa hľadania, chvíľa pochybnosti.*

- (25) *Na otázku, čo by ešte chcel ochutnať, odpovedá až po chvíli rozmyšľania. "Chcel by som ochutnať pravú mexickú tortilu, plnenú mäsom."* (На вопрос, что бы он еще хотел попробовать, он ответил, **подумав немного**: «Я бы хотел попробовать настоящую мексиканскую тортилью с мясом».)
- (26) *Pavol zlomil zápalku, s ktorou sa pohrával, a úlomok roztržito posunoval po obruse. Iba po dlhej chvíli váhania sa zmohol na odpoved.* (Павол сломал спичку, с которой играл, и обломок рассеянно гонял по скатерти. Только после долгой **минуты** колебаний он решился ответить.)
- (27) *Zmeravel som a spýtal som sa jej na číslo prenosného telefónu Paula Panniera. [...] Ochotne mi po krátkej chvíli hľadania nadiktovala číslo, ktoré som potreboval. Zapísal som si ho a vyťukal.* (Я страшно удивился и попросил у нее номер мобильного телефона Паула Панниера. [...] Поискав **с минуту**, она мне охотно продиктовала нужный номер. Я записал его и затем набрал.)

Для *okamih* подобная сочетаемость практически не характерна: отсутствуют сочетания *okamih mlčania, okamih oddychu, okamih pokoja, okamih odpočinku, okamih spánku, okamih relaxu, okamih voľna* (но есть три конструкции **každý voľný okamih**). То же касается ментальных действий: невозможны *okamih rozmyšľania, okamih premýšľania, okamih zamyslenia*, а также *okamih hľadania, okamih pochybnosti*. Это же касается сочетания *okamih čakania*.

Иключение составляют лишь сочетания ***okamih pohody, okamih pokoja, okamih ticha***, а также ***okamih zaváhania***, которые представлены в корпусе в небольшом количестве, причем первые два главным образом в сочетаниях ***posledné okamih pohody / pokoja, vzácné okamih pohody / pokoja***. В случае с сочетанием ***okamih ticha***, имеющим при сравнительной невысокой абсолютной частотности (88 вхождений) достаточно высокий для лексемы t-score (8,735) всегда предполагается либо общая напряженность ситуации, о которой идет речь (28), либо речь идет о

«прерванном молчании», когда один из участников ситуации стремится нарушить молчание как можно скорее (29):

- (28) *Nemáte chut' si zatancovať, pane? Nasledoval krátky **okamih ticha**, počas ktorého sa s veľkým úsilím snažil nevyzerať ohúrene. V nasledujúcej chvíli sa na ňu zadíval s prižmúrenými očami...* (Не хотите потанцевать, господин? Последовал краткий **миг тишины**, во время которого он старался не выглядеть ошеломленным, что стоило ему больших усилий. В следующую минуту он посмотрел на нее зажмурившись...)
- (29) *Za tým nasledoval **okamih ticha**, z ktorého vybuchol náhly potlesk.* (Последовало **мгновение тишины**, которое было прервано внезапными аплодисментами.)

Кроме того, **okamih ticha** употребляется, когда происходит диалог человека с высшими силами, таким образом, употребление лексемы *okamih* предполагает ситуацию повышенной эмоциональной напряженности. В случае с сочетанием **okamih zaváhania** (но не *okamih vágania*) речь всегда идет о внешней интерпретации ситуации, распространены конструкции *X využil okamih zaváhania Y-a* и невозможны конструкции вида *X po okamihu zaváhania urobil Z*, где субъект сомнений и действий один и тот же. Тем самым *chvíľa* предполагает взгляд на ситуацию изнутри, в то время как *okamih* — взгляд извне.

- (30) *Znova ju ovládla únava, na chvíľku zastala a oprela sa o drez. Stephen vycítil **okamih zaváhania**, chytil ju za pevné plecia a nežne ju objal, pripravený, že ho odmietne.* (Ей снова овладела усталость, на секунду она остановилась и облокотилась о раковину. Стивен понял, что сейчас она колеблется, взял ее за прямые плечи и нежно обнял, готовый к отпору.)

В свою очередь, для *okamih* характерно тяготение к семантике со значением начала, возникновения чего-либо, напр.: **okamih počatia, okamih narodenia, okamih vzniku, okamih oploďenia, okamih zrodu, okamih začatia, okamih začiatku, okamih štartu**. Одни из наиболее высоких показателей t-score для данной лексемы: 10,686 у **okamih počatia**, 6,812 у **okamih narodenia**, 7,429 у **okamih vzniku**, 6,050 у **okamih zrodu**.

- (31) *Kedže dieťa je podľa iniciatívy už od **okamihu počatia** človekom, je interrupcia vraždou.* (Поскольку, согласно инициативе, ребенок уже с **момента зачатия** является человеком, аборт равносителен убийству.)
- (32) *Nájomca je povinný platiť nájomné od **okamihu vzniku** najmú až do jeho skončenia.* (Съемщик обязан платить деньги за съем с **момента возникновения** найма вплоть до его окончания.)
- (33) *S nádejou v srdci som si pomyslel, že meudonské lipy môžu byť pre mňa, Slovana a Slováka, dobrým znamením. Tie symboly slovanstva mi pripomenuli prívetivé martinské*

*lipy, svedkov slávneho **okamihu zrodu** našej Maticy.* (С надеждой в сердце я подумал, что мёдонские липы могут стать для меня, славянина и слова, добрым знаком. Эти символы славянства напомнили мне приветливые мартинские липы, которые были свидетелями славного **мига возникновения** нашей Матицы.)

Chvíľa в аналогичных сочетаниях всегда характеризуется большей мерой абстракции и обобщения, чем *okamih*, кроме того, различается предложное оформление конструкций — *vo chvíli počatia*, но *od okamihu počatia*. В первом случае акцентируется само действие, во втором оно предстает как точка отсчета, и главным становится исходное наличие и неизменность свойств, присущих объекту. Аналогичную картину мы видим и с конструкцией *chvíľa narodenia*, где рождение трактуется как процесс, но не как факт появления:

- (34) *Matka blízko pri svojom srdci ľahučko drží Ježiša (už nie celkom malé dieťa).* Aký zvláštny je vzťah matky a dieťaťa? Vo **chvíli počatia** sa stáva čosi, čo už nikto na svete nemôže zvrátiť. (Мать возле сердца легонько держит Иисуса (уже подросшего ребенка). Какими особенными являются отношения матери и ребенка? Уже в **минуту зачатия** возникает нечто, что уже не изменить.)
- (35) *Nijaký človek nie je uzavretý sám v sebe, nik nemôže žiť iba v sebe a pre seba.* Život dostávame, a to nie iba vo **chvíli narodenia**, ale každý deň. (Ни один человек не замкнут сам в себе, никто не может жить лишь в себе и для себя. Жизнь мы получаем, причем не только в **минуту появления на свет**, но каждый день.)

Сочетания *chvíľa vzniku*, равно как и *chvíľa oplodnenia*, *chvíľa zrodu*, *chvíľa začatia*, *chvíľa začiatku*, *chvíľa štartu* в SNK не представлены.

Кроме того, исключены сочетания *minúta počatia*, *minúta vzniku*, *minúta oplodnenia*, *minúta zrodu*, а также *minúta začatia*, *minúta začiatku*. Для лексемы *minúta* свойственна прежде всего целевая интерпретация конструкции с субстантивами, обозначающей паузу, в значение темпорального слова здесь входит официальное долженствование: сочетания *minúta pokoja*, *minúta pohody*, *minúta relaxu*, *minúta slobody* в SNK не представлены. **Minúta ticha** идиоматизировалась и употребляется только в значении «официальная минута молчания», т. е. 60 секунд, в течение которых полагается сохранять молчание, носящее символический характер.

- (36) *Prítomní si **minútou ticha** uctili obete ničivého zemetrasenia a jadrovej katastrofy v Japonsku.* (Присутствующие **минутой молчания** почтили память жертв разрушительного землетрясения и ядерной катастрофы в Японии.)

В высказываниях, содержащих сочетания *minúta spánku*, *minúta odpočinku* речь идет прежде всего о том, какое воздействие будут иметь на человека X минут сна / отдыха:

- (37) *Doba trvania procedúry je 20 minút, nasleduje 10 minút odpočinku v zábale.*
 (Само выполнение процедуры занимает 20 минут, затем следуют 10 **минут отдыха** в обертывании.)

Здесь также на передний план выдвигается целевая наполненность промежутка, т. е. *minúta* — это отрезок времени фиксированной длины, который служит достижению определенных целей. В случае с *minúta mlčania* всегда имеют место конструкции вида *po niekoľkych minútach mlčania X povedal Y*:

- (38) *Draco potichu miešal elixír. Po niekoľkých minútach mlčania prehovoril. Je to jednoduché, naozaj.* (Драко потихоньку размешивал эликсир. Через **несколько минут, во время которых было тихо**, он заговорил. Это просто, в самом деле.)

Сочетания *X minút oddychu* представлены в двух случаях: если речь идет о предписаниях и число минут, отведенных на отдых, чередуется с определенным числом минут, отведенных на физическую нагрузку, либо же если минуты отдыха представляют собой некоторую «ценностью», т. е. достались субъекту действия в результате экономии сил либо другой запланированной стратегии:

- (39) *Blatné, Senec, Bernolákovo... Päťdesiat päť minút chôdze, päť minút oddychu. Únavu, smäď a hlad zaháňa pivom.* (Блатне, Сенец, Бернолаково... **Пятьдесят пять минут ходьбы, пять минут отдыха.** Усталость, жажду и голод он лечит пивом.)

В SNK отсутствуют сочетания из области ментальных действий *minúta rozmyšľania, minúta premyšľania, minúta zamyslenia, minúta váhania, minúta zaváhania, minúta pochybnosti*, равно как *minúta rozhodovania, minúta rozhodnutia*. **Minúta hľadania** как процесс, который имеет цель, в SNK нешироко, но представлена (19 позиций):

- (40) *V ranných hodinách bol v Bratislave problém nájsť čerpaciu stanicu, na ktorej by bolo vidieť protest dopravcov. Po dvadsiatich minútach hľadania v bratislavskej Vrakuni sme napokon narazili na čerpačku, na ktorej stál osamotený mladík.* (В утренние часы было сложно найти в Братиславе заправочную станцию, на которой бы протестовали экспедиторы. **Поиски продолжались двадцать минут**, наконец в районе Вракунь мы наткнулись на заправку, где одиноко стоял юноша.)

Аналогичную ситуацию мы видим у сочетания *minúta voľna* (13 позиций), которое употребляется в составе конструкций вида *X užil Y minút voľna na Z*.

- (41) *Pán Smith sa rozhodol venovať svojich sedem minút voľna práci. Na konci každej jazdy klčoval kríky a vytrhával burinu.* (Мистер Смит решил посвятить все **семь**

свободных минут работе. В конце каждого рейса он корчевал кусты и вырывал бурьян.)

Для *minúta* тем самым основной сферой сочетаемости в рамках генитивной конструкции оказываются субстантивы, имеющие регламентированный, «запланированный» интервал, т. е. начало и конец. Наиболее характерны здесь сочетания вида *minúta zápasu*, *minúta stretnutia*, *minúta vysielania*, а также конструкции с существительными, обозначающими перемещение: *minúta letu*, *minúta jazdy* (t-score 14,713), *minúta chôdze* (t-score 22,836). Подобная сочетаемость не свойственна для *chvíľa* и *okamih*.

- (42) *Dryden držal vrtuľník nízko, odhadom šesťdesiat metrov nadzemou. Pred nimi bolo Fresno, nejakých desať minút letu, ale jeho predmestia sa nachádzali ešte bližšie.* (Драйден вел вертолет низко, примерно шестьдесят метров над землей. Впереди лежало Фресно, примерно десять **минут полета**, однако его предместья располагались еще ближе.)
- (43) *O niečo vyššie v dolink a po ľavej ruke sa nachodí už spomínaná "Malá brána". Ne-preznačkovaný chodník, ktorý vychodí nase verz "Goticke jbrány", nás za 2–3 minúty chôdze privedie k skalnej bráne, ktorá svojím tvarom pripomína bránu "Kamenný polmesiac".* (Немного выше в долине по левой руке находится уже упомянутые «Малые ворота». Неотмеченная тропа, которая идет на север от «Готических ворот», через 2–3 **минуты пешей ходьбы** приведет нас к скалистым воротам, которые по форме напоминают ворота «Каменный полумесец».)

б) Далее рассмотрим очень частотные сочетания *chvíľa života*, *chvíľa smrti*; *okamih života*, *okamih smrti*; *minúta života*, *minúta smrti*. Для *chvíľa* и *okamih* они будут одними из основных, но несколько менее характерны для *minúta*.

Chvíľa života, как правило, предполагает непосредственную позицию субъекта восприятия (**prežiť chvíľe života**):

- (44) *Svoje najhoršie chvíľe života neprežívali vtedy, ale teraz, s odstupom času, keď sa v noci potí a pod tlakom nočnej mory, údy majú paralyzované a namiesto slov zo seba vyrážajú len akési zvuky.* (Свои самые ужасные **минуты** они пережили не тогда, но теперь, спустя какое-то время, когда ночью они просыпаются в холодном поту, словно их давит ночная мора, тело парализовано и вместо слов из груди вырываются нечленораздельные звуки.)
- (45) *Vzácne a pre každého človeka ojedinelé chvíľe života prežil počasu plynulého týždňa český futbalista Pavel Nedvěd.* (Редкие и для каждого человека неповторимые **минуты** пережил на прошлой неделе чешский футболист Павел Недвед.)

Okamih života предполагает позицию внешней фиксации (**zobraziť okamih života**, **opísat' okamih života**):

- (46) Počas dvoch hodín zobrazujúcich posledné okamihy života slávneho „Vrabčiaka“ sa Edith vracia do detstva, na dlažbu i do bordelu, na javisko ABC, do Olympie, do náručia šťastných i nešťastných lások. (В течение двух часов, которые рассказывают о последних **моментах жизни** прославленного «Воробья», Эдит возвращается в детство, на мостовую и в бордель, на сцену АВС, в Олимпию, в объятия своих счастливых и несчастных возлюбленных.)
- (47) Dôležité **okamihy života** zostávajú zachytené na papieri ako farby alebo tvary, z ktorých býva rodič zmätený. (Важные **моменты жизни** остаются запечатленными на бумаге, как краски или формы, которые приводят родителя в смятение.)

Okamih života — это, как правило, ситуации, которые становятся предметом рационального осмысления постфактум, в то время как **chvíľa života** привязана к моменту восприятия и эмоционально окрашенному проживанию события. Отчасти нейтрализация лексем происходит в суперлативном контексте (**bola to najkrajšia chvíľa života / bol to najkrajší okamih života**):

- (48) Nevestu v najkrajšej chvíli života prišli do kostola pozdraviť kolegyne, ktoré jej zaspievali, čo bolo veľmi milým prekvapením. (Невесту в самый прекрасный **момент ее жизни** пришли в костел поздравить коллеги, которые спели ей, что было довольно милым сюрпризом.)
- (49) Je to paradox: Prečo časom nevyhnutne vyblednú aj najšťastnejšie **okamihy života**, ale najnepatrnejšie detaľy pohromy človek nikdy nezabudne, ani keby sa neviem ako usiloval? (Это парадокс. Отчего со временем неизбежно тускнеют даже самые счастливые **мгновения жизни**, но самые неприятные детали несчастья человек никогда не забудет, сколько бы ни старался?)

При этом соответствующие сочетания с *chvíľa* тяготеют к семантике непосредственного восприятия, в то время как сочетания с *okamih* — к ретроспективной семантике, прокручиванию событий в памяти. Точно так же *chvíľa* тяготеет к хабитуальным контекстам (**každú chvíľu života**), в то время как *okamih* — как к хабитуальным, так и к конкретно-референтным (ср. **istý okamih života**):

- (50) Život stareho otca bol ťažký boj, nie však slovom, ale skutkami; každú chvíľu života vyplnil činom. (Жизнь дедушки была тяжелой битвой, не словом, но поступками; каждую **минуту жизни** он наполнял действием.)
- (51) Genetický kód v nás v istom okamihu života stlačí spínač. (Наш генетический код в какой-то **момент жизни** нажмет на выключатель.)

Ср. также сочетания **posledná chvíľa života / posledný okamih života:**

- (52) Rozhodujúci bude posledný **okamih života**, stav duše. Vo večnosti sa už nič nemôže meniť. (Решающим будет последнее **мгновение жизни**, состояние души. В вечности уже ничто не изменится.)

Точно так же сочетанием *chvíľa smrti* обозначается процесс умирания и восприятия человеком окружающей действительности в этот отрезок времени, в то время как *okamih smrti* говорит о внешнем наблюдении за процессом умирания либо констатацию факта смерти:

- (53) *Nedovolíme, aby kdekolvek na svete jestvovala jediná mylná myšlienka, akokoľvek tajná a bezmocná. Dokonca ani len vo chvíli smrti si nemôžeme dovoliť úchytku.* (Мы не позволим, чтобы где-то в мире существовала хоть одна ложная идея, какой бы тайной и слабой она ни была. В конце концов, даже в **минуту смерти** мы не можем позволить себе дать слабину.)
- (54) *Viem, že keď umriem (ak je pravda, že človeku sa vo chvíli smrti premietne ako film celý jeho život), potom sa v tomto okamihu na chvíľku film zastaví.* (Я знаю, что, когда буду умирать (если правда, что в **минуту смерти** у человека словно фильм проходит перед глазами вся его жизнь), потом в один миг на мгновение фильм остановится.)
- (55) *Svoju kariéru začal ako klavirista a skladateľ, v roku 1948 začal spoluprácu s LaScalou a v rokoch 1966–68 pôsobil ako jej umelecký riaditeľ. V okamihu smrti bola priňom jeho o 44 rokov mladšia manželka, sopranistka Denia Mazzolová.* (Свою карьеру он начинал как пианист и композитор, в 1948 г. начал сотрудничать с Ла Скала, в 1966–68 гг. был его художественным руководителем. **Когда он умирал**, с ним была его жена, певица сопрано Дения Маццоло, моложе его на 44 года.)
- (56) *Človek pri narodení podľa neho nie je taký oddelený od ostatných ako v okamihu smrti.* (Когда человек рождается на свет, он не настолько отчужден от окружающих, как в **момент смерти**.)
- (57) *Dedičstvo sa nadobúda okamhom smrti poručiteľa.* (Наследство вступает в силу с **момента смерти** поручителя.)

Для сочетаний **minúta života** характерно, что речь в подавляющем большинстве случаев идет о последних минутах жизни, причем задокументированных внешними наблюдателями, это представлено в контекстах вида «я хочу знать, каковы были последние минуты его жизни», либо «в последние минуты жизни он успел сделать X» (речь здесь идет как о реальной жизни, так и о киносценариях). В другой группе контекстов **minúta života** предстает как ценность, которую можно прибавить или убавить:

- (58) *V skutočnosti sú posledné minúty života tohto záhadného politika zdokumentované dosť presne: "Dovolte mi, aby som povedal...", vyhlásil pevným hlasom. "Ty už si všetko povedal. Zapchajte mu ústa uterákom," prikázal prokurátor Rudenko.* (На самом деле последние **минуты жизни** этого загадочного политика задокументированы весьма точно: «Позвольте мне сказать», — произнес он твердым голосом. «Ты уже все сказал. Заткните ему рот полотенцем», — приказал прокурор Руденко.)

- (59) *Kapor ukázal na cigaretu, ktorú som si práve zapálil, „dobre si ten dym vychutnajte, lebo jedna cigareta vás okráda o tri minúty života.* Dúfam, že si to uvedomujete.”
 (Капор показал на сигарету, которую я успел зажечь: «Насладитесь этим дымом сполна, поскольку каждая сигарета сокращает вашу **жизнь на три минуты**. Я надеюсь, вы это осознаете.»)

Сочетание *minúta smrti* в SNK не представлено.

Таким образом, все три лексемы по-разному соотносятся с семантикой начала / конца: *okamih* тяготеет к началу, *minúta* – к концу как к осознанной и заранее запланированной цели, в то время как *chvíľa* – это прежде всего промежуток, причем не ограниченный строго начальной либо конечной фазой. *Minúta* представляет собой время именно социальное, имеющее определенную функциональную предназначность. *Chvíľa* и *okamih* маркируют личное время, из них первая лексема тяготеет к эмоционально-чувственному / иррациональному осмыщению личного времени и, соответственно, к фиксации ситуации изнутри, с позиции субъекта восприятия, в то время как вторая – к рационально-аналитическому и к фиксации ситуации с позиции внешнего наблюдателя. Если сравнивать полученную схему с той, которая описана в работе Е. С. Яковлевой, мы можем увидеть, что словацкая модель субстантивов кратковременности демонстрирует иную в сравнении с русской структурой: рациональное / иррациональное время здесь входят в состав личного, а так наз. бытовое разбивается на частное (личное) и социальное, при этом «вневременной» выход имеет именно личное время. Вечность здесь не противопоставлена сиюминутному, но выступает частью внутреннего в противоположность регламентированному и целоформленному внешнему. Детальное сопоставление функционирования субстантивов кратковременности в генетически родственных языках, с одной стороны, и ареально соседствующих – с другой, составляет общую перспективу исследования.

Библиография

Горина 2014

Горина О. Г., *Использование технологий корпусной лингвистики для развития лексических навыков студентов-регионалов в профессионально ориентированном общении на английском языке*, дис. ... канд. пед. наук, Москва, 2014.

Захаров, Хохлова 2010

Захаров В. П., Хохлова М. В., «Анализ эффективности статистических методов выявления коллокаций в текстах на русском языке», in: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*, 16, 9, С.-Петербург, 2010, 137–143.

Кондратенко 2015

Кондратенко М. М., «Обозначение времени в славянских говорах», in: *Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова*, 21, 1, 2015, 150–153.

— 2015a

Кондратенко М. М., «Семантическая структура народной хрононимии в славянских и немецких говорах», in: *Славяноведение*, 6, 2015, 37–44.

Коницкая 2008

Коницкая Е. М., «К сопоставлению темпоральных фрагментов словенской и русской языковых картин мира: суточное время», in: *Respectus philologicus*, 2008, 14, 177–184.

— 2011

Коницкая Е. М., «О некоторых исконных темпоральных лексемах русского и словенского языков: время и час», in: *Славянские чтения VIII*, Stankeviča A., ред., Даугавпилс, 2011, 209–218.

Петрухина 2015

Петрухина Е. В., «Векторы времени и русская языковая картина мира», in: *Когнитивные исследования языка*, 21. Проблемы современной лингвистики: на стыке когниции и коммуникации. Москва – Тамбов 2015, 106–113.

Рахилина 2000

Рахилина Е. В., *Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость*, Москва, 2000.

Хохлова 2010

Хохлова М. В., *Исследование лексико-семантической сочетаемости в русском языке с помощью статистических методов (на материале корпусов текстов)*, автореферат докторской ... канд. филол. наук, Москва, 2010.

Ягунова 2010

Ягунова Е. В., Пивоварова Л. М., «Природа коллокаций в русском языке. Опыт автоматического извлечения и классификации на материале новостных текстов», in: *Научно-техническая информация, Серия 2: Информационные процессы и системы*, 6, 2010, 30–40.

Яковлева 1994

Яковлева Е. С., *Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия)*, Москва, 1994.

Biber, Conrad, Reppen 1998

Biber D., Conrad S., Reppen R., *Corpus Linguistics: Investigating language structure and use*, Cambridge, 1998.

Čermák 2006

Čermák F., “Kolokace v lingvistice”, in: *Kolokace. Studie z korpusové lingvistiky*, 2, Čermák F., Šulc M., eds., Praha, 2006, 9–16.

Duchková 2009

Duchková S., “Z nových výrazov – Nové výrazy (54)”, in: *Kultura slova*, 43, 2, 2009, 124–128.

Karčová 2013

Karčová A., “Postpozícia nerozvitého zhodného atribútū (výskum na báze Slovenského národného korpusu a českého korpusu ORWELL)”, in: *Grammar and Corpora 2012*, Hradec Králové, 2013, 1–13.

KSSJ4

Krátky slovník slovenského jazyka, Kačala J., Pisárčiková M., Považaj M., red., 4 výd., Bratislava, 2003.

Majchráková 2010

Majchráková D., “Štatistické metódy vyhľadávania verbo-nominálnych kolokácií v korpusе a analýza kolokačných mier, in: *Varia XVII. Zborník materiálov zo XVII. kolokvia mladých jazykovedcov (Liptovská Osada – Škutovky 7.–9.11.2007)*”, Kováčová V., ed., Ružomberok, 2010, 313–321.

Šimková 2011

Šimková M., "Frekvencia slov a tvarov v súčasnej slovenčine", in: *Slovenská reč*, 76, 5–6, 2011, 322–333

SSJ

Slovník slovenského jazyka, 1, A – K, Peciar Š., red., 1 výd., Bratislava, 1959, 2, L – O, Peciar Š., red., 1 výd., Bratislava, 1960.

SSSJ-AN

Slovník súčasného slovenského jazyka, 1, A – G, Buzássyová K., Jarošová A., eds., Bratislava, 2006, 3, M – N, Jarošová A., ed., Bratislava, 2015.

Uhliřová 2002

Uhliřová L., "Zipf's notion of economy (a case study in Czech)", in: *Glottometrics*, 3, 2002, 39–60.

References

- Biber D., Conrad S., Reppen R., *Corpus Linguistics: Investigating language structure and use*, Cambridge, 1998.
- Čermák F., "Kolokace v lingvistice", in: *Kolokace. Studie z korpusové lingvistiky*, 2, Čermák F., Šulc M., eds., Praha, 2006, 9–16.
- Duchková S., "Z nových výrazov – Nové výrazy (54)", in: *Kultura slova*, 43, 2, 2009, 124–128.
- Karčová A., "Postpozícia nerozvíteného zhodného atribútu (výskum na báze Slovenského národného korpusu a českého korpusu ORWELL)", in: *Grammar and Corpora 2012*, Hradec Králové, 2013, 1–13.
- Kondratenko M. M., "Interpretation of 'time' in slavic patois", in: *Vestnik of Nekrasov Kostroma State University*, 21, 1, 2015, 150–153.
- Kondratenko M. M., "Semantic structure of the popular chrononyms in Slavic and German dialects", in: *Slavyanovedenie*, 6, 2015, 37–44.
- Konickaja [= Konitskaya] E. M., "On Comparing Temporal Fragments of the Russian and Slovenian Worldview: The Period of Day and Night", in: *Re-spectus philologicus*, 2008, 14, 177–184.
- Konitskaya E. M., "On Several Native Temporal Lexemes in the Russian and Slovenian Languages: *время* and *čas*", in: *Slāvu Lasījumi VIII*, Stankevič A., ed., Daugavpils, 2011, 209–218.
- Majchráková D., "Štatistické metódy vyhľadávania verbo-nominálnych kolokácií v korpuse a analýza kolokačných mier", in: *Varia XVII. Zborník materiálov zo XVII. kolokvia mladých jazykovedcov (Liptovská Osada – Škutovsky 7.–9. 11. 2007)*, Kováčová V., ed., Ružomberok, 2010, 313–321.
- Petrukhina E. V. "Vectors of time and Russian language picture of the world", in: *Cognitive Studies of Language*, 21, Moscow – Tambov 2015, 106–113.
- Rakhilina E. V., *Kognitivnyi analiz predmetnykh imen: semantika i sochetaemost'*, Moscow, 2000.
- Šimková M., "Frekvencia slov a tvarov v súčasnej slovenčine", in: *Slovenská reč*, 76, 5–6, 2011, 322–333.
- Uhliřová L., "Zipf's notion of economy (a case study in Czech)", in: *Glottometrics*, 3, 2002, 39–60.
- Yagunova E. V., Pivočarová L. M., "Priroda kolokatsii v russkom iazyke. Opyt avtomaticheskogo izvlecheniya i klassifikatsii na materiale novostnykh tekstov", in: *Nauchno-tehnicheskaiia informatsiia. Seria 2: Informatiionnye protsessy i sistemy*, 6, 2010, 30–40.
- Yakovleva E. S., *Fragmenty russkoj iazykovoi kartiny mira (modeli prostranstva, vremeni i vospriiatiia)*, Moscow, 1994.
- Zakharov V. P., Khokhlova M. V., "A Study of Effectiveness of Statistical Measures for Collocational Extraction on Russian Texts", in: *Computational Linguistics and Intellectual Technologies*, 16, 9, St. Petersburg, 2010, 137–143.

Дарья Юрьевна Ващенко, канд. филол. наук,
старший научный сотрудник отдела славянского языкознания
Института славяноведения Российской академии наук,
119334, Москва, Ленинский проспект, 32а
Россия / Russia
daranis@mail.ru

Received June 14, 2018

*Памяти Арсения Николаевича Насонова
(1898–1965)*

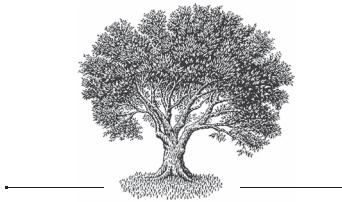

А. Н. Насонов

Фотография конца 1930-х – начала 1940-х годов
(Архив РАН. Ф. 1547. Оп. 1. Д. 245. Л. 4; публикуется впервые)

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International

Вспоминая Арсения Николаевича Насонова

**Владимир Андреевич
Кучкин**

Институт российской истории
Российской академии наук
Москва, Россия

Remembering Arseny Nikolaevich Nasonov

Vladimir A. Kuchkin

Institute of Russian History of the
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Резюме

В августе 2018 г. исполнилось 120 лет со дня рождения выдающегося историка и археографа Арсения Николаевича Насонова (1898–1965). Труды учёного в области истории русского летописания, как и в целом его исследования и публикации источников русской истории, до сих пор во многом остаются образцовыми. В память о А. Н. Насонове в настоящем выпуске журнала «Slověne» редакция публикует ряд статей, связанных с кругом его научных интересов. Эту подборку открывают мемуары В. А. Кучкина, начинавшего под руководством А. Н. Насонова свой исследовательский путь.

Ключевые слова

история Древней Руси, источниковедение, русские летописи, археография, Арсений Николаевич Насонов, Михаил Николаевич Тихомиров, Житие князя Михаила Ярославича Тверского

Abstract

August 2018 marked 120 years since Arseny Nasonov's (1898–1965) birth. Arseny Nikolaevich Nasonov was an exceptional historian and a specialist in

---

Цитирование: Кучкин В. А. Вспоминая Арсения Николаевича Насонова // Slověne. 2018. Vol. 7, № 2. С. 342–355.

Citation: Kuchkin V. A. (2018) Remembering Arseny Nikolaevich Nasonov. *Slověne*, Vol. 7, № 2, p. 342–355.
DOI: 10.31168/2305-6754.2018.7.2.13

archaeography. His works on the history of Russian chronicle-writing, as well as studies and publications on various Russian historical sources, still remain, in many regards, a standard. By the editorial board decision, in Arseny Nasonov's memory, this issue of *Slověne* features several articles connected to his research interests. This collection begins with memoirs of V. Kuchkin, who started his scientific career under Nasonov's tutelage.

Keywords

history of Rus', source studies, Russian chronicles, archaeography, Arseny Nikolaevich Nasonov, Michael Nikolaevich Tikhomirov, The Life of Mikhail Yaroslavich of Tver

В конце сентября 1957 г. я, только что закончивший учебу в Московском государственном университете и получивший направление на работу в Институт истории АН СССР, о чем мечтал со школьных лет, должен был пройти собеседование с заведующим сектором источниковедения истории СССР до Октябрьского периода профессором А. А. Новосельским. Возглавляя сектор, Алексей Андреевич был в те годы еще и заместителем директора Института истории. Когда я приносил в Институт документы для устройства на работу, мы встретились с ним, не много поговорили, и мне было назначено прийти на собеседование.

И вот А. А. Новосельский беседует со мной, спрашивает, умею ли я читать древнерусские тексты. Я отвечаю утвердительно, потому что с третьего курса по требованию своего наставника академика М. Н. Тихомирова занимался в Центральном архиве древних актов (ЦГАДА), изучая документы по истории московской Бронной слободы. Но, к моему удивлению, мы беседуем не с глазу на глаз. В секторской комнате поближе к А. А. Новосельскому и наискосок от меня сидит еще один человек. Он в годах, на голове редкие волосы, одет не строго, светлый пиджак видел виды и помят, брюки другого цвета, но обязательный в те времена галстук на месте. Впрочем, обращают на себя внимание не его одежды, а светлые голубые глаза, которые глядят в разные стороны, то вниз, то вверх, то на А. А. Новосельского, но на меня не смотрят. А. А. Новосельский беседует со мной, а незнакомец сидит и не произносит ни звука. Собеседование кончается, мы встаем со стульев, я прощаюсь и ухожу.

В Институте у меня были знакомые, и я тут же рассказал им о собеседовании, которое посчитал для себя успешным, и, заинтересованный, поинтересовался, кто же был третьим, молчаливым участником разговора. Начались дотошные расспросы, требовали деталей, я подробно отвечал, и выяснилось, что это был Арсений Николаевич Насонов. Меня такое опознание крайне изумило. Фамилию Насонова я слышал еще на

студенческой скамье. Ее называл ведший семинар на первом курсе в нашей студенческой группе Б. А. Рыбаков. Называл с уважением и писетом. Однако мне казалось, что А. Н. Насонов живет в Ленинграде, а не в Москве. Во всяком случае, в той московской научной среде, в которой я в юные годы вращался, его фамилии не упоминали. Позднее выяснилось, что свою научную карьеру Арсений Николаевич начинал действительно в Ленинграде, но в первой половине 30-х гг. переехал из Ленинграда в Москву.

Вскоре стало ясным, что на собеседовании А. Н. Насонов присутствовал не случайно. Я был зачислен младшим научно-техническим сотрудником в сектор А. А. Новосельского, но попал в секторскую группу по изданию летописей, которую возглавлял А. Н. Насонов. Если мои навыки в чтении скорописных текстов главным образом XVII в. были признаны удовлетворительными, то мое знание древнерусского языка, видимо, вызывало большие сомнения. И меня посадили за стол в большом зале институтской библиотеки, заставив штудировать учебник «Историческая грамматика русского языка» П. Я. Черных. Рабочий день тогда начинался в 9 часов утра и продолжался до 18 часов. 1 час из этого времени отводился на обед. Работали 6 дней в неделю, суббота была рабочим днем. К 9 часам я приходил в Институт, занимал свое место за столом в библиотеке и начинал вникать в особенности склонений существительных в двойственном числе. Запомнить такие особенности было очень трудно, тем более что какая-либо практика не предусматривалась. Если в первые часы рабочего дня что-то еще усваивалось, то на четвертом и пятом часах чтения не запоминалось ничего. С места работы-мечты в Институте истории хотелось бежать без оглядки. Помогли институтские знакомые, которые подсказали, что после 50-ти минут томительного изучения учебника П. Я. Черных надо делать 10-минутное хождение по коридорам Института. На помощь пришел и А. Н. Насонов. Через месяц сидения в институтской библиотеке он перевел меня в отдел рукописей Государственной библиотеки имени В. И. Ленина.

Там уже трудились два других сотрудника «Летописной группы»: Н. Н. Улащик и С. М. Каштанов. Они готовили к печати XXVII том «Полного собрания русских летописей» (далее – ПСРЛ), который должен был быть издан под редакцией А. Н. Насонова. Н. Н. Улащик готовил к публикации текст Никаноровской летописи, С. М. Каштанов – тексты Сокращенных летописных сводов 1493 и 1495 гг. Их задача прежде всего сводилась к тому, чтобы снять как можно аккуратнее копии с тех древних летописей, которые должны были быть напечатаны в XXVII томе ПСРЛ. Свои списанные вручную летописные тексты Н. Н. Улащик и С. М. Каштанов относили машинистке. Клавдия

Ивановна перепечатывала их. И тут наступала моя очередь. Я получал машинописные листы и должен был сверять машинописный текст с текстом оригиналов. А вдруг Н. Н. Улащик или С. М. Каштанов сделали ошибки в своем переписывании, что-то прочли не так, что-то по невнимательности пропустили: букву, слово или даже целую строку текста?! При проверке выяснялось, что улащиковские и каштановские копии очень точны, грубых ошибок (пропусков слов и тем более строк) не было вообще, мелкие встречались, но очень редко.

К концу каждого рабочего дня в отделе рукописей ГБЛ появлялся Арсений Николаевич. Он проверял, что сделано копировальщиками текстов и сверщиком за трудовые часы. Норма выработки всегда была высокой, но это достигалось напряжением сил. Сверять, например, тексты оригиналов и машинописных копий было интереснее, чем зубрить историческую грамматику русского языка по пособию П. Я. Черных. Но и тут после 4–5 часов работы наступала фаза, когда тексты виделись как в тумане, смысл написанного летописцем становился неуловим, деления на слова — сомнительными. Появлялись ошибки, которые обнаруживались утром следующего дня, когда на свежую голову шла проверка сделанного вчера. Нужно было изобрести нечто такое, что сохраняло бы внимание к проверке даже на пятом часу работы.

Такое «изобретение» было найдено: правильно ли делят на слова единый летописный текст мои старшие коллеги Н. Н. Улащик и С. М. Каштанов? Поиск ошибки всегда занимален, и это удерживало внимание к сверке даже к концу рабочего дня. Теперь, когда приходил А. Н. Насонов и спрашивал, есть ли какие поправки к машинописному тексту, я отвечал, что есть, и предлагал новые чтения, по-иному, чем Н. Н. Улащик и С. М. Каштанов, разделяя текст на слова. А. Н. Насонов просматривал текст, превращавшийся в спорный, никаких оценочных слов не произносил (это значило сразу обидеть или копировальщиков, или сверщика), а спокойно говорил: «Давайте посмотрим словарь Срезневского». Три тома «Материалов для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И. И. Срезневского, опубликованные еще до революции, были закончены переизданием как раз в 1958 г. Эти новенькие тома в красивых светло-коричневых переплетах стояли на полке библиотеки отдела рукописей ГБЛ. Новенькие-то и красивенькие они были, но каждый том весил примерно по 3 кг. Вчерашний тощий студент, кляня в душе себя за праздные предложения, а руководителя — за чрезмерный педантизм, с трудом волочил сразу три тома и клал их на стол перед Насоновым. Последний раскрывал их перед собой, искал нужное слово, читал статью о его значениях и не находил в ней того значения, которое придавал ему я своим новым сочетанием букв. Увы,

правы оказывались Н. Н. Улащик и С. М. Каштанов. Из десятков моих предложений, кажется, прошло только одно. Уроки Насонова возымели действие. Теперь я сам проверял по словарям правильность возможного деления текста на слова, и если видел в словарях противоречия такому возможному делению, то отказывался от него.

Том XXVII «Полного собрания русских летописей» вышел в свет в 1962 г. В нем были изданы Никаноровская летопись и Сокращенные своды 1493 и 1495 гг. Редактором тома, как и планировалось, был А. Н. Насонов. А тремя годами ранее, когда том XXVII еще готовился к печати, в 1959 г., был издан XXVI том ПСРЛ. В нем были напечатаны вологодско-permские летописи. Редактором тома был мой студенческий учитель М. Н. Тихомиров. При характеристике в томе XXVII ПСРЛ Никаноровской летописи было указано, что «протограф Никаноровской летописи был положен в основание Вологодско-Пермской летописи, но значительно расширен» [ПСРЛ 27: 3]. Сегодня мне представляется, что Никаноровская летопись – поздняя сокращенная выписка из Вологодско-Пермской летописи. Старший список Никаноровской летописи – Ленинградский – датируется последней четвертью XVII в. [Ibid.: 4], временем значительно более поздним, чем основные списки Вологодско-Пермской летописи. Но как бы там ни было, главное – признание А. Н. Насоновым несомненной тесной связи между Никаноровской и Вологодско-Пермской летописями. Это означает, что указанные летописи образуют особую группу в русском летописании, а потому должны были издаваться вместе хотя бы для удобства читателей. Но этого не произошло. А. Н. Насонов не уступил М. Н. Тихомирову публикацию Никаноровской летописи. Видимо, два лучших во второй трети XX в. знатока русских летописных текстов не очень ладили между собой, и их личные отношения влияли на качество советских изданий ПСРЛ в 60-е гг. прошлого столетия.

В 1957–1962 гг. А. Н. Насонов работал не только над изданием XXVII тома ПСРЛ. Он продолжал трудиться над монографией, посвященной истории русского летописания с древнейших времен до эпохи Петра I. В указанные годы он опубликовал 8 статей, из которых хотелось бы выделить две: «Об отношении летописания Переяславля Русского к киевскому (XII в.)» [Насонов 1959] и «Московский свод 1479 г. и его южнорусский источник» [Насонов 1961].

В первой статье выяснялось, откуда в Лаврентьевской летописи после Повести временных лет появился южнорусский летописный материал. Оказалось, что из киевского свода XII в., который был использован и в Ипатьевской летописи. Для этого А. Н. Насонову пришлось привести тщательное сравнение Лаврентьевской и Ипатьевской летописей

на значительном их протяжении. Объем работы был велик, он занял очень много времени, но результат был совершенно нов и строго доказателен.

Во второй статье также сравнивались тексты, на сей раз той же Ипатьевской летописи с московским великоокняжеским сводом 1479 г. В последнем были обнаружены свидетельства, каких не было в подавляющем большинстве других сводов, причем касались они киевских событий XII в. В свое время А. А. Шахматов, обнаружив такие свидетельства в Воскресенской летописи, возводил их к Владимирскому Поликхрону XV в. А. Н. Насонов нашел эти свидетельства в более раннем памятнике — своде 1479 г., который был источником Воскресенской летописи. Чтобы выяснить, как уникальные свидетельства попали в свод 1479 г., А. Н. Насонов применил трудоемкую, но строгую и доказательную методику исследования. Прежде всего, на основании Эрмитажного (РНБ, ф. 885. № 416 б) и Уваровского (ГИМ, собр. Уварова. № 1366; опубликован в [ПСРЛ 25]) списков он восстановил текст свода 1479 г. [Насонов 1961: 364–366]. Далее, выяснив, что в своде 1479 г. есть заимствования, восходящие к таким группам летописей, как Лаврентьевско-Троицкая и Новгородско-Софийская, А. Н. Насонов последовательно извлек такие заимствования из свода 1479 г. В итоге остались 34 летописные статьи этого свода, которые давали сведения, отличные от сведений Лаврентьевской (Троицкой) летописи, а также от Софийской I и Новгородской IV летописей [Ibid.: 372]. Содержание таких 34 статей оказалось близким, но не тождественным сведениям и тексту Ипатьевской летописи. В основе Ипатьевской летописи лежал Киевский летописный свод 1198 г. А. Н. Насонов приходил к выводу, что использованный в своде 1479 г. киевский источник «представлял редакцию, местами отличавшуюся от дошедшей до нас Ипатьевской летописи» [Ibid.: 377]. Иное, более подробное освещение истории древних южнорусских земель в своде 1479 г. А. Н. Насонов связывал с интересом в Москве к положению этнических русских в Литовском государстве второй половины XV в.

Эта работа А. Н. Насонова произвела на меня большое впечатление. Она была похожа на труд высококлассного реставратора живописи, который осторожно снимает с картины тонкий поздний красочный слой, потом еще один, потом другой, и в конце концов картина предстает перед зрителями в своем первозданном виде. Так делал и А. Н. Насонов, постепенно исключая (но не наглядно, а мысленно, что сложнее) из сохранившегося летописного текста заимствования из известных источников, до тех пор, пока не оставался неатрибутированный летописный материал. Мои прямые и косвенные учители строили свои труды по

истории русского летописания на основании смелых догадок о существовании различных не сохранившихся до нашего времени летописных сводов, красочно описывали эти своды, особенно их идеально-политическую направленность, даже не пытаясь реконструировать тексты таких памятников. А А. Н. Насонов указывал конкретные летописные свидетельства, не имевшие аналогов в других сохранившихся летописях, и определял их происхождение. В моих научных планах на будущее произошел перелом.

Когда на третьем курсе истфака МГУ я попал в результате отбора вместе с двумя своими сокурсниками в ученики к академику М. Н. Тихомирову, Михаил Николаевич почти сразу же предложил нам темы курсовых работ, которые в будущем должны были стать дипломными. Но из предложенных тем я не выбрал ничего. Под влиянием другого своего наставника, Б. А. Рыбакова (в семинаре которого я учился на первом курсе, а на втором стал участником другого его семинара, на сей раз не для первокурсников, а для студентов всех курсов истфака), я увлекся работами по истории ремесла древней Руси. За основную книгу на эту тему — «Ремесло древней Руси», роскошно изданную в нелегком 1948 г. — Б. А. Рыбаков получил Сталинскую премию. Меня заинтересовали не предметы, производившиеся русскими средневековыми ремесленниками, а принципы организации их труда, были ли они индивидуалами или же состояли в каких-то объединениях. Б. А. Рыбаков давал очень четкий ответ на такой вопрос: в древней Руси ремесленники объединялись в цеха [Рыбаков 1948: 729–776, 781–782]. Такое утверждение было воспринято советскими историками со скепсисом, но идеологами — просто «на ура». Получалось, что прекрасный знаток вещевого материала русского средневековья (глиняных горшков и мис, железных ножей, стеклянных бус и браслетов, золотых и серебряных княжеских и боярских чаш, церковной утвари и т. д. и т. п.) — Б. А. Рыбаков — на основании научного изучения такого материала доказал существование на Руси цехов, таких, как в самых развитых странах Западной Европы. Подобное заключение говорило о том, что исторические пути развития Восточной и Западной Европы одинаковы, и если Россия пошла по социалистическому пути, то надо ожидать, что по тому же пути пойдут трудящиеся западноевропейских государств. Ручные жернова и бляхи на конской сбруе стали предметами внимания идеологии и большой политики.

Во время учения в МГУ я находился под обаянием этих взглядов Б. А. Рыбакова. Но как найти следы цехов в русской средневековой истории? Ни в каких источниках они не упоминаются, нет и археологических следов их существования в различных русских городах. И вообще,

как было организовано ремесленное производство в допетровской Руси? Известно, например, что в Москве существовало много сотен и слобод, названия которых прямо указывали на ремесленный характер деятельности их населения. А не является ли такая ремесленная слободаrudиментом древнего цеха? Такая мысль пришла мне в голову, и студент-третьекурсник предложил академику свою тему: «Московская Бронная слобода в XVII в.». Академик пожал плечами, но согласился. Позже, когда я защищал дипломную работу почти с таким названием, он поставил мне за нее «отлично», предварительно сказав, что все присутствовавшие в ней пассажи о цехах должны быть убраны. Я не послушался. Возмущение и гнев наставника были естественными, но оценка не изменилась. В свое оправдание могу сказать, что новейшей модной «цеховой болезнью» в те времена страдал не я один. В вышедших в 1953 г. фундаментальных «Очерках истории СССР», где были задействованы лучшие советские историки того времени, был помещен раздел, в котором говорилось о русских ремесленниках и их учениках в X–XII вв., после чего следовало обобщение: «Сложный процесс ремесленного производства, при котором мастер работает с подмастерьями и учениками, предполагает и соответствующую организацию ремесленников, получившую в Западной Европе название цехов» [Рабинович 1953: 142]. Впрочем, через 13 лет, в начатой в 1966 г. новой крупной публикации по истории СССР, о цехах допетровского времени было забыто.

Говоря о своих студенческих приключениях и злоключениях в науке, я хочу объяснить ситуацию, в какую попал, работая в «Летописной группе» под руководством А. Н. Насонова. Под его началом я стал заниматься совсем другим периодом русской истории по сравнению с тем, который я изучал на студенческой скамье. А с прошлым расставаться не хотелось. И в течение долгого времени, возможно, года два или даже больше, я каждый день после проверки А. Н. Насоновым результатов нашей работы по XXVII тому ПСРЛ уходил из отдела рукописей, тут же у станции метро «Библиотека имени Ленина» садился на троллейбус и минут через 15 оказывался на Пироговке в ЦГАДА. Читальный зал архива тогда работал до 10 часов вечера, и я успевал поработать там 2,5–3 часа. Основной массив документов по истории Бронной слободы был изучен еще в студенческие годы, когда было выяснено, что в слободе проживало много различных мастеров Оружейной палаты. Теперь я работал с документами этой палаты, ее приходно-расходными книгами, списками мастеров, где отмечались их убытия или прибытия; челобитными, адресованными в приказ Оружейной палаты и содержавшими жалобы на воришек или даже грабителей-подмастерьев, наглых и высокомерных беломестцев, не желавших нести общеслободские расходы,

и проч. Дело шло о возможном написании кандидатской диссертации, которую я намеревался завершить полным списком мастеров Оружейной палаты в XVII в. Но то, как работал А. Н. Насонов с летописными текстами, меня просто заворожило. Я стал подыскивать себе тему, связанную с русским летописанием.

Еще на первом курсе истфака МГУ, собирая материал для написания доклада в семинаре Б. А. Рыбакова об Иване Калите, я обратил внимание на то, что во многих летописях краткие и довольно скучные летописные записи об этом князе сопровождаются большим, в несколько страниц, подробным и ярким повествованием о казни в 1318 г. в Узбековой Орде тверского князя Михаила Ярославича. Как попал такой рассказ о событиях, разыгравшихся в далекой ханской ставке, в русскую летопись? Почему одни летописи пишут о казни князя Михаила со многими деталями, другие короче, а третьи не пишут совсем? Поговорив обо всем этом с Арсением Николаевичем, мы решили, что вопросы заслуживают внимательного рассмотрения, их разработка может быть внесена в планы сектора, а Арсений Николаевич будет моим научным руководителем. Все так и произошло. Однако сразу работа не закипела. Я по-прежнему посещал ЦГАДА, увлекали новые архивные находки, хотелось побольше печататься. Но примерно с 1960 г., когда подготовка к изданию XXVII тома ПСРЛ начала свертываться, главное было сделано, я по-настоящему стал входить в тему.

Выяснилось, что рассказ о гибели Михаила Ярославича сохранился не только в летописях, но и в сборниках агиографического содержания. Старшая редакция памятника, начинавшаяся словами «Венец убо многоцветный», была наиболее обширной из всех его текстов как в сборниках, так и в летописях. В ней рассказывалось о таких деталях пребывания в Орде и казни князя Михаила, которые отсутствовали во всех других переделках произведения. Это обнаружилось при сплошном, как требовал А. Н. Насонов, а не выборочном, сопоставлении текстов. Делалось очевидным, что эта обширная редакция (я назвал ее Пространной) является древнейшей из всех существующих редакций повествований о Михаиле Тверском.

Текст памятника, начинавшийся словами «Венец убо многоцветный», был известен еще В. О. Ключевскому, но он в своей магистерской диссертации, опубликованной в 1871 г., признал его позднейшим [Ключевский 1871: 71–72, 170 (прим. 1)]. Выяснилось, однако, что свое заключение В. О. Ключевский сделал на основе частичного сравнения текстов. Я был горд тем, что мне удалось найти ошибку у самого В. О. Ключевского. Текст, в котором говорилось об этой ошибке, был представлен А. Н. Насонову и с его стороны никаких возражений не вызвал.

Несколько позднее мы встретились с М. Н. Тихомировым. Он спросил меня, как идут мои дела. Я ответил, что неплохо, что я определил старшую редакцию Жития Михаила Ярославича Тверского. «У вас есть ее текст?» — спросил меня Михаил Николаевич. «Да, есть», — ответил я и протянул ему машинописную копию. Тихомиров сел за стол и стал читать первую страницу. Прочитав ее, он откинулся на спинку стула и сказал: «Очень цветистый стиль. Это памятник XV века». Я молча забрал копию. Как такой памятник может быть датирован XV в., если в нем говорится, что во время пребывания в ханской ставке Михаил Ярославич читал Псалтырь «и съгнуша Псалтырь и дасть отроку», а в близком летописном тексте XV в. читается только «и съгнувъ Псалтырь»? В Пространной редакции и летописях одинаково рассказывалось о том, как неприкрытое тело казненного Михаила Ярославича вывезли за пределы ханской ставки и приставили к нему сторожей. Пространная редакция сообщает далее, что «единъ котыгою, еже ношаše, приодѣ его, а другой якыптом своим». Летопись же сообщает о действиях только одного сторожа: «и се единъ прикры тѣло его котыгою, юже ношаše». Победная для тверичей битва при Бортенево 1317 г. в Пространной редакции датирована «мѣсяца декабря 22 день, на память святых мученици Настасьи въ день четвертокъ в год вечерний», а в летописи — «мѣсяца декабря въ 22 день». В Пространной редакции читается полная дата события с указанием месяца, числа месяца и дня недели (в 1317 г. 22 декабря действительно приходилось на четверг). Такая полная точная дата свидетельствовала о том, что она была записана современником событий, т. е. в XIV в. В летописи дана усеченная дата Бортеневской битвы (подробнее см.: [Кучкин 1974: 212–214]). Из моей работы А. Н. Насонов знал о таких разнотечениях, и вывод о первичности Пространной редакции у него сомнений не вызывал. М. Н. Тихомиров опровергал приведенное заключение указанием не на всю сумму особенностей текста Пространной редакции, а только на одну его черту — цветистость литературного стиля. Позднее выяснилось, что начало Пространной редакции было выписано из древнерусского перевода греческого Жития Коинта-Квinta (вторая редакция), составленного, скорее всего, в X в. византийским агиографом Симеоном Метафрастом. Цветистость языка, отмеченная М. Н. Тихомировым, оказалась очень давней и присущей языку не древнерусскому, а иностранному.

В подходах к изучению древнерусских нарративных источников у А. Н. Насонова и М. Н. Тихомирова обнаруживалась принципиальная разница. А. Н. Насонов делал свои заключения после всестороннего исследования всего текста памятника, М. Н. Тихомиров позволял себе опираться на отдельные особенности текста. Хотя я понимал, что

методика А. Н. Насонова была очень трудоемкой и по времени весьма затратной, я целиком был на его стороне, осознавая, что только таким путем можно получить твердые научные результаты, не заражаясь на короткие сроки пристрастиями, вроде «цеховых» гипотез.

Во второй половине 1964 г. работа над диссертацией, посвященной летописным и внелетописным рассказам о Михаиле Ярославиче Тверском, фактически была закончена. Я передал ее в целом виде для окончательного чтения А. Н. Насонову. Он читал ее довольно долго, а закончив читать, сказал: «Вам надо переделать раздел о тверских известиях Владимирского Полихронса». Речь шла об общем источнике Софийской I и Новгородской IV летописей, составленном, как полагали исследователи, около 1423 г. в окружении митрополита Фотия. Изучая рассказы о казни Михаила Ярославича в сводах, содержащих фрагменты тверского летописания, я затруднялся определить, к какому летописному источнику они восходят. И вместо того, чтобы произвести конкретную сверку нужных текстов, я пустился в «логические» рассуждения, которые привели к некоторым результатам, но без всякого их подтверждения. Услышав замечание А. Н. Насонова, я почувствовал себя неудобно: мой наставник сразу разглядел «соломку», которой я прикрыл явно непроработанное место своей диссертации. Предстояло вновь заниматься сопоставлениями текстов, которые уже порядочно приелись. Но делать было нечего, руководитель был прав. Вздохнув, я забрал работу и уехал домой. Что-то надо было делать с самого начала.

Однако начать я ничего не успел. Через несколько дней я позвонил Арсению Николаевичу. К телефону подошла его скорее домоправительница, чем домработница, престарелая Мария Павловна. Она сказала, что Арсений Николаевич подойти не может, он в спальне и дверь не открывает. Понимавший недадное, я поехал на Пятницкую, где жил А. Н. Насонов. Дверь в спальню комнату была широко открыта, на кровати лежал Арсений Николаевич, но уже без дыхания.

Известие о его неожиданной кончине сразу же распространилось по Институту и по родственным учреждениям тоже. Когда я посетил М. Н. Тихомирова, лежавшего в кремлевской больнице, и сказал ему, что нет А. Н. Насонова, он ответил кратко: «Я знаю», — и подробностями не поинтересовался. Люди наружу не выражали своих чувств, но все как-то потускнели, стали тише и невесомее. Я был огорчен очень сильно. Совершенно неожиданно не стало опоры, по-настоящему научного руководителя и наставника. О защите диссертации в ближайшее время нечего было и думать (я защитил ее только в июне 1967 г., потратив 9 месяцев на доработку текста по последнему замечанию А. Н. Насонова). Но главным было — сохранить его научное наследие. Я отвез в Институт

его плановую монографию о русском летописании, где не было дописано заключение. Через некоторое время я уговорил Б. А. Рыбакова, который был очень занят, стать ответственным редактором будущей книги [Насонов 1969]. Он согласился и позднее даже написал небольшую заметку о А. Н. Насонове, включенную в эту книгу. Сам же я договорился в издательстве «Наука», что буду издательским редактором. Это оказалось делом непростым. Надо было составить указатели к последнему труду Арсения Николаевича. Помимо обычных «Указателя имен» и «Указателя географических и этнографических названий» нужно было дать «Указатель летописных памятников». Последний был особенно сложен, поскольку А. Н. Насонов не успел унифицировать названия существовавших и предполагаемых сводов и называл их по-разному. Поэтому в каждом конкретном случае приходилось вчитываться в текст его исследования, определять памятник, сопоставлять с другими его названиями и вносить все эти названия в «Указатель». Помогала семья: жена и даже маленький сын, пошедший в школу. В 1969 г. работа А. Н. Насонова «История русского летописания XI – начала XVIII века. Очерки и исследования» вышла из печати.

Следует, однако, сказать об одной детали, которая стала каплей дегтя в бочке меда. На обложке книги было напечатано не «начала XVIII века», а «начало XVIII века». По всем правилам русского языка, если после слов «История русского летописания» не стоит точка, надо было писать «начала». Точки не было, а слово «начала» почему-то получило другое окончание. Я стал настаивать на том, чтобы ошибка была исправлена. Но куда там. Часто менявшиеся старшие редакторы издательства не хотели отвечать за ошибку. Качество работы их не волновало. Они представления не имели, насколько ценная книга помечается такой ошибкой. Все мои просьбы сопровождались решительными отказами. Единственное, чего мне удалось добиться, это правильного названия книги на титуле. А ведь монография А. Н. Насонова о русских летописях – одна из самых выдающихся в советской исторической науке, и она должна была бы быть соответственно оформлена. Увы, брежневское время оставило на ней свою метку.

С тех пор прошло без малого половина столетия, но до сих пор ни один историк, ни один филолог не сумел написать работу, которая могла бы стать вровень с исследованием А. Н. Насонова о многовековом русском летописании.

Сокращения

- ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва)
 ГИМ — Государственный исторический музей (Москва)
 МГУ — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
 ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
 РНБ — Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)
 ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов (Москва)

Библиография

Ключевский 1871

Ключевский В. О., *Древнерусские жития святых как исторический источник*, Москва, 1871.

Кучкин 1974

Кучкин В. А., *Повести о Михаиле Тверском. Историко-текстологическое исследование*, Москва, 1974.

Насонов 1959

Насонов А. Н., «Об отношении летописания Переяславля Русского к Киевскому (XII в.)», in: *Проблемы источниковедения*, 8, 1959, 466–494.

— 1961

Насонов А. Н., «Московский свод 1479 г. и его южнорусский источник», in: *Проблемы источниковедения*, 9, 1961, 350–385.

— 1969

Насонов А. Н., *История русского летописания XI – начала XVIII века. Очерки и исследования*, Москва, 1969.

ПСРЛ 25

Полное собрание русских летописей, 25: *Московский летописный свод конца XV века*, Москва, Ленинград, 1949.

ПСРЛ 27

Полное собрание русских летописей, 27: *Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV века*, Москва, Ленинград, 1962.

Рабинович 1953

Рабинович М. Г., «Феодальный город. Ремесло. Торговля», in: *Очерки истории СССР. Период феодализма IX–XV вв. В двух частях*, 1: *Древняя Русь. Феодальная раздробленность (IX–XIII вв.)*, Москва, 1953, 124–153.

Рыбаков 1948

Рыбаков Б. А., *Ремесло древней Руси*, Москва, 1948.

References

Kuchkin V. A., *Povesti o Mikhailo Tverskom. Istoriko-tekstologicheskoe issledovanie*, Moscow, 1974.

Nasonov A. N., *Istoriia russkogo letopisaniia XI–nachala XVIII veka. Ocherki i issledovaniia*, Moscow, 1969.

Nasonov A. N., «Ob otnoshenii letopisaniia Pereiaslavlia Russkogo k Kievskomu (XII v.)», in: *Problemy istochnikovedeniia*, 8, 1959, 466–494.

Nasonov A. N., «Moskovskii svod 1479 g. i ego iuzhnorusskii istochnik», in: *Problemy istochnikovedeniia*, 9, 1961, 350–385.

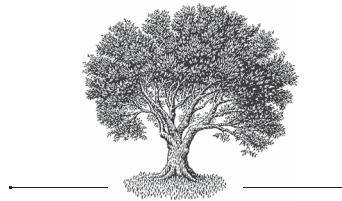
Rabinovich M. G., «Feodal'nyi gorod. Remeslo. Torgovlia», in: *Ocherki istorii SSSR. Period feodalizma IX–XV vv.*, 1: *Drevniaia Rus'*. Feodal'naia razdroblennost'(IX–XIII vv.), Moscow, 1953, 124–153.

Rybakov B. A., *Remeslo drevnei Rusi*, Moscow, 1948.

Владимир Андреевич Кучкин, доктор исторических наук,
главный научный сотрудник,
руководитель Центра по истории древней Руси,
Институт российской истории РАН,
117292, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19
Россия/Russia
drrus_iriran@mail.ru

Received August 15, 2018

К вопросу о понятии *русь* в древнейшем летописании

Пётр Сергеевич
Степанович

Научно-исследовательский
университет – Высшая школа
экономики
Институт российской истории РАН
Москва, Россия

On the Problem of the Name *rus'* in the Earliest Rus'ian Chronicles

Petr S. Stefanovich

National Research University Higher
School of Economics
Institute of Russian History of the Russian
Academy of Sciences
Moscow, Russia

Резюме

В статье исследуется, какую идентичность понимали или конструировали под названием *русь* создатели древнейших летописных текстов. Автор выявляет эти тексты, опираясь на идеи А. А. Шахматова и его текстологическую схему развития древнерусского летописания с середины XI в. до создания «Повести временных лет» в 1110-х гг. В так называемом «Начальном своде», который, согласно Шахматову, был создан в Киево-Печерском монастыре около 1093–1095 гг., автор видит стремление расширить идентичность руси. Создатели этого свода понимали под русью христианский народ и, ориентируясь на образцы византийских хроник, приписывали ему определённое место в мировой истории, представленной в эсхатологическом ключе. Иначе мыслилась русь в древнем «пласте» летописания, которое можно возводить

Цитирование: Степанович П. С. К вопросу о понятии *русь* в древнейшем летописании // Slověne. 2018. Vol. 7, № 2. С. 356–382.

Citation: Stefanovich P. S. (2018) On the Problem of the Name *rus'* in the Earliest Rus'ian Chronicles. *Slověne*, Vol. 7, № 2, p. 356–382.

DOI: 10.31168/2305-6754.2018.7.2.14

примерно к середине XI в. Автор этих текстов пытался, напротив, обособить русь как особую политическую и культурную общность по отношению к соседним народам, прославляя, главным образом, её военные успехи и не акцентируя религиозные вопросы. Автор статьи заключает, что интеллектуалы Киевской Руси могли предлагать весьма различные «стратегии идентификации» и «этнические проекты».

Ключевые слова

средневековая русь, идентичность, этничность, древнерусское летописание

Abstract

In the article the author studies the identity that was referred to by the name *rus'* in the earliest chronicles of Kievan Rus'. The analysis is based on the ideas and reconstructions of Alexei A. Shakhmatov, who proved that the famous Tale of Bygone Years (1100s) had included some earlier chronicle or annalistic texts composed in the 11th century. According to Shakhmatov, the Tale originated from the so-called "Initial Composition" written in Kiev in the 1090s. The author shows that the writer or writers of the "Composition" placed Rus' in the world history according to the eschatological schemes of Byzantine chronicles. They understood Rus' as a Christian people and as a powerful state, and tried to "expand" its identity over local communities. The earlier texts, which can be dated back to the mid-11th century, considered Rus' in a different way: their authors' efforts were to specify its identity in relation to other ethnic or political groups, stressing its military victories and ignoring religious boundaries. The author of the article concludes that the intellectuals of Kievan Rus' were able to propose a variety of distinct "strategies of identification" and "ethnic projects".

Keywords

medieval Rus', identity, ethnicity, Old Russian annals and chronicles

В научной и оклонакадемической литературе много писали о происхождении и смысле слова *русь*, ставшего важнейшим обозначением этнической (этнополитической, этнорелигиозной) принадлежности / идентичности для населения Восточной Европы в X–XII вв. Главным, а во многих работах и практически единственным, источником для выводов по этому поводу служила «Повесть временных лет» (далее – *ПВЛ*) – летописный свод, составленный в Киеве в 1110-е гг. и дошедший до нас в сравнительно цельном виде, хотя в разных редакциях. Между тем, текстологические исследования древнерусского летописания показали, что этому своду предшествовали произведения летописного жанра, создание которых следует относить по крайней мере к середине – второй половине XI в. или даже более раннему времени.

Однако тексты, которые восходят к этим более ранним «пластам» летописания, редко исследовались сами по себе (вне перспективы,

заданной ПВЛ) как источник по истории общественного, в том числе этнического, самосознания. Классическая работа по истории «Русской земли» А. Н. Насонова [Насонов 1951], который — один из немногих историков в XX в. — сочетал текстологический и исторический подходы и учитывал эти тексты, построена как историко-географическое исследование. Эта книга Насонова до сих пор задаёт «вопросник» для работ по этой теме, представляющих собой в основном территориально-географические исследования, причём уже скорее ориентированных на археологические источники, чем на летописную текстологию. Взгляды, концепции и представления летописцев «до ПВЛ», относящиеся к тому, что обозначается в современной науке как «стратегии идентификации» и «сценарии идентичности»¹, остаются, как правило, вне поля зрения современных учёных.

Схема древнейшего летописания была разработана и обоснована в фундаментальных трудах А. А. Шахматова. Важнейший этап летописания, предшествовавший ПВЛ, Шахматов выделил главным образом в результате сравнения списков ПВЛ (в Лаврентьевской (далее — *Лавр*), Ипатьевской и других летописях) с Новгородской I летописью младшего извода (далее — *H1m*), которая, как он показал, донесла до нас, хотя и частично, свод, составленный в середине 1090-х гг. Этот свод он условно назвал «Начальным» (далее — *НС*) [Шахматов 1947/2003]. К *НС* можно возвести первые статьи в *H1m* до рассказа об убийстве Бориса и Глеба в статье 1015 г., а затем фрагмент в статьях с середины 1050-х до обрыва текста в статье 6582 (1074) г. Списки ПВЛ на летописном отрезке с «Повести об убиении Бориса и Глеба» до конца статьи 6601 (1093) г. тоже содержат текст, который восходит к *НС*, но выделять его труднее в отсутствие «параллельного» текста в *H1m* (за исключением указанного фрагмента).

С большей степенью гипотетичности выявляются этапы летописания более ранние, чем *НС*. Здесь Шахматов и следовавшие ему исследователи вынуждены были предпринимать реконструкции, опираясь, в основном, на те или иные текстуальные перебои и «швы» в списках ПВЛ и *H1m* и только в незначительной мере на «параллельные» тексты — прежде всего в летописях группы так называемого «Новгородско-Софийского свода» (Новгородская Карамзинская, Софийская I, Новгородская IV, далее — *НСГ*), сохранивших фрагменты древнейшего летописания. Тем не менее сам факт, что это древнейшее летописание велось, не вызывает сомнения, и в ряде случаев тексты, к нему относящиеся,

---

¹ О проблематике современных исследований этнической, этнополитической и этноконфессиональной истории Средних веков см.: [Степанович 2018], где указана соответствующая библиография.

выделяются сравнительно уверенно. И этот вывод, и важнейшую идею о НС подтверждают современные исследования, опирающиеся уже и на более глубокую разработку летописной текстологии, и на другие методы, в том числе лингвистические².

Разумеется, в текстологических разысканиях и реконструкциях так или иначе обнаруживается, что разным «этапам», «пластам» и «слоям» древнейшего летописания были присущи разные идеи и представления, с помощью или сквозь призму которых книжники осмысливали историю собственной страны. Но всё-таки даже в тех случаях, когда учёные твёрдо признавали летописание «до ПВЛ» как факт текстологический, они мало анализировали его как явление истории литературы и общественной мысли. С этой точки зрения лишь мельком затрагивались понятия руси и Русской земли – понятия, которые, очевидно, должны были быть одними из центральных для выражения современной летописцам идентичности. Как показывается в данной статье, в основание которой положена шахматовская схема летописания и современные научные представления о «Начальной летописи», эти понятия выступают с разным содержанием в текстовом слое, соответствующем НС, и в слоях более ранних.

* * *

Составитель *ПВЛ* создал сложную и не вполне последовательную конструкцию этнополитических отношений Восточной Европы его эпохи, поставив в их центр народ *русь*. Эта конструкция представлена в основном в начальной части свода (прежде всего в так называемом «Введении», специально посвящённом происхождению народов), где были соединены предшествующее летописание и дополнительные источники – такие разные, как устные предания, византийские хроники и, например, «Сказание о преложении книг на словенский язык».

Не без трудностей и противоречий – очевидно, во многом вследствие компилятивного характера работы – составитель *ПВЛ* выстраивает несколько уровней общностей – от «родовой» или «племенной» до конфессиональной – и находит для *руси* некое срединное положение [Толстой 1993/2000; Живов 1998/2002]. *Русью* он обозначает народ и государство, занимающие определённую территорию на Восточноевропейской равнине и подвластные Рюриковичам. *Русь* оказывается частью современных летописцу более широких историко-культурного и религиозного пространств – «словенского языка» и христианского мира. Славянские, в том числе восточнославянские, догосударственные общности (для которых летописец не предлагает какого-либо обобщающего

² См., прежде всего, работы А. А. Гиппиуса [2001, 2010, 2012, Gippius 2014] и др.

термина, а современные учёные используют понятие «племена») рассматриваются как отжившее прошлое.

В тех текстах, которые следует возводить к *НС*, нет ни самой этой многоуровневой конструкции, ни следов этногенетических поисков, представленных в *ПВЛ*. В то же время каких-то кардинальных отличий в понимании руси составителем *НС* на первый взгляд не заметно. «Прямой» географический и этнополитический смысл обозначений *русь* и *Русская земля* в части *Н1м*, которая возводится к *НС*, соответствует, в целом, тому словоупотреблению, которое фиксируется в *ПВЛ* (ср.: [Ведюшкина 1995]). *Русь* выступает в основном как этноним и политоним, но иногда и как хороним. *Русская земля* — в основном как хороним, но в ряде случаев и как политоним³. Как и в *ПВЛ*, в территориальном смысле *русь* и *Русская земля* указывают на всё пространство, подчищённое князьям руси или населённое русью. Нет однозначных случаев, когда они указывали бы на более узкое и ограниченное пространство. В летописании XII в. «Русская земля» иногда обозначает только относительно компактную территорию в среднем Поднепровье, и учёные говорят о «Русской земле в узком смысле слова». В *ПВЛ* лишь одно известие — о разделении Русской земли между Ярославом и Мстиславом «по Днѣпръ» (6534 (1026) г.) [ПСРЛ 1: 149] — можно истолковать в таком смысле [Кучкин 1995: 80]. Вероятно, это известие уже читалось в *НС*, хотя в этой части нет параллельного текста в *Н1м*, который позволил бы провести показательное текстологическое сравнение.

Конечно, составители *НС* и *ПВЛ* исходили из одной первоначальной интенции — рассказать историю Руси, но концептуально смысл этой истории они представляли себе, видимо, несколько по-разному. Знаменитое заглавие *ПВЛ* делает акцент на *происхождении* Руси и правящей в ней династии: «откуду есть пошла Руская зем[л]я, кто в Киевъ нача первѣ княжити и откуду Руская земля стала есть» [ПСРЛ 1: 1–2]. Иначе выглядит заглавие *НС*, которым начинался текст, известный в науке как «Предисловие к *НС*». В датировке этого текста были сомнения, но недавняя работа А. А. Гиппиуса [2010] подтвердила мнение А. А. Шахматова, что он восходит к *НС*. В реконструкции «Предисловия», сделанной Гиппиусом, заглавие читается следующим образом: «Временьникъ, еже нарицаеть ся лѣтописание русьскихъ кънязь и земля Русьскаꙗ; и како избира Богъ страну нашю на послѣднєе времѧ, и гради почаша бывати по мѣстомъ, и о статии Кыева, како въименова ся Кыевъ» [НПЛ 1950/2000: 103–104; Гиппиус 2010: 164–166].

³ Упоминания обоих обозначений см. в «Указателе географических названий и этнонимов», составленном Т. В. Гимоном в переиздании Новгородской первой летописи в 2000 г. [НПЛ 1950/2000: 673].

В этих словах речь тоже идёт о «статии», то есть возникновении (хотя с акцентом на возникновении городов), и тоже о князьях (хотя без упора на то, кто «первее» стал князем), и эта тематика подчёркивается далее в «Предисловии», когда автор ещё раз напоминает, что он пишет «о началѣ Русъскыя земля и о кънязихъ, како отъкуду быша». Но на первое место автор ставит другую мысль: он утверждает особую миссию Русской земли. История Руси показывает, по его мнению, «како изъбра Богъ страну нашу на послѣднєе время».

Возможно, некое представление о божественной предопределённости земной (и даже, как предполагают некоторые историки, именно русской) истории заложено и в труднопереводимом выражении «временных лет», которое входит в название *ПВЛ* [Гиппиус 1993/2000; Данилевский 2004: 235–240]. Но даже если так, это был не более чем, так сказать, намёк для посвящённых. В «Введении» *ПВЛ* ничего не говорится о предопределённости вообще и о месте руси в предопределённой истории. Иначе в «Предисловии к *НС*» — здесь идея богоизбранности Русской земли ввиду наступающего «последнего времени» выражена ясно и безоговорочно. Фраза из заглавия далее ещё поясняется с уточнением уже обозначенной эсхатологической перспективы. Отмечая как важнейший момент истории Русской земли её расставание с язычеством и принятие христианства, автор видит в этом «промыслъ Божии»: она вошла в число государств, избранных Богом для существования вплоть до Страшного Суда.

К этой главной мысли в «Предисловии» примыкают и другие идеи, развивавшиеся именно составителем *НС* и не артикулированные позднее в *ПВЛ*. Так, особое внимание он обращает на возникновение города Киева и его названия, но при этом не просто отстаивает ходячую эпонимическую легенду, а пытается «вписать» этот факт во всемирную историю. Утверждая, что Киев стал называться от имени его основателя Кия, летописец указывает на аналогичные прозвания, известные в истории. По тому же принципу получили названия великие столицы — Рим, Антиохия, Селевкия и Александрия (соответственно от Ромула, Антиоха и т. д.). Тем самым — пусть не прямо, а косвенно — Русская земля становится в один ряд с империями прошлого. Имея в виду богоизбранность «нашей страны», такое сравнение уже кажется не случайным, а отражающим определённый взгляд на её место во всемирной истории: просвещённая «правоверием» Русская земля избрана «промышлом Божиим» в «последние времена» и призвана стать новой христианской империей. А. А. Гиппиус [2006: 83] удачно охарактеризовал этот взгляд как «имперско-эсхатологическую перспективу», хотя он имел в виду не идеологическую программу «Предисловия» как таковую,

а ориентацию составителя *НС* на нарративные модели византийской хронографии.

Кроме того, специальное поучение внутри «Предисловия» посвящено обличению современных автору пороков, распространявшихся среди руси (прежде всего в придворных кругах), и обращению к образцам правильного, с его точки зрения, поведения в прошлом: «како быша дрэвнин къязи и мужи ихъ, и како отъбараху Русьская земля, и ины страны приимаху подъ ся» [НПЛ 1950/2000: 104; Гиппиус 2010: 165]. В этой «социальной критике», идеализирующей прошлое [ср.: Флоря 1991: 50–53], Русская земля противопоставляется «иным странам». Но особое внимание обращается на противостояние с «погаными» (язычниками), нападение которых на русь автор осмыслияет в связи с той же идеей об особом отношении Бога к «нашей стране»: это Бог «навел на ны поганыя» за «наше несътество», и это Божья кара выразилась в атаках язычников за «наши» пороки.

А. А. Шахматов отмечал, что идея богоизбранности Русской земли и трактовка нападений язычников как Божьей кары, а также «социальная критика» находят соответствие в обширной статье *ПВЛ* за 6601 (1093) г., где рассказывается о смерти киевского князя Всеволода и последовавших за ней нападениях половцев на русь [Шахматов 1909/2003: 400; Idem 1947/2003: 462–463]. Для него это соответствие было важным аргументом для того, чтобы считать статью 6601 г. заключительной или одной из заключительных при составлении *НС*. В другой работе я пытался показать, что в рассказе о половецком нападении в 1093 г. прослеживается и «имперское» понимание Русской земли: летописец расширительно понимал этноним *русь*, допуская распространение его на другие народы, принявшие христианство и признавшие власть Рюриковичей [Степанович 2018]. Понятое в таком ключе имя *русь* не было чисто этнической идентичностью, а скорее этнополитической и этноконфессиональной. В этом понимании *руси* и *Русской земли* можно видеть характерную черту «дискурса этничности», который развивает составитель *НС*.

Проявления этого дискурса можно обнаружить и в других текстах «Начальной летописи». В рамках «имперско-эсхатологической перспективы», обозначенной в «Предисловии», хорошо объясняется та правка в первых годовых статьях в *Н1м*, следующих сразу за «Предисловием», которую, следуя соображениям А. А. Шахматова и А. А. Гиппиуса, надо приписать руке составителя *НС*. Правка состояла и в структурировании прежде не разбитого на года и тематические разделы летописного текста, и в некоторых текстуальных интерполяциях [Гиппиус 2006: 78–81]. В данном случае важно отметить две вставки в первой годовой статье 6362 (854) г.

Во-первых, в *НС* был существенно изменён известный эпизод с «хазарской данью» полян [НПЛ 1950/2000: 105–106]. Как убедительно показал А. А. Гиппиус [2011: 50–54], в первоначальном виде этот текст имел в виду, что поляне, представив хазарам мечи вместо дани, сохранили свою независимость, а хазары поняли, что поляне будут «и на нас имати дань, и на иных странахъ». Составитель *НС* то ли не понял, то ли не согласился с утверждением, что поляне успешно сопротивлялись нападку хазар, и переосмыслил их отношения, вставив в текст библейскую параллель: хазары были уподоблены египтянам, а поляне — евреям. Получилось, что, как евреи были подчинены египтянам, а потом «смирили власть египетскую», так и поляне подчинились хазарам, а потом — уже при «князьях руских» — стали хазарами «владеть». Помимо этого, сравнения полян (которые, как подразумевается, превратились позднее в русь) с богоизбранным Израилем в *НС* был дан специальный комментарий к словам о будущем владычестве руси: оказывается, это предсказание было произнесено «не от своея воли», а «от божия повелѣния». Очевидно, в будущем владычестве «русских князей» над «иными странами» составитель *НС* видел провиденциальный смысл (тот самый «промысл Божий»).

Во-вторых, составитель *НС*, имея доступ к греческим хронографическим произведениям (предположительно некоему «Хронографу по великому изложению»), заимствовал из них известие о нападении руси на Константинополь (состоявшемся в действительности в 860 г.) и вставил его в древний летописный текст, который редактировал [Шахматов 1908/2002: 83–84]. В этом известии русь оценивается с греческой точки зрения как варварская и дикая, чинящая «много зла и убийство велико крестияномъ». Такое же отношение к руси и в известии о другом походе руси на греков 940 г., попавшем в статью 6428 г. [НПЛ 1950/2000: 105, 107]. Составитель *НС* передал в обоих случаях текст греческой хроники без изменений, никак не изменив его враждебные и отрицательные оценки, — очевидно, летописец видел главный момент истории Руси в её Крещении, а к «поганой» руси, вредящей христианам, сочувствия не испытывал.

Следы и отзывы «имперско-эсхатологического» или «христианско-универсалистского» подхода составителя *НС* к истории Руси проглядывают не только в начальных статьях. Так, в эсхатологические тона окрашены резко отрицательные упоминания «поганых» половцев и торков в летописных статьях с 1060-х гг., когда, собственно, эти народы впервые и появляются на страницах летописи. Наибольшей концентрации пророческие эскапады и историко-провиденциальные разыскания летописца достигают в статье 1093 г. и нескольких следующих за ней статьях, которые, как говорилось выше, явно относятся к творчеству

составителя *НС* или его непосредственных продолжателей, трудившихся в Киево-Печерском монастыре [Гиппиус 2015]. В рассказ о событиях 1068–1069 гг. вставлено, вероятно, именно составителем *НС* [Добровольский 2011] поучение о «казнях Божиих», где «наведение поганых» объясняется как следствие Божьего гнева на народ, уклонившийся от истинной веры, подобно Израилю, забывшему свой Завет.

Звучит тема богоизбранности в части повествования о приобщении руси к христианству. В некоторых сообщениях этой части легко заметить негативные или скептические высказывания по поводу языческого прошлого руси. Например, в рассказе о крещении княгини Ольги приводится «предвиденциальное» предсказание патриарха Константинопольского, обращённое к ней: «Благословити тя имуть сынове рустѣи в послѣдн[ии] род [...] внуکъ твоихъ». А далее в этом же рассказе просвещённой княгине противопоставляются её «люди поганые» и «сын поганый» (Святослав), для которых «вѣра крестианьска уродьство есть» [НПЛ 1950/2000: 114–116]. Отрезок летописного нарратива, посвящённый Ольге, явно неоднороден, отражая работу нескольких редакторов, в том числе, видимо, именно составителя *НС* [ср., напр.: Мюллер 1988/2000]. В рассказе о Крещении Руси, также текстологически сложного состава, «русские сыны», обратившиеся в истинную веру, характеризуются как «избраний богомъ» [НПЛ 1950/2000].

Не ставя задачу выявления всех «идейно насыщенных» летописных известий и фрагментов, отразивших взгляды составителя *НС*, в данном случае я хотел бы показать, что внутри текста, который, как можно более или менее уверенно предполагать, входил в этот свод, обнаружаются места с иным пониманием идентичности руси и её места в окружающем мире. Особенно это видно в части повествования до Крещения, где речь идёт о языческом периоде её истории. Опираясь на *H1m*, я прослежу цепь упоминаний руси и Русской земли, явно не соответствующих «имперско-эсхатологической перспективе» *НС*. При этом обращают на себя внимание прежде всего те места, где проявляется положительное отношение к языческой руси и где она сопоставляется с другими этническими или этнополитическими общностями. Такое со- или противопоставление может быть не всегда прямым; надо учитьывать и косвенные указания, исходя из контекста.

* * *

После «Предисловия к *НС*» в *H1m* следует обширная статья 6362 (854) г., где помещены рассказы об основании Киева, о «хазарской дани», вставка из Хронографа о нападении руси на Царьград в 860 г. и др. В этой же статье содержится так называемое «Сказание о призвании варягов», где

говорится собственно о происхождении руси. «Сказание» стало своего рода «архетипическим» текстом для исторической памяти средневековой руси, и понятно, что у древних книжников оно вызывало не меньший интерес, чем у современных учёных. С этим связана и его сложная текстологическая история. В другой работе я старался показать, что, с одной стороны, в этом месте в *H1m* можно видеть практическое прямое отражение *HC*, а с другой — что оригинальный рассказ (скорректированный в *HC*) восходил к более древним летописным «слоям». Этот первоначальный рассказ связывал эпизод «призываия варягов» во главе с Рюриком в Новгород и эпизод утверждения Игоря, сына Рюрика, в Киеве в одно цельное повествование, во многом похожее на рассказы о происхождении тех или иных народов в европейской средневековой историографии (жанра *origo gentis*) [Степанович 2012].

В данном случае я хотел бы выделить здесь только главную мысль рассказа *Origō gentis russorum*, которая была заложена в его первоначальной версии и сохранилась в переработке, представленной в *H1m* и соответствующей, как я полагаю, *HC*. Мысль эта состояла в том, что варяги, обитавшие «за морем», и местные славянские народности («племена») являлись отдельными от руси общностями, но в то же время русь появилась, так сказать, из слияния (симбиоза) первых и вторых. Эпизод «призываия» Рюрика с братьями заканчивается утверждением, что пришедшие варяги дали имя руси: «и от тѣх варягъ, находникъ техъ, прозвавшая русь, и от тех словет Руская земля». Эпизод, описывающий захват Киева Игорем, завершается фразой: «и сѣде Игорь, княжа, в Кыевѣ, и бѣша у него варязи мужи словенѣ, и оттолѣ прочии прозвавшая русью» [НПЛ 1950/2000: 106–107].

Итоговый вывод второго эпизода (и тем самым всего рассказа *Origō gentis russorum*) заключался в утверждении, что русь обосновалась в Киеве, дав имя разным людям, происходившим из варягов, словен и «прочих» народов. Поляне, о которых говорилось выше в рассказах об основании Киева и «хазарской дани», больше в летописи не упоминаются, и «по умолчанию» надо думать, что они прямо и непосредственно «влились» в эту новообразовавшуюся русь. Таким же образом прямо не говорится, но логика рассказа подразумевает, что иначе должно было обстоять дело на севере в Новгороде: варяги и русь оттуда ушли, и «новгородстии людие, рекомии словене» должны были сохранить некую свою «особость», или идентичность, как сказали бы мы сегодня. Как увидим ниже, эта логика подтверждается дальнейшими упоминаниями и «новгородских людей», и «словен».

Отвлекаясь от исторического контекста и достоверности как сюжета, так и всей «этногенетической» или «этнополитической» конструкции,

представленных в этом рассказе, сейчас я хотел бы подчеркнуть, что в нём отражается принципиально иной взгляд на сущность и происхождение руси по сравнению с «имперско-эсхатологической перспективой» составителя НС. Этот взгляд вовсе лишён «пророческой» и нацелен не на то, чтобы вписать русь как общность или идентичность в некие универсальные образцы или процессы, а наоборот — на то, чтобы выделить, обособить её, указав её место в конкретной исторической ситуации. Объяснение событий предлагается без всякой отсылки на божественное вмешательство, а чисто прагматически — как следствие военных конфликтов, миграций, решений правителей и т. п.

За таким подходом проглядывает стремление автора не расширить идентичность руси, а утвердить её в противопоставлении с другими идентичностями, действовавшими в том же территориально-политическом пространстве, — локальными и/или этническими. Особенно это относится к варягам и словенам, с которыми русь выставлена в тесной связи, но по отношению к которым она, как выясняется с другой стороны, должна в первую очередь «самоутвердиться».

Эта отдельность руси от прочих общностей и народностей последовательно подчёркивается в дальнейшем повествовании о действиях «русских князей», которое можно возводить к древнейшим летописным «сказаниям». В статье 6430 г. приводится оригинальный рассказ об успешном походе Олега на Царьград, восходящий, согласно Шахматову, к «Древнейшему Киевскому своду» [Шахматов 1908/2002: 362–363]. Греки выставлены в крайне непривлекательном свете: они «убоявшись» Олега, попытались его отравить, а в конце признали себя побеждёнными и стали платить «дань», «юже дают и доселъ князем рускымъ». Рассказ заканчивается известным анекдотическим эпизодом с парусами, которые стали шить для кораблей победителей из драгоценных материй, выданных греками в качестве «дани». Как выясняется, в войске Олега отдельно держались русь и словене, и смысл эпизода сводится к тому, чтобы посмеяться над последними: у словен паруса разодрал ветер, и им пришлось вернуться к своим «толстинам» (то есть, видимо, парусам из грубого полотна) [НПЛ 1950/2000: 108–109]. В итоге у читателя должно сложиться впечатление о героизме и славе руси, покорившей трусливых и хитрых греков и выгодно отличающейся от недотёпистых словен [ср.: о «противопоставлении руси и словен» в этом эпизоде: Петрухин 2013: 262].

В рассказе о гибели Игоря у древлян и мести княгини Ольги (статья 6453–6454 (945–946) гг.) [НПЛ 1950/2000: 110–112] последовательно противопоставляются «князь русъкий» «князю деревьскому» и древляне «людям кыевьстим» (выступающим, очевидно, как та же русь

[Рогов, Флоря 1982: 105]). Несмотря на печальную судьбу Игоря, рассказ снова заканчивается победной реляцией — на этот раз о покорении древлян.

В известиях о деятельности (главным образом военной) князя Святослава Русь выделяется как особая страна (территория) по сравнению с «Греками», «Чехами» и «Уграми», а также — не прямо, но по контексту — с «Болгарами» [НПЛ 1950/2000: 120, 123]. Под 6476 (968) г. рассказывается о приходе печенегов на «Русскую землю пръвъе» (то есть впервые). В тот раз осада Киева закончилась миром с ними, но затем на протяжении летописного повествования вплоть до смерти Владимира о печенегах ещё несколько раз говорится как о силе враждебной руси [Ibid.: 118–119, 127, 166, 168].

В описании борьбы Святослава с Византией русь как народ противостоит грекам, выставленным однозначно в негативном образе. О греках прямо сказано как о «льстивых» (то есть лживых) [НПЛ 1950/2000: 121]. Несмотря на то что фактически Святослав потерпел в конце концов поражение и должен был вернуться на Русь, летописец рисует его образ героическим и, замалчивая его неудачи, трактует гибель князя как случайность.

Большой интерес представляет знаменитая речь Святослава к своим воинам перед битвой руси с греками. Есть веские причины полагать, что она соответствовала действительным словам, которые произносил князь в какой-то момент во время войны с Византией за Болгию в 970–971 гг., а значит, между её произнесением и записью протекло не так много времени (может быть, несколько десятилетий). Как показал А. А. Горский, летописная речь Святослава находит очень близкие аналогии в речи императора Оттона, которую приводит Видукинд Корveyский под 955 г. (якобы произнесённую перед битвой с венграми) [Горский 2015]. Как ни объясняй эти аналогии, смысл речи должен был соответствовать принятым в то время нормам и идеалам, на которые важно обратить внимание в данном случае. Летописный текст выглядит так:

И рече имъ Святославъ: уже намъ нѣкamo ся дѣти, волею и неволею стати противу; да не посрамимъ землѣ Рускыя, но ляжемъ костью ту, мертвии бо срама не имут; аще ли побѣгнемъ, то срамъ имамъ; и не имамъ убѣжати, нь станемъ крѣпко, азъ же предъ вами поиду; аще моя глава ляжеть, то промыслите о собѣ. И рѣша воини: гдѣ, княже, глава твоя, ту и главы наша сложимъ [НПЛ 1950/2000: 122].

Вполне ожидаемо и естественно, что в речи говорится о воинской славе и верности воинов своему предводителю — эти идеалы, действительно, были свойственны «дружинному этосу» раннесредневековой

Руси (и не только Руси). Не вполне логично выглядит зато упоминание Русской земли: греки ей не угрожали, и Святослав бился, не защищая её, а выступая в Болгарии, в сущности, захватчиком. В этом упоминании явно сказывается тенденциозность летописца, пытающегося связать подвиги князя с прославлением руси или, иными словами, заставить «работать» славу воина-героя на укрепление статуса и, тем самым, идентичности руси. Воинская слава оказывается «локализована» этнотERRиториально, и понятие Русской земли наполняется неким идеальным «патриотическим» содержанием — предполагается, что войско Святослава будет биться не только за него и за себя, но и за её честь. Но этот «патриотизм», конечно, не имеет никакого религиозного обоснования, и он соответствует скорее «прагматическо-конкретизирующей» стратегии идентификации, отмеченной выше в «Сказании о призвании варягов».

Под 6478 (970) г. помещён известный рассказ о том, как Владимир, сын Святослава от ключницы Малуши, оказался в Новгороде. Согласно летописцу, к Святославу «приидоша людие новгородстъи, просяще князя себѣ: аще не поидет к нам, то мы нальземъ собѣ князя» [НПЛ 1950/2000: 121]. И суть просьбы, и её формулировка, и обозначение «людие новгородстъи» явно отсылают читателя к «Сказанию о призвании варягов», где эти «людие новгородстъи» отождествлялись со словенами. Но смысл рассказа и сама ситуация совсем иные. В частности, обращают на себя внимание иронический ответ Святослава новгородцам: «да аще бы кто шель к вамъ» (то есть примерно: «да кто ж к вам пойдёт?!»), а затем указание, что сыновья Святослава Ярополк и Олег отказались идти в Новгород и что новгородцам пришлось удовлетвориться незаконнорожденным Владимиром. Угроза новгородцев «налезть себе» князя самостоятельно и сам факт, что они получили князя, которому было суждено великое будущее, свидетельствуют, что летописец признаёт за ними особые права и статус. Но в то же время он относится к ним с некоторым отчуждением — это явно взгляд из Киева, который отделяет «новгородских людей» от «киевских людей» и «русьских князей».

В известиях о ратных подвигах Владимира, сына Святослава, сообщается, что ведомая им русь воевала и подчинила в той или иной степени «ляхов» (статья 6489 г.), «вятичей» (статьи 6489–6490 гг.) и «радимичей» (статья 6492 г.) [НПЛ 1950/2000: 130–131]. В рассказе о радиличах ясно чувствуется, что летописец, смотря со стороны руси, видит в них общность чуждую. Как и в рассказах о словенах и греках, он снова иронизирует, сообщая, как «русь корят радиличѣ» — то есть насмехаются над ними. Он считает нужным также сообщить, что радиличи происходят «от рода ляховъ», а заканчивает рассказ указанием, что они

«платять дань руси — повоз везут — и до сего дни». Подчёркивается иноплеменное происхождение радимичей, которые по отношению к руси могут выступать только данниками (такими же, как греки или болгары). Сообщения о походах Владимира против иных народов могут также обходиться и без упоминания руси; соответствующие указания тогда даются по модели «ходи Владимир на таких-то» (ср.: сообщения о походах на ятвягов и волжских болгар [НПЛ 1950/2000: 130, 132]).

Среди известий, посвящённых Владимиру, есть одно о варягах, поставленных в столь тесную связь с русью в «Сказании о призвании варягов». В описании усобицы Владимира с его братом Ярополком, закончившейся воскняжением Владимира в Киеве, рассказывается, в частности, что варяги, с которыми Владимир пришёл из Новгорода в Киев и которые помогли ему одолеть Ярополка, были позднее обмануты новым киевским князем [НПЛ 1950/2000: 127–128]. Варяги выставлены в двойственном свете. С одной стороны, они помогают Владимиру, и за это достойны похвалы. Среди них оказались «мужи добры и храбры и мудры», которых князь, утвердившись в Киеве, «избра» для управления «градами». С другой стороны, они требовали «окупа» с киевлян, рассматривая город как свою добычу, и творили некие бесчинства («зло») в городе, ожидая выплаты. Это не может вызвать сочувствия летописца, и он с одобрением излагает действия Владимира, который в итоге ничего не заплатил варягам и большинство из них отправил в Византию, тайно предупредив императора об их плохом поведении.

Ситуация появления «северного» князя в Киеве с варягами напоминает ту, что описана в *Origo gentis russorum*. Параллелизм отмечается и в употреблённых выражениях: «мужи добры и храбры и мудры» и власть над «градами». Однако при этом степень отчуждения по отношению к варягам заметно повышенена — летописец явно рассматривает их не как «своих», а как «чужих».

Таким образом, в статьях *H1m* до конца X в. русь / Русская земля выступает как обозначение народа/государства, отличного не только от таких «дальних» соседей, как варяги, греки или поляки (ляхи), но и восточнославянских общностей — таких как словен, древлян и радимичей. При этом все общности, с какими руси приходится иметь дело, рассматриваются в одном ряду, лишь печенеги, может быть, наиболее последовательно выступают враждебной силой по отношению к князьям руси и населению, признающему их власть. Несмотря на то что происхождение руси связывается напрямую со словенами и варягами, обе эти общности существуют с новообразованной русью, и летописец смотрит на них не менее «свысока», чем, например, на греков или радимичей.

С принятием христианства отношение летописца к руси должно было так или иначе измениться. И он, и читатели его труда не могли не понимать, что с этого момента она попадала в новый контекст этнических и политических отношений. И это ясно уже даже из тех выражений, которые употребляются в рассказе о «выборе веры»: большинство народов, предлагающих Владимиру свою веру, называются не просто своим именем, но с дополнительным обозначением, так или иначе указывающим на их вероисповедание: «болгаре веры Божицъ», «нѣмци из Рима», «жидове козарьстъи» [НПЛ 1950/2000: 132–133, ср.: 148–149]. Лишь греки остаются греками — в этом случае дополнительные указания были бы, очевидно, излишни. Этническая номенклатура, оказываясь в религиозном контексте, приобретает новые смысловые оттенки.

Несколько ниже в описании сватовства Владимира к византийской царевне Анне приводится любопытный диалог между Анной и её братьями — василевсами-соправителями Василием и Константином. Анна не желает идти замуж за Владимира и ехать на Русь: «въ поганыя, рече, иду; лучши бы мнѣ здѣ умрети»⁴. Братья ей отвечают: «егда како тобою обратить богъ Русскую землю в покаяние, а Гречьскую землю избавиши от лютыя работы, — видиши бо, колико русь сътвориша грѣкомъ зло...» [НПЛ 1950/2000: 151]. Русь здесь впервые в собственно оригинальном летописном тексте (а не во вставках из греческих хроник) прямо названа поганой, и этот эпитет здесь носит явно неодобрительный характер. Но слова Василия и Константина «уравновешивают» этот выпад и тут же восстанавливают положительный фон презентации руси. Русская земля выставлена как поработившая Греческую (держащая её в «лютой работе») и добровольно идущая на крещение («покаяние») — автор тем самым указывает на силу руси и признаёт как правильность, так и самостоятельность её выбора.

В новом контексте различия в среде тех людей, кто признал власть князей русских и принял крещение, должны были терять актуальность. Критерий деления по выплате дани — есть те, кто платит, и те, кто берёт — уходил в прошлое, и важнее — по крайней мере в дискурсе летописца — становится факт, кто крещён, а кто нет. Этот взгляд отражён в новом наименовании руси — как подчёркивается в нескольких

⁴ В *Лавре* есть расхождение [ПСРЛ 1: 110]. Здесь в словах Анны отказ мотивируется не язычеством руси, а неволей: «в полон, рече, иду...». По контексту подходит и такой вариант, потому что жалоба на принуждение со стороны завоевателя Херсонеса была бы уместна в устах Анны. Но, во-первых, в ответных словах братьев говорится именно о принятии христианства, а не пленении царевны, и обмен репликами имеет в виду противопоставление «здесь» и «там», а не «воля» и «неволя», и во-вторых, вариант *Лавр* не поддерживается никакими другими летописями (и списками ПВЛ, и летописями НСГ).

местах рассказа о Крещении, русь становится «новыми людьми христианскими». Так, после крещения киевлян подчёркивается преображение народа: «благословень Господь Иисус Христос, иже возлюби новыя люди Рускую землю, просвѣти крещениемъ святымъ». Далее ещё раз в патетическом окончании всего рассказа смысл события раскрывается как рождение нового народа: «... и Господь въ вѣкы пребываетъ хвалимъ от рускихъ сыновъ, пѣваемъ въ Троици, а дѣмонъ проклинаемъ от вѣрныхъ человекъ и от говѣнныхъ женъ, иже прияли суть крещение и покаяние въ отпущение грѣховъ — новии людие крестиянъ, избраний богою» [НПЛ 1950/2000: 158–159].

Идея о руси / Русской земле как «новых христианских людях» прямо высказывается ещё только несколько раз — в похвале Владимиру, прославлении Бориса и Глеба как «заступников» Русской земли и в похвале Ярославу Мудрому под 6545 (1037) г., которая, как считал А. А. Шахматов, заключала «Древнейший Киевский свод» (первоначальное ядро летописания)⁵. В дальнейшем нарративе этой идеи уже нет, и акценты в презентации руси как христианского народа переставляются.

Главным в этой презентации становится устойчивое противопоставление христианской руси «поганым» народам. Впервые оно обозначено в статье 6568 (1060) г., где сообщается о походе Ярославичей и Всеслава полоцкого против торков и известие кончается словами: «тако б(ог)ъ избави х(ри)с(т)ьяны от поганыхъ». Похожим образом завершается следующая же статья 6569 (1061) г., которая сообщает о первом появлении половцев в Русской земле и победе их над Всеволодом Ярославичем: «се быс(ть) первое зло от поганых и безбожныхъ врагъ» [ПСРЛ 1: 163; НПЛ 1950/2000: 183]. В дальнейшем преимущественно именно половцы выступают в роли «поганых», губящих «души христианские» — русь/Русскую землю (в статьях 6573 [ПСРЛ 1: 164 (здесь под 6572 г.); НПЛ 1950/2000: 184], 6576 [ПСРЛ 1: 167; НПЛ 1950/2000: 186], 6586 [ПСРЛ 1: 200] и 6601 [*Ibid.*: 219]). Апогея это противопоставление достигает в статье 6601 (1093) г., которая, по Шахматову, завершала *НС* и в которой, как говорилось выше, развивалась «имперско-эсхатологическая перспектива», обозначенная в «Предисловии к *НС*».

К статьям, связанным с деятельностью Ярослава Мудрого, относятся последние упоминания варягов и восточнославянских «племён». На них стоит остановиться подробнее, потому что в них просматривается тот взгляд древнего летописца, который коренным образом отличается от «имперско-эсхатологической перспективы».

---

⁵ Все эти известия читаются в списках *ПВЛ*, но отсутствуют в *НС*, где, как говорилось выше, после сообщения о смерти Владимира прекращается последовательная передача *НС*. См.: [ПСРЛ 1: 131, 138, 153].

В сообщениях о борьбе Ярослава и Святополка после смерти Владимира в 1015 г. важную роль играют варяги. В литературе последних лет этим сообщениям, отразившимся в разном виде в *H1m*, Новгородской I летописи старшего извода и в списках *ПВЛ*, было уделено много внимания, и несмотря на сложное и не до конца прояснённое взаимоотношение текстов на этом отрезке летописания в нём можно различить древнейшие «пласты», восходящие (по разным оценкам) к второму – пятому десятилетиям XI в. [см. особенно: Лукин 2007; Цукерман 2009: 222–231, 243–258; Гиппиус 2014].

Текст, безусловно более ранний по сравнению с *НС* и *ПВЛ*, читается в рассказе о конфликте варягов и новгородцев, разгоревшемся в Новгороде при Ярославе, по *H1m* [НПЛ 1950/2000: 174–175]. В этом тексте варяги фигурируют как наёмники, которых Ярослав, послав «за море», «приведе» в Новгород, и они выступают совершенно отдельно от «новгородцев». В изложении конфликта автор несомненно стоит на стороне новгородцев, обвиняя варягов в «насилии» и подчёркивая, что решающим фактором в борьбе Ярослава со Святополком стала поддержка новгородцев. Вместе с тем, итогом конфликта становится в изложении летописца не преобладание одной стороны над другой, а скорее, примирение между ними.

Древний летописный рассказ продолжался эпизодом с описанием Любечской битвы, состоявшейся, когда Ярослав пришёл с войском с севера на юг (вероятно, это было в конце 1016 г.). В двух вариантах рассказа о Любечской битве, представленных в *H1m* и в списках *ПВЛ*, на стороне Ярослава выступают варяги и новгородцы. Однако в *H1m* не говорится, из кого состояло войско Святополка. В *ПВЛ*⁶, а также в летописях *НСГ* сказано зато, что Святополк «пристрои бещисла вои русь и печенѣгъ» [ПСРЛ 2: 128–129; ПСРЛ 42: 61]. Восходит ли это указание к древнему летописному «слою» или является добавлением позднейших редакторов, не ясно. Если дополнительное указание о составе войска Святополка считать древнего происхождения, то выходит, что автор этого древнего текста не смешивал русь, выступившую на стороне Святополка, не только с печенегами и варягами, но и с новгородцами, пришедшими с Ярославом. В любом случае, составитель *ПВЛ* такой расклад сил допустил как возможный, вне зависимости от того, переписывал ли он только протограф или вносил ещё свою правку.

Рассказ о битве на Буге Ярослава с Болеславом, князем польским, читается только в *ПВЛ* (и в летописях *НСГ*, следующих здесь *ПВЛ*) в статье 6526 (1018) г. [ПСРЛ 1: 142–143; ПСРЛ 42: 61]. И характер этого рассказа, и исторически достоверный факт самой военной кампании

⁶ За исключением списка *Лавр*, в котором был, видимо, механический пропуск.

(лето 1018 г.) говорят в пользу того, что этот текст восходил к древнему летописанию, присутствовал, вероятно, и в *НС*, хотя не был учтён позднее в новгородском летописании [см.: Гиппиус 2014]. Состав войска Ярослава здесь тоже показателен: против «ляхов» с ним выступили, по летописи, «русь и варяги и слов'нъ». Это перечисление соответствует тому, которое даётся в описании Любечской битвы по *ПВЛ*, с учётом логики событий: печенеги, будучи в союзе со Святополком, после поражения при Любече и не должны были быть с Ярославом, русь — очевидно, прежде всего население Киева — признала власть победителя и пошла с ним против поляков, а варяги и словене как пришли с Ярославом, так с ним и оставались. Важно, прежде всего, что русь, варяги и словене не смешиваются (хотя теперь состоят в одном войске под началом одного князя), а также что обозначения «новгородцы» и «словене» выступают как синонимы, как и в «Сказании о призвании варягов».

Как в этом тексте, так и в других фрагментах описания борьбы Ярослава и Святополка (по всем летописям) не только варяги, ляхи и чехи (эти последние упоминаются при указании места гибели Святополка: в пустыне «межу ляхы и чехы»), но и печенеги упоминаются в нейтральном контексте. В отличие от позднейших упоминаний половцев здесь о печенегах говорится без специфически негативной окраски, хотя русь в тот момент выступала уже как народ христианский, а печенеги оставались язычниками. «Ругательных» эпитетов в отношении печенегов можно было бы тем более ожидать, что к их помощи прибегал братоубийца Святополк «Окаянный». Однако гнев летописца обрушивается именно на Святополка, но не на его союзников.

С сообщениями из истории междуусобицы Святополка и Ярослава стилистические аналогии обнаруживают известия о борьбе Ярослава с Мстиславом (статьи 6532–6534 (1024–1026) гг.), о сражении Ярослава с печенегами под Киевом (6544 (1036) г.) и о походе на Византию в 1043 г. [Милютенко 2006: 158–162]. Шахматов возводил эти тексты (если не целиком, но в основном) к «Древнейшему киевскому своду 1039 г.», считая последнее известие «припиской» к нему [Шахматов 1908/2002: 161–165, 399–404]. Именно в них мы видим последние упоминания варягов и словен, и это, на мой взгляд, не случайно.

В статье *ПВЛ* 6532 (1024) г. приведён рассказ о Лиственской битве между Ярославом и его братом Мстиславом, владевшим Тымуторканью и Черниговом и претендовавшим на Киев [ПСРЛ 1: 148–149]. В более исправном и, видимо, первоначальном виде этот рассказ читается в летописях *НСГ* [ср.: ПСРЛ 42: 63]. Но оба варианта сходятся в том, что главное столкновение произошло между варягами, которых привёл Ярослав из Новгорода, и «севером», то есть северянами, которые сражались

на стороне Мстислава. Упоминается, что в битве участвовала также «дружина» Мстислава, но больше ни о ком не говорится. В рассказе при этом просматривается насмешливо-ироническое отношение к главным участникам битвы — варягам и северянам. Специально отмечается, что предводитель варягов Якун красиво выглядел в особом златотканом плаще, но, убегая с поля битвы, он этот плащ бесславно потерял⁷. О северянах говорится, что они не выдержали первый натиск варягов и многие из них пали («трудишася варязи, секуще съверь») [ПСРЛ 2: 135–136⁸]. Об их гибели нисколько не печалился Мстислав, радовавшийся, что его собственная «дружина» осталась «цѣла». Не видно никакого сочувствия к северянам и со стороны летописца.

Статья *ПВЛ* 6544 (1036) г. рассказывает о победе Ярослава над печенегами. По летописи, Ярослав узнал об осаде Киева печенегами, находясь в Новгороде. Оттуда он привёл «воев» — «варяги и словѣни». Далее описывается, как он расставил войско в решающем сражении у Киева: «постави варяги посредѣ, а на правѣ стороны кыяне, а на лѣвѣмъ крилѣ новгородцы» [ПСРЛ 1: 151]. Из этого описания следует, что словене и новгородцы снова выступают синонимами. Русь не упоминается вовсе — очевидно, она представлена «кыянами». О поражении печенегов сообщается, разумеется, в приподнятом духе, но при этом опять они не выставляются «погаными», «безбожными» и т. п.

Рассказ о походе Владимира, сына Ярослава, «на греки» в 1043 г. сохранился в двух версиях — в *ПВЛ* (более краткой) и в летописях *НСГ* (пространной). Со времени Шахматова в литературе велись дискуссии об их соотношении, в последней работе приведены аргументы в пользу того, что текст в версии *НСГ* отражает более ранний летописный «пласт» [Гимон 2012: 660–670]. В данном случае этот вывод важен, поскольку именно в этой версии говорится, что в поход пошла не только русь (так по *ПВЛ*), но и варяги, причём последние выставляются в невыгодном свете. Сначала сообщается, что во время похода между русью и варягами возникли разногласия и что решение идти по морю на Царьград, принятое по совету варягов, оказалось гибельным для войска. Затем говорится, что, когда в море поднялась буря, разметавшая корабли, то именно варяги «побѣгоша вспять» [ПСРЛ 42: 64]. Автор этой версии явно сочувствует руси, значительная часть которой попала в плен грекам, а варягов выставляет косвенно виновниками поражения. Такое отношение к варягам заставляет вспомнить неоднозначное отношение к ним в летописных рассказах об их «насилиях» в Киеве (при Владимире)

⁷ Якун отождествляется с известным деятелем норвежской истории Хаконом. См. о нём и его плаще: [Литвина, Успенский 2018: 151–175].

⁸ В *Лавр* здесь пропуск.

и потом в Новгороде (при Ярославе) и об их участии в Лиственской битве. «Изъятие» варягов в сокращённой версии рассказа в *ПВЛ* можно объяснить либо попыткой «упростить» конфликт, сведя его к противостоянию Руси и Византии, либо сознательным отождествлением руси и варягов⁹.

Так или иначе, это упоминание варягов – последнее в летописании XI в., которое можно считать (пусть с той или иной степенью вероятности) предшествующим *НС*. Больше не упоминаются и никакие «восточнославянские племена», и русь как этническая или этнополитическая общность противопоставляется только тем соседним народам, которые чётко отделены от неё политико-территориально – грекам, полякам (ляхам), венграм (уграм) и т. д. Вне религиозно-эсхатологически «подсвеченного» противопоставления руси и половцев эти упоминания других народов носят нейтральный характер¹⁰.

Это совсем не значит, что исчезли этнические группы (народности), соответствующие варягам (скандинавам) и «восточнославянским племенам». Хорошо известно, что активные и многосторонние контакты руси со скандинавами продолжались и во второй половине XI в., и в последующее время. Собственно о варягах упоминает и позднейшее летописание (новгородское XII–XIII вв.) [НПЛ 1950/2000: 39, 45 и др.], хотя постепенно этот термин выходит из употребления. С другой стороны, о некоторых восточнославянских «племенах» как сохраняющихся общностях упоминается и в XII в. – например, о вятичах рассказывает Владимир Мономах в «Поучении», а затем они упоминаются до середины XII в. в южнорусском летописании [Лукин 2003: 272–282].

Дело, по-видимому, не столько в резких переменах реальности, сколько в изменении той оптики, через которую летописцы смотрят на эту реальность и передают её в тексте. Составитель *НС* видел в Русской земле христианское государство, объединявшее на определённой территории людей разного этнокультурного происхождения, а в руси идентичность более широкую или более высокого уровня, чем некие локальные. Но совсем иначе выглядит та русь, которая перечисляется в одном ряду со словенами и варягами в летописных известиях со «Сказания о призвании варягов» до описаний военных кампий Ярослава. Эта русь не противопоставляется никому в религиозном отношении, и её язычество для автора текста иррелевантно, и даже более того – языческая русь выставляется в выгодном свете на фоне православных

⁹ В таком духе высказывался Д. С. Лихачёв, предполагая в этом отождествлении «норманизм» составителя *ПВЛ* [ПВЛ 1950/1996: 484].

¹⁰ Ср., например, упоминания ляхов и Лядской земли (статья 6577 (1069) г.) или Греческой земли и Русской в предсказаниях киевского волхва (6579 (1071) г.): [ПСРЛ 1: 173–174; НПЛ 1950/2000: 190–191]. Статьи восходят, несомненно, к *НС*.

греков. Только составитель *НС* посчитал возможным внести отрывки из греческих хроник с осуждением «поганой» руси.

В территориальном плане русь древнейшего текстового «пласта» летописи привязана к Киеву («киевские люди» — в ряде контекстов это та же русь), хотя в каких-то случаях охватывает и Новгород. Видимо, в этих случаях на передний план выходит политический аспект — у этой руси есть своя династия («князья русьстии»), которая распространяет власть на разные общности, сохраняющие свои названия (идентичности). Некоторый «разрыв» между русью как общностью и её династией обнаруживается в отдельных политических конфликтах. Например, в борьбе Святополка и Ярослава сходятся с одной стороны русь и печенеги, а с другой — новгородцы и варяги, но при этом именно вторая сторона обеспечивает победу «хорошего» князя над «плохим» и тем самым «правильное» развитие политической организации Руси. В другом случае один из братьев опирается на варягов, а второй на северян и некую «свою дружины», пришедшую с ним из Тмутаракани, а в итоге, как выясняется, они делят «Русскую землю».

Для автора этих древних текстов русь — не «имперская» супра-идентичность, а «племенная» общность. Этот взгляд В. М. Живов, выделяя его как отдельную струю в нарративном «потоке» *ПВЛ*, называл «локально-этническим» или «родовым сознанием» и противопоставлял его «универсалистско-христианскому» [Живов 1998/2002: 172, 178, 184]. Имея в виду сходство древнейшего пласта «Начальной летописи» с западноевропейскими историческими сочинениями жанра *origo gentis*, можно было бы назвать этот взгляд «гентильным» — в том смысле, какой в этот термин вкладывал известный немецкий историк Райнхард Венскус [Wenskus 1961]. Венскус отталкивался от древнеримского и раннесредневекового латинского термина *gens*, желая подчеркнуть специфику неустойчивого и неопределенного социального строя и этнополитического сознания германских «варварских» общностей, и предлагал называть этот строй «гентилизмом» (*Gentilismus*), а варварские общности «гентильными» (*gentil*)¹¹.

Как бы ни называть этот взгляд, надо подчеркнуть, что он выглядит довольно архаично в сравнении с представлениями составителя *НС*. Как и авторы средневековых сочинений об *origines* готов, саксов и прочих «варварских» *gentium*, автор древнерусского летописного «ядра»

¹¹ Вообще в понятии «гентильный» отразились самые разные смыслы — от библейского словоупотребления (слово *gens* использовалось в латинском переводе Ветхого Завета для обозначения всех языческих народов, противостоящих «избранному» народу евреев) до марксистской терминологии (например, в работе Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» слово *gentil* употребляется в смысле «родовой»).

стремился утвердить отдельность и самостоятельность «своего» народа (руси), который прославлялся прежде всего за военные победы и представлялся в выгодном свете по отношению к соседним народам — над последними можно посмеяться, рассказать об их поражениях или просто выставить их данниками «своих», не стесняясь явных преувеличений. В таком свете выставлены, например, «льстивые» греки. Варяги и словене, с которыми русь связана происхождением, в большинстве случаев оказываются в союзе с ней, но даже и по отношению к ним чувствуется некоторая отстранённость или ирония (ср.: о «толстинах» словен или об обидах варягов новгородцам). Эта идентичность нацелена не на «имперское» расширение, а на «локально-этническое» сужение. Народ руси противопоставляется не только дальним соседям, но и тем, кто собственно населял территорию государства Руси, как она сформировалась в XI в.

Выявление разного понимания руси в разных слоях летописания ставит под вопрос попытки прочтения всего древнейшего летописания как выросшего из эсхатологических идей и изначально ориентированного на провиденциально-исторические схемы. Некоторые современные авторы, отказываясь от «расслоения» «Начальной летописи» методами шахматовской текстологии, видят в ПВЛ единый целостный эсхатологический текст [Исаахо 2016]. Другие признают, что «Начальная летопись» складывалась в несколько этапов, но на всех этапах усматривают эсхатологические или провиденциальные установки (см., напр.: [Данилевский 2008]). Как мне представляется, разным этапам/«слоям» летописания соответствуют разные этно-исторические модели или «проекты идентичности». Древнейший пласт «Начальной летописи» отражает «родовой», «локально-этнический» или «гентильный» взгляд. Печерские книжники, создавая своды в конце XI — начале XII в., отталкивались от византийских религиозных моделей, но и у них можно различить нюансы в подходах. Автор НС прямо связывал богоизбранность Руси с имперским «расширением» идентичности. В ПВЛ акцент переместился на «последние времена», но скорее не в связи с особой ролью руси, а с осмыслением половецкой угрозы.

Текстологически оправданная «деконструкция» летописания Киевской Руси позволяет выявить динамичную и разностороннюю картину общественной мысли этой эпохи и не навязывать древним текстам и их авторам представлений Нового времени, порождённых вызовами и парадигмами модерной эпохи национализма и глобализма.

Сокращенные названия летописных сводов

Лавр — Лаврентьевская летопись

Н1м — Новгородская I летопись младшего извода

Н1с — Новгородская I летопись старшего извода

НС — Начальный свод

НСГ — Новгородско-софийская группа летописей (Новгородская Карамзинская, Софийская I, Новгородская IV)

ПВЛ — Повесть временных лет

Библиография

Ведюшкина 1995

Ведюшкина И. В., «“Русь” и “Русская земля” в Повести временных лет и летописных статьях второй трети XII – первой трети XIII в.», in: *Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1992–1993 гг.*, Москва, 1995, 101–116.

Гимон 2012

Гимон Т. В., «События XI – начала XII в. в новгородских летописях и перечнях», in: *Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 2010: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства*, Москва, 2012, 584–703.

Гиппиус 1993 / 2000

Гиппиус А. А., «“Повесть временных лет”: о возможном происхождении и значении названия», in: *Из истории русской культуры*, 1: Древняя Русь, Москва, 2000, 448–460; [1-е изд.: 1993].

— 2001

Гиппиус А. А., «Рекоша дружины Игореви... К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи», in: *Russian Linguistics*, 25, 2, 2001, 147–181.

— 2006

Гиппиус А. А., «Два начала Начальной летописи: к истории композиции Повести временных лет», in: *Вереница литер. К 60-летию В. М. Живова*, Москва, 2006, 56–96.

— 2010

Гиппиус А. А., «Предисловие к “Софийскому временнику” (киевскому начальному своду): текст, язык, источники», in: *Русский язык в научном освещении*, 20, 2, 2010, 143–199.

— 2011

Гиппиус А. А., «К хазарской дани», in: *Восточная Европа в древности и средневековье*, 23: Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза, Москва, 2011, 49–55.

— 2012

Гиппиус А. А., «До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции», in: *Русь в IX–Х веках: археологическая панорама*, Москва, Вологда, 2012, 37–63.

— 2014

Гиппиус А. А., «Битвы Ярослава Мудрого: структура и стратиграфия летописного нарратива», in: *Нarrативные традиции славянских литератур: От Средневековья к Новому времени. К юбилею члена-кореспондента РАН Е. К. Ромодановской*, Новосибирск, 2014, 40–48.

— 2015

Гиппиус А. А., «Гюрята Рогович и его роль в русской эсхатологии (к интерпретации статьи 6604 г.)», in: *Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие (к 150-летию со дня рождения)*, С.-Петербург, 2015, 251–263.

Горский 2015

Горский А. А., «Святослав Игоревич и Оттон I: речи перед битвой», in: *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 62, 4, 2015, 35–40.

Данилевский 2004

Данилевский И. Н., *Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов*, Москва, 2004.

— 2008

Данилевский И. Н., «Зарождение государственной идеологии в Древней Руси», in: *Ярослав Мудрый и его эпоха*, Москва, 2008, 134–152.

Добровольский 2011

Добровольский Д. А., «“Теория казней Божьих”: от Начального свода к Повести временных лет», in: *Локальные исторические культуры и традиции историописания*, Москва, 2011, 144–154.

Живов 1998 / 2002

Живов В. М., «Об этническом и религиозном самосознании Нестора Летописца», in: Idem, *Разыскания в области истории и предыстории русской культуры*, Москва, 2002, 170–186 [1-е изд.: 1998].

Исаоах 2016

Исаоах М., «Последний царь и “сынове Измаилеви”: Апокалипсис в “Повести временных лет”», in: *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 66, 4, 2016, 5–19.

Кучкин 1995

Кучкин В. А., «“Русская земля” по летописным данным XI – первой трети XIII в.», in: *Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1992–1993 гг.*, Москва, 1995, 74–100.

Литвина, Успенский 2018

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., *Похвала щедрости, чаша из черепа, золотая луда... Контуры русско-варяжского культурного взаимодействия*, Москва, 2018.

Лукин 2003

Лукин П. В., «Восточнославянские “племена” в русских летописях: Историческая память и реальность», in: *Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени*, Москва, 2003, 257–285.

— 2007

Лукин П. В., «События 1015 г. в Новгороде. К оценке достоверности летописных сообщений», in: *Отечественная история*, 4, 2007, 3–20.

Милютенко 2006

Милютенко Н. И., «Летописание Ярослава Мудрого (Древнейший свод)», in: *Rossica Antiqua*, С.-Петербург, 2006, 158–169.

Мюллер 1988 / 2000

Мюллер Л., «Рассказ “Повести временных лет” 955 г. о крещении Ольги», in: Idem, *Понять Россию: историко-культурные исследования*, Москва, 2000, 43–59; [1-е изд.: 1988].

Насонов 1951

Насонов А. Н., *«Русская земля» и образование территории Древнерусского государства: Историко-географическое исследование*, Москва, 1951.

НПЛ 1950 / 2000

Насонов А. Н., ред. и предисл., *Новгородская первая летопись старшего и младшего извода*, Москва, Ленинград, 1950; [репринт: Москва, 2000].

Петрухин 2013

Петрухин В. Я., *Русь в IX–X веках. От призываия варягов до выбора веры*, Москва, 2013.

ПВЛ 1950 / 1996

Повесть временных лет, Лихачёв Д. С., подготовка текста, перевод, статьи и комментарии, Адрианова-Перетц В. А., ред., 2-е изд., исправл. и дополн., Свердлов М. Б., подготовка, С.-Петербург, 1996 [1-е изд.: 1-2, Москва – Ленинград, 1950].

ПСРЛ 1

Полное собрание русских летописей, 1: Лаврентьевская летопись, Ленинград, 1926.

ПСРЛ 42

Полное собрание русских летописей, 42: Новгородская Карамзинская летопись, С.-Петербург, 2002.

Рогов, Флоря 1982

Рогов А. И., Флоря Б. Н., «Формирование самосознания древнерусской народности (по памятникам древнерусской письменности X–XII веков)», in: *Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья*, Москва, 1982, 96–119.

Степанович 2012

Степанович П. С., «“Сказание о призвании варягов” или *Origo gentis russorum?*», in: *Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 2010 г.: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства*, Москва, 2012, 513–582.

— 2018

Степанович П. С., «Идентичность руси в «имперско-эсхатологической» перспективе составителя “Начального свода”», in: *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 72, 2, 2018, 48–64.

Толстой 1993/2000

Толстой Н. И., «Этническое самопознание и самосознание Нестора Летописца, автора “Повести временных лет”», in: *Из истории русской культуры*, 1, Москва, 2000, 441–447; [1-я публ.: 1993].

Флоря 1991

Флоря Б. Н., «Представления об образовании государства и его основных функциях в русском и западнославянском летописании», in: *Раннефеодальные славянские государства и народности (Проблемы идеологии и культуры)*, София, 1991, 43–53.

Цукерман 2009

Цукерман К., «Наблюдения над сложением древнейших источников летописи», in: *Борисо-глебский сборник*, 1, Париж, 2009, 183–305.

Шахматов 1908/2002

Шахматов А. А., «Разыскания о древнейших русских летописных сводах», in: Шахматов А. А., *История русского летописания*, 1, 1, С.-Петербург, 2002; [1-е изд.: 1908].

— 1909 / 2003

Шахматов А. А., «Предисловие к Начальному Киевскому своду и Несторова летопись», in: Шахматов А. А., *История русского летописания*, 1, 2, С.-Петербург, 2003, 380–412; [1-е изд.: 1909].

— 1947 / 2003

Шахматов А. А., «Киевский Начальный свод 1095 г. [I Начальный свод]», in: Шахматов А. А., *История русского летописания*, 1, 2, С.-Петербург, 2003, 428–464 [написано в 1916–1920 гг.; 1-е изд.: 1947].

Gippius 2014

Gippius A., “Reconstructing the original of the *Povest' vremennyx let*: a contribution to the debate”, in: *Russian Linguistics*, 38, 2014, 341–366.

Wenskus 1961

Wenskus R., *Stammesbildung und Verfassung. Das Werden der frühmittelalterlichen gentes*, Böhlau, Köln, Graz, 1961.

References

- Florya B. N., "Predstavleniia ob obrazovanii gosudarstva i ego osnovnykh funktsiakh v russkom i zapadno-slavianskom letopisanii", in: *Rannefeodal'nye slavianskie gosudarstva i narodnosti (Problemy ideologii i kul'tury)*, Sofia, 1991, 43–53.
- Gimon T. V., "Sobytiia XI – nachala XII v. v novgorodskikh letopisiakh i perechiakh", in: *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. Materialy i issledovaniia. 2010: Predposylki i puti obrazovaniia Drevnerusskogo gosudarstva*, Moscow, 2012, 584–703.
- Gippius A. A., "Povest' vremennykh let": o vozmozhnom proiskhozhenii i znachenii nazvaniia", in: *Iz istorii russkoi kul'tury. 1: Drevniaia Rus'*, Moscow, 2000, 448–460.
- Gippius A. A., "On the linguotextological stratification of the Primary Chronicle", in: *Russian Linguistics*, 25, 2, 2001, 147–181.
- Gippius A. A., "Dva nachala Nachal'noi letopisi: k istorii kompozitsii Povesti vremennykh let", in: *Verenitsa liter. K 60-letiiu V. M. Zhivova*, Moscow, 2006, 56–96.
- Gippius A. A., "Predislovie k 'Sofiiskomu vremenniku' (kievskomu nachal'nomu svodu): tekst, iazyk, istochniki", in: *Russian Language and Linguistic Theory*, 20, 2, 2010, 143–199.
- Gippius A. A., "K khazarskoi dani", in: *Vostochnaia Evropa v drevnosti i srednevekov'e. 23: Rannie gosudarstva Evropy i Azii: problemy politogeneza*, Moscow, 2011, 49–55.
- Gippius A. A., "Do i posle Nachal'nogo svoda: ranniaia letopisnaia istoriia Rusi kak ob'iekt tekstoprilogicheskoi rekonstruktsii", in: *Rus' v IX–X vekakh: arkheologicheskaiia panorama*, Vologda, 2012, 37–63.
- Gippius A. A., "Bitvy Iaroslava Mudrogo: struktura i stratigrafia letopisnogo narrativa", in: *Narrativnye traditsii slavianskikh literatur: Ot Srednevekov'ia k Novomu vremeni. K iubileiu chlena-korrespondenta RAN E. K. Romodanovskoi*, Novosibirsk, 2014, 40–48.
- Gippius A., "Reconstructing the original of the Povest' vremennykh let: a contribution to the débat", in: *Russian Linguistics*, 38, 2014, 341–366.
- Gippius A. A., "Giuriata Rogovich i ego rol' v russkoj eschatologii (k interpretatsii stat'i 6604 g.)", in: *Akademik A. A. Shakhmatov: zhizn', tvorchestvo, nauchnoe nasledie (k 150-letiiu so dnia rozhdeniya)*, St. Petersburg, 2015, 251–263.
- Gorsky A. A., "Sviatoslav Igorevich and Otto I: Their Speeches before the Battles", in: *Old Russia. The Questions of Middle Ages*, 62, 4, 2015, 35–40.
- Danilevsky I. N., *Povest' vremennykh let: germanevticheskie osnovy istochnikovedeniia letopisnykh tekstov*, Moscow, 2004.
- Danilevsky I. N., "Zarozhdenie gosudarstvennoi ideologii v Drevnei Rusi", in: *Iaroslav Mudryi i ego epokha*, Moscow, 2008, 134–152.
- Dobrovolsky D. A., "Teoriia kaznei Bozh'ikh": ot Nachal'nogo svoda k Povesti vremennykh let", in: *Lokal'nye istoricheskie kul'tury i traditsii istoriopisaniia*, Moscow, 2011, 144–154.
- Isoakho M., "The Ruler of Rus' against the Ishmaelites – Kiev as a Scene of Apocalyptic Wars in the Primary Chronicle", in: *Old Russia. The Questions of Middle Ages*, 66, 4, 2016, 5–19.
- Kuchkin V. A., "Russkaia zemlia' po letopisnym dannym XI – pervoi treti XIII v.", in: *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. Materialy i issledovaniia. 1992–1993 gg.*, Moscow, 1995, 74–100.
- Litvina A. F., Uspenskij F. B., *Pokhvala shchedrosti, chasha iz cherepa, zolotaia luda... Kontury russko-vriadzhskogo kul'turnogo vzaimodeistviia*, Moscow, 2018.
- Lukin P. V., "The East Slavic Tribes of the IX–XII centuries in Russian chronicles: historical memory and reality", in: *History and Memory Historical Culture of Europe before the Modern Age*, Moscow, 2003, 257–285.
- Lukin P. V., "Novgorodian Events of 1015. On the reliability of the records of chronicles", in: *Otechestvennaia istoriia*, 4, 2007, 3–20.
- Milutenko N. I., "Letopisanie Iaroslava Mudrogo (Drevneishii svod)", in: *Rossica Antiqua*, St. Petersburg, 2006, 158–169.
- Müller L., "Rasskaz 'Povesti vremennykh let' 955 g. o kreshchenii Ol'gi", in: Idem, *Poniat' Rossiiu: istoriko-kul'turnye issledovaniia*, Moscow, 2000, 43–59.
- Nasonov A. N., "Russkaia zemlia" i obrazovanie territorii Drevnerusskogo gosudarstva: *Istoriko-geograficheskoe issledovanie*, Moscow, 1951.
- Petrushkin V. Ya., *Rus' v IX–X vekakh. Ot prizvaniia variagov do vybora very*, Moscow, 2013.
- Rogov A. I., Florya B. N., "Formirovaniye samosoznaniia drevnerusskoi narodnosti (po pamiatnikam drevnerusskoi pis'mennosti X–XII vekov)", in: *Razvitiye etnicheskogo samosoznaniia slavianskikh narodov v epokhu rannego srednevekov'ia*, Moscow, 1982, 96–119.
- Stefanovich P. S., "Skazanie o prizvaniii variagov' ili Origo gentis russorum?", in: *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy: Materialy i issledovaniia. 2010 g.: Predposylki i puti obrazovaniia Drevnerusskogo gosudarstva*, Moscow, 2012, 513–582.
- Stefanovich P. S., "The Identity of Rus' in the Imperial and Eschatological Perspective of the Compiler of the 'Initial Chronicle'", in: *Old Russia. The Questions of Middle Ages*, 72, 2, 2018, 48–64.
- Tolstoi N. I., "Etnicheskoe samopoznanie i samosoznaniye Nestora Letopista, avtora 'Povesti vremennykh let'", in: *Iz istorii russkoi kul'tury. 1*, Moscow, 2000, 441–447.

Vedyushkina I. V., ““Rus” i “Russkaia zemlia” v Povesti vremennykh let i letopisnykh stat’iakh vtoroi treti XII – pervoi treti XIII v.”, in: *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. Materialy i issledovaniia. 1992–1993 gg.*, Moscow, 1995, 101–116.

Wenskus R., *Stammesbildung und Verfassung. Das Werden der frühmittelalterlichen gentes*, Böhlau, Köln, Graz, 1961.

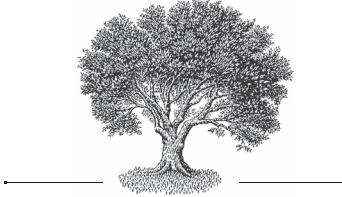
Zhivot V. M., “Ob etnicheskom i religioznom samoznanii Nestora Letopista”, in: Idem, *Razyskaniiia v oblasti istorii i predistorii russkoi kul’tury*, Moscow, 2002, 170–186.

Zuckerman C., “Une esquisse de la stratification des premières chroniques russes”, in: *Collectanea Borisoglebica*, 1, Paris, 2009, 183–305.

профессор **Пётр Сергеевич Степанович**, доктор исторических наук
Научно-исследовательский университет – Высшая школа экономики /
Институт российской истории РАН (Москва, Россия)
117292 Москва, ул. Д. Ульянова 19
Россия/Russia
petr.stefanovich@mail.ru

Received July 30, 2018

«Великий Новгород»* “Novgorod the Great”

Павел Владимирович Лукин

Институт российской истории
Российской академии наук
Москва, Россия

Pavel V. Lukin

Institute of Russian History of the
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Резюме

Цель работы — изучение выражения «Великий Новгород», которое играло ключевую роль в новгородской политической идентичности. Автор использует не только упоминания этого обозначения в документах средневекового Новгорода, но и свидетельства из других русских земель, а также зарубежные (ганзейские и литовские документы на средненижненемецком и латинском языках). Обращение к историографии показывает, что вопрос об истории этого обозначения по-прежнему остается спорным. Автор приходит к следующим выводам. В ганзейских документах на средненижненемецком языке «Великий Новгород» упоминается по крайней мере с 30-х гг. XIV в., т. е. более чем на 60 лет раньше по сравнению с распространенными в историографии представлениями. Впервые «Великий Новгород» упоминается не в новгородском, а в киевском тексте — в известии Ипатьевской летописи под 1141 г. Во второй половине XII в. именование появляется в Сузdalской земле, и только значительно позже проникает в Новгород. В то время как в Южной и Северо-Восточной Руси «Великий Новгород» первоначально использовался для того, чтобы отличать Новгород на Волхове от местных, более мелких Новгородов (Новгорода Северского и Нижнего Новгорода),

* В статье использован материал доклада, обсуждавшегося на заседании Центра по истории Древней Руси Института российской истории РАН 16 января 2018 г. Благодарю за советы, рекомендации и замечания всех его участников, в особенности Ю. А. Артамонова, А. А. Горского и В. А. Кучкина.

Цитирование: Лукин П. В. «Великий Новгород» // *Slověne*. 2018. Vol. 7, № 2. С. 383–413.

Citation: Lukin P. V. (2018) "Novgorod the Great". *Slověne*, Vol. 7, № 2, p. 383–413.

DOI: 10.31168/2305-6754.2018.7.2.15

новгородцы стали использовать выражение для возвеличивания своего политического образования. Данное выражение приобрело там три значения: название самого города; название всего политического образования (Новгородской республики); обозначение «политического народа», т. е. полноправных новгородцев.

Ключевые слова

Великий Новгород, летописи, ганзейские документы, политическая идентичность

Abstract

The aim of the paper is to examine the concept that was crucial for the Novgorod's political identity in the time of independence – 'Novgorod the Great' (*Veliky Novgorod*). The author takes into account not only mentions of this phrase in Novgorodian medieval documents and narratives, but also considerable and highly important evidence originating from other Russian lands and abroad (Hanseatic and Lithuanian documents written in Middle Low German and Latin). A review of the relevant publications shows that, at present, the issue still remains a controversial one. The author comes to the following conclusions. In Hanseatic documents, written in Middle Low German, 'Novgorod the Great' was already being mentioned since at least 1330s, which is more than sixty years earlier than is considered in the current conventional view. For the first time 'Novgorod the Great' is mentioned not in a Novgorodian text but in a Kievan one – in the account from the Hypatian Chronicle of 1141. In the second half of the 12th century it appeared in the principality of Vladimir-Suzdal, and only much later was adopted by Novgorodians themselves. While in Southern and North-East Rus' 'Novgorod the Great' was initially used to distinguish Novgorod on the Volkhov River from local and smaller Novgorods (Novgorod-Seversky and Nizhny Novgorod), Novgorodians employed it to glorify their polity. In this case it could stand for three different things: the city of Novgorod, the whole polity (Novgorod republic), and 'the political people' of Novgorod, i.e. those of the Novgorodians who enjoyed full citizenship rights.

Keywords

Novgorod the Great, Russian chronicles, Hanseatic documents, political identity

Выдающийся российский историк Арсений Николаевич Насонов большое внимание уделял изучению древнерусской политики-географической терминологии. В этом отношении он был одним из первых, подтверждение чему можно обнаружить на страницах его ставшей уже классической монографии о Русской земле [Насонов 1951]. Предлагаемая работа является попыткой рассмотреть одну из довольно запутанных проблем специфической новгородской политической терминологии¹.

¹ Здесь и далее слово «терминология» используется условно. В реальности речь идет о – характерных для Средневековья и Раннего Нового времени – достаточно расплывчатых понятиях.

Вопрос о том, как сами новгородцы называли то политическое образование, в котором они жили, — несмотря на вполне очевидную значимость — как ни странно, не только не получил до сих пор убедительного ответа, но по-настоящему не ставился почти ни в одной научной работе. Последствия этого любопытного обстоятельства тем не менее хорошо заметны. Историки испытывают явные затруднения, когда приходится как-то называть Новгородское политическое образование. Встречаются различные варианты, но все они, так или иначе, неудовлетворительны. Нередко на исторических атласах или в учебниках можно увидеть, например, надпись или название параграфа «Новгородская земля», тогда как другие древнерусские земли там же называются «княжествами». Однако хорошо известно теперь, благодаря, прежде всего, исследованиям А. А. Горского, что в реальности они как раз назывались «землями», а термин «княжество» в значении «политическое образование во главе с князем» появился достаточно поздно [Горский 2014: 8–9, 11].

Что касается наименования «Новгородская республика», то оно, как представляется, достаточно корректно характеризует специфику новгородского политического строя периода независимости². Однако это позднейшее научное определение. Сами новгородцы не знали, что они живут в республике (это, впрочем, ощущали их современники-иностранные, но такое понимание не отразилось на собственно новгородской терминологии)³.

Высказывались лишь отдельные суждения относительно того, что нужно понимать под теми или иными новгородскими территориальными обозначениями [см.: Halperin 1999; Чубисов 2012]. В относительно недавнее время проблемы коснулся А. А. Горский, который предложил именовать Новгород, как и все остальные древнерусские самостоятельные политические образования XII–XIII вв., «землями» [Горский 2008: 19–26]. Однако он подробно новгородские территориальные обозначения не рассматривает и отмечает, что новгородская терминология была специфична [Ibid.: 31].

---

² Но не «Новгородская феодальная/боярская республика». Если считать, что социально-экономический строй Руси был феодальным (что бы под этим ни понимать), то почему не называть Киевское, Черниговское и прочие княжества всюду «феодальными»? Что касается «боярской», то называть политические образования по ведущему классу или сословию обычно не принято (в науке не используются для обозначения соответствующих «политий» такие наименования, как например Римская рабовладельческая республика или Французская капиталистическая республика). Но главное в другом — такие определения затемняют социальную основу Новгородской республики, которая была шире боярства.

³ О республиканском характере средневекового Новгорода и восприятии его иностранцами см.: [Лукин 2018: 522–538].

Цель данной работы состоит в рассмотрении ключевого понятия, характеризовавшего новгородскую политическую идентичность периода независимости, — «*Великий Новгород*». Естественно, это предполагает и рассмотрение некоторых оттенков значения самого понятия «*Новгород*». При этом будут анализироваться упоминания не только в новгородских источниках, документальных и нарративных, но и значимые свидетельства, происходящие из других русских земель, а также иностранные.

Корректный анализ терминологии иноязычных документов заставляет обратиться к оригинальным текстам, а не только к переводам, имеющимся в издании «Грамоты Великого Новгорода и Пскова» 1949 г. [ГВНП]. В таких случаях, если это возможно, желательна и проверка чтений по архивным оригиналам, так как в издании 1949 г. иноязычные документы публиковались по изданиям XIX–начала XX в., а они не всегда точны. В качестве примера можно привести фрагмент из проекта договора Новгорода с Любеком, Готским берегом и заморским купечеством 1371 г. В ГВНП читаем в русском переводе средненижненемецкого оригинала: «А учинится какое зло заморскому гостю в Новгородской земле, и Новгороду исправу дать на том, по крестному целованию, по старым грамотам» [ГВНП: № 42, 75]⁴. Здесь, как мы видим, помимо «Новгородской земли» фигурирует и «Новгород». Однако при обращении к оригиналу выясняется иное: «Если какая-либо неприятность случится с заморским гостем в Новгородской земле, новгородцы должны возбудить дело в судебном порядке, по крестному целованию и старым грамотам» [TLA, ф. 230, оп. 1-I, д. 326]⁵ «Новгородцы» в данном случае — это практически синоним «Новгорода» (в соответствующем контексте, о котором пойдет речь ниже), но здесь важно, что имеющееся издание оказывается непригодным для рассмотрения тонких терминологических вопросов — по крайней мере в своей «иноземной» части.

Мы ни в коей мере не ставим задачу создать полный каталог упоминаний выражения «*Великий Новгород*». Это излишне, поскольку, с одной стороны, оно встречается очень часто, а с другой — имеет очень небольшое число значений, которые постоянно повторяются. Гораздо важнее определить *время появления* этого выражения, его *происхождение и значение* (или оттенки значения).

⁴ О датировке см. комментарий Н. А. Казаковой в: [Янин 1991: 93].

⁵ Weret dat eme jenich vngemach ghescege deme ouersesschen gaste in der Nowerder lande, dat solen de Nowerder saken na der cruceküssinge na den olden breuen. Здесь и далее: копии оригинальных документов изготовлены и предоставлены нам И. Ю. Анкудиновым и С. В. Полеховым; транскрипции и в ряде случаев переводы документов осуществлены совместно с С. В. Полеховым и Е. Р. Сквайрс. Считаю своей приятной обязанностью выразить глубокую благодарность коллегам.

* * *

Относительно времени, причин и обстоятельств, когда появилось обозначение «Великий Новгород», в историографии — достаточно небогатой — высказывались разные соображения.

Импульс обсуждению проблемы, как и во множестве других «новгородоведческих» вопросах, был задан В. Л. Яниным. В монографии о новгородских посадниках он пришел к выводу, что «Новгород начинает называться Великим лишь в конце XIV в.». Первым документом, исходящим от «Великого Новгорода», был Нибуров мир с ганзейскими городами 1392 г., а во всех более ранних документах фигурируют только просто «Новгород» либо «Весь Новгород» [Янин 1962: 361; то же во 2-м изд.: Янин 2003: 478–479]. Позднее историк отметил, что первая летописная фиксация «Великого Новгорода» датируется 1393 г. [Новгородская первая летопись младшего извода, далее — *НПЛ мл.*], и выдвинул осторожное предположение, что новая терминология могла возникнуть в 1386 г. в связи со спорами о митрополичьем суде в Новгороде [Янин 1970: 130]. Историк придерживался этого мнения и в дальнейшем, заметив в одной из новейших работ, что «[у]силившееся соперничество с Москвой именно в конце XIV в. породило гордое самоназвание Новгорода — Господин государь Великий Новгород, как бы уравнивающее его с титулом Господина государя великого князя» [Янин 2008: 242] (исследователь, впрочем, допустил неточность — в Нибуровом мире Новгород «государем» не называется).

Выходы В. Л. Янина получили поддержку в историографии, как отечественной, так и зарубежной [Хорошев 1980: 88; Goehrke 1981: 453⁶]. Высказывались, впрочем, и критические суждения.

Еще в 1974 г. С. М. Каштанов в рецензии на исследование В. Л. Янина о печатах отметил неточность в утверждении последнего о том, что в актах упоминание «Великого Новгорода» появляется только в 1392 г.: такое упоминание есть в московско-тверском договоре 1375 г. [Каштанов 1974: 183].

В. Ф. Андреев в популярной брошюре об истории Новгорода в 1983 г. утверждал, что первое упоминание «Великого Новгорода» содержится в договоре 1375 г., и выдвинул предположение о том, что оно возникло из-за необходимости отличать Новгород на Волхове от Нижнего Новгорода. «Великий», по его мнению, означало «большой» (по размеру). В то же время историк не исключал и употребления эпитета «великий» в противовес великому князю московскому [Андреев 1983: 33–34].

---

⁶ К. Герке рассматривает появление обозначения «Великий Новгород» как одну из «дипломатических акций противодействия» усилившемуся наступлению Москвы.

Вскоре вышла статья немецкого ученого Эккехарда Клюга, специально посвященная интересующей нас проблеме (и, к сожалению, по неизвестным причинам оставшаяся невостребованной в отечественной историографии) [Klug 1985]⁷. Э. Клюг, как и С. М. Каштанов и В. Ф. Андреев, считал, что самый ранний документальный источник, в котором упоминается «Великий Новгород», — это московско-новгородско-тверской договор 1375 г. Также, вслед за В. Ф. Андреевым, он усматривал главную причину появления такого обозначения в необходимости отличать Великий Новгород от Нижнего. На своих предшественников немецкий историк, впрочем, не ссыпался. В то же время его статья была несомненным и очень существенным шагом вперед в изучении проблемы. Во-первых, он указал на ряд других документов, датирующихся в промежутке между 1375 и 1392 гг., в которых фигурирует «Великий Новгород»: опасная грамота 1388 г. великокняжеских наместников и Новгорода ганзейским послам в Дерпт [Хорошкевич 1964: 272]; средне-нижненемецкий перевод послания Новгорода дерптскому епископу и властям Дерпта (предположительно 1390 г.) с упоминанием «всего Великого Новгорода» (*tene Grote Nouwerden*) [*Ibid.*: 272]; присяжную грамоту князя Семена-Лугвеня Ольгердовича Ягайле 1389 г.⁸ Стало ясно, что гипотеза В. Л. Янина не подтверждается данными источников. По мнению Э. Клюга, эти данные, однако, не могут свидетельствовать об исконной заинтересованности самих новгородцев в подобном обозначении, поскольку два из этих упоминаний, 1375 и 1389 гг., фиксируют восприятие Новгорода со стороны [Klug 1985: 96]. Во-вторых, историк обратил внимание на то, что в Лаврентьевской летописи (далее — *Лавр.*) «Великий Новгород» появляется задолго до конца XIV в. — начиная с рубежа 60–70-х гг. XII в. Э. Клюг составил весьма полезный перечень упоминаний «Новгорода» и «Великого Новгорода» в *Лавр.* и показал, что если в XII–XIII вв. «Великий Новгород» появляется в летописи эпизодически, то с конца XIII в. все чаще, преобладая над просто «Новгородом» [*Ibid.*: 99–100]. В-третьих, Э. Клюг, исходя из позднего происхождения обозначения «Великий Новгород», рассматривает вопрос о времени его включения в *Лавр.* и, отводя — справедливо, на наш взгляд, — возможную гипотезу о том, что эпитет «Великий» мог быть включен в летопись задним числом при ее окончательном редактировании Лаврентием в 1377 г., предполагает, что довольно хаотичное распределение обозначений «Новгород» и «Великий Новгород» в статьях *Лавр.* за XII–

⁷ В зарубежной историографии выводы Э. Клюга получили признание. Американский исследователь Ч. Дж. Гальперин даже назвал их «бесспорными» (*cogent*) [Halperin 1999: 347].

⁸ Клюг ссылается на западнорусский текст грамоты по изданию: [АЗР, 1, 26, № 10], однако есть и не менее важный латинский текст послания (см. об этом ниже).

XIII вв. свидетельствует в пользу бессознательного использования летописцем эпитета «Великий». С учетом оснований, на которые опирался ученый, он пришел к выводу, что это было делом рук составителя свода 1305 г. (которого он считает летописцем переселившегося во Владимир-на-Клязьме из Киева митрополита Максима), поскольку Нижний Новгород находился тогда «на переднем крае» политической жизни, и требовалось отличать его от Новгорода на Волхове [Ibid.: 100-102]⁹.

В 1989 г. появилось второе издание книги В. Ф. Андреева, значительно переработанное и дополненное. Историк отметил еще одно раннее (1392–1393 гг.) новгородское упоминание — запись в напрестольном Евангелии Софийского собора, датирующуюся 1362/3 г., т. е. более чем на десяток лет раньше договора 1375 г. Первой же официальной фиксацией («в государственных документах самого Новгорода») он по-прежнему считал Нибуров мир [Андреев 1989: 33–34].

В 1997 г. в г. Кирове вышла статья местного историка В. В. Низова, в которой имелись дальнейшие уточнения основанных на концепции В. Л. Янина представлений [см.: Низов 1997]. Несмотря на то что историк не ссылался на статью Э. Клюга и второе издание книги В. Ф. Андреева и, очевидно, не знал их, дополнения В. В. Низова только в одном случае совпадают с уже указанным (В. Ф. Андреевым), относительно записи на Евангелии 1363 г. Во-первых, В. В. Низов справедливо указал, что, согласно датировке самого В. Л. Янина, ко времени более раннему, чем Нибуров мир, относятся данные спинских сябров Спасскому Верендовскому монастырю — 1389–1391 гг. А в них фигурирует архиепископ «Великого Новагорода» [ГВНП: 164, 165, №№ 107, 109]. Присутствие данного обозначения в архиерейском титуле — однозначное свидетельство его официального характера. Во-вторых, В. В. Низов отметил не одно, а три упоминания Великого Новгорода в записях на книгах до 1392 г. Впрочем, древнейшее из них — указанная В. Ф. Андреевым запись на софийском Евангелии, которую В. В. Низов убедительно датирует январем 1363 г. К этому времени, по его мнению, следует относить «самое раннее именование Новгорода “Великим”» [Низов 1997: 64–66]. Неновгородские ранние упоминания «Великого Новгорода» В. В. Низов, как мы видим, игнорирует.

Высказывает вятский историк и некоторые соображения относительно содержания понятия «Великий Новгород». По его мнению, оно

⁹ Примерно такой же точки зрения придерживается В. А. Кучкин, полагающий, что Нижний Новгород стал называться «Нижним» с 40–50-х гг. XIV в., когда его «нужно было отличать от более старого Новгорода на Волхове», который, по мнению историка, «получил примерно в то же время определение Великий, до этого в течение четырех столетий называясь просто Новгородом». Первый документ, который в связи с этим упоминает Кучкин, — договор 1375 г. [Кучкин 2011: 78, 82]

может обозначать либо все политическое образование в целом, либо город — центр политического образования. Их внедрение В. В. Низов связывает с реформами управления в Новгороде в 60-е гг. XIV в. [Ibid.: 66–67]. Поэтому он отвергает идею о возникновении обозначения «Великий Новгород» для того, чтобы отличать его от Новгорода Нижнего, резонно замечая, что многое вероятнее другая картина: Новгород на Оке стали называть «Нижним», чтобы отличать его от более древнего, крупного и значимого Новгорода на Волхове. Смысл этого наименования, по В. В. Низову, такой же, как и у наименования «Великий князь», — подчеркивание престижа и самостоятельности [Ibid.: 67–68].

Недавно к проблеме «Великого Новгорода» обратился тверской исследователь Б. И. Чибисов [Чибисов 2012]. В его небольшой работе есть ряд ошибочных утверждений. Наличие определения «Великий» при Новгороде в *НПЛ мл.* он считает явлением более ранним, чем его отсутствие в тех же статьях в Новгородской первой летописи старшего извода (далее — *НПЛ ст.*). Однако даже если считать, что в *НПЛ мл.* в данном случае отразилась традиция более раннего источника, сомнительным было бы предположение о последовательном сокращении во *всех* известиях Синодального списка определения «Великий». Кроме того, два «ранних» упоминания Великого Новгорода в *НПЛ мл.* — это индивидуальные чтения Комиссионного списка, и их появление можно датировать временем его написания, т. е. XV в. [ПСРЛ, 3: 246, 312]. Следствием недостаточного знакомства с историографией вопроса следует признать и поспешное согласие Б. И. Чибисова с концепцией В. Л. Янина о том, что в новгородских актах «Великий Новгород» впервые фиксируется в 1392 г. («повисают», естественно, и все выводы, сделанные на основе ошибочной датировки). В то же время в работе есть и весьма ценные наблюдения. Отмечая вслед за Клюгом (но, как и другие отечественные авторы, не ссылаясь на него) тот факт, что в *Лавр.* «Великий Новгород» появляется начиная с известия 1169 (точнее, 1170) г., Б. И. Чибисов обращает внимание на то, что еще более раннее упоминание содержится в Ипатьевской летописи (далее — *Ип.*) в статье под 1141 г. (никаких выводов отсюда, впрочем, он не делает). Кроме того, Б. И. Чибисову принадлежит гораздо более точная и нюансированная характеристика оттенков значения этого словосочетания. Он выделяет пять групп значений: 1) другое обозначение Новгородской земли; 2) обозначение города; 3) княжеского стола; 4) архиерейской кафедры; 5) «соционима» [Чибисов 2012: 27]. Тут есть, как представляется, и неточности («Великий Новгород» в первом значении был названием не «Новгородской земли», а заменил «Новгород» в значении политического образования), и некоторая избыточность (пункты 3 и 4 не создают отдельных значений: и княжеский стол,

и кафедра находятся в конкретном политическом образовании и на конкретной территории). Тем не менее это был несомненно существенный прогресс по сравнению с довольно схематичными оценками предшественников. Особенно же важен пункт 5. Б. И. Чибисов тонко заметил «постоянн[ую] вариативность в упоминании должностных лиц, социальных групп и их представителей», которые могли обозначаться этим выражением. Правда, он почему-то связывал эту группу значений только с обозначением «весь Великий Новгород». Конечный вывод таков: «Великий Новгород» в значении «соционима» означал «совокупность республиканских властей, которые активно выражают абстрактную идею Новгородской республики» [Ibid.: 27]. Сформулировано несколько мутновато, но, как мы увидим ниже, Б. И. Чибисов был очень близок к истине.

Итак, на сегодняшний день спорными вопросами остаются следующие: время появления обозначения в письменных источниках вообще и в официальных новгородских документах в частности; причины его возникновения; оттенки его значения.

Попробуем последовательно ответить на эти вопросы.

1. Сразу нужно сказать, что первое новгородское упоминание следует удревнить более чем на шестьдесят лет по сравнению с Нибуровым миром и более чем на тридцать лет по сравнению с самой ранней предлагавшейся в историографии датой (если не считать явно ошибочных датировок Б. И. Чибисова).

В документах на средненижненемецком языке, имеющих отношение к связям Новгорода с Ганзой, «Великий Новгород» упоминается уже как минимум с 30-х гг. XIV в.

В послании ганзейской Конторы в Ригу 1331 г. говорится о том, как на переговоры с немецкими купцами явился некий Борис Сильвестров сын «и сказал, что его послали 300 золотых поясов; что у Великого Новгорода есть достаточно имущества, они не хотят имущества, но они хотят получить 50 человек, [имена] которых они записали» [Лукин 2018, Приложение 2: 550]¹⁰. Кем бы ни считать новгородских «золотых поясов» (по нашему мнению, это было собирательное наименование новгородского боярства), так могли называться и действовать люди, обладавшие формальным или/и неформальным статусом, позволявшим им отправить посла к иностранным партнерам Новгорода и предъявлять им требования.

---

¹⁰ ...vn(de) sprach, ene hedde(n) vtghesant CCC guldene gordele, Grote(n) Naugarde(n)
hedde gudes ghenauch, se en wolde(n) neyn gut, we(n)ne se wolde(n) hebbe(n) de L
houede, de se beschriue(n) hedde(n).

Позднее в ходе переговоров новгородские послы заявили немцам: «Великий Новгород разгневан на вас» [Ibid.: 555]¹¹. Это были послы, представлявшие сначала вече, а потом — посадника. Среди послов был Матфей Варфоломеевич Козка, сын посадника, сам вскоре ставший посадником, член могущественного боярского клана Мишиничей-Онцифоровичей, представлявший в посадничестве Неревский конец [Янин 1981: 44–46; Янин 2003: 255]. Упоминание «Великого Новгорода» в речи официальных послов, наделенных соответствующим мандатом высшим органом власти и высшим должностным лицом, вряд ли могло быть случайным.

Нечто очень похожее видим и в документе 1337 г., где пришедшие с веча новгородские послы говорят немецким купцам: «Великий Новгород сжалился над вами» [Лукин 2018, Приложение 3: 560]¹². И ниже послы говорят немцам следующее: «Великий Новгород принял такое решение, что они [новгородцы. — П. Л.] хотят непременно получить столько товара в качестве залога, сколько было захвачено у их братьев, в таком размере, чтобы вы сохранили жизнь и имущество» [Ibid.: 562]¹³. Наконец, на самом вече немцам объявляют, что только Великий Новгород решит, когда немцам будет возвращен арестованный товар [Ibid.: 563]¹⁴.

Частотность упоминаний свидетельствует о том, что в это время словосочетание уже широко использовалось и применялось в переговорах с иностранными партнерами новгородскими официальными лицами. В более раннее время в ганзейских источниках обозначение «Великий Новгород» вроде бы не встречается. В частности, его нет в пространном письме на латинском языке посланников немецких торговых городов властям Любека о миссии в Новгород, которое датируется предположительно 1292 г. [Лукин 2018, Приложение 1: 539–544]. Чрезвычайно существенным поэтому представляется то обстоятельство, что Синодальный список *НПЛ* (*НПЛ ст.*), в котором отсутствует «Великий Новгород», в своей основной части написан двумя почерками: первый сегмент — почерком XIII в., второй — почерком, скорее всего, около 30-х гг. XIV в. (!) [Гиппиус 2006: 122]. Разумеется, на этом основании нельзя настаивать на абсолютно точной датировке (интересующее нас обозначение какое-то время могло использоваться одними

¹¹ Grote(n) No garde(n) is vp iu ere.

¹² Grote Nog(arden) heuet sich enbarmet ou(er) iu.

¹³ Grote Nog(ar)d(en) is des to rade worde(n), dat se iumm(er) also vele godes hebben willen to eyne(m) pande, als ere(n) brod(er)en nome(n) is, also vere als gi lif vn(de) güt behalde(n).

¹⁴ ...is Grote Nog(arden) des weldich, wene se dat güt tokere(n).

книжниками и не использоваться другими), но совпадение кажется не случайным. Вероятно, именно в 30-е гг. XIV в. обозначение «Великий Новгород» распространяется в Новгороде, и ему начинает присваиваться официальный статус, который окончательно закрепляется уже в конце столетия. Тем самым опровергаются и все теории, которые связывали появление «Великого Новгорода» с политическими процессами более позднего времени.

Здесь надо также оговориться, что, вопреки высказывавшемуся в историографии мнению, Нибуров мир ни в коей мере нельзя считать первым документом, исходящим от Новгорода, где обозначение «Великий Новгород» носит официальный характер. Даже если расценивать упоминания 1331 и 1337 гг., как недостаточно официальные (для чего, как нам кажется, оснований нет), то некоторые другие «до-нибуровы» фиксации можно считать и новгородскими, и вполне официальными.

В заключении договора 1375 г. Новгород участвовал в качестве одной из сторон, а к его оригиналу были приложены «новгородские печати», что свидетельствует о визировании его новгородскими властями [Кучкин 2003: 195, 343, приложение]. Бессспорно официальный характер носят и исходят от Новгорода изданные А. Л. Хорошкович опасная грамота 1388 г. и сохранившаяся в переводе на средненижненемецкий язык грамота Новгорода Дерпту 1390 г. Об этом свидетельствует их адресация: «От великого князя наместников Ивана и Василья, от посадника Есифа Захарьинича, от тысяцкого Григорья Ивановича и от всего Великого Новгорода к замърским послам в Юрво к Ивану и другому Ива[н]у»; «Наместники великого князя Иван и Василий, посадник Василий Иванович, тысяцкий Григорий Иванович и весь Великий Новгород приветствуют епископа, бургомистров и ратманов Дерпта» [Хорошкович 1964: 272]¹⁵. В дипломатической переписке «неофициальных» обозначений быть, естественно, не могло. Титулование новгородского владыки в данных спинских сябров тоже, конечно, было официальным.

Что касается неновгородских источников, то в историографии было правильно определено, что в летописании Северо-Восточной Руси «Великий Новгород» появляется впервые в статье об осаде Новгорода войсками Андрея Боголюбского в 1170 г. (*Лавр.*), а в южнорусском летописании (*Ил.*) — в статье 1141/2 г., т. е. значительно раньше новгородских упоминаний. Однако убедительного объяснения этот парадокс не получил. Э. Клюгом была выдвинута «нижегородская» интерпретация, но она подверглась критике, кроме того, она не объясняет более ранних, чем северо-восточные, южнорусских свидетельств. Поэтому теперь нужно обратиться к причинам появления обозначения «Великий Новгород».

¹⁵ Перевод второго фрагмента наш.

2. Итак, впервые «Новгород Великий» — именно в такой последовательности (определение после определяемого слова) встречается в южнорусском летописании. Речь идет об известии под 1141/2 г. [Бережков 1963: 143–144]: «В то же лѣто посла Изяславъ къ сестрѣ своей, рече: “Испроси ны у зяте Новгородъ Великыи брату своему Святополку”. Она же тако створи» [ПСРЛ, 2: 309]. Летописцу важно было, по-видимому, подчеркнуть, какой именно Новгород должен был получить Святополк Мстиславич. Известие читается во всех списках *Ип.*; до него «Новгород Великий» не появляется ни разу.

Это отнюдь не единственное упоминание «Новгорода Великого» в составе Киевского свода. Уже под 1149 г. [о дате см.: Бережков 1963: 147] в *Ип.* сообщается об окончании похода Изяслава и Ростислава Мстиславичей против Юрия Долгорукого: «И тако Ростиславъ поиде полки своими Смоленьску, а Изяславъ, брат его, иде к Новугороду Великому» [ПСРЛ, 2: 371–372]. Читатель, очевидно, должен был понимать, что Изяслав Мстиславич отправился именно в Новгород на Волхове. Есть и другие упоминания [см.: ПСРЛ, 2: 388, 459, 525, 560¹⁶, 562, 606, 618, 620].

Присутствие эпитета «Великий» в ключевых известиях во всех списках *Ип.*, а значит и в протографе этой летописи, и логика его употребления позволяют достаточно уверенно утверждать, что эти упоминания, во-первых, не случайны, во-вторых, они вряд ли являются результатом осуществленной позднейшим переписчиком правки. Может иметь некоторое значение также и то, что некоторые фиксации «Великого Новгорода» в *Ип.* находятся внутри прямой речи князей, а, как показал А. А. Зализняк, в прямой речи светских лиц в Киевском своде имеется особенность (распределение препозиции и постпозиции энклитики «ся»), которая свидетельствует о почти буквальном цитировании посланий, причем она присутствует и в «Слове о полку Игореве», и в берестяных грамотах [Зализняк 2008: 54–55, 418–419].

В северо-восточном летописании первое упоминание, как уже говорилось, — в рассказе о походе на Новгород в 1170 г. войска, отправленного Андреем Боголюбским: «Тое жи зимы князь Андрѣи посла сына своего Мстислава съ всею дружиною на Великыи Новъгородъ» [ПСРЛ, 1: 361]¹⁷. Причем «Великий Новгород» читается в этом известии и в Радзивиловской, и в Академической летописях, что не позволяет предполагать позднейшей редактуры составителя *Лавр.* Перечень упоминаний «Великого Новгорода» в *Лавр.* дан в статье Клюга, что избавляет нас от необходимости приводить его [Klug 1985: 99–100]. Обратим внимание только на самые существенные с содержательной точки зрения фиксации.

¹⁶ Упомянут «Великий Новгород», а не «Новгород Великий».

¹⁷ О дате см.: [Бережков 1963: 68].

Значительный интерес представляет следующие два упоминания в *Лавр*. В 1205 г.¹⁸ Всеволод Большое Гнездо «посла сына своего Костянина Новугороду Великому на княженье», сопроводив свое повеление поучением. Владимирский князь разъяснил сыну значимость его назначения так: «На тобѣ Богъ положилъ переже старѣишиство во всеи братыи твоей, а Новъгородъ Великыи старѣишиство имать княженью во всяя Русьской земли; по имени твоему тако и хвала твоя: не токмо Богъ положилъ на тебѣ старѣишиство в братыи твоей, но и въ всеи Русьской земли. И язъ ти даю старѣишиство, поѣди в свои городъ» [ПСРЛ, 1: 421, 422]. В речи, вложенной в уста Всеволода, подчеркивается значимость «Великого Новгорода», которая четко связывается с его ролью в истории династии. Новгород явно выделяется среди всех русских городов — как тот, где впервые появилось княжение, т. е. княжеская власть правящей на Руси династии как таковая¹⁹.

Что касается новгородского летописания, то в *НПЛ ст.* выражение «Великий Новгород», как уже говорилось, отсутствует. В младшем изводе оно появляется в статье 1205 г. (причем только в Комиссионном списке), где, между прочим, идет речь о вокняжении в Новгороде Константина Всеволодича: «[...] и радъ бысть весь великии Новъград своему хотѣнию» [ПСРЛ, 3: 246]. В аналогичной статье в *НПЛ ст.* читается, однако: «[...] и радъ бысть весь град своему хотѣнию» [ПСРЛ, 3: 50], т. е. здесь следует усматривать позднейшую редактуру. То же самое относится и к двум другим упоминаниям в *НПЛ мл.* за XIII в.: в Синодальном списке их нет [ПСРЛ, 3: 275, 312].

Новгород Великий появляется также в житии Александра Невского, памятнике второй половины XIII в., включенном в летопись [ПСРЛ, 3: 291]. Но это не новгородское, а владимирское сочинение [Бегунов 1965: 56–61]²⁰, которое должно рассматриваться в том же ряду, что и *Лавр*. Кроме того, это не первоначальное чтение. В более ранней редакции в этом месте читается просто «Новъгородъ», а определение «великий» в ней вообще отсутствует [Ibid.: 159–180, особенно: 162]²¹. Мы, таким образом, вновь имеем дело с поздней вставкой.

В XIV в. Великий Новгород впервые встречается в *НПЛ мл.* в рассказе о целовании креста новгородцам литовским князем Наримонтом

¹⁸ О дате см.: [Ibid.: 88].

¹⁹ См. также: [ПСРЛ, 1: 445, 470, 472, 475, 483, 485 (2 р.), 486].

²⁰ Ю. К. Бегунов, исследователь текстологии Жития, датирует его 1282–1283 гг., В. А. Кучкин — 1263–1265 гг., т. е. временем сразу после смерти Александра Ярославича [Кучкин 1990: 36–39].

²¹ Ср. также реконструкцию первоначального текста жития: [Бегунов 1963: 187194, особенно: 188].

под 1333 г. [ПСРЛ, 3: 346]²², но это индивидуальное чтение Комиссионного списка, в протографе, вероятно, стоял «весь Новгород» [Ibid.: разнотчения, № 9]. Дополнительным подтверждением позднего появления эпитета «великий» в этой летописной статье являются данные летописей новгородско-софийской группы, где он отсутствует²³. Первые два бесспорные упоминания Великого Новгорода в новгородском летописании содержатся в статье *НПЛ мл.* под 1393 г. [ПСРЛ, 3: 385, 386]²⁴. В дальнейшем это обозначение появляется регулярно, особенно с 40-х гг. XV в., хотя однозначной последовательности не наблюдается. По-прежнему в тех же значениях в *НПЛ мл.* фигурирует и просто «Новгород».

Итак, мы сталкиваемся с необходимостью объяснить, на первый взгляд, весьма странный факт. Самые ранние упоминания Новгорода как «великого» содержатся отнюдь не в новгородском летописании. Что заставляло летописцев из других земель восхвалять Новгород, присваивая ему почетное наименование, в то время как сами новгородцы этого не делали? Или дело обстояло несколько иначе?

Если присмотреться к первому упоминанию «Новгорода Великого» в *Ип.* под 1141/2 г., то несколькими строками выше там обнаружится упоминание другого Новгорода — Северского: «Иде Святославъ Курьскую, бѣ бо и Новѣ[городѣ] съдя Сѣверскѣ» [ПСРЛ, 2: 309]. Новгород Северский в письменных источниках впервые упоминается в 1079 г. («Поучение» Владимира Мономаха), а археологически известен с конца X — первой половины XI в. [Коваленко 2014: 550]. Нет сомнений в том, что южнорусские летописцы должны были как-то отличать Новгород на Волхове от своего «родного» Новгорода Северского, особенно там, где приходилось упоминать эти два города один за другим: Новгород Северский в *Ип.* упоминается и без определения, точно так же, как и Новгород Великий, который чаще фигурирует как просто «Новгород». Для летописцев XII в. оба эти города были древними, существовавшими с незапамятных времен. Вполне естественно, что они имели в виду отличие другого рода, при этом вполне очевидное: размеры северо-западного Новгорода (и по территории, и по населению).

То, что разные Новгороды могли путаться, известно вполне определенно, правда, по более поздним данным. Именно это произошло с автором «Задонщины», который, по-видимому, увидев в тексте «Слова о полку Игореве» «Новгород», решил — для своего времени вполне

²² См. о дате: [Бережков 1963: 294295].

²³ В Новгородской IV и Новгородской Карамзинской (2-я выборка) сказано просто: «цѣлова кресть» (без указания, кому) [ПСРЛ, 4, 1: 265; 42: 125]; в Софийской I обеих редакций говорится о целовании креста «къ Новугороду» [ПСРЛ, 6, 1: 407; 5: 220].

²⁴ См. о дате: [Бережков 1963: 300].

естественным образом, — что речь идет о хорошо ему известном Великом Новгороде, в результате чего вместо трубящих в Новгороде [Северском] труб зазвенели «вечныя колоколы в Великом Новегороде» [ПКЦ: 98]²⁵.

То, что определение «великий» по отношению к городу (или крепости; и то, и другое по-древнерусски — «городъ») означало «большой», причем по сравнению с чем-либо, можно подтвердить. В рассказе о строительстве Ярославом Мудрым новой крепости в Киеве из начальной летописи читается: «Заложи Ярославъ городъ великии Кыевъ» [ПСРЛ, 2: 139]. Имплицитно это, по-видимому, должно подразумевать, что это большое крепостное сооружение по сравнению с «городом Владимира» (ср.: «Мъстиславъ заложи Новъгородъ болии перваго» [Ibid: 277]²⁶).

Более существенной и даже решающей представляется, впрочем, еще одна параллель. В статье *Ип. под 1152/3 г.* [Бережков 1963: 141, 155–156] читается обращение Изяслава Мстиславича к брату Ростиславу (вместе с ним Изяслав собирался воевать против Юрия Долгорукого): «Тамо, брате, у тебе по Бозѣ Новъгородъ силныи и Смолнескъ, а скучивъся, постерези же землѣ своея, юже Гюрги поидет на тя» [ПСРЛ, 2: 455]. Не вполне понятно, почему Новгород назван «сильным», а Смоленск — один из крупнейших древнерусских центров — нет. Или этот оборот надо понимать так, что определение «сильный» относится также и к Смоленску?

Все встает на свои места, если сравнить эту фразу с другой, которая читается ниже в *той же* летописной статье и, очевидно, принадлежит перу того же летописца. Вновь Изяслав обращается к Ростиславу: «Ты по Бозѣ тамо у Смоленскѣ и в Новѣгородѣ у Велицимъ еси, а ты тамо удержи Гюргя...» [Ibid.: 459]. Фразы очень близки по форме и почти идентичны по смыслу. Можно думать, что определения «сильный» и «великий» функционируют в одном и том же значении (никаких прописных букв в оригинале, естественно, не было). Новгород на Волхове — это большой по размерам и численности, многолюдный, богатый, словом, «великий» и «сильный» город, поддержка которого дает князю возможность противостоять опасному противнику. И в этом смысле он отличается от других городов с таким же названием²⁷.

²⁵ См. подробнее: [Лукин 2014: 155–156].

²⁶ В Ипатьевском списке «городѣ» написано на полях, в Хлебниковском — без искажений.

²⁷ Ср. в *Лавр.*, в некрологе владимирскому князю Юрию Всеволодичу: «Паче же Новѣгородѣ вторыи постави на Волзѣ усть Окы» [ПСРЛ, 1: 468]. Речь идет о Нижнем Новгороде, который назван «вторым» по отношению к первому, «главному» Новгороду — Новгороду Великому.

Имеющиеся на сегодняшний день данные выстраиваются, таким образом, в следующую картину. Впервые Новгород на Волхове стали называть «Великим» в южной Руси — по его главному признаку, размеру — для отличия от Новгорода Северского. Возможно, уже тогда определенную роль играл и особый статус Новгорода Великого как старейшего стола Рюриковичей.

Позднее этот эпитет фиксируется на Северо-Востоке Руси. Изначально это обозначение проникло туда, видимо, с юга, но дополнительным стимулом могло стать возникновение Нижнего Новгорода в 1221 г., от которого тоже надо было теперь отличать Новгород на Волхове: город на Оке был основан как «Новгород», эпитет «Нижний» появился позднее, уже в XIV в.²⁸ Между тем с середины XIII в. обозначение «Великий Новгород» доминирует в *Лавр.* [Klug 1985: 99–100].

В *Лавр.* уже ясно проявляются представления самих князей (и связанных с ними книжников) об исключительной значимости, а следовательно, и «величии» города на Волхове. Как мы видели в обращении Всеволода Большое Гнездо к Константину в *Лавр.*, в династии Рюриковичей такое представление культивировалось уже в начале XIII в. Этот же источник помогает проследить, каким образом наименование «Великий Новгород», уже получившее к этому времени особые, «возвеличивающие», коннотации, попало на Северо-Запад, — через приходивших в Новгород князей и их окружение.

Каким образом такое словоупотребление повлияло на новгородское, сказать сложно. Можно предположить, что проникшее из других регионов Руси наименование стало восприниматься в самом Новгороде как почетное (что вполне логично) и стало — именно в этом качестве — одним из важных проявлений новгородской политической идентичности. Здесь нет ничего удивительного: такова же была судьба и вечевого колокола, который впервые появляется отнюдь не в Новгороде, а в Северо-Восточной Руси [см. об этом: Лукин 2014].

Дополнительным стимулом для интереса в Новгороде к эпитету «Великий», уже применявшемуся в других русских землях, прежде всего в Сузdalской земле, могло послужить признание за владимирскими князьями, которые могли быть одновременно и князьями новгородскими, титула «великий князь». В XIV в. владимирские князья довольно последовательно именуются в новгородском летописании «великими», причем чаще всего Иван Калита — 16 из 20 раз [Горский 2016: 66–67]. Иван Калита был князем владимирским с 1328 по 1340 г.,

---

²⁸ «Великыи князь Гюрги, сынъ Всеволожъ зложи град на усть Оки и нарече имѧ ему Новъград» [ПСРЛ, 1: 445]. Об основании Нижнего Новгорода см.: [Кучкин 1974: 236–237].

с 1328 г. он занимал и новгородский стол. Именно в это время мы впервые встречаем в «прямой речи» самих новгородцев обозначение «Великий Новгород»²⁹.

В XV в. выражение «Великий Новгород» имеет уже несомненно официальный характер, о чем явно свидетельствуют регулярные упоминания в формулярах новгородских грамот, появление печатей «Великого Новгорода» и монет с соответствующей надписью³⁰. К концу существования Новгородской республики и вовсе закрепляется формула «господин господарь Великий Новгород» [ГВНП: 152, 156, №№ 96, 101]³¹.

Будучи принятым в Новгороде, эпитет «великий» был, конечно, несколько переосмыслен. Его лаудативное значение было усилено. Это подтверждается не только тем, что в XV в. сами новгородцы с гордостью называли себя «великим Новымгородом» [ПСРЛ, 25: 286]. Аргументом может служить и появление наименования «Великий Псков» во второй половине XV — начале XVI в. — явно под влиянием «старшего брата». Поскольку другого Пскова на Руси не было, это обозначение, безусловно, носило лаудативный характер, а следовательно, именно так воспринималось и обозначение «Великий Новгород»³².

3. Что касается значения наименования «Великий Новгород», то оно практически во всех нюансах повторяет оформленвшееся ранее значение слова «Новгород», которое употребляется в источниках по-разному.

Самое очевидное и распространенное значение слова «Новгород» — *оиконим, название города*. На этом останавливаться специально нет необходимости.

«Новгородом», однако, могли называть не только сам город как населенный пункт, но и *все новгородское политическое образование, Новгородскую республику*. Например, в договорной грамоте Новгорода с князем Ярославом Ярославичем 1268 г. читаем: «А вывода ти, княже, межи Суждальскою землею и Новъмыгородомъ не чинити» [ГВНП: 13, № 3]³³.

²⁹ Отношения между Иваном Калитой и Новгородом в 30-е гг. XIV в. были к тому же отнюдь не идиллическими [Горский 2010: 604], что могло дополнительно способствовать стремлению новгородцев противопоставить великому князю «равнозначный» статус.

³⁰ См. об этом: [Лукин 2015: 140–142; Толстой 1884: 30].

³¹ Возникновение и значение формул «весь господин Великий Новгород» и «весь господин господарь Великий Новгород» требует отдельного рассмотрения.

³² См., например, договор между Москвой, Псковом и дерптским епископом 1509 г. [Книга посольская: 163–168, 2-я пагинация, № 70].

³³ О датировке см.: [Янин 1991: 147–150].

«Новгород» сопоставляется с Сузdalской землей (а не с городом Суздалем), т. е. это название территории, а не название города. Заметим, что тут, — где, казалось бы, напрашивается такое словоупотребление, — выражение «Новгородская земля» не используется. В аналогичной статье более поздней договорной грамоты 1307 г. между великим князем владимирским и тверским Михаилом Ярославичем и Новгородом мы видим, впрочем, уже «Новгородскую землю»: «А вывода ти, княже, межю Суждальскою землею и Новгородьскою не чинити» [ГВНП: 20, № 9].

Однако «Новгород» в этом контексте — это не просто название территории. В той же грамоте есть такая статья: «Княжение твое честьно държати по пошлинѣ, безъ обиды; а тобѣ, господине, такоже Новгородъ държати по пошлинѣ безъ обиды» [ГВНП: 19, № 9; см. также: Ibid.: 21, № 10]. В договорах более раннего времени речь шла только о «держании» Новгорода, «княжение» не упоминалось. Для понимания того, что в данном случае подразумевается под «Новгородом», следует обратить внимание на слово «княжение». В домонгольское время оно использовалось в значении «княжеская власть, правление». Позднее оно «начинает иногда употребляться в территориальном значении» — «область, подвластная князю» [Горский 2014: 8, сноска 5; 11–12; см. также: СДРЯ, 4: 360–361]. Слово «княжение» в грамоте 1307 г. использовано в первом значении. «Держание» князем Новгорода соотносится с «держанием» (т. е. в данном случае признанием, поддержкой) новгородцами «княжения», т. е. власти Михаила. В этом контексте Новгород выступает как *политическое образование*, по отношению к которому великий князь выступает в качестве сюзерена.

Положение договоров Новгорода с князьями о смердах и купцах («А что закладниковъ за Гюргемъ на Торожку или за тобою или за кн[я] гынею, или за мужи твоими: кто купецъ, тотъ въ сто; а кто смердъ, а тот потягнетъ въ свои погости; тако пошло Новегородъ, отпустите ихъ процы» [ГВНП: 13, № 3]) свидетельствует о том, что в состав «Новгорода» входят погосты, населенные смердами, и новгородский «пригород» Торжок. Это словоупотребление сохраняется и позднее.

Очень характерно в этом плане то, что в договорах и других актах великие князья владимирские (а потом московские) соотносятся именно с «Новгородом». Так, в грамоте князя Андрея Александровича о порядке обеспечения княжеских сокольничих ватаг в их походах на море конца XIII–начала XIV в. от имени князя говорится: «Како есмь докончаль с Новымъгородомъ» [ГВНП: 142, № 83]³⁴ (а не с Новгородской землей или волостью).

³⁴ О датировке см.: [Янин 1991, 151–152].

«Новгород» в таком значении появляется и в XV в., когда распространяется выражение «Великий Новгород». В новгородском проекте договора с Василием Темным 1456 г.³⁵ есть такая статья: «Новъгородъ держати вамъ в старинѣ, по пошлинѣ, без обиды, а намъ, мужемъ ноугородцемъ, княжение ваше держати честно и грозно, без обиды» [ГВНП: 40, № 22]. Под «Новгородом» тут вновь понимается политическое образование вместе с территорией, которая была ему подчинена.

В принципе, то же самое мы видим и в других источниках. Подобные контексты в летописи чрезвычайно редки, но вышеописанное значение все же встречается. Например, в обращении новгородцев к владимирскому князю Юрию Всеволодичу: «Оже ти не угодно държати Новагорода сыномъ, а въда ны брат» [ПСРЛ, 3: 61]. То же мы видим и в иностранных документах. Когда ливонский магистр в 1411 г. в письме властям Ревеля упоминает «архиепископа в Новгороде» (*ertzebisshop to Nougarde(n)*), он явно подразумевает не архиерея, живущего в городе Новгороде, а церковного иерарха, полномочия которого распространялись на всю епархию, и под «Новгородом» имеет в виду не город, а политico-территориальную единицу, на которую распространяются его полномочия, в целом [ТЛА, ф. 230, оп. 1, д. ВВ 24-І, л. 36; ср.: HUB, 5: 555, № 1031].

Здесь уместно сделать отступление и коснуться понятий «Новгородская волость» и «Новгородская земля». Им должно быть посвящено отдельное исследование, но предварительно можно согласиться с наблюдениями Ч. Дж. Гальперина, который пришел к выводу, что эти наименования не использовались «в идеологически нагруженном смысле», а «Новгородская земля» была только «фразой, а не концепцией» [Halperin 1999: 363]. Речь идет о том, что эти словосочетания применялись для обозначения объектов, на которые распространялась власть Новгорода и представляющих его должностных лиц: прежде всего территории и иногда жившего на этих территорий и подчиненного властям населения. О том же свидетельствует и достаточно редкое или хаотичное их использование.

Такова, в частности, статья договора 1268 г. и аналогичные статьи позднейших договоров: «А въ Бѣжичахъ тебѣ, княже, ни твои княгыни, ни твоимъ бояромъ, ни твоимъ слугамъ сель ни държати, ни купити, ни даромъ приемати, и по всеи волости Новгородьской» [ГВНП: 12, № 3].

Отметим также другую статью этого документа: «А из Бежиць, княже, людии нѣ выводити въ свою волость, ни изъ инои волости новгородьской, ни грамотъ имъ даяти, ни закладниковъ приемати ни твои княгыни, ни бояромъ твоимъ, ни слугамъ твоимъ: ни смерда, ни

³⁵ О датировке см.: [Янин 1991, 180–182].

купцины» [Ibid.]. До этого упоминаются окраинные волости: Волок, Торжок, Бежицы и др., однако вряд ли можно думать, что князю за-прещалось выводить людей только с окраин Новгородской республики. Обращает на себя также внимание и следующее выражение: «А се, княже, волости новгородьские: Волокъ съ всеми волостьюми...» [Ibid.]³⁶. Выясняется, что в составе волости Волок также были волости, подчи-нившиеся этому центру. Складывается впечатление, что понятие «во-лость» имело довольно широкое значение (по крайней мере в Новгороде в XIII в. и позднее) — это территория, некая область, находящаяся под чьей-то властью (ср. этимологию этой лексемы). Волостью могла назы-ваться и вся территория Новгородской республики, и отдельные ее части, и более дробные части этих частей.

Любопытно сопоставить это словоупотребление с территориальны-ми обозначениями проекта договора Новгорода с иноземными купцами 1268 г. Одна из его статей гласит: «Когда немецкие или готские купцы прибудут [...] в княжество князя новгородцев, они будут под защитой мира и покровительством князя и новгородцев, и если им будет причинена какая-либо несправедливость на территории, подвластной новгородцам, за это будут отвечать новгородцы». Новгородская политическая орга-низация характеризуется одновременно как княжество (или королевство) во главе с князем (*regnum regis*), так и как территории под властью новго-родцев (*dicio Nogardiensium*). Они же несут и ответственность за поддер-жание на ней порядка. В другой статье говорится, что именно новгородцы (а не князь) оказывают «мир и покровительство» немецким купцам, и нов-городская «полития» уже без оговорок определяется как «княжество нов-городцев» (*Cum hospites in regno Nogardiensium et sub eorundem pace et protectione sunt...* «Когда гости находятся в княжестве новгородцев и под защитой их мира...»³⁷). В высшей степени существенным оказывается сви-детельство еще одной статьи проекта: «Также если между соседними зем-лями и новгородцами [начнется] какая-либо война или раздор, из-за это-го раздора гостю препятствовать не следует...»³⁸ [HUB, 1: 229, 232, № 663]. *Nogardienses* («новгородцы») сопоставляются здесь как потенциальная сто-рона военного конфликта с окрестными странами (*terras circumiacentes*), что вполне четко характеризует их как носителей новгородского «сувере-нитета». Выражение *dicio Nogardiensium*, как представляется, раскрывает и объясняет выражение «Новгородская волость» — это территория, находя-щаяся под властью новгородцев, новгородского «политического народа».

³⁶ О датировке см.: [Янин 1991: 147–150].

³⁷ *Cum hospites in regno Nogardiensium et sub eorundem pace et protectione sunt...*

³⁸ *Item si aliqua werra uel discordia [fuerit] i[n]ter terras circumiacentes et Nogardienses, ratione huius discordie hospes impediri non debet...*

В проекте договора 1305–1307 гг. «Новгородская земля» — синоним Новгородской волости как территории, находящейся под властью «всего Новгорода»: «А что селъ, княже, на Новгородьской земли твоихъ, или княгиныхъ, или бояръ твоихъ, тѣхъ сель тобѣ съступитися; а куны емати на нихъ у истъцевъ своихъ, у кого будетъ кто купилъ; а земля святои Софии къ Новугороду» [ГВНП: 17, № 7].³⁹ То же и в проекте договора Новгорода с немцами 1371 г. на средненижненемецком языке: «Пусть будет у них [немецких купцов. — П. Л.] свободный путь по Новгородской земле, и по суше, и по воде» [TLA, ф. 230, оп. 1-І, д. 326; ср.: ГВНП: 74-76, № 42].⁴⁰ В этом значении «Новгородская земля» близка к «Новгороду» как к наименованию политического образования, но есть и нюанс: «земля», как и «волость», всегда выступает в качестве пассивного объекта властовования⁴¹.

Но в источниках — прежде всего, новгородских — обнаруживается и еще одно, весьма своеобразное, значение слова «Новгород». С ним мы сталкиваемся уже в очень ранней грамоте, датирующейся предположительно 1134 г., когда князь Изяслав Мстиславич испросил «у Новагорода святому Пантелеймону землю село Витославлицы и смерды и поля Ушково и до прости» [Корецкий 1955: 204]. Землей могли, естественно, распоряжаться только конкретные владельцы, а не географические обозначения. Выясняется, что уже на ранних этапах новгородской самостоятельности сформировалось представление о некоем новгородском политико-юридическом субъекте, отличном от князя и как минимум автономном по отношению к нему (князь просит «Новгород», а не наоборот). В договоре 1307 г. между Новгородом и великим князем Михаилом Ярославичем «Новгород» в этом контексте фактически прямо оказывается людьми, причем такими, которые могут соотноситься с князем, будучи объектом его «гнева» — опалы: «А гнѣва ти, княже, до Новагорода не държати ни до одного человека» [ГВНП: 20, № 9].

Именно с этим «антропоморфным Новгородом» связываются и республиканские вольности в представлении новгородских летописцев. Комментарий летописца архиепископа Мартирия под 1196 г. ясно это показывает: «[...] Новгородъ выложиша вси князи въ свободу: кде имъ любо, ту же себе князя поимаютъ» [ПСРЛ, 3: 43].⁴² Кому «имъ» «любо» самостоятельно выбирать себе князя? Смысл тут однозначен — только

³⁹ О датировке см.: [Янин 1991, 152–155].

⁴⁰ ...se solen hebben enen reynen wegh to lande vn[de] to watere dor der “Nowerder” lant.

⁴¹ Мы не касаемся здесь всех нюансов значений таких выражений, как «Новгородская земля» или «Новгородская область» (в частности, так могло называться войско, собранное со всей территории Новгородской республики).

⁴² О принадлежности данного фрагмента летописцу архиепископов Гавриила и Мартирия см.: [Гиппиус 2006: 215]. О самом известии см.: [Флоря 2012: 43].

«Новгороду». Действительно, грамматически «Новгород» здесь *единственное* число мужского рода, с которым соотносятся местоимение и сказуемое *множественного* числа: «имъ», (имплицитно) «оны» и «помиають». Известно, что «[с]обирательные ед. ч., главным образом муж. и женск. р., в древности нередко [...] имели при себе глагол и определение множ. ч. [...] “господá”, “братия”, “дружина”», “срацина” (сарацины), “латина” (латиняне), “народ”». Последняя лексема особенно интересна,ср. примеры, приведенные А. И. Соболевским из древнейших славянских памятников: «народ поидаша на нь»; «стоящимъ народу»; «народъ стоя и слышавъ глаголааху» [Соболевский 2005 (1907): 220–221]. Лингвисты обратили внимание и на аналогичные примеры из новгородских памятников, в том числе и на слово «Новгород»; показательное свидетельство из (*НПЛ ст.*) приводит Е. С. Истрина: «И въ Новъгородъ шдше с честью посадиша и» [Истрина 1923: 69, о явлении в целом: 67–70]. Как отмечают В. И. Борковский и П. С. Кузнецов, в древнерусской письменности «[п]ри словах с собирательным значением, тоже обозначавших **людей** [выделено мной. — П. Л.] (*Новъгородъ, земля и т. д.*), находим то множественное число, то единственное (первое — чаще)» [Борковский, Кузнецов 2006 (1963): 325]. Таким образом, сами грамматические формы, даже помимо содержания и контекста, сигнализируют о том, что перед нами упоминания общности *людей*, народа. Разумеется, речь идет не о всем населении Новгородской земли или даже города Новгорода, а о «политическом народе», т. е. о тех, кто имел право принимать участие в политической жизни. Для городских коммун Средневековья и Раннего Нового времени такое отождествление «всех» с элитой (но достаточно значительной в количественном отношении) было явлением совершенно нормальным и не вызывало никакого удивления [см., напр.: Keller 1988: 604–605]. Много чаще, впрочем, в летописи и как минимум не реже в документальных источниках в этом значении используется слово «новгородцы», как это могло быть и в устной речи. Характерно, кстати, что процитированный отрывок может подразумевать и княжескую грамоту, во всяком случае, официально сформулированное решение.

Именно в этом значении «Новгород» фигурирует в источниках как действующее лицо, как своего рода коллективная личность, в том числе и в официальных документах. Например, в составленной в Ревеле на средненижненемецком языке грамоте новгородцев Ивана Калеки сотоварищи 1396 г. поручители целуют крест на том, что «ни они, ни их [люди], ни Новгород (Nougharden), ни кто-либо от их имени более не должны предъявлять претензии» ливонскому магистру и другим партнерам [TLA, ф. 230, оп. 1-I, д. 446; ср.: ГВНП: 82-83, № 47]⁴³. В 1402 г. на

⁴³ ...se, noch de ere, noch Nougharden, noch iement van erer weghene meer vp saken en schal.

письмо представителей ганзейских городов должен ответить «весь Новгород на вече» [TLA, ф. 230, оп. 1, д. 12-I: л. 16 об.; ср.: HR-1, 5: 48, № 69]⁴⁴. А в 1406 г. псковские послы «пожаловались Новгороду на общем вече»⁴⁵, что [великий литовский] князь Витовт находится с большим войском в их земле» [TLA, ф. 230, оп. 1, д. 4 (Missivbuch der Stadt Reval 13851419): л. 31; ср.: HUB, 5: 364, № 704]. В двух последних случаях, отметим, «Новгород» в институциональном отношении представлен вечем.

Все эти три значения — название города (оиконим), название политического образования (страны, «государства») (хороним) и наименование «политического народа» (условно говоря, соционим) — переходят впоследствии и на «Великий Новгород». Это хорошо видно на примере рассмотренных выше упоминаний.

Уже в древнейших фиксациях «Великого Новгорода» в *Ил.* мы видим два первых значения: названия политического образования и города. 1141/2 г.: «В то же лѣто посла Изѧславъ къ сестрѣ своей, рече: “Испроси ны у зяте Новгородъ Великыи брату своему Святополку”. Она же тако створи» [ПСРЛ, 2: 309]. Речь идет о княжении Святополка Мстиславича в Новгородской земле, древнерусском политическом образовании, а не просто в городе. Зато под 1149 г. имеется в виду именно оиконим: «И тако Ростиславъ поиде полкы своими Смоленьску, а Изѧславъ, брат его, иде к Новугороду Великому» [ПСРЛ, 2: 371–372]. Новгород Великий и Смоленск здесь — города.

В обоих ганзейских документах — 1331 и 1337 г. — в которых содержатся наиболее ранние новгородские упоминания «Великого Новгорода», под этим обозначением понимается «политический народ». Именно полноправные новгородцы могут требовать выдачи обвиняемых, гневаться, миловать, принимать решения. Пассаж, в котором говорится о возврате немцам товара, ясно показывает, что уже в это время идеальным воплощением воли «Великого Новгорода» было вече. В. Л. Янин полагал, что в этом значении понятие «Великий Новгород» было адекватно понятию «новгородское боярство» [Янин 1970: 150], но этому противоречат многочисленные данные источников, которые однозначно свидетельствуют о том, что под «Великим Новгородом» подразумевался новгородский политический коллектив в целом, включавший в себя все городское полноправное население, объединенное в кончанские и уличанские организации [Лукин 2018: 315–342].

В записях на книгах, отмеченных В. Ф. Андреевым и В. В. Низовым, Великий Новгород — оиконим. В записи 1362/3 г. на служебном Евангелии: «Въ лѣто 6870-е индикта 1 изволениемъ Божиимъ, а поспѣшениемъ

⁴⁴ ...den bref antw(er)t gemene Nougarden int dink.

⁴⁵ ...clageden [to] Naugarden in deme gemeynen dinghe...

святого духа, написано бысть Еуангелие се въ Великом Новѣгороде повелѣнием боголюбиваго архиѣпископа новгородъскаго Олексѣя въ великое княжение Дмитрия Костянтиновица» [Столярова 2000: 290, № 279]. В записи 1369/70 г. на мартовской Минее: «Въ лѣто 6877-е изволением божиимъ, а поспѣшиенiem святого духа написаны бысть книги сия въ Великомъ Новѣгороде повелѣнием боголюбиваго архиепископа новгородъскаго Алексѣя» [Ibid.: 297, № 285]. В записи 1370/1 г. на октябрьской Минее: «В лѣто 6878 написаны бысть книги сия въ великомъ Новѣгородѣ повелѣнием боголюбиваго, преосвященаго архиепископа новгородъскаго владыцѣ Олексѣя» [Куприянов 1857: 289, № 35]⁴⁶.

В договоре 1375 г. «Великий Новгород» (или «Новгород Великий») упоминаются в качестве вассальной по отношению к Дмитрию «политии», его «отчины». Также новгородское население характеризуется как «людии [...] Новагорода Великого» и в этом качестве противопоставляются людям московским и «всего великого княженья», т. е. опять-таки «Новгород Великий» выступает в качестве названия политического образования. Близки по значению и другие упоминания «Великого Новгорода» в этом договоре [Кучкин 2003: 339–342 (приложение)]. В одной статье, впрочем, под «Великим Новгородом» можно понимать «политический народ» или власти, его представляющие:

А хто иметь бояръ или слугъ Новагорода Великого и Торжку, и ис пригородеи служити тобѣ [тверскому князю. — П. Л.], а что их села или земли, и воды, то вѣдает Великий Новѣгород, а ты бояром и слугам не надобѣ. Или потом кто приѣдет к тебѣ служити из Новагорода Великого и ис Торжку, и ис пригородеи, а тым тако же не надобѣ села их, и земли, и воды, то вѣдаетъ Новѣгород Великий [Ibid.: 341].

В двух случаях из четырех под «Великим Новгородом» подразумевается не политическое образование как таковое, а власти, им управляющие: ясно, что «ведать» чем-то могли только люди. В договоре в том же значении, что и «Великий Новгород», встречается и просто «Новгород».

Присяжная грамота литовского князя Семена-Лугвеня Ольгердовича королю польскому Владиславу Ягайлу, королеве Ядвиге и Короне Польского королевства 1389 г., которая сохранилась в двух вариантах – западнорусском и латинском, позволяет увидеть, как понятие «Великий Новгород» отражалось в разных языковых традициях. Семен-Лугвень заявляет, что Ягайло «поставиль нас опекалникомъ мужемъ и людемъ Великого Новагорода», и далее обещает Ягайлу и Ядвиге «при нихъ [...] пристати [...] и с тыми людми с Великого Новаг[ро]да, како же долго держимъ у нашемъ опеканию» [ОР РНБ, ф. 293, оп. 1., ед. хр. 1; сп.: АЗР,

⁴⁶ Не отмечена в своде Л. В. Столяровой.

1: 26, № 10]. В латинском варианте этот фрагмент передается несколько иначе. Присягающий говорит, что он назначен королем Польши, «защитником мужей и народа Великого Новгорода и правителем этих же мужей и народа»⁴⁷, и приносит присягу «вместе с тем же народом Великого Новгорода, до тех пор, пока он у нас будет находиться под защитой и управлением»⁴⁸ [BKCz, Dok. perg. № 218].

«Великий Новгород» здесь – наименование политического образования, которое соотносится с Польским королевством. Существенно, однако, и то, что в документе по сути раскрывается смысл этого понятия и в значении «новгородский политический коллектив». И это вполне объяснимо, так как то, что было очевидно для самих новгородцев («Великий Новгород» в этом значении = «люди, имеющие формальное право принимать решения»), требовало от иноземцев развернутой интерпретации. Поэтому, думается, мы и видим здесь не просто «Великий Новгород», а «мужей и народ Великого Новгорода» или просто «людей Великого Новгорода», «народ Великого Новгорода» (*homines et populus de Magno Nouogrod, populus de Magno Nouogrod*). Это и есть политический народ, хозяин своей «политии» – Великого Новгорода. Так на другом «политическом языке» было, очевидно, расшифровано это неоднозначное понятие.

В документах, изданных А. Л. Хорошкович, «(весь) Великий Новгород» фигурирует в значении «политического народа», в данных спинских сябров – как наименование территории, на которую распространялись полномочия архиепископа, т. е. фактически Новгородской республики.

В Нибурровом мире «Великий Новгород» упоминается несколько раз и в основном применительно к новгородскому «политическому народу». Наиболее показательна статья о краже немецкого товара: «[...] что не найдуть, а то Великому Новгороду, обыскавъ, дати исправа на томъ товарѣ и на татеи по хрест[н]ому целованию безо всякои хитрости». Вполне очевидно, что речь идет о людях и представляющих их политических институтах. Появляется в этом договоре и формула «Господин Великий Новгород» – в том же значении «политического народа», а не территории, как это часто можно видеть в историографии, популярной и художественной литературе и т. д. «Господин Великий Новгород» «смотрит» в старые грамоты и «повелевает» вместе с посадником и тысяцким. Однако терминологической четкости еще не было: в

⁴⁷ ...hom(in)ibus et populo de Magno Nouogrod in tutorem et gubernatorem eoru(n)dem ho(m)i(nu)m et p(o)p(u)li...

⁴⁸ ...cum eodem p(o)p(u)lo de Magno Nouogrod, q(ua)ndiu i(ps)u(m in tuic(i)one et gub(er)nac(i)one habu(er)im(us)...

этом договоре в том же значении по-прежнему фигурирует и понятие «Новгород»: «[...] противъ того товара повеле Новъгородъ взяти товаръ своеи братъи». Параллельно, как обозначение «политии» используется в основном «Новгород», но в одном месте, по-видимому, «Великий Новгород»: «А се которое орудье завяжется въ обидѣ промежи Великого Новгорода с [с]вѣскимъ короломъ, или съ велневицами, или с писку-помъ рискъмъ...» [ГВНП: 81–83, № 46]. Впрочем, во-первых, грань между двумя значениями нередко зыбка (особенно там, где неочевиден контекст), во-вторых, здесь, в принципе, может иметься в виду и новгородский политический коллектив.

Все эти значения сохраняются и в XV в., в том числе полное развитие получает наименование «Великий Новгород» в значении «политического народа». Возникает формула «господин господарь Великий Новгород», включающая в себя все полноправное население, объединенное в пять кончанских организаций и участвующее в вече⁴⁹.

Библиография

Сокращенные названия библиотек и хранилищ

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург

ВКСз – Biblioteka XX. Czartoryskich w Krakowie

ТЛА – Tallinna Linnaarhiiv

Источники

АЗР

Акты, относящиеся к истории Западной России, 1, С.-Петербург, 1846.

Бегунов 1965

Бегунов Ю. К., *Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли*, Ленинград, 1965.

ГВНП

Валк С. Н., ред., *Грамоты Великого Новгорода и Пскова*, Москва, Ленинград, 1949.

ДДГ

Черепнин Л. В., подг. к печати, *Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.*, Москва, Ленинград, 1950.

Книга посольская

Оболенский М., Данилович И., изд., *Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государствование короля Сигизмунда-Августа*, 2, Москва, 1843.

⁴⁹ См. подробнее: [Лукин 2018: 329–332]. Отдельный и выходящий за рамки данной работы вопрос — история наименования «Великий Новгород» после присоединения Новгорода к Москве. Известно, что оно использовалось и в дальнейшем, причем, в том числе, в договорах, подписанных московскими князьями (см. в договоре 1481 г. между Иваном III и угличским князем Андреем Васильевичем [ДДГ: 259, 260, № 72], но уже, конечно, не в самом специфическом для республиканского строя значении — наименовании «политического народа»).

ПКЦ

Рыбаков Б. А., Кучкин В. А., ред., *Памятники Куликовского цикла*, С.-Петербург, 1998.

ПСРЛ 1–42

- Полное собрание русских летописей, 1. Лаврентьевская летопись, Москва, 1997.
 2. Ипатьевская летопись, Москва, 1998. 3. Новгородская летопись старшего и младшего изводов, Москва, 2000. 4. 1. Новгородская четвертая летопись, Москва, 2000.
 5. Псковские и Софийские летописи, С.-Петербург, 1851. 6. 1. Софийская летопись старшего извода, Москва, 2000. 25. Московский летописный свод, Москва, 2004.
 42. Новгородская Карамзинская летопись, С.-Петербург, 2002.

СК XIV/1

Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV век, 1, Москва, 2002.

Столярова 2000

Столярова Л. В., *Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV вв.*, Москва, 2000.

HUB 1–5

Hansisches Urkundenbuch, 1. K. Höhlbaum, Bearb., *Hansisches Urkundenbuch*, Halle, 1876. 5. Kunze K., Bearb., *Hansisches Urkundenbuch*, Leipzig, 1899.

HR-1

Hanserecesse von 1256–1430, 5, Leipzig, 1880.

Сокращенные названия летописных сводов

Ип. — Ипатьевская летопись

Лавр. — Лаврентьевская летопись

НПЛ мл. — Новгородская первая летопись младшего извода

НПЛ ст. — Новгородская первая летопись старшего извода

Литература

Андреев 1983

Андреев В. Ф., *Северный страж Руси: Очерки истории средневекового Новгорода*, Ленинград, 1983.

— 1989

Андреев В. Ф., *Северный страж Руси. Очерки истории средневекового Новгорода*, 2-е изд., Ленинград, 1989.

Бережков 1963

Бережков Н. Г., *Хронология русского летописания*, Москва, 1963.

Борковский, Кузнецов 2006 (1963)

Борковский В. И., Кузнецов П. С., *Историческая грамматика русского языка*, Москва, 2006 [1-е изд.: 1963].

Гиппиус 2006

Гиппиус А. А., «Новгородская владычная летопись XII–XIV вв. и ее авторы (История и структура текста в лингвистическом освещении)», in: *Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2004–2005. Сб. статей*, Москва, 2006, 114–251.

Горский 2008

Горский А. А., «Земли и волости», in: Горский А. А., Кучкин В. А., Лукин П. В., Стефанович П. С., *Древняя Русь: очерки политического и социального строя* [, Горский А. А., Кучкин В. А., отв. ред.], Москва, 2008, 9–32.

- 2010
Горский А. А., «Иоанн I Данилович Калита», in: *Православная энциклопедия*, 23, Москва, 2010, 603–609.
- 2014
Горский А. А., «Политическое развитие Средневековой Руси: Проблемы терминологии», in: *Средневековая Русь*, 11, 2014, 7–12.
- 2016
Горский А. А., *Русские земли в XIII–XIV веках: пути политического развития*, 2-е изд., С.-Петербург, 2016.
- Зализняк 2008
Зализняк А. А., «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста, 3-е изд., доп., Москва, 2008.
- Истрина 1923
Истрина Е. С., *Синтаксические явления Синодального списка I-й Новгородской летописи*, Петроград, 1923.
- Каштанов 1974
Каштанов С. М., «Древнерусские печати (размышления по поводу книги В. Л. Янина)», in: *История СССР*, 3, 1974, 176–183.
- Коваленко 2014
Коваленко В. П., «Новгород-Северский», in: *Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия*, Мельникова Е. А., Петрухин В. Я., ред., Москва, 2014, 550–551.
- Корецкий 1955
Корецкий В. И., «Новый список грамоты великого князя Изяслава Мстиславича Новгородскому Пантелеимонову монастырю», in: *Исторический архив*, 5, 1955, 204–207.
- Куприянов 1857
Куприянов И. К., «Обозрение пергаментных рукописей Новгородской Софийской библиотеки. II. Рукописи XIV–XVI в.», in: *Известия Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности*, 6, 4, 1857, 276–320.
- Кучкин 1974
Кучкин В. А., «Нижний Новгород и Нижегородское княжество в XIII–XIV вв.», in: *Польша и Русь. Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII–XIV вв.*, Рыбаков Б. А., ред., Москва, 1974, 234–260.
- 1990
Кучкин В. А., «Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII – 1-я четверть XIV в.)», in: *Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. X – начало XX в. Сборник научных трудов*, Москва, 1990, 15–69.
- 2001
Кучкин В. А., *Волго-Оксское междуречье и Нижний Новгород в средние века*, Нижний Новгород, 2001.
- 2003
Кучкин В. А., *Договорные грамоты московских князей XIV в.: внешнеполитические договоры*, Москва, 2003.
- Лукин 2014
Лукин П. В., «К истории вечевых колоколов», in: *Новгородский исторический сборник*, 14 (24), 2014, 135–167.
- 2015
Лукин П. В., «“Печати новгородские”: проблемы атрибуции», in: *Русь, Россия: Средневековье и Новое время, Выпуск Четвертый. Чтения памяти академика Л. В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 26 октября – 1 ноября 2015 г.*, Москва, 2015, 138–143.

— 2018

Лукин П. В., *Новгородское вече*, 2-е изд., перераб. и доп., Москва, 2018.

Насонов 1951

Насонов А. Н., «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. *Историко-географическое исследование*, Москва, 1951.

Низов 1997

Низов В. В., «Из истории титулования Новгорода “Великим”», in: *Шведы и Русский Север: историко-культурные связи: Материалы Международного научного симпозиума: (К 210-летию А. Л. Витберга)*, Киров, 1997, 60–72.

СДРЯ 1–11—

Словарь древнерусского языка XI–XIV вв., 1–11—, Москва, 1988–2016—.

Соболевский 2005 (1907)

Соболевский А. И., *Лекции по истории русского языка*, Москва, 2005 [1-е изд.: 1907].

Толстой 1884

Толстой И. И., *Русская допетровская нумизматика, 1. Монеты Великого Новгорода*, С.-Петербург, 1884.

Флоря 2012

Флоря Б. Н., «Представления об отношениях власти и общества в Древней Руси (XII – начало XIII вв.)», in: *Власть и общество в литературных текстах Древней Руси и других славянских стран (XII–XIII вв.)*, Флоря Б. Н., ред., Москва, 2012, 9–94.

Хорошев 1980

Хорошев А. С., *Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики*, Москва, 1980.

Хорошкевич 1964

Хорошкевич А. Л., «Новые новгородские грамоты XIV–XV вв.», in: *Археографический ежегодник за 1963 г.*, Москва, 1964, 264–276.

Чибисов 2012

Чибисов Б. И., «Термин “Великий Новгород” в русских источниках XIV–XV вв.», in: *Проблемы истории и культуры средневекового общества*, С.-Петербург, 2012, 24–27.

Янин 1962

Янин В. Л., *Новгородские посадники*, Москва, 1962.

— 1970

Янин В. Л., *Актовые печати Древней Руси X–XV вв., 2. Новгородские печати XIII–XV вв.*, Москва, 1970.

— 1981

Янин В. Л., *Новгородская феодальная вотчина (Историко-генеалогическое исследование)*, Москва, 1981.

— 1991

Янин В. Л., *Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий*, Москва, 1991.

— 2003

Янин В. Л., *Новгородские посадники*, 2-е изд., перераб. и доп., Москва, 2003.

— 2008

Янин В. Л., *Очерки истории средневекового Новгорода*, Москва, 2008.

Goehrke 1981

Goehrke C., “Groß-Novgorod und Pskov / Pleskau”, in: *Handbuch der Geschichte Russlands, 1. Von der Kiever Reichsbildung bis zum Moskauer Zartum*, Hellmann M. et al., eds., Stuttgart, 1981, 432–483.

Halperin 1999

Halperin Ch. J., "Novgorod and 'Novgorodian Land'", in: *Cahiers du monde russe: Russie, Empire russe, Union soviétique, États indépendants*, 43, 3, 1999, 345–363.

Keller 1988

Keller H., "‘Kommune’: Städtische Selbstregierung und mittelalterliche ‘Volksherrschaft’ im Spiegel italienischer Wahlverfahren des 12.–14. Jahrhunderts", in: *Person und Gemeinschaft im Mittelalter. Karl Schmid zum fünfundsechzigsten Geburtstag*, Althoff G. et al., eds., Sigmaringen, 1988, 573–616.

Klug 1985

Klug E., "Novgorod: Groß-Novgorod und Nižnij Novgorod", in: *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge*, 33, 1985, 92–102.

References

- Andreev V. F., *Severnyi strazh Rusi: Ocherki istorii srednevekovogo Novgoroda*, 2nd ed., Leningrad, 1989.
- Berezkhov N. G., *Khronologiya russkogo letopisaniia*, Moscow, 1963.
- Borkovsky V. I., Kuznetsov P. S., *Istoricheskaiia grammatika russkogo iazyka*, Moscow, 2006.
- Chibisov B. I., "Termin ‘Velikii Novgorod’ v russkikh istochnikakh XIV–XV vv.", in: *Problemy istorii i kul’tury srednevekovogo obshchestva*, St. Petersburg, 2012, 24–27.
- Florya B. N., "Predstavleniia ob otnosheniakh vlasti i obshchestva v Drevnei Rusi (XII – nachalo XIII vv.)", in: *Vlast’ i obshchestvo v literaturnykh tekstakh Drevnei Rusi i drugikh slavianskikh stran (XII–XIII vv.)*, Florya B. N., ed., Moscow, 2012, 9–94.
- Gippius A. A., "Novgorodskaiia vladychnaia letopis’ XII–XIV vv. i ee avtory (Istoriia i struktura teksta v lingvisticheskem osveshchenii)", in: *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriia russkogo iazyka. 2004–2005. Sb. statei*, Moscow, 2006, 114–251.
- Goehrke C., "Groß-Novgorod und Pskov / Pleskau", in: *Handbuch der Geschichte Rußlands. 1. Von der Kiever Reichsbildung bis zum Moskauer Zartum*, Hellmann M. et al., eds., Stuttgart, 1981, 432–483.
- Gorsky A. A., "Zemli i volosti", in: Gorsky A. A., Kuchkin V. A., Lukin P. V., Stefanovich P. S., *Ancient Russia: essays in the political and social system*, Moscow, 2008, 9–32.
- Gorsky A. A., "Ioann I Danilovich Kalita", in: *Pravoslavnaia entsiklopedia*, 23, Moscow, 2010, 603–609.
- Gorsky A. A., "Politicheskoe razvitiye Srednevekovoi Rusi: Problemy terminologii", in: *Srednevekoviaja Rus'*, 11, 2014, 7–12.
- Gorsky A. A., *Russian lands in the XIII–XIV centuries: the ways of political development*, 2nd ed., St. Petersburg, 2016.
- Halperin Ch. J., "Novgorod and 'Novgorodian Land'", in: *Cahiers du monde russe: Russie, Empire russe, Union soviétique, États indépendants*, 43, 3, 1999, 345–363.
- Istrina E. S., *Sintaksicheskie iavleniya Sinodal’nogo spiska I-i Novgorodskoi letopisi*, Petrograd, 1923.
- Kashtanov S. M., "Drevnerusskie pechatи (razmyshleniia po povodu knigi V. L. Yanina)", in: *Istoriia SSSR*, 3, 1974, 176–183.
- Keller H., "‘Kommune’: Städtische Selbstregierung und mittelalterliche ‘Volksherrschaft’ im Spiegel italienischer Wahlverfahren des 12.–14. Jahrhunderts", in: *Person und Gemeinschaft im Mittelalter. Karl Schmid zum fünfundsechzigsten Geburtstag*, Althoff G. et al., eds., Sigmaringen, 1988, 573–616.
- Khoroshev A. S., *Tserkov’ v sotsial’no-politicheskoi sisteme Novgorodskoi feodal’noi respubliki*, Moscow, 1980.
- Khoroshkevich A. L., "Novye novgorodskie gramaty XIV–XV vv.", in: *Arkhеograficheskii ezhegodnik za 1963 g.*, Moscow, 1964, 264–276.
- Klug E., "Novgorod: Groß-Novgorod und Nižnij Novgorod", in: *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge*, 33, 1985, 92–102.
- Kovalenko V. P., "Novgorod-Severskii", in: *Drevniaia Rus’ v srednevekovom mire. Entsiklopediia*, Melnikova E. A., Petrukhin V. Ya., eds., Moscow, 2014, 550–551.
- Koretsky V. I., "Novyi spisok gramoty velikogo kniazia Iziaslava Mstislavicha Novgorodskому Pan-teleimonovu monastyriu", in: *Istoricheskii arkhiv*, 5, 1955, 204–207.
- Kuchkin V. A., "Nizhnii Novgorod i Nizhegorodskoe kniazhestvo v XIII–XIV vv.", in: *Pol’sha i Rus’. Cherty obshchnosti i svoeobrazia v istoricheskem razvitiii Rusi i Pol’shi XII–XIV vv.*, Rybakov B. A., ed., Moscow, 1974, 234–260.
- Kuchkin V. A., "Mongolo-tatarskoe igo v osveshchenii drevnerusskikh knizhnikov (XIII – 1-ia chetvert’ XIV v.)", in: *Russkaiia kul’tura v usloviyah inozemnykh nashestvi i voin. X – nachalo XX v. Sbornik nauchnykh trudov*, Moscow, 1990, 15–69.
- Kuchkin V. A., *Dogovornye gramaty moskovskikh kniazei XIV v.: vneshnopoliticheskie dogovory*, Moscow, 2003.

- Lukin P. V., "On the History of the Veche Bells", in: *Novgorodskii istoricheskii sbornik*, 24, 14, 2014, 135–167.
- Lukin P. V., "Novgorod Seals: Problems of Attribution", in: *Rus', Rossia: Sredenevekov'e i Novoe vremia, Vypusk Chetvertyi. Chtenija pamiatni akademika L. V. Milova. Materialy k mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Moskva, 26 oktiabria – 1 noiabria 2015 g.*, Moscow, 2015, 138–143.
- Lukin P. V., *The Novgorodian Veche*, 2nd ed., Moscow, 2018.
- Nasonov A. N., *"Russkaia zemlia" i obrazovanie territorii Drevnerusskogo gosudarstva. Istoriko-geograficheskoe issledovanie*, Moscow, 1951.
- Nizov V. V., "Iz istorii titulovaniia Novgoroda 'Velikim'", in: *Shvedy i Russkii Sever: istoriko-kul'turnye sviazi: Materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma: (K 210-letiu A. L. Vitberga)*, Kirov, 1997, 60–72.
- Yanin V. L., *Aktovye pechatи Drevnei Rusi X–XV vv.*, 2. *Novgorodskie pechatи XIII–XV vv.*, Moscow, 1970.
- Yanin V. L., *Novgorodskaiia feodal'naia votchina (Istoriko-genealogicheskoe issledovanie)*, Moscow, 1981.
- Yanin V. L., *Novgorodskie akty XII–XV vv. Khronologicheskii kommentarii*, Moscow, 1991.
- Yanin V. L., *Novgorodskie posadniki*, 2nd ed., Moscow, 2003.
- Yanin V. L., *Ocherki istorii srednevekovogo Novgoroda*, Moscow, 2008.
- Zaliznyak A. A., *"Slovo o polku Igoreve": vzgliad lingvista*, 3rd ed., Moscow, 2008.

Павел Владимирович Лукин

докт. ист. наук,

Институт российской истории Российской академии наук, Москва, Россия,

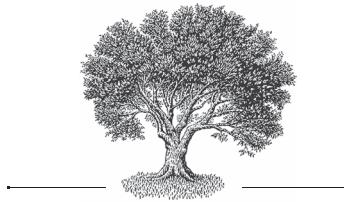
ведущий научный сотрудник Центра по истории древней Руси

Россия, 117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19, Институт российской истории

РАН

lukinpavel@yandex.ru

Received July 16, 2018.

Между «немечькою землею» и Ростовом: исторические реалии в Житии Исидора Твердислова

Сергей Владимирович
Городилин

Институт российской истории
Российской академии наук
Москва, Россия

Between “German Land” and Rostov: Historical Realia in the Life of Isidore of Rostov

Sergey V. Gorodilin

Institute of Russian History of the
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Резюме

В статье на основе содержащихся в тексте Жития Исидора Твердислова исторических реалий уточняется датировка этого памятника, а также время жизни святого Исадора в Ростове. Полученные данные позволяют более детально охарактеризовать социально-политический и культурный контексты зарождения и становления культа этого первого из прославленных в чине юродивых русских святых, почитание которого впоследствии окажет серьезное влияние на развитие феномена русского юродства позднего Средневековья и раннего Нового времени.

Ключевые слова

древнерусская литература, агиография, Исадор Твердислов, Ростов, житие, юродство, культуры святых

Цитирование: Городилин С. В. Между «немечькою землею» и Ростовом: исторические реалии в Житии Исадора Твердислова // Slovène. 2018. Vol. 7, № 2. C. 414–450.

Citation: Gorodilin S. V. (2018) Between “German Land” and Rostov: Historical Realia in the Life of Isidore of Rostov. *Slovène*, Vol. 7, № 2, p. 414–450.

DOI: 10.31168/2305-6754.2018.7.2.16

Abstract

The article, based on the historical realia mentioned in the Life of Isidore of Rostov, tries to date this source more precisely, as well as to find out more about the time St. Isidore spent in Rostov. The data obtained allows for a more detailed understanding of a social, political and cultural contexts of the appearance and development of the worship tradition of Isidore, who was the first Russian saint to be canonically accepted as a Fool-for-Christ (*yurodivy*). This tradition would later strongly influence the development of Russian *yurodstvo* in Late Middle Ages and Early Modern times.

Keywords

Old Russian literature, hagiography, Isidore Tverdislov, Rostov, saints' lives, fool-for-Christ, worship of saints

Святой Исидор Твердислов — представитель не столь уж многочисленной группы русских святых, широко почитавшихся еще до эпохи митрополита Макария, первого ростовского святого, не принадлежавший к числу епископов, и, что особенно важно, первый из русских блаженных, прославленный святостью именно в чине юродивых Христа ради. Особая роль культа Исидора Ростовского в формировании русского юродства как социального и культурного феномена предопределена тем, что его подвиг и интерпретация этого подвига в Житии святого, ставшем первым русским житием юродивого, оказали ощутимое воздействие на последующие практики и на их отражение в агиографии: по словам С. А. Иванова, «именно с этого ростовского святого следует отсчитывать историю русского похабства» [Иванов 2005: 247].

Не меньший интерес вызывает и весьма редкий для русской средневековой агиографии мотив иноземного и иноверного прошлого героя: в Житии сказано о его приходе в Ростов «*wm западныхъ* оубо странъ *wm латынскаго языка. *wm* нѣмечьская же земля. рожденіе имъ и въспитаніе *wm* славныхъ же и богатыхъ. яко же г(лаго)лють *wm* mestерьска рода бѣ» [Житие Исидора, л. 100об.–101].*

Как стало ясно к настоящему времени, это первый известный случай прямо прокламируемого традицией западного происхождения русского святого¹, повлиявший и на дальнейшие проявления данного мотива

¹ В написанном ощутимо позднее Житии Прокопия Устюжского этот же мотив возникает, судя по всему, под прямым воздействием Исидора. Первые указания на римское происхождение новгородского святого Антония, известного источникам XII в., также появляются лишь в его Житии, созданном уже в XVI столетии. Ранее сюжет о пришедшем на Русь и принадлежавшем к знатному роду герое, «иже бывъ прежде варягъ», ныне же, «оставивъ латынскую буестъ и истиннѣ вѣровавъ» во Христа, стал православным христианином, встречается в Киево-Печерском патерике применительно к Симону — Шимону Африкановичу.

в житийной литературе², что представляет интерес уже с точки зрения развития русской национально-религиозной идентичности и формирования в культурном сознании новых черт «образа чужого».

Научное внимание к Исидору Твердислову до недавнего времени находило свое выражение в рамках изучения истории текста Жития и его места в русской агиографии, а также исследований, посвященных русской святости в целом и юродству как историко-культурному и религиозному феномену³. Несмотря на продолжающееся интенсивное изучение ряда конкретных сюжетов, связанных с этим ростовским юродивым⁴, его кульп так и не стал пока что объектом монографического исследования. К настоящему времени уточнен ряд важных вопросов, связанных с развитием рассматриваемого культа и с отражающей почитание Исидора рукописной традицией, появились публикации текста Жития святого по ранним спискам⁵. Сумма сведений об Исидоре и выводов, полученных в результате полуторавекового изучения источников об этом святом, наряду с имеющейся библиографией приводится в работах, посвященных различным аспектам его почитания, а также зафиксирована в словарных и энциклопедических статьях о нем [Каган 1988; Гладкова 2011].

Вкратце эти сведения и выводы таковы: св. Исидор юродствовал в Ростове, где и умер в 1474 или в 1484 г., после чего его почитание там быстро распространяется, и в написанном в 1487 г. месяцеслове из собрания Троице-Сергиевой лавры под 14 мая уже присутствует упомянутая еще митр. Макарием запись: «И в тож д(е)нь с(вя)т(а)го и пр(а)-в(е)днаго Исидора чудотворця уродіваго Х(рис)та ради» [Троицк.761, л. 279; Макарий 1877: 42, прим. 56]. Параллельно этому возникает и чрезвычайно интенсивно развивается и агиографическая традиция,

² Уже М. Д. Каган отметила, что это Житие «в известной мере послужило образцом для создания канонической формы жития юродивого» [Каган 1988: 284].

³ В этом ряду следует назвать такие работы, как [Ключевский 1871/1988; Федотов 1931/1991; Лихачев, Панченко, Понырко 1984; Иванов 1994; Исидорова 2001б; Гладкова 2002б; Иванов 2005; Руди 2007].

⁴ В последние десятилетия внимание ученых привлекают отдельные аспекты почитания Исидора и его особенности в конкретные периоды, а также иконография этого святого [Гладкова 2001; Мельник 2002; Голод 2008; Мельник 2010; Мельник 2012; Мельник 2013].

⁵ З. Н. Исадорова опубликовала текст Полной редакции Жития Исидора по списку начала XVI в. из сборника служб и житий ростовских святых (*Тит.2059*; согласно публикатору, филиграны этой рукописи схожи с датируемыми в промежутке между 1486 и 1517 гг.) [Исидорова 2001а], а О. В. Гладкова — текст той же редакции по списку из сборника памятей и житий начала XVI в. (ГАЯО, 1, 446 (196); Б. М. Клосс отнес водяные знаки этой рукописи к 1500–1508 гг.), а также Мазуринский фрагмент Жития Исидора, датируемый по почерку рубежом XV–XVI вв. (РГАДА, ф. 196, оп. 3, № 134) [Гладкова 2002а]. Текст Жития по Софийскому списку ВМЧ 1541 г. (*Соф.1321*) был издан М. Д. Каган [Каган 2003а].

посвященная Исидору: еще в XV в. в Ростове складывается «житийное ядро» (т. е. первая, по О. В. Гладковой, – Основная редакция, появившаяся, по мнению исследовательницы, в 80-х гг. XV в. и включающая собственно Житие, чудо о спасении тонущего купца, чудо о княжеском пире, рассказ о преставлении и погребении святого, посмертное чудо о пресвитере Вознесенской церкви и похвалу Исадору), а в относящихся к концу XV–первым десятилетиям XVI в. рукописных сборниках можно выделить уже целых 6 редакций Жития, созданных на основе этого стабильного ядра и различающихся наличием или отсутствием стиха, вступления и двух дополнительных посмертных чудес (об исцелении жителя ростовской Соли⁶, «от многаго пьянства изступившего ума», и Федора из другой «веси того же града», болевшего «очную и главною болезнью»). Тогда же появляется и служба этому ростовскому юродивому⁷. География распространения списков первых десятилетий XVI в., содержащих посвященные Исадору житийные и богослужебные тексты либо упоминания дня его памяти, свидетельствует: в это время его почитание уже выходит далеко за пределы Ростова и Ростовской земли. Таким образом, между кончиной святого, при жизни не являвшегося ни архиереем, ни настоятелем монастыря (с чем в рассматриваемый период обычно бывало связано быстрое распространение культов), и выходом почитания святыни Исадора на уровень, позволяющий говорить уже даже о его общерусском значении, проходит всего лишь три или четыре десятилетия, что для русского Средневековья выглядит весьма необычно⁸. При этом в самом Житии отсутствуют даты и упоминания каких-либо исторических лиц и событий, оно практически не содержит или почти не содержит собственно ростовских подробностей, в то же время многие мотивы памятника заимствованы из новгородской фольклорной и агиографической традиции. На этой основе делаются предположения о том, что Житие вскоре после кончины Исадора было написано хотя и в Ростове, но новгородским автором, и принадлежит уже не ростовской, а общерусской литературе [Каган 1988: 283–284; Гладкова 2011: 170].

Приведенная совокупность выводов, собственно, восходит еще к историографической традиции второй половины XIX в., когда В. О. Ключевским были сформулированы положения о том, что, несмотря «на

⁶ Солью Ростовской в источниках XV–XVI вв. именовалась позднейшая городская Никольская слобода, что у Старых Варниц, нынешний пос. Варницы.

⁷ Она имеется уже в том сборнике начала XVI в. (*Tut.2059*), по которому З. Н. Исадоровой был издан текст Полной редакции Жития Исадора. Еще один ранний список Службы, как отметил А. Г. Мельник [Мельник 2017: 23], входит во 2-ю часть происходящего из собр. о. Георгия (Фридмана) конволюта [*РНБ, Георгия, №2*], датированную О. Л. Новиковой рубежом XV–XVI в. [Новикова 2017: 26].

⁸ Распространение культа Исадора в этот период определяется исследователями как «быстро — если не сказать стремительно» [Голод 2008].

сравнительно недалекое расстояние биографа от времени жизни блаженного, содержание этого жития очень смутно и почерпнуто преимущественно из легендарных источников» и в нем «повторилась связь ростовских преданий с новгородскими, уже замеченная нами в перенесении легенды о борьбе архиеп. Иоанна с бесом на Авраамия Ростовского» [Ключевский 1871/1988: 280].

В то же самое время, в третьей четверти XIX в., из церковной справочно-биографической и краеведческой литературы о ростовских святых историографией была заимствована и предполагаемая дата кончины юродивого, на которой — поскольку в самом Житии никаких дат не содержится — основываются и все имеющиеся представления о времени жизни Исидора Твердислова, об историко-социальном и историко-культурном контекстах его подвига святости и возникновения его культа, а также о необъяснимо быстрым (при том, что нет известий о каком-то содействии этому процессу в XV—начале XVI вв. со стороны государственной или церковной власти) посмертном распространении его почитания. Эта же база служит и дополнительным аргументом в пользу вывода о неместном (новгородском) происхождении автора Жития: согласно принятой хронологии автор должен был работать в Ростове вскоре после преставления своего святого современника, поэтому, будь агиограф ростовцем, он не мог бы не располагать максимумом местных подробностей о жизни Исадора, которых, однако, в тексте весьма немного.

Рассмотрим те основы, на которые опираются существующие представления о времени жизни Исадора Твердислова в Ростове и о характере становления его культа. Отсутствующий в житийных текстах 1474 г. как год смерти чудотворца прямо или опосредованно воспринят церковными историками и краеведами из традиции, возводимой к святителю Димитрию Ростовскому. Ключевский не называет самой этой даты, но уверенno говорит об Исадоре как о ростовском юродивом XV в. Исследователи советского и постсоветского периода уже используют ее — прямо или оговоркой, что так «принято считать», а также наряду с другой датой, 1484 г., — со ссылками на месяцесловы XVII в., на поздние ростовские летописцы XIX в. и на труд архиеп. Филарета (Гумилевского) [Филарет 1863]. Эти данные приводит в своей статье и А. Г. Мельник, замечая, впрочем, что отнесение времени жизни Исадора к XV в. в реальности носит конвенциональный характер, а в самом Житии прямые сообщения о каких-то датах отсутствуют. Одновременно ученый указывает на обстоятельство, которое, на наш взгляд, также чрезвычайно значимо — в тексте Жития неназванный ростовский владыка титулуется епископом, хотя во второй половине XV в. ростовская кафедра уже является архиепископией. Местное прославление святости

ростовского юродивого, по мнению исследователя, «осуществил один из ростовских архиепископов тогда же, в конце XV века, точнее, по-видимому, около времени составления указанного месяцеслова 1487 года» [Мельник 2012: 32].

При этом А. Г. Мельник ссылается еще на один источник, где кончина юродивого также отнесена к 1474 г., — изданный А. П. Богдановым Краткий ростовский летописец конца XVII в. С учетом всех этих обстоятельств делается предположение, что 1474 г. как точная дата кончины Исаиада появляется «в XVII веке в результате осмыслиения жителями Ростова местной истории. Возможно, неслучайно они приурочили кончину юродивого ко времени окончательного присоединения Ростова к Москве» [Мельник 2012: 29].

А. П. Богданов, характеризуя публикуемый им памятник, содержащийся в рукописи [РНБ, Погод., № 1564] и написанный на бумаге 70-х гг. XVII в. в 1676–1682 гг., отметил, что присутствующая в нем «весъма любопытная группа статей о ростовских владыках и чудотворцах X–XV вв. имеет общий источник с Мазуринским летописцем, отразившийся отчасти и в Летописи ростовских архиереев, приписываемой Дмитрию Ростовскому» и не исключил возможности, что этот источник восходит «к ростовскому летописанию XII–XV вв., следы которого уже отмечены исследователями» [Краткий ростовский летописец конца XVII века: 33, 34].

Действительно, входящую в состав летописца небольшую подборку дат преставлений ростовских святых завершает запись: «Блаженный Исаидор преставися в лета 6982-м году» [Краткий ростовский летописец конца XVII века: 34].

Однако в Мазуринском летописце (также созданном в первой половине 1680-х гг.) то же сообщение изложено куда более пространно:

Лета 6982-го преставление Исаиада Христа ради уродиваго, ростовского чудотворца. Исаидор бе от западных страны, от латынскаго языка, от немецкия земли, от славных и богатых родителей, оставил отеческую свою латынскую веру и возлюбил християнскую истинную веру, и отъиде от дом и от страны своея, и прииде на Русь, и урода ся претворь. И прииде в Ростов град и хижю собе устроив в хврастии и ту непокровенну, и в ней молящеся Богу. Мраз и снег, и дождь, и зной терпяще, и великия чудеса творяше. По успении погребен бысть в Ростове среди блатца некоего, на сухе месте, иде же хижа была, ныне то место церковь Вознесения господня в Ростове.

Того же году, от создания миру лета 6982-го майя в 15 день. архиепископ той же святыя соборных божия матере церкви созывает священники той святыя церкви, и молитву сотворив, косается пречнодного отца чудесному гробу и преносит оттуду блаженного во святых Исаиада и полагает его в великому честном новем гробе на той же стране, иде же и доныне с верою преходящим ко гробу его подает исцеления [Мазуринский летописец: 113].

Мы видим, как краткая статья о житии и погребении Исидора оказывается искусственно объединена в один блок с рассказом о перенесении мощей другого, также ростовского святого, епископа Исаи. В последней фразе статьи об Исидоре речь идет о церкви Вознесения, построенной у места его погребения, а в первой фразе следующего известия — о «архиепископе той же соборной Божия матере церкви» и о священниках «той святыя церкви», т. е. уже о ростовском соборе Успения, однако у невнимательного читателя легко возникает впечатление, что речь идет об одном и том же храме и о продолжающихся событиях, связанных с одним и тем же святым. Причина такого их сближения в летописце проста: в Минее под 14 мая читается Житие Исадора Ростовского, послужившее основой для первой части процитированного летописного сообщения, а после него под 15 мая — Житие Исаи Ростовского, фрагмент которого о переносе мощей святителя воспроизведен во второй части того же сообщения. Четии Минеи (и непосредственно, и через посредство различных компиляций, святцев, прологов и т.д.) были одним из многообразных источников Мазуринского летописца или его протографа [Буганов 1968: 3; Богданов 1993: 124; Солодкин 1997: 117]. Вероятнее всего, при создании какого-то из предшествовавших этому летописцу памятников приведенная в минейном рассказе о перенесении мощей Исаи (и точно известная уже из дошедшей в списках конца XV в. Пространной редакции Жития Исаи) дата этого события оказалась ошибочно применена и к слившемуся с ним сообщению о кончине Исадора⁹. То, что обширный текст никак не связанного с Ростовом московского Мазуринского летописца (восходящий к его также московскому протографу и, возможно, в свою очередь, к какому-то из его источников), не зависит от лаконичного сообщения Краткого ростовского летописца, доказывается тем, что и в обнаруженном В. И. Бугановым более раннем Кратком московском летописце из г. Галле, повествование в котором доведено до 1649 г., также уже имеется подобная

---

⁹ В Мазуринском летописце (и, очевидно, и в его протографе) отношение к хронологическим подробностям вообще выглядит достаточно свободным: так, согласно следующему в той же статье 6982 (т. е. 1473/74) г. сразу за известием о кончине Исадора сообщению, известное по другим источникам взятие татарами Киева в 1482 г. при воеводе Иване Ходкевиче произошло, по мнению его автора, того же самого «лета от создания мира 6982-го, а от рождества Христова 1482-го» (!). Вместе с тем очевидное стремление к инкорпорации в летописную хронологию известий и о тех святых, о времени жизни которых у книжников не находилось достаточных данных, привело к появлению приблизительных и гипотетических датировок такого рода: «6900 сентября в 25 день преставление Сергия. В та же лета быша иже во святых отец наш Ияков, епископ Ростовский, чудотворец. В та же лета быша преподобный отец наш Ефрем Перекопский» или «Лета 6920 во граде Кашине, при вечере явися на небеси серп из облака. Того же году, в та лета быша преподобный отец наш Дионисий, глущицкий чудотворец» [Мазуринский летописец: 92, 99, 113].

запись: «В лето 6982-го году майя в 14 день преставися Исидор, Христа ради юродивый» [Буганов, Рогожин 2007: 553].

Таким образом, можно с достаточной вероятностью предположить, что в распоряжении московских авторов, создававших компилятивные летописцы в XVII в., имелся некий источник с записью о преставлении Исидора, которая содержала возникшую, видимо, продемонстрированным образом восходящую к минейному тексту неверную дату. Какого-то отношения к раннему ростовскому летописанию и вообще к связанной с Ростовом традиции это известие, судя по тому, что мы видим, не имело¹⁰. Через подобное посредство ошибочная дата вполне легко могла попасть и в различные месяцесловы и святцы, и в Краткий ростовский летописец конца XVII в., и в связываемый с Димитрием Ростовским «Летописец о Ростовских архиереях» («Архиереем ростовским летопись»)¹¹, где также сказано: «При сем архиепископе Вассиане преставися святый Исидор юродивый в Ростове в лето 6982-е, а от рождества 1474-е» [Летописец о Ростовских архиереях: 9].

Альтернативная дата кончины Исидора, упоминаемая учеными [Каган 1988: 281; Гладкова 2011: 170] – 1484 г., впервые появляется лишь в труде Филарета, причем в тех работах, на которые ссылается сам архиепископ, в этом качестве назван только 1474 г. Таким образом,

¹⁰ И в Кратком московском летописце, и в Мазуринском вычленяемая в их составе подборка типологически близких известий о святых с датами их жизни и преставлений содержит отнюдь не только ростовских святых, именно ростовских выбрал из нее лишь автор Краткого ростовского летописца. Кроме того, какого-то связи послужившего, видимо, в этой части источником всех трех памятников текста с ранним ростовским летописанием не позволяют предположить и содержащиеся в нем грубые ошибки. Так, например, указанный в заголовках ряда списков начала XVI в. Повести о Петре Царевиче как год приезда святого в Ростов 6761 (г.е. 1253) г. в этой подборке становится годом его преставления, хотя согласно Повести Петр пережил своих современников хана Берке (1255–1266) и ростовского епископа Игната (1261–1288); кончина того же святителя Игната, дата которой хорошо известна и из его Жития и из летописей, отнесена в этой подборке не к 6796, а к 6786 г. (в Мазуринском летописце в результате она оказалась указана дважды под разными годами, происходящими из разных источников) и т. д.. Взятые произвольным образом в случайных текстах для заполнения лакун, неверные даты преставлений святых из содержащего рассматриваемую подборку источника впоследствии не так уж сильно повлияли на традицию, поскольку при столкновении с верными могли быть исправлены по более авторитетным памятникам. Но в случае с Исидором никакой альтернативы ошибочной дате просто не было, что, видимо, и способствовало ее закреплению в книжности второй половины XVII в., никак не повлиявшей, однако, на текст Жития. Сходным образом и фантастический 6761 г. как год кончины царевича Петра попадает затем в печатный Пролог 1662 г. и в Четыи Минеи Димитрия Ростовского. Нужно также заметить, что в Житии Исидора в тех же Четыи Минеях свт. Димитрий делает ссылку на свой источник, и им оказывается не какой-то ростовский летописец и не Великие Минеи Четыи, а «Чет(ъ)и Московские» [Книга житий святых: л. 581об.].

¹¹ О происхождении этого памятника см.: [Тарасов 2013].

видимо, имела место ошибка или опечатка¹². Еще один источник, который привлекается М. Д. Каган и О. В. Гладковой, «поздний ростовский летописец XIX в.», указывающий на 1419 г. как год прихода Исидора в Ростов и на тот же 1484 г. как год его кончины, на самом деле не принадлежит к летописной традиции, а представляет собой рукописное псевдокраеведческое упражнение конца 1870-х гг. из собрания А. А. Титова¹³. Отчасти этот памятник, озаглавленный «Ростовская летопись (по рукописям)», прямо опирается на печатные издания (в том числе, судя по всему, и на труд Филарета, откуда и происходит такая дата кончины святого), а отчасти представляет собой ничем не сдерживаемое творчество его автора, с опорой на те же изданиявольно датирующего недатированные в них известные события, либо создающего ранее никому не ведомых персонажей и новые факты, вроде визита в Ростов к царевичу Игнату Юрьевичу «хана Пулат Темира» в 1336 г., смерти в 1395 г. «князя Федора Михайловича Переяславского», устройства в Ростове в 1457 г. «на таможне царского кружала» (т. е. государева кабака еще в XV в.!) или постройки там же в 1475 г. «новой таможни и мытного двора» (видимо, подобного уже существовавшему в момент создания текста нынешнему ростовскому Мытному двору 1836 г.) [Титов 1906: 473–476].

К той же краеведческой традиции, представленной печально известным А. Я. Артыновым, принадлежит и по сю пору приводимое в некоторых работах «ростовское предание» о том, что святой Исидор явился на свадьбу князя Ивана Никитича (или Саввы Иевлева) Оболенского и некой княжны Дарьи Луговской и предрек жениху (будущему архиепископу ростовскому Иоасафу) архиерейство, а его невесте — недалекую смерть, что и сбылось по «твердому слову» Твердислова, после чего потрясенный вдовец уходит в монастырь преподобного Ферапонта и постригается¹⁴. Толчком для творчества ростовского «старинаря» в данном случае стало то, что в «Летописце о Ростовских архиереях» статья об архиеп. Иоасафе (Оболенском) идет сразу же вслед за сообщением о смерти Исадора. Созданию сюжета, позволяющего свести этих двух персонажей, послужило упоминание родного артыновского

¹² Там же Филарет (вслед за М. В. Толстым [Толстой 1847: 55]) предполагает, что посвящение храма, по его мнению, построенного на месте могилы святого сразу же, «тогда же», объясняется тем, что как раз накануне Вознесения, 18 мая, произошло, вероятно, погребение Исадора [Филарет 1863: 99]. Однако на 19 мая Вознесение приходилось не в 1484, а в 1474 г.

¹³ Согласно описанию А. А. Титова, приобретенный им в 1881 г. в Ростове рукописный сборник (№ 1677/350) на лл. 12–23 содержит «летописец 1309–1870 гг.», который охарактеризован собирателем как «ростовская летопись, составленная по старинным рукописям и дающая интересные сведения из истории Ростова» [Титов 1906: 472–484].

¹⁴ См., напр.: [Голод 2008]; [Шевченко 2014: 139].

села Угодичи в писцовых книгах XVII в. в качестве вотчины думного дьяка Томилы Луговского. Под пером Артынова на этой основе возник целый род ранее никому не известных князей Луговских (Луховских)¹⁵, будто бы активно участвовавших во всей ростовской средневековой истории. Разумеется, владыка Иоасаф в юности не жил в Ростове, с которым князья Оболенские не связаны ни в служебном, ни в земельном отношении, его мнимой невесты княжны Луговской просто никогда не существовало, не было и их ростовской свадьбы, будто бы посещенной св. Исидором, не бытовало в Ростове, вплоть до обращения Артынова к сочинению ростовских преданий, и никакого *предания об этом*¹⁶.

Таким образом, в нашем распоряжении не обнаруживается сведений о жизни Исидора и о становлении его культа, восходящих к какой-то внеагиографической – летописной или фольклорной – традиции. С учетом этого приходится вновь рассмотреть Житие юродивого, которое, по общему мнению существующей историографии, «бедно историческими приметами», ростовскими деталями и реалиями, «почерпнуто преимущественно из легендарных источников» и «основано на новгородских легендах». Ключевский, обосновывая свою позицию о «перенесении» новгородских преданий в Ростов, ссылается на то, что

чудо исчезновения напитков на пиру у ростовского князя есть вариант легенды о более раннем юродивом Николе Кочанове Новгородском, а

¹⁵ Род дьяка Томилы Луговского Артынов легко возвел к обнаруженному им в «Бархатной книге» князю Андрею Луговке, родоначальнику одной из ветвей ярославских князей Львовых, при этом переместив этого князя из конца XV – начала XVI вв., когда тот реально действовал, — в XIV в., и сделав приятелем Любтарта Гедиминовича. К новоизобретенному княжескому роду Луговских ростовский «любитель старины» приписал в своих «выписках из древних рукописей» и известного летописям ростовского епископа конца XIV в. Арсения — будто бы сына Андрея Луговки, и при этом точно так же, как и Иоасаф, постригшегося после утраты супруги.

¹⁶ Рассказ о пророчестве Исидора на свадьбе князя Оболенского опубликован А. Я. Артыновым в «Ярославских епархиальных ведомостях» [Артынов 1875], а затем в изданных А. А. Титовым артыновских «Преданиях о ростовских князьях» [Титов 1885: 134–141]. Причем сами публикаторы не связывали его происхождение с устной традицией: по словам Артынова, этот рассказ наряду с прочими был списан им с поновлениями языка с какой-то из старинных рукописей, будто бы находившихся в его распоряжении, но позже бесследно пропавших. Характерно, что в первой версии рассказа будущего архиепископа зовут Саввой Иевлевым Оболенским (хотя таких имен не было в именослове этого княжеского рода), а во второй — уже Иваном Никитичем Смолой-Оболенским (такой князь действительно существовал в посл. трети XV – начале XVI в., но архиереем никогда не был). Показательно также, что в рассказах М. В. Толстого и об Исидоре, и об Иоасафе в его работе «Древние святыни Ростова Великого» [Толстой 1847] предание о посещении святым свадьбы будущего владыки отсутствует (хотя устная ростовская традиция там была использована), а в позднейшей статье об архиеп. Иоасафе [Толстой 1876: 246–248] оно уже появляется, при этом со ссылкой на публикацию Артынова.

рассказ о спасении ростовского купца Исидором на море основан на легендарных мотивах, плохо прикрытых книжной редакцией и одинаковых с известной новгородской былиной, приуроченной к лицу новгородца XII в. Содка Сытинича [Ключевский 1871/1988: 280].

М. Д. Каган, отметив, что мотив превращения воды в вино, восходящий, собственно, к евангельскому чуду в Кане Галилейской, известен еще в византийских житиях, тем не менее поддержала выдвинутые Ключевским положения о «новгородских легендах» как основе чудес Жития Иисидора, добавив к ним еще одну аналогию. По ее мнению, чудо о пресвитере Вознесенской церкви, попытавшемся выяснить состояние мощей святого и начавшем раскапывать гроб, но отринутом «некой божественной силой», находит параллель в рассказе «летописи под 1462 г.» о чуде Варлаама Хутынского в Новгороде, где сообщается, как вырвавшийся из гробницы огонь помешал великому князю Ивану Васильевичу, вознамерившемуся увидеть мощи преподобного [Каган 1988: 283].

К сформировавшейся позиции, по которой автор Жития «довольствовался... легендами новгородского происхождения», присоединилась и О. В. Гладкова. Ею приводятся все вышеуказанные наблюдения, а также добавляется и упоминание о Житии Антония Римлянина, еще одном новгородском памятнике, герой которого, подобно Иисидору, пришел на Русь с Запада. По мнению ученой, и в этом случае также «сходство мотивов заставляет задуматься об их происхождении и опять вынуждает исследователя “посмотреть” в сторону Новгорода» [Гладкова 2002б: 208]. При этом чудо о спасении купца Гладкова считает более логичным возводить все же не к былине о Садко, а к сходным чудесам из Жития святого Николы, а по поводу мнения о прямой связи между чудом от мощей Варлаама Хутынского и чудом о священнике Вознесенской церкви исследовательница лишь осторожно указывает на объединяющий эти два чуда мотив наказания «безумного дерзнутия». Однако сам этот мотив, на взгляд Гладковой, характерен скорее для новгородских памятников. В итоге делается уже упоминавшееся предположение, что автором Жития Иисидора мог быть агиограф, оказавшийся в Ростове уже после смерти святого, и, судя по его пристрастию к новгородским легендам и присутствию у него «скрытого мотива противостояния Москве», этот автор мог быть и новгородцем [Гладкова 2002б: 172; Eadem 2011: 170].

Разберем приведенные аргументы подробнее. Предшественники Ключевского — также упоминавшие о чуде святого Иисидора в контексте реконструируемой на основе былины о Садко новгородской легенды Ф. И. Буслаев и А. Н. Веселовский — не делали при этом никаких

выводов о происхождении из Новгорода житийного сюжета об избавлении ростовского купца от гибели в море. Первый автор лишь проиллюстрировал обширным рядом примеров, включая и чудо Иисидора, свое мнение о являющемся прообразом всех подобных легенд архетипическом «предании о принесении человека в жертву водяному божеству в случае опасного или неудачливого плаванья» [Буслаев 1859: 79]. Точно так же и второй исследователь применительно к спасению Садко упоминает в качестве первоисточника именно чудеса святого Николы, а чудо Иисидора Твердислова приводит как иллюстрацию параллельного использования одного и того же распространенного сюжета в различных центрах средневековой Руси. [Веселовский 1886: 275–276]. У Ключевского, однако, при тех же самых основаниях схема строится уже совершенно иначе: ростовские Жития заимствуют новгородские предания. Трудно не поставить это в тесную связь со значимостью для тогдашнего историко-публицистического дискурса новгородского мифа, в рамках которого была чрезвычайно актуальна роль *молодцов-новгородцев* в формировании древнерусской культуры и в колонизации всего русского Северо-Востока, и с представлениями самого историка о некоей особой «связи Ростова с Новгородом» [Ключевский 1871/1988: 33].

Разумеется, в настоящее время житийное чудо о спасении от гибели в бурю купца по молитве Иисидора Ростовского уже вряд ли возможно рассматривать вне контекста общизвестных для русского средневекового социума сюжетов чудес святого Николы и библейского рассказа о ввергнутом в море Ионе, да еще и предполагая при этом не подкрепленную ничем, кроме ситуативного сходства, прямую зависимость этого ростовского чуда от мотивов зафиксированной гораздо позднее в другом регионе былины — памятника совершенно иного, фольклорного, а не книжного характера. Применительно к мнению о заимствовании в чуде о княжеском пире автором Жития Иисидора новгородского чуда юродивого Николы Кочанова с исчезновением и последующем возвращением напитков на пиру у некоего вельможи в Новгороде можно лишь отметить, что ко времени, когда записываются Чудеса Николы Кочанова, Житие Иисидора с содержащимся в нем подобным чудом уже давно существует и широко известно — в том числе и в Софийском списке Великих Миней Четырех (далее — ВМЧ). А это вынуждает принять во внимание возможность заимствования, прямо противоположного предложенному Ключевским (выдвигая свою версию, историк опирался лишь на сопоставление ошибочной даты представления Иисидора — 1474 г. — с также неточной, по мнению современных исследователей, датой кончины новгородского юродивого — 1392 г.¹⁷).

¹⁷ М. В. Печников отметил, что содержащаяся в Чудесах Николы Кочанова дата кончины святого «6900» (т. е. 1392) год не содержит десятков и единиц, и это

То же самое приходится заметить применительно к гипотезе по поводу новгородского происхождения мотивов о приходе святого с Запада: Житие Исидора Ростовского появляется значительно раньше Жития Антония Римлянина, и для предположения о зависимости при этом мотивов первого от мотивов второго нет каких-либо оснований. Трудно поддержать и мнение М. Д. Каган о воздействии на чудо о пресвитере Вознесенской церкви чуда Варлаама Хутынского: иеря отринула «некая Божественная сила», великого же князя от гробницы отбрасывает огонь. Текстуальных связей между памятниками не наблюдается, более того, для предполагаемого воздействия также существует хронологическое препятствие: указанное чудо Варлаама появляется только в Распространенной редакции Жития этого святого, т. е. не менее чем на четверть века позже создания даже дошедших до нас списков Жития Исадора, при этом вопреки Каган не обнаруживает каких-то своих более ранних летописных источников¹⁸. Сам же мотив кары за «безумное дерзнутие» на святыню опять-таки чрезвычайно распространен в средневековой агиографии, восходя к ряду еще библейских текстов, и нет доводов за то, чтобы всякий раз по его поводу предполагать новгородское происхождение¹⁹. Таким образом, мнение о новгородских легендах как основе большинства сюжетов Жития Исадора Твердислова само по себе видится историографическим топосом, формирующимся во второй половине XIX в. и не имеющим под собой реальных оснований. Вне зависимости от того, сколь много в тексте Жития ростовских подробностей и реалий, никаких достоверных следов новгородского воздействия на него там в любом случае не обнаруживается.

Не представляется значимым и восходящий еще к положению Ключевского о «сравнительно недалеком расстоянии биографа от времени жизни блаженного» косвенный довод: раз автор жития не так уж много знает о своем жившем с ним в одно время и совсем недавно скончавшемся ростовском герое, значит, текст памятника создавался пришлым человеком. Как продемонстрировано выше, мнение о кончине Исадора в

часто свидетельствует о пропуске их числа автором, не владеющим точными данными [Печников 2012: 543]. В таком случае можно лишь предположить, что, по мнению агиографа XVI столетия или его информантов, новгородский юродивый окончил свой земной путь где-то между 1392 и 1492 гг.

¹⁸ Добавим также, что в самом датируемом 1526 г. памятнике оно отнесено не к 1462 г. (что не удивительно, поскольку тогда Ивана Васильевича не было в Новгороде), а к 1471 г. При этом в рассказе о чуде объединены события 1471 и 1478 гг., что также вынуждает предположить его фиксацию лишь по прошествии определенного времени. Подробнее см.: [Дмитриев 1973: 41].

¹⁹ Напр., см. рассказ о наказании протоиерея, не проявившего почтения к мощам св. Федора, Давыда и Константина Ярославских при их освидетельствовании, дошедший в летописной статье 1467 г. [Софийская II летопись: 162; Львовская летопись: 278].

1474 г. — следствие позднейшей ошибки, в реальности же точных сведений о том, сколько времени миновало между кончиной святого и появлением его Жития, которое уже существует в конце XV в., не имеется. В этом смысле видится весьма важным прямое указание агиографа в чуде о пресвитере Вознесенской церкви, что между преставлением Исидора и этим чудом «многымъ оубо летом пришедшим» [Житие Исадора, л. 108]. Это посмертное чудо входит уже в самую раннюю, Основную редакцию Жития (и во все последующие), и такая фраза там неизбежно свидетельствует о наличии ощутимого хронологического разрыва между кончиной ростовского юродивого и созданием первой редакции его Жития, разрыва, который вполне может быть и куда большим, чем предполагавшиеся на основе этой фразы «семь или десять» лет после 1474 г. и перед 1487 г. [Гладкова 2002б: 171]. На прежде явно уединенном месте жизни и погребения Исадора (в «мѣсте сусѣдѣ градѣ среди блатца нѣкотораго» или, согласно тексту Службы, «на мѣстѣ пустѣ»)²⁰ к моменту написания Основной редакции уже успела возникнуть церковь, а дошедшая до автора Жития традиция, судя по всему, ко времени своей фиксации уже утратила и имена тех, кто погребал святого, и даже саму дату его смерти: на эту мысль со всей неизбежностью наводит тот факт, что указанная и в месяцеслове 1487 г., и в заглавиях ранних списков Жития память преставления Исадора Ростовского приходится на день памяти соименного ему мученика Исадора Хиосского²¹, празднуемой также 14 мая.

Весьма ценным здесь видится и уже упомянутое наблюдение А. Г. Мельника о том, что ростовский владыка в Житии титууется епископом, а не архиепископом. Для ростовского церковного сообщества факт обретения возглавляющими его архиереями с 1448 г. статуса архиепископии для своей кафедры [Московский свод конца XV в.: 270] — статуса, который подтверждал ее место в числе первенствующих на Руси — был чрезвычайно важен, настолько, что даже в некоторых создающихся в третьей четверти XV в. списках Жития, похвалы и чудес святого патрона Ростова святителя Леонтия этот епископ XI в. также

²⁰ Исследования на близлежащем Бастионном раскопе показали, что его территория, на протяжении XIII в. составлявшая часть городской усадьбы, в XIV в. уже запустевает и используется для свалки производственных отходов, при этом проходящая через него, и, судя по всему, далее мимо будущего места жительства и погребения Исадора трасса («гать, мостившая низинный переувлажненный участок») так или иначе поддерживается и в XIII, и в XIV столетии [Кашкин, Самойлович 2007: 87–89].

²¹ Возможно, с влиянием культа этого мученика, согласно агиографической традиции, служившего в римском флоте и почитавшегося впоследствии в Средиземноморье как покровитель моряков, может быть связано первое чудо Жития Исадора о спасении тонущего в некоем море ростовского купца.

начинает называться архиепископом²². В подобном контексте случай, когда автор жития ростовского святого, напротив, последовательно именует правящего архиепископа епископом, вряд ли возможен: и актовая, и летописная, и житийная традиции Ростова того времени демонстрируют предельную щепетильность в этом вопросе. Добавим тут, что ростовский владыка именно как епископ фигурирует не только в прижизненном чуде Исидора о княжеском пире: в известии о сооружении впоследствии, уже после кончины святого, у места его погребения церкви Вознесения также упоминается «бл(аго)с(ло)веніе оу еп(и)с(ко)па», взятое тогда храмоздателями [*Житие Исадора*, л. 108].

Таким образом, имеется достаточно оснований для предположения, по которому и сам наш святой юродствовал в Ростове еще до середины XV в., вероятно, в первой половине столетия, и устойчивая традиция о нем уже сформировалась в тот же период (и даже ставшее основой всех последующих редакций его Жития, пользуясь выражением М. Д. Каган, «житийное ядро» начинает складываться, возможно, еще до 1448 г.). Во всяком случае, автор Основной редакции хотя и весьма подробно описывает хижину, в которой жил Исадор, и место, где она когда-то находилась, а также уверенно рассказывает о современных ему особенностях почитания гробницы чудотворца²³, но ничего не говорит ни о том, что сам был свидетелем его прижизненных чудес, ни о том, что общался непосредственно с людьми, лично видевшими ростовского юродивого, постоянно ссылаясь только на собранные им бытующие рассказы и нигде не характеризуя своих информантов как очевидцев: «яко же повѣдают нѣци...»; «яко же глаголють...»; «оувѣдѣвшю ми от некыхъ нечто мало...»; «едва от некыхъ увѣдевшю ми...». С учетом

²² См., напр.: [Турилов 1991: 137–138].

²³ Интересно заметить, что Основная редакция и позднее добавляющиеся к ней в Полной редакции, также уже существующей на рубеже XV–XVI вв., два новых чуда отражают, насколько можно судить, два разных этапа почитания могилы юродивого и, соответственно, развития его культа. В посмертном чуде о пресвитере (случившемся, как уже сказано, по прошествии «многих лет» после кончины святого) и в заключительных фразах Основной редакции описывается еще только личный интерес священника Вознесенской церкви к состоянию мощей Исадора и личное почитание, которое проявляют «мнози ини вѣрнї» к приносимым ими «в домы своя» частичкам от его гробницы и «wt покровения гробнаго», а два появляющихся в Полной редакции последующих посмертных чуда, «еже бысть в последния лета», рисуют картину уже куда более формализованного культа: иерей храма регулярно «по утрени» поют канон Исадору, у «чудотворного гроба», к которому из окрестных сел приводят больных, чающих исцеления, теперь находится «wобразъ с(вя)того» [*Житие Исадора*, л. 108–109, 109об.–111]. Таким образом, между практиками почитания, зафиксированными в Основной и в Полной редакциях Жития, заметны различия, позволяющие предположить определенное развитие этих практик и соответствующий ему временной промежуток между появлением Основной и Полной редакций.

всего сказанного, замечаемую исследователями скопость автора Жития в передаче подробностей деятельности его героя становится возможным объяснить не пришлым происхождением агиографа, а хронологической отдаленностью от описываемых им событий, ограничившей объем доступных данных лишь тем, что сохраняла к моменту начала его работы над текстом сложившаяся ранее устная традиция. Более того, агиограф, оказавшийся перед необходимостью создания новой, ранее не существовавшей на Руси агиологической модели²⁴, и, почти не имея возможностей для опоры на доступные образцы, в такой ситуации, насколько можно судить, весьма внимательно и бережно отнесся к дошедшему до него сведениям.

В обоснование выдвинутых тезисов можно привести и дополнительные аргументы. Несмотря на постулируемое в историографии отсутствие исторических реалий в Житии, такие реалии могут быть указаны, и это не только титулatura ростовского архиерея. Во-первых, в чуде о пире, устроенном князем для епископа, обожженный княжеским приставником юродивый вдруг исчезает, его ищут по всему Ростову и не могут найти, но тут Исидор сам приходит к опечалившемуся и устыдившемуся князю и дает присутствующему там же епископу просфору, которую святой, по его словам, только что получил из рук митрополита в Киеве: «[П]риходить бл(а)женныи Сидоръ. и в роуцѣ имыи просфироу. и вдаєт еп(и)с(ко)пу и яко юроднаа гл(агол)етъ к немоу пріими w еп(и)-с(ко)пе сію просфироу. еже пріимшоу ми в си час wt роуки с(вя)тъиша го митрополита в Кьеvѣ» [Житие Исидора, л. 106об.]

О. В. Гладкова предположила в том, что эта просфора «от киевского, а не московского митрополита, чего, казалось бы, следовало ожидать», скрытый мотив «противостояния Москве» новгородского или ростовского происхождения [Гладкова 2002б: 172], возможный в политических обстоятельствах около 1470-х гг. Заметим, однако: на наш взгляд, проблема тут не в том, что митрополит — киевский. Пребывающие в Москве главы Русской церкви считали этот титул своим и использовали еще долгое время, но проблема в том, что, по словам святого, митрополит в этот момент действительно находится в Киеве, где только что чудесным образом мгновенно побывал будто бы и сам Исидор²⁵. Вряд

²⁴ О мотивах в топике житий русских юродивых, присутствующих там помимо традиционных топосов юродской парадигмы см.: [Руди 2007: 476–478 и др.]; при этом следует заметить, что среди приведенных в указанной работе примеров Житие Исидора является наиболее ранним.

²⁵ Именно таким образом данный эпизод интерпретировал и Димитрий Ростовский, отметив, что «дивно же есть» сие слово блаженного и не ложно, «но истинно и верно», и приведя в качестве параллели известное по «Лугу духовному» чудесное посещение находившимся в обители на горе Синай св. Георгием Синаитом службы в храме Воскресения в Иерусалиме [Книга житий святых: л. 583–583об.].

ли, однако, антимосковские настроения хоть новгородцев, хоть ростовцев могли в конце 50-х–середине 80-х гг. XV в. простираться столь далеко, чтобы те сочли своим истинным владыкой поставленного принявшим унию константинопольским патриархом ученика митр. Исидора митр. Григория Киевского (1458–1474)²⁶ или кого-то из его преемников, при поддержке короля Казимира занимающих киевскую кафедру. Для московских митрополитов того времени пребывание и служение в Киеве было политически и физически невозможно, что, конечно же, не являлось ни для кого тайной. Это положение резко отличало сложившуюся ситуацию от реалий предшествующего периода: и митр. Кирилан, и митр. Фотий посещали Киев регулярно [Рыбинский 1891: 23–32]. Таким образом, подобная деталь в составе прижизненного чуда ростовского юродивого также заставляет предположить, как минимум, время жизни святого в Ростове (и, скорее всего, становление данного сюжета, а возможно – и фиксацию отраженной Житием традиции) еще в первой половине–середине XV в.

Второй весьма важной, на наш взгляд, исторической реалией Жития Иисидора являются сведения о его происхождении. Они в этом смысле сформулированы весьма конкретно: сообщается не вообще о некоем неопределенном латинском Западе, а последовательно указаны западные страны, «латинский» язык, немецкая земля и славный и богатый род – сказано, что возможно даже это был «местерьский род», т. е. род самого магистра. Речь, разумеется, определенно идет об Ордене и, следовательно, скорее всего, о Ливонии. До сих пор приводимое некоторыми исследователями по этому поводу мнение архиеп. Филарета, что немецкое и магистерское происхождение Иисидора – лишь маловероятная догадка агиографа, а на самом деле святой, видимо, принадлежал к поморским западнославянским родам и «родился где-то в Германии, вероятно, около Бранибора (Бранденбурга), где бедные славяне теснимы и угнетаемы были немцами с бесчеловечной жестокостью» [Филарет 1863: 97], убедительно звучит только в контексте очевидного для Российской империи середины XIX–начала XX вв. национально-религиозного

²⁶ Присяжная грамота собравшихся в Москве и сохраняющих верность митр. Ионе иерархов 1459 г. (числе которых присутствовал, разумеется, и архиеп. Феодосий Ростовский) констатирует, что «еретичества ради отступника православная християнская веры, Иисидорова ученика Григория, отверженного от святыя зборныя церкви и проклятого», имеет место разделение «святым Божиим церквам, Московъской зборной церкви с Киевскою церковью» [РФА 2008: 109]. Этот же факт отразило и ростовское владычное летописание: в статье 1461 г. о кончине митр. Ионы (1448–1461) сказано, что «при семъ же митрополитѣ и Киевъ отнялся столь отъ Русскихъ митрополитовъ, пріиде бо из Риму Григорей митрополитъ и сѣде на Киевѣ, и приять его король и с нимъ 8 епископов Литовскыхъ» [Типографская летопись: 185].

дискурса: славяне исстари терпят притеснения от германской нации, что со всей логичной неизбежностью должно сподвигать их к принятию русского покровительства и русского православия²⁷. Подобная гипотеза вполне уместна в устах современника славянофильского движения, отдавшего немало сил распространению православной веры в Остзейском крае архиерея, деятельность которого на этом поприще кратко описана Н. С. Лесковым. Однако в настоящее время по поводу такой версии происхождения ростовского юродивого можно лишь заметить, что у нас нет никаких сведений о тяге бранденбургских славян XV в. к *русскому миру*, и для предложенной Филаретом коррекции указания источника вряд ли обнаруживаются достаточные основания²⁸.

Вместе с тем отмеченная точность указаний Жития на первый взгляд может представиться еще одним аргументом в пользу позиции о новгородском происхождении агиографа или его мотивов: Ростов расположен в глубине Северо-Восточной Руси и отделен от орденских владений многочисленными границами других русских земель, Новгород же на всем протяжении XIII–XV вв. находится в тесном политическом, военном, экономическом и культурном взаимодействии с магистрами и их подданными. Следовательно, связанные с Орденом и его магистром реалии выглядят как вряд ли актуальные для сообщества жителей Ростова XV столетия, но при этом они, несомненно, актуальны для тогдашних новгородцев.

²⁷ В подтверждение своей позиции Филарет ссылается на одну только «Русскую геральдику» А. Б. Лакиера, где уверенность в происхождении многих российских аристократических родов XIX в. от прибывших на Русь из Пруссии и «стран Поморских» от выходцев из обитавших там «племен славянских», будто бы выехавших в Средневековье на Русь, обоснована родословными легендами о Гланде Дивоновиче Камбile (мифическом родональнике Кобылиных, в реальности — потомков Андрея Кобылы), варяге Шимоне Африкановиче, Мише Прушанине и т. д., а также сходством ряда дворянских гербов Российской империи с гербами прусских городов и польской шляхты [Лакиер 1855: 479–492]. Вероятно, весь этот комплекс представлений восходит еще к «Сказанию о князьях Владимирских» и Степенной книге, где происхождение правящей династии связывается с братом «Кесаря Августа» Прусом, прямым потомком которого будто бы был пришедший из «Прусской земли» Рюрик.

²⁸ Безосновательным представляется также близкое к приведенным построениям, но отмечающееся до настоящего времени стремление некоторых авторов видеть за «местерским родом» указание не на постоянно называемого в летописных и актовых источниках именно «местерем» магистра Ордена, а на загадочного мастера (мастеров) или на неких неизвестных магистров (глав каких-то «обществ», членов магистрата и т. д.), не имеющих отношения к орденским структурам. По поводу предлагавшейся интерпретации упомянутого в Житии «древлепогубленого от(еч)ьства», на взыскание которого Исидор и отправляется в странствия, как покоренных немцами земель западных славян уже отмечалось, что утраченное некогда отчество, к которому стремятся вернуться святые путем духовных подвигов — это рай [Иванов 2005: 248]: собственно, именно о Царствии Небесном как цели юродивого сказано уже в следующей фразе Жития.

Эту сложность, однако, удается разрешить при обращении к источникам, происходящим не из Новгорода или Ростова, а из Псковской земли, в первую очередь — к опубликованным А. Н. Насоновым после тщательного исследования текстам псковских летописей. Согласно их известиям, в период между 1409 и 1434 гг. псковский княжеский стол попеременно занимают три ростовских князя, принадлежащих к обеим ветвям ростовского княжеского дома. В Пскове княжили Александр Федорович (1409–1412; 1422–1423; (1428) 1429–1434), из старшей, Сретенской, ветви, и Андрей (1415–1417) и Федор Александровичи (1417–1420), из младшей, Борисоглебской [ПЛ 1941: 33–35, 38–39, 41; ПЛ 1955: 35–39, 42–44, 118–120, 125, 128]. Они направляются туда из-под руки великого князя Московского и сажаются псковичами на княжение, играя важную роль в политической системе республики. Псковский князь возглавлял оборону Псковской земли, участвовал в заключении ее международных договоров, указывался в них на почетном первом месте, совместно с представителями местной знати осуществлял судебные и административные функции. Князья прибывали в город со своим двором и челядью: их приближенные занимали посты наместников в псковских пригородах, а княжеские военные слуги составляли важную часть военных сил Пскова. Численность приезжавших с князем людей можно предположить на основе известного замечания летописи о покидающем псковский стол князе Александре Васильевиче Чарторыйском, что вместе с ним уезжало и три сотни одних только «двора его кованой рати боевых людей», не считая обозных слуг [ПЛ 1941: 58]. Понятно, что казус князя Александра был, на взгляд летописца, выдающимся, но в любом случае с каждым ростовским князем тоже прибывали из Ростова в Псков, обеспечивали там его деятельность, и с ним же потом уезжали даже не десятки, а скорее полторы–две сотни княжых людей, включая, разумеется, и служащих ему представителей ростовского боярства.

Александр Федорович Ростовский, старший сын и наследник правящего с 1409 г. в Ростове и возглавляющего Сретенскую ветвь Федора Андреевича, трижды княжил на псковском столе, проведя на нем в общей сложности по указанию псковского летописца 12 лет [ПЛ 1941: 41; ПЛ 1955: 128]. Во время последнего из этих княжений с ним в городе пребывал и его единственный сын Дмитрий, причем княжич участвовал в управлении вместе с отцом. Двух своих дочерей князь Александр также выдал замуж в Пскове: одна, как можно судить, стала супругой известного посадника Якима Павловича (упоминаемого как «Яким Княжичев» и «Яким княжой зять»)²⁹, а на другой женился сын предыдущего

²⁹ Имеются определенные аргументы в пользу гипотезы, по которой ростовские вотчинники, троицкий иеромонах Иона (упоминаемый в монастырских актах

псковского князя Данилы Александровича (и племянник служилого новгородского князя Юрия Александровича) Владимир, который после отъезда Александра Федоровича из Пскова в 1434 г. сам займет псковский стол (подробнее см.: [Городилин 2015: 73–81]). Мужем весьма обеспеченной представительницы городской знати Акилины в Пскове становится и другой ростовский князь, Федор Александрович, брат княжавшего в Ростове с 1404 г. главы Борисоглебской ветви Андрея Александровича (также побывавшего на псковском княжении).

Псковский князь как участник заключения договора между псковичами и Дерптом, заверяемого «*de hant van deme konynghe unde van gemeyne Plescow*», т. е. их князем и всем Псковом, упомянут в послании Дерпта к Ревелю 9 октября 1411 г. [HUB V: № 1027], и речь в переписке ливонских городов, несомненно, идет о занимавшем в то время псковский стол Александре Федоровиче Ростовском³⁰. Другой ростовский князь назван на первом месте в грамоте Пскова, отправленной властям Ревеля в 1418–1419 гг. «ото князя Федора Олександровича и от посадника псковского Микоуле Павловича, от посадника псковского Федоса Феофиловича и ото всехъ посадников псковских и ото всехъ сочких и от всего Пскова» [Валк 1956: № 1, 234]. На тот же самый период, когда особую роль в псковской политике играли ростовские князья, на время княжений Андрея и Федора Александровичей, пришлись и возобновившиеся с появлением осенью 1415 г. во главе ливонского отделения Ордена нового магистра Зигфрида Ландера фон Шпангейма интенсивные псковско-орденские дипломатические контакты, направленные на заключение соглашения о мире. Эта договоренность была столь значима для республики, что нарушить ее псковичи летом 1417 г. отказались даже вопреки прямому требованию могущественного Витовта [Osten-Sacken 1908: 78–88; Казакова 1975: 50–54; LUB V: № 2142]. Разумеется, находившиеся в рассматриваемое время в Пскове ростовские князья и люди из их окружения не только тем или иным образом участвовали в официальных псковско-немецких взаимоотношениях, но и могли точно так же тесно общаться и с псковичами, для которых Орден был ближайшим соседом, а ливонцы – давними и хорошо знакомыми торговыми партнерами, и с самими посещавшими город многочисленными ливонскими купцами. Все это неизбежно способствовало распространению

1440-х гг.) и его братья Оверкей и Васюк, «Якимовы дети Павлова», вместе продавшие свою наследную деревню и два наволока на границе с домениальными землями ростовских князей Сретенской ветви Андрею Михайловичу Плещееву [АСЭИ 1952: № 562], могли быть детьми посадника Якима Павловича, расставшимися с приданным своей матери – ростовской княжны, дочери Александра Федоровича.

³⁰ Об этом князе в контексте псковско-орденских отношений см. также: [Osten-Sacken 1908: 64, 100, 121].

среди князей и приехавших с ними их приближенных весьма точных сведений об Ордене, о немцах и о Ливонии.

Постоянные перемещения дворов трех ростовских князей из Ростова в Псков и обратно не могли не привести к тому, что для всей общности ростовцев в 10–40-х гг. XV в. приход героя Жития из немецких земель, находящихся под властью магистра, и его возможное происхождение из рода этого магистра представляли собой отнюдь не «пустой топос», а, напротив, несли вполне серьезную смысловую нагрузку. Гипотетическая принадлежность святого к роду знатного и могущественного правителя, как минимум сопоставимого с князьями Ростова поластному статусу и обладающего ощутимо превосходящими их скромные в это время возможности военно-политическими ресурсами, придавала особую выразительность описанному в Житии отречению его героя от всех мирских благ. В этом контексте, предполагающем реальность чрезвычайно высокого социального положения героя и реальность его добровольного отказа от этого положения, дополнительные смыслы обретают слова Службы о том, что «ни власти оудержаніе, ни слава временная, нижъ тлъемое богатство» не смогли уклонить святого от его пути к спасению, и то, что в чуде о княжеском пире юродивый без колебаний «приходить в дом княжъ», чтобы попросить об утолении жажды, и князь всерьез воспринимает рассказ о его посещении, а затем вернувшийся Исидор на равных общается с князем и с епископом.

Вместе с тем перечисленные факты, конечно же, не снимают вопроса по поводу достоверности содержащейся в Житии версии происхождении святого. Точных данных об этом не имеется, а существующая историография демонстрирует неоднозначную позицию по этой проблеме. Помимо уже разбирающихся версий о том, что *на самом деле* Исадор принадлежал к жившим в немецких землях западным славянам, а также о том, что этот мотив в его Житии лишь заимствован из неких новгородских легенд или из позднейшего Жития Прокопия Устюжского, имеется также мнение на этот счет М. Д. Каган. Согласно исследовательнице, известие о происхождении Исадора принадлежит к числу «традиционных для жизнеописания юродивого блоков», из которых состоит это Житие³¹. В то же время говорится:

³¹ Не вполне ясно, однако, как это соотносится с высказанным в той же работе мнением, что Житие Исадора «в известной мере послужило образцом для создания канонической формы жития юродивого»: его предшественников среди русских житий, где бы происхождение их героев оказывалось столь же необычным, действительно неизвестно (сама исследовательница указывает, что Житие Прокопия Устюжского, согласно которому, этот святой тоже пришел «от западных стран, от латинска языка, от немецкой земли», в текстуальном отношении прямо зависит от Жития Исадора), как и вообще не имеется русских

«[Б]ыл ли Исидор действительно из рода Великого Магистра, или просто дворянином-рыцарем, неизвестно», однако «появление на Руси выходцев из Западной Европы, принявших на себя личину юродивых, не редкость» [Каган 1988: 281], и это высказывание, насколько можно судить, предполагает определенную достоверность житийного сообщения³².

Несколько иначе расставлены акценты применительно к данному вопросу у О. В. Гладковой, по мнению которой, предположение Филарета о приходе ростовского юродивого из западнославянских земель «выглядит наиболее убедительно», но сведений, доказывающих, что факт появления «западного» человека в качестве православного святого взят из реальной жизни, пока нет, более того, этот факт находится «в ряду топосов Жития, многие из которых “пусты”, поэтому к нему «трудно относиться как к документальному свидетельству»: он «может не быть историческим фактом» [Гладкова 2002б: 204, 208].

Неопределенность исследовательской позиции по отношению к вопросу достоверности данных Жития о происхождении юродивого служит основой тому, что и в общих работах, посвященных феномену юродства, суждения на этот счет оказываются столь же сбалансированными: чужеземное происхождение Исидора, «с одной стороны, напоминает об Андрее Царьградском, а с другой — производит впечатление

юродских житий до Жития Исидора. В популярнейшем же на Руси переведном житии византийского юродивого Андрея кратко сказано лишь, что тот «бъаше же родом словѣнинъ» и был куплен вместе с прочей челядью, а в дальнейшем его славянство (в оригинале он назван скифом) не играет особой роли [Житие Андрея Юродивого: 160]. В Житии Исидора, однако, куда более простиранно и более детально описанное происхождение святого затем еще и входит в число важнейших мотивов, формирующих образ его подвига. При этом во всех продемонстрированных Ацпо Накадзовой случаях использования в Житии Исидора мотивов из Жития Андрея ростовского автор, напротив, всякий раз более лаконичен в сравнении со своим образцом [Nakadzava 1991: 5–6]. В этом смысле рассматриваемый мотив Жития Исидора демонстрирует не меньшую, а, пожалуй, ощущимо большую близость со сходным мотивом высокого происхождения героя Повести о другом принадлежавшем к знатнейшему чужеземному роду ростовском святом, царевиче Петре, чингизиде, «брата царева сыне», который также добровольно отказался от «многа имenia» и от «родительской вѣры», прия в Ростов и сподобившись там чудотворений: «Аз...возлюбих вашу вѣроу и оставль родительскую вѣру и приидух къ вамъ» [Повесть о Петре: 69–76]. В любом случае, известие о происхождении Исидора, на наш взгляд, сложно отнести к «традиционным для жизнеописания юродивого блокам»: хоть оно и повлияло затем на формирование такой традиции, но к моменту создания Жития Исидора традиция еще не сложилась. О мотиве ухода из дома в русских юродских житиях см.: [Руди 2007: 448–451].

³² Несколько позже, в комментарии к изданию Жития Исидора по списку ВМЧ Каган еще раз отметила: то, что Исидор пришел «с запада, из “латинских” стран, и принадлежал к знатному роду», по мнению исследовательницы, «было вполне реальным, однако какая западноевропейская страна была родиной юродивого, неизвестно» [Каган 2003б: 575].

подлинного факта», но тут же сразу замечено, что, «впрочем, оно, может оказаться и литературным топосом» [Иванов 2005: 248]³³.

Как мы полагаем, указание о происхождении Исидора уверенно отнести к «пустым топосам» все же трудно: уже говорилось, что оно с одной стороны слишком уж конкретно, а с другой — еще и не имеет каких-то значимых опор в предшествующей русской средневековой агиографической традиции. Вместе с тем, для того, чтобы искать сородичей ростовского юродивого среди представителей вестфальских аристократических родов XIV—первой половины XV вв., откуда в значительной мере происходили верхи ливонской ветви Ордена, и даже для того, чтобы уверенно предположить в Исицоре просто выходца из ливонских земель, которого неизвестные нам житейские обстоятельства втянули в вызванные военно-политическими причинами перемещения людей между циркумбалтийским миром и глубинными землями Северо-Восточной Руси и которому затем было приписано более знатное, нежели в реальности, происхождение, все же имеется, на наш взгляд, некоторое препятствие. Как было показано, Житие создавалось спустя достаточно продолжительное время после кончины своего героя, при этом сведения

³³ Укажем также, что в своем более раннем труде С. А. Иванов по поводу появления Исицора из западных стран отмечал, что, с одной стороны, иностранное происхождение «подчеркивало чуждость юродивого миру», но с другой — «обращение “немцев” именно в самую экстремистскую форму православия, имело, быть может, психологические корни», причем в качестве примера было даже приведено «современное увлечение Запада восточным оккультизмом» [Иванов 1994: 143]. В определенном смысле в этом своем предположении исследователь солидаризировался с А. М. Панченко, который в известной работе о смехе в Древней Руси замечал, что поскольку самому римско-католическому миру феномен юродивых был чужд, то, «чтобы вступить на путь юродства, европейцу приходилось переселяться в Россию, поэтому среди юродивых так много выезжих иноземцев» [Лихачев, Панченко, Понырко 1984: 73]. Эти высказывания, собственно, встают в один ряд еще с замечанием Г. П. Федотова (хотя тот и не был уверен в истинности житийных версий происхождения Исицора и Прокопия) по поводу западного прошлого русских юродивых: «опыт нашего времени показывает, что нередко православные немцы обнаруживают максимум русскости: и в славянофильстве и в религиозной ревности» [Федотов 1931/1991: 201, 204]. Тут следует напомнить, что реальной антитезой приведенным позициям, в рамках которых так или иначе предполагалась возможная достоверность житийного рассказа в этой его части, на всем протяжении середины — второй половины XX в. оставались положения советской антирелигиозной историографии, в традиционной форме выраженные И. У. Будовницем: «чтобы еще более подчеркнуть величие подвижнического самопожертвования, авторы житий часто выдумывают всякие небылицы о высоком происхождении юродивых, об их богатствах, от которых они добровольно отказываются, чтобы спуститься на самое дно бедствий и горя». Со ссылкой на Ключевского учений констатировал: Житие Исицора, так же, как и у других юродивых, «которые были якобы богаты и знатны до сознательного вступления на путь юродства», является даже не житием, не биографией, а просто «конгломератом плохо склеенных между собой и часто противоречащих друг другу эпизодов, носящих явно легендарный характер» [Будовница 1964: 188–190].

о его происхождении — и в политико-территориальном, и в вероисповедном, и в генеалогическом аспектах — приводятся в нем исключительно со ссылками на устную традицию. Более того, именно применительно к этим данным агиограф специально дважды подчеркнул, что так лишь сообщают «неци», так «глаголют», не настаивая сам на их достоверности и не позиционируя их как данные, полученные кем-то непосредственно от самого святого.

В то же время к ограниченному набору подробностей, судя по всему, действительно связанных с Исидором или, во всяком случае, со временем его реальной жизни в Ростове, относится то, что в подавляющем большинстве заголовков всех редакций его Жития, включая наиболее ранние, он именуется не одним только крестильным именем, а с добавлением «прозвища»: «Исидор, нарицаемый Твердислов». В самой житийной биографии святого никаких пояснений данному факту не содержится, но в стихе, располагающемся вслед за заголовком в ряде редакций, датируемых еще концом XV–началом XVI в., в том числе и в Полной, уже появляется толкование этому: «Твердисловъ правдоу тезоименно наречеся. оутверди бо умъ и съ словом вкоупъ, еже къ Б(о)гу wбѣща» [Житие Исидора, л. 98]. Близкий приведенному вариант предполагаемой этимологии прозвища святого часто встречается в паломнических путеводителях и краеведческих трудах XIX в.. Согласно ему, Исидора так звали за то, что его пророчества были «твёрдым словом» — всегда сбывались. В Житии вправду упомянут обретенный святым «*wт Б(о)га даръ прозорливы*», но если бы происхождение прозвища ростовского юродивого действительно было связано с *твёрдым словом*, оно бы звучало и писалось как «*Твердословъ*»³⁴, однако такого чтения ни в ранних списках, ни в позднейшей агиографической традиции не зафиксировано³⁵. Таким образом, приведенные интерпретации связаны с

³⁴ К сожалению, теперь уже невозможно выразить лично А. А. Зализняку ту огромную благодарность, которую испытывает автор настоящей работы за сделанный Андреем Анатольевичем при обсуждении тезисов, легших в основу данной статьи, ряд чрезвычайно ценных замечаний и дополнений.

³⁵ Известен вариант заглавия Жития Исидора, где говорится о нем как о «нарицаемом *твёрдое слово* ростовском чудотворце», но он отмечен лишь в одном списке перв. четв. XVII в. [Гладкова 2002б: 173] и, очевидно, отражает те же самые попытки осмыслить впоследствии это прозвище. Не менее показательным видится казус с Житием Исидора в приведенном в СлРЯ в качестве единственного примера использования слов *Твердисловъ* и *Твердословъ* в одинаковом значении «*тот, кто непоколебим, тверд в своем слове*» Торжественнике 20–30-х гг. XVI в. (РГБ, ф. 256 (Рум), № 434: л. 416 об.): в заголовке Жития святой именуется точно так же, как и во всей предшествующей агиографической традиции *Твердисловъ*, но ниже, в поясняющем происхождение прозвища стихе, писец, опираясь на предлагаемую там этимологию, в соответствии с нормой языка заменяет прозвище на «*Твердословъ*» [СлРЯ XI–XVII вв., 29: 238].

позднейшим стремлением прояснить сохраненную традицией непонятную деталь, связанную со святым. Еще один вариант, по которому это прозвище юродивого объяснялось его болезнью — эхолалией — при которой он постоянно повторял, т. е. «твердил» одни и те же слова, предположил С. А. Иванов [Иванов 2005: 249]. Впрочем, в дошедших до нас сведениях об Исидоре прямых указаний на такую особенность его речи или намеков на нее не имеется³⁶.

С учетом этого, видится возможным предположение о присутствии в сочетании «Исидор, нарицаемый Твердислов» двух личных имен, христианского крестильного *Исидор* и нехристианского древнерусского имени *Твердиславъ* (гипокористические варианты *Твердята*, *Твердило*)³⁷ либо восходящего к нему отчества или патронимического прозвища³⁸. Это имя было весьма распространено на Северо-Западе Руси, где подобные нехристианские имена и образуемые от них патронимы использовались и в XIII–XIV вв., лишь постепенно вытесняясь христианскими:

³⁶ Отметим также, что в датируемом 1517 г. примере, который в СлРЯ предложен как свидетельство использования глагола «*твердити*» в позднейшем значении «повторять» («повторять постоянно») уже в рассматриваемый период, он употреблен еще во вполне традиционном смысле «укреплять, закреплять, заучивать наизусть»: «и ему та запись ѣдучи себѣ твердити, да какъ ее себѣ выучить... не доѣзжая Крыма издрати...» [СлРЯ XI–XVII вв., 29: 235].

³⁷ Мысль о мирском имени *Твердислав* применительно к Исидору высказал еще иером. Алексий, впрочем, пытаясь подкрепить ею гипотезу о происхождении святого из западнославянских земель [Алексий 1913: 51].

³⁸ Этот вариант позволяет объяснить мену гласной в последнем слоге. Параллелью тут могут служить зафиксированные в «Ономастиконе» судаец середины XV в. Ефантий *Вячеслов* и вологодский губный староста 1608 г. Илья Иванов сын *Вечеслов* [Веселовский 1974: 67, 76], прозвища которых образованы от двуосновного имени *Вячеславъ* (к нему же восходят и фамилии *Вячеслов*, *Вечеслов*, *Вичеслов*), иосифо-волоцкий чернец второй трети XVI в. Васиан *Гобислов* (благодарю А. А. Гипписуза за указание на этот пример и на возможную в этом случае связь со славянским именем *Губиславъ*), а также прецедент с представителем известного по административной службе рода XVII в. Лукой Владиславлевым: в 1615 г. осмину овса, данную на корм лошадям ехавшего на Белоозеро будущего дьяка кирилловские монахи записали как выданную Луке *Владислову* [Расходная «хлебная» книга 1614–1615: л. 55]. Не менее часто, чем в производной антропонимии, примеры подобной «модификации, состоящей из фонетической утраты л', переразложения и "подгонки" под преобладающую модель на -ов/ово йотово-посессивных производных от славянских двуосновных имен на -славъ», встречаются и в производной топонимии: оз. *Жиролосов* и *Данилово*, дд. *Будосово*, *Вячесово*, *Миросово*, *Твердислово* и многие др. [Васильев 2012: 80–89]. В этом случае при жизни святой мог изначально зваться *Исидор Твердиславъ*, *Твердиславьев* или *Твердиславов*. Как пример фиксирующейся в схожих случаях бытования производного антропонима вариативности можно привести новгородца первой пол. XV в. Селифона, известного из трех актов, где он именуется *Селифонъ Твердиславъ*, *Селифонтеи Твердиславъ* и *Синофонте Твердиславъ* [ГВНП: №90, 288, 289]. В этом случае предложенную С. Б. Веселовским модель происхождения фамилии *Вячеслов* как производного от имени *Вячеслав* можно применить и к зафиксированным в позднейший период фамилиям *Ярослов* и *Твердислов*.

Твердиславы, Твердяты и Твердилы часто упоминаются в XIII в., известны даже псковский и новгородский посадники с таким именем, весьма статусные обладатели отчества *Твердиславич* неоднократно фигурируют в НПЛ и в XIV в., а в псковском акте XV в. при определении границ участка указан завод «по Твердислали кроеве» — т. е. по межи соседнего земельного владения, названного по имени владельца [ГВНП: №346, 341]³⁹. Ситуация в этом отношении в Ростовской земле, однако, видится несколько иной: там славянские двуосновные имена перестают встречаться в источниках уже с середины XIII в., в то же самое время, когда их, судя по всему, прекращают давать как родовые имена вместе с крестильными и в ростовской княжеской династии⁴⁰. В не слишком многочисленных случаях, когда зафиксированы нехристианские имена ростовцев конца XIII – первой половины XV в., они принадлежат к не столь раннему слою: это предок известных из Жития Сергия Радонежского Ивана и Федора *Тормос*, упомянутый там же *Дюдень*, поминаемые в Ростовском соборном синодике родонаучальники ростовских служилых родов XV в. *Скорята, Хлудень и Болта*, а также фигурирующие в актах первой половины XV в. землевладельцы *Чечка и Бедень*. В Ростове XV в., насколько можно судить и из восприятия его в связи с Исидором, славянское нехристианское имя, да еще и восходящее к наиболее архаическому пласту имен такого рода, быстрее всего выходящему из употребления [Зализняк 2004: 216], видимо, уже не обладало традиционной семантической нагрузкой, а воспринималось как требующее дополнительных пояснений прозвище.

Разумеется, принятие подобной гипотезы заставляет с высокой долей вероятности отказаться от достоверности прокламируемого Житием немецкого и «латынского» прошлого ростовского юродивого: при

³⁹ Публикаторы, как показывает указатель [ГВНП: 370], предположили, что речь в грамоте идет о некоем «Твердиславе Кроеве», но это не так, см.: [Марасинова 1966: 183–184]. Ср., напр., «Винковы крои», видимо, связанные с родом посадника 1410-х – середины 1460-х гг. Юрия Винкова [Корецкий 1969: № 9, 288; Городилин 2015: 72].

⁴⁰ Пары из родового и крестильного имен приводятся в сообщениях о рождении младших сыновей Константина Всеходича Ростовского — князей Всехода Иоанна (1210) и Владимира Дмитрия (1214); последний из нетитулованных обладателей двуосновного славянского имени — упомянутый под 1220 г. во главе ростовцев и устюжен в походе на булгар воевода Воислав Добрынич [Московский свод конца XV в.: 117]. Единственным исключением оказывается ярославский боярин Алексей Ярославич [АСЭИ 1964: № 263], послух в акте 1440-х гг. и родонаучальник Ярославовых, но имя *Ярослав* в этом смысле находится в исключительном положении [Литвина, Успенский 2006: 169], сохраняясь в династических именословах титулованных родов и в конце XIV – XV вв. и даже вновь становясь широко известным как личное княжеское, в том числе как отчество детей Ярослава Владимировича великой княгини Марии и ее знаменитого брата Василия Серпуховского, и тогда же встречаясь у тверских и оболенских князей.

принятия православия⁴¹ вряд ли он мог бы получить бы еще и нехристианское имя, а уж тем более восходящее к нему отчество или патронимическое прозвище. Однако при этом сохраняется возможность его происхождения с Северо-Запада и даже какой-либо связи его появления в Ростове с упомянутыми псковско-ростовскими контактами первой трети XV в. В любом случае, зафиксированное письменной традицией и непонятное уже авторам, переписчикам и читателям Жития юродивого второе, мирское имя, отчество или патронимическое прозвище действительно может быть связано с личной самопрезентацией святого, почти наверняка отсылая тогда к каким-то русскоязычным и православным сообществам, а не к их германоязычным и католическим западным соседям.

Подводя некоторые итоги, отметим: отраженный традицией ростовский период жизни святого Исидора, судя по сохранившимся в Житии историческим реалиям, может быть датирован первой половиной XV в., при этом его расположение где-то между началом 10-х и концом 40-х гг. данного столетия видится чуть более вероятным. Социальная память об этом юродивом вызывает зарождение его почитания горожанами уже как святого покровителя в период второй четверти — начала второй половины того же столетия. Следует заметить, что на указанное время приходится плотная череда политических, экономических и социальных кризисов, затронувших весь ростовский социум. Судя по всему, между летом 1423 и весной 1425 гг. старшая ветвь ростовских князей в результате последовательного ряда военно-политических и экономических неудач оказалась вынуждена расстаться со своим княжением⁴², и верховная власть в городе перешла к великому князю. Вскоре начался известный летописям мор 1426–1427 гг., а затем на долгие годы Ростовская земля стала ареной боевых действий в борьбе за великое княжение внутри Московского княжеского дома, причем важнейшие сражения во время этих династических конфликтов — у Николы на Горе 20 марта 1434 г., между Кузьминским и Великим селом на Которосли 6 января 1435 г. и у села Покровского на Лиге 14 мая 1436 г. — происходят именно в округе Ростова. Характерно, что, узнав о приближении войска Юрия Дмитриевича в апреле 1433 г., ростовский велико-княжеский наместник бежит из города, даже не пытаясь его защищать, нет известий о каких-то попытках обороны Ростова ни с одной из сторон и в дальнейшем. Политическая ситуация стабилизируется к середине

⁴¹ Показательно, что сама проблема такого перехода (в рассматриваемый период он обычно совершался через исповедание веры и миропомазание, эта практика была вскоре закреплена Константинопольским собором 1484 г.) не вызвала интереса агиографа.

⁴² Подробнее см.: [Городилин 2015: 79, 81–82].

1450-х гг., но, несмотря на декларируемое в велиокняжеских актах сохранение за младшей ветвью ростовских князей их доли власти в городе, их реальный статус понижается, чему способствовал и ущерб, нанесенный землям этих князей в 1430-х–начале 1450-х гг., и развернувшийся на этом фоне переход их бояр и слуг на службу к другим сеньорам. После смерти в 1462 г. великого князя Василия Васильевича Ростов передается его вдове — великой княгине Марии Ярославне, став в результате одним из центров ее владений, а некоторые ростовские князья тогда же навсегда уходят из отчины в другие уделы (например, в волоцкий — к князю Борису Васильевичу). Наконец, зимой 1473–1474 гг. князья Владимир Андреевич и Иван Иванович Ростовские от имени всех своих сородичей продали великому князю Ивану Васильевичу еще остававшуюся за ними часть власти в Ростовской земле. В это же время многие «боярские и монастырьские и служни и черные земли» в Ростове различными путями меняют своих владельцев [ДДГ № 92; Стрельников 2009: 87–88]. Происходящие перемены своеобразно отразила и местная книжная традиция: если до конца 1410-х гг. ростовское владычное летописание уделяет внимание ростовскому княжескому дому, называя его членов по именам и сообщая об их кончинах, а в записях чудес покровителя кафедры и города святителя Леонтия упоминаются и чудеса, совершившиеся в это время в отношении конкретных ростовских князей, то на протяжении всего последующего периода вплоть до известия о продаже половины Ростова в 1473/1474 г. эти князья практически перестают интересовать архиерейских книжников⁴³, а сами ростовские владыки уже предпочитают опираться исключительно на свои тесные связи с великими князьями Московскими. Более того, определенную часть своего времени они проводят теперь не в Ростове или в его землях, а в своей дорогомиловской резиденции близ Москвы, где еще епископ Григорий даже соорудил в 1412 г. каменный храм Благовещения.

Таким образом, зарождение и формирование в ростовском городском сообществе почитания Исидора Твердислова, чрезвычайно необычного для предшествующего периода русской средневековой святости святого, происходит на фоне резких социальных трансформаций второй

⁴³ Можно сопоставить шесть подробных известий о кончине ростовских князей и княгинь за 1404–1419 гг. [Московская академическая летопись: 537–540; Летописец Русский: 307–308] и только одно единственное сообщение о кончине 23 марта 1471 г. похороненной в ростовском Рождественском девичьем монастыре «княгини иноки Марфы Ростовской» (вероятно, жены князя Александра Ивановича, двоюродного племянника упоминавшихся Андрея и Федора Александровичей) за все последующие более чем полвека [Типографская летопись: 188]. То же самое демонстрируют и чудеса Жития Леонтия Ростовского [Житие Леонтия Ростовского: 19–20], ср.: [там же: 21–32].

и третьей четверти XV в., разрушения устоявшихся общественных связей, структур политической власти и представлений о ней, дополненных еще и длительной ситуацией то затухающей, то разгорающейся междоусобной войны, в которой вся масса горожан уже больше не могла расчитывать, как прежде, на надежную защиту и покровительство со стороны своих князей или епископов. При этом нужно заметить, что становление этого культа, ориентированного прямо на городской социум, внутри которого прошел ростовский период земной жизни Исидора, протекает без обычного в подобных ситуациях видимого содействия какой-либо духовной корпорации — кафедры или монастыря: агиографическая традиция отразила лишь активность в поклонении его гробнице и в трансляции социальной памяти о нем самих мирян-ростовцев⁴⁴. Последующему развитию культа ростовского святого, насколько можно судить, способствует деятельность клира возникшей у места погребения юродивого Вознесенской церкви: именно так приходится интерпретировать описанную в чуде о пресвитере попытку священника этой церкви спустя много лет после кончины святого осмотреть его мощи («извѣстити о с(вя)темъ Исидорѣ. въ плоти ли ли оубо съи лежить») — видимо, в надежде обнаружить и обнародовать их нетление. Несомненное и явно уже надлежащим образом институализированное почитание в Ростове Иисидора Твердислова как святого отражено записью 1487 г. о дне его памяти. Еще до этого времени, насколько можно предполагать, там уже была написана и Основная редакция Жития святого, зафиксировавшая давно сложившуюся устную традицию о нем и интерпретировавшая ее с привлечением широко известных на Руси житий византийских юродивых⁴⁵

⁴⁴ В этом смысле любопытно сопоставить культ Иисидора с возникающим по соседству и в схожих обстоятельствах почитанием Федора, Давыда и Константина Ярославских: если известия о прославлении этих святых князей и об их последующих чудесах демонстрируют особое внимание к возникающему культу социальной элиты Ярославля и Ярославской земли, а сам кult быстро обретает отчетливо аристократический облик [Городилин, 2018: 159–166, 179], то в случае с почитанием Иисидора столь активного участия в его становлении и развитии духовной и светской знати не наблюдается, что позволяет предположить зарождение почитания юродивого в далеко не столь статусных слоях городского сообщества, а также ощущимо более демократический характер складывающегося культа. Интересно также, что Служба святому отмечает не только роль Иисидора в качестве защитника от всех бед и бесовских обстояний, а также чудотворца-целителя, как указывал А. Г. Мельник [Мельник 2012: 30–31], к нему обращено и моление о пребывании «граду твоему» непоколебиму и безмятежну «wt навѣт вражіихъ и wt поганьского нашѣствїя», и этот аспект почитания святого ростовцами понятен с учетом таких реалий XV в., как разорение города Едигеем в 1408 г. и бурные события последующих десятилетий XV в., включая и постоянно затрагивавшие Ростов межкняжеские столкновения, и походы татар к соседним Костроме (1429 г.) и Суздалю (1445 г.).

⁴⁵ Мнение, что образцом для автора Жития Иисидора «послужило Житие византийского юродивого Симеона Эмесского» [Гладкова 2011: 170], видится все же излишне категоричным: определенная общность житийной топики

как особый подвиг святости, а вполне вероятно, уже и служба этому святому, в которой Исидор фигурирует как «мужю дивныи в чудесъхъ, столпе и утвержение граду нашему».

Весьма скоро, уже в службе Максиму Блаженному, созданной после его соборного прославления 1547 г., известный столичный юродивый «от великаго и славнаго по всей России царствующаго града Москвы» будет уподоблен не только представителям византийского юродства, именуясь последователем дивному Андрею Цареградскому и ревнителем дивному Симеону Эмесскому, но и прямо назван вторым Твердисловом: «вторый Твердисловъ въ Руси показася, отче Максиме». Таким образом, в восприятии русского церковного сообщества к концу первой половины XVI в. Исидор Ростовский уже оказывается общепризнанным наравне с знаменитейшими святыми «салосами» Вселенской церкви эталоном юродской святости. Укорененное в контексте политico-социальных и культурных преобразований в Московском государстве рубежа XV–XVI – первой трети XVI в. развитие почитания Исидора Твердислова до столь высокого уровня, которое повлияет на все дальнейшее развитие феномена русского юродства, своей основой, как мы попытались показать, имело куда более продолжительный, нежели представлялось ранее, предшествовавший период формирования и становления весьма специфического для своего времени культа этого святого в пределах ростовского городского сообщества.

Сокращенные названия библиотек и древлехранилищ
 ГАЯО — Государственный архив Ярославской области, Ярославль.
 РГБ — Российская государственная библиотека, Москва.
 РНБ — Российская национальная библиотека, С.-Петербург.

Библиография

Источники

Рукописи

Житие Исидора

- ГАЯО, кол. рукописей, оп. 1, № 446 (196), Сборник памятей и житий, XVI в.; по изд.: [Гладкова 2002а].
Соф.1321
 РНБ, Софийское собрание, № 1321, майский том Софийского комплекта ВМЧ, 1541 г.;
 по изд.: [Каган 2003а].

сложившегося в Византии агиологического типа несомненна, однако, в отличие от Жития Симеона, с Житием Андрея Юродивого у рассматриваемого памятника были продемонстрированы прямые текстологические связи [Nakadzava 1991: 5–6], хижина же именно из хвороста у ростовского юродивого могла появиться не только лишь в подражание св. Симеону, но и из-за вполне понятного отсутствия в распоряжении Исидора каких-то иных строительных материалов.

Троицк.761

РГБ, Троицкое собрание, № 761, Месяцеслов, 1487 г.; по онлайн-публикации: <http://old.stsl.ru/manuscripts/fond-299/267>; дата обращения 31.10. 2018.

Тит.2059

РНБ, Собр. А. А. Титова, № 2059, Сборник агиографический, XVI в.; по изд.: [Исидорова 2001а].

Публикации

АСЭИ 1952

Акты социально-экономической истории конца XIV – начала XVI в., 1, Москва, 1952.

АСЭИ 1964

Акты социально-экономической истории конца XIV – начала XVI в., 3, Москва, 1964.

Буганов, Рогожин 2007

Буганов В. И., Рогожин Н. М., «Краткий московский летописец начала XVII в. из г. Галле (Германия)», in: *Архив русской истории*, 8, Москва, 2007, 519–573.

Валк 1956

Валк С. Н., «Новые грамоты о новгородско-псковских отношениях с Прибалтикой в XV в.», in: *Исторический архив*, 1, 1956, 232–234.

Гладкова 2002а

Гладкова О. В., «Житие Исидора Твердислова [Текст]», in: *Древнерусская литература: тема Запада в XIII–XV вв. и самостоятельное творчество*, Москва, 2002, 180–196.

ГВНП

Грамоты Великого Новгорода и Пскова, Валк С. Н., ред., Москва, Ленинград, 1949.

ДДГ

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв., Черепнин Л. В., ред., Москва, Ленинград, 1950.

Житие Андрея Юродивого

Молдован А. М., *Житие Андрея Юродивого в славянской письменности*, Москва, 2000.

Житие Леонтия Ростовского

Житие св. Леонтия, епископа Ростовского, предисл. А. А. Титова, Москва, 1893.

Исидорова 2001а

Исидорова З. Н., «Месяца мая 14. Житие и подвигание, и отчасти чудес блаженънаго Исиодора юродиваго Христа ради, нарицаемаго Твердислова, ростовскаго чудотворца. Стих. [Текст]», in: *Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность*, 4, С.-Петербург, 2001, 101–110.

Каган 2003а

Каган М. Д., «Житие Исиодора Твердислова (14 мая. В той же день память святаго Сидора, юродиваго Христа ради, нарицаемого Твердислова, ростовскаго чудотворца)», in: *Библиотека литературы Древней Руси*, 12, С.-Петербург, 2003, 242–254.

Книга житий святых

Димитрий, свт. Ростовский, *Книга житий святых*, 3, Киев, 1700.

Корецкий 1969

Корецкий В. И., «Вновь открытые новгородские и псковские грамоты XIV–XV вв.», in: *Археографический ежегодник за 1967 г.*, Москва, 1969, 275–290.

Краткий ростовский летописец конца XVII века

«Краткий Ростовский летописец конца XVII века», публ. Богданов А. П., in: *Советские архивы*, 1981, 6, 33–37.

Летописец русский

Насонов А. Н., «Летописный свод XV в. (по двум спискам)», in: *Материалы по истории СССР*, 2, Москва, 1955, 273–321.

Летописец о Ростовских архиереях

«Археоремъ ростовскимъ летопись», in: *Летописец о ростовских архиереях* (= Издание ОЛДП, 94), С.-Петербург, 1890, 1–26.

Львовская летопись

Львовская летопись (= Полное собрание русских летописей, 20), Москва, 2005.

Мазуринский летописец

«Мазуринский летописец», in: *Летописцы последней четверти XVII в.* (= Полное собрание русских летописей, 31), Москва, 1968, 11–179.

Марасинова 1966

Марасинова Л. М., Новые псковские грамоты XIV–XV веков, Москва, 1966.

Московская академическая летопись

Продолжение Сузdalской летописи по Академическому списку (= Полное собрание русских летописей, 1, 3), Ленинград, 1928.

Московский свод конца XV в.

Московский летописный свод конца XV века (= Полное собрание русских летописей, 25), Москва, Ленинград, 1949.

Повесть о Петре

Белякова М. М., «Житие блаженного Петра, царевича Ордынского: история текста», in: *Проблемы происхождения и бытования памятников древнерусской письменности и литературы*, Нижний Новгород, 2009, 68–82.

ПЛ 1941

Насонов А. Н., ред, *Псковские летописи*, 1, Москва, Ленинград, 1941.

ПЛ 1955

Насонов А. Н., ред, *Псковские летописи*, 2, Москва, Ленинград, 1955.

Расходная «хлебная» книга 1614–1615

«Расходная “хлебная” книга Кириллова Белозерского монастыря, 1614 г. сентября 1 – 1615 г. августа 30», in: *Монастыри и архиерейские дворы в документах XVI–XVIII веков* (= Труды Санкт-Петербургского института истории РАН, 1 (17)), С.-Петербург, 2015, 5, 106–152.

РФА 2008

Русский феодальный архив XIV–XVI века, Москва, 2008.

Софийская II летопись

Софийская вторая летопись (= Полное собрание русских летописей, 6, 2), Москва, 2001.

Типографская летопись

Типографская летопись (= Полное собрание русских летописей, 24), Петроград, 1921.

HUB V

Kunze K., Bearb., *Hansisches Urkundenbuch*, 5, Leipzig, 1899

LUB V

von Bunge F. G., Hrsg., *Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch*, 5, Riga, 1867.

Литература

Алексий 1913

Алексий (Кузнецов), иером., *Юродство и столпничество: Религиозно-психологическое, моральное и социальное исследование*, С.-Петербург, 1913.

Артынов 1875

Артынов А. Я., «Архиерейская шапка (случай XV столетия)», in: *Ярославские епархиальные ведомости (часть неофиц.)*, Ярославль, 1875, 46.

Богданов 1993

Богданов А. П., «Исидор Сназин», in: *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, 3/2, Москва, 1993, 124.

Буганов 1968

Буганов В. И., «Предисловие», in: *Летописцы последней четверти XVII в. (= Полное собрание русских летописей*, 31), Москва, 1968, 3–9.

Будовниц 1964

Будовниц И. У., «Юродивые древней Руси», in: *Вопросы истории религии и атеизма*, 12, Москва, 1964, 170–195.

Буслаев 1859

Буслаев Ф. И., «О народной поэзии в древнерусской литературе. Речь, произнесенная в торжественном собрании Императорского Московского университета 12-го января исправляющим должность экстраординарного профессора русской словесности Ф. И. Буслаевым», in: *Московские ведомости*, 11, Москва, 79.

Васильев 2012

Васильев В. Л., *Славянские топонимические древности Новгородской земли*, Москва, 2012.

Веселовский 1869

Веселовский А. Н., «Былина о Садке», in: *Журнал министерства народного просвещения*, 1869, 12, 251–284.

— 1974

Веселовский С. Б., *Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии*, Москва, 1974.

Гладкова 2001

Гладкова О. В., «Агиографический канон и «западная тема» в «Житии Иисидора Твердислова, Ростовского юродивого», in: *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 4, 2001, 81–88.

— 2002

Гладкова О. В., «Древнерусский святой, пришедший с Запада (о малоизученном «Житии Иисидора Твердислова, ростовского юродивого»)», in: *Древнерусская литература: тема Запада в XIII–XV вв. и самостоятельное творчество*, Москва, 2002, 167–210.

— 2011

Гладкова О. В., «Исидор», in: *Православная энциклопедия*, 27, Москва, 2011, 169–172.

Голод 2008

Голод Е. В., Рукописная традиция Жития Иисидора Твердислова и почитание святого в конце XV – начале XVI вв., in: *IX Конференция молодых ученых «Вопросы славяно-русского рукописного наследия» (к 75-летию Отдела древнерусской литературы)*, С.-Петербург, 2008.

Городилин 2015

Городилин С. В., «К вопросу о брачных связях псковской элиты первой трети XV в.», in: *Археология и история Пскова и Псковской земли*, 30, Псков, 2015, 68–86.

— 2018

Городилин С. В., «Культ св. Федора Ярославского: социальный и политический контексты формирования и развития», in: *Средневековая Русь*, 13, Москва, 2018, 125–180.

Дмитриев 1973

Дмитриев Л. А., *Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв.: Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний*, Ленинград, 1973.

Зализняк 2004

Зализняк А. А., *Древненовгородский диалект*, 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг., Москва, 2004.

Иванов 1994

Иванов С. А., *Византийское юродство*, Москва, 1994.

— 2005

Иванов С. А., *Блаженные похабы: Культурная история юродства*, Москва, 2005.

Исидорова 2001б

Исидорова З. Н., «О редакциях Жития святого Исидора Твердислова», in: *Опыты по источниковедению*, 4, С.-Петербург, 2001, 96–110.

Каган 1988

Каган М. Д., «Житие Исидора Твердислова», in: *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, 2/1, С.-Петербург, 1988, 280–284.

— 2003б

Каган М. Д., коммент., «Память святого Сидора, юродивого Христа ради», in: *Библиотека литературы Древней Руси*, 12, С.-Петербург, 2003, 575–576.

Казакова 1975

Казакова Н. А., *Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения: конец XIV – нач. XVI в.*, Ленинград, 1975.

Кашкин, Самойлович 2007

Кашкин А. В., Самойлович Н. Г., «Бастионный раскоп в Ростове Великом (итоги охранных раскопок 2004 г.)», in: *Археология: история и перспективы: Третья межрегиональная конференция*, Ярославль, 2007, 84–93.

Ключевский 1871/1988

Ключевский В. О., *Древнерусские жития святых как исторический источник*, Москва, 1871.

Лакиер 1855

Лакиер А. Б., *Русская геральдика*, 2, С.-Петербург, 1855.

Литвина, Успенский 2006

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., *Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики*, Москва, 2006.

Лихачев, Панченко, Понырко 1984

Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В., *Смех в Древней Руси*, Ленинград, 1984.

Макарий 1877

Макарий (Булгаков), митр., *История русской церкви*, 8, 2, 3, С.-Петербург, 1877.

Мельник 2002

Мельник А. Г., «Житийная иконография ростовского святого блаженного Исидора», in: *VI чтения памяти И. П. Болотцовой. Сборник статей*, Ярославль, 2002, 86–93.

— 2010

Мельник А. Г., «Иконография юродивого Исидора Ростовского», in: *Книжная культура Ярославского края: материалы научной конференции (Ярославль, 13–14 октября 2009 г.)*, Ярославль, 2010, 5–11.

— 2012

Мельник А. Г., «Становление культа юродивого Исадора Ростовского», in: *Вестник Северного (Арктического) Федерального университета: Серия Гуманитарные и социальные науки*, 2012, 4, 29–35.

— 2013

Мельник А. Г., «Город юродивых», in: *Юродивые в русской культуре (= Труды ГИМ, 197)*, Москва, 2013, 140–149.

——— 2017

Мельник А. Г., «“Ростовские патерики” конца XV–XVI в.», in: *Сообщения Ростовского музея*, 22, Ростов, 2017, 22–30.

Новикова 2017

Новикова О. Л., «“Георгиевский” конволют и рукописи Кирилло-Белозерского монастыря», in: *Вестник Альянс-Архео*, 19, Москва, С.-Петербург, 2017, 25–37.

Печников 2012

Печников М. В., «Иулиания», in: *Православная энциклопедия*, 28, Москва, 2012, 543–544.

Руди 2007

Руди Т. Р., «О топике житий юродивых», in: *Труды Отдела древнерусской литературы*, 58, С.-Петербург, 2007, 443–484.

Рыбинский 1891

Рыбинский В. П., *Киевская митрополичья кафедра с половины XIII до конца XVI века* (= *Труды Киевской духовной академии*), Киев, 1891.

СлРЯ XI–XVII вв. 1–30—

Словарь русского языка XI–XVII вв., 1–30—, Москва, 1975–2016—.

Солодкин 1997

Солодкин Я. Г., *История позднего русского летописания*, Москва, 1997.

Стрельников 2009

Стрельников С. В., *Землевладение в Ростовском крае в XIV – первой трети XVII века*, Москва, С.-Петербург, 2009.

Тарасов 2013

Тарасов А. Е., «О времени и обстоятельствах создания “Летописца о ростовских архиереях”», in: *История и культура Ростовской земли. 2012*, Ростов, 2013, 200–210.

Титов 1885

Титов А. А., *Предания о ростовских князьях*, Москва, 1885.

——— 1906

Титов А. А., *Описание славяно-русских рукописей, находящихся в собрании А. А. Титова*, 5, Москва, 1906.

Толстой 1847

Толстой М. В., «Древние святыни Ростова Великого», in: *Чтения Общества истории и древностей российских*, 2, 1847, 1–88.

——— 1876

Толстой М. В., «Иоакаф I, архиепископ Ростовский», in: *Душеполезное чтение*, 1, 1876, 245–255.

Турилов 1991

Турилов А. А., «Малоизвестные источники о ярославских князьях конца XIV – первой половине XV в.», in: *Краеведческие записки*, 7, Ярославль, 131–142.

Федотов 1931/1991

Федотов Г. П., *Святые Древней Руси*, Москва, 1991.

Филарет 1863

Филарет (Гумилевский), архиеп., *Русские святые, чтимые всею церковью или местно. Месяц май*, Чернигов, 1863.

Шевченко 2014

Преподобный Мартиниан, Белозерский чудотворец, подг. текстов, перевод, исслед. Е. Э. Шевченко, С.-Петербург, 2014.

Nakadzava 1991

Nakazawa A., «Chūsei Roshia seija-den ni okeru fūten gyōja-zō no seiritsu (“Rosutofu no ishidōru-den” o chūshin ni)», in: *Roshiago Roshia bungaku kenkyū* (23), 10, 1–14.

Osten-Sacken 1908

Osten-Sacken P., *Livländisch-Russische Beziehungen während der Regierungszeit des Grossfürsten Witowt von Litauen, 1392–1430*, Berlin, 1908.

References

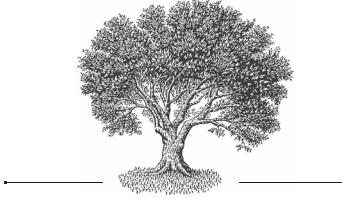
- Belyakova M. M., “Zhitie blazhennogo Petra, tsarevicha Ordynskogo: istoriya teksta”, in: *Problemy proiskhozhdeniya i bytovaniia pamiatnikov drevnerusskoi pis'mennosti i literatury*, Nizhny Novgorod, 2009, 68–82.
- Bogdanov A. P., ed., “Kratkii Rostovskii letopisets kontsa XVII veka”, in: *Sovetskije arkhivy*, 1981, 6, 33–37.
- Bogdanov A. P., “Isidor Snazin”, in: *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, 3/2, Moscow, 1993, 124.
- Budovnits I. U., “Turodivye drevnei Rusi”, in: *Voprosy istorii religii i ateizma*, 12, Moscow, 1964, 170–195.
- Buganov V. I., “Predislovie”, in: *Letopistsy poslednei chetverti XVII v. (= Polnoe sobranie russkikh letopisej*, 31), Moscow, 1968, 3–9.
- Buganov V. I., Rogozhin N. M., “Kratkii moskovskii letopisets nachala XVII v. iz g. Galle (Germaniia)”, in: *Arkhiv russkoi istorii*, 8, Moscow, 2007, 519–573.
- Cherepnin L. V., ed, *Dukhovnye i dogovornye gramoty velikikh i udel'nykh kniazei XIV–XVI vv.*, Moscow, Leningrad, 1950.
- Dmitriev L. A., *Zhitiiye povesti Russkogo Severa kak pamiatniki literatury XIII–XVII vv.: Evoliutsiya zhanra legendarno-biograficheskikh skazanii*, Leningrad, 1973.
- Gladkova O. V., “Agiograficheskii kanon i ‘zapadnaia tema’ v ‘Zhitii Isidora Tverdislova, Rostovskogo Iurodivogo’”, in: *Old Russia. The Questions of Middle Ages*, 4, 2, 2001, 81–88.
- Gladkova O. V., “Drevnerusskii svatoi, prishedshii s Zapada (o maloizuchennom ‘Zhitii Isidora Tverdislova, rostovskogo iurodivogo’)\”, in: *Drevnerusskaia literatura: tema Zapada v XIII–XV vv. i samostoiatel'noe tvorchestvo*, Moscow, 2002, 180–196.
- Gladkova O. V., “Isidor”, in: *Pravoslavnaya entsiklopedia*, 27, Moscow, 2011, 169–172.
- Golod E. V., Rukopisnaia traditsia Zhitii Isidora Tverdislova i pochitanie sviatogo v kontse XV – nachale XVI vv., in: *IX Konferentsiya molodykh uchenykh “Voprosy slaviano-russkogo rukopisnogo nasledii” (k 75-letiiu Otdela drevnerusskoi literatury)*, St. Petersburg, 2008.
- Gorodilin S. V., “The Pskov elite marital relations in the first third of the 15th century”, in: *Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoi zemli*, 30, Pskov, 2015, 68–86.
- Gorodilin S. V., “Kul't sv. Fedora Iaroslavskogo: sotsial'nyi i politicheskiy konteksty formirovaniia i razvitiia”, in: *Srednevekovaia Rus'*, 13, Moscow, 2018, 125–180.
- Isidorova Z. N., “O redaktsiakh Zhitii sviatogo Isidora Tverdislova”, in: *Opyty po istochnikovedeniyu*, 4, St. Petersburg, 2001, 96–110.
- Ivanov S. A., *Vizantiiskoe iurodstvo*, Moscow, 1994.
- Ivanov S. A., *Blazhennye pokhabы: Kul'turnaya istoriya iurodstva*, Moscow, 2005.
- Kagan M. D., “Zhitie Isidora Tverdislova”, in: *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, 2/1, St. Petersburg, 1988, 280–284.
- Kagan M. D., ed., “Zhitie Isidora Tverdislova (14 maia. V tozhe den' pamet' sviatago Sidora, iurodivago Khrista radi, naritsaemogo Tverdislova, rostovskogo chuidotvortsya)”, in: *Biblioteka literatury Drevnei Rusi*, 12, St. Petersburg, 2003, 242–254, 575–576.
- Kashkin A. V., Samoilovich N. G., “Bastionnye raskopy v Rostove Velikom (itogi okhrannyykh raskopok 2004 g.)”, in: *Arkheologiya: istoriya i perspektivy: Tret'ia mezhdunarod'naya konferentsiya*, Yaroslavl, 2007, 84–93.
- Kazakova N. A., *Russko-livonskie i russko-ganzeiske otnosheniya: konets XIV – nach. XVI v.*, Leningrad, 1975.
- Koretsky V. I., “Vnov' otkrytie novgorodskie i pskovskie gramoty XIV–XV vv.”, in: *Arkheografičeskii ezhegodnik za 1967 g.*, Moscow, 1969, 275–290.
- Litina A. F., Uspenskij F. B., *Vybor imeni u russkikh kniazei v X–XVI vv. Dinasticheskaiia istoriya skvoz' prizmu antroponomiki*, Moscow, 2006.
- Likhachev D. S., Panchenko A. M., Ponyrko N. V., *Smekh v Drevnei Rusi*, Leningrad, 1984.
- Marasinova L. M., *Novye pskovskie gramoty XIV–XV vekov*, Moscow, 1966.
- Melnik A. G., “Zhitiiaina ikonografija rostovskogo sviatogo blazhennogo Isidora”, in: *VI chtenija pamiatni I. P. Bolotsevoi. Sbornik statei*, Yaroslavl, 2002, 86–93.
- Melnik A. G., “Ikonografija iurodivogo Isidora Rostovskogo”, in: *Knizhnaia kul'tura Iaroslavskogo*

- kraja: materialy nauchnoi konferentsii (Iaroslavl', 13–14 oktiabria 2009 g.)*, Yaroslavl, 2010, 5–11.
- Melnik A. G., “Formation of Worship of Isidor ‘Fool-For-Christ’ of Rostov”, in: *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series “Humanitarian and Social Sciences”*, 2012, 4, 29–35.
- Melnik A. G., “Gorod iurodivykh”, in: *Iurodivyye v russkoj kul'ture* (= *Trudy GIM*, 197), Moscow, 2013, 140–149.
- Melnik A. G., “Rostovskie pateriki’ kontsa XV–XVI v.”, in: *Soobshcheniya Rostovskogo muzeia*, 22, Rostov, 2017, 22–30.
- Moldovan A. M., *Zhitie Andreia Iurodivogo v slavianskoi pis'mennosti*, Moscow, 2000.
- Nakazawa A., “Chūsei Roshia seija-den ni okeru fūten gyōja-zō no seiritsu (“Rosutofu no ishidōru-den” o chūshin ni)”, in: *Bulletin of the Japanese Association of Russian Scholars*, 23, 10, 1–14.
- Nasonov A. N., ed, *Pskovskie letopisi*, 1, Moscow, Leningrad, 1941.
- Nasonov A. N., ed, *Pskovskie letopisi*, 2, Moscow, Leningrad, 1955.
- Nasonov A. N., “Letopisnyi svod XV v. (po dvum spiskam)”, in: *Materialy po istorii SSSR*, 2, Moscow, 1955, 273–321.
- Novikova O. L., “Georgievskii” konvolut i rukopisi Kirillo-Belozerskogo monastyria”, in: *Vestnik Al'ians-Arkheo*, 19, Moscow, St. Petersburg, 2017, 25–37.
- Pechnikov M. V., “Iuliania”, in: *Pravoslavnaya entsiklopedia*, 28, Moscow, 2012, 543–544.
- Rudi T. R., “O topike zhitii iurodivykh”, in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 58, St. Petersburg, 2007, 443–484.
- Solodkin Ya. G., *Istoriia pozdnego russkogo letopisaniiia*, Moscow, 1997.
- Strelnikov S. V., *Zemlevladeniie v Rostovskom krae v XIV – pervoi treti XVII veka*, Moscow, St. Petersburg, 2009.
- Tarasov A. E., “O vremeni i obstoiatele’stvakh sozdaniia ‘Letopistsa o rostovskikh arkhiereiakh’”, in: *Istoriia i kul'tura Rostovskoi zemli*. 2012, Rostov, 2013, 200–210.
- Turilov A. A., “Maloizvestnye istochniki o iaroslavskikh kniaz’iakh kontsa XIV – pervoi poloviny XV v.”, in: *Kraevedcheskie zapiski*, 7, 1991, 131–142.
- Fedotov G. P., *Sviatye Drevnei Rusi*, Moscow, 1991.
- Shevchenko E. E., ed., *Prepodobnyi Martinian, Belozerskii chudotvorets*, St. Petersburg, 2014.
- Valk S. N., “Novye gramoty o novgorodsko-pskovskikh otnosheniakh s Pribaltikoi v XV v.”, in: *Istoricheskiy arkhiv*, 1, 1956, 232–234.
- Valk S. N., ed., *Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova*, Moscow, Leningrad, 1949.
- Vasiliev V. L., *Slavianskie toponimicheskie drennosti Novgorodskoi zemli*, Moscow, 2012.
- Veselovsky S. B., *Onomastikon. Drevnerusskie imena, prozvishcha i familiy*, Moscow, 1974.
- Zaliznyak A. A., *Drevnenovgorodskii dialekt*, 2nd ed., Moscow, 2004.

Городилин Сергей Владимирович
Институт российской истории РАН, Центр по истории древней Руси,
аспирант
117292 Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19
Россия/Russia
sergey.v.gorodilin@gmail.com

Received July 19, 2018

Загадка грамоты Витовта (*Vitoldiana*, № 11): XIV или XIX век?*

**Сергей Владимирович
Полехов**

Институт российской истории
Российской академии наук
Москва, Россия

The Puzzle of Vytautas' Charter (*Vitoldiana*, No. 11): 14th or the 19th Century?

Sergey V. Polekhov

Institute of Russian History of the
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Резюме

В статье рассмотрен вопрос о подлинности судной грамоты Витовта по делу между Свидригайлом и Андреем Василю, якобы конца XIV в. Рассмотрение псевдооригинала, обнаруженного в Отделе письменных источников Государственного исторического музея в Москве, позволяет заключить, что это — подделка, срисованная с репродукции подлинной грамоты Витовта, опубликованной в 20-е гг. XIX в., как и еще одна, недавно опубликованная, грамота Витовта, известная по прорисовке XIX в.

* Исследование выполнено благодаря поддержке РФФИ (грант 17-29-09015 офи_м).
Приношу искреннюю благодарность за консультации, замечания и снабжение необходимыми материалами И. Ю. Анкудинову (Великий Новгород), А. И. Груше (Минск), В. Б. Крысько, Л. В. Мошковой, Д. В. Сичинаве, А. А. Турилову (Москва) и Пите Чапайте (Вильнюс).

Цитирование: Полехов С. В. Загадка грамоты Витовта (*Vitoldiana*, № 11): XIV или XIX век? // *Slověne*. 2018. Vol. 7, № 2. С. 451–476.

Citation: Polekhov S. V. (2018) The Puzzle of Vytautas' Charter (*Vitoldiana*, No. 11): 14th or the 19th Century? *Slověne*, Vol. 7, № 2, p. 451–476.

DOI: 10.31168/2305-6754.2018.7.2.17

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International

Ключевые слова

Великое княжество Литовское, Витовт, средневековая дипломатика, Свидригайло, Смоленск, А. Д. Чертков, фальсификация исторических источников

Abstract

The paper deals with the question of authenticity of the judicial charter that was allegedly issued by Vytautas, the Grand Duke of Lithuania, on the legal case between Švitrigaila and Andrey Vasilo, at the end of the 14th century. Analysis of the pseudo-original found in the Department of Written Sources of the State Historical Museum in Moscow allows to draw the conclusion that it is, indeed, a forgery, copied from a reproduction of an original Vytautas' charter published in the 1820s. The same is true of another recently published Vytautas' charter known from a 19th-century copy.

Keywords

A. D. Chertkov, forgery of historical sources, Grand Duchy of Lithuania, medieval diplomatics, Smolensk, Švitrigaila, Vytautas

Судную грамоту¹ Витовта по делу между Андреем Василю и Свидригайлом впервые опубликовал ее владелец, коллекционер и председатель императорского Московского общества истории и древностей российских (далее – ОИДР) Александр Дмитриевич Чертков в 1849 г. Эта публикация содержала лишь текст и краткое описание грамоты². Публикатор прочел год как 6898, что при указанном в дате апреле соответствует 1390 году. Спустя какое-то время А. Д. Чертков сообщил уточненный текст грамоты П. А. Муханову, и тот переиздал ее с той же датой, несколько дополнив описание и идентифицировав князя Андрея Василю с Андреем Васильевичем Белёвским³.

Вскоре после выхода издания А. Д. Черткова исследователи заметили, что грамота «дана оу великии чътвертокъ априла оу 3 день», а в

¹ В настоящей статье разновидность грамоты определяется прилагательным *судный*, утвердившимся в русскоязычной научной литературе [Птиацикский 1887: 28–35, 112] и вообще более характерным для русского языка, чем использовавшееся для характеристики таких документов в Великом княжестве Литовском прилагательное *судовы* [ГСБМ 33: 48, 50].

² [Грамота 1849: 5–6]: «Грамота писана на пергамене. На конце была печать вислая, но утратилась, и остались только следы прореза, где был продернут шнур» (цитата на с. 6).

³ [Муханов 1866: 616, № 344]: «Подлинник писан на пергаменном листке, длин. 3, шир. 4 вер. [...] На обороте грамоты есть латинская надпись, которую нельзя разобрать». Справедливости ради стоит отметить, что князь Андрей Васильевич Белёвский жил в конце XV – начале XVI в. [Кром 2010: 54–57].

1390 г. великий четверг приходился на 31 марта. Игнатий Данилович в своих регестах отметил, что ошибка заключена в месяце [SD 1: № 577]. За ним это умозаключение повторил автор другого обширного свода регестов Анатоль Левицкий, поместивший ее содержание под 1390 г. и снабдивший дату 3 апреля вопросительным знаком [IA 1888: № 130]. И. И. Срезневский исправил дату с 6898 на 6890, т. е. 1382 г., но умозрительно, без обращения к «подлиннику» [Срезневский 1863: 114; Idem. 1882: 247]. Определив таким образом дату, он поместил список грамоты в рукописной «Книге древних записей, грамот и грамоток, записок и т. п.» – своеобразном рабочем своде, откуда черпал примеры для «Материалов к словарю древнерусского языка»⁴. Судя по примерам, заимствованным из грамоты и отмеченным в «Материалах...»⁵, И. И. Срезневский знал грамоту по изданию А. Д. Черткова, а не по более точной публикации П. А. Муханова: об этом говорит цитирование грамоты в словарной статье «окупати» и чтение топонима в форме «Кронич»⁶. Оба чтения происходят именно из первого издания и отличают его от второго.

Вновь обратился к «подлиннику» грамоты лишь А. И. Барбашев, чья книга о первых годах правления Витовта вышла в 1885 г. Он заключил, что грамота не могла быть написана весной 1390 г., поскольку в это время Витовт воевал с Ягайлом и его братьями и еще не титуловался великим князем. А. И. Барбашев отметил, что дата грамоты написана неясно, но в любом случае она относится ко времени не ранее 1392 г., а в качестве предположительных датировок назвал 1393 г., когда великий четверг действительно приходился на 3 апреля, а Свидригайло был в Витебске, или 1400 г., когда он вновь был в Литве [Барбашев 1885: 141–144].

После этого «подлинник» грамоты выпал из поля зрения историков, а переиздание и изучение документа основывались на предшествующих публикациях, что исключало возможность палеографического анализа. Это отметил норвежский филолог Христиан Швейгаард Станг. Он обратил внимание на чрезвычайную близость грамоты к другой судной грамоте Витовта, посвященной делу между виленским «бискупом» и Вигайлом и сохранившейся в подлиннике (далее буду условно называть

⁴ СПбФ АРАН, ф. 216, оп. 1. Ед. хр. 39, л. 141–141 об. Заглавие приводится по первому тому свода: Ibid., ед. хр. 38, л. 1.

⁵ [Срезневский 1: 291, 710, 844; Срезневский 2: 23, 654, 1006; Срезневский 3: 24, 39, 1510, 1518] (словарные статьи: *володъти*, *досмотръти*, *жаловати*, *листъ*, *окупати*, *повернути*, *развести*, *раздѣлъти*, *четвѣртъкъ*, *чинити*). Перечень слов, взятых из грамоты (в ее списке они подчеркнуты): СПб ФАРАН, ф. 216, оп. 1. Ед. хр. 39, л. 345 об.

⁶ СПбФ АРАН, ф. 216, оп. 1. Ед. хр. 38, л. 48 («Указатель собственных имен к грамотам и записям»); ед. хр. 39, л. 141.

ее «Вигайловой» грамотой⁷. Станг искал этому разные объяснения, предполагая, что одна грамота послужила образцом для другой (что сам оценивал как маловероятное) или что грамота с упоминанием Свидригайла — ненастоящая. Тем не менее он включил ее в число кириллических грамот Витовта, которые подверг филологическому анализу [Stang 1935: 12–21]. В разборе книги Х. Станга белорусский ученый Ян Станкевич отверг мысль об украинском происхождении писца грамоты, но не высказал никаких сомнений в ее аутентичности [Stankiewicz 1936: 397]. Поскольку Андреем Василем в некоторых источниках именуется первый виленский епископ, а значит, грамота могла бы пролить свет на раннюю историю его диоцеза, вопрос о ее подлинности рассмотрел Ежи Охманьский в статье 1961 г. [Ochmański 1961: 29–31]. Воспроизведя текст грамоты по изданию И. Даниловича, он отметил, что титул Витовта неполон («князь» вместо «великий князь»), Андрей Василю не назван епископом виленским, Свидригайло может быть не князем, а каким-нибудь однокименным ему боярином, а локализация владений неясна. Вместе с тем Е. Охманьский отметил черты формуляра, которые сближают эту грамоту с другими документами Витовта, в том числе и с «Вигайловой» грамотой, но текстуальная близость не показалась ему подозрительной. Странную годовую дату польский историк также списал на неточность издателя и датировал грамоту 1393 г., когда великий четверг приходился на 3 апреля. В итоге Е. Охманьский заключил, что грамота имеет все черты подлинности, но текст передан издателем неточно, а потому в этом виде ее нельзя связать с виленским епископом Андреем Василем⁸. Марцелий Косман в статье о документах Витовта привел грамоту в качестве примера наиболее раннего обращения католической церкви к Витовту за письменным подтверждением его судебного приговора, но тут же оговорился, что наличие даты может служить аргументом против аутентичности документа [Kosman 1971: 152–153]. Однако в издании документов Витовта в 1986 г. Е. Охманьский всё же определил Андрея как виленского епископа, а в легенде привел более подробные сведения о грамоте, ее копиях и изданиях, по-видимому, в значительной степени позаимствованные из публикации в украинском филологическом издании «Грамот XIV века» [Грамоти 1974: № 30] (впрочем, принадлежность грамот к числу «памятников украинского языка», по названию серии, в

⁷ Подлинник: BPAU. Rkps 2017. K. 20. Основные публикации: [KDKW: № 93; Vitoldiana 1986: № 17]. О датировке грамоты, обычно относимой к 1414 или 1425 г., см. ниже.

⁸ “W konkluzji trzeba stwierdzić, że dokument Witolda dla Andrzeja z r. 1393, aczkolwiek nosi wszelkie cechy autentyczności, to jednak wobec jego niestandardowego przekazania przez wydawcę (widoczne opuszczenie tytułatury) nie może być w tej postaci łączony z osobą biskupa wileńskiego” [Ochmański 1967: 31].

которой вышло издание, никак не обоснована⁹). Современное место хранения «подлинника» грамоты в обоих изданиях не указано¹⁰.

Некоторые историки разделяют выводы Е. Охманьского. Так, польский ученый Ян Тенговский использовал грамоту для датировки событий 1393 г. (бунта Свидригайла в Витебске) [Tęgowski 1997: 162], а А. В. Кузьмин отождествил «князя Андрея Василю» с князем Андреем Васильевичем Друцким, погибшим в битве на Ворскле 12 августа 1399 г., но никак не обосновал ни этого отождествления, ни принятой вслед за А. Д. Чертковым датировки грамоты 1390 г. [Кузьмин 2007: 59–60]. Другой польский историк, Ярослав Никодем, напротив, высказал серьезные сомнения в подлинности грамоты, ссылаясь на статью Е. Охманьского и задаваясь риторическим вопросом: какие же владения могли вызвать спор между Свидригайлом, сидящим в Витебске, и виленским епископом? [Nikodem 2009: 14, przyp. 28]. Белорусский исследователь А. И. Груша в книге о ранней истории документа в ВКЛ то отмечает сомнительность грамоты Витовта (или «по умолчанию» не включает ее в число известных судебных приговоров этого князя) [Груша 2015: 126–127 (прим. 486); 183 (прим. 693)], то приводит примеры из нее как из подлинной [Ibid.: 181 (прим. 687); 244 (прим. 976)]. Наконец, литовский историк Миндаугас Кловас в работах о начальной истории частного документа в ВКЛ называет грамоту «самым ранним записанным решением суда великого князя Витовта», относя ее к 1393 г., хотя тут же приводит ссылку на «Вигайлову» грамоту с чрезвычайно (хотелось бы сказать: подозрительно) близким формуляром [Klovas 2014: 47; Idem. 2017: 97, puog. 425; p. 99]. Между тем все вопросы и противоречия, связанные со «Свидригайловой» грамотой и обсуждавшиеся в литературе, не помешали составителям «Словаря древнерусского языка XI–XIV вв.» использовать ее в качестве источника, опять-таки по изданию А. Д. Черткова (см. словарные статьи *володъти*, *досъмотрити*, *жаловать*, *окоупати*, *развести*, *раздълти* [СДРЯ 1: 468; 3: 73, 231; 6: 117; 10: 24, 85]).

Чтобы разрешить вопрос о подлинности/неподлинности грамоты, необходимо было разыскать ее «подлинник», тем более что последним, кто пытался анализировать его внешние признаки, не ограничиваясь знакомством с публикациями, был А. И. Барбашев. Как выяснилось, грамота перемещалась вместе с собранием А. Д. Черткова, а впоследствии — вместе с его документальной частью. В 1871 г. сын знаменитого историка

⁹ Этую особенность издания отметил Збыслав Войтовяк в чрезвычайно критической рецензии [Wojtkowiak 1978].

¹⁰ Эгидиюс Банёнис в рецензии на издание Е. Охманьского отметил в качестве недостатка, что тот просто перепечатал ряд документов из предшествующих изданий [Banionis 1988].

Г. А. Чертков передал основанную им библиотеку в дар городу Москве, и вскоре она была размещена в здании Румянцевского и Публичного музеев [Фролова 2007: 354–356], где при содействии хранителя рукописного собрания Е. В. Барсова с грамотой и работал А. И. Барбашев [1885: 141]. Спустя два года после публикации его исследования, в 1887 г., Чертковская библиотека перешла в императорский Российский исторический музей. В 1912 г. собрание было распределено между отделом рукописей и отделом письменных источников. В последний попали «семейный архив Черткова, материалы о деятельности его библиотеки, письма государственных и общественных деятелей, записки, дневники, литературные и научные материалы собирателя» [Черниловская, Шульгина 1986: 3 (цитата); Фролова 2007: 356–357]¹¹. Самым ранним документом из поступивших в отдел была признана грамота Витовта, хранящаяся там по сей день вместе с российскими материалами середины XVII – начала XVIII в. [Черниловская, Шульгина 1986; Бакст 1967: 277; ОПИ ГИМ, ф. 445 (Чертковы). Ед. хр. 234, л. 1–18]. Так поиски грамоты в 2013 г. привели автора этих строк в отдел письменных источников Государственного исторического музея, к тому моменту только что открывшийся после реконструкции.

Прежде всего, знакомство с грамотой *de visu* показало, что ее текст в публикации А. Д. Черткова был передан весьма неточно. В соответствии с археографической практикой середины XIX в. правописание документа было модернизировано: после согласной на конце слова добавлялся «ъ», даже если в грамоте слово оканчивалось выносной буквой; по правилам правописания того времени буква «е», написанная вместо этимологического «ѣ», заменялась на «ѣ», буква «и» в функции [j] – на «й», диграф «оу» – на «у», но за исключением мест, не понятых публикатором («оукронича»). Таких мест, искаженных публикатором из-за непонимания или по недосмотру, для небольшого текста грамоты оказалось немало. Так, вместо «кто коли его оузрит» было напечатано «кто на него узритъ»; вместо «досмотрили есмо» – «досмотрили»; вместо «розделили имъ поле голое» – «развели того»; вместо «половина пола голого» – в одном случае «половина поля тянетъ», в другом «половина поля того»; вместо «от Свидригаиловы земле» – «отъ Свидригайловы земли»; вместо «повѣрнули в Свидригаилови» – «поворнули Свидригайлови»; вместо «а Андрею не оуступати» – «а Андрею не окупати». В коррaborации было напечатано «нашу грамоту» – верно

¹¹ В 1938 г. на основе собрания печатных книг Чертковской библиотеки была организована Государственная публичная историческая библиотека, а «в 1945 г. рукописи писателей XVIII–XIX вв. были переданы в Государственный Литературный музей г. Москвы» [Фролова 2007: 357].

по смыслу, но без всяких пояснений, тогда как в «подлиннике» отчетливо читается «на грамату». Загадочное «оукронича» было дважды напечатано слитно и с сохранением написания «оу», как в «подлиннике», хотя в первом случае достаточно ясно читается «оу Кролича». Таким образом, в публикации была утрачена важная характеристика поля, ставшего предметом спора, — эпитет «голое». Значительная часть этих неточностей была исправлена в публикации П. А. Муханова, но и в ней сохранилась некоторая модернизация правописания. В этом издании поле последовательно именуется «новым», а загадочный топоним оба раза передан вариантом «оу Кролича».

При работе с грамотой были выявлены многочисленные несообразности, нехарактерные для подлинного документа. Во-первых, это дата, странность которой уже была отмечена исследователями, — 6968 г., причем буква «ং», обозначающая десятки (60), явно исправлена из «Ч» (90), т. е. первоначально был проставлен 6998 г. Эти даты соответствуют 1460 и 1490 гг., хотя Витовт умер в 1430 г. и ни в один из этих годов великий четверг не приходился на 3 апреля. Во-вторых, формы личных имён, нехарактерные для источников XV в. Несколько раз написано «Свидригаило» вместо обычного для документов и летописей того времени «Швиртигаило», и ни разу не упомянут его княжеский титул; «князь Андреи Васило» не назван «бискупом», что странно вдвойне, если речь идет о виленском католическом епископе: такое прозвание известно лишь позднейшим источникам, и вполне вероятно, что оно возникло под пером Яна Длугоша [Ochmański 1961: 30–31; Antoniewicz 2001: 57 i przyp. 59]¹². В-третьих, бросается в глаза неумелое написание букв («а» и «а») и слов («на» вместо «нашу»), что можно было бы отнести к индивидуальным особенностям писца¹³, если бы не нетипичный внешний вид пергамена, на котором написана грамота. Если неровности краев листа еще можно было бы объяснить дефектами в процессе его выработки и бытования, то совсем уж необычно наличие двух больших и двух маленьких отверстий посередине его нижней части. К подлинным грамотам Витовта печать привешивалась либо на пергаменной полоске, пропускавшейся сквозь горизонтальные прорези (по одной в основной части листа и загибе нижнего края), либо на шнурке из шелковых нитей, пропускавшихся сквозь отверстия — по два или по три в основной части листа и загибе. Ни латинской надписи, упомянутой П. А. Мухановым, никаких-либо ее следов на обороте грамоты не оказалось. Зато обращают

¹² О виленском епископе, францисканце Андрее Ястшембце см.: [Ališauskas, Jaszczolt, Jovaša, Paknys 2009: 46–47, № 174; Kowalski 2015].

¹³ В записке, приложенной к грамоте, утверждается, что «текст обведен позднее»;ср.: [Бакст 1967: 277]. Однако обращение к «подлиннику» этого не подтверждает.

на себя внимание следы нескольких горизонтальных сгибов при полном отсутствии сгибов вертикальных. В архивах ВКЛ грамоты, как правило, хранились сложенными в виде конвертов: такой конверт предохранял сторону с текстом от загрязнения, вложенную в него печать — от повреждения, а поверх него надписывалось краткое содержание документа (если развернуть его, то эта запись оказывалась посередине оборотной стороны листа). Наконец, явственны многочисленные совпадения формуляра «Свидригайловой» и «Вигайловой» грамот Витовта, если не сказать больше — вторичность «Свидригайловой» грамоты по отношению к «Вигайловой».

Обнаружение «подлинника» грамоты по делу между Андреем Вasio и Свидригайлом позволило провести ее всестороннее сравнение с «Вигайловой» грамотой, то есть сравнить не только формуляр, но и особенности письма и расположение текста на листе. Факсимиле «Вигайловой» грамоты несколько раз публиковалось в изданиях XIX — начала XX в.¹⁴, автору же этих строк удалось получить цифровую копию подлинника и поработать с ним в Библиотеке Польской академии наук и искусств в Кракове. Здесь необходимо сделать небольшое, но важное отступление о датировке грамоты. Ее обычно относят к 1414 или 1425 г. В основе этого лежит убеждение, что грамота выдана в великую субботу 7 апреля: в правление Витовта Пасха праздновалась 8 апреля в 1414 и 1425 гг. Но на самом деле в подлиннике указано: «А дан оу Троцѣхъ, оу великую суботу априла оу 6 д(е)нь». Все дело в том, что буква «S», обозначающая 6, написана в зеркальном отражении («Г») и потому напоминала ученым то «З» (7), то «Г» (3) в современном рукописном написании¹⁵. Такие примеры в палеографии кириллических грамот ВКЛ известны (см., напр., документы 1458, 1471, и 1488 гг.: [Для лепшое твердости 2018: № 3; ПГ 1: № 200; ОР РГБ, ф. 191. Ед. хр. 102]). 7 апреля Пасха праздновалась в 1398, 1409 и 1420 гг. К сожалению, выбрать один из этих годов не позволяет ни итinerарий Витовта (все они не противоречат ему)¹⁶, ни палеография (другие грамоты, написанные этой рукой, неизвестны). Определенные данные можно извлечь из дорсальной пометы: она, разумеется, младше самой грамоты, — но, как показывает анализ ее письма, ненамного. Согласно консультации Руты Чапайте, эта помета выполнена готическим курсивом полукурсивного дукта, пощательному характеру исполнения близким к рисованному. Для 1398 г.

¹⁴ См. перечень публикаций в легенде грамоты в приложении.

¹⁵ З. Войтковяк в уже упомянутой рецензии отнес эту грамоту к 1423 или 1428 г., полагая, что речь идет о букве «Г» [Wojtkowiak 1978: 216].

¹⁶ Опираюсь на уточненный мною итinerарий Витовта, который готовится к печати в издании «Rocznik Lituanistyczny».

такой курсив был бы обычным, объединяющим как новые для того времени, так и более старые черты (среди последних — написание букв *u* (*v*) и *w*, характерное для XIV в.); для 1409 г. его можно было бы назвать старомодным, а для 1420 г. — архаичным (написание буквы *h*). Все сказанное заставляет предпочесть, пусть и с известной долей условности, один из ранних вариантов датировки «Вигайловой» грамоты — 1398 или 1409 г.

Обращение к «подлиннику» «Свидригайловой» грамоты развеяло сомнения: оказалось, что «грамота Витовта», опубликованная А. Д. Чертковым и хранящаяся ныне в ОПИ ГИМ, — несомненный фальсификат, автор которого стремился выдать его за подлинник, иными словами, псевдоподлинник. Фальсификатор попытался воспроизвести текст подлинной «Вигайловой» грамоты Витовта максимально точно, старательно пересыпывая буквы и слова. Подражание видно и в формуляре (он воспроизведен почти дословно), и в начертаниях букв и других знаков (точки до и после букв, обозначающих числа, и даже росчерк под словом «день»), и в выборе выносных букв (хотя здесь фальсификатор был менее последователен), и в расположении слов на строке, которое нарушается лишь начиная с середины третьей строки «Свидригайловой» грамоты из-за появления в ней двух длинных имен. При этом фальсификатор вносил некоторые изменения. Он перерисовал первые две с половиной строки, до слова «князь» включительно. Свидригайло появился в грамоте не только (или не столько) из-за особой популярности или спроса коллекционеров¹⁷, а по более прозаической причине: его имя легко было написать, лишь немного видоизменив имя «Вигайло», он был современником Витовта, притом достаточно известным. «Князь Андрей Васило» появился, вероятно, в результате обращения фальсификатора к сведениям о виленских епископах — так первый из них именовался в нарративных источниках начиная с труда Яна Длугоша. «Голое болото» превратилось в «поле голое». Творчески изменяя текст грамоты, фальсификатор допустил несколько выдающихся его ошибок: увидев слова «повернули Викъ|кгайлово», он написал «повернули в» и продолжил «Свидригайлови», хотя предлог «в» здесь не требовался; глагол «ловити» он дважды заменил на «володети», оставив управление «на своей половине» или «оу своей половине». С этим в тексте подлинной грамоты было логически связано упоминание «ловищ», то есть охотничий угодий; фальсификатор не нашел ничего лучше, как написать «оу

¹⁷ Книга Августа фон Коцебу «Свидригайло, великий князь литовский» вышла в русском переводе в 1835 г. Неизвестно, располагал ли ею фальсификатор или еще нет. Как бы то ни было, примечательно, что в этой книге принято немного иное написание имени князя, чем в грамоте. В современных этому князю кириллических текстах его имя писалось, как правило, в форме «Швиркгайлло».

Кролича» или «оу Кронича» (в обоих случаях — в одинаковой падежной форме¹⁸). При этом он потерял энклитику «ся», дважды написанную в препозиции, так что в обоих случаях остался лишь глагол «не уступати». Притяжательное местоимение «нашю» фальсификатор написал не полностью, в результате получилось «на». Наконец, в дате грамоты была опущена топологическая часть («оу Троцѣхъ»), великая суббота заменена на «великий чѣтвертокъ» (!), буква «S», обозначающая 6 и написанная в зеркальном отражении (как «Г»), интерпретирована как «Г» (3), а «для надежности» добавлен год. По-видимому, появление выносной буквы *m* с двумя ножками вместо трех в слове «оузрит» объясняется тем, что в подлинной «Вигайловой» грамоте левая ножка приходится на складку пергаменного листа. Явно подражательно написан предлог «от» в словосочетании «от Свидригайлова земле» (фальсификатор не смог точно воспроизвести это сочетание букв)¹⁹. Вероятно, чтобы придать грамоте налет древности, фальсификатор изменил написание некоторых слов, отдаляя их от норм правописания первой половины XIX в.: он написал «розделили» вместо «роздѣлили», «земле» вместо «землъ», «повѣрнули» вместо «поворнули», «половине» вместо «половинъ» и «грамату» вместо «грамоту», а также употребил нарочито неправильную форму «чѣтвертокъ» вместо «четвертокъ». Хотя фальсификатор постарался воспроизвести точки — в подлинной грамоте это пограничные сигналы между смысловыми частями текста, — он, введя более ясное деление на слова при помощи пробелов, в какой-то мере облегчил свою задачу.

Такие внешние признаки грамоты, как расположение полей и отверстий для прикрепления печати, выдают довольно слабое представление фальсификатора о подлинных грамотах Великого княжества Литовского

¹⁸ Учитывая некоторые познания фальсификатора в истории ВКЛ, нельзя исключать, что на такую мысль его навело название местечка Кроне (по-польски Kronie) близ Трок, ныне — местечко Круонис (Kruonis) в Кайшидорском районе Каунасского уезда Литовской республики [Географическо-статистический словарь 1865: 798; Słownik geograficzny 1883: 695]. Принимаю приведенное деление на слова с учетом этого обстоятельства, но в первую очередь — того, что по отношению к нему первично чтение подлинной грамоты «оу ловиша». В «Словаре древнерусского языка XI–XIV вв.» предложено иное деление на слова: «а Свидригайлова оукронича не уступати и володѣти у своей половинѣ оукронича» [СДРЯ 1: 468]. Но даже если считать, что форма «Оукронича» фальсификатор задумывал как родительный падеж ойконима, то его выдает употребление глагола «уступати» как удвоительного, который в этом значении достаточно поздно пришел на смену глаголам «съступитися», «отъступитися» и «поступитися» (благодарю за консультацию В. Б. Крысько; см. также: [Крысько 2006: 243–249]).

¹⁹ Для удобства сопоставления тексты обеих грамот — подлинной («Вигайловой») и фальсифицированной — публикуются в приложении. Это представляется тем более оправданным, что публикации обеих грамот соответственно по подлиннику и псевдоподлиннику были подготовлены еще в первой половине XIX в., а в последних (польских) публикациях их тексты и вовсе набраны в транслитерации латиницей — все это не соответствует современным научным требованиям.

конца XIV — начала XV в.²⁰ Стало быть, «источником вдохновения» для него послужил не подлинник грамоты Витовта, ныне хранящийся в Кракове, а его факсимile в одной из названных журнальных публикаций 20-х гг. XIX в. (в какой именно — установить не удалось, но в данном случае это и не столь важно).

Таким же образом возникла еще одна «грамота Витовта», посвященная делу между смоленскими мещанами и «бискупом» о Голом болоте. Она известна лишь по копии XIX в. [НИА СПБИИ РАН, ф. 276, оп. 1. Ед. хр. 57. № 1, л. 2], недавно дважды публиковалась [Хорошкевич 1998а: 52–53 (репродукция на с. 53); Хорошкевич 1998б: 225] и почти слово в слово повторяет «Вигайлову» грамоту. Однако Голое болото последней, согласно ранней дорсальной помете, о которой уже говорилось выше, находилось близ двора Шешолей (ныне — местечко Шяшуоляй в Укмергском районе Литвы), что делает претензии смоленских мещан неуместными. Манерой письма, начертанием букв и формуляром «смоленская» грамота повторяет «Вигайлову», а целенаправленные изменения отдельных слов несомненно указывают на фальсификацию; при этом выполнена она менее тщательно, чем «Свидригайлова»: автор не столь старательно воспроизводил буквы, пропустил слова «чтучи. Досмотрели есмо того». Отдельно стоит остановиться на печати, воспроизведение которой, казалось бы, свидетельствует о наличии у фальсификатора одного или нескольких подлинных документов Витовта. Всадник на ней скакет вправо²¹, однако такие печати Витовта известны за периоды 1386–1392 и 1397–1411 гг. [Rimša 2016]. При ближайшем рассмотрении оказывается, что печать, нарисованная под «смоленской» грамотой, воспроизводит печать Витовта 1420–1430 гг., привешенную к последним завещаниям Василия I, по литографии в его публикации в «Собрании государственных грамот и договоров», но в зеркальном отражении [СГГиД 1813: 82, 85]. Воспроизведен даже нетипичный для документов Витовта способ крепления печати — «куриная лапа» [Полехов 2016: 196–197], хотя на прорисовке другой грамоты из той же серии (о порядке взвешивания товаров в Смоленске) и приписано, что печать привешена на пергаменной полоске²². Скорее всего, автор «смоленской» грамоты решил ограничиться лишь ее прорисовкой: ведь иначе ему пришлось бы предъявить «подлинник» с печатью, подделать которую было гораздо сложнее.

²⁰ Впрочем, не исключено, что какие-то познания в палеографии и дипломатике старинных документов он все же имел, судя по наличию после конца текста фальсифицированной «Свидригайловой» грамоты таких знаков, которых нет в подлинной — «Вигайловой».

²¹ Стороны указаны по канонам геральдики.

²² НИА СПБИИ РАН, ф. 276, оп. 1, ед. хр. 57, № 1, л. 3. Публ.: [Хорошкевич 1998а: 53–54 (репродукция на с. 54); Хорошкевич 1998б: 225].

Принадлежит ли «смоленская» грамота тому же фальсификатору (или тем же фальсификаторам)²³, что и «Свидригайлова»? Думается, что да. Во-первых, оба фальсификата срисованы с репродукции одной и той же подлинной грамоты. Во-вторых, их авторы имели представление о ВКЛ: к Витовту они сумели добавить Свидригайла, епископа Андрея Васило, Смоленскую землю как один из регионов этого государства. Все эти сведения можно было почерпнуть из труда Яна Длугоша или восходящих к нему произведений Мацея Стрыйковского и Альберта Виюка-Кояловича, которые, естественно, были лучше всего известны в западных землях Российской империи. О связи предполагаемого фальсификатора (или фальсификаторов) с этими землями, а точнее с Польшей, свидетельствует именование жителей Смоленска в другой грамоте той же серии полонизмом «смоленщик» вместо характерного для древнерусских источников «смольняне» [Linde 1859: 353].

Рассмотренная здесь «Свидригайлова» грамота не уникальна с точки зрения фальсификации исторических источников. Совершенно аналогичный случай является новгородская проезжая грамота якобы 1269 г.²⁴ Как установил С. Н. Валк, она точно так же срисована с литографии подлинной грамоты Любеку, опубликованной в «Вестнике Европы» в 1811 г., причем фальсификатор довольно неумело воспроизвел часть текста, а в конце добавил дату, чтобы придать видимость древности. На этой грамоте имеются точно такие же синие пятна, как и на «Свидригайловой». Обычно они оставались от обработки пергамена соединением, содержащим соли меди (купоросом?). По предположению С. Н. Валка, они остались от действий И. Д. Беляева, который обработал грамоту реактивом для проверки ее древности. Однако не исключено, что эти пятна на обеих грамотах — результат действий фальсификатора, который таким способом хотел усилить впечатление «древности», поскольку и обработанные, и необработанные места читаются одинаково хорошо²⁵.

Установление фальсифицированности «Свидригайловой» грамоты Витовта позволяет вернуться к вопросу о хронологии событий 1393 г. и передвижений этого правителя. Пытаясь реконструировать его итинерарий, учёные проверяют сведения нарративных источников («Летописца великих князей литовских» и Старшей хроники великих магистров) данными документов. Выясняется, что, вопреки мнению Ежи Пурца [Purc 1971:

²³ На мысль о том, что в изготовлении «смоленской» грамоты Витовта участвовал не один человек, наводит разница между блестяще перерисованной печатью этого князя и текстом, воспроизведенным очень неумело.

²⁴ ОР РНБ, собр. ОЛДП (ф. 536). О. 170. Публикация и исследование: [ГВНП 1949: № 31; Валк 1945].

²⁵ Это весьма правдоподобное предположение высказал А. А. Турилов в письме к автору этих строк.

82], у нас нет надежных свидетельств о пребывании Витовта в Троках 3 апреля этого года. Не подтверждается и его пребывание в Полоцке 5 мая²⁶, а пребывание во Влоцлавке 6 мая можно поставить под сомнение²⁷. Достоверные сведения о местонахождении Витовта появляются лишь в середине августа, когда он и Скиргайло встречались с руководством Ордена на р. Дубисе для освобождения пленных [SRP 3: 625]. Таким образом, он мог быть занят действиями против Свидригайла между 6 февраля, когда еще был в Новгородке [Vitoldiana 1986: № 10], и августом; к тому же известно, что в это время сдавшийся и закованный Свидригайло был уже в Krakow [Rachunki 1896: 161, 275; Rachunki 1993: 2, 3]. Я. Никодем выделяет в литературе «раннюю» и «позднюю» датировку бунта Свидригайла и действий Витовта, а сам склоняется ко второму варианту. По его мнению, выступление Свидригайла было вызвано поражением Корибута [Nikodem 2009: 14–15]. Такой вариант развития событий возможен, но с определенными оговорками. Согласно «Летописцу великих князей литовских», Скиргайло отправился в поход против Свидригайла вместе с Витовтом. Между тем в конце апреля — мае Скиргайло был в Минске, где принимал поручительство рижан за их сограждан, задержанных в Полоцке [Halecki 1919: 166; Лицкевич 2010: 12–15; ПГ 1: прил. 3]. В принципе, учитывая давнюю неприязнь двух князей друг к другу, можно допустить, что Скиргайло оставил Витовта во время похода (да еще во время весенней распутицы, осложнившей боевые действия); этим можно было бы объяснить посредничество королевы Ядвиги в их примирении осенью [CESXV 2: Dod. 1]. Но это означало бы засвидетельствовать свою нелояльность по отношению к королю (или, во всяком случае, дать Витовту разыграть эту карту), и нет уверенности в том, что Скиргайло отважился бы на такой шаг; к тому же, как уже говорилось, Скиргайло действовал заодно с Витовтом в середине августа. Другая возможность состоит в том, что к 27 апреля Витебск уже был взят, и Скиргайло спокойно мог отправиться в Минск улаживать купеческие дела. Но тогда велика вероятность того, что и поход против Свидригайла начался ранее. Это тем более вероятно, что стремление младшего Ольгердовича воспользоваться моментом борьбы Витовта с Корибутом выглядело бы логичнее, чем ожидание разгрома Корибута, который позволил бы Витовту бросить максимум сил против Свидригайла.

²⁶ Грамота Витовта Василию Карабевскому, иногда датируемая 5 мая 1393 г. [CEV 1882: № 105], является фальсификатом XVI в. (подробнее см.: [Kurtyka 2011: № 105], здесь же указана литература).

²⁷ Под 6 мая 1393 г. — “super festo Johannis” (ante portam Latinam) торнский аниалист отмечает прибытие Витовта во Влоцлавек вместе с Ягайлом и его родными братьями для участия в съезде с руководством Тевтонского ордена, который так и не состоялся [SRP 3: 186–187]. Однако в нотариальном инструменте от 17 мая 1393 г. говорится о предполагавшемся участии лишь Ягайла и Скиргайла [CDP 5: № 50; Szweda 2009: 363–364].

Установление фальсифицированности двух грамот Витовта важно не только тем, что оно исключает их из числа аутентичных источников по истории ВКЛ конца XIV – первой трети XV в. Необходимо напомнить, что в первой половине XIX в., когда были сфабрикованы обе грамоты, история ВКЛ была еще довольно экзотическим предметом для российской ученой общественности, хотя постепенно и на русском языке появлялись труды об этом государстве. Такой ситуацией и воспользовались фальсификаторы, чтобы подогреть внимание коллекционеров: уже существовал некий интерес к ВКЛ и общие представления о нем, судя по введению в текст его реалий, пусть и на зачаточном уровне (Витовт, Свидригайло, Андрей Васило, Смоленск как часть ВКЛ при Витовте).

Когда и каким образом поддельная грамота Витовта попала в собрание А. Д. Черткова, остается неизвестным. Никаких сведений на этот счет в его бумагах выявить не удалось²⁸. Соответственно, неизвестно, когда она была изготовлена, кто мог быть к этому причастен и почему «источником вдохновения» фальсификатора послужила грамота Витовта (впрочем, это относится и к «смоленской» грамоте). Можно лишь осторожно предположить, что грамота была приобретена Чертковым незадолго до публикации: на это может косвенно указывать отсутствие каких бы то ни было исторических комментариев в публикации. Известно, что в научной деятельности Черткова занимали совсем другие области знания – нумизматика [Фролова 2018], археология, история Италии и Балкан. Стоит также отметить, что грамота была опубликована в непростое для Общества истории и древностей российских и его изданий время. В 1848 г. по распоряжению министра народного просвещения С. С. Уварова, посетившего Москву, было основано печатание «Чтений ОИДР» с записками Дж. Флетчера о путешествии в Россию, которые публиковались без предварительной цензуры, но содержали весьма нелестные отзывы о стране, ее религии и правительствах. Председатель ОИДР С. Г. Строганов ушел в отставку, и на этот пост в конце 1848 г. был избран А. Д. Чертков. Он стремился поддержать новое периодическое издание, «Временник ОИДР», публикациями материалов из своего архива. Во «Временнике» печатались главным образом историко-юридические материалы, которые трудно было сделать объектом нападок цензуры [Фролова 2007: 322–329]. Так подложная грамота великого князя литовского, неумело сфабрикованная незадолго до этого, сослужила небольшую, но важную службу российской исторической науке.

---

²⁸ Были просмотрены следующие материалы: ОПИ ГИМ, ф. 445, оп. 1. Ед. хр. 305, 306, 307, 318, 363.

Приложение

Две грамоты Витовта — подлинная и фальсифицированная — публикуются в основном согласно правилам, разработанным для публикации кириллических документов Великого княжества Литовского, в том числе сохранившихся в подлинниках [Груша 2003], с незначительными отступлениями от них. Выносные буквы обозначаются курсивом, увеличенные инициалы выделяются полужирным шрифтом, сокращения раскрываются в круглых скобках, конец строки обозначается вертикальной чертой. Текст делится на слова, предложения и абзацы в соответствии со смыслом и формулляром. Буквенные обозначения чисел сохраняются. Точки, выполняющие функции сигнальных знаков между словами и фразами, до и после буквенных обозначений чисел, не отмечаются. В легенде приводится внешнее описание грамоты: указываются ее размеры (по часовой стрелке, начиная с верхнего края), описываются пометки, отмечаются списки, публикации, репродукции, переводы на другие языки и упоминания в справочной литературе.

1

[1398 или 1409 или (менее вероятно) 1420 г.] апреля 6. Троки. — Судная грамота великого князя литовского Витовта по делу между Вигайлом и епископом виленским об охотничьих угодьях на Голом болоте

ВРАУ. Rkps 2017. K. 20. Пергамен, 20,7×14,3×19,9×15,3 + загиб 5–5,1–4,7. Подлинник — А.

Загиб отогнут, грамота вклеена между листом бумаги и нахзацем; ширина листа приведена с учетом того, что ширина вклейки составляет около 1 см. Посередине в основной части листа и загибе по две горизонтальных прорези, еще одна — на линии загиба (для пергаменной полоски, на которой была привешена печать). Загиб искалого тонким острым предметом (иглой?). Текст написан черными чернилами. В левом верхнем углу: № 16. На верхнем поле правее середины: 20 (фолиация, простым карандашом). В левой части вдоль нижнего края: DB. 1826. Maja 13. Nr 18. На обороте посередине листа готическим курсивом, характерным для конца XIV — начала XV в.: Privilegium episcopi Wilnensis super | venacionibus ferarum ante | Scheschuli. В продолжение этой записи и далее: Ex quadam | controversia cum nobili | dicto Wigai[lo]. | № XXXII. | [...] ad bona episcopalicia spectans. В левой части сверху вниз: № 6. В правой части снизу вверх: [...] | [...] Hołoie Bołoto z ziemią | [...]. Вдоль правого края сверху вниз: № 16.

Публ.: Головацкий 1867, с. 18; KDKW 1, № 93, с. 121–122; Vitoldiana 1986, № 17, с. 23–24.

Репрод.: Żukowski 1822, с. 399–400, вклейки между стр. 404 и 405 (построчная транскрипция и литографическое воспроизведение текста в натуральную величину); Снимок 1827, вклейка; Соболевский, Пташицкий 1903, № 18; Соболевский 1908, табл. 7; Stang 1935, Taf. I.

Упом.: а) Jabłoński, Preissner 1962, sygn. 2017, с. 132–133; б) Dziwik 1970, № 499, с. 1–2.

**Мы, великий князь Витовтъ, чиним знаемо симъ нашим листом, |
кто коли его оуздит или оуслышит чтучи.**

Досмотрели есмо | того: жаловалъ князь(ъ) бискупъ на Викгаила,
а Викгаило | жаловал на бискупа о ловища. И мы тог(о) досмотрели
и ро|здѣлили есмо имъ Голое болото наполы: што отъ биску|пова села
половина Голого болота, то повернули | есмо къ бискупову селу, а што
от Викгаиловы землѣ | половина Голого болота, то есмо повернули
Викъ|гайлова. Бискупъ имаетъ ловити на своеи поло|винѣ, а Викгаилови
са оу тая ловища не оусту|пати. А Викгаилу ловити оу своеи половинѣ |
оу ловищехъ, а бискупу са оу то не оуступати. |

А на то на все дали есмо бискупу свою нашю | грамоту и печать свою
приложили.

А дан(а) | оу Троцъхъ, оу великую суботу априла оу ·· д(е)нь²⁹.

2

[1822–1849 гг.]. — Фальсификат судной грамоты великого князя литовского
Витовта по делу между Андреем Василю и Свидригайлом о Голом поле
(с датой 1460 или 1490 г. апреля 3)

ОПИ ГИМ, ф. 445 (Чертковы). Ед. хр. 234, л. 1. Пергамен, 18,5×14×17,6×12,9.
Псевдоподлинник (фальсификат, между 1822 и 1849 гг.) — А.

Нижний край неровный (в левой половине погрызен мышами?). Вдоль верхнего
края, на расстоянии 1–3 мм от него, три прокола, вдоль которых по всей ширине листа
проходит ровная вдавленная линия толщиной 1 мм. Четыре таких же прокола имеются
у нижнего края: один в левом углу, один в выступающей вниз неровной части, один ме-
жду двумя вертикальными прорезями посередине. На листе следы четырех горизон-
тальных сгибов на расстоянии 3,5 см и 7,2–7,3 см от верхнего края, 2,6–3,3 см и 1 см от
нижнего края. Большину часть листа занимают бледно-голубые или серые пятна, текст
на этих участках темно-лиловый, фиолетовый; края листа и участок в правом нижнем
углу текста сохранили светло-желтый цвет, здесь чернила светло-коричневые. Почти
весь оборот покрыт иссерна-голубыми пятнами, светло-желтые участки сохраняются
по краям. У левого края надрез, идущий снизу вверх наискось всего поля от верха 12-й
строки (9,3 см от верхнего края) до низа 9-й строки (7,5 см от верхнего края).

В правом верхнем углу черной краской напечатан номер листа 1.

Списки: а) СПбФ АРАН, ф. 216, оп. 1. Ед. хр. 39, л. 141–141 об. Список И. И.
Срезневского в «Книге древних записей, грамот и грамоток, записок и т. п.» (по а).

Публ.: а) Грамота 1849, с. 5–6 (по А); б) Муханов 1866, № 344, с. 616 (по А);
в) Грамоти 1974, № 30, с. 61 (по а); г) Vitoldiana 1986, № 11, с. 17 (по а).

Переводы на польский яз.: а) SD 1, № 577, с. 279; б) Ochmański 1961,
с. 29–30.

²⁹ Подъ две вертикальные черты, напоминающие букву у; ниже горизонтальная
черта, перечеркнутая зигзагообразной линией.

Мы, великии кназ(ъ) Витовтъ, чиним знаемо симъ нашим листом, |
кто коли его оуздрит³⁰ или оуслышит чтучи.

Досмотрели есмо | того: жаловалъ кназ(ъ) Андреи Васило на Свидригайла, а Свидрига|ила жаловалъ на Андреа³¹. И мы того досмотрели есмо и разделили | имъ поле голое наполы: што отъ Андреева села половина пола | голого, то есмо повернули къ Андрееву селу, а што от³² Свидригайлово земле половина пола голого, то есмо повѣрнули в Свидригайлово. Андреи имаетъ володети на своеи половине, а Свидригайлово | оу Кролича не оуступати и володети оу своеи половине оу Кронича³³, | а Андрею не оуступати.

А на то на все дали есмо Андрею сюю на³⁴ | грамату и печать свою приложили.

А дана оу великии чѣтвертокъ | апреля оу Г день³⁵, ,³⁶ году³⁷.

³⁰ Выносная т написана как две вертикальные черты под титлом, как и в аналогичном месте грамоты Витовта о разделе Голого болота между смоленскими мещанами и «бискупом».

³¹ Последняя буква написана как одна из разновидностей буквы а, встречающихся в тексте, — палочка сверху выступает за линию строки, левая часть со скруглением.

³² Левый элемент выносной т представляет собой полукруг, спускающийся к верху строчной буквы о.

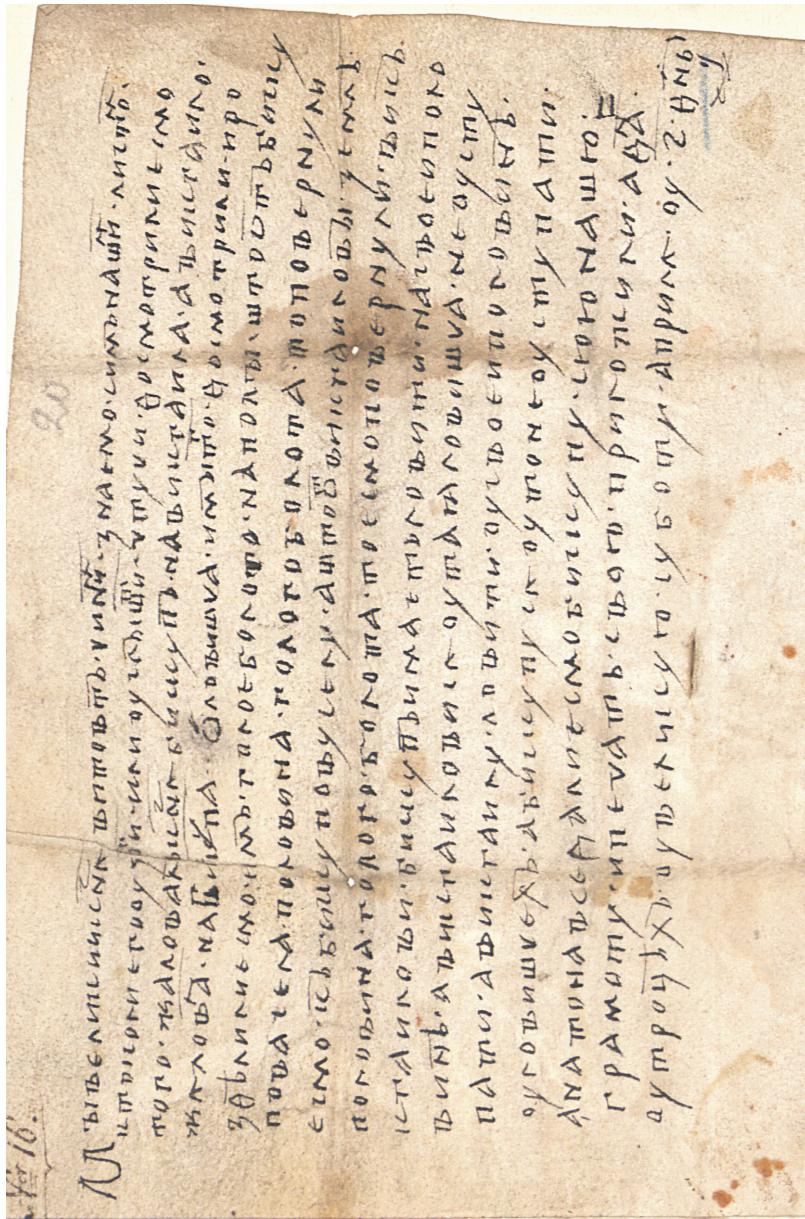
³³ Буква к, возможно, исправлена из другой буквы (при увеличении слабо видна левая часть полукруга) и не дописана (имеется ножка с верхним элементом, прикасающимся к ней, тогда как обычно в этой грамоте к пишется в виде двух параллельных слегка изогнутых линий). Буква о исправлена из другой буквы.

³⁴ Так в рукописи.

³⁵ Написано под титлом в виде прямой горизонтальной линии, перечеркнутой в середине небольшой вертикальной; в правой части она закруглением спускается почти до нижней линии строки. Под буквой т две небольшие линии, образующие знак наподобие буквы у (как в подлинной грамоте Витовта).

³⁶ З написана как строчная Ч в виде галочки, а нижняя часть буквы написана под нижней линией строки; возможно, сначала было написано ,³⁷ЧИ (6998), и лишь потом к Ч (90) был пририсован нижний элемент, чтобы получилось З (60).

³⁷ Далее три точки: две вдоль горизонтальной линии по нижнему краю строки, одна над правой точкой; после этого горизонтальная линия.

[1398 или 1409 или (менее вероятно) 1420 г.] апреля б. Прокси. — Судная грамота великого князя литовского Витовта по делу между Вигайлом и епископом виленским об охотничьих угодьях на Голом болоте.

BPAU. Rkps 2017. K. 20.

[1822–1849 гг.]. — Фальсификат судной грамоты великого князя литовского Витовта по делу между Андреем Василю и Свидригailом о Голом поле (с датой 1460 или 1490 г. апреля 3).
ОПИ ГИМ, ф. 445 (Чертковы), Ед. хр. 234, л. 1.

УДА ВЕЛИКИІ НІЧІ СІДАТЬ ПІД ПОДІЛІВІМ. ЗНОСМО-СІВ ВІДІЙ НІСІДІЙ ПІД ПОДІЛІВІМ ЕГО ЩО ІДІ ІДІ ОДІЛІВІМ
АДІЛІВІДІН НІСІДІН СІДІВІМ РІДІЛІВІМ ОРІЛІВІМ НІДІ ВІСІУДІА ЕФІЛІВІДІА НА МІСІВІ
БІЛОДІВІДІ. АДІЛІ ТІСІ. АДІЛІВІДІН НІРІЗДІВІДІН СІМІ. РІДІЛІСІДІ НІДІОДІ. ШІРО СІДІ БІЧІУДІА СЕДІ-ГІДІДІ
НА ГІДІУДІ. ПО ПОДІРІДІН СІМО ГІДІ БІЧІСІУДІДІ СІУДІ. ШІРО СІДІ МІЧІДІДІ СІДІДІ СІДІДІДІ
ПІСІ СІМІ ПІДІРІДІН МІЧІДІДІ. БІЧІУДІДІ СІДІДІДІ СІДІДІДІ СІДІДІДІ СІДІДІДІ СІДІДІДІ
ОДІДІУДІДІ СІДІДІ. МІЧІДІ СІДІ СІДІДІДІ СІДІДІДІ СІДІДІДІ СІДІДІДІ СІДІДІДІ СІДІДІДІ СІДІДІДІ

и вправив Губернаторъ на Самарскій губернії Король, оъ коронѣ Баварскаго
Королю нашему.

Chimie et Physique n° 10. A. Comptes rendus
Chimie et Physique n° 10. A. Comptes rendus

Slověne 2018 №2

Сокращения

ВКЛ – Великое княжество Литовское

ОЛДП – Общество любителей древней письменности

Сокращенные названия библиотек и древлехранилищ

НИА СПБИИ РАН – Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук, С.-Петербург

ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музея, Москва

ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, Москва

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, С.-Петербург

СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук, С.-Петербург

BPAU – Biblioteka Naukowa Polskiej Akademii Umiejętności i Polskiej Akademii Nauk w Krakowie

Библиография

Источники

ГВНП 1949

Валк С. Н., ред., *Грамоты Великого Новгорода и Пскова*, Москва, Ленинград, 1949.

Головацкий 1867

Головацкий Я. Ф., *Памятники дипломатического и судебно-делового языка русского в древнем Галицко-Володимирском княжестве и в смежных русских областях в XIV и XV столетиях*, Львов, 1867.

Грамота 1849

«Грамота великого князя Витовта 1390 года», in: *Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских*, 3, Москва, 1849, Смесь, 5–6.

Грамоти 1974

Пешак М. М., підг., *Грамоти XIV ст.*, Київ, 1974.

Для лепшоє твердости 2018

Глінські Я. С., Жлутка А. А., Лісейчыкаў Д. В., укл., «Для лепшоє твердости...»
Пергаментныя дакументы перыяду Вялікага княства Літоўскага з фондаў Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі (1391–1566 гг.), Мінск, 2018.

Муханов 1866

Сборник Муханова, [изд. 2-е], С.-Петербург, 1866.

ПГ 1–2

Хорошкевич А. Л., отв. ред., *Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в.*, 1–2, Москва, 2015.

СГГиД 1813

Собрание государственных грамот и договоров, 1, Москва, 1813.

Снимок 1827

К., «Снимок с грамоты великого князя литовского Витовта Кестутьевича, данной бискупу Виленскому», in: *Вестник Европы*, 1827, Декабрь, № 23–24, 305–308, вклейка.

Соболевский, Пташицкий 1903

Соболевский А. И., Пташицкий С. Л., *Палеографические снимки с русских грамот, преимущественно XIV в.*, С.-Петербург, 1903.

CDP 5

Voigt J., hrsg., *Codex Diplomaticus Prussicus: Urkunden-Sammlung zur älteren Geschichte Preussens aus dem Königl. Geheimen Archiv zu Königsberg, nebst Regesten*, 1–6, Königsberg, 1836–1861.

CESXV 1–3

Sokołowski A., Szujski J., Lewicki A., eds., *Codex epistolaris saeculi XV*, 1–3 (= Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia, 2, 12, 14), Cracoviae, 1891.

CEV 1882

Prochaska A., ed., *Codex epistolaris Vitoldi magni ducis Lithuaniae, 1376–1430* (= Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia, 6), Cracoviae, 1882.

IA 1888

Lewicki A., coll., *Index actorum saeculi XV ad res publicas Poloniae spectantium* (= Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia, 11), Cracoviae, 1888.

KDKW 1

Fijałek J., Semkowicz W., wyd., *Kodeks dyplomatyczny katedry i diecezji wileńskiej*, 1, Kraków, 1932–1948.

Rachunki 1896

Piekosiński F., wyd., *Rachunki dworu króla Władysława Jagiełły i królowej Jadwigi z lat 1388 do 1420* (= Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia, 15), Kraków, 1896.

Rachunki 1993

Wajs H., wyd., *Rachunki królewskie z lat 1393–1395 i 1412. Rachunki podrzectwa krakowskiego. Rachunki stacji nowosądeckiej*, Warszawa, 1993.

SD 1–2

Daniłowicz I., wyd., *Skarbiec diplomatów papiezkich, cesarskich, królewskich, książęcych*, 1–2, Wilno, 1860–1862.

SRP 1–6

Hirsch Th., Töppen M., Strehlke E., Hubatsch W., hrsg., *Scriptores rerum Prussicarum. Die Geschichtsquellen der preussischen Vorzeit bis zum Untergange der Ordensherrschaft*, 1–6, Leipzig, Frankfurt am Main, 1861–1968.

Vitoldiana 1986

Ochmański J., wyd., *Vitoldiana. Codex privilegiorum Vitoldi magni ducis Lithuaniae, 1386–1430* (= Polska Akademia Nauk. Oddział w Poznaniu. Ser. Historia, 8), Warszawa, Poznań, 1986.

Żukowski 1822

Żukowski S., “Palaeographia Śląska. Dekret W. X. L. Witołda, względem sporów na ów czas zaszłych o łowy między biskupem wileńskim a Wikhaylem, z krótkiem jego opisaniem”, in: *Dziennik Wileński*, 1, nr 3 (Marzec), 1822, 399–400, wklejka.

Словари, справочники, описания рукописных собраний

Бакст 1967

Бакст Е. И., сост., *Путеводитель по фондам личного происхождения отдела письменных источников Государственного Исторического музея*, Москва, 1967.

Географическо-статистический словарь 1865

Географическо-статистический словарь Российской империи, 2, С.-Петербург, 1865.

Груша 2003

Груша А. И., аўт.-склад., *Метадычныя рэкамендацыі па публікацыі рукапісных актавых кірылічных крыніц у Беларусі (XIII–XVIII стст., перыяд Вялікага княства Літоўскага)*, Мінск, 2003.

ГСБМ 1–37

Гістарычны слоўнік беларускай мовы, 1–37, Мінск, 1982–2017.

Пташицкий 1887

Пташицкий С. Л., *Описание книг и актов Литовской метрики*, С.-Петербург, 1887.

СДРЯ 1–11–

Словарь древнерусского языка XI–XIV вв., 1–11–, Москва, 1988–2016–.

Срезневский 1863

Срезневский И. И., *Древние памятники русского письма и языка (Х–XIV веков). Общее повременное обозрение*, С.-Петербург, 1863.

Срезневский 1882

Срезневский И. И., *Древние памятники русского письма и языка (Х–XIV веков) Общее повременное обозрение*, 2-е изд., С.-Петербург, 1882.

Срезневский 1–3

Срезневский И. И., *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*, 1–3, С.-Петербург, 1893–1912.

Черниловская, Шульгина 1986

Черниловская М. М., Шульгина Э. В., сост., *Описание рукописей собрания Черткова*, Новосибирск, 1986.

Dziwik 1970

Dziwik K., *Katalog dokumentów pergaminowych Biblioteki Polskiej Akademii Nauk w Krakowie*, 3: *Dokumenty z lat 1403–1797*, Wrocław, Warszawa, Kraków, 1970.

Jabłoński, Preissner 1962

Jabłoński Z., Preissner A., oprac., *Katalog rękopisów Biblioteki Polskiej Akademii Nauk w Krakowie*, Wrocław, Warszawa, Kraków, 1962.

Linde 1859

Linde S. B., *Słownik języka polskiego*, wyd. 2, poprawne i pomnożone, Lwów, 1859.

Słownik geograficzny 1883

Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich, 4, Warszawa, 1883.

Литература

Барбашев 1885

Барбашев А. И., *Витовт и его политика до Грюнвальденской битвы (1410 г.)*, С.-Петербург, 1885.

Валк 1945

Валк С. Н., «Новгородская проезжая грамота 1269 года», in: *Исторические записки*, 16, Москва, 1945, 198–202.

Груша 2015

Груша А. И., *Документальная письменность Великого Княжества Литовского (конец XIV – первая треть XVI в.)*, Минск, 2015.

Кром 2010

Кром М. М., *Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в.*, изд. 2-е, Москва, 2010.

Крысько 2006

Крысько В. Б., *Исторический синтаксис русского языка: объект и переходность*, изд. 2-е, Москва, 2006.

Кузьмин 2007

Кузьмин А. В., «Опыт комментария к актам Полоцкой земли второй половины XIII – начала XV в. (окончание)», in: *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 2007, 30, 4, 50–68.

Лицкевич 2010

Лицкевич О. В., «Документы по истории Менской земли за 1386–1393 гг.», in: *Minsk i miñchanie: дзесяць стагоддзяў гісторыі (да 510-годдзя атрымання Менскам магдэбурскага*

права): матэрыялы Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, 4–5 верасня 2009 г., Мінск, 8–15.

Полехов 2016

Полехов С. В., «Последние завещания Василия I и печати Витовта», in: *Средневековая Русь*, 12, Москва, 2016, 183–200.

Соболевский 1908

Соболевский А. И., *Славяно-русская палеография*, изд. 2-е, С.-Петербург, 1908.

Фролова 2007

Фролова М. М., *Александр Дмитриевич Чертков (1789–1858)*, Москва, 2007.

Фролова 2018

Фролова М. М., «“Чертковым начался ряд наших учёных нумизматов”. К 160-летию со дня смерти А. Д. Черткова», in: *Средневековая нумизматика Восточной Европы*, 7, Москва, 2018, 362–378.

Хорошкевич 1998a

Хорошкевич А. Л., «Документы начала XV в. о русско-литовских отношениях», in: *Культурные связи России и Польши XI–XX вв.*, Москва, 1998, 39–57.

Хорошкевич 1998b

Хорошкевич А. Л., «Документы начала XV в. о русско-литовских отношениях», in: *Lietuvos metrika. 1991–1996 metų tyrinėjimai. Lithuanian Metrica. Investigations in 1991/1996*, Vilnius, 1998, 203–228.

Antoniewicz 2001

Antoniewicz M., “Pochodzenie episkopatu litewskiego XV–XVI wieku w świetle katalogów biskupów wileńskich”, in: *Studia Žródłoznawcze*, 39, Warszawa, 2001, 47–68.

Ališauskas, Jaszczołt, Jovaiša, Paknys 2009

Ališauskas V., Jaszczołt T., Jovaiša L., Paknys M., *Lietuvos katalikų dvasininkai XIV–XVI a.* (= Bažnyčios istorijos studijos, 2), Vilnius, 2009.

Banionis 1988

Banionis E., “Vitoldiana: Codex privilegiorum Vitoldi Magni ducis Lithuaniae 1386–1430, Warszawa, 1986”, [rev. of], in: *Lietuvos istorijos metraštis. 1987 metai*, Vilnius, 1988, 142–147.

Halecki 1919

Halecki O., “Z Jana Zamoyskiego inwentarza archiwum koronnego. Materyał do dziejów Rusi i Litwy w XV wieku”, in: *Archiwum Komisyi Historycznej*, 12, 1, Kraków, 1919, 146–218.

Klovas 2014

Klovas M., “Privataus dokumento juridinė galia XV – XVI a. pradžioje”, in: *Istorijos šaltinių tyrimai*, 5, Vilnius, 2014, 43–55.

Klovas 2017

Klovas M., *Privačių dokumentų atsiradimas ir raida Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštystėje XIV a. pabaigoje – XVI a. pradžioje (1529 m.)*. Daktaro disertacija. Humanitariniai mokslai, istorija (05 H), Vilnius, 2017.

Kosman 1971

Kosman M., “Dokumenty wielkiego księcia Witolda”, in: *Studia Žródłoznawcze*, 16, Warszawa, Poznań, 1971, 139–169.

Kowalski 2015

Kowalski M. D., “Nieznaný dokument papieski dla Andrzeja, pierwszego biskupa Seretu i Wilna, i powstanie biskupstwa wileńskiego”, in: *Studia Žródłoznawcze*, 53, Warszawa, 2015, 123–134.

Kurtyka 2011

Kurtyka J., “Repertorium podolskie. Dokumenty do 1430 roku”, in: Idem, *Podole w czasach Jagiellońskich*, Kraków, 2011, 297–447.

Nikodem 2009

Nikodem J., "Bunt Świdrygieły w Witebsku", in: *Białoruskie Zeszyty Historyczne*, 32, Białystok, 2009, 5–20.

Ochmański 1961

Ochmański J., "Najdawniejsze przywileje Jagiełły i Witolda dla biskupstwa wileńskiego 1387–1395 r.", in: *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu im. A. Mickiewicza, w Poznaniu. Historia*, 3, 34, Poznań, 1961, 19–36.

Purc 1971

Purc J., "Itinerarium Witolda wielkiego księcia Litwy (17 lutego 1370 roku – 27 października 1430 roku)", in: *Studia z dziejów Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV–XVIII wieku* (= *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu im. A. Mickiewicza, w Poznaniu. Historia*, 74, 11), Poznań, 1971, 71–115.

Rimša 2016

Rimša E., *Lietuvos didžiojo kunigaikštio Vytauto antspaudai ir žemų heraldika*, Vilnius, 2016.

Stang 1935

Stang Ch., *Die westrussische Kanzleisprache des Grossfürstentums Litauen*, Oslo, 1935.

Stankiewicz J.

Stankiewicz J., "Stang, Chr. S.: Die westrussische Kanzleisprache des Grossfürstentums Litauen. Oslo, 1935" [rev. of], in: *Balticoslavica*, 2, Wilno, 1936, 374–398.

Szweda 2009

Szweda A., *Organizacja i technika dyplomacji polskiej w stosunkach z zakonem krzyżackim w Prusach w latach 1386–1454*, Toruń, 2009.

Tęgowski 1997

Tęgowski J., "Sprawa przyłączenia Podola do Korony Polskiej w końcu XIV wieku", in: *Teki Krakowskie*, 5, Kraków, 1997, 155–176.

Wojtkowiak 1978

Wojtkowiak Z., «Грамоти XIV ст. Упорядкування, вступна стаття, коментарі і словники-покажчики М. М. Пещак, Київ 1974, [rev. of]», in: *Studia Žródłoznawcze*, 23, Warszawa, Poznań, 1978, 213–216.

References

- Antoniewicz M., "Pochodzenie episkopatu litewskiego XV–XVI wieku w świetle katalogów biskupów wileńskich", in: *Studia Žródłoznawcze*, 39, Warszawa, 2001, 47–68.
- Ališauskas V., Jaszczołt T., Jovaiša L., Paknys M., *Lietuvos katalikų dvasininkai XIV–XVI a.* (= Bažnyčios istorijos studijos, 2), Vilnius, 2009.
- Frolova M. M., Aleksandr Dmitrievich Chertkov (1789–1858), Moscow, 2007.
- Frolova M. M., "Chertkovym nachalsia riad našikh uchenykh numizmatov". K 160-letiu so dnia smerti A. D. Chertkova", in: *Srednevekovaja numizmatika Vostochnoi Evropy*, 7, Moscow, 2018, 362–378.
- Grusha A. I., *Dokumental'naia pis'mennost' Velikogo Kniazhestva Litovskogo (konets XIV – pervaia tret' XVI v.)*, Minsk, 2015.
- Khoroshkevich A. L., "Dokumenty wielkiego księcia Witolda", in: *Studia Žródłoznawcze*, 16, Warszawa, Poznań, 1971, 139–161.
- Kowalski M. D., "An Unknown Papal Document Issued to Andrzej, First Bishop of Seret and Wilno, and the Foundation of the Wilno Bishopric", in: *Studia Žródłoznawcze*, 53, Warszawa, 2015, 123–134.
- Krom M. M., *Mezh Rus'iu i Litvoi. Pogranichnye zemli v sisteme russko-litovskikh otnoshenii kontsa XV – pervoi treti XVI v.*, 2nd ed., Moscow, 2010.
- Krysko V. B., *Istoricheskii sintaksis russkogo iazyka: ob'ekt i perekhodnost'*, 2nd ed., Moscow, 2006.
- Khoroshkevich A. L., "Early fifteenth-century documents on the relations between Rus' and Lithuania", in: *Lietuvos metrika. 1991–1996 metų tyrinymai. Lithuanian Metrica. Investigations in 1991/1996*, Vilnius, 1998, 203–228.
- Klovės M., "Legal Power of a Private Document in The 15th–Early 16th Century", in: *Istorijos šaltinių tyrimai*, 5, Vilnius, 2014, 43–55.
- Kosman M., "Dokumenty wielkiego księcia Witolda", in: *Studia Žródłoznawcze*, 16, Warszawa, Poznań, 1971, 139–161.
- Kowalski M. D., "An Unknown Papal Document Issued to Andrzej, First Bishop of Seret and Wilno, and the Foundation of the Wilno Bishopric", in: *Studia Žródłoznawcze*, 53, Warszawa, 2015, 123–134.
- Krom M. M., *Mezh Rus'iu i Litvoi. Pogranichnye zemli v sisteme russko-litovskikh otnoshenii kontsa XV – pervoi treti XVI v.*, 2nd ed., Moscow, 2010.
- Krysko V. B., *Istoricheskii sintaksis russkogo iazyka: ob'ekt i perekhodnost'*, 2nd ed., Moscow, 2006.

Kuzmin A. V., "Opyt kommentariia k aktam Polotskoi zemli vtoroi poloviny XIII – nachala XV v. (okonchanie)", in: *Old Russia. The Questions of Middle Ages*, 2007, 30, 4, 50–68.

Litskevich O. V., "Dokumenty po istorii Menskoi zemli za 1386–1393 gg.", in: *Minsk i minchane: desiat's'tahoddziav historyi (da 510-hoddzia atrymannia Menskam mahdeburhskaho prava): materyaly Mizhnarodnoi navukova-praktychnai kanferentsyi, 4–5 verasnia 2009 h.*, Minsk, 2010, 8–15.

Kurtyka J., "Repertorium podolskie. Dokumenty do 1430 roku", in: Idem, *Podole w czasach Jagiellońskich*, Kraków, 2011, 297–447.

Nikodem J., "Bunt Świdrygięły w Witebsku", in: *Białoruskie Zeszyty Historyczne*, 32, Białystok, 2009, 5–20.

Ochmański J., "Najdawniejsze przywileje Jagiełły i Witolda dla biskupstwa wileńskiego 1387–1395 r.", in: *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu im. A. Mickiewicza w Poznaniu. Historia*, 3, 34, Poznań, 1961, 19–36.

Polekhov S. V., "Poslednie zaveshchaniia Vasiliia I i pechatni Vitovta", in: *Srednevekoviaja Rus'*, 12, Moscow, 2016, 183–200.

Purc J., "Itinerarium Witolda wielkiego księcia Litwy (17 lutego 1370 roku – 27 października 1430 roku)", in: *Studia z dziejów Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV–XVIII wieku* (= Zeszyty Naukowe Uniwersytetu im. A. Mickiewicza, w Poznaniu. Historia, 74, 11), Poznań, 1971, 71–115.

Rimša E., *Lietuvos didžiojo kunigaikštio Vytauto antspaudai ir žemių heraldika*, Vilnius, 2016.

Stang Ch., *Die westrussische Kanzleisprache des Grossfürstentums Litauen*, Oslo, 1935.

Szweda A., *Organizacja i technika dyplomacji polskiej w stosunkach z zakonem krzyżackim w Prusach w latach 1386–1454*, Toruń, 2009.

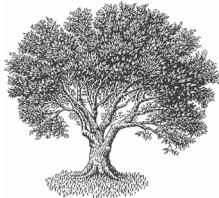
Tęgowski J., "Sprawa przyłączenia Podola do Korony Polskiej w końcu XIV wieku", in: *Teki Krakowskie*, 5, Kraków, 1997, 155–176.

Valk S. N., "Novgorodskaia proezzhaia gramota 1269 goda", in: *Istoricheskie zapiski*, 16, Moscow, 1945, 198–202.

Сергей Владимирович Полехов, кандидат исторических наук
старший научный сотрудник Центра по истории древней Руси,
Институт российской истории РАН,
117292, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19
Россия/Russia
sergey.polekhov@gmail.com

Received July 15, 2018

«Незаконный» Ъ
после шипящего
в суффиксе глаголов
в старорусских
памятниках

“Irregular” -ě- after
Hushing Sibilants in
Verbal Suffixes in
Middle Russian
Writing

Яна Андреевна Пенькова

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова
Российской академии наук
Москва, Россия

Yana A. Pen'kova

Vinogradov Russian Language
Institute of the Russian Academy
of Sciences,
Moscow, Russia

Резюме

В работе предпринимается попытка выявить причины появления в старорусской письменности фонетически незакономерного Ъ после шипящих в суффиксах глаголов III класса. Предлагается рассматривать данный языковой факт как системный и при этом не связанный с орфографической традицией южных славян, поскольку большинство таких глаголов обнаруживается в некнижных памятниках. Работа выполнена на материале Словаря русского языка XI–XVII вв., в выпусках которого было найдено 13 глаголов с суффиксом -ѣ- после ж, ии или ч. Приставочные глаголы имеют результативное значение, бесприставочные обозначают предельные процессы. Предполагается, что аналогичное распространение суффикса -ѣ- в них вызвано следующими факторами: во-первых, омонимией суффиксов -а₁- и -а₂-, алломорфа суффикса -ѣ- с процессуальным значением и показателя имперфективации; во-вторых, необходимостью выработать способ образования декаузативных глаголов в период, когда основным декаузативным средством еще не стала возвратность.

Цитирование: Пенькова Я. А. «Незаконный» Ъ после шипящего в суффиксе глаголов в старорусских памятниках // Slověne. 2018. Vol. 7, № 2. С. 477–486.

Citation: Pen'kova Ya. A. (2018) “Irregular” -ě- After Hushing Sibilants in Verbal Suffixes in Middle Russian Writing. *Slověne*, Vol. 7, № 2, p. 477–486.

DOI: 10.31168/2305-6754.2018.7.2.18

Ключевые слова

суффикс -ѣ- после шипящих, результатив, каузатив, декаузатив, глагольная морфонология, историческое словообразование, старорусский язык

Abstract

The paper attempts to identify the causes of the phonetically irregular -ě- after hushing sibilants in verbal suffixes in Middle Russian writing. The author suggests treating this linguistic fact as a systemic one, not connected with the spelling tradition of the southern Slavs, since most of these verbs occur in vernacular sources. With the use of the material from the Dictionary of the Russian language of the XI–XVII centuries, 13 verbs with the suffix -ě- after hushing sibilants could be found. Prefixed verbs have resultative meaning, unprefixed ones denote telic processes. The analogical distribution of the suffix -ě- is probably caused by two factors. Firstly, the suffix -a₁-, the allomorph of the suffix -ě- with the meaning of process, and the suffix -a₂-, the imperfectivization marker, were homonymous; secondly, it was necessary to form decausative verbs in the period when reflexivity has not yet become the main way of decausation.

Keywords

suffix -ě- after hushing sibilants, resultative, causative, decausative, verbal morphophonology, historical derivation, Middle Russian language

Как известно, праславянский «долгий е» (*ē), перед которым заднеязычные подвергались первому переходному смягчению, изменялся в а. Этот процесс затронул и область глагольной морфонологии, так что в глаголах состояния после шипящего представлен суффикс -a-, а не -ѣ- (ср. *кричати*, *молчати*, *ышати*, *слышати* и др.), тогда как в остальных глаголах в положении не после заднеязычного — суффикс -ѣ-, восходящий к тому же самому праславянскому суффиксу -*ē-, ср.: *слабѣти*, *скърбѣти*, *създравѣти*, *жадѣти*, *нерадѣти*, *бѣдѣти*, *сѣдѣти* и др. Однако известно также, что примеры с фонетически «незаконным» є после шипящего можно встретить в восточнославянских церковнославянских памятниках и что такие написания имеют исключительно орографический характер и появляются в эпоху II южнославянского влияния (см., например: [Живов 2017: 839]). Они обусловлены тем, что южнославянский («болгаро-македонский») є был нижнего подъема и после мягких согласных нейтрализовался с а.

При работе над 31-м выпуском «Словаря русского языка XI–XVII вв.», на данный момент еще не опубликованным, в Вологодском сборнике был обнаружен на первый взгляд ничем не примечательный пример «противозаконного» є после шипящего в глагольной основе III класса:

Егда же ужесточи срдце фараоново не отпустити нас, изби вся пръвѣнца в земли Египетстїи (ἐσχλήρυνε). (Исх 13: 15) (Волог. сб.¹, 101. XV в.)

Такое написание как будто ничем не отличается от других подобных случаев ориентации на орфографическую традицию южных славян и подтверждается примером из рукописи XI в., в котором находим непереходный глагол *ужесточати* с «правильным» суффиксом *-a-* после шипящего: *колънъ ужесточалъ мъножъствъмъ кланяни* (*Ио. Леств.1, 57об. XI в.*). Кроме того, в цитате можно видеть и другие признаки II южнославянского влияния (ср. редуцированный после плавного в *пръвѣнца*). Интересно, что в том же контексте из Книги Исход в Геннадьевской Библии 1499 г. употреблен каузатив *ужесточити* (*егда же ужесточи [Бог] срдце фараоново*), который, в свою очередь, в Елизаветинской Библии заменен на рефлексив *ожесточитися* — семантический аналог *ужесточѣти* (*егда бо ожесточися фараон*).

Обращение к обратному словнику СлРЯ XI–XVII в. показало, что «колебания» между каузативом *ужесточити* и непереходными декаузативами *ужесточѣти* и *ужесточитися* не случайны и что данный пример, по-видимому, можно рассматривать в одном ряду с другими подобными случаями с *ѣ* на месте законного *a* после шипящего, не имеющими отношения к южнославянской орфографии, ср.:

ближѣти ‘приближаться’	(СлРЯ XI–XVII, 1: 238)
зажесточѣти ‘стать жестким, твердым’	(СлРЯ XI–XVII, 5: 193)
запереложѣти ‘зарости, задернуть, превратиться в перелог’	(СлРЯ XI–XVII, 5: 261)
обезматчѣти ‘лишиться матки (о пчелином рое)’	(СлРЯ XI–XVII, 12: 29)
обезножѣти ‘лишиться способности ходить’	(СлРЯ XI–XVII, 12: 29)
обнажѣти ‘лишиться чего-л.; обнинать, разориться’	(СлРЯ XI–XVII, 12: 100)
оклячѣти ‘окоченеть, оцепенеть, онеметь’	(СлРЯ XI–XVII, 12: 327)
oubожѣти ‘стать бедным, нищим’	(СлРЯ XI–XVII, 14: 79)
плѣшѣти ‘лысеть, плешиветь’	(СлРЯ XI–XVII, 15: 92)
полегчѣти ‘полегчать’	(СлРЯ XI–XVII, 16: 208)
развлажѣти ‘насытиться влагой, утучниться’	(СлРЯ XI–XVII, 21: 153)
размякѣти ‘размягчиться’	(СлРЯ XI–XVII, 21: 224)

Приведенные примеры, очевидно, в большинстве случаев представляют собой аналогические образования более позднего времени, так как, за исключением *обнажѣти*, зафиксированы преимущественно в памятниках XVI–XVII в. различной локализации, причем в большинстве своем некнижных:

¹ Здесь и далее сокращения источников соответствуют принятым в СлРЯ XI–XVII вв.

Близъти	(Ник. лет. XIII, 167. XVI в.)
Зажесточъти	(Леч. II, гл. 80. XVIII в. ~ XVII–XVIII вв. ²)
Запереложъти	(Писц. д. I, 113. 1619 г.)
Обезматчъти	(ДТП I, 1198. 1666 г.)
Обезножъти	(АИ II, 213. 1609 г.)
Обнажъти	(Панд. Ант. Вост. II)
Оклячъти	(Львов. лет. I, 265. XVII в.)
Оубожъти	(Изм., 350об. XVI в. ~ XIV в.)
Плѣшъти	(Лекс. словен.-лат., 482. XVII в.)
Полегчъти	(СГГД II, 163. 1604 г.)
Размякчъти	(Травник Любч., 683. XVII в. ~ 1534 г.)
Развлажъти	(Лавр. лет., 410. 1377 г)

Все перечисленные глаголы являются непереходными, при этом они неоднородны в формальном, словообразовательном и семантическом отношении. Большинство из приведенных глаголов относится к III классу (по Августу Лескину). *Оклячъти*, зафиксированный в южно-русской Львовской летописи, источником которой служила Софийская II летопись, также имеет вариант IV класса *оклачити* с тем же значением ‘окоченеть, оцепенеть, онеметь’ (СлРЯ XI–XVII, 12: 325; более точным все же было бы толкование ‘согнуться от окоченения’, ср. *поклякати* ‘склоняться, опускаться (на колени)'). Приведем некоторые примеры из источников:

руцъ его **оклячѣли** бяху (Львов. лет. I, 265);
 яко **оклячѣвше** сташа мужие новугородстии, не могуще ни рукою двигнути
 (Ibid., 295);
 яко **оклячивше** сташа (Новг. III лет., 302. XVIII в.);
 руцъ его **оклачили** бяху (Варл. Хут., 190об. XVI–XVII вв. ~ XV в.).

Здесь, по-видимому, нельзя исключать как смешение ё и и, так и возможность существования двух словообразовательных вариантов одновременно. Исконным является глагол IV класса *оклячити* (ср. непереходные *клячити* ‘нагибаться, склоняться’ и *поклячити* ‘склониться, опуститься (на колени)'), тогда как «новый» глагол III класса *оклячъти* перестроился по аналогии с многочисленной группой приставочных глаголов с результативным значением, имевших суффикс -ѣ-, вроде *оцепенѣти*, *окостенѣти*, *раздебелѣти*, *обессилѣти*, *одряхлѣти*, *измылѣти* и под. (ср. такие же непереходные дублеты *посинѣти*, *посинити* и *посиняти* ‘потемнеть, посинеть’).

² Дата перед тильдой означает датировку рукописи, дата после тильды — время появления текста.

В словообразовательном отношении рассматриваемая группа глаголов также неоднородна. С одной стороны, выделяются отыменные образования *запереложъти*, *обезматчъти*, *обезножъти*, *oubожъти*, *плѣшъти*, соотносимые с именами существительными *перелог*, *матъка*, нога, *убогъ* и *плѣшь* (*оклячъти/оклячити* – образование иного рода, ср. *поклякати* (СлРЯ XI–XVII, 16: 162)). Другие же глаголы являются производными от прилагательных с суффиксом *-ък-*: *близъкъ*, *жестъкъ*, *легъкъ*, *мягъкъ*.

С семантической точки зрения выделяется большая группа глаголов (*запереложъти*, *зажесточъти*, *ужесточъти*, *полегчъти*, *размягчъти*, *оклячъти/оклячити*, *развлажъти*), называющих результат предельных процессов:

паиня впередъ не запереложела (Писц. д. I, 113. 1619 г.);
в спине от холоду, бывает, зажесточеетъ... и болезнь велика бываетъ (Леч. II, гл. 80. XVIII в. ~ XVII–XVIII вв.);
заболѣлъ лихорадкою, а къ вербному воскресению и полегчъло (Пис. к Матюшкину, 158. 1652 г.);
тотъ камень... никогда размякчеетъ (Травник Любч., 683. XVII в. ~ 1534 г.);
кости твоя развлажъютъ (Лавр. лет., 410. 1377 г.).

К этой группе примыкают и бесприставочные *ближъти* и *плѣшъти*, называющие предельные процессы:

Зимней путь ближеетъ (Посольство Барятинского, 468. 1619 г.);
Плѣшъю. Лысею. Calueo. Caluesco (Лекс. словен.-лат., 482. XVII в.).

Обнажъти, *обезматчъти* и *обезножъти* являются представителями другого акционального класса, однако, так же как и большинство перечисленных выше глаголов, обозначают результатирующее состояние. Такие образования на *обез-*, по-видимому, становятся довольно продуктивными в XVI–XVII вв., ср.: *обезумѣти*, *обезгласѣти*, *обезлошадѣти*, *обезлюдѣти*, *обеззапасѣти*, *обесхлѣбѣти*, *обесчадѣти*. По этой модели образуются не только непереходные глаголы с суффиксом *-ъ-*, но и переходные каузативные глаголы с суффиксом *-и-*, ср.: *обезглавити*, *обезвѣчити*, *обезвинити*, *обесчестити*; и непереходные декаузативные возвратные глаголы: *обезлѣпотити*, *обезнадеждити*, *обезгласити*, *обезумити*, *обесчестити*, *обесчадити*. Показательно, что в некотором случае мы обнаруживаем пары конкурирующих непереходных глаголов с *-ъ* и с *-ся*, называющих наступление некоторого состояния: *обезумѣти* – *обезумити*, *обезгласѣти* – *обезгласити*, *обесчадѣти* – *обесчадити*. А в случае с *обнажъти* – даже несколько декаузативов: *обнажъти* – *обнажѣти* – *обнажити*.

Часть рассматриваемых нами глаголов с незаконным ъ после шипящего *зажесточьти*, *ужесточьти*, *полегчьти*, *размякчьти*, образованных от имен прилагательных с суффиксом -ък- и называющих результат предельного процесса, входят в словообразовательную парадигму, состоящую как минимум из трех членов:

ужесточьти	ужесточити (перех.)	ужесточати (неперех.)
полегчьти	полегчити (перех.)	полегчати (перех.)
размякчьти, размякнути	размякчити (перех.)	размягчати (перех.)

Парадигма состоит из 1) непереходного глагола СВ с декаузативным результативным значением и суффиксом -ѣ, 2) каузатива СВ с суффиксом -и- и 3) глагола НСВ с суффиксом -а, который, как правило, переходный. Непереходный *ужесточати* (*колѣнѣ ужесточалѣ мъно-жъствъмъ кланяни*) фиксируется только в рукописи XI в. (*Ио. Леств. I, 57об.* XI в.) в архаичном «причастном» употреблении (о таких употреблениях л-форм см.: [Скачедубова 2016]) и для рассматриваемого нами старорусского периода не может быть привлечен. Напротив, более поздние *полегчати* (в отличие от современного непереходного *полегчать*) и *размягчати* в старорусском языке являются переходными каузативными глаголами:

вели нас в своем государевом ясаку полегчати (Гр. Сиб. Милл. II, 153. 1598 г.);

Травы... потребуютъ мокроты водныя, которая бы кормъ размягчающи розносила (Назиратель, 291. XVI в.).

Примеры с такой же и более широкой парадигмой, включающей также возвратные глаголы, можно в достаточном количестве найти в памятниках старорусского периода, ср.:

обѣльти	обѣлити	обѣляти	обѣлитися	(СлРЯ XI–XVII, 12: 30–31)
обессилѣти	обессилити	обессиляти		(СлРЯ XI–XVII, 12: 37)
оскорбѣти	оскорбити	оскорбляти	оскорбитися оскорбѣтися	(СлРЯ XI–XVII, 13: 95–96)
ослабѣти	ослабити	ослабляти	ослабитися ослаблятися	(СлРЯ XI–XVII, 13: 103–105)
уздравѣти	уздравити		уздравитися	(СлРЯ XI–XVII, 31, в печати)

Процесс становления видовой корреляции в паре переходных глаголов на -ити и -ати уже, по-видимому, завершен и соответствует

современному состоянию³, ср.: *размягчить – размягчать, ужесточить – ужесточать, облегчить – облегчать, обнажить – обнажать*. При этом «нормальными» декаузативами к этим глаголам в современном русском языке служат возвратные глаголы типа *ужесточиться, размягчиться, обнажиться* (ср., однако, *полегчать*: непереходный в современном русском языке, а в старорусском – каузатив несовершенного вида).

Таким образом, на примере рассмотренной группы глаголов мы видим аналогичное распространение суффикса *‑ѣ* на глаголы с шипящим в основе, имеющие результативное значение. Точные географические границы данного явления и его взаимосвязь с судьбой фонемы *‑ѣ* в великорусских говорах на основании имеющихся данных определить едва ли возможно. Хронологические рамки данного процесса ограничены, по-видимому, XV–XVII вв. В старорусский период суффикс *-ѣ*, изначально характерный для бесприставочных процессуальных глаголов или глаголов состояния, с одной стороны, распространяется на бесприставочные глаголы с шипящим в основе, обозначающие предельные процессы: *синѣти, бѣлѣти → близѣти, плѣшѣти*. С другой стороны, по мере развития видовой корреляции суффикс *-ѣ-* в перфективах, образованных от бесприставочных глаголов, приобретает также результативное значение и проникает в приставочные глаголы СВ с шипящим, обозначающие результат предельного процесса (*ослабѣти → размякѣти*), а также в некоторые другие отыменные образования с результативным значением (→ *обезумѣти → обезматичѣти*). Некоторое время в истории русского языка конкурируют суффикс *-ѣ-* и постфикс *-ся* как способы образования глаголов с декаузативным значением. В рассматриваемый период возвратный дериват есть только у *размякѣти – размякчитися*, тогда как *ужесточитися* и *ужесточатися* еще не фиксируются (об отсутствии четкой корреляции между рефлексивами и переходными глаголами в древнерусском см.: [Крысько 2006]; о возвратных глаголах в современном русском языке см.: [Летучий 2014]). Первый способ затем уходит на периферию.

Судя по всему, аналогичное распространение суффикса *-ѣ-* на непереходные глаголы с шипящим в старорусском языке XV–XVII вв. объясняется тем, что имевший то же значение суффикс *-а₁-* уже не мог служить регулярным алломорфом *-ѣ* в непереходных приставочных глаголах с результативным значением, поскольку совпадал с более частотным омонимичным ему суффиксом *-а₂-*, который был средством имперфективации в каузативах НСВ (*размякчати, ужесточати*). Необходимо было избежать омонимии переходного и непереходного

³ О хронологии и особенностях формирования видовой корреляции в истории русского языка см., напр.: [Кукушкина, Шевелева 1991; Мишина 2018].

глаголов, ср. примеры некоторых так наз. лабильных глаголов в этот период, таких как *облегчати* и *отягчати*: *облегчати₁*, ‘делать менее трудным’ и *облегчати₂* ‘стать легче’, *отягчати₁* ‘отягощать, обременять’ и *отягчати₂* ‘отяжелеть’. В то же время возвратный дериват, который также мог устраниТЬ эту омонимию, существовал и в принципе был возможен не для всех глаголов.

Сокращенные названия библиотек и древлехранилищ

НИОР РГБ — Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки, Москва

БАН — Библиотека Российской академии наук, С.-Петербург

РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы, С.-Петербург

РНБ — Фонд рукописей Российской национальной библиотеки, С.-Петербург

Источники

Рукописи

Варл. Хут.

НИОР РГБ, ф. 256 (собр. Румянцева), № 154, л. 176–220, Похвала и чудеса Варлаама Хутынского. к. XVI или н. XVII в.

Волог. сб.

БАН, ф. 45, № 10, л. 6, Сборник к. XV в., включающий Пятикнижие Моисеево, Еллинский летописец и собрание полемических статей против латинян.

Изм.

БАН, ф. 13, № 2, л. 7, Измарагд. XVI в.

Ио. Леств.1

НИОР РГБ, ф. 256 (собр. Румянцева), № 198, 1°, л. 1–21, Лествица Иоанна Лествичника (Синайского), на пергамене, сер. (?) XII в. (л. 218–н. (?) XIII в.).

Леч. II

РО ИРЛИ, собр. В. Н. Перетца, № 217, Лечебник, в 366 главах. сер. XVIII в.

Травник Любч.

ОР РНБ, собр. Уварова, № 387, 1°, Травник (Лечебник), перевод немчина Николая Любчанина [Булева], 1534 г. XVII в.

Издания

АИП

Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссию, 2, С.-Петербург, 1841.

Вост. II

Востоков А. Х., *Словарь церковно-славянского языка*, 2, изд. 2-е Отделения Императорской Академии Наук, С.-Петербург, 1861.

Гр. Сиб. Милл. II

Миллер Г.Ф. *История Сибири*, 2. Москва; Ленинград, 1941.

ДТП I

Дела Тайного приказа, 1, in: *Русская историческая библиотека*, 21, С.-Петербург, 1907.

Лавр. лет.

Лаврентьевская летопись, 1–3; по изд. Полное собрание русских летописей, 1, 2-е изд., Ленинград, 1926–1928.

Лекс. словен.-лат.

Німчук В. В., «Лексікон словено-латинський» Е. Славинецького та А. Корецького-Сатановського, Київ, 1973.

Львов. лет. I

Львовская летопись, 1; по изд. Полное собрание русских летописей, 20, С.-Петербург, 1910.

Назиратель

Назиратель, С. И. Котков, ред., М., 1973.

Ник. лет. XIII

Летописный сборник, именуемый Патриаршою или Никоновской летописью; по изд. Полное собрание русских летописей, 13, С.-Петербург, 1906.

Новг. III лет.

Новгородская третья летопись; по изд. Новгородские летописи (так названные Новгородская вторая и Новгородская третья летописи), изд. Археографической комиссии, С.-Петербург, 1879.

Пис. к Матюшкину

Бартенев П., «Письма царя Алексея Михайловича к стольнику Афанасию Ивановичу Матюшкину», in: Собрание писем царя Алексея Михайловича, М., 1856.

Писц. д. I

Веселовский С., «Акты писцового дела. Материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве. Том 1: Акты 1587–1627 гг.», in: Чтения в Обществе истории и древностей российских, 11, 1913.

Посольство Барятинского

Веселовский Н. И., «Посольство князя Михаила Петровича Барятинского», in: Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией, 3 (= Труды Восточного отделения Русского археологического общества, 22), С.-Петербург, 1898.

СГГД II

Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в гос. Коллегии иностр. дел, 2, Москва, 1819.

СлРЯ XI–XVII 1–31–

Словарь русского языка XI–XVII вв., 1–31–, Москва, 1975–1995–.

*Литература**Живов 2017*

Живов В. М., История языка русской письменности, 2, Москва, 2017.

Крысько 2006

Крысько В. Б., Исторический синтаксис русского языка: Объект и переходность, 2-е изд., испр. и доп., Москва, 2006.

Кукушкина, Шевелева 1991

Кукушкина О. В., Шевелева М. Н., «О формировании современной категории глагольного вида», in: Вестник Московского университета. Серия 9: Филология, 6, 1991, 38–49.

Летучий 2014

Летучий А. Б., «Возвратность», in: *Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики* (<http://rusgram.ru>), Москва, 2014.

Мишина 2018

Мишина Е. А., «К вопросу о видовой семантике простых (бесприставочных) глаголов в древнерусском языке», in: *Русский язык в научном освещении*, 35, 1, 2018, 161–182.

Скачедубова 2016

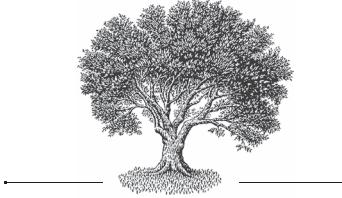
Скачедубова М. В., «О некоторых особенностях функционирования -l- формы в Ипатьевской летописи», in: *Язык, сознание, коммуникация. Сборник научных статей, посвященный памяти Надежды Васильевны Котовой и Ольги Александровны Ржаниковой*, Красных В. В., Изотов А. И., ред., Москва, 2016, 78–83.

References

- Krysko V. B., *Istoricheskii sintaksis russkogo iazyka: Ob'ekt i perekhodnost'*, 2nd ed., Moscow, 2006.
- Kukushkina O. V., Sheveleva M. N., "O formirovaniii sovremennoi kategorii glagol'nogo vida", in: Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology, 6, 1991, 38–49.
- Letuchy A. B., "Vozvratnost'", in: *Materialy dlia proekta korpusnogo opisaniiia russkoi grammatiki*, Moscow, 2014.
- Miller G. F. *Istoriia Sibiri*, Moscow, Leningrad, 1941.
- Mishina E. A., "On the Aspect of Simplex (Non-prefixed) Verbs in Old Russian", in: *Russian Language and Linguistic Theory*, 35, 1, 2018, 161–182.
- Skachedubova M. V., "About Some Features of the -l-form Functioning in Ipatjanskaja Chronicle", in: *Language – Mind – Communication*, Krasnykh V. V., Izotov A. I., eds., Moscow, 2016, 78–83.
- Zhivotov V. M., *Istoriia iazyka russkoi pis'mennosti*, 2, Moscow, 2017.

Пенькова Яна Андреевна, кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник отдела исторической лексикографии
Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН
г. Москва, 119019, Волхонка 18/2
penkovajanine@gmail.com

Received October 18, 2018

Княгиня Ольга и византийский император (эволюция сюжета в русской исторической традиции XVI века)

Борис Николаевич Флоря

Институт славяноведения РАН
Москва, Россия

Princess Olga and the Byzantine Emperor: Evolution of the Storyline in Russian Historical Tradition of the Sixteenth Century

Boris N. Florya

Institute for Slavic Studies
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Резюме

В статье показано изменение традиционного рассказа о событиях X в. под влиянием новых представлений о роли Руси–России в мировой истории.

Ключевые слова

княгиня Ольга, византийский император, Византия и Русь в мировой истории

Abstract

The article explores the evolution of the traditional account about the 10th – century events under the influence of new ideas about the role of Rus'/Russia in the world history.

Keywords

Princess Olga, the Byzantine emperor, Byzantium and Rus' in world history

---

Цитирование: Флоря Б. Н. Княгиня Ольга и византийский император (эволюция сюжета в русской исторической традиции XVI века // Slověne. 2018. Vol. 7, № 2. С. 487–493.

Citation: Florya B. N. (2018) Princess Olga and the Byzantine Emperor: Evolution of the Storyline in Russian Historical Tradition of the Sixteenth Century. *Slověne*, Vol. 7, № 2, p. 487–493.

DOI: 10.31168/2305-6754.2018.7.2.19

Первичная версия сюжета об Ольге и византийском императоре читается без существенных изменений и в Новгородской Первой летописи младшего извода, где отразился, по наблюдениям А. А. Шахматова, текст более древний, чем «Повесть временных лет», и в текстах разных редакций «Повести временных лет» [НПЛ: 113–115; ПСРЛ 1/1 (1926): 61–63; ПСРЛ 2 (1908): 49–51].

В повествовании о поездке Ольги в Константинополь и последующих событиях три фрагмента касаются взаимоотношений Ольги и императора. В первом говорится, что, восхищенный Ольгой, император произносит слова: «[П]одобна еси царствовати с нами в граде сем»¹. Угадав его намерения, Ольга заявила: «[А]ще мя хощеши крестити, то крести мя сам» [НПЛ: 113]. В дальнейшем император и выступает в роли ее крестного отца.

Во втором фрагменте рассказывается, что, когда после крещения император захотел на ней жениться, Ольга ответила, что он не может жениться на своей крестной дочери: «И рече царь: переклюкала мя еси Ольга» [ПСРЛ 1/1 (1926): 61;ср.: НПЛ: 114]. В этом явно фольклорного происхождения рассказе отмечается определенное превосходство новообращенной христианки над императором.

Другая интонация характерна для третьего фрагмента повествования, в котором говорится о приходе в Киев к Ольге византийских слов, напомнивших о ее обещании (о котором в основном повествовании не говорилось) прислать в Константинополь «челядь, воск и съкору [т. е. меха. — Б. Ф.] и вои в помощь» [ПСРЛ 1/1 (1926): 62–63]. Ольга ответила, что так и поступит, если «постоиши у мене в Почаине, яко же аз в Сюду» [Ibid.: 63]. Слова эти находятся в определенном противоречии с рассказом о пребывании Ольги в Константинополе и, вероятно, восходят к другой фольклорной традиции.

Важно отметить, что в памятниках, представляющих разные ветви древнерусского летописания, император, встречавшийся с Ольгой,носит разные имена. Вероятно, в первоначальном тексте имя императора отсутствовало, и составители летописных сводов устанавливали его самостоятельно. Если в Ипатьевской и Радзивилловской летописях это «Костянтин сын Леонтов» [ПСРЛ 2 (1908): 49; ПСРЛ 38: 31] (современник Ольги), то в таких памятниках, как Лаврентьевская и Новгородская Первая летопись, которые оказали решающее влияние на формирование великорусской исторической традиции, Ольгу принимает в Константинополе один из преемников Константина — император Иоанн Цимисхий. Однако при различии имен в разных летописях читается один и тот же текст. Такая устойчивая на великорусской территории традиция

¹ Здесь и далее цитаты из источников приводятся в упрощенной орфографии.

могла быть связана с тем, что у составителей летописных сводов не было каких-либо представлений о Цимисхии: известно было только, что он воевал со Святославом.

Положение стало меняться в XVI в.² Перемены, как представляется, были связаны с включением сведений по византийской истории в древнерусские летописные своды. Правда, о самом крещении Ольги в таких источниках почти ничего не говорилось. Так, в Хронографе русской редакции просто кратко отмечалось: «[П]ри сем цари Романе в лето 6463 крестися Олга» [ПСРЛ 22/1: 359]. Однако имело значение включение в текст летописи информации о Цимисхии, который уже традиционно считался императором, встречавшим Ольгу. Такие сведения были внесены, в частности, в Никоновскую летопись (свод, созданный на рубеже 20–30-х гг. XVI в. под патронатом московского митрополита Даниила): это два рассказа о Цимисхии, взятые из Хронографа, которые отражали сложное отношение к нему в византийской традиции. В одном из рассказов с осуждением говорится о том, что Цимисхий убил своего предшественника Никифора Фоку (покровителя Афона и святого на троне), чтобы жениться на его вдове. Но в том же тексте говорится о его выдающихся качествах правителя. Их описанию посвящен другой рассказ, в котором император сравнивается с раем, откуда вытекают четыре реки, «источая правду, мужество, мудрость, целомудрие» [Ibid.: 363].

В Никоновской летописи эти рассказы соединены с летописным текстом механически, и текст о путешествии Ольги в Константинополь здесь каким-либо изменениям не подвергался [ПСРЛ 9: 31–36]. Однако само это соединение создавало возможности для сопоставления рассказов, что и произошло в более позднее время при составлении пространной редакции Жития Ольги. Текст этой редакции сохранился в ряде списков, в одном из которых читалась приписка: «Списано любомудрецом Сильвестром, презвитером царствующего града Москвы». Она способствовала утверждению представлений о том, что создание памятника связано с именем протопопа Сильвестра, наставника Ивана IV Грозного [Сиренов 2007: 389–390; Курукин 2015: 89 и сл.]. В настоящее время эта точка зрения вызывает возражения [Усачев 2009: 451–459]. Однако важно — независимо от решения вопроса об авторстве, — что это житие Ольги стало начальной частью «Степенной книги» — официального изложения русской истории, созданного в окружении митрополита Макария на рубеже 50–60-х гг. XVI в.

² Хотя даже в XVII в. продолжали создаваться памятники, передававшие летописную традицию рассказа об Ольге: напр., псковская редакция Жития Ольги, явившаяся одним из источников рассказа о ней в Степенной книге [Карпов 2003: 85], и Воскресенская летопись [ПСРЛ 7: 285–286].

Сопоставление текстов показало, что при включении в «Степенную книгу» рассказ жития Ольги об ее отношениях с византийским императором не подвергся каким-либо переделкам: очевидно, его содержание вполне устроило составителей [Курукин 2015: 92, 95].

Главным источником «Степенной книги» явилась Никоновская летопись [Степенная книга 3: 13–14, 17], но, как справедливо отметил исследователь источников «Степенной книги» Н. Ф. Околович, житийное повествование о путешествии Ольги в Царьград заметно отличается от традиционного летописного рассказа [Околович 2007: 29–30]. Описанию путешествия в Житии Ольги предшествует рассказ, как «плотьскаго ради свирепства» Цимисхий и Феофано, жена Никифора Фоки, убили императора Никифора Фоку, покровителя Афона, который погиб, «молитву имея в устех и с мученики причте его Бог» [Степенная книга 1: 159].

Связь этого текста с последующим проявляется в том, что «плотьским свирепством» Цимисхий руководствуется и при встрече с Ольгой: «Бе бо и сам Цимисхий телесным подобием вели доброден и надеяшася улучати» новую спутницу жизни. Но дело не ограничивается греческим желанием Цимисхия. В тексте жития император выступает как орудие дьявола, который хочет отклонить Ольгу от возложенной на нее Богом миссии — приобщить Русь к христианской религии: дьявол «възвиста женолюбова царя усты» [Степенная книга 1: 160; Околович 2007: 31].

Далее сюжет излагается в традиционном ключе: Ольга хочет, чтобы император был ее крестным отцом, что и происходит, но затем, когда он выступает со своим предложением о браке, рассказ снова отклоняется от традиционного сюжета. Эта часть начинается гневным обличением императора, где упоминается «немилостивое погубление [...] святаго царя Никифора», когда Цимисхий «законопреступно примесился» к его жене: «Оле ненасытства женолюбия! Оле уменьшения неподобнаго! Оле сквернаго рачения!» [Степенная книга 1: 163]. Так рассказчик создает отрицательный образ носителя верховной власти в Византии, используя при этом самые резкие выражения.

Далее говорится о том, что Ольга «неподобное его начинание с дерзновением обличи». Приводятся слова Ольги, что она пришла в Царьград, чтобы «унивостихся желаемому ми бесмертному жениху Христу Богу» [Степенная книга 1: 163]. При этом княгиня находит нужным сказать, что ее «земное царство» — «Русская великая земля», где правит вместе с нею ее сын, «дани и выхода объемля на многих странах и на вашем царствии» [Ibid.: 164]. Так провозглашается равноправное положение «Русской земли» и Византии, которая платит «Русской земле» дани.

«Почто ми, — говорит далее княгиня, — и на стези спасения преткновение и сеть души протязаеш? Сиа ли суть образы правоверия?» Таким образом, Ольга не только отвергает предложение императора, но и прямо обличает его. «Царь же, от своея совести обличаем [...] о непотребстве глагол своих в раскаяние обратися» [Ibid.], т. е. сам monarch признал неприличие своего поведения. Все изложение дает яркую демонстрацию нравственного и интеллектуального превосходства Ольги над Цимисхием.

Та же интонация сохраняется в заключительной части повествования. Здесь — в соответствии с традиционным сюжетом — рассказывается о приезде в Киев императорских послов с просьбой о помощи в соответствии с обещаниями, которые дала Ольга в Константинополе. Однако ответ, который дает послам Ольга, совсем не соответствует традиционной версии. О каком-либо недовольстве княгини приемом, оказанным ей в Константинополе, нет и речи. Княгиня перед послами снова обличает императора, который «коварьства старости моей», но «благодатию же Христовою от моих недостойных устен коварство твое упразднился». Из-за такого поведения «ничто же приати имаше от нас» [Степенная книга 1: 168]. В традиционной версии дело заканчивалось отказом в помощи. В «Степенной книге» финал другой. Через послов Ольга предлагает императору «уцеломуудрити свою съесть и очистити ся прежняго скверноубийства», затем он сможет посетить Ольгу «свойством духовныя любви» — и тогда она не откажет ему в помощи [Ibid: 169]. Здесь сама недавно принявшая христианство киевская княгиня наставляет светского главу христианского мира, как он должен себя вести, — и обещает свою помощь в случае его исправления.

Уже в летописном рассказе чувствуется ощущение некоторого превосходства княгини над императором, но в тексте рассказов «Степенной книги» это противопоставление усилено по разным направлениям, во многом благодаря обращению к византийской исторической традиции.

Достаточно серьезная переработка традиционного летописного сюжета была связана, как представляется, с обсуждением в среде древнерусских книжников вопроса о том, когда определилась особая роль России в мировой истории.

Согласно схеме, изложенной в посланиях псковского старца Филофея, эта особая роль России установилась, когда Византия («второй Рим») отступила от православной веры на Флорентийском соборе, Константинополь был взят османами и Россия стала «третьим Римом» [Синицына 1998: 342, 345]. Однако уже в то время, когда Филофей писал свои послания, существовали точки зрения, относившие зарождение особой роли России в христианском мире к гораздо более раннему времени.

В «Сказании о князьях владимирских» автор, рассказывая о присылке Владимиру Мономаху царских регалий из Византии, вложил в уста приславшего регалии императора слова о том, что это «твоего родства и поколеня царьский жребий» и что теперь «церкви божья безмятежна будет, и все православие в покой пребудет под сущею властью твоего волнаго самодержавъства Великия Русия» [Дмитриева 1955: 177]. Таким образом, по утверждению автора «Сказания», уже в начале XII в. порядок в православном мире поддерживался благодаря совместным действиям византийского императора и правителя Руси Владимира Мономаха. Пересказывая этот сюжет, составители «Степенной книги» отметили, что так поступил Бог, «претворяще и преводяще славу Греческаго царствия на росийскаго царя» [Степенная книга 1: 409]. И по мнению этих книжников, уже в начале XII в. наметился поворот в мировой истории.

Помещенный в «Степенной книге» рассказ об Ольге и императоре Иоанне Цимисхии должен был подготовить читателя к восприятию этих новых для русского общества XVI в. представлений, показав, что особая роль России, ее превосходство над клонящимся к упадку Греческим царством стало намечаться уже в момент принятия Россией новой христианской религии, когда ее правительница Ольга оказалась под особой опекой христианского Бога.

Библиография

Источники

НПЛ

Насонов А. Н., ред. и предисл., *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*, Москва, Ленинград, 1950.

ПСРЛ 1–43

Полное собрание русских летописей, 1–43, С.-Петербург, Петроград, Ленинград, Москва, 1841–2004.

Степенная книга 1, 3

Ленхофф Г. Д., сост., *Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам*, 1–3, Москва, 2007–2012.

Литература

Дмитриева 1955

Дмитриева Р. П., *Сказание о князьях владимирских*, Москва, Ленинград, 1955.

Карпов 2003

Карпов А. Ю., “Житие Ольги в редакции московского книжника Василия (во иночестве Варлаама)”, in: *Очерки феодальной России*, 7, Москва, 2003, 84–88.

Курукин 2015

Курукин И. В., *Жизнь и труды Сильвестра — наставника царя Ивана Грозного*, Москва, 2015.

Околович 2007

Околович Н. Ф., *Жития святых, помещенные в Степенной книге*, Москва, С.-Петербург, 2007.

Синицына 1998

Синицына Н. В., *Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.)*, Москва, 1998.

Сиренов 2007

Сиренов А. В., *Степенная книга: история текста*, Москва, 2007.

Усачев 2009

Усачев А. С., *Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария*, Москва, С.-Петербург, 2009.

References

Dmitrieva R. P., *Skazanie o kniaz'iakh vladimir-skikh*, Moscow, Leningrad, 1955.

Karpov A. Yu., "Zhitie Ol'gi v redaktsii moskovskogo knizhnikha Vasiliiia (vo inochestve Varlaama)", in: *Ocherki feodal'noi Rossii*, 7, Moscow, 2003, 84–88.

Kurukin I. V., *Zhizn' i trudy Sil'vestra—nastavnika tsaria Ivana Groznogo*, Moscow, 2015.

Lenhoff G. D., ed., *Stepennaia kniga tsarskogo rodo-sloviia po drevneishim spiskam*, 1–3, Moscow, 2007–2012.

Nasonov A. N., ed., *Novgorodskia pervaia letopis' starshego i mladshego izvodov*, Moscow–Leningrad, 1950.

Okolovich N. F., *Zhitiia sviatykh, pomeshchennye v Stepenoi knige*, Moscow, St. Petersburg, 2007.

Sinitsyna N. V., *Tretii Rim. Istoki i evolutsia russkoi srednevekovoi kontsepsi (XV–XVI vv.)*, Moscow, 1998.

Sirenov A. V., *Stepennaia kniga: istoriia teksta*, Moscow, 2007.

Usachev A. S., *Stepennaia kniga i drevnerusskia knizhnost' vremeni mitropolita Makariia*, Moscow, St. Petersburg, 2009.

член-корр. РАН **Борис Николаевич Флоря**, доктор ист. наук

Институт славяноведения РАН,

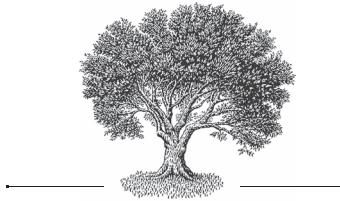
заведующий Отделом истории средних веков

119991 Москва, Ленинский проспект, д. 32А

Россия/Russia

inslav@inslav.ru

Received February 7, 2018

Первый план и фон нарратива: направления зарубежных исследований в сфере лингвистики и переводоведения

**Анастасия Викторовна
Уржа**

Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия

Foreground and Background in a Narrative: Trends in Foreign Linguistic and Translation Studies

Anastasia V. Urzha

Moscow State University
Moscow, Russia

Резюме

Теория первого плана и фона (Theory of Grounding), разработанная зарубежными типологами в 70–80-е годы прошлого века, за прошедшие десятилетия получила развитие в целом ряде направлений, взаимодействуя с другими лингвистическими, нарратологическими, когнитологическими и переводоведческими концепциями. Акценты в изучении языковых средств, обеспечивающих выделенность одних клауз нарратива по отношению к другим, постепенно смещаются, классические положения теории корректируются и развиваются. Однако в русистике данная научная традиция не

Цитирование: Уржа А. В. Первый план и фон нарратива: направления зарубежных исследований в сфере лингвистики и переводоведения // *Slověne*. 2018. Vol. 7, № 2. С. 494–526.

Citation: Urzha A. V. (2018) Foreground and Background in a Narrative: Trends in Foreign Linguistic and Translation Studies. *Slověne*, Vol. 7, № 2, p. 494–526.

DOI: 10.31168/2305-6754.2018.7.2.20

получила широкой известности: подавляющее большинство научных работ, имеющих отношение к теории первого плана и фона, не переводилось на русский язык, и соответствующая терминология не имеет в отечественной лингвистике устоявшихся эквивалентов. Цель данного обзора — кратко охарактеризовать основные положения теории первого плана и фона и представления об «иерархии выделенности» (Saliency Hierarchy) клауз нарратива в классических исследованиях (с опорой на не переведенные на русский язык лингвистические труды) и рассмотреть основные направления развития этих представлений на текущий момент. Особое внимание уделено работам, привлекающим понятия первого плана, фона, транзитивности и выделенности в сопоставительном анализе оригинальных текстов с их переводами. В этой зоне исследований, где лингвистика и переводоведение тесно взаимодействуют, положения теории первого плана и фона применяются в изучении изменений pragматики текста при языковых трансформациях. Представляя обзор работ в этой области, мы подробнее остановимся на тех из них, которые привлекают русскоязычный материал.

Ключевые слова

первый план, фон, транзитивность, выделенность, дейксис, перевод

Abstract

The review accumulates the information on the Theory of Grounding and Saliency Hierarchy (based on publications that have not been translated into Russian) and describes the main modern trends in the study of grounding. The Theory of Grounding, designed in the last quarter of the 20th century, has since then been developing within linguistic, narratological, cognitive and translation studies, being applied to texts of various genres in many languages. Early works in this sphere elaborated the criteria characterizing the relative grounding of the clauses in the narrative (based on temporal sequentiality and transitivity), while later research, focusing on the wider range of texts including free indirect discourse and non-sequential prose, highlighted the subjectivity of grounding, including criteria of human importance and unpredictability into the analysis of the salient clauses. As a result the Theory of Grounding has contributed to various coexisting trends in the scientific research concerning subordination of clauses and anaphoric relations in texts on the one hand, and deixis, evaluation and perspective on the other. Touching upon these trends in the review, we pay special attention to the analysis of grounding within translation studies: the researchers focus on transitivity in translation, revealing and explaining the cases of non-intentional and purposeful changes in transitivity made by translators. The analysis of the deictic center shifts in original texts and their translations also contributes to our knowledge of grounding devices. Out of all publications, our special attention is drawn to the studies of grounding that employ Russian-language narrative materials.

Keywords

saliency, grounding, foreground, background, deixis, translation

Введение

Соотносительная выделенность клауз¹ в нарративе — тема, развитая У. Лабовым [Labov, Waletsky 1967] с опорой на работы В. Проппа, — легла в основу лингвистической теории, получившей известность под названием «Theory of Grounding» (существует несколько вариантов русского перевода этого названия: «теория первого плана и фона», «теория выдвижения»). Удачную метафору, описывающую объект исследования этой теории, предложила Н. Кояма: раскладная книжка для детей интерпретирует нарратив, представляя наиболее значимые для читателя события и их участников в виде выдвигающихся картинок, тогда как фоновая информация изображается на гладком заднике [Koyama 2004: 1]. Различия между первоплановыми и фоновыми элементами повествования (воплощенные в раскладной книжке визуально) реализуются в текстах при помощи языковых средств. Авторы первых работ, описывавших критерии выдвижения одних клауз на первый план нарратива на фоне других, обращались к характеристикам диктумной составляющей текста, к семантическим и грамматическим свойствам предиката и актантов, формирующих клаузу, а также к принципам синтаксической иерархизации самих клауз. Одним из базовых понятий, с которым связывались смысловые и грамматические свойства первоплановых клауз, стала транзитивность [Fillmore 1968, Clark 1973, Keenan, Comrie 1977, Horner, Thompson 1980 et al.]. Однако со второй половины 80-х гг. XX в. большее внимание в исследованиях первого плана и фона стало уделяться роли субъективной семантики и средствам ее вербализации, обеспечивающим элементам повествования дополнительную выделенность [Fleischman 1990, Koyama 2004, Wårvik 2004]. Обращение от «простых нарративов» к более сложным и разнообразным жанрам, включение в материал произведений древних и новых эпох, сопоставление текстов на разных языках — эти и другие факторы привели к появлению целого ряда направлений в рамках данной научной традиции. Исследования в сфере когнитивной грамматики (широко использовавшие оппозицию «фигура / фон», восходящую к гештальт-психологии) [Talmy 1975, 2007, Langacker 1987, 2007, Taylor 2002, Croft, Cruse 2004] также оказали влияние на развитие представлений о текстовом выдвижении. Наконец, труды современных переводоведов, применяющих в сопоставительном анализе оригинальных и переводных текстов понятия первого

¹ «Клаузой называется любая группа, в том числе и не предикативная, вершиной которой является глагол, а при отсутствии полнозначного глагола — связка или грамматический элемент, играющий роль связки. Термин “клауза” точно соответствует английскому clause; то же понятие в лингвистической литературе на русском языке часто называют предикацией. Предложение (sentence) представляет собой финитную клаузу» [Тестелец 2001: 256].

плана, фона, транзитивности и выделенности, также представляют определенную веху в эволюции данной теории. В рамках всех существующих на данный момент концепций, восходящих к теории первого плана и фона, мы имеем дело с ее развитием и активным взаимодействием с другими современными научными направлениями, порой выходящими за рамки собственно лингвистики. Цель данного обзора — кратко охарактеризовать основные положения теории первого плана и фона и представления об «иерархии выделенности» клауз нарратива в классических зарубежных исследованиях (с опорой на не переведенные на русский язык лингвистические труды) и рассмотреть основные направления развития этих представлений на текущий момент, уделяя особое внимание работам, привлекающим русскоязычный материал в контексте сопоставления оригинальных и переводных текстов².

1. Критерии выдвижения клауз и представление о семантико-грамматической «иерархии выделенности» в классических трудах по теории первого плана и фона

Базовые положения теории первого плана и фона сформировались на основе идей У. Лабова и Дж. Валецкого, в свою очередь развивавших концепцию структуры нарратива, предложенную В. Я. Проппом (понятие «хода» сказки, сформированного четкой последовательностью «функций» — событий в тексте — при помощи сказуемых [Пропп 1928: 125], требовало переосмыслиния в применении к нарративным текстам других жанров). В известной работе *«Narrative Analysis: Oral Versions of Personal Experience»* (1967) Уильям Лабов и Джошуа Валецкий (*W. Labov, J. Waletzky*) предложили рассматривать в качестве единицы повествования клаузу, противопоставив собственно нарративные клаузы остальным: свободным, ограниченным (*restricted*) и сочиненным (*coordinate*). Нарративные клаузы, соотношение которых формирует у читателя представление о временной последовательности отражаемых событий, составляют остов повествования. Свободные клаузы, передающие дополнительные сведения о месте и времени событий, о свойствах участников и характеристиках ситуации, могут быть перемещены относительно нарративных клауз без ущерба для временной последовательности ключевых происшествий, ограниченные клаузы перемещаются лишь в

---

² В данный обзор не включены работы, использующие термин *foregrounding* в других значениях, в частности, в значении стилистического приема неожиданного отклонения от литературной нормы (в этом случае *foregrounding* является переводом чешского термина *aktualizace* — «выделение», предложенного в 30-е годы Я. Мухаржовским) и в значении выделения ремы в высказывании (принципы соотношения первого плана и фона лишь отчасти сопоставимы с принципами выделения темы / ремы, топика / фокуса, данного / нового, см. также: [Ирисханова 2014: 35]).

небольшой зоне нарратива, сочиненные клаузы обозначают одновременные события и характеристики. Минимальный чертеж, соотносимый, по мнению авторов, с реализацией референтной функции повествования (т. е. с сообщением об имевших место событиях), усложняется в ходе выполнения нарративом эмотивной функции, усиливающей воздействие на читателя (например, при помощи нанизывания свободных, комментирующих клауз перед кульминационной нарративной — намеренного затягивания паузы, создания интриги), транслирующей адресату оценки происходящего, ретроспективы и выводы, мнение третьих лиц и т. п.

У. Лабов и Дж. Валецкий описали некоторые грамматические и семантические характеристики нарративных клауз, выделив в них так называемый «пик» (narrative head), обозначающий событие, произошедшее с героями нарратива, и реализованный личной формой глагола в простом прошедшем или простом настоящем времени. Безусловно, исследователи (а ими было обработано 400 «простых нарративов» — рассказов людей, переживших опасное приключение) столкнулись и с неоднозначными контекстами, которые оценивались с учетом перспективы текста, организованного точкой зрения рассказчика. Так, в повествовании о том, как человек чуть было не погиб, выстраивается следующая цепочка нарративных клауз:

<i>I caught cramps and I started yelling «Help» but the fellows didn't believe me, you know, and so I started going down and for no reason at all there was another guy, who had just walked up that minute he just jumped over and grabbed me</i>	У меня ногу свело, и я стал звать на помощь, но ребята мне не поверили, понимаешь, и я начал тонуть, и вдруг откуда ни возьмись появился еще один парень, который только подошел в тот момент, он прыгнул и подхватил меня
--	--

[Labov, Waletzky 1967, цит. по Labov, Waletzky 1997: 20, здесь и далее перевод мой, если не указано иное. — А. У.]

Обратим внимание на то, что клауза *and for no reason at all there was another guy* могла бы представлять стативный, свободный элемент фона (*и там почему-то был еще один парень*), однако с точки зрения рассказчика она подана (и должна быть переведена) как нарративная (*и вдруг откуда ни возьмись появился еще один парень*), поскольку трактуется как событие —явление спасителя, а не просто как комментирующее замечание о том, что рядом присутствовал еще один человек.

Последователи У. Лабова активно использовали не только его представление о нарративных клаузах, но и сами тексты, собранные им,

вот почему «простые нарративы» составили основной материал в первых работах по теории первого плана и фона.

Вторая известная концепция, на которую опирались эти работы, представлена в статье Чарльза Филлмора (*Ch. Fillmore*) «*The Case for Case Reopened*» (1977). Введенное ученым представление о “Saliency Hierarchy” — семантико-грамматической «иерархии выделенности» — стало использоваться применительно к упорядочиванию ролей с определенной точки зрения в рамках отдельно взятой клаузы. Ч. Филлмор выделил четыре характеристики участников, способствующие их продвижению в позицию прямого дополнения: обозначение человека, а не животного или предмета (*humanness*), изменение местоположения в процессе осуществления действия (*change of location*), определенность (*definiteness*), полная охваченность действием (*totality*). Так, более естественно сказать *Я ударил Гарри палкой* (*I hit Harry with the stick*), чем *Я ударил палкой по Гарри* (*I hit the stick against Harry*), помещая обозначение человека в позицию прямого дополнения. В паре *I broke the vase with the hammer* (*Я разбил вазу молотком*) — *I broke the hammer on the vase* (*Я разбил молоток о вазу*) мы поместим в позицию прямого дополнения тот объект, который претерпел изменения (разбился). [Fillmore 1977: 75–79]. Понятие перспективы, таким образом, связывает, по мнению Ч. Филлмора, уровень семантических ролей и уровень их грамматических реализаций.

Рассматривая явление, исследованное Ч. Филлмором, на материале уже не отдельных предложений, а «простых нарративов» У. Лабова и других подобных текстов, Пол Хоннер и Сандра Томпсон (*P. Hopper, S. Thompson*) в статье «*Transitivity in Grammar and Discourse*» (1980) связали выдвижение клаузы на фоне других с целым кластером семантико-грамматических признаков. Именно эта работа считается основополагающей в теории первого плана и фона, в ней содержатся определения ее ключевых понятий (*grounding, foreground, background*³) и подробная характеристика признаков, способствующих выдвижению клаузы.

Приведем список критериев выдвижения клауз по П. Хопперу и С. Томпсон:

³ «Используя язык, люди конструируют свои высказывания в соответствии с коммуникативными целями и восприятием потребностей адресата. Соответственно, в любой ситуации общения некоторые части произносимого представляются более значимыми, чем другие. Та часть дискурса, которая не относится непосредственно к цели говорящего, но лишь расширяет, комментирует ее, помогает ей, называется **фоном** (*background*). В противоположность этому материал, обеспечивающий выражение основного содержания дискурса, называется **первым планом** (*foreground*). Языковые характеристики, связанные с различием между первым планом и фоном, обозначаются термином **выдвижение** (*grounding*) <...> Фрагменты первого плана создают скелет текста, формируют его базовую структуру, тогда как фоновые фрагменты облекают скелет плотью, оставаясь при этом в стороне от основ его структурной связности» [Hopper, Thompson, 1980: 280].

1. Наличие субъекта и объекта действия, выраженных формально, или возможность их подстановки без изменения конструкции.
2. Семантические и грамматические характеристики предиката:
  - 2.1. Динамика (*kinesis*).
  - 2.2. Предельность, результативность или времененная «ограниченность» действия (*boundedness*).
  - 2.3. «Точечность», компактность действия (*punctuality*).
  - 2.4. Контролируемость действия (*volitionality*).
  - 2.5. Наклонение (индикатив > не-индикатив).
3. Утвердительность.
4. Агентивность, характеристика действующего субъекта (оценивается по шкале: местоимение, относящееся к человеку (4 балла) > имя собственное (3 балла) > имя нарицательное, относящееся к человеку (2 балла) > имя нарицательное, относящееся не к человеку (1 балл)).
5. Задействованность объекта (объект изменяется в результате действия).
6. Индивидуализация объекта (определенность, конкретная референция в тексте – шкала $2>1>0$)

Некоторые критерии в списке введены на семантическом основании, другие связаны с учетом формальных признаков компонентов клаузы. В целом первоплановые клаузы характеризует наличие агентивного субъекта и объекта, полностью охваченного действием, при предикате, обозначающем динамическое, целенаправленное, ограниченное во времени, результативное действие. Согласно такой шкале, предложения типа *John killed Jim* получают большее выдвижение и активнее привлекают внимание адресата, чем предложения *John saw Jim*, а те – больше, чем *John was ill* или *The wind was blowing*. Критерий «агентивности» антропоцентричен: наибольшую выделенность получают клаузы, где субъектом является человек. Предваряя возможные сомнения читателей по поводу критериев утвердительности клаузы и оформления предиката в индикативе, авторы статьи отмечают, что в исследованном ими корпусе нарративных текстов неутвердительные предложения и клаузы не в индикативе вообще встречались редко. Здесь, безусловно, сказалась особенность выбранного материала: «простых» нарративов без диалогов или внутренних монологов. Иллюстрируя каждый из введенных критериев выдвижения, авторы статьи привлекли материал более 30 разнотипных языков, однако примеры текстов, вошедших в корпус, представлены только на английском языке. Деление клауз, предложенное П. Хоппером и С. Томпсон, основывается на дихотомии *первый план – фон*, не предполагая переходных зон, и представляется универсалией,

восходящей к основным коммуникативным и психологическим функциям человеческого сознания.

Однако даже в «простом», нехудожественном нарративе, клаузы не делятся бинарно на первоплановые и фоновые. Идея необходимости скалярного подхода в определении критериев выдвижения зазвучала в работах американского слависта Кэтрин Чвани (C. Chvany) («Foregrounding, ‘Transitivity’, Saliency», «Backgrounded Perfectives and Plot Line Imperfectives: Toward a Theory of Grounding in Text» [1985a и b]), предложившей подсчитывать выделенность каждой клаузы в баллах и обозначившей соответствующую систему характеристик как «Saliency Hierarchy», расширив таким образом значение термина Ч. Филлмора. Члены оппозиции *первый план – фон* стали осмысливаться как полюса «шкалы» выделенности клауз в тексте.

К. Чвани последовательно соотнесла критерии, выдвинутые П. Хоппером и С. Томпсон, с материалом русского и болгарского языка, доработав предложенную типологами универсальную классификацию. Кластеры внутри ее шкалы ориентированы на принципы описания фигуры на фоне в гештальт-психологии [Reinhart 1984]. (Шкала впервые представлена в [Chvany 1985a: 255], уточнена в [Chvany 1985b: 14, Chvany 1997: 292].) Всего кластеров три — это характеристики субъекта и объекта (в плане их большей или меньшей индивидуализации), свойства предиката (соотнесенные с принципами выделения гештальта), а также признаки целой клаузы, иконически связанные с представлением о выделенности.

Поскольку публикации К. Чвани, в значительной степени ориентированные на русскоязычный материал, не были переведены на русский язык, остановимся на них подробнее и прокомментируем устройство трех групп признаков в ее схеме.

Кластер 1. Степень индивидуализации участников ситуации

<i>Признаки индивидуализации</i>	
Главный участник (вне зависимости от падежа)/	
Референциальность	$3 > 2 > 1 > 0$
Антропоцентричность	$4 > 3 > 2 > 1 > 0$
Второй участник (в Им. или Вин. падеже)/	аналогично

В рамках первого кластера баллы для клаузы начисляются за такие свойства субъекта и объекта, как референциальность и антропоцентричность. Субъект (агенс, посессор, экспериенцер и т. п.) может быть выражен любым падежом (так учитываются особенности русской грамматики), объект задействован в выдвижении клаузы, только если он стоит в винительном или именительном падеже. Параметр **референциальности** учитывает, помимо упомянутых у П. Хоппера и С. Томпсон определенности и рефе-

рентного употребления, нахождение субъекта в реме или в инициальной теме предложения (максимум 3 балла по шкале К. Чвани). Параметр «**антропоцентричность**» включает одушевленность, конкретность, исчисляемость, форму единственного числа (максимум 4 балла).

Кластер 2. Свойства предиката клаузы

Результат > происшествие > гомогенный процесс > повторяющееся действие > состояние	4>3>2>1>0
Реальная модальность > гипотетическая модальность (в конструкциях с реальным условием) > ирреальная модальность	2>1>0
Воздействие на объект (вне зависимости от падежа): создан или уничтожен > перемещен или изменен > стал объектом прикосновения > не претерпел никакого воздействия	3>2>1>0
Утверждение > отрицание	1>0

К. Чвани опирается на доработанную классификацию З. Вендлера (при ее переводе мы воспользовались терминами Т. В. Булыгиной [Булыгина 1982]), считая, что эта таксономия учитывает введенные П. Хоппером и С. Томпсон характеристики **пределности, результативности, временной ограниченности** действия. Семантика предиката, обозначающего действие, уточняется путем учета характера воздействия на объект. Характеристика глагольной формы в плане наклонения также не предусматривает дихотомии (см. таблицу), последний критерий – утверждение > отрицание – взят из списка П. Хоппера и С. Томпсон.

Кластер 3. Признаки целой клаузы

Главное предложение > придаточное изъяснительное или определительное нерестриктивное ⁴ > другие типы придаточных > рестриктивное придаточное > причастие, деепричастие, девербатив	4>3>2>1>0
Диалог (я-здесь-сейчас) > повествование (+1 за настоящее историческое, -1 за болгарское пересказывательное наклонение)	1>0 (± 1)
Переходная личная конструкция > непереходная личная конструкция > безличная конструкция	2>1>0
Контролируемость действия и агентивность (см. ниже)	3>2>1>0

⁴ В русской синтаксической традиции нерестриктивные придаточные обозначаются как определительные придаточные распространительного типа (Я дал сверток старушке, которая поблагодарила меня и ушла), а рестриктивные как определительные придаточные выделительно-ограничительного типа

Обратим внимание на ряд параметров, дополняющих список П. Хоппера и С. Томпсон. Во-первых, оговаривается различие в лингвистическом выдвижении **главных и подчиненных клауз** разной степени самостоятельности, вплоть до деепричастия и девербатива. Второе дополнение: введение диалога в текст представляет собой выдвижение на фоне нарратива. Диалог «подключает» читателя к хронотопу событий, вот почему К. Чвани записывает в скобках отсылку к **дейксису (ego-hic-nunc)**. Дополнительный балл предусматривается для использования в клаузе настоящего исторического, которое реализует в нарративе сходную функцию (ср.: [Urzha 2016]). Наконец, вычитание балла происходит в случае использования пересказывательного наклонения в болгарском языке (учитывается реализация грамматической категории эвиденциальности). Безличные предложения противопоставлены формально двусоставным, из которых самыми выделенными представляются переходные конструкции. Последняя пара критериев в этой группе (контролируемость и агентивность) касается семантических характеристик предиката⁵.

Для каждой клаузы в нарративе баллы по всем параметрам складываются, и формируется сложный рисунок более и менее выдвинутых фрагментов текста. Многочисленность характеристик, сопряженных с первоплановыми и фоновыми свойствами клауз, позволяет при анализе текста не оставить незамеченным эффект любого выдвижения.

К. Чвани разбирает ряд текстов (от сказки Л. Н. Толстого «Три медведя» до фрагмента очерка М. Цветаевой «Мой Пушкин»), подсчитывая количество баллов для каждой клаузы и демонстрируя, как работает ее «шкала выделенности». В соответствии с результатами подсчетов она затем располагает клаузы визуально так, чтобы была видна их соотносительная выделенность. Вот так ранжированы клаузы во фрагменте из текста М. Цветаевой:

О Гончаровой не упоминалось вовсе,	14
и я о ней узнала	19
только взрослой.	10
Мещанская трагедия обретала величие мифа.	19

(У дома сидели три старушки. Я дал сверток старушке, которая сидела слева) [см.: Белошапкова 1971: 35].

⁵ К. Чвани проверяет предикат на сочетаемость со словами *нарочно* и *нечаянно*, максимальный балл получают глаголы типа *уговаривать* (3 балла), далее следуют глаголы типа *убить* (ненамеренность допускается — 2 балла), типа *упасть* (чаще ненамеренно, но допускается и обратное — 1 балл) и, наконец, типа *переваривать* — только неконтролируемое действие. Позже Б. Уорвик предложит связать свойство агентивности с характеристиками участников ситуации (первый кластер) [Wårvik 2004: 109].

Да, по существу, третьего в этой дуэли не было.	10
Было двое: любой и один.	10
То есть вечные действующие лица	
пушкинской лирики: поэт — и чернь.	10
Чернь, на этот раз в мундире кавалергарда, убила — поэта.	27
А Гончарова, как и Николай I-ый — всегда найдется.	14

[Chvany 1985b: 18–19].

Выявляется оригинальная композиция цветаевского текста: ключевое предложение о том, как чернь убила поэта (27 баллов), предваряется самыми фоновыми клаузами (по 10 баллов), создавая контраст, привлекающий внимание читателя к главной мысли автора.

Далее К. Чвани переходит к сопоставлению оригинала с двумя переводами: английским и болгарским. Ее цель — проследить, как выдвижение передается при переводе (*to account for the transfer of grounding in translations* [Chvany 1985b: 15]), замерив клаузы по той же шкале. Выясняется, что болгарский переводчик, подбирая точные грамматические эквиваленты (*убила поэта — бе убила поета*), уводит ключевую фразу в фон (плюсквамперфектный флэшбэк), в то время как английский переводчик жертвует формальной точностью, воспроизводя первоплановое выделение (*не had killed*, а именно *killed*).

К. Чвани впервые применила концепцию первого плана / фона в сопоставительном анализе оригинального текста и его переводов, соотнеся критерии, выдвинутые П. Хоппером и С. Томпсон, с материалом русского и болгарского языков и разработав затем собственную шкалу выделенности (*Saliency Hierarchy*) для характеристики более и менее выдвинутых клауз. Помимо К. Чвани, критерии П. Хоппера и С. Томпсон применяли к отдельным фактам славянских грамматик и некоторые другие исследователи: в 1982 г. была опубликована работа о транзитивности в чешской фольклорной сказке [Kalmár 1982], а в 1985 г. вышла статья, касавшаяся, в частности, выдвижения в русских модальных конструкциях с отрицанием [Rappaport 1985], однако, ограничиваясь рядом замечаний к теории первого плана и фона, авторы этих публикаций не разрабатывали целостных моделей текстового выдвижения.

2. Доработка критериев выдвижения клауз в нарративе: исследования на рубеже XX — XXI вв.

За последние два десятилетия XX в. и первое десятилетие XXI в. было опубликовано значительное количество работ, развивающих концепцию П. Хоппера и С. Томпсон, но не меняющих ее базовых принципов. Эти работы можно отнести к двум крупным направлениям.

Первое сформировано трудами по синтаксису текста, его когезии и когерентности, где ранжирование клауз и характеристика их составляющих становятся основанием для описания принципов связности текста, прогнозирующих его корректное линейное «развертывание». Исследования такого рода весьма разнообразны, общей их чертой является сама идея выдвинутости одних клауз по отношению к другим и учет определенной комбинации признаков таких клауз. Это статьи по теории риторических структур (Rhetorical Structure Theory) и теории представления сегментированного дискурса (Segmented Discourse Representation Theory), фокусирующиеся на возможностях выстраивания текста из «ядерных» (*nucleus*) и «сопутствующих» (*satellite*) клауз [Mann, Thompson, 1988], связанных сочинительными и подчинительными «дискурсивными отношениями» [Asher, Vieu, 2005; Ramm, Fabricius-Hansen 2005; Hinterhölzl, Petrova 2011]. В теории центрирования (Centering Theory) ранжируются привлекающие внимание адресата «центры» — «референты дискурса» в контексте реализуемых ими семантических и синтаксических ролей, референциальных характеристик и информационного статуса [Grosz et al 2003; Chiarcos et al 2011]. Это ранжирование позволяет более полно описать механизм действия анафорических связей в тексте.

Второй подход продолжает традицию исследования выдвижения, основанную на анализе художественных текстов и стремящуюся сохранить идею «кластерности» семантико-грамматических признаков выдвижения клаузы, но при этом не упускаяющую из сферы внимания субъективность текстовой организации, — и, следовательно, параметр «точки зрения», организующий первый план и фон повествования. Интересно, что большая часть таких работ эксплицитно посвящена изучению темпоральных форм и функций предикатов в нарративе или реализации дейктических категорий в художественном тексте [Dry 1983, Fleischman 1990, Ehrlich 1987, Couper-Kuhlen 1989, Declerck 1991, Depraetere 1996, L. Grenoble 1998, Martín-Asensio 2000, Wårvik 2004, Koyama 2004 et al.]. В рамках этого направления критерии иерархии выделенности получают уточнение.

Так, обширную дискуссию и ряд интересных предложений вызвал вопрос о том, всегда ли придаточные предложения и нефинитные формы тяготеют к области фона, ведь нередко они также обозначают события, «выстраивающие» сюжет (*Наконец встретив мужчину своей мечты, она вышла за него замуж*). Обращаясь к понятию «движения нарративного времени», Хелен Драй (H. Dry) в статье *«The Movement of Narrative Time»* (1983) предложила рассматривать в составе первого плана все клаузы нарратива, соотносимые с последовательностью «точек» — со-

бытий — на темпоральной оси, вне зависимости от того, как они синтаксически оформлены. Фон текста в этом случае включает элементы, не соотносимые с одной такой «точкой» (процессы, повторяющиеся и многократные действия), либо соотносимые с «точкой», которая не входит вfabульную последовательность (сюда Драй отнесла события, обозначенные формами *Past Perfect*) [Dry 1983: 48].

Элизабет Кайпер-Кулен (*E. Couper-Kuhlen*) в работе «*Foregrounding and Temporal Relations in Narrative Discourse*» (1989) исследовала ситуации, когда в специфических контекстах для введения первопланового события используется форма глагола *to be* (не случайно при ее переводе на русский язык задействуется глагол совершенного вида): *John went over the day's perplexing events once more in his mind. Suddenly, he was fast asleep* (Джон еще раз обдумал странные события этого дня. Неожиданно он крепко заснул) [Couper-Kuhlen 1989: 27]. Временную «ограниченность» (*boundedness*), необходимую для события в рамках первоплановой цепочки, создает в этом случае даже не семантика предиката, а контекст, в первую очередь такие элементы, как *and then*, *at once* или *suddenly*. То, что слова со значением неожиданности могут «выдвинуть» ситуацию на первый план, сделать ее «событием» в рамках сюжетной цепочки, оказалось важным наблюдением, однако убедительное объяснение этого явления в рамках теории выдвижения было предложено чуть позже в работах С. Флейшман (см. ниже).

Ренаат Деклерк (*R. Declerck*) в книге “*Tense in English – Its Structure and Use in Discourse*” (1991) и Илзе Депратер (*I. Depraetere*) в статье “*Foregrounding in English relative clauses*” (1996) уделили особое внимание отмеченным К. Чвани возможностям выражения первоплановой и фоновой информации в придаточных рестриктивного и нерестриктивного типа [Declerck 1991, Depraetere 1996]. Если нерестриктивные придаточные нередко оформляют элементы сюжетной «цепочки» (*I gave the letter to the clerk, who copied it*), то рестриктивные принято считать областью глубокого фона: они ограничивают участников ситуации, учитывая их свойства или действия (*I chose the sandwich that was on the top of the plate*). Однако исследователи обнаружили и описали случаи, когда рестриктивное придаточное может оказаться выдвинутым на первый план: если ситуация, обозначенная им, ограничена по времени, а само предложение предшествует главному:

A simple enough question. But the passengers who heard it turned to see who asked it. (Простой вопрос. Но пассажиры, которые услышали его, обернулись, чтобы увидеть того, кто его задал.) [Depraetere 1996: 719].

Исследования Р. Деклерка и И. Депратере учитывают и семантику предикатов, и их грамматические формы, и определенность / неопределенность

ленность актантов. Однако, детально изучая определенные комбинации уже описанных критериев выдвижения, авторы остаются в рамках существующей классификации.

В 1998 году вышла монография Ленор Гренобль (*L. Grenoble*) “*Deixis and Information Packaging in Russian Discourse*”, затрагивающая, в частности, вопросы, связанные со средствами выдвижения в русском языке. В главе «Выдвижение и выделенность» автор, опираясь на концепцию У. Лабова и П. Хоппера — С. Томпсон, анализирует функционирование русских видо-временных форм в повествовательных текстах, отмечая способность глаголов в настоящем историческом выдвигать информацию на первый план. Разнообразные средства выражения значений ирреальной модальности рассматриваются как способы организации фона повествования. Особенности вербализации основных актантов (субъекта и объекта) в русских предложениях связываются с конкретными вопросами реализации категорий числа и одушевленности, а также значений определенности / неопределенности. На синтаксическом уровне в рамках теории выдвижения описываются возможности оформления действительного и страдательного залога, прослеживается взаимосвязь между соотносительным выдвижением клауз и темо-рематическим развертыванием текста. В работе привлечен обширный русскоязычный материал, выводы автора подтверждают наблюдения, сделанные ранее К. Чвани.

3. Когнитивные исследования в сфере «иерархии выделенности»: акцент на субъективной составляющей текстового выдвижения.

Новый виток исследований соотносительной выделенности клауз в нарративе, который мы можем наблюдать в начале третьего тысячелетия, связан с повышением внимания к субъективной, модусной составляющей текстового выдвижения. Этому способствовало расширение изучаемого материала, включение в круг анализируемых текстов средневековых и новейших нарративов на разных языках, произведений, содержащих несобственно-прямую речь, развернутый внутренний монолог, «поток сознания».

Провозвестником изменений стала книга Сьюзен Флейшман (*S. Fleischman*) «*Tense and Narrativity. From Medieval Performance to Modern Fiction*», появившаяся еще в 1990 г. (и ряд статей этого автора). С. Флейшман исследовала специфический материал — средневековые нарративы, созданные на старофранцузском и испанском языке в рамках разных жанров, в первую очередь баллады и эпические сказания, такие как «Песнь о Роланде» или «Песнь о Сиде». Обладая специфическим синтаксисом

и реализуя возможности сложных систем грамматических форм, эти тексты демонстрируют нам необычную поэтику, лингвистические механизмы которой могут быть описаны в прагматическом ключе. С. Флейшман предложила дополнить композиционно-семантический критерий конституирования временной последовательности, введенный для первоплановых элементов текста У. Лабовым, и семантико-грамматические критерии транзитивности, предложенные П. Хоппером и С. Томпсон, — прагматическими критериями «важности для человека» (*human importance*) и «неожиданности», «непредсказуемости» для говорящего и адресата информации, помещенной в клаузу. Явление выдвижения «неожиданного» в тексте возводится С. Флейшман к принципам описания фигуры на фоне в гештальт-психологии. Фон предсказуем, появление на нем фигуры — отклонение от этой предсказуемости. С точки зрения теории информации, неожиданный элемент более информативен, чем ожидаемый, и это контекстуально обусловленное свойство делает его более выделенным.

С. Флейшман обращает наше внимание на особую роль настоящего исторического в повествовании о прошлом. Ее наблюдения в этой сфере совпадают с идеей К. Чвани — настоящее историческое способствует «выдвижению события» на фоне других, и эта стратегия широко используется в средневековом нарративе: «Форма настоящего времени во многих языках задействуется для создания “текстуры” выдвижения, поскольку она помогает достичь особого эффекта: нарратор, оставив позицию отстраненного, неэмоционального историографа и подавая материал в манере наблюдателя-очевидца, сигнализирует таким образом аудитории о том, что информация, изложенная в презенсных клаузах, заслуживает особого внимания» [Fleischman 1990: 356].

Небесспорной представляется автору квалификация всех описаний как элементов фона. С. Флейшман пишет, что в старофранцузских сказаниях (как и вообще в традиционном повествовании, сформировавшемся в устном бытовании) эстетическую ценность представляет мастерство, с которым повествователь расширяет описательную часть, выделяя специфические детали на фоне стандартных, «рутинных» [Fleischman 1990: 320]. Не менее «важными», как считает автор, для современного читателя предстают, например, описания экзотических миров и инопланетян в новых фантастических блокбастерах. Для того чтобы выделить в таких фрагментах лингвистические маркеры выдвижения, необходимо снять с описательных фрагментов «клеймо» тотального фона, выработать более тонкие инструменты их анализа. Разветвленная система времен, применяемая в средневековых эпосах, позволяет сконцентрировать внимание читателя не только на событиях,

от которых зависит судьба героев (чаще всего это настоящее историческое или перфект), но и на нестандартных характеристиках героев, их внешности, оружия и т. п. (в этом случае задействуется имперфект в сочетании с эмотивно-оценочной лексикой). С. Флейшман утверждает, что выдвижение и оценка — это «две стороны одной медали». Если абстрагироваться от идеи первого плана как цепочки последовательных событий и вернуться к свойствам фигуры на фоне, то составляющими фона в нарративе окажутся элементы, предсказуемые в данном контексте, а также элементы, не квалифицированные в оценочном плане. Напротив, на первом плане аккумулируются элементы неожиданные, нарушающие рутинный «сценарий», а также те компоненты нарратива, по отношению к которым так или иначе выражена оценка.

Помещение наиболее важного события текста в область фона — один из поэтических приемов уже в современной литературе, сознательная игра с нормой, позволяющая представить нестандартную точку зрения героя на мир. С. Флейшман приводит пример из романа Вирджинии Вульф «На маяк»: *«Mr. Ramsey, stumbling along a passage one dark morning, stretched his arm out, but Mrs. Ramsey having died rather suddenly the night before, his arms, though stretched out, remained empty»* («Мистер Рэмзи, спотыкаясь на ходу одним темным утром, распростер руки, но, так как миссис Рэмзи вдруг умерла прошлой ночью, он просто распростер руки. Они остались пустыми» — литературный перевод Е. Суриц). Одно из главных сюжетных событий — смерть жены мистера Рэмзи — намеренно подано как фоновое (в виде перфектного причастия) — автор представляет нам искаженное восприятие действительности героем. Аналогичный пример ранее приводила и К. Чавани: в рассказе А. П. Чехова «Спать хочется» обезумевшая девочка-нянька, поглощенная желанием заснуть, не понимает, что совершила убийство — это событие оформлено в виде деепричастия как фоновое, наименее важное: *«Варька подкрадывается к колыбели и наклоняется к ребенку. Задувив его, она быстро ложится на пол, смеется от радости, что ей можно спать, и через минуту спит уже крепко, как мертвая...»*. «Задвижение» в область фона события, наиболее «важного для человека», указывает на несовпадение точки зрения, с которой ведется в этот момент повествование, с общепринятой точкой зрения, то есть на усложнение нарративной перспективы.

Идеи С. Флейшман получили развитие в ряде исследований, среди которых — диссертационная работа Нобуко Коямы (*N. Koyama*) о выдвижении и дейксисе в первоначальном японском нарративе *«Grounding and Deixis: a Comprehensive Approach to the Grounding Phenomenon in Japanese Narrative»* (2004). Н. Кояма устанавливает соотношение между двумя научными теориями: теорией выдвижения и теорией «дейктического

сдвига» (*Deictic Shift Theory*). Ключевым понятием второй теории [см: Duchan et al. 1995] является «дейктический центр» — специфическая «когнитивная позиция читателя» в мире нарратива, точка отсчета временных и пространственных смыслов, ориентированных на определенного субъекта, к позиции которого читатель мысленно присоединяется. Таким образом, выдвижение клауз тесно связывается с перспективой повествования. В качестве материала Н. Кояма выбирает первоначальный нарратив (произведения Х. Мураками и Б. Ёсимото), в котором центральное место занимают воспоминания, наблюдения и размышления повествователя, а не сюжетная линия. Перемещение дейктического центра из настоящего в прошлое, из одного локуса в другой, от повзрослевшего повествователя к его более молодому «я», фокусирование на определенных впечатлениях и идеях в таких текстах несет особую художественную нагрузку, на первый план выдвигаются клаузы, сопряженные с экспликацией или переключением точки зрения героя. Н. Кояма пишет: «Сдвиг дейктического центра всегда привлекает внимание читателя, выделяясь на фоне остального повествования» [Koyama 2004: 9].

Как и К. Чвани, Н. Кояма заостряет внимание на «выделяющей» функции форм настоящего исторического и дейктических показателей. Появляется и новый параметр выделенности клаузы — использование предикатов ментального и перцептивного модусов, а также показателей неожиданности (напр., *all of a sudden*). В русской лингвистической традиции эти средства принято относить к эгоцентрикам, маркирующим позицию говорящего, наблюдателя или адресата [Падучева 1996: 258]. Предикаты ментального и перцептивного модусов, не обозначающие перехода целенаправленного действия с субъекта на объект, не могут оказаться в зоне первого плана по критериям П. Хоппера и С. Томпсон, однако новый подход к изучению выдвижения на фоне текстовой субъективности призван внести корректизы в это представление. Именно такие предикаты, позволяющие читателю «подключиться» к мыслям и ощущениям фокального персонажа, выделяют клаузы, получающие выдвижение по критериям «важности для человека» и «неожиданности». Будучи опорными «вехами», позволяющими читателю ориентироваться в перспективе текста, они могут сигнализировать о переключении точки зрения.

Эта идея получает развитие, когда Н. Кояма обращается к способам представления точки зрения персонажа как внешней или как внутренней. Языковыми средствами реализации внутренней точки зрения являются те самые предикаты перцептивного и ментального модуса, которые Б. А. Успенский обозначил в этой функции как *verba sentiendi* [Успенский 1995: 114]. Представление же точки зрения персонажа как внешней

требует других показателей — маркеров эвиденциальности или персуса-
зивности. Разбирая соответствующий фрагмент романа Х. Мураками
«Слушай песню ветра», Н. Кояма представляет нам следующую схему
[Koyama 2004: 35]:

<i>“He seemed to have a strong urge to smoke a cigarette for the first time in three years”.</i> (Казалось, ему впервые за три года очень хотелось закурить).	<i>“He had a strong urge to smoke a cigarette for the first time in three years”.</i> (Ему впервые за три года очень хотелось закурить).
Нет -----	Проникновение в мысли героя ----- Есть
Меньшая -----	Информативность ----- Большая
Фон -----	Выделенность ----- Первый план

Субъективное представление информации в рамках внутренней точки зрения, дающее читателю «прямой доступ» к мыслям героя, является, по мнению Н. Коямы, более информативным и способствует большему выдвижению фрагмента текста.

Безусловно, представленная в исследовании Н. Коямы трактовка явления выдвижения значительно отличается от классической концепции 80-х гг. XX в. Обнаруженная близость между явлениями выдвижения и сдвига дейктического центра отчасти обусловлена и тем, что само выдвижение изучается в данном случае в аспекте текстовой субъективности. Тем не менее появление такой интерпретации показательно: вопрос о соотношении перспективы и выдвижения становится в новом веке актуальным для нарратологов, лингвистов и когнитологов.

Уточнению критериев текстового выдвижения клауз посвящена и статья шведской исследовательницы Бритты Уорвик (B. Wårvik) «*What is foregrounded in narratives? Hypotheses for the cognitive basis of foregrounding*», также вышедшая в 2004 г. Б. Уорвик отмечает, что в сложившейся традиции лингвистического анализа текстов существуют два понимания термина первый план (*foreground*), которые нередко смешиваются: «первый план» как сюжетная цепочка следующих друг за другом событий (*foreground as a temporally sequential story-line*) и «первый план» как сюжетная цепочка основных событий (*foreground as a main story-line*). Это замечание трудно не признать справедливым. Действительно, начиная с У. Лабова, авторы оперируют обеими трактовками, причем если в «простых нарративах» два соответствующих принципа выделения первого плана совпадают (в центре повествования оказываются события, которые последовательно происходили с определенными участниками), то при анализе более сложных текстов, как пишет Б. Уорвик, предпочтение

ние отдается критерию «важности», а не временной последовательности, но тогда выдвижение определенных событий на фоне остальных явлений становится более субъективным (добавим: связанным с выбором определенной точки зрения).

Последовательно излагая суть трудов П. Хоппера – С. Томпсон, а затем К. Чвани, Б. Уорвик тезисно характеризует и комментирует основные принципы «иерархии выделенности» клауз в нарративе: континуальность, кластерность, контекстуальную ориентированность (клаузы соотносятся друг с другом), соединение формальных и семантических критериев при определении характеристик клауз. По поводу последнего принципа Б. Уорвик справедливо замечает, что формальные показатели и содержательные свойства клауз и их элементов не всегда поддерживают друг друга и что в идеале теория выдвижения должна была бы определить «удельный вес» каждого критерия и принцип их доминирования в случае противоречия, однако, как признает автор, «мы еще не достигли этого этапа в исследовании выдвижения» [Wårvik 2004: 100].

Далее Б. Уорвик представляет собственную таблицу критериев выдвижения, интегрирующую идеи предыдущих авторов и отчасти уточняющую их. Группируя целый ряд характеристик субъекта и объекта первоплановой клаузы (одушевленность, конкретность, исчисляемость, форма единственного числа, определенность, обозначение местоимением или именем собственным, указание на человека), исследовательница предлагает перенести сюда агентивность, отделив ее от контролируемости действия (у К. Чвани они выступали в паре), и учесть, насколько участник, занимающий позицию подлежащего, соответствует прототипическому агенсу. Действительно, в паре предложений *John was drinking coffee. It was steaming* (*Джон пил кофе. Кофе был горячим*) мы воспримем вторую часть как фоновый комментарий к первой, тогда как в паре *John was drinking coffee. He was steaming* (*Джон пил кофе. Он горячился*) вторая часть окажется не менее выдвинутой, чем первая. Кроме того, «разведение» критериев контролируемости и агентивности поможет более корректно описать предложения типа *John burnt his tongue* (*Джон обжег язык*), где агент совершает неконтролируемое действие, и даже *The coffee helped him stay awake* (*Кофе помог ему не заснуть*), где недодушевленный каузатор персонифицируется, совершая псевдоконтролируемое действие. В рамках критерия топикальности участников автор отмечает, что «данное», известное предстает более «выдвинутым», чем «новое», неизвестное, – и это еще раз подчеркивает тот факт, что теория выдвижения не проецируется с легкостью на представления об актуальном членении текста (ср.: [Depraetere 1996: 714, Ирисханова 2014: 179]). Исследовательница помещает в зону первого плана сразу два

времени: *past* и *story-now*: прошедшее нарративное выделяет основные элементы сюжета, настоящее историческое располагает события «близко» к читателю. Отрицание совсем исключается из таблицы, причем Б. Уорвик приводит, на наш взгляд, убедительное обоснование этого решения: различия в выделенности предложений *Джон выпил кофе* и *Джон не выпил кофе* в конкретном участке нарратива будут обусловлены не наличием отрицания, а контекстом, а точнее, тем, насколько ожидаемым / неожиданным для читателя станет то или другое продолжение.

Развивая идею К. Чвани о том, что индивидуализация участников сопряжена с иконичностью (в связи с антропоцентрическим принципом «важности для человека») [Chvany 1985a: 248], Б. Уорвик предлагает учесть при характеристике выделенности клауз точку зрения не только говорящего, но и адресата [Wårvik 2004: 115]. Эта идея представляется ценной: действительно, выдвижение одних клауз на фоне других всегда отображает ранжирование событий, их участников и характеристик, и потому априори субъективно. Субъективность эта имеет достаточно сложную природу: она принадлежит создателю текста, но при этом «спроектирована» и на адресата, восприятием которого создатель текста в большей или меньшей степени манипулирует.

Концепция Б. Уорвика, подчеркивающая, как отмечено в названии статьи, «когнитивную природу выдвижения», предсказуемо сближается с идеями, высказываемыми в работах по когнитивной грамматике, которые активно используют понятия фигуры и фона в описании работы механизмов восприятия, концентрации внимания, памяти и т. п. при характеристике семантики слов и синтаксических конструкций [Talmy 1975, 2007, Langacker 1987, 2007, Taylor 2002, Croft, Cruse 2004]. Оставляя вне фокуса нашего обзора труды по когнитивной грамматике, не ориентированные на изучение выдвижения в структуре нарратива⁶, мы остановимся на результатах проведенного в рамках данной научной традиции исследования *Ari Verhagen* (A. Verhagen) «*Construal and Perspectivization*» (2007), включающего анализ повествовательных текстов и оперирующего понятиями дейктического центра и перспективизации (механизма формирования перспективы) в высказывании. Представляя объемный обзор классификаций механизмов конструирования по Р. Лангакеру, Л. Талми, У. Крофту и А. Крузу, автор статьи отмечает, что, несмотря на целый ряд расхождений, все исследователи выделяют механизм, связанный с формированием перспективы. Однако, по мнению А. Верхагена, при описании этого механизма недостаточно учитывается

⁶ Подробный обзор зарубежных исследований по когнитивной грамматике представлен в монографии [Иришанова 2014].

позиция адресата. Как пишет Верхаген, в любом высказывании говорящий по сути побуждает адресата уделить внимание определенному объекту, задавая ракурс его видения при помощи дейктических отсылок и других способов формирования перспективы [Verhagen 2007: 60]. Сообщение говорящего может указывать на переключение точек зрения при помощи «сдвига дейктического центра», и подобные фрагменты привлекают внимание адресата:

I looked through the window and saw that the children were very nervous. In few minutes, Santa Claus would come in. (Я заглянул в окно и увидел, что дети очень взволнованы. Через несколько минут должен был войти Санта-Клаус.)

[Verhagen 2007: 73].

Однозначно определить, в рамках чьей точки зрения использованы слова *few* и *would*, не так просто, однако глагол *come in* указывает на то, что речь идет о предполагаемом восприятии детей, находящихся внутри дома, и действительно, говорящий, который наблюдает за ними через окно, лишь временно представляет себе их точку зрения (он и есть тот взрослый человек, который собирается войти к детям в образе Санта-Клауса).

Итак, по сравнению с классическим подходом к изучению выдвижения клауз в нарративе, ряд более поздних исследований демонстрирует повышенное внимание к субъективной природе формирования первого плана и фона текста. Введение критериев «важности для человека» и «неожиданности» позволяет объяснить, почему ситуации, не обозначающие результативных действий агентов с объектами (т. е. не имеющие высокой транзитивности), могут тем не менее осмысливаться как значимые события, особенно в контексте тех произведений, где сюжетное действие не играет ведущей роли. Теория первого плана и фона сближается с исследованиями перспективы текста, анализ семантических и грамматических характеристик клауз сочетается с изучением средств, локализующих дейктический центр нарратива, вербализующих переключение точек зрения в ходе повествования.

4. Сопоставительные и переводоведческие исследования в сфере текстового выдвижения, транзитивности, выделенности.

Задачу систематизировать понятия, выработанные в рамках теории первого плана и фона и смежных когнитивных исследований, а также применить их в сопоставительном анализе английских и арабских новостных сообщений (с учетом особенностей их перевода) ставит в своих работах Эсам Н. Халил (*E. N. Khalil*), автор монографии «*Grounding in*

English and Arabic News Discourse» (2000) и статьи «*Grounding between Figure-Ground and Foregrounding-Backgrounding*» (2005). Исследователь отмечает, что систематизация необходима из-за неоднозначности существующей терминологии: понятия первого плана и фона равным образом относят как к поверхностному, так и к семантическому уровню текстовой организации, говоря то о первоплановых и фоновых клаузах, то о первоплановой и фоновой информации.

Определяя понятие выдвижения (*grounding*) с точки зрения «иерархических взаимоотношений пропозиций в тексте в плане их семантической важности» [Khalil 2000: 1], Э. Н. Халил считает выдвижение особым аспектом скалярной (не дихотомичной) организации текста, который не должен смешиваться ни с когерентностью, ни с актуальным членением. Проявления семантического выдвижения на поверхностном уровне текста автор обозначает при помощи термина *prominence* («выпуклость, заметность»), различая более и менее заметные части текста (как результат семантического выдвижения пропозиции или реализации ее в сфере фона). Именно заметность одних частей текста по сравнению с другими на поверхностном уровне может быть сопоставлена с явлением выделения фигуры на фоне в гештальт-психологии. Операция оформления частей текста как более / менее заметных обозначается соответственно терминами *foregrounding* / *backgrounding* и напрямую связывается с выбором определенной точки зрения, с которой ситуация воспринимается и подается адресату [Khalil 2005].

Материалом исследования Э. Н. Халила стали не классические нарративы, а тексты новостей на арабском и английском языке. Его монография представляет собой первый опыт сопоставительного анализа приемов выдвижения в этих двух языках. Автор пишет: «[В]ыдвижение – фундаментальная характеристика текста, и градуальные различия важности его частей крайне важны для понимания и перевода» [Khalil 2000: 2]. Э. Н. Халил выделяет в новостном сообщении три семантических зоны: первый план, средний план (*midground*) и фон. Средний план представлен клаузами, переформулирующими первый план с большей или меньшей детализацией (такой прием характерен для новостей), тогда как фон содержит указание на обстоятельства происшествия, напоминание о предшествующих событиях, сопутствующих явлениях. (Отметим, что указание на источник информации о событиях, помещенных в зону первого плана, автор относит к среднему плану.) Особое внимание Э. Н. Халила привлекают не имеющие точных эквивалентов в английском языке инициальные арабские маркеры, упорядочивающие первоплановую и фоновую информацию в тексте (приблизительный перевод некоторых из них: ‘среди того, что нужно упомянуть’; ‘с другой

стороны'; 'известно, что'; 'в то же время'; 'в то время как'; 'в добавление'). Эти маркеры, имеющие логические, временные, персуазивные значения, не служат, как утверждает автор, для формирования когерентности текста, а устанавливают корректную перспективу — взгляд на иерархизацию поданной информации. При переводе английских новостных текстов (где количество связующих коннекторов вообще минимально: по законам новостного жанра читателю подается набор событий, а логические связи между ними он эксплицирует сам) на арабский язык маркеры, иерархизующие информацию, должны быть добавлены, иначе текст оказывается семантически неорганизованным. И наоборот, если пытаться воспроизвести подобные обороты при переводе новостного сообщения с арабского языка на английский, оно не будет соответствовать своему жанру: новостное сообщение превратится в редакционную статью.

Если мы обратимся к работам, созданным за последние два десятилетия в сфере переводоведения, то также обнаружим ряд исследований, касающихся текстового выдвижения, однако каждое из них связано с отдельным его аспектом и не опирается на теорию выдвижения как на специальную концепцию.

В первую очередь внимание переводоведов привлекает изменение транзитивности клауз при переводе, в результате которого информация перемещается из области первого плана в зону фона или наоборот. Бэзил Хатим и Ян Мейсон (*B. Hatim, J. Mason*) в книге «*The Translator as Communicator*» (1997, 2005) рассматривают два показательных материала. Первый представляет протокол судебного слушания: в англоязычном оригинале вопросы адвоката к свидетелю оформлены так, что обвиняемый никогда не оказывается в позиции подлежащего и не вербализуется как агент при акциональных предикатах, тогда как в испанском переводе его активная роль в предпринятых действиях обозначается прямо, ср.:

<p>Attorney: Where were you going to be given a ride to, where was your destination? <i>/Куда Вас должны были отвезти</i>, где был пункт назначения?/</p>	<p>Interpreter: ¿Cuál era el destino de ustedes, hacia dónde les iba a dar el ride? [What was your (plur.) destination, to where was he going to give you (plur.) the ride?] <i>/Где был пункт назначения, куда он собирался Вас отвезти?</i>/</p>
<p>Attorney: Did you discuss with him where you were going to be taken? <i>/Обсуждали ли Вы с ним, куда Вас должны были отвезти?</i>/</p>	<p>Interpreter: ¿Discutíó usted con él adónde lo iba a llevar? [Did you discuss with him where he was going to take you?] <i>/Обсуждали ли Вы с ним, куда он собирался Вас отвезти?</i>/</p>

[Hatim, Mason 2005: 6–7].

По мнению исследователей, стратегии адвоката и переводчика различаются меньшим и большим фокусированием на ответственности обвиняемого: выбор синтаксических конструкций имеет прагматически значимые последствия.

Второй материал — фрагмент из романа А. Камю «Посторонний» и его английского перевода, представляющий обратное соотношение:

<p>Tout mon être s'est tendu et j'ai crispé ma main sur le revolver. La gâchette a cédé, j'ai touché le ventre poli de la crosse et c'est là, dans le bruit à la fois sec et assourdissant, que tout a commencé. <...> Alors j'ai tiré encore quatre fois sur un corps inerte où les balles s'enfonçaient sans qu'il y parût. Et c'était comme quatre coups brefs que je frappais sur la porte du malheur.</p>	<p>Every nerve in my body was a steel spring, and my grip closed on the revolver. The trigger gave, and the smooth underbelly of the butt jogged my palm. And so, with that crisp, whip-crack sound, it all began. <...> But I fired four shots more into the inert body, on which they left no visible trace. And each successive shot was another loud, fateful rap on the door of my undoing.</p>
<p>Все во мне напряглось, пальцы стиснули револьвер. Выпуклость рукоятки была гладкая, отполированная, спусковой крючок поддался — и тут-то, сухим, но оглушительным треском, все и началось. <...> Тогда я еще четыре раза выстрелил в распластертое тело, пули уходили в него, не оставляя следа. И эти четыре отрывистых удара прозвучали так, словно я стучался в дверь беды.</p>	

[Hatim, Mason 2005: 8, литературный перевод с фр. Норы Галь]

Если в оригинале герой предстает активным действующим лицом (он эксплицирован как агенс при большинстве предикатов и помещен в позицию подлежащего, так что читатель фокусирует внимание на его действиях), то в английском переводе на первом плане оказываются сами события, а также ощущения героя, но сам он в значительной степени «устраниен» из конструкций, перемещен в область фона повествования. Обобщая подобные наблюдения в статье «*Text Parameters in Translation: Transitivity and Institutional Cultures*» (2004) Ян Мейсон (J. Mason) отмечает, что изменения транзитивности могут быть как неосознанными (когда переводчик автоматически перефразирует текст, подбирая наиболее распространенные конструкции языка перевода), так и намеренными (когда за выбором конструкций стоит специальная стратегия). Случай второго типа нередко сопряжен с идеологизацией перевода, изменением оценки событий и действующих лиц.

Также объектом переводоведческих исследований становятся стратегии добавления / изъятия / варьирования лексических показателей, способные изменить точку зрения на события нарратива, выдвинув или, наоборот, затушевав некоторые из них. В книге «*Deixis as an*

Interactive Feature in Literary Translations from Romanian into English» (2004) Ян Мейсон и Адриана Шербан (A. Ţerban) на материале корпуса текстов (повестей и рассказов XX в.), переведенных с румынского на английский, выявили и охарактеризовали последовательные изменения дейктических показателей (в первую очередь местоимений, наречий и временных форм глагола), сопряженные с дистанцированием точки зрения на события: читатель переводов меньше вовлечен в хронотоп происходящего в нарративе, зона первого плана в соответствующих текстах изменяется.

Патрик Гуталс (P. Goethals) в статье «*Between semiotic linguistics and narratology: Objective grounding and similarity in essayistic translation»* (2008) и в совместной публикации с Джюли Де Вилде (J. De Wilde) «*Deictic Center Shifts in Literary Translation: the Spanish Translation of Nooteboom's Het Vluggende Verhaal»* (2009) обращается к изучению явления сдвига дейктического центра на переводном материале⁷. Авторы прослеживают, как переводчик подбирает средства для того, чтобы воспроизвести в тексте переключение точек зрения, выявляют неверные решения и даже случаи «колебания переводчика, склонного дополнительно выделить наиболее заметный дейктический центр» [Goethals, De Wilde 2009: 643]. Опираясь на корпус голландских текстов и их испанских переводов и сравнивая результаты своего анализа с данными Я. Мейсона и А. Шербан, ученые отмечают, что их материал не демонстрирует столь явной тенденции к дистанцированию (или напротив, приближению) точки зрения на события во всех изученных текстах: последовательные изменения дейктиков наблюдаются только в пределах текста и могут быть обусловлены особенностями переводческого прочтения оригинала.

Джереми Мундей (J. Munday) в монографии «*Evaluation in Translation: Critical Points of Translator Decision-Making»* (2012), посвященной интерпретации оценочных смыслов при переводе текстов СМИ, политических выступлений и художественных произведений, уделяет внимание как диктумному, так и модусному выдвижению информации: случаи первого типа относятся к изменению транзитивности [Munday 2012: 17–18, 29–32, 101], второго — к варьированию дейктических смыслов и, шире, — субъективных смыслов, формирующих точки зрения в тексте [Munday 2007, Munday 2012: 68–76]. Поскольку в центре внимания исследователя находятся тексты политических выступлений (в частности, речи Барака Обамы) и их переводы на разные языки, то прагматический эффект выдвижения определенной информации, тесная связь выдвижения и перспективы, ориентация этих приемов организации текста на целевую

⁷ Термин *grounding* П. Гуталс использует в более узком понимании, предложенном Р. Лангакером, трактуя его как комплекс дейктических отсылок, при помощи которых проявляется точка зрения на события в тексте. [Langacker 1987:126]

аудиторию, иллюстрируемая при помощи подобного материала, становятся особенно заметными.

В 2018 г. вышла новая объемная монография, аккумулирующая разработки в сфере теории первого плана и фона и применяющая их к новому материалу. Это книга «*Grounding in Chinese Written Narrative Discourse*» Вендан Ли (*Wendan Li*). Выдвижение в ней трактуется как «универсальное лингвистическое явление, которое представляет и организует единицы дискурса на различных уровнях выделенности» [Wendan Li 2018: 1]. В фокусе исследования этого явления — приемы выдвижения, грамматические средства, которые формируют различие первого плана и фона, придают дискурсу структуру, превращают его в «историю». Относя текстовое выдвижение к проявлениям когнитивной деятельности, Вендан Ли отмечает, что именно с ним связано наше представление о соотношении между грамматическими структурами, их семантическими и прагматическими функциями и коммуникативным намерением говорящего. Автор детально рассматривает критерии выдвижения клауз в семантическом и грамматическом плане (здесь вновь появляются все составляющие кластера признаков транзитивности по П. Хопперу и С. Томпсон), отмечает наиболее распространенные средства выдвижения клауз, выявленные при изучении текстов на разных языках. Важной является характеристика автором выдвижения как «N-мерного понятия» (*N-ary notion*), т. е. имеющего не бинарный, а скалярный характер: представления о первом плане и фоне, положенные в его основание, можно считать прототипическими «полюсами», между которыми выстраивается сложный рисунок реального нарратива [Wendan Li 2018: 16]. В разделе о критике теории первого плана и фона автор, ссылаясь на работы Х. Драй и С. Флейшман, отмечает, что такие характеристики событий, как последовательность, выделенность и важность, могут не совпадать и вопрос о том, какую из них считать определяющей для выдвижения, решается по-разному. Кроме того, ключевые термины теории первого плана и фона за много лет получили разнообразные интерпретации под влиянием ряда лингвистических и нарратологических концепций. Сама Вендан Ли придерживается классического понимания выдвижения по П. Хопперу и С. Томпсон. Изучая средства выдвижения в китайском языке, она фокусируется на семантических и синтаксических характеристиках клауз, обозначающих события и состояния. Наиболее выделенными в ее материале оказываются предложения с порядком слов SV(O) (субъект+глагол+(объект)), включающие предикат с перфективным значением.

Последовательно прослеживая развитие и изменение научных концепций, связанных с понятиями первого плана и фона, автор монографии

связывает современный этап изучения выдвижения с временем создания классических трудов в этой области, подтверждая, что идеи, высказанные несколько десятилетий назад, не утратили значимости и могут быть плодотворно использованы наряду с новыми предложениями в рамках этой научной традиции.

Заключение

За несколько десятилетий существования теории первого плана и фона представление о семантико-грамматических критериях выдвижения одних фрагментов текста по отношению к другим неоднократно дорабатывалось, и параллельно с этим расширялся материал исследований: от «простых» нарративов к произведениям, экспериментирующими с повествовательной нормой, от средневековых эпосов к текстам с развернутой несобственно-прямой речью, «потоком сознания», а также к новостным сообщениям, протоколам судебных заседаний, политическим выступлениям. В сферу анализа постепенно вошли тексты на болгарском, русском, испанском, французском, японском, арабском, румынском, голландском, китайском языках, целый ряд исследователей задействовал сопоставительный ракурс в изучении текстового выдвижения. Дополняя и уточняя критерии противопоставления первого плана и фона, авторы в большей степени проявляют внимание либо к семантическим основаниям этого различия, либо к лексико-грамматическим средствам его реализации, либо к диктумной, либо к модусной составляющей высказывания. Ученые, связывающие выдвижение клауз в нарративе с семантическими и грамматическими свойствами предикатов и актантов, а также с принципами синтаксической иерархизации самих клауз, ведут диалог с исследователями, причисляющими к первому плану повествования фрагменты с внутренней фокализацией, выделяющими средства проявления и перемещения дейктического центра нарратива. Традиционные критерии временной последовательности и транзитивности первоплановых клауз конкурируют с критериями «важности для человека» и «неожиданности», сообщающими ситуациям событийность. Новые идеи рождаются в результате взаимодействия теории первого плана и фона с другими научными концепциями в сфере нарратологии и когнитивной грамматики: именно так сформировались современные исследования в сфере перспективизации и «сдвигов дейктического центра» повествования. Изучение различных аспектов текстового выдвижения на материале оригинальных и переводных произведений разных жанров, с одной стороны, позволяет апробировать идеи ученых в контексте сопоставления языковых систем, а с другой, дает возможность оценить средства выделения и

затушевывания информации в прагматическом ключе — на фоне неосознанных или намеренных переводческих изменений. Количество зарубежных научных работ по теории первого плана и фона, привлекающих данные русских повествовательных текстов, по-прежнему невелико, многие оригинальные идеи, выдвинутые в рамках данной научной традиции, не получили пока проверки на материале русскоязычных нарративов разных жанров и эпох, но, учитывая, что интерес к явлению текстового выдвижения не ослабевает, мы можем ожидать появления новых работ в этой сфере.

Библиография

Белошапкова 1971

Белошапкова В. А., «Анафорические элементы в составе сложных предложений», in: *Памяти академика В. В. Виноградова: Сборник статей*, Костомаров В. Г., ред., Москва, 1971, 34–43.

Булыгина 1982

Булыгина Т. В., «Семантическая классификация предикатов как частный случай лингвистических классификаций», in: *Семантические типы предикатов*, Москва, 1982, 7–85.

Ирисханова 2014

Ирисханова О. К., *Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования*, Москва, 2014.

Падучева 1996

Падучева Е. В., *Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива*, Москва, 1996.

Пропп 1928

Пропп В. Я., *Морфология сказки*, Ленинград, 1928.

Тестелец 2001

Тестелец Я. Г., *Введение в общий синтаксис*, Москва, 2001.

Успенский 1995

Успенский Б. А., *Поэтика композиции*, Москва, 1995.

Asher, Vieu 2005

Asher N., Vieu L., “Subordinating and Coordinating Discourse Relations”, in: *Lingua*, 115, 2005, 591–610.

Chiarcos et al. 2011

Chiarcos C., Berry C., Grabski M., “Introduction: Salience in Linguistics and beyond”, in: *Salience: Multidisciplinary Perspectives on its Function in Discourse. Series: Trends in Linguistics: Studies and Monographs*, Chiarcos C., Berry C., Grabski M., eds., Berlin, 2011, 1–28.

Chvany 1985a

Chvany C. V., “Backgrounded Perfectives and Plot Line Imperfectives: Toward a Theory of Grounding in Text”, in: *The Scope of Slavic Aspect*, Flier M. S., Timberlake A., eds., Columbus, Ohio, 1985, 247–273.

— 1985b

Chvany C. V., “Foregrounding, ‘Transitivity’, Saliency (in Sequential and Non-sequential Prose)”, in: *Essays in Poetics*, 10 (2), 1985, 1–27.

— 1997

Chvany C. V., *Selected Essays of Catherine V. Chvany*, Yokoyama O. T., Klenin E., eds., Columbus, 1997, 286–299.

Clark 1973

Clark R., “Transitivity and Case in Eastern Oceanic Languages”, in: *Oceanic Linguistics*, 12, 1973, 559–606.

Couper-Kuhlen 1989

Couper-Kuhlen E., “Foregrounding and Temporal Relations in Narrative Discourse”, in: *Essays on Tensing in English, Vol. 4. Time. Text and Modality*, Schopf A., ed., 1989, Tübingen, 7–29.

Croft, Cruse 2004

Croft W., Cruse A., *Cognitive Linguistics*, Cambridge, 2004.

Declerck 1991

Declerck R., *Tense in English – Its Structure and Use in Discourse*, London, 1991.

Depraetere 1996

Depraetere I., “Foregrounding in English relative clauses”, in: *Linguistics*, 34, 1996, 699–731.

Dry 1983

Dry H., “The Movement of Narrative Time”, in: *Journal of Literary Semantics*, 12, 1983, 9–53.

Duchan et al. 1995

Duchan J. F., Bruder G. A., Hewitt L. E., eds., *Deixis in Narrative: a Cognitive Science Perspective*, Hillsdale, New Jersey, 1995.

Ehrlich 1987

Ehrlich S., “Aspect, Foregrounding and Point of View”, in: *Text*, 7, 1987, 363–376.

Fillmore 1968

Fillmore Ch., “The Case for Case”, in: *Universals in Linguistic Theory*, Bach E., Harms R., eds., New York, 1968, 1–89.

— 1977

Fillmore Ch., “The Case for Case Reopened”, in: *Syntax and semantics. Grammatical relations*, Cole P., Sadock J. M., eds., 8, 1977, 59–81.

Fleischman 1990

Fleischman S., *Tense and Narrativity. From Medieval Performance to Modern Fiction*, Austin, 1990.

Goethals 2008

Goethals P., “Between semiotic linguistics and narratology: Objective grounding and similarity in essayistic translation”, in: *Linguistica Antverpiensia*, 7, 2008, 93–110.

Goethals, De Wilde 2009

Goethals P., De Wilde J., “Deictic Center Shifts in Literary Translation: the Spanish Translation of Nootboom’s *Het Volgende Verhaal*”, in: *Meta*, 54 (4), 2009, 770–794.

Grenoble 1998

Grenoble L. A., *Deixis and Information Packaging in Russian Discourse*, Amsterdam, Philadelphia, 1998.

Grosz et al. 2003

Grosz B., Joshi A., Weinstein S., “Centering: A Framework for Modeling the Local Coherence of Discourse”, in: *Computational Linguistics*, 21 (2), 2003, 203–225.

Hatim, Mason 1997

Hatim B., Mason J., *The Translator as Communicator*, London, 1997

— 2005

Hatim B., Mason J., *The Translator as Communicator*, London, New York, 2005.

- Hinterhölzl, Petrova 2011
 Hinterhölzl R., Petrova S., "Rhetorical Relations and Verb Placement in Old High German", in: *Salience: Multidisciplinary Perspectives on its Function in Discourse. Series: Trends in Linguistics: Studies and Monographs*, Chiarcos C., Berry C., Grabski M., eds., Berlin, 2011, 173–202.
- Hopper, Thompson 1980
 Hopper P., Thompson S. A., "Transitivity in Grammar and Discourse", in: *Language*, 56 (2), 1980, 251–299.
- Kalmár 1982
 Kalmár I., "Transitivity in a Czech Folk Tale", in: *Studies in Transitivity (Syntax and Semantics)*, Hopper P., Thompson S., eds., 15, 1982, 241–260.
- Keenan, Comrie 1977
 Keenan E., Comrie B., "Noun phrase accessibility and universal grammar", in: *Linguistic Inquiry*, 8 (1), 1977, 63–99.
- Khalil 2000
 Khalil E. N., *Grounding in English and Arabic News Discourse*, Amsterdam, Philadelphia, 2000.
 ——— 2005
 Khalil E. N., "Grounding between Figure-Ground and Foregrounding-Backgrounding", in: *Annual Review of Cognitive Linguistics*, 3 (1), 2005, 1–21.
- Koyama 2004
 Koyama N., "Grounding and Deixis: a Comprehensive Approach to the Grounding Phenomenon in Japanese Narrative", in: *Taiwan Journal of Linguistics*, 2 (1), 2004, 1–44.
- Labov, Waletzky 1967
 Labov W., Waletzky J., "Narrative Analysis: Oral Versions of Personal Experience", in: *Essays on the Verbal and Visual Arts*, Helm J., ed., Seattle, 1967, 12–44.
 ——— 1997
 Labov W., Waletzky J., "Narrative Analysis: Oral Versions of Personal Experience", in: *Journal of Narrative & Life History*, 7 (1–4), 1997, 3–38.
- Langacker 1987
 Langacker R., *Foundations of Cognitive Grammar*, 1, Stanford, 1987.
 ——— 2007
 Langacker R., "Cognitive Grammar", in: *The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics*, Geeraerts D., Cuyckens H., eds., Oxford, 2007, 421–462.
- Mann, Thompson 1988
 Mann W. C., Thompson S. A., "Rhetorical Structure Theory: Toward a Functional Theory of Text Organization", in: *Text*, 8, 1988, 243–281.
- Martín-Asensio 2000
 Martín-Asensio G., "Transitivity-Based Foregrounding in the Acts of the Apostles. A Functional-Grammatical Approach to the Lukan Perspective", in: *Journal for the Study of the New Testament Supplement Series. Studies in New Testament Greek*, 8, Sheffield, 2000.
- Mason 2004
 Mason I., "Text Parameters in Translation: Transitivity and Institutional Cultures", in: *The Translation Studies Reader*, 2nd ed., Venuti L., ed., London, New York, 2004.
- Mason, Ţerban 2004
 Mason I., Ţerban A., "Deixis as an Interactive Feature in Literary Translations from Romanian into English", in: *Target*, 15 (2), 2004, 269–294.
- Munday 2007
 Munday J., *Style and Ideology in Translation. Latin American Writing in English*, London, 2007.

— 2012

Munday J., *Evaluation in Translation: Critical Points of Translator Decision-Making*, Abingdon-New York, 2012.

Ramm, Fabricius-Hansen 2005

Ramm W., Fabricius-Hansen C., "Coordination and Discourse-structural Salience from a Cross-linguistic Perspective", in: *Proceedings of the 6th International Workshop on Multidisciplinary Approaches to Discourse "Salience in Discourse"*, Stede M., Chiarcos C., Grabski M., Lagerwerf L., eds., Chorin, 2005, 119–128.

Rappaport 1985

Rappaport G. C., "Aspect and Modality in Contexts of Negation", in: *The Scope of Slavic Aspect*, Flier M. S., Timberlake A., eds., Columbus, Ohio, 1985, 194–223.

Reinhart 1984

Reinhart T., "Principles of Gestalt Perception in the Temporal Organization of Narrative Text", in: *Linguistics*, 22, 1984, 779–809.

Talmy 1975

Talmy L., "Figure and Ground in Complex Sentences", in: *Proceedings of the First Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*, Cogen C., ed., Berkeley, 1975, 419–430.

— 2007

Talmy L., "Attention Phenomena", in: *The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics*, Geeraerts D., Cuyckens H., eds., Oxford, 2007, 264–293.

Taylor 2002

Taylor J. R., *Cognitive Grammar*, Oxford, 2002.

Urzha 2016

Urzha A. V., "The Foregrounding Function of Praesens Historicum in Russian Translated Adventure Narratives (20th century)", in: *Slověne = Словъне. International Journal of Slavic Studies*, 5 (1), 2016, 226–248.

Verhagen 2007

Verhagen A., "Construal and Perceptivization", in: *The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics*, Geeraerts D., Cuyckens H., eds., Oxford, 2007, 48–81.

Wårvik 2004

Wårvik B., "What is foregrounded in narratives? Hypotheses for the cognitive basis of foregrounding", in: *Approaches to Cognition through Text and Discourse*, Virtanen T., ed., Berlin, 2004, 99–122.

Wendan Li 2018

Wendan Li, *Grounding in Chinese Written Narrative Discourse*, Leiden, Boston, 2018.

References

Asher N., Vieu L., "Subordinating and Coordinating Discourse Relations", in: *Lingua*, 115, 2005, 591–610.

Beloshapkova V. A., "Anaforicheskie elementy v sostave slozhnykh predlozhenii", in: *Pamiati akademika V. V. Vinogradova: Sbornik statei*, Kostomarov V. G., ed., Moscow, 1971, 34–43.

Bulygina T. V., "Semanticheskaya klassifikatsiya predikatov kak chastnyi sluchai lingvisticheskikh klassifikatsii", in: *Semanticheskie tipy predikatov*, Moscow, 7–58.

Chiarcos C., Berry C., Grabski M., "Introduction: Salience in Linguistics and beyond", in: *Salience: Multidisciplinary Perspectives on its Function in Discourse. Series: Trends in Linguistics: Studies and Monographs*, Chiarcos C., Berry C., Grabski M., eds., Berlin, 2011, 1–28.

Chvany C. V., "Backgrounded Perfectives and Plot Line Imperfectives: Toward a Theory of Grounding in Text", in: *The Scope of Slavic Aspect*, Flier M. S., Timberlake A., eds., Columbus, Ohio, 1985, 247–273.

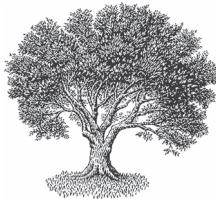
- Chvany C. V., "Foregrounding, 'Transitivity', Saliency (in Sequential and Non-sequential Prose)", in: *Essays in Poetics*, 10 (2), 1985, 1–27.
- Chvany C. V., *Selected Essays of Catherine V. Chvany*, Yokoyama O. T., Klenin E., eds., Columbus, 1997, 286–299.
- Clark R., "Transitivity and Case in Eastern Oceanic Languages", in: *Oceanic Linguistics*, 12, 1973, 559–606.
- Couper-Kuhlen E., "Foregrounding and Temporal Relations in Narrative Discourse", in: *Essays on Tensing in English. Vol. 4. Time. Text and Modality*, Schopf A., ed., 1989, Tübingen, 7–29.
- Croft W., Cruse A., *Cognitive Linguistics*, Cambridge, 2004.
- Declerck R., *Tense in English – Its Structure and Use in Discourse*, London, 1991.
- Depraetere I., "Foregrounding in English relative clauses", in: *Linguistics*, 34, 1996, 699–731.
- Dry H., "The Movement of Narrative Time", in: *Journal of Literary Semantics*, 12, 1983, 9–53.
- Duchan J. F., Bruder G. A., Hewitt L. E., eds., *Deixis in Narrative: a Cognitive Science Perspective*, Hillsdale, New Jersey, 1995.
- Ehrlich S., "Aspect, Foregrounding and Point of View", in: *Text*, 7, 1987, 363–376.
- Fillmore Ch., "The Case for Case", in: *Universals in Linguistic Theory*, Bach E., Harms R., eds., New York, 1968, 1–89.
- Fillmore Ch., "The Case for Case Reopened", in: *Syntax and semantics. Grammatical relations*, Cole P., Sadock J. M., eds., 8, 1977, 59–81.
- Fleischman S., *Tense and Narrativity. From Medieval Performance to Modern Fiction*, Austin, 1990.
- Goethals P., "Between semiotic linguistics and narratology: Objective grounding and similarity in essayistic translation", in: *Linguistica Antverpiensia*, 7, 2008, 93–110.
- Goethals P., De Wilde J., "Deictic Center Shifts in Literary Translation: the Spanish Translation of Nootboom's *Het Volgende Verhaal*", in: *Meta*, 54 (4), 2009, 770–794.
- Grenoble L. A., *Deixis and Information Packaging in Russian Discourse*, Amsterdam, Philadelphia, 1998.
- Grosz B., Joshi A., Weinstein S., "Centering: A Framework for Modeling the Local Coherence of Discourse", in: *Computational Linguistics*, 21 (2), 2003, 203–225.
- Hatim B., Mason J., *The Translator as Communicator*, London, 1997.
- Hatim B., Mason J., *The Translator as Communicator*, London, New York, 2005.
- Hinterhözl R., Petrova S., "Rhetorical Relations and Verb Placement in Old High German", in: *Salience: Multidisciplinary Perspectives on its Function in Discourse. Series: Trends in Linguistics: Studies and Monographs*, Chiarcos C., Berry C., Grabski M., eds., Berlin, 2011, 173–202.
- Hopper P., Thompson S. A., "Transitivity in Grammar and Discourse", in: *Language*, 56 (2), 1980, 251–299.
- Iriskhanova O. K., *Igry fokusa v iazyke. Semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovaniia*, Moscow, 2014.
- Kalmář I., "Transitivity in a Czech Folk Tale", in: *Studies in Transitivity (Syntax and Semantics)*, Hopper P., Thompson S., eds., 15, 1982, 241–260.
- Keenan E., Comrie B., "Noun phrase accessibility and universal grammar", in: *Linguistic Inquiry*, 8 (1), 1977, 63–99.
- Khalil E. N., *Grounding in English and Arabic News Discourse*, Amsterdam, Philadelphia, 2000.
- Khalil E. N., "Grounding between Figure-Ground and Foregrounding-Backgrounding", in: *Annual Review of Cognitive Linguistics*, 3 (1), 2005, 1–21.
- Koyama N., "Grounding and Deixis: a Comprehensive Approach to the Grounding Phenomenon in Japanese Narrative", in: *Taiwan Journal of Linguistics*, 2 (1), 2004, 1–44.
- Labov W., Waletzky J., "Narrative Analysis: Oral Versions of Personal Experience", in: *Essays on the Verbal and Visual Arts*, Helm J., ed., Seattle, 1967, 12–44.
- Labov W., Waletzky J., "Narrative Analysis: Oral Versions of Personal Experience", in: *Journal of Narrative & Life History*, 7 (1–4), 1997, 3–38.
- Langacker R., *Foundations of Cognitive Grammar*, 1, Stanford, 1987.
- Langacker R., "Cognitive Grammar", in: *The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics*, Geeraerts D., Cuyckens H., eds., Oxford, 2007, 421–462.
- Mann W. C., Thompson S. A., "Rhetorical Structure Theory: Toward a Functional Theory of Text Organization", in: *Text*, 8, 1988, 243–281.
- Martín-Asensio G., "Transitivity-Based Foregrounding in the Acts of the Apostles. A Functional-grammatical Approach to the Lukan Perspective", in: *Journal for the Study of the New Testament Supplement Series. Studies in New Testament Greek*, 8, Sheffield, 2000.
- Mason I., "Text Parameters in Translation: Transitivity and Institutional Cultures", in: *The Translation Studies Reader*, 2nd ed., Venuti L., ed., London, New York, 2004.
- Mason I., Şerban A., "Deixis as an Interactive Feature in Literary Translations from Romanian into English", in: *Target*, 15 (2), 2004, 269–294.
- Munday J., *Style and Ideology in Translation. Latin American Writing in English*, London, 2007.
- Munday J., *Evaluation in Translation: Critical Points of Translator Decision-Making*, Abingdon-New York, 2012.
- Paducheva E. V., *Semanticheskie issledovaniia. Semantika vremeni i vida v russkom iazyke. Semantika narrativa*, Moscow, 1996.

- Propp V. Ya., *Morfologija skazki*, Leningrad, 1928.
- Ramm W., Fabricius-Hansen C., "Coordination and Discourse-structural Salience from a Cross-linguistic Perspective", in: *Proceedings of the 6th International Workshop on Multidisciplinary Approaches to Discourse "Salience in Discourse"*, Stede M., Chiarcos C., Grabski M., Lagerwerf L., eds., Chorin, 2005, 119–128.
- Rappaport G. C., "Aspect and Modality in Contexts of Negation", in: *The Scope of Slavic Aspect*, Flier M. S., Timberlake A., eds., Columbus, Ohio, 1985, 194–223.
- Reinhart T., "Principles of Gestalt Perception in the Temporal Organization of Narrative Text", in: *Linguistics*, 22, 1984, 779–809.
- Talmy L., "Figure and Ground in Complex Sentences", in: *Proceedings of the First Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*, Cogen C., ed., Berkeley, 1975, 419–430.
- Talmy L., "Attention Phenomena", in: *The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics*, Geeraerts D., Cuyckens H., eds., Oxford, 2007, 264–293.
- Taylor J. R., *Cognitive Grammar*, Oxford, 2002.
- Testelets Ya. G., *Vvedenie v obshchii sintaksis*, Moscow, 2001.
- Urzha A. V., "The Foregrounding Function of Praesens Historicum in Russian Translated Adventure Narratives (20th century)", in: *Slovène. International Journal of Slavic Studies*, 5 (1), 2016, 226–248.
- Uspenskij B. A., *Poetika kompozitsii*, Moscow, 1995.
- Verhagen A., "Construal and Perceptivization", in: *The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics*, Geeraerts D., Cuyckens H., eds., Oxford, 2007, 48–81.
- Wårvik B., "What is foregrounded in narratives? Hypotheses for the cognitive basis of foregrounding", in: *Approaches to Cognition through Text and Discourse*, Virtanen T., ed., Berlin, 2004, 99–122.
- Wendan Li, *Grounding in Chinese Written Narrative Discourse*, Leiden, Boston, 2018.

Анастасия Викторовна Уржа, канд. филол. наук
 Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
 филологический факультет, доцент кафедры русского языка
 119991, Москва, Ленинские горы, ГСП-1, 1-й корпус гуманитарных
 факультетов
 Россия
 aourja@gmail.com

Received July 2, 2018

Средневековая Болгария в контексте политической имагологии

[Рец.: Ангелов Петър,
*Средновековна България и
нейните съседи (Дипломация и
взаимни представи)*, София, 2017,
488 с.]

Ирина Юрьевна Ващева
Дмитрий Алексеевич Коряков

Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского
Нижний Новгород, Россия

Medieval Bulgaria in the Context of Political Imagology

[Rev. of: Angelov Petar, *Medieval
Bulgaria and its Neighbours*, Sofia,
2017, 488 pp.]

Irina Yu. Vashcheva
Dmitry A. Koryakov

N. I. Lobachevsky State University of
Nizhni Novgorod,
Nizhni Novgorod, Russia

Резюме

В настоящей работе представлена рецензия на книгу известного болгарского историка-медиевиста П. Ангелова. Этот труд представляет собой сборник статей, изданных в разные годы и разделённых на четыре тематических блока: сербско-болгарские отношения, средневековая болгарская дипломатия, болгары в представлении их соседей и другие народы в представлении средневековых болгар. Авторы рецензии высоко оценивают данную книгу. Значимая часть статей была издана в минувшие пять лет, однако и более давние работы до сих пор не потеряли актуальности. Многолетние исследования П. Ангелова воссоздают четкую и насыщенную картину военных и дипломатических контактов Болгарии и Сербии, Болгарии и Византии, Болгарии и других стран данного региона в широкой

Цитирование: Ващева Ю. И., Коряков Д. А. Средневековая Болгария в контексте политической имагологии // Slověne. 2018. Vol. 7, № 2. С. 527–537.

Citation: Vashcheva I. Yu., Koryakov D. A. (2018) Medieval Bulgaria in the Context of Political Imagology. *Slověne*, Vol. 7, № 2, p. 527–537.

DOI: 10.31168/2305-6754.2018.7.2.21

исторической перспективе. Дискуссионность некоторых высказанных автором предположений несколько не умаляет значимость работы, но, напротив, способствует конструктивному научному диалогу. В целом новый сборник работ П. Ангелова имеет несомненную научную актуальность, вносит существенный вклад в исследование важной проблематики, по своему научному уровню соответствует современным мировым стандартам и, безусловно, будет востребован в российском и европейском научном сообществе.

Ключевые слова

Болгария, Сербия, Византия, дипломатия, международные отношения, образы другого

Abstract

The article is a review of the book written by the famous Bulgarian medievalist P. Angelov. The work under review is a collection of articles published in different years and divided into four thematic blocks: Serbian-Bulgarian relations, medieval Bulgarian diplomacy, Bulgarians as seen by their neighbours, and other nations as seen by the medieval Bulgarians. The authors of this review think highly of the book. A significant part of its articles was published in the last five years, but even the earlier articles have still not lost their relevance. The long-term studies of P. Angelov recreate a fairly clear and bright picture of military and diplomatic contacts of Bulgaria and Serbia, Bulgaria and Byzantium, Bulgaria and other countries of the region in a rather broad historical perspective. Some of the debatable assumptions made by the author do not in the least detract from the significance of the work, but, on the contrary, contribute to a constructive scientific dialogue. In general, the new collection of works by P. Angelov, without a doubt, is scientifically relevant, makes a significant contribution to important fields of study, meets the modern international standards of scientific level and will certainly be in demand in the Russian and European scientific community.

Keywords

Bulgaria, Serbia, Byzantium, diplomacy, international relationships, images of another

Минувший 2017 год ознаменовался для балканистики выходом труда болгарского историка Петра Ангелова — известного медиевиста, профессора Софийского университета св. Климента Охридского — под названием «Средневековая Болгария и ее соседи. (Дипломатия и взаимные представления)». Это сборник статей на различные темы, связанные с историей средневековой Болгарии.

Книга продолжает серию авторских публикаций на тему болгарской средневековой дипломатии и взаимных представлений болгар и соседних народов друг о друге [Ангелов 1999; Idem 2004/2011; Idem 2013а] и представляет результаты многолетних изысканий ученого в этой области. В настоящий сборник вошли статьи разных лет (с 1978 по 2017 г.), девять из которых опубликованы за последние пять лет.

Начав с изучения сербско-болгарских отношений XIV в. в 70-е годы XX в., когда особое внимание уделялось социально-экономической, классовой и внешне-

политической проблематике [см.: Попнеделев 2013], П. Ангелов, как многие учёные своего времени, стал свидетелем смены научно-исторической парадигмы и за сорок лет научно-исследовательской и преподавательской деятельности в деталях изучил самые разные аспекты внутри- и внешнеполитической истории средневековой Болгарии, в т. ч. ее место в системе международных отношений Средневековья, специфику политической, культурной, религиозной жизни болгар в Средние века, особенности и структуру болгарского менталитета. В последнее время особенно актуальной и востребованной стала проблематика «образа другого», раскрытию которой автор посвятил целую серию статей [Ангелов 2016а; Idem 2006а; Idem 2011; Idem 2013–2014; Idem 2015а].

Сборник включает четыре раздела, в которых последовательно рассматриваются болгаро-сербские отношения XIII–XIV вв. Отдельно представлены судьба болгарских земель в Македонии (1); различные аспекты средневековой болгарской дипломатии (2); болгары в представлении своих соседей, в частности, специфика восприятия «болгарского образа» византийцами (3); и, наконец, чужие народы в представлении средневековых болгар (4). Последний раздел посвящен образу византийцев, евреев и западных народов (обобщенно — «латинян») в средневековых болгарских источниках.

Первая часть данного труда, посвященная отношениям Болгарии и Сербии в XIII и XIV вв., заслуживает особого внимания. П. Ангелов — один из немногих медиевистов, в чьих трудах специально рассматриваются отношения двух крупнейших славянских государств Балканского полуострова в эпоху Средневековья. Отношениям Сербии и Болгарии посвящена его докторская диссертация. Статьи, где проанализированы отношения двух стран, написаны сравнительно давно, однако до сих пор не потеряли научного значения. Помимо военных и собственно дипломатических сербско-болгарских отношений П. Ангелов анализирует такие специфические и малоизвестные аспекты, как значение грамот Стефана Душана монастырям Св. Николы Мрачского и Зограф в контексте дипломатических отношений двух стран, проблема терминов «болгары» и «Болгария» в титулатуре сербских королей, политика царя Ивана Александра по отношению к юго-западным болгарским землям в XIV в., проекты создания общего болгаро-сербского государства в середине XIV в.

Раздел, посвященный средневековой болгарской дипломатии, также не потерял своей актуальности. П. Ангелову принадлежит монография [Ангелов 2004/2011], освещаяющая большой круг вопросов и остающаяся на сегодняшний день главной и, по сути, единственной монографией по болгарской дипломатии Средних веков. Несомненным достоинством новой работы оказывается анализ многочисленных и разнообразных событий дипломатической истории Болгарии на основе широкого круга источников, различающихся по происхождению, времени создания, жанру, содержанию, характеру и способам интерпретации. Подход автора сочетает традиционные методы исторического исследования с элементами историко-культурологического анализа, семиотического подхода, исторической герменевтики. Учитывая новейшие тенденции развития исторической науки, П. Ангелов обращается к изучению не только наиболее значимых военных конфликтов и мирных договоров балканских государств, но и дипломатических практик Средневековья, самых разных

составляющих дипломатического взаимодействия средневековой Болгарии с ее соседями.

Так, например, в статье «Подарки в дипломатии средневековых болгар» [Ангелов 2006б], опубликованной в 2006 г., рассматривается феномен размена даров во внешнеполитической деятельности средневековых болгарских государств и значение подобного феномена для самой внешней политики. Практику передачи даров историк выводит из древнего традиционного ритуала, который позднее свелся к прагматичным целям. П. Ангелов показывает, как дарение было связано с политическим принципом «разделяй и властвуй», со стремлением продемонстрировать власть, заполучить союзника или остановить вражду и как вместе с тем можно было унизить подарком.

В исследовании «Духовники-дипломаты в средневековой Болгарии» [Ангелов 2009] автор показывает место духовных лиц в посольствах средневековой Болгарии. Он приходит к выводу, что обычно они выполняли курьерские функции, состоявшие в передаче посланий и даров. Властили прибегали к помощи духовных лиц, когда требовалось заключить династический брак или мирный договор, или когда дело касалось церковных вопросов. Навыки красноречия и убеждения, а также неприкосновенность духовных лиц оказывались очень важным фактором при выборе посла.

Наиболее эффективным способом принятия дипломатических решений П. Ангелов считает личные встречи правителей, которым посвящена отдельная большая статья «Встречи между правителями в болгарской средневековой дипломатии» [Ангелов 2013б]. Результативность личных контактов властителей П. Ангелов демонстрирует на примерах встреч болгарских царей с правителями других стран по вопросам мирных переговоров, заключения союзов, по поводу переноса мощей. Рассматривается и встреча сербского короля Милутина с болгарским царем Святославом по неизвестному поводу.

В статье «Право и этика в средневековой болгарской дипломатии» [Ангелов 2017] П. Ангелов рассматривает широкий спектр дипломатических отношений Болгарии и показывает, что обязательным условием для сохранения доверия между сторонами и совершения дипломатических контактов было соблюдение этических норм. Нарушение этикета (в т. ч. неписаного), неприкрытое вероломство, грубость и тем более жестокость по отношению к послам осуждались и были неприемлемы даже в условиях конфликтных взаимоотношений средневековых правителей.

В то же время, как показывает болгарская история, местные правители могли прибегать к хитрости, обманывать своих дипломатических партнеров, если не могли обойтись убеждением, устрашением или компромиссом. В специальной статье «Принцип “цель оправдывает средства” в проявлениях средневековой болгарской дипломатии» [Ангелов 2016б] автор рассматривает вышеизложенный принцип в различных примерах дипломатической истории Болгарии с VIII по XIV в.

П. Ангелов поднимает и такую важную проблему, как использование исторических примеров, ассоциаций, исторической аргументации в дипломатической практике Средневековья. В статье «Использование истории в дипломатии царя Симеона с Византией» [Ангелов 2013в] он рассматривает применение

исторических аргументов в межгосударственных спорах, а также прослеживает сравнение царя Симеона с историческими личностями прошлого, оставленное византийскими хронистами в описаниях дипломатических отношений с болгарами.

Таким образом, сборник включает и значимые работы прежних лет, и результаты новейших исследований П. Ангелова в активно обсуждаемой сегодня сфере формирования дипломатических практик Средневековья.

Третью и четвертую части рецензируемого труда можно рассматривать как единое целое: они посвящены реконструкции взаимных представлений болгар и представителей других народов друг о друге. В более ранних исследованиях П. Ангелов детально рассмотрел проблему восприятия Болгарии и болгар в византийской письменной традиции [см.: Ангелов 1999]. В настоящий же сборник вошли новые работы и исследования болгарского историка, посвященные образу болгарских городов в представлениях крестоносцев; образу богомилов, образам болгар, династии Асеневцев и отдельных болгарских правителей в представлениях византийцев, а также образам греков, евреев и обитателей западноевропейских стран в представлениях средневековых болгар.

В статье «Сравнения болгарских правителей с различными библейскими и историческими личностями в византийской литературе» П. Ангелов [Ангелов 2014] рассматривает традицию, в рамках которой византийские авторы уподобляли болгарских правителей выдающимся властителям прошлого, и потому именовали их, используя формулы «Второй Константин», «Второй Ксеркс» и т. д., либо им приписывали какие-либо свойства деятелей прошлого, и притом зачастую болгарские правители представляли в дурном свете. Отдельно историк рассматривает образ царя Самуила [Ангелов 2015б], где заключает, что Самуил, с одной стороны, представлялся серьезным противником, воином, обладающим твердой натурой и суровым нравом, а с другой — жестоким правителем, ненавидящим ромеев. Сравнивался он и с иудейским царем Седекией. Таким образом, иносказательно и не осуждая прямо, византийские авторы нередко конструировали негативный образ болгарских правителей, который был понятен образованному византийскому читателю и способствовал формированию определенных этностереотипов.

В статье «Греки, эллины и ромеи в духовном мире средневековых болгар» [Ангелов 2016а] автор рассматривает противоположную ситуацию, а именно восприятие болгарами упомянутых этнонимов. Так, греки представляются хитрыми, коварными, горделивыми, готовыми предать в любой момент. П. Ангелов заключает, что понятия «греческий» и «эллинский» понимались как синонимы, но «грек» и «эллин» воспринимались не одинаково. Эллинами называли лишь язычников. «Ромеи» и «греки» чаще всего были синонимичными понятиями и означали подданных византийского императора. В этой же статье автор показывает и отношение византийцев к болгарам: последние описывались как варвары, не владеющие эллинской культурой, невосприимчивые к эллинскому языку и эллинской мудрости, а их язык характеризовался как неблагозвучный.

В другом исследовании П. Ангелов [см.: Ангелов 2013–2014] рассматривает представления о греках, иудеях и европейцах в древнеболгарской литературе

XIII–XIV вв. и их характеристики при сравнениях с животным миром. Так, греки и эллины представлены в болгарской литературной традиции в негативном ключе; они сравниваются с лисицей, которая считалась хитрым животным, похожей на дьявола, который мучит, соблазняет человека и лжет ему. Евреи представлены как богоизбранный народ, но при этом еврей мог уподобляться барсуку. Барсук считался эгоистичным животным, которое ведет тайную ночную жизнь и в случае опасности зарывается под землю. Историк связывает такое уподобление с существованием в болгарской среде еврейских общин с их скрытым и непонятным для других образом жизни. В негативном контексте евреи уподобляются исчадию мифической ехидны. Западноевропейские католические народы названы «полуверными»: с этой характеристикой, в частности, они фигурируют в средневековом болгарском памятнике, названном его исследователями «Разумник-указ» [Тъпкова-Заимова, Милтенова 1996: 294, 306] (исследование, издание и перевод см.: [Eadem: 277–308]). Франки соотносились со львами, а лев воспринимался как символ силы, справедливости и могущества. Вместе с тем в восприятии болгарских книжников лев мог быть тираном, гордым и тщеславным. Немцы считаются опасными и уподобляются орлу — символу силы, непоколебимости, стремления к цели, власти и долголетия.

Наконец, отдельная статья [см.: Ангелов 2015а] посвящена названиям европейцев в древнеболгарской литературе. П. Ангелов сообщает, что особенностью облика западных народов в свое время были русые волосы и бороды, и потому их называли «русими народами» или просто «русими». Кроме того, часто их называли «франками» — от Франкской империи, на территории которой жило множество народов. В болгарской литературе это название утвердилось под влиянием византийцев. Также их называли «латинами» и «римлянами», что было обусловлено использованием латинского языка и принадлежностью к римско-католической церкви.

Таким образом, болгарский ученый обращается к проблемам исторической имагологии, рассматривая формирование и бытование оригинальных инокультурных образов в сознании болгар, складывание определенных стереотипов, сознательное конструирование образов и их использование в дипломатической практике и межгосударственном общении.

Работы П. Ангелова вносят существенный вклад в разработку актуальной проблематики «образа другого» и помогают лучше понять специфику менталитета средневековых народов, выявить пути формирования представлений о «своих» и «чужих» в условиях конфликтного противостояния. Настоящий труд одного из крупнейших болгарских историков поднимает новые, актуальные вопросы и в значительной степени восполняет пробелы, существующие в современном научном восприятии средневековой Болгарии и средневековой дипломатии в целом. Можно уверенно сказать, что новый сборник трудов проф. П. Ангелова стал ценным вкладом в развитие истории средневековой Болгарии и открывает новый пласт исторических исследований.

Вместе с тем можно отметить и некоторые аспекты, вызывающие сомнения, вопросы или возражения.

Не всегда понятна логика составителей рецензируемого сборника: в частности, не ясно, почему не были включены статьи, которые бы могли существенно

дополнить и украсить выделенные разделы. Так, первый раздел можно было бы дополнить некоторыми классическими, но не потерявшими своей значимости работами П. Ангелова [см.: Ангелов 1983; Idem 1979; Idem 1995а]. В третий и четвертый раздел не вошел целый ряд статей [см.: Ангелов 1995б; Idem 1996а; Idem 1996б; Idem 1998а; Idem 1998б; Idem 2001; Idem 2002; Idem 2006в; Idem 2006г; Idem 2006д; Idem 2010], которые также помогли бы создать более детальную и рельефную картину взаимоотношений и взаимных представлений друг о друге средневековых болгар и их многочисленных соседей.

Некоторые частные положения П. Ангелова, на наш взгляд, не бесспорны. В частности, проект создания общего государства болгар и сербов в 1330 г. не кажется нам таким фантастическим [см.: Коряков 2018].

Результаты многолетних исследований П. Ангелова позволяют реконструировать ясную и всеобъемлющую картину военных и дипломатических контактов Болгарии со своими соседями в широкой исторической перспективе. Большое внимание в отдельных статьях автор уделяет вопросам духовного и религиозного общения балканских стран в эпоху Средневековья. Вместе с тем государства рассматриваются по отдельности, как самостоятельные субъекты. Однако и Болгария, и Сербия принадлежали к так называемой *Slavia Orthodoxa* [см.: Пикко 2003], или иначе *Slavia Cyrillomethodiana* [Турилов 2012: 192, примеч. 4], к единому с Византией культурно-историческому ареалу [см.: Литаврин 2000; Idem 2004; Полывянный 1996] (в иной интерпретации — к так называемому «Византийскому содружеству наций» [см.: Оболенский 1998]). В этом контексте не всегда понятно, каковы взгляды П. Ангелова на общие и индивидуальные особенности болгарских дипломатических практик в условиях принадлежности болгар и сербов к этой общности. Не вполне ясно, как разрешались, с точки зрения автора, проблемы культурной близости сербов и болгар, в какой плоскости проходила граница между «своими» и «чужими» в этом едином культурно-историческом пространстве, какие факторы и ценности оказывались более значимыми для средневековых болгар в конкретных исторических ситуациях: конфессиональные, этнические, национально-политические или общекультурные.

В качестве критического замечания можно указать также на отсутствие диакритических знаков в ссылках на иностранную литературу, что делает оформление справочного аппарата не вполне корректным.

В целом же новый сборник работ П. Ангелова имеет несомненную научную актуальность, вносит существенный вклад в исследование важной проблематики, по своему научному уровню соответствует современным мировым стандартам и, безусловно, будет востребован в российском и европейском научном сообществе.

Библиография

Ангелов 1979

Ангелов П., «Болгаро-сербские политические отношения в годы правления царя Феодора Святослава и короля Стефана Милутина (1300–1321 годы)», in: *Études balkaniques*, 4, 1979, 108–117.

- 1983
 Ангелов П., «България и Сърбия в борбата срещу османските нашественици», in: *България и Балканите. 681–1981*, София, 1983, 164–172.
- 1995а
 Ангелов П., «Идеята за етническата близост между българи и сърби в навечерието на османското завоевание», in: *Годишник на Софийския Университет “Св. Климент Охридски”*. Научен Център за славяно-византийски проучвания “Иван Дуйчев”, 86, 1995, 19–26.
- 1995б
 Ангелов П., «Княз Борис I през погледа на византийците», in: *Минало*, 1, София, 1995, 23–31.
- 1996а
 Ангелов П., «Земята на българите през погледа на византийците», in: *Родина*, 4, 1996, 51–70.
- 1996б
 Ангелов П., «Цар Самуил и неговите наследници през погледа на византийците», in: *Македонски преглед*, 2, 1996, 141–154.
- 1998а
 Ангелов П., «Българите през погледа на византийците», in: *Елит и общество*, София, 1998, 49–68.
- 1998б
 Ангелов П., «Как е изглеждал средновековният българин в очите на византийците», in: *История на българите. Потребност от нов подход. Преоценки*, 2, София, 1998, 75–110.
- 1999
 Ангелов П., *България и българите в представите на византийците (VII–XIV век)*, София, 1999.
- 2001
 Ангелов П., «Византийците през погледа на българите», in: *Международна конференция “Византийското културно наследство и Балканите”*. Сборник доклади, 2001, 64–72.
- 2002
 Ангелов П., «Чуждите народи през погледа на българите», in: *Проблемът за другия*, Варна, 2002, 135–145.
- 2004/2011
 Ангелов П., *Средновековната българска дипломация*, 2-е изд., София, 2004, 2011.
- 2006а
 Ангелов П., «Представа за евреите в Средновековна България», in: *Исторически преглед*, 5–6, 2006, 3–43.
- 2006б
 Ангелов П., «Подаръците в дипломацията на средновековните българи», in: *Годишник на Софийския Университет “Св. Климент Охридски”. Исторически факултет*, 96–97, 2006, 127–151.
- 2006в
 Ангелов П., «Византийската представа за образоваността на средновековния българин», in: Ангелов П., *Научни трудове*, 1, Пловдив, 2006, 189–197.
- 2006г
 Ангелов П., «Интелектът на българите през погледа на византийците», in: *Учител на учителите. Юбилеен сборник в чест на професор Йордан Шопов*, София, 2006, 196–203.
- 2006д
 Ангелов П., «Представата за евреите в средновековната българска книжнина», in: *Тангра. Сборник в чест на 70-годишнината на акад. Васил Гюзелев*, София, 2006, 773–790.

- 2009
 Ангелов П., «Духовници дипломати в средновековна България», in: *Studia Balcanica*, 27: *Щрихи от балканското средновековие. Изследвания в памет на проф. Николай Кочев*, 2009, 143–150.
- 2010
 Ангелов П., «Гърците през погледа на средновековните българи», in: *Bulgaria mediaevalis*, 1, 2010, 175–217.
- 2011
 Ангелов П., «Западноевропейците в представите на средновековния българин», in: *Исторически преглед*, 5–6, 2011, 105–115.
- 2013a
 Ангелов П., *Чуждите народи в представите на средновековния българин*, София, 2013.
- 2013б
 Ангелов П., «Срещите между владетелите в българската средновековна дипломация», in: *Българско средновековие. Общество, власт, история. Сборник в чест на 60-годишнината на проф. М. Каймакамова*, София, 2013, 186–205.
- 2013в
 Ангелов П., «Употребата на история в дипломацията на цар Симеон с Византия», in: *Историческият Хабитус – определящата история. Сборник в чест на 65-годишнината на доц. д-р Румен Донков*, съст. Ю. Тодоров и А. Лунин, София, 2013, 8–24.
- 2013–2014
 Ангелов П., «Анималистични представи за гърци, юдеи и западноевропейци в старобългарската книжнина от XIII–XIV в.», in: *Bulgaria mediaevalis*, 4–5, 2013–2014, 141–147.
- 2014
 Ангелов П., «Сравненията на българските владетели с различни библейски и исторически личности във византийската книжнина», in: *Средновековният човек и неговият свят. Сборник в чест на 70-годишнината на проф. дин Казимир Попконстантинов*, Велико Търново, 2014, 213–227.
- 2015a
 Ангелов П., «Названия на западноевропейците в старобългарската литература», in: *България в европейската култура, наука, образование, религия*, 1, Шумен, 2015, 190–196.
- 2015б
 Ангелов П., «Цар Самуил в представите на византийците», in: *Европейският Югоизток. История и култура*, София, 2015, 258–266.
- 2016a
 Ангелов П., «Гърци, елини и ромеи в духовния свят на средновековните българи», in: *Symposion. Сборник в памет на проф. Димитър Попов*, София, 2016, 33–48.
- 2016б
 Ангелов П., «Принципът „целта оправдава средствата“ в проявите на средновековната българска дипломация», in: *Посланията на историята. Юбилеен сборник в чест на проф. Мария Радева*, София, 2016, 129–137.
- 2017
 Ангелов П., «Право и етика в българската средновековна дипломация», in: *Изследвания в памет на проф. д-р Георги Бакалов*, София, 2017, 100–116.
- Коряков 2018
 Коряков Д. А., «Проект создания единого сербско-болгарского государства в 1330 г.», in: *Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов-2018»*, Москва, 2018, 1–3.

Литаврин 2000

Литаврин Г. Г., *Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.)*, С.-Петербург, 2000.

_____ 2004

Литаврин Г. Г., «Этнические и политические симпатии населения пограничных областей между Византией и Болгарией в первой половине XIV столетия», in: *Славяне и их соседи. Славянский мир между Римом и Константинополем*, 11, Москва, 2004, 163–170.

Оболенский 1998

Оболенский Д. Д., *Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов*, Москва, 1998.

Пиккио 2003

Пиккио Р., *Slavia Orthodoxa. Литература и язык*, Москва, 2003.

Полывянный 1996

Полывянный Д. И., «Византийско-славянская общность в представлениях болгар X–XIV вв.», in: *Славяне и их соседи*, 6: *Греческий и славянский мир в средние века и раннее новое время: Сборник статей к 70-летию академика Г. Г. Литаврина*, Москва, 1996, 100–108.

Попнеделев 2013

Попнеделев Т., «“Няма нищо вечно”. Интервю с проф. дин Петър Ангелов», in: *Средневековният българин и “другите”. Сборник в чест на 60-годишнината на проф. дин Петър Ангелов*, София, 2013, 1–15.

Турилов 2012

Турилов А. А., *Межславянские культурные связи эпохи Средневековья и источниковедение истории и культуры славян: Этюды и характеристики*, Москва, 2012.

Тъпкова-Займова 1996

Тъпкова-Займова В., Милтенова А., *Историко-апокалиптичната книжнина във Византия и в средновековна България*, София, 1996.

References

- Angelov P., “Bolgaro-serbskie politicheskie ot-nosheniia v gody pravleniiia tsaria Feodora Sviato-slava i korolia Stefana Milutina (1300–1321 gody)”, in: *Etudes balkaniques*, 4, 1979, 108–117.
- Angelov P., “Bulgariia i Srbija v borbata sreshtu osmanskite nashestvenitsi”, in: *Bulgaria i Balkanite. 681–1981*, Sofia, 1983, 164–172.
- Angelov P., “Ideiata za etnicheskata blizost mezhdju bulgari i srbji v navecherieto na osmanskoto zavoevanie”, in: *Godishnik na Sofiiskiia Universitet “Sv. Klement Ohridski”. Nauchen Tsentri za slaviano-vizantiiski prouchvaniia “Ivan Dukichev”*, 86, 1995, 19–26.
- Angelov P., “Kniaz Boris I prez pogleda na vizantiitsite”, in: *Minalo*, 1, Sofia, 1995, 23–31.
- Angelov P., “Tsar Samuil i negovite naslednitsi prez pogleda na vizantiitsite”, in: *Makedonski pre-gled*, 2, 1996, 141–154.
- Angelov P., “Zemiata na bulgarite prez pogleda na vizantiitsite”, in: *Rodina*, 4, 1996, 51–70.
- Angelov P., “Bulgarite prez pogleda na vizantiitsite”, in: *Elit i obshchestvo*, Sofia, 1998, 49–68.
- Angelov P., “Kak e izglezhdal srednovekovniat bulgarin v ochite na vizantiitsite”, in: *Istoria na bulgarite. Potrebnost ot nov podkhod. Preotsenki*, 2, Sofia, 1998, 75–110.
- Angelov P., *Bulgaria i bulgarite v predstavite na vizantiitsite (VII–XIV vek)*, Sofia, 1999.
- Angelov P., “Vizantiitsite prez pogleda na bulgarite”, in: *Mezhdunarodna konferentsiya “Vizantiiskoto kulturno nasledstvo i Balkanite”*. Sbornik dokladi, 2001, 64–72.
- Angelov P., “Chuzhdite narodi prez pogleda na bulgarite”, in: *Problemtza drugiia*, Varna, 2002, 135–145.
- Angelov P., “Intelektut na bulgarite prez pogleda na vizantiitsite”, in: *Uchitel na uchitelite. Jubileen sbornik v chest na profesor Iordan Shopov*, Sofia, 2006, 196–203.
- Angelov P., “Podarutsite v diplomatsiia na srednovekovnite bulgari”, in: *Godishnik na Sofiiskiia Universitet “Sv. Klement Ohridski”. Istoricheski fa-kultet*, 96–97, 2006, 127–151.
- Angelov P., “The Notion of the Jews in Medieval Bulgaria”, in: *Historical Review*, 5–6, 2006, 3–43.
- Angelov P., “Predstavata za evreite v srednovekovnata bulgarska knizhnina”, in: *Tangra. Sbornik v chest na 70-godishnината на akad. Vasil Giuzelev*, Sofia, 2006, 773–790.
- Angelov P., “Vizantiiskata predstava za obrazovanostta na srednovekovniia bulgari”, in: Idem, *Nauchni trudove*, 1, Plovdiv, 2006, 189–197.

Angelov P., "Dukhovnitsi diplomati v srednovekovna Bălgariia", in: *Studia Balcanica*, 27: *Shtriki ot balkanskoto srednovekovie. Izsledvaniia v pamet na prof. Nikolai Kochev*, 2009, 143–150.

Angelov P., "Greeks through the eyes of Bulgarians in the Middle Ages", in: *Bulgaria mediaevalis*, 1, 2010, 175–217.

Angelov P., *Srednovekovnata bălgarska diplomatsiya*, 2nd ed., Sofia, 2011.

Angelov P., "The Mediaeval Bulgarians' Notion of the WestEuropeans", in: *Historical Review*, 5–6, 2011, 105–115.

Angelov P., *Chuzhdite narodi v predstavite na srednovekovniia bălgarin*, Sofia, 2013.

Angelov P., "Sreshtite mezhdju vladatelite v bălgarskata srednovekovnata diplomatsiya", in: *Bălgarsko srednovekovie. Obshtestvo, vlast, istorija. Sbornik v chest na 60-godishnina na prof. M. Kaimakamova*, Sofia, 2013, 186–205.

Angelov P., "Upotrebara na istorija v diplomatsiata na tsar Simeon s Vizantia", in: *Istoricheskiiat Khabitus – opredmetenata istoriia. Sbornik v chest na 65-godishnina na dots. d-r Rumen Donkov*, Todorov Yu., Lunin A., eds., Sofia, 2013, 8–24.

Angelov P., "Animalistic views of Greeks, Jews and Westerners in the medieval Bulgarian literature from the 13th – 14th centuries", in: *Bulgaria mediaevalis*, 4–5, 2013–2014, 141–147.

Angelov P., "Comparison of the Bulgarian Rulers with Different Historical Figures in Byzantine Literature", in: *Medieval Man and His World. Studies in honor of the 70th anniversary of Prof. Dr. Dr. habil. Kazimir Popkonstantinov*, Veliko Tărnovo, 2014, 213–227.

Angelov P., "Nazvaniia na zapadnoevropeitsite v starobulgarskata literatura", in: *Bulgaria v evropeiskata kultura, nauka, obrazovanie, religiia*, 1, Shumen, 2015, 190–196.

Angelov P., "Tsar Samuil v predstavite na vizantiitsite", in: *Europeiskiit Iugoizik. Istorija i kultura*, Sofia, 2015, 258–266.

Angelov P., "Greeks, Hellenes and Romaioi in the Spiritual World of Medieval Bulgarian", in: *Symposion. Studies in Memory of prof. Dimitur Popov*, Sofia, 2016, 33–48.

Angelov P., "Printsipъt 'tselta opravdava sredstvata' v proiavite na srednovekovnata bălgarska diplomatsiya", in: *Poslaniciata na istoriata. Jubileen sbornik v chest na prof. Mariia Radeva*, Sofia, 2016, 129–137.

Angelov P., "Pravo i etika v bălgarskata srednovekovnata diplomatsiya", in: *Izsledvaniia v pamet na prof. d-r Georgi Bakalov*, Sofia, 2017, 100–116.

Koryakov D. A., "Proekt sozdaniia edinogo serbsko-bulgarskogo gosudarstva v 1330 g.", in: *Materialy Mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchnogo foruma "Lomonosov-2018"*, Moscow, 2018, 1–3.

Litavrin G. G., *Vizantiia. Bulgaria, Drevniaia Rus'* (IX – nachalo XII v.), St. Petersburg, 2000.

Litavrin G. G., "Etnicheskie i politicheskie simpatii naseleniya pogranichnykh oblastei mezhdju Vizantii i Bolgariei v pervoi polovine XIV stoletiia", in: *Slaviane i ikh sosedi. Slavianskii mir mezhdju Rimom i Konstantinopolem*, 11, Moscow, 2004, 163–170.

Obolensky D. D., *Vizantiiskoe sodruzhestvo natsii. Shest' vizantiiskikh portretov*, Moscow, 1998.

Picchio R., *Slavia Orthodoxa. Literatura i iazyk*, Moscow, 2003

Polyviannyi D. I., "Vizantiisko-slavianskaia obshchnost' v predstavleniiaakh bolgar X–XIV vv.", in: *Slaviane i ikh sosedi*, 6: *Grecheskii i slavianskii mir v srednie veka i rannee novoe vremia: Sbornik statei k 70-letiu akademika G. G. Litavrini*, Moscow, 1996, 100–108.

Tüpкова-Zaimova V., Miltenova A., *Historical and apocalyptic literature in Byzantium and medieval Bulgaria*, Sofia, 1996.

Turilov A. A., *Mezhslavianskie kul'turnye svazi epokhi Srednevekov'ia i istochnikovedenie istorii i kul'tury slavian: Etiudy i kharakteristiki*, Moscow, 2012.

Вашцева Ирина Юрьевна, доктор исторических наук,
доцент кафедры истории средневековых цивилизаций,
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2, к. 312
vasheva@mail.ru

Коряков Дмитрий Алексеевич
аспирант

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
Институт международных отношений и мировой истории,
Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2, к. 312
koriakov.dmitrij2010@yandex.ru

Received July 28, 2018

Периодическое издание

SLOVĚNE = СЛОВѢНЕ
INTERNATIONAL JOURNAL OF SLAVIC STUDIES
Vol. 7. № 2
Институт славяноведения РАН, 2018

Подписано в печать 14 • XII • 2018 г. Формат 70×100/16.
Объём 33,6 печ. л. Бумага офсетная 80 г/м². Тираж 300 экз.
Институт славяноведения РАН. 119991, Москва, Ленинский
просп., д. 32-А. Отпечатано в ООО «ПОЛИМЕДИА». 143001,
Московская обл., г. Одинцово, ул. Западная, д. 13.